

27/100
15800
115

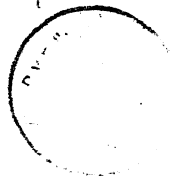
КІЕВСКІЙ СВОРННИКЪ

ВЪ ПОМОЩЬ

ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Подъ редакціей И. В. Лучицкаго.

ф. 30-4052

КІЕВЪ.

Типогр. С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинск. ул., соб. домъ.

1892.

Дозволено цензурою. Київъ. 7 марта 1892 года.

2004175211

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задумавши еще въ ноябрѣ прошлаго года издать сборникъ въ пользу голодающихъ, редакція поставила своей задачей придать ему, насколько то было возможно, международный характеръ. Въ этихъ видахъ, она не только привлекла къ участию мѣстныхъ ученыхъ и литературныя силы, но и обратилась съ просьбой о сотрудничествѣ къ иностраннымъ писателямъ и беллетристамъ, къ представителямъ литературы въ Германіи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи и Франціи, вполне увѣренная, что въ виду цѣли изданія, она не встрѣтитъ отказа. Ожиданія оправдались, и со стороны иностранныхъ авторовъ она нашла такое же искреннее и горячее участіе, какъ и со стороны мѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ. Большинство иностранныхъ авторовъ не только отнеслись сочувственно къ предпріятію, но прислали неизданныя еще и специально для сборника написанныя произведенія и статьи. Охотнѣе всего на призывъ редакціи откликнулись шведы, норвежцы и затѣмъ писатели Германіи. Изъ французскихъ беллетристовъ—единственный, откликнувшійся на приглашеніе и, подобно большинству другихъ иностранныхъ писателей, посвятившій свое произведеніе населенію, пострадавшему отъ неурожая, былъ лишь Пьеръ Лоти.

Редакція приноситъ всѣмъ авторамъ, отдавшимъ безвозмездно въ ея распоряженіе свои произведенія, какъ и гг. художникамъ, разрѣшившимъ помѣстить снимки съ ихъ картинъ въ сборникъ, глубокую благодарность. Въ то же время она считаетъ себя обязанной выразить сожалѣніе о томъ, что не всѣ присланныя ей произведенія напечатаны въ сборникѣ: слишкомъ увеличившійся объемъ его, а съ другой стороны поздняя присылка многихъ изъ полученныхъ редакціей произведеній (и иностранныхъ, и русскихъ) лишили ее возможности помѣстить ихъ.

Въ силу условій, въ какія необходимо было поставлено дѣло изданія сборника въ Кіевѣ, изданія, обязаннаго своимъ возникновеніемъ

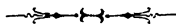
частной инициативѣ нѣсколькихъ лицъ, редакція не могла печатать его съ расчетомъ отдать весь валовой сборъ съ изданія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Насколько возможно, всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобы довести расходы по изданію до minimum'a. Благодаря въ высокой степени любезной поддержкѣ, оказанной разными лицами изданію, цѣль эта была въ значительной степени достигнута. Мы считаемъ обязанностью принести всѣмъ имъ искреннюю признательность и благодарность за то участіе, съ какимъ они отнеслись къ предпріятію чисто литературнаго характера. Н. Г. Хряковъ пожертвовалъ всю бумагу для сборника ¹⁾. Затѣмъ, благодаря любезному согласію С. В. Кульженко принять на себя и печатаніе почти всего сборника, и всю работу по исполненію фототипій и т. п., на самыхъ льготныхъ условіяхъ, редакція поставлена была въ возможность начать и выполнить задуманное дѣло. Стоимость печатанія и фототипій ²⁾ является главнымъ и единственнымъ расходомъ по изданію, расходомъ, почти цѣликомъ покрытымъ доходомъ съ объявленій.

Сверхъ того не малую помощь оказали дѣлу изданія г. Ивановъ, пожертвовавшій часть бумаги для печатанія объявленій, и типографіи: гг. Н. И. Кушнерева, В. І. Завадскаго, Д. С. Повальскаго, И. И. Чоколова и Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, изъ которыхъ первая напечатала бесплатно 1½ листа сборника, вторая—одинъ листъ объявленій въ сборникѣ, а остальные—объявленія объ его изданіи и т. п.

Дѣятельную помощь въ веденіи литературной стороны дѣла, въ подготовкѣ и выполненіи изданія оказали редакціи г.г. Любичъ-Лозинскій, Максъ Бродскій и нѣкоторые др. лица, соучастіе которыхъ облегчило и обезпечило въ сильной мѣрѣ возможность изданія.

Такъ какъ объемъ сборника увеличился (вмѣсто обѣщанныхъ 22—25 листовъ до 27 л.), а съ другой стороны болѣе чѣмъ удвоено число фототипій, то редакція сочла себя вправѣ увеличить до 2 р. 50 к. цѣну книги вмѣсто прежде объявленной въ 2 р.

Весь доходъ съ продажи сборника поступитъ полностью въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Отчеты о поступленіяхъ и употребленіи суммъ, вырученныхъ съ продажи сборника, будутъ сообщаемы въ газетахъ.

¹⁾ Для 2 тысячъ экземпляровъ на шестьсотъ р. съ небольшими.—²⁾ 650 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр. I—II
Предисловіе	
Берта ф. Суттнеръ, Изъ рѣчи на конгрессѣ мира въ Римѣ. (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Б.</i>)	1
П. Тулубъ, Туча. Стихотвореніе	4
Максимъ Ковалевскій, Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи	5
Поль Гейзе, Стихотвореніе (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника</i>)	23
Арне Гарборгъ, Смерть (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Лучицкой</i>)	25
Л. Мунштейнъ, Изъ письма. Стихотвореніе	34
П. Броуновъ, Погода и ея предсказаніе	35
М. Альбовъ, Домъ	51
Бьернстjerne-Бьернсонъ, Стихотвореніе (<i>Переводъ Т. К.</i>)	55
А. К. Леффлеръ, герцогиня ди Кайянелло, Изъ моей совмѣстной жизни съ Софьей Ковалевской въ Стокгольмѣ. (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Лучицкой</i>).	57
Де-Эръ, Стихотвореніе	68
А. Любичъ, Тучка набѣжала. Очеркъ	69
И. Сикорскій, Голодъ и его послѣдствія	83
С. Бердяевъ, Стихотвореніе	90
М. Бертинъ, Уживъ	91
А. Абрагамсонъ, Двѣ недѣли въ Средней Азіи	97
Pierre Loti, Charmeurs de serpents. (<i>Очеркъ, присланный авторомъ для сборника</i>)	129
Очарователи змѣй (<i>Переводъ</i>)	131
Ф. Черниговецъ, Русская доля. Стихотвореніе	133
Р. Савельевъ, Къ вопросу о предсказаніи неурожаевъ	135
Victor Balaguer, Duda (<i>Стихотвореніе, присланное авторомъ для сборника</i>). Сомнѣніе. <i>Переводъ его, М. Б.</i>	144
Г. Бобриковъ, Матеріалы для исторіи войны 1877—1878 гг.	145
Вл. Высоцкій, Въ степи. Стихотвореніе. (<i>Переводъ съ польской рукописи, присланной авторомъ для сборника, С. Бердяева</i>)	150

	Стр.
Н. Аранджи, Изъ школьныхъ легендъ. Очеркъ	153
Карлъ Сноильскій, Два стихотворенія: «Солдатка» и «Сонъ». <i>Переводъ съ шведскаго, К. Лисовской)</i>	167
Л. Куперникъ, Шарль Фурье	169
Вл. Короленко, Щось буде. (Глава изъ повѣсти «На зарѣ»)	187
В. Малининъ, Надсонъ, какъ поэтъ	197
П. Тулубъ, Ночь. Стихотвореніе	227
Густавъ афъ Гейерстамъ, Исторія двухъ орловъ. (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Лучицкой)</i>	232
П. Морозовъ, Война, ея орудія и жертвы	235
Ф. Черниговецъ, Что вѣрнѣй? Стихотвореніе	252
Августъ Стриндбергъ, Укоры совѣсти. (<i>Переводъ разсказа, указанного авторомъ, М. Лучицкой)</i>	253
Максъ Нордау, Fin de siècle. (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Б.)</i>	282
Ф. Черниговецъ, Стансы. Стихотвореніе	289
Юнасъ Ли, Орлица, (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Лучицкой)</i>	291
Георгъ Эберсъ, Четыре стихотворенія. (<i>Переводъ по указанію автора, Зимнева)</i>	295
И. Лучицкій, Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи	297
Леопольдъ Захеръ-Мазохъ, По тернистому пути. (<i>Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для сборника, М. Б.)</i>	329
Т. Флоринскій, Новое открытіе въ области южно-славянскаго народнаго эпоса	337
П. Розеггэръ, Чудеса (<i>Переводъ разсказа, присланнаго авторомъ для сборника, Н. М.)</i>	349
Вас. Немировичъ-Данченко, Изъ очерковъ Италіи. Стихотворенія	354
М. Владимірсній-Будановъ, Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.	357
М. Бр—скій, Подъ шумъ дождя	387
Вас. Немировичъ-Данченко, Эльзасецъ въ Италіи. Стихотвореніе	395
В. Ермановъ, О преподаваніи алгебры	397
А. Львова, Весна. Стихотвореніе	418
Е. Бердяева, Бенефисъ	419
А. Львова, Зима. Стихотвореніе	425
Вас. Немировичъ-Данченко, Леля. (Глава изъ романа «Полюмя»)	426

ФОТОТИПИЧЕСКІЕ СНИМКИ:

	Стр.
<i>Съ картинъ:</i> Проф. В. Д. Орловскаго, «Днѣпръ»	1
Худ. П. А. Свѣдомскаго, «Воскрешеніе Лазаря»	24—25
Четыре метеорологическихъ карты	50—51
<i>Съ картины</i> Худ. П. А. Свѣдомскаго, «Въ Геосиманскомъ саду»	82—83
<i>Съ видовъ средней Азии:</i> 1) Узунъ-Ада и 2) Вагонъ Анненкова	102—103
1) Типы и 2) Кибитка	106—107
1) Казарма Коджъ и 2) Улица въ Асхабадѣ	108—109
1) Развалины Мерва и 2) Мостъ чрезъ Аму-Дарью	114—115
1) Медресе въ Бухарѣ и 2) Улица въ Бухарѣ	118—119
1) Регистанъ въ Самаркандѣ и 2) Гробни-ца Гамерлана	124—125
<i>Съ картинъ:</i> Проф. Х. П. Платонова, «Дѣвочка со свѣчей»	168—169
Худ. Н. Н. Пимоненно, «Сватанье»	186—187
» М. В. Васнецова, «Спаситель»	280—281
» Н. К. Бодаревскаго, «Свадьба въ Малороссіи»	336—337

ОПЕЧАТКИ.

<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>	<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>
расходятся	вполнѣ сходятся	10	6 снизу.
Remitter	Remitted	13	1 прим.
benches	bencher	13	2 »
Thurloc	Thurloe	15	4 »
Шапюи	Терло	16	1 »
pale	pâle	129	10 сверху
dirigaient	dirigeaient	130	3 »
возвышавшійся	возвышавшейся	261	16 »
углероды	углеводы	270	9 »
Weinacht	Weihnacht	275	11 снизу
эксплуатируетъ	эксплуатируетъ	310	20 сверху
1887	1587	371	23 »
какое воюсть либо	какое либо	383	3 »
стацкяхъ	стаціяхъ	»	15 »
Крысову	Крылову	384	7 снизу
нявшей	нявшія	393	22 сверху

ИЗЪ РѢЧИ НА КОНГРЕССѢ МИРА ВЪ РИМѢ.

$\frac{28}{11}$ Декабря 1891 года.

Германдорфъ.

Близъ Вены (Австрія).

Вы просите. милостивый государь, моего сотрудничества въ дѣлѣ, цѣль котораго — прійти на помощь моимъ страдающимъ братьямъ въ Россіи, и я отъ всего сердца спѣшу исполнить вашу просьбу.

Посылаю вамъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной мною на конгрессѣ мира въ Римѣ, 16-го Ноября 1891 г. Мнѣ кажется, что принципъ, который легъ въ основаніе этихъ собраній, стремящихся къ международному соглашенію, тотъ-же, что и одушевляющій ваше дѣло: — *принципъ солидарности человечества.*

Berta v. Suttner

(Берта фонъ-Суттнеръ).

„...Только въ тотъ день мы станемъ силой, когда насъ будутъ считать сотнями тысячъ, милліонами, когда всѣ, и слабые и сильные, прійдутъ къ убѣжденію, что пора, наконецъ, покончить съ тѣмъ ужасомъ, который называется войною.

Но для искорененія того, что тысячелѣтіями вкоренялось по всему земному шару, нужны совмѣстныя усилія милліоновъ.

Вотъ почему, мнѣ кажется, наше первое, не терпящее отлагательства, дѣло—есть проповѣдь, и ей то нужно прежде всего обезпечить свободу и по возможности расширить ея поле дѣйствій.

Вы хотѣли привлечь корпораціи рабочихъ, — я вполне этому сочувствую. Пусть народъ послѣдуетъ за нами или, вѣрнѣе, мы послѣдуемъ за народомъ: не онъ-ли больше всѣхъ страдаетъ отъ войны? Но постараемся увлечь въ тоже время и богатыхъ, сильныхъ міра сего, даже самыя правительства, и это для того, чтобы никто, ни одно словіе не имѣло права отвернуться отъ насъ, не могло заподозрить насъ въ томъ, что мы служимъ интересамъ одной какой нибудь партіи... О! это слово „партія“, какимъ ничтожнымъ кажется оно тѣмъ, которые постигли всю высоту нашихъ стремленій...

Одну только партію мы энергично исключаемъ изъ нашихъ рядовъ, партію шовинистовъ. Въ ея намъ нужно сотрудничество всѣхъ партій, всѣхъ сословій. И мы уже вступили на этотъ путь. Не дальше, какъ три дня тому, назадъ, мы были свидѣтелями этого единенія представителей крайнихъ группъ. Мы слышали рѣчь одного изъ нашихъ сотрудниковъ, Маффи, который въ качествѣ рабочаго, говорилъ отъ имени рабочихъ и увѣрялъ насъ, что они готовы примкнуть къ нашему дѣлу, а нѣсколько мгновеній спустя, намъ передали пожеланія успѣха тому-же дѣлу—отъ имени Гумберта, короля Италіи. Кругъ сочувствующихъ намъ такимъ и долженъ остаться, безъ всякихъ исключеній, безъ всякихъ преградъ. Намъ нужно единеніе всѣхъ усилій въ ненависти къ войнѣ, въ искреннемъ желаніи замѣнить ее юридической силой. Намъ нужны тѣ, которые страдаютъ, но намъ необходимы также и тѣ, которые счастливы. Да, несчастные вправѣ ожидать помощи, когда настанетъ нужда, когда она усугубляется войной, но и счастливые имѣютъ право желать сохраненія своего благополучія, которому угрожаетъ война. А развѣ счастье не священно, развѣ всѣ мы не имѣемъ на него права? Мы, наконецъ, уразумѣли, что существуетъ право на жизнь, и желаемъ защищать его. Такъ будемъ-же также уважать и ограждать и счастье жизни.

Но наше дѣло, друзья, не терпитъ промедленія. Мы должны сформировать ту огромную армію, которая необходима для борьбы съ врагомъ. Посмотрите на всѣ эти заряженные пушки и торпеды. Посмотрите на эти вооруженныя съ головы до пятъ массы, раздѣленныя на

двѣ половины, изъ которыхъ каждая готова при малѣйшемъ сигналѣ броситься одна на другую... Достаточно слова, жеста, пустяка, чтобы погрузить цѣлую часть свѣта въ безысходное отчаяніе...

Но, можетъ быть, если наша дѣятельность заблаговременно увѣнчается успѣхомъ, намъ еще удастся предотвратить тѣ ужасы, которые висятъ надъ нашими головами. Ничто не должно мѣшать нашему распространенію. Чѣмъ проще будетъ наша программа, тѣмъ неуязвимѣе, тѣмъ выше мы будемъ.

Такъ пусть же соединить насъ одна идея справедливости. Намъ не нужно катехизиса, политическихъ догматовъ, намъ нужно только одно объединяющее слово. Какъ идутъ онѣ, эти арміи, на встрѣчу смерти? Со знаменемъ впереди и съ однимъ всеобщимъ кликомъ: „За оружіе!“ Мы также, какъ знакъ единенія, имѣемъ свое знамя, бѣлое знамя. Огласимъ же весь міръ отъ края и до края своимъ боевымъ кликомъ: „Война войнѣ!“ Этотъ кликъ долженъ подняться со всѣхъ сторонъ, изъ миллионовъ устъ, и пронестись съ силой урагана“.

ТУЧА.

на плыла въ лазури ясной,
Тая и влагу, и грозу,
И край подъ нею, край несчастный,
Лежалъ, безмолвствуя, внизу.
Молчали выжженные нивы,
Объяты горестью и сномъ;
Рѣки мелющей извивы
Сквозили иломъ и пескомъ.
Въ земной груди изсябли воды,
И никнулъ долу пыльный лѣсъ,
И былъ печаленъ видъ природы,
Молящей влаги у небесъ.

И загрустила туча, хмура
Свой ликъ, надъ бѣдною землею;
Отъ скорби той родилась буря,
И небо вспыхнуло грозой.
И надъ поблеклыми полями,
И негодуя, и гремя,
Она залилася слезами,
По листьямъ каплями шумя.
И, ставъ изъ синей—бѣлоснѣжной,
Она ушла, и ей востѣдъ
Ожившій край съ улыбкой нѣжной
Слалъ благодарности привѣтъ.

П. Тулубъ.

КРОМВЕЛЬ И СВОБОДА СОВѢСТИ ВЪ АНГЛІИ.

Нигдѣ свобода совѣсти, — это еще новое для міра въ срединѣ XVII в. ученіе, — не провозглашается такъ часто краеугольнымъ камнемъ государственнаго общежитія, какъ въ политическихъ рѣчахъ Кромвеля. Если мы вспомнимъ, что годъ установленія англійской республики былъ годомъ подписанія вестфальскаго трактата, закончившаго собою одну изъ кровопролитнѣйшихъ въ исторіи войнъ, — войну, всецѣло вызванную религіознымъ разномысліемъ, если примемъ во вниманіе, что соглашеніе, подписанное князьями имперіи въ Оснабрюкѣ, устанавливало не принципъ вѣротерпимости, а нѣчто совершенно обратное: право правителей связывать совѣсть подданныхъ, требуя отъ нихъ принадлежности къ общему съ ними вѣроисповѣданію (*сuius regio, ejus religio*), то не вправдѣ будемъ отказать Кромвелю въ чести быть однимъ изъ первыхъ піонеровъ религіозной свободы. Говоря это, я вовсе не хочу сказать, что ученіе о невмѣшательствѣ власти въ религіозную жизнь націи и объ отдѣленіи церкви отъ государства прямо или косвенно можетъ быть связано съ его именемъ. Напротивъ того, оно было, какъ сейчасъ увидимъ, въ числѣ тѣхъ, съ которыми протекторъ считалъ долгомъ бороться, относя его къ пагубнымъ лжеученіямъ, распространяемымъ возникшей вмѣстѣ съ революціей новой партіей политическихъ и общественныхъ нивелляторовъ или „девеллеровъ“, — своего рода радикаловъ, признаннымъ главою которыхъ былъ Лилльборнъ. Если сѣверо-американцы указываютъ на пуританскую Англію, какъ на колыбель господствующей у нихъ системы отношеній между государствомъ и церковью или, вѣрнѣе, церквями, то только потому, что наиболѣе передовое меньшинство въ средѣ пуританъ было дѣйствительно благопріятно началу раздѣленія. Самъ же Кромвель, за одно съ боль-

шинствомъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ ученія о полномъ невмѣшательствѣ государства въ дѣла вѣры.

Объясняя въ 1654 г. причины, побудившія его распустить собраніе нотаблей, извѣстное подъ именемъ Barebone Parliament (парламента Голой Кости), Кромвель заявляетъ, что онъ радикально разошелся съ высказанными этимъ собраніемъ воззрѣніями, „будто свѣтская власть не должна имѣть ни малѣйшаго касательства къ духовному міру человѣка, а обязана имѣть дѣло съ однимъ внѣшнимъ, отнюдь не внутреннимъ человѣкомъ“. По мнѣнію его, суверенитетъ въ дѣлахъ церковныхъ принадлежитъ по праву главѣ государства. Отъ него зависитъ придать тому или другому исповѣданію значеніе государственной церкви: „выборъ между формами церковнаго устройства—дѣло верховнаго правителя“. Но существованіе государственной церкви не устраняетъ въ глазахъ Кромвеля возможности вѣротерпимости. „Имѣя свободу выбора въ дѣлахъ вѣры, верховный правитель обязанъ предоставить соотвѣтственно равную свободу и подданнымъ. Свобода совѣсти, говоритъ онъ,—естественное право человѣка, и кто желаетъ имѣть ее для себя, долженъ также признавать ее за другими. Одной изъ причинъ нашихъ несогласій, снѣшить прибавитъ онъ,—было то, что каждая секта, требуя для себя свободы совѣсти, отказывала въ ней другимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ свобода совѣсти мыслима только подъ условіемъ взаимности“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, оставаясь солидарнымъ съ ученіемъ Генриха VIII и Елисаветы о верховенствѣ, принадлежащемъ главѣ государства въ дѣлахъ вѣры, и защищая въ виду этого самый принципъ государственной церкви, Кромвель въ тоже время—первый изъ государственныхъ людей XVII в.—рѣшился стать открыто на сторону религіозной терпимости. Право на существованіе признается Кромвелемъ за всякой сектой, не нарушающей общественнаго мира и спокойствія. „Я противникъ, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—только той свободы совѣсти, которая ведетъ къ смутамъ и мятежамъ. Всякая „миролюбивая“ пропаганда, исходящая отъ того или другого общества вѣрующихъ, вправѣ разсчитывать на признаніе и покровительство съ моей стороны“ ²⁾. И говоря такъ, онъ высказываетъ не отвлеченное теоре-

¹⁾ „Liberty of conscience—truly, that is a thing ought to be very reciprocal“. Speech III (Carlyle, Letters and Speeches, part VIII).

²⁾ Speech made the 17 Sept. 1656. (Carlyle, Speeches, V).

тическое положеніе, а практическое правило, съ которымъ не разъ сообразовалъ свою дѣятельность. Не только при собственномъ дворѣ старался онъ поддержать равенство между индипендентами и пресвитеріанами, опредѣляя на должности придворныхъ проповѣдниковъ послѣдователей разныхъ сектъ, но того же стремился достигнуть при назначеніи полковыхъ священниковъ, что не разъ вызывало среди фанатическихъ приверженцевъ пуританизма громкія жалобы на индиферентизмъ и невѣріе, вносимые имъ въ ряды арміи.

Противорѣчіе, въ какомъ свобода совѣсти стоитъ къ требованію, чтобы порядокъ церковнаго устройства опредѣляемъ былъ главою государства, повидимому, не останавливало на себѣ вниманіе протектора. Онъ усматривалъ въ „супрематствѣ“ главы государства возможность контроля надъ тѣмъ, чтобы исповѣдуемые въ государствѣ вѣроученія не грозили порядку и внутреннему миру и не противорѣчили добрымъ правамъ, — этимъ необходимымъ, въ его глазахъ, устоямъ всякаго гражданскаго сообщества. „Кто исповѣдуетъ вѣру въ Христа и живетъ согласно правиламъ этой вѣры, кто ждетъ искупленія своихъ грѣховъ отъ пролитой Христомъ крови и разсчитываетъ на милость Божію, говоритъ Кромвель въ одной изъ своихъ рѣчей ¹⁾, — тотъ долженъ пользоваться свободой совѣсти“. „Наоборотъ, безбожники, богохульники, проповѣдники мятежей, всѣ, кто сквернословіемъ своимъ грозятъ нравственности ближнихъ или подають имъ примѣръ дурнаго поведенія ²⁾, подлежатъ наказанію со стороны свѣтской власти. Они не вправе настаивать на своей безнаказанности, подъ предлогомъ свободы совѣсти. Разъ ихъ поведеніе противорѣчитъ Св. Писанію и тому естественному пониманію добра и зла, которымъ Богъ надѣлилъ человека (Кромвель называетъ его терминомъ *natural lights*, — естественнымъ свѣточемъ), — они подлежатъ суду всѣхъ. Свѣтскій сановникъ, держащій мечъ правосудія, обязанъ наложить на нихъ свою руку“. Свобода совѣсти признается только по отношенію къ тѣмъ, кто исповѣдуетъ вѣру въ Христа и придерживается началъ христіанской нравственности. Ея не существуетъ ни для атеистовъ, ни для тѣхъ, кто отрицаетъ святость писанія и ждетъ „озаренія отъ внутренняго свѣта“. Атеизмъ есть пре-

¹⁾ Ib.

²⁾ Ib. Speech IV.

ступленіе, караемое свѣтской властью, и такъ понимаютъ его въ Англіи XVII вѣка не только участники недавно совершившагося переворота, на половину политическаго, на половину религіознаго, но и прямые поборники религіозной терпимости, съ Локкомъ во главѣ ¹⁾. — Преступленіемъ также признаетъ Кромвель и отрицаніе святости писанія. Отсюда то послѣдствіе, что во все время продолженія протектората квакеры ²⁾ не пользовались ни свободою въ отправленіи богослуженія, ни свободою религіозной пропаганды ³⁾. Многіе изъ нихъ подвергнуты были даже тюремному заключенію. Эта кара налагаема была однако каждый разъ не за простую принадлежность къ нетерпимой государствомъ сектѣ, а за внѣшніе акты, свидѣтельствовавшіе объ ихъ нежеланіи подчиняться закону и выражавшіеся то въ отказѣ платить церковную десятину, то въ нежеланіи обнажить голову въ присутствіи свѣтскаго судьи или чиновника. Изъ довольно частыхъ бесѣдъ съ однимъ изъ вожаковъ секты, Джорджемъ Фоксомъ, Кромвель успѣлъ познакомиться настолько съ общимъ характеромъ ихъ ученія, чтобы признать его совершенно безвреднымъ для проводимыхъ имъ цѣлей внутренняго мира и спокойствія. Неоднократно повторявшіяся, особенно въ послѣдніе годы его жизни, ходатайства квакеровъ объ отпущеніи на волю тѣхъ изъ ихъ братіи, которые томились въ заточеніи, каждый разъ были уважены и протекторомъ. По его приказу Государственный Совѣтъ не разъ разсылалъ мировымъ судьямъ приказъ объ освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, объясняя свой образъ дѣйствій тѣмъ, что „проступки квакеровъ вытекаютъ не изъ неуваженія власти, а изъ заблужденія, что ихъ надо жалѣть и поступать съ ними, какъ съ людьми, которыми настолько овладѣли извѣстные предрасудки, что они скорѣе готовы погибнуть, чѣмъ сдѣлать что либо несогласное съ ихъ мнимыми принципами“ ⁴⁾. Эта терпимость къ квакерамъ не распространяема была, однако, Кромвелемъ на тѣхъ изъ ихъ членовъ, которые подъ вліяніемъ континентальныхъ образцовъ задумали пародировать торжественный вѣздъ въ Іерусалимъ въ вербное воскресенье. Когда послѣдній изъ созванныхъ Кромвелемъ парламентовъ подвергъ квакера Нелора суровому наказанію

¹⁾ См. *ero Treatise on toleration*.

²⁾ См. *The grand Imposter examined or the trial of James Neylor*. Harl. Misc. т. VI, стр. 437.

³⁾ См. *Record Off. St. P. commonwealth v. 182*, № 138. *The quakers petition*, 1658 а.

⁴⁾ *Inchiest of the Interregnum*, 1891, стр. 142.

за такой образъ дѣйствій, протекторъ озаботился только сохраненіемъ своей прерогативы утверждать уголовные приговоры парламента, отнюдь не тѣмъ, чтобы изъавить подсудимаго отъ грозившей ему кары. Посланіе, присланное протекторомъ на имя спикера, заключало въ себѣ лишь запросъ о томъ, почему парламентъ счесть себя вправѣ постановить судебный приговоръ, не снесшись предварительно съ нимъ, протекторомъ, и въ тоже время высказывалъ рѣшительное нежеланіе оказать поддержку лицамъ, придерживающимся такихъ убѣжденій и такого образа поведенія и виновныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, какія приписываются Нелору ¹⁾.

Не съ меньшей строгостью относилось англійское общество XVII вѣка и къ тѣмъ сектамъ, которыя истолковывали христіанское ученіе о любви въ смыслѣ, противномъ требованіямъ общепризнанной нравственности—такъ называемымъ фамилистамъ любви (familists of love) и шеркерамъ или изступленникамъ (ranters), послѣдователямъ ученія, что все общество вѣрующихъ составляетъ одну объединенную любовью семью. Ихъ обвиняли въ допущеніи безпорядочнаго сожитія между полами, подобнаго тому, какое въ ходу между нашими скакунами. „По ихъ ученію, читаемъ мы въ одномъ изъ настравленныхъ противъ нихъ памфлетовъ, женщина, какъ созданная Богомъ въ помощь мужчинѣ, не впадаетъ въ грѣхъ, раздѣлая съ нимъ ложе; при этомъ, безразлично, будетъ ли ея сожитель холостякомъ, вдовцемъ или женатымъ человекомъ“ ²⁾. Лица подобнаго рода обыкновенно не избѣгали тюремнаго заключенія, какъ видно между прочимъ изъ журнала дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Тайнаго Совѣта, журнала, веденнаго въ изучаемый нами періодъ однимъ изъ членовъ Совѣта, Витлокомъ ³⁾.

На ряду съ противниками христіанской нравственности, люди, провозглашавшіе, по выраженію современниковъ, что Богъ есть разумъ, другими словами ратіоналисты, также входили въ категорію лицъ, къ которымъ начало вѣротерпимости не могло быть примѣняемо ⁴⁾.

¹⁾ Посланіе отъ 25 Декабря 1656 года Burton's Diary, t. 1, стр. 340.

²⁾ The Ranters Monster being a true relation of one Mary Adams, living at Tillingham in Essex who named herself the Virgin Mary... Printed by George Norton. 1652 (March 30) London. См. также A Description of the sect called the family of love. London 1641 (въ Harleian Misc. v. IV, стр. 446).

³⁾ См. Memorials of english affairs.

⁴⁾ Ibid., стр. 490... Letters (a 1650) that one Boston of Captain Lloyd's Company was cashwered for holding some dangerous opinions, as that god was reason etc.

Парламентское войско обнаруживало особенную строгость по отношенію ко всѣмъ послѣдователямъ только что перечисленныхъ нами сектъ, подвергая ихъ не только исключенію изъ своей среды, но и всякого рода оскорбительнымъ для чести наказаніямъ. Виновные выставлены были на посмѣшище всѣмъ верхомъ на деревянныхъ лошадяхъ, причемъ офицеръ, назначенный для производства экзекуціи, ломалъ надъ ихъ головою мечъ ¹⁾. Подчасъ назначаемо было и болѣе строгое наказаніе, какъ, напримѣръ, проколъ языка съ помощью раскаленного желѣза. Такая мѣра обыкновенно примѣняема была къ тѣмъ, кто исповѣдывалъ воззрѣнія, приравниваемыя къ богохульству ²⁾.

Настаивая на необходимости не распространять начало терпимости на лицъ, религіозныя убѣжденія которыхъ не согласны съ христіанской вѣрой и нравственностью, Кромвель съ похвалой отзывается о томъ примѣрѣ, какой въ этомъ отношеніи не разъ былъ преподанъ парламентской арміей. „Дисциплина ея была такова, говоритъ онъ,— что она не терпѣла въ своихъ рядахъ ни одного человѣка, поведение котораго не отвѣчало бы требованіямъ, предъявляемымъ отъ добраго христіанина“ ³⁾.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ религіозной свободы, поданныя на имя парламента петиціи и конституціонные акты, опредѣлявшіе порядокъ государственнаго устройства въ эпоху протектората, однообразно выставляютъ требованіе, чтобы терпимыя государствомъ секты исповѣдывали вѣру въ Бога, Иисуса Христа и Святую Троицу и признавали божественность священнаго писанія ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи защитники кромвелевскаго протектората расходятся съ республиканцами. Республиканецъ Harrington не знаетъ терпимости для язычниковъ и евреевъ ⁵⁾, какъ не знаетъ ея также Генри Вэнъ. Последній считаетъ даже возможнымъ заявить, что, такъ какъ источникъ вѣротерпимости лежитъ въ искупленіи насъ кровью Христовой, то одни христіане вправѣ пользоваться ею. „Своей добровольной смертью, рассу-

¹⁾ Ibid, стр. 476 и 477.

²⁾ Ibid, стр. 465 и 445.

³⁾ Speech IV, 23 Jan. 1655. (Carlyle).

⁴⁾ См. Agreement of the people a Instrument of government.

⁵⁾ No gathered congregations, be molested or interrupted in their way of worship, being neither jewish nor idolatrous, but vigilantly and vigorously protected. (P. 130).

ждаетъ онъ,—Сынъ Божій сдѣлался единственнымъ господиномъ и повелителемъ надъ нашей совѣстью. Вмѣшательство свѣтскаго сановника въ дѣла вѣры является поэтому посягательствомъ на то, что по праву принадлежитъ одному Христу“¹⁾. Но такое посягательство мыслимо лишь подъ условіемъ, если стѣсняемая въ своей свободѣ секта принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя обнимаются понятіемъ христіанства, раздѣляютъ его религіозныя и нравственныя ученія. Одни только приверженцы радикальной партіи или, такъ называемые, левеллеры готовы были, повидимому, распространить терпимость и на простыхъ деистовъ, протестуя въ то же время противъ примѣненія ея къ лицамъ, отрицающимъ всякую вѣру въ Бога, къ атеистамъ. Противники обвиняли самыхъ левеллеровъ въ приверженности къ ученію, весьма близкому къ раціонализму. Если вѣрить имъ, левеллеры признавали, что разумъ есть Богъ, отъ котораго произошло все мірозданіе. Они отрицали безсмертіе души, вѣру въ Христа, жизнь загробную и будущее пришествіе. Божественность писанія не считалась ими доказанной, и они ждали озаренія отъ внутренняго свѣта²⁾. Эти нареканія объясняются смѣшеніемъ левеллеровъ съ квакерами³⁾, поводъ къ чему давалъ между прочимъ фактъ перехода въ среду послѣднихъ главнаго предводителя англійской радикальной партіи—Джона Лилльборна.

Многіе изъ левеллеровъ, по всей вѣроятности, не раздѣляли этихъ убѣжденій, но всѣ они сходились въ требованіи, чтобы свѣтская власть „не имѣла права принужденія въ дѣлахъ вѣры“⁴⁾, и такъ какъ въ то-же время они объявляли себя открытыми противниками всякаго оплачиваемаго государствомъ духовенства, то мы не ошибемся, признавъ ихъ первыми защитниками восторжествовавшей въ Америкѣ системы отдѣленія церкви отъ государства.

Нечего и говорить, что подобное ученіе въ серединѣ XVII столѣтія, т. е. въ эпоху полного разгара религіозныхъ страстей, раздѣлялось еще весьма немногими.

¹⁾ A healing question.

²⁾ Englands discoverer or the levellers creed ... a. 1649.

³⁾ О квакерахъ въ одномъ памфлетѣ 1656 г. говорится: They deny the Scriptures ore the Word of God—some of them deny resurrection. Harl. Misc., т. VI, стр. 437.

⁴⁾ That no coercive power is to be admitted in matters of religion. (См. The fundamental laws and liberties of England claimed... by several persons of the city of London., а также Englands new chains discovered. Sept 1648. § 4.

Запрещая переводъ Кораиа на англійскій языкъ ¹⁾, правительство дѣйствовало въ духѣ времени, которое не могло еще помириться съ мыслью о томъ, что свобода вѣры должна быть распространена и на тѣхъ, „кто исповѣдуетъ ученіе Магомета или поклоняется солнцу и лунѣ“, а наоборотъ думало, что „въ подобныхъ случаяхъ терпимость (libertinism) надежнѣйшій путь къ небесному проклятію“ (damnation) ²⁾.

Кромвель не только не стоялъ позади своего времени, но значительно опережалъ его, подымая вопросъ о примѣненіи начала религіозной свободы не къ однимъ христіанамъ, но и къ евреямъ. Мы видѣли, что Вэнъ открыто высказывается противъ такой терпимости, и то же въ равной степени можетъ быть сказано, за немногими только исключеніями, о большинствѣ современниковъ. Обыкновенно признаютъ, что финансовыя затрудненія и надежда на выгодный заемъ побудили Кромвеля отнестись благосклонно къ ходатайству, представленному докторомъ медицины, голландскимъ раввиномъ Манасіей Бенъ Израилемъ, о допущеніи его единовѣрцевъ въ Англію. Но такъ какъ подобнаго займа на самомъ дѣлѣ сдѣлано не было, и евреямъ въ то же время оказано было нѣкоторое покровительство, то мы вправѣ думать, что вѣротерпимость по отношенію къ нимъ отвѣчала сокровеннымъ желаніямъ протектора.

Въ 60-хъ годахъ XVII-го столѣтія, къ которымъ относится попытка Манасіи получить для своихъ единовѣрцевъ право осѣдлости въ Англіи, положеніе евреевъ нигдѣ не являлось менѣе обезпеченнымъ, какъ въ этой странѣ. Издавна поселенные въ Италиі, Германіи и Польшѣ, недавно допущенные какъ въ Голландію, такъ и въ страны азіатскаго Востока, евреи были формально изгнаны изъ Англіи статутомъ Эдуарда I-го отъ 1290 года. Правда, и послѣ изданія этого акта, ихъ пребываніе по временамъ было терпимо въ нѣкоторыхъ спеціально отведенныхъ имъ городахъ, но личность и собственность ихъ не пользовались никогда защитой законовъ. Англійскіе правители облагали ихъ, не стѣсняясь, произвольными и тяжкими поборами, допускали ихъ дѣтей къ наслѣдованію въ оставленномъ имъ имуществѣ, лишь подъ усло-

¹⁾ См. Whitlocke Memorials of english affairs.

²⁾ Richard Baxter. A Holy commonwealth. a. 1659. An addition to the preface.—This liberty is the way to mens damnation.

віємъ предварительнаго выкупа ими наслѣдства и платежа пени, задерживали и высылали ихъ изъ королевства, подчасъ безъ всякой вины, и не допускали ихъ ни къ отправленію ихъ богослуженія, ни къ пользованію правами свободнаго гражданина по отношенію къ мѣстному управленію и суду. Поселенные въ Англіи евреи обязаны были подчиняться рѣшенію назначенныхъ имъ отъ правительства судей и состояли въ верховномъ завѣдываніи, Королевскаго Казначейства (Kings Exchequer for the jews). Они не вправѣ были ни выселиться, ни перемѣнять мѣсто жительства, подѣ страхомъ конфискаціи ихъ имущества. Наоборотъ, города, въ которыхъ они были поселены, могли откупиться у правительства отъ дальнѣйшаго ихъ присутствія, — и тогда евреи принуждаемы были къ переселенію.

Притѣсненія со стороны согражданъ присоединялись къ тѣмъ, ка-кимъ ежечасно грозило имъ правительство. Историкъ ихъ судебъ въ Англіи, Принъ, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Враждебность евреевъ къ христіанству, несогласіе ихъ образа жизни съ тѣмъ, какого придерживаются англичане, приобрѣтеніе ими средствъ къ существованію ростовщичествомъ и вымогательствами всякаго рода, принимавшими то форму урѣзки чекана, то поддѣлки грамотъ, въ связи съ ходячимъ представленіемъ о томъ, что они подвергають христіанскихъ дѣтей распятію или насильственно обращаютъ ихъ въ свою вѣру, путемъ обрѣзыванія, часто вызывали противъ евреевъ открытыя возстанія со стороны жителей тѣхъ городовъ, въ которыхъ имъ позволено было имѣть свою осѣдность. Народный мятежь сопровождался обыкновенно сожженіемъ ихъ домовъ, разграбленіемъ ихъ имущества, нерѣдко также поголовнымъ ихъ избіеніемъ. Кто успѣвалъ спастись бѣгствомъ, тотъ принужденъ былъ искать убѣжища въ королевскихъ замкахъ. Чтобы избѣгнуть повторенія подобной развязки, многіе города и въ числѣ ихъ Ньюкастель и Соусгемптонъ, ходатайствовали и не безуспѣшно о за-прещеніи евреямъ дальнѣйшаго пребыванія въ ихъ стѣнахъ ¹⁾. Настаивая на вторичномъ допущеніи ихъ въ Англію Манасія Бенъ Израиль старается разсѣять возводимыя на его единовѣрцемъ обвиненія. Ихъ ростовщичество, утверждаетъ онъ, не больше того, какое практикуютъ

¹⁾ A short demurrer to the jewes long discontinued Remitter into England by William Prynne, a benches of Lincolns Inn a. 1656.

христіане. Нельзя винить евреевъ за то, что, помѣщая свои капиталы въ банки, они, подобно христіанамъ, ищутъ получить взамѣнъ извѣстную выгоду, въ формѣ процентовъ, четырехъ или пяти, не болѣе. Запрещеніе роста, попадающееся въ Библии, примѣнимо только къ случаямъ оказанія кредита единовѣрцамъ. Евреи, доказываетъ Манасія, не только не вредны для того государства, которое пріютитъ ихъ подъ своею сѣнью, но еще способны принести ему несомнѣнную пользу. Во всемъ свѣтѣ капиталы сосредоточиваются въ ихъ рукахъ, такъ какъ, послѣ своего изгнанія изъ Испаніи, они разошлись кто въ Голландію, кто въ Германію и Польшу, а кто и въ Мусульманскія страны, продолжая поддерживать между собою частыя сношенія, воздерживаясь отъ помѣщенія своихъ заработковъ въ землю, въ виду необезпеченности ихъ землевладѣнія, и предпочитая давать имъ свободное обращеніе въ торговлѣ. Скопленіе богатствъ въ рукахъ евреевъ имѣетъ то преимущество надъ скопленіемъ ихъ въ рукахъ другихъ иностранцевъ, что, не имѣя родины, помимо пріютившей ихъ страны, они расходуютъ свой достатокъ тамъ же, гдѣ послѣдній былъ составленъ. Неудивительно поэтому, если страны, въ которыя евреи были допущены, быстро растутъ въ довольствѣ и благосостояніи. Примѣромъ можетъ служить Венеція, въ которой одно изъ наивыгоднѣйшихъ торговыхъ предпріятій, *Scala di Spalatro*, сосредоточивающее въ себѣ торговлю съ Левантомъ, было основано никѣмъ инымъ, какъ евреями.

Ливорно еще нагляднѣе доказываетъ справедливость того-же положенія. Этотъ, еще недавно ничтожный, городокъ сдѣлался, благодаря допущенію евреевъ въ число его жителей, однимъ изъ многочислѣйшихъ въ Италіи торговыхъ центровъ.—Тоже можетъ быть повторено и относительно Ниццы. Голландія также обязана своимъ процвѣтаніемъ въ значительной степени еврейскимъ капиталамъ. Въ Польшѣ же, гдѣ они пользуются наибольшими льготами, вся торговля и промышленность въ рукахъ евреевъ, такъ какъ въ этой странѣ, помимо ихъ, не имѣется средняго сословія.

Что касается до обвиненія евреевъ въ обрѣзываніи христіанскихъ мальчиковъ или въ распятіи ихъ на крестѣ, то оно ни на чемъ не основано, и въ подкрѣпленіе его нельзя привести примѣровъ ¹⁾.

¹⁾ To his Highness the Lord Protector the humble addresses of Menasseh Ben Israel, a divine and doctor of physick, in behalf of the jewish nation, Nov. 5, 1655 (London).

Манасія ходатайствовавъ о предоставленіи его единовѣрцамъ слѣдующихъ преимуществъ: 1) пріюта и заступничества, 2) права держать синагогу и кладбище, 3) права торговли наравнѣ съ прочими иностранцами, 4) права судиться въ собственныхъ расправахъ судомъ приставленныхъ къ синагогамъ старѣйшинъ ¹⁾.

Обстоятельство, которое повидимому побудило евреевъ искать доступа въ Англію, было невыносимое положеніе, созданное имъ за послѣднее время въ католическихъ странахъ и жестокія гоненія, которыми они подвергались недавно, какъ на азіатскомъ Востокѣ, въ частности въ Іерусалимѣ, такъ и въ странахъ, какъ Польша, Литва и Пруссія, благодаря шведамъ и козакамъ ²⁾.

И ранѣе прибытія Манасіи въ Лондонъ, евреи уже обращались къ протектору, ходатайствуя о принятіи ихъ въ Англію. Одинъ изъ нихъ, именемъ Мануэль Мартинецъ Дормидо, подалъ даже на этотъ счетъ особую петицію, которая отослана была Кромвелемъ въ совѣтъ, съ просьбой рассмотреть ее наискорѣйшимъ образомъ.

Въ тѣсномъ кружкѣ лицъ, поддерживавшихъ протектора, въ средѣ офицеровъ арміи и флота, какъ и въ рядахъ придворнаго духовенства, не замѣчалось по отношенію къ евреямъ особенной враждебности. Одинъ изъ приверженцевъ Кромвеля, генералъ Воллей, поставленный недавно на правахъ „major general“ и во главѣ цѣлаго округа, въ письмѣ отъ 12 Декабря 1654 года высказывался въ пользу ихъ допущенія, указывая на то, „что они принесутъ съ собой въ Англію много богатствъ, и справедливо замѣчая, что, такъ какъ обращеніе ихъ составляетъ постоянную заботу добрыхъ христіанъ, то нѣтъ основанія препятствовать поселенію ихъ между нами, ибо такое поселеніе можетъ только служить цѣлямъ пропаганды“ ³⁾. Изъ переписки французскаго посланника въ Голландіи съ президентомъ де-Бордо, аккредитованномъ Мазарини при дворѣ протектора, мы узнаемъ въ то же время, что начальники англійскаго флота сочли нужнымъ представить Кромвелю письменное заявленіе о выгодѣ, какую поселеніе евреевъ въ Англіи прине-

¹⁾ A narrative of the late [proceedings at whitehall concerning the jews, a. 1656 (Harleian Miscellany, v. VI. стр. 402).

²⁾ Ibid, стр. 446.

³⁾ Thurloc. State papers v. IV стр. 308. Major general Whalley to secretary Thurloc. Nottingham, Dec. 12, 1655.

сеть ея торговому обмѣну ¹⁾). Что касается до духовенства, то, въ отличіе отъ католическихъ священниковъ, протестанскіе проповѣдники разныхъ сектъ неоднократно высказывались открыто въ пользу допущенія евреевъ ²⁾). Они ставили на видъ унаслѣдованіе христіанами отъ евреевъ тѣхъ общаній вѣчнаго спасенія, благодаря пришествію Мессіи, которыя даны были Богомъ народу израильскому, общность происхожденія евреевъ по плоти, христіанъ по духу, отъ праотца Авраама; наконецъ, самую возможность ихъ обращенія, въ томъ случаѣ, если они поселятся среди христіанъ. Ближайшее знакомство съ Библіей, отличавшее собою протестантскихъ вѣроучителей, очевидно, успѣло сдѣлать свое дѣло; оно сблизило христіанъ съ евреями, указывая на происхожденіе ихъ вѣроученій изъ одного общаго источника — закона Моисеева.

Слухъ обо всемъ этомъ, очевидно, долженъ былъ дойти до евреевъ, поселенныхъ въ Голландіи, прежде чѣмъ они рѣшились послать въ Англію одного изъ выдающихся членовъ амстердамской синагоги, раввина и доктора медицины — Манасію Бенъ Израиль. Самъ Манасія объясняетъ слѣдующимъ образомъ мотивы, побудившіе его обратиться къ Кромвелю съ своимъ ходатайствомъ. „Едва, говоритъ онъ, — стало извѣстно въ Голландіи о вашей рѣшимости предоставить намъ свободу поселенія въ Англіи, какъ ваши послы были приглашены въ нашу синагогу и встрѣчены съ почестями, по истинѣ княжескими. Узнавъ о побѣдѣ, одержанной вами надъ королемъ, народъ нашъ сталъ лелѣять надежду, что, съ отмѣной королевской власти, законы, изданные ею противъ евреевъ, будутъ отмѣнены, и прежняя ненависть по отношенію къ намъ уступить мѣсто доброму расположенію. Иного и ждать нельзя отъ народа, который чтитъ съ евреями одного Бога и хорошо знаетъ писаніе. Все это вмѣстѣ взятое и побудило меня прибыть въ Лондонъ для предствительства за моихъ единовѣрцевъ“ ³⁾). Мно-

¹⁾ Это сообщеніе сдѣлано Шапюи, какъ онъ самъ говоритъ, со словъ одного амстердамскаго еврея, (Thurloc, St. P. VI, стр. 652).

²⁾ Такъ, напр., Doctor Alteng въ своей Проблематической Теологіи, часть, II, проблема 21 *Utrum judaei in societate Christianorum tolerandi sint*. См. a case of conscience. 1656 въ Harl. Misc. v. VI, стр. 439.

³⁾ A Declaration to the commonwealth of England by Rabbi Menasseh Ben Israel, shewing the motives of his coming into England, a. 1655 г.

гіе изъ нихъ сопровождали Манасію въ его путешествіи, рассчитывая на возможность завязать немедленно съ англичанами торговые сношенія ¹⁾.

Кромвель отнесся къ ходатайству евреевъ съ видимымъ сочувствіемъ, но онъ не рѣшился сразу принять на себя всю отвѣтственность за допущеніе ихъ въ Англію. Это побудило его передать петицію Манасіи на обсужденіе особой комиссіи, составленной изъ проповѣдниковъ важнѣйшихъ протестантскихъ сектъ и свѣдущихъ людей, изъ рядовъ лондонскаго купечества, и двухъ верховныхъ судей... Двѣ недѣли продолжалось обсужденіе представленной Манасіею петиціи. Юристы склонялись въ пользу допущенія евреевъ и указывали на отсутствіе какихъ бы то ни было препятствій къ тому въ англійскомъ законодательствѣ. Духовенство оставалось раздѣленнымъ во мнѣніяхъ. Одни представители купечества были единогласны въ своемъ нежеланіи видѣть евреевъ поселенными въ Англіи. Они указывали на то, что послѣдствіемъ этого факта будетъ обогащеніе иностранцевъ, такъ какъ всѣ евреи торгаши и своей конкуренціей принесутъ ущербъ англійскому купечеству. Въ отвѣтъ на это члены собранія, благопріятные евреямъ, выдвигали тотъ фактъ, что, такъ какъ евреи не занимаются сельскимъ хозяйствомъ и не становятся по этому производителями, то ихъ требованіе отразится благопріятно на большемъ употребленіи англійскихъ товаровъ и удешевленіи предметовъ заграничнаго ввоза ²⁾.

Видя, что пренія не приходятъ къ концу, Кромвель счелъ нужнымъ распустить членовъ комиссіи и, не издавая новаго закона въ пользу евреевъ, допустить ихъ поселеніе въ Англіи административнымъ порядкомъ. До самой его кончины евреи пользовались въ Англіи полной терпимостью, которая, впрочемъ, не имѣла иного основанія, кромѣ доброй воли протектора ³⁾.

Это болѣе широкое и свободное пониманіе обязанностей государства по отношенію къ вѣроисповѣданіямъ сказывается даже въ такомъ жгучемъ для Англіи того времени вопросѣ, какъ вопросъ о положеніи католиковъ.

Ни одна политическая партія не считала доселѣ возможнымъ рас-

¹⁾ A narrative of the late proceedings at Whitehall concerning the jews (Harl. Misc. v. VI, стр. 451).

²⁾ A narrative concerning the jews.

³⁾ Burnet. Histoire de mon temps, dans le Recueil publié par Guizot, т. I, стр. 153—155.

пространить на католиковъ начало вѣротерпимости. Въ глазахъ пуританъ папа все еще продолжалъ оставаться антихристомъ, а Римъ новымъ Вавилономъ. Они не могли простить главѣ католичества того, что они называли „узурпаціей свѣтской власти, королей и гражданскихъ правителей“. Они считали, поэтому, врагомъ государства всякаго, кто признавалъ надъ собою главенство папы или только проповѣдывалъ возможность соглашенія съ католиками ¹⁾).

Признавая королей подчиненными папѣ, католики, по мнѣнію не однихъ пуританъ, но и послѣдователей англиканскаго вѣроученія, предоставляютъ папѣ распоряженіе землями и престолами, равно и право освобождать подданныхъ отъ подчиненія правителямъ.

Къ этому обвиненію присоединяется другое, повидимому, идущее съ нимъ въ разрѣзъ. Католики стараются возстановить короля противъ народа, провозглашаютъ ученіе о неограниченности предоставленной монарху власти, разрѣшаютъ его отъ всякой обязанности подчинять свою волю рѣшеніямъ парламента, не имѣющаго, въ ихъ глазахъ, иного права на существованіе, кромѣ доброй воли правителя ²⁾. Въ подкрѣпленіе утверждаемаго, перепечатывался текстъ петиціи, поданной папистами королю Іакову, съ ходатайствомъ о вѣротерпимости. Въ этомъ текстѣ стояли, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: католикамъ, въ отличіе отъ пуританъ, ставятъ въ заслугу повиновеніе приказамъ короля. Для нихъ однихъ повиновеніе есть требованіе совѣсти ³⁾.

Когда обстоятельства случайно сталкивали англичанина индпендента съ кѣмъ либо изъ заграничныхъ католиковъ, и онъ изъ личнаго знакомства выносилъ убѣжденіе въ томъ, что быть папистомъ — не значило еще отказаться отъ всякаго стремленія къ политической свободѣ, его изумленію не было конца. „Я познакомился съ тремя или четырьмя французскими католиками, рѣдкаго ума и религіозности,—читаемъ мы въ частной перепискѣ двухъ индпендентовъ. Смотрѣть на всѣхъ французскихъ католиковъ съ одной и той же точки зрѣнія было

¹⁾ См. *English puritanisme, containing the maine opinions of the wdest sort of those that are called puritans* by William Ames. a. 1641.

²⁾ The jesuits undermining of parliaments and protestants with the foolish phancy of toleration discovered and censured, written by William Castle (London 1642).

³⁾ The supplication of all the papists of England to king James for a toleration of their religion. London. 1642.

бы ошибочно. Между ними существуетъ гораздо болѣе различій, чѣмъ въ средѣ англійскихъ папистовъ. * Понятіе, которое они дѣлаютъ себѣ о подчиненіи папы, находится почти въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ представленіемъ, какое мы дѣлаемъ себѣ о немъ. По своему характеру оно можетъ только содѣйствовать образованію изъ нихъ добрыхъ гражданъ государства. Ихъ оппозиція королю непримирима. Наслѣдственная королевская власть ненавистна имъ въ цѣломъ мірѣ“¹⁾. Авторъ письма, очевидно, имѣетъ въ виду участниковъ фронды и знакомить своего корреспондента съ такими сторонами „папизма“, самого существованія которыхъ англичане, повидимому, не въ состояніи были предположить.

При существованіи подобныхъ предразсудковъ, неудивительно, если общественное мнѣніе Англіи требовало поголовнаго изгнанія католиковъ, если оно оправдывало даже совершеніе надъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, имѣвшимъ смѣлость вернуться безъ спросу, кровавой расправы. О такой расправѣ повѣствуетъ намъ французскій посолъ де-Бордо, въ письмѣ къ губернатору города Кале, графу де-Шаростъ, (письмо помѣчено 29 Іюлемъ 1654 г.) Мы приведемъ его въ извлеченіи: „Вчера, несмотря на мое предстательство, поддержанное другими послами, замучили у насъ одного католическаго священника, имя несчастнаго—Саусворсъ. Тридцать семь лѣтъ подъ рядъ этотъ священникъ провелъ въ изгнаніи. Прибывъ въ Англію самовольно въ Іюнѣ 1654 г, онъ схваченъ былъ въ постели „major general“ Ворсле и препровожденъ въ Лондонъ. Здѣсь его предали суду и приговорили къ смерти. 28 Іюня воспослѣдовала казнь. Жестокость, съ которой правительство отнеслось къ этому „ревнителю вѣры“, прошла, однако, не безслѣдно: оно вызвало къ нему участіе и жалость“. По словамъ Бордо, „къ мѣсту казни сопровождали Саусворса болѣе двухсотъ экипажей и большое число всадниковъ. Всѣ присутствовавшіе удивлялись стойкости мученика“²⁾.

Слѣдуетъ отмѣтить, что экзекуціи, въ родѣ только что описанной, не повторялись болѣе. Окрѣпшая за послѣдніе годы власть протектора стала поперекъ имъ. Союзъ съ католической Франціей и предста-

1) Record office. State papers Charles I, v. 319. a. 1648, Nov. 28, Paris; a true copy of M-r Witsons letter (an independent agent for the army to an independent member.

2) См. Guizot, Histoire de la république d'Angleterre, Paris. 1854, т. II, стр. 149.

тельство французской королевы также не мало содѣйствовалн облегченію участи католиковъ. „Одной изъ первыхъ заботъ кардинала Мазарини, по заключеніи имъ союзнаго договора съ Англіей, говорить одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ ¹⁾, было ходатайствовать передъ протекторомъ за своихъ единовѣрцевъ. Нужна была не малая доля смѣлости для того, чтобы обратиться съ такою просьбою въ тотъ самый моментъ, когда Кромвель объявлялъ во всеуслышаніе англійскихъ папистовъ союзниками Испаніи и этимъ обстоятельствомъ оправдывалъ передъ лицомъ парламента фактъ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ короля-католика. Этотъ шагъ, правда, былъ облегченъ ему до нѣкоторой степени самимъ англійскимъ посломъ при французскомъ дворѣ, полковникомъ Локгартомъ. Послѣдній согласился передать лорду протектору просьбу французской королевы—не отказать католикамъ въ своемъ покровительствѣ. Кромвель поспѣшилъ отвѣтить, что онъ съ должнымъ уваженіемъ отнесется къ этому предстательству, но въ то же время потребовалъ, чтобы его обѣщанія, какъ способныя компрометировать его въ глазахъ англійскаго парламента и народа, остались бы безъ обнародованія. Соотвѣтственно этому желанію, Мазарини далъ своему послу въ Англіи, президенту де-Бордо, приказъ держать въ секретѣ переговоры обоихъ дворовъ, касавшіеся устройства судьбы католиковъ.

Слѣдующее письмо Кромвеля къ французскому министру кардиналу, какъ нельзя лучше, знакомитъ насъ и съ непреодолимыми трудностями, какія Кромвель встрѣчалъ на пути упроченія религіозной свободы, и съ его искреннею готовностью распространить послѣднюю, при первой возможности, и на католиковъ. „Вайтголь, 26 Декабря 1656 г.. Расположеніе, неоднократно обнаруженное ко мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ, побуждаетъ меня отвѣчать на ваше ходатайство (о смягченіи участи католиковъ), какъ вы этого заслуживаете. Но хотя я и вполне проникся этою мыслью (*but although I have this set home upon my spirit*), все же, при современномъ стеченіи обстоятельствъ и положеніи моихъ собственныхъ дѣлъ, я не могу или, вѣрнѣе сказать, я безсиленъ дать утвердительный отвѣтъ на вашъ призывъ къ терпимости. Повторяю, что не въ состояніи издать публичную декларацію,

¹⁾ Jules Bourelly. Cromwell et Mazarin. Paris. 1886, стр. 12.

которая бы выражала мой образъ мыслей на этотъ счетъ. Въ то же время я полагаю, что при моемъ управленіи Ваше Преосвященство имѣетъ менѣе основаній жаловаться на угнетеніе совѣсти, нежели прежде, при управленіи парламента, такъ какъ я ко многимъ и многимъ католикамъ обнаружилъ состраданіе, не смѣшивая всѣхъ воедино. По истинѣ говоря, я устанавливалъ различія, — смѣю утверждать это радостно передъ лицомъ Божиимъ, призывая его во свидѣтели. Выражаясь словами Іуды, я многихъ извлекъ изъ огня, изъ яростнаго огня преслѣдованій, тиранизовавшаго ихъ совѣсть и произвольно захватывавшаго ихъ имущество.

Въ этомъ направленіи я намѣреваюсь пойти еще далѣе, какъ только я въ состояніи буду устранить препятствія, стоящія мнѣ на пути и снять съ себя тяжесть не одного бремени, которое тяготитъ надо мною. Такимъ образомъ, я исполню обѣщаніе, данное мною Вашему Преосвященству¹⁾.

Свобода совѣсти, какъ ее понимали одинаково пресвитеріане и индепенденты, (Генри Вэнъ въ томъ числѣ), помимо католиковъ, допускала еще одно исключеніе. Терпимость не должна была распространяться на послѣдователей англиканской церкви, и лозунгъ „долой панизмъ!“ дополнялся другимъ: „долой епископальность!“. Недавно преслѣдуемые англиканскимъ духовенствомъ диссентеры продолжали вѣрить, выражаясь словами одного современнаго памфлета, что архіепископамъ, епископамъ, деканамъ и т. д., какъ лицамъ, поставленнымъ на должность королемъ²⁾, нѣтъ болѣе мѣста въ обновленномъ революціею строѣ. Въ памяти диссентеровъ свѣжо еще было воспоминаніе о томъ, какое рѣшающее значеніе въ недавнихъ событіяхъ имѣло упорство короля въ сохраненіи епископальнаго устройства. Они требовали гоненій на всѣхъ его приверженцевъ, какъ прямого послѣдствія своей побѣды. Съ такимъ настроеніемъ господствующихъ въ государствѣ партій по неволѣ приходилось считаться. Къ тому же, оно должно было найти откликъ въ челоуѣкѣ, вышедшемъ изъ рядовъ англійскаго пуританизма, и долгое время сливавшимся съ его судьбами свою собственную.

¹⁾ Carlyle. Letters CCXVI.

²⁾ См. English puritanism by William Amers. a. 1641.

Неудивительно поэтому, если Кромвель не сразу принял на себя защиту англиканства, не сразу освободилъ его отъ преслѣдованій, не сразу распространилъ на его приверженцевъ принципъ свободы совѣсти.

Дѣйствуя въ духѣ времени, онъ началъ смѣщать англиканскихъ проповѣдниковъ и запрещать имъ даже частную проповѣдь въ средѣ тѣхъ семей, которыя принимали ихъ въ свою среду на правахъ частныхъ каплановъ и домашнихъ учителей.

Постановленіемъ отъ 24-го ноября 1655-го года англичане лишились, въ ущербъ епископальному духовенству, свободы въ выборѣ воспитателей для юношества и должны были подчиниться требованію не держать тѣхъ лицъ, исповѣдующихъ начало англиканства. Протестъ, который эта мѣра вызвала въ рядахъ задѣтыхъ ею лицъ и выразителемъ котораго передъ Кромвелемъ явился знаменитый своею ученостію примасъ Ирландіи, Ушеръ (епископъ Армскій), побудили его отказаться отъ практическаго ея примѣненія. Связанный на этотъ счетъ формальными общаніями, лордъ-протекторъ, въ виду оппозиціи, встрѣченной имъ со стороны своего Совѣта, не рѣшился на обнародованіе спеціальнаго акта, отмѣняющаго изданный имъ указъ. Но это не помѣшало ему оказывать англиканскому священству ту-же терпимость, какая обнаружена была имъ по отношенію къ католикамъ ¹⁾.

Такъ понималъ Кромвель свою миссію умиротворителя враждующихъ партій, и такова была польза, какую съ самаго начала свобода совѣсти оказала дѣлу упроченія общественнаго спокойствія и порядка.

Максимъ Ковалевскій.

¹⁾ См. Guizot, т. II, стр. 151.

Стихотвореніе.

Поля Гейзе.

(По Геродоту).

Въ одинъ изъ городовъ Эллады благодатной,—
Явился нѣкогда—несчастный, бѣдный странникъ,
И съ нимъ его семья... Изъ родины далекой
Онъ изгнанъ былъ—какъ врагъ боговъ могучихъ—
За тяжкій грѣхъ невольнаго убійства.
И въ городѣ чужомъ онъ робко пріютился.
И день, и ночь съ упорствомъ терпѣливымъ,
За жалкій хлѣбъ насущный онъ боролся...
Нужда находчива,—и трудъ его усердный
Принесъ плоды.

Но, глядя на него,
Исполнены и зависти, и злобы,
Знатнѣйшіе изъ гражданъ говорили:
„Надъ головой его виситъ неискупленный,
„Тяжелый грѣхъ!.. Ужели мы потерпимъ
„Въ своихъ стѣнахъ безбожнаго убійцу?
„Не насъ ли поразить небесный гнѣвъ за это—
„За грѣхъ чужой—проклятью обречетъ насъ!“
Но свято чтился тамъ завѣтъ гостепріимства—
Нарушить не могли прагматовскій обычай,
Чтобъ не навлечь Зевеса грозной кары.

И въ Дельфы граждане съ вопросомъ обратились:
Какъ поступить съ пришельцемъ окаяннымъ?..

Такъ отвѣчала Пифія посланцу:

„Поди и сбрось всѣ гнѣзда птицъ небесныхъ,
„Что здѣсь подъ кровлей храма пріютились“.

Посолъ испуганный, смятенный,—повелѣнье
Оракула покорно исполняетъ...

Еще не кончилъ онъ, какъ въ воздухѣ прозрачномъ
Вдругъ раздались раскаты грома—
И эхо имъ подземнымъ гуломъ вторить.
Ночная мгла смѣняетъ день, какъ будто
Все рушится вокругъ, и небеса, и горы...
И въ ужасѣ, съ мольбою и упрекомъ,
Спѣшитъ посолъ къ пророчицѣ дельфійской.
— „Вѣдь я *твое* велѣнье исполнялъ!
„Зачѣмъ же гнѣвъ постигъ меня небесный?
„О, защити меня!..“

И былъ изъ устъ священныхъ
Ему отвѣтъ: „*тебѣ я на погибель*
„Свой приговоръ не даромъ изрекала!
„Кто спрашивать безбожно такъ рѣшится,
„Какъ городъ твой—безжалостный къ пришельцамъ,
„Тотъ обреченъ—великими богами
„Погибели—и вѣчному проклятью!..“

. СМЕРТЬ.

мъ», пробормоталъ дядюшка, и слабая улыбка искривила его уста. Мы сидѣли на галереѣ въ теплый лѣтній вечеръ и глядѣли на море. Я только что разсказалъ ему о своемъ братѣ, который погибъ въ морѣ годъ тому назадъ. Разсказъ взволновалъ меня: я поблѣднѣлъ, и дрожь пробѣжала по моимъ членамъ; «уфъ», сказалъ я, вздрагивая, «это должно быть ужасно... ужасно, должно быть, умирать, дядюшка»!

— Гмъ! гмъ! — такъ ты, значить, боишься смерти, да?»

Дядюшка имѣлъ болѣзненный видъ и сидѣлъ на качалкѣ, закутанный въ шубу и пледъ, хотя это было какъ-разъ въ срединѣ лѣта. Онъ былъ когда-то очень живымъ и веселымъ малымъ и блестящимъ кавалеромъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, но прожилъ молодость слишкомъ бурно, какъ разсказывали о немъ, — и теперь представлялъ только тѣнь самого себя. Лицо у него было худое и блѣдное, съ желтоватымъ оттѣнкомъ; глаза большіе, впавшіе и тусклые, грустно глядѣвшіе на васъ изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ; на щекахъ и подбородкѣ росла густая рыжеватая борода, съ пробивавшеюся мѣстами сѣдиною въ видѣ сѣрыхъ и бѣловатыхъ пятенъ и тоновъ, что придавало всему лицу какое-то болѣзненное и страдальческое выраженіе.

Съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ слабого удара, и это совершенно разрушило его когда-то блестящее здоровье, подорвало его силы; всю весну ему пришлось пролежать въ постели; затѣмъ его на поправку отправили въ деревню, и какъ только для него оказалось возможнымъ двинуться въ путь, онъ немедленно пріѣхалъ къ намъ: — здѣсь все были ему сродни и знакомы, да и вообще ему на всякій случай полезно было жить въ домѣ, гдѣ медицинская помощь была близка; — а мой отецъ былъ окружнымъ врачомъ.

Я все свободное время проводилъ возлѣ него, и вообще очень любилъ дядюшку. Съ своей стороны, и онъ, больной и слабый, находилъ, повидимому, удовольствіе въ моемъ обществѣ, и я воображалъ, что своею болтовнею и своими маленькими разсказами о конюшнѣ и слугахъ мнѣ

удается разгонять его тоску и помогать ему коротать время. Мнѣ было въ это время около тринадцати лѣтъ.

Большую часть дня онъ просиживалъ неподвижно и молча на креслѣ, прислушиваясь къ словамъ окружающихъ; говорить самому ему было не легко; голосъ у него былъ слабый, рѣчь неясная; при этомъ ему приходилось часто съ трудомъ переводить дыханіе; онъ постоянно кряхтѣлъ, прочищая горло, но это мало помогало ему. Иногда языкъ его, какъ будто, отказывался выражать слова, пришедшія ему на умъ; они произносились имъ такъ неясно, тяжело и медленно, точно были заморожены. Особенно трудно давалось ему произношеніе буквы *с*, если она притомъ еще соединялась съ *и*. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ оживлялся и легко преодолевалъ это препятствіе; такого рода случаи доставляли мнѣ всегда громадное удовольствіе; они возбуждали во мнѣ надежду, что дядюшка скоро совсѣмъ поправится.

«Да, да! молодежь—гмъ, боится всегда смерти».

«Неужели вы находите, что умирать не страшно?»—спросилъ я съ удивленіемъ.

«Нѣтъ», отвѣтилъ онъ, и сказалъ это такъ увѣренно, что я, съ существующимъ мнѣ въ то время легкомысліемъ, спросилъ его, развѣ онъ пробовалъ когда-нибудь умирать.

«Гмъ—да! Да, да... могу сказать, что это со мною случалось не разъ». Я совершенно смутился.

«Смерть», прокряхтѣлъ опять дядюшка, «здравствуется иногда съ нами—гмъ!—правду я тебѣ говорю. Я хорошо ее знаю... и потому-то и не боюсь ея».

«Разскажите, что съ вами было,—если только это вамъ не трудно».

«Гмъ. Разсказывать-то не много.—Гмъ... да, моя жизнь много разъ... была въ опасности; но... дѣло не въ этомъ. Только тогда, когда смерть проходитъ такъ близко, что какъ будто, гмъ! здороваается съ тобою,—только тогда перестаешь совершенно бояться ея. Гмъ!»

«Разскажите-ка, дядюшка!»

«Гмъ—да. Въ первый разъ, когда это со мною приключилось, мнѣ было всего пять лѣтъ. Я лежалъ на краю рѣки,—мы жили въ деревнѣ,—и бросалъ камешки въ воду; множество... гмъ! маленькихъ рыбокъ плавало у берега... Цѣлыя стаи ихъ грѣлись на солнышкѣ и ловили добычу въ теплой водѣ. Мнѣ доставляло большое удовольствіе пугать ихъ и разгонять своими камешками. Гмъ! Я не помню, какъ это случилось; но... не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ и я самъ очутился на днѣ рѣки. И мнѣ показалось чрезвычайно пріятно лежать тамъ,... лежать на спинѣ и смотрѣть вверхъ на воздухъ и небо точно сквозь прозрачное... покрывало.

Небо тамъ на верху было такое синее, безмечное, ясное,—чудное было это зрѣлище!

Я чувствовалъ, что окружающая меня атмосфера дѣлается все болѣе и болѣе легкою, при этомъ становилось все болѣе и болѣе свѣтло.. и мягко, необыкновенно мягко; я точно лежалъ и отдыхалъ на мягкомъ, легкомъ воздухѣ... Чистый, мягкій воздухъ и необыкновенно свѣтлый. Мнѣ ничего другого не хотѣлось, какъ только лежать и отдыхать такимъ образомъ. Необыкновенно широкій горизонтъ открывался передо мною... наверху я видѣлъ голубое небо, которое все свѣтлѣло и свѣтлѣло, гмъ! дѣлалось все болѣе и болѣе блестящимъ и въ то же время какъ бы сгущалось, образуя надъ водою точно солнечную крышу. А среди этой воды лежалъ я и отдыхалъ... плавая и колыхаясь точно на легкихъ крыльяхъ... Необыкновенно было пріятно»!

Онъ сильно откашлялся и хлебнулъ изъ стоявшаго подлѣ него на столѣ стакана. Я посмотрѣлъ ему въ глаза;—они показались мнѣ значительно оживившимися. Ему, повидимому, становилось все легче и легче говорить; онъ все рѣже и рѣже останавливался и все меньше и меньше затруднялся при произнесеніи буквы с.

«А развѣ вамъ было не трудно дышать?»

Онъ покачалъ головою.

«Нисколько. Я ничего, кромѣ пріятнаго, не ощущалъ.—Но среди этого бѣловатаго, яснаго свѣта стали показываться такія длинныя, легкія тѣни, зеленоватыя и коричневыя; полутѣни... длинныя, зеленые листья, длинныя, коричневыя вѣтви и стволы, цѣлый дѣвственный лѣсъ изъ пальмъ и вьющихся растений, дикихъ и роскошныхъ, которыя образовывали самыя разнообразныя группы и цѣплялись другъ за друга... и среди этого цвѣты, фантастическіе цвѣты, большіе, какъ магноліи;—всевозможныя оттѣнки красокъ и тоновъ, переливающихся одинъ въ другой.—Гмъ!—Я, по всей вѣроятности, упалъ въ такое мѣсто рѣки, гдѣ она сильно заросла, между водорослей, водяныхъ лилій и т. п. растений.»

Онъ глубоко вздохнулъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

«А вы умѣли въ то время нырять?»

— «Не думаю. Гмъ! Я знаю только одно, что очнулся на рукахъ своей няни. Она была совершенно внѣ себя, что мнѣ показалось очень страннымъ. Самъ же я лично былъ очень огорченъ тѣмъ, что мнѣ не удалось дольше насладиться своимъ мягкимъ ложемъ.—И не разъ случалось мнѣ потомъ... гмъ—проклинать ея возлюбленнаго, который не сумѣлъ удержать ее на пять минутъ дольше,—тогда былъ бы мнѣ капутъ».

Онъ вздохнулъ. Солнце все ниже и ниже клонилось къ западу.

«Но за то вы много хорошаго и пріятнаго испытали въ жизни, неправда-ли, дядюшка?» утѣшалъ я его; меня непріятно поразило его сожалѣніе о томъ, что онъ не умеръ тогда.

— «Испыталъ—да», отвѣтилъ онъ съ слабою улыбкою. Улыбка никакъ не удавалась одной половинѣ его лица, образовывалась только какая-то гримаса.

«Испыталъ—гмъ!... это далеко не то, что сказать: *испытано*.—Но для тебя тонкости эти еще непонятны... какъ оно и слѣдуетъ быть».

Бѣдный дядюшка! вотъ что значить быть больнымъ!

Онъ вновь выпилъ глотокъ воды и продолжалъ.

«Въ другой разъ—гмъ!... я былъ приблизительно твоихъ лѣтъ.—Это было въ началѣ весны. Снѣгъ еще покрывалъ землю, но сильно таялъ подъ вліяніемъ полуденныхъ солнечныхъ лучей... рѣки вскрывались, бурлили и ломали ледъ... Гмъ; было, однимъ словомъ, то, что мы называемъ ледоходомъ».

«Я получилъ отъ отца позволеніе отправиться съ рабочими въ Аурвихъ за сѣномъ и соломой... У моего отца было тамъ маленькое имѣніе».

«По зимней дорогѣ черезъ ледъ проѣзда уже не было; приходилось дѣлать кругъ и ѣхать черезъ мостъ. Но въ то время существовалъ еще старый мостъ; это былъ собственно не мостъ, а скорѣе длинный плотъ... никакихъ перилъ по сторонамъ или чего-нибудь въ родѣ того;... только нѣсколько досокъ, положенныхъ на помость изъ балоковъ, вотъ и все; гмъ... А помость былъ устроенъ высоко, такъ чтобы ледъ не могъ снести его весною... и въ ширину онъ имѣлъ немного больше трехъ футовъ, ровно столько, сколько нужно было для проѣзда одного крестьянскаго воза, съ обыкновенною крестьянскою упряжью».

«Скверное это было дѣло! Снѣгъ таялъ, было грязно и скользко. Сани наши скользили по влажнымъ доскамъ, такъ что то съ одной стороны, то съ другой онѣ доходили почти до самаго края моста. А тамъ, внизу, пѣнясь, шумѣла рѣка, холодная и темная, съ массою льдинъ, плывущихъ по ней и нагроможденныхъ мѣстами другъ на друга. Я сидѣлъ на своихъ длинныхъ саняхъ и почти не рѣшался смотрѣть внизъ; мнѣ казалось, что я гляжу въ какую-то зіяющую бездну».

Онъ содрогнулся. «Уфъ, какъ вы, должно быть, боялись, дядюшка», сказалъ я, стараясь принять мужественный видъ.

«Гмъ... Гмъ—гмъ!»

«На возвратномъ пути каждый изъ четырехъ рабочихъ ѣхалъ отдѣльно на своихъ саняхъ съ сѣномъ; я же и вороной ѣхалъ позади съ большимъ грузомъ соломы. Гмъ! Я не рѣшился сидѣть на саняхъ при переѣздѣ черезъ мостъ, а шелъ возлѣ,—слѣдовалъ за воронымъ. Гмъ... Держалъ себя мужественно. Если рабочіе могутъ проѣхать, то могу, конечно, и я. Вороной былъ такой сильный и умный; онъ и самъ сумѣетъ справиться».

Первое, наиболѣе опасное мѣсто было пройдено нами благополучно; я рѣшилъ, что бояться дальше уже нечего. Прижавшись къ вороному, я

храбро пошелъ впередъ и попробовалъ даже взглянуть внизъ на бурлившую рѣку. Она представляла ужасное и въ то же время грандіозное зрѣлище. Желтоватыя волны ея, пѣнясь и брызгая во всѣ стороны, неслись внизъ по теченію, мрачныя и бурныя, тяжелыя, точно морскія волны, а плывущія по рѣкѣ льдины напирали другъ на друга, пересѣкая одна другой дорогу, съ грохотомъ и трескомъ расшибались въдребезги, дробились на тысячи кусковъ;—и въ то же время между моими ногами и краемъ моста было не болѣе, какъ двадцать пять дюймовъ...

«И вдругъ... я самъ не знаю, какъ это случилось, но солома наклонилась въ мою сторону, отодвинула меня, и прежнее пространство въ двадцать пять дюймовъ сократилось вдвое».

«Ай-ай, дядюшка!»

«Я хотѣлъ забѣжать впередъ вороного; въ эту минуту солома соскользнула еще больше прежняго»...

«Ну!—» я схватился за ступъ дядюшки и сталъ крѣпко держаться за него.

«...соскользнула спереди. Сани, должно быть, взѣхали на пригорокъ... Оставался такой узкій проходъ между санями и краемъ моста, что я никакъ не могъ забѣжать впередъ; солома мѣшала; уфъ! и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса!—я бросилъ возжи, повернулся на одной ногѣ и только что хотѣлъ перейти на другую сторону, спрятаться за сани, какъ и задній конецъ соломы соскользнулъ и...»

«Дядюшка, дядюшка!»

«Гмъ! и вся солома соскользнула... все больше и больше... какъ вдругъ сани остановились».

Онъ глубоко вздохнулъ. Я изо всѣхъ силъ держался за кресло.

«Для меня не было выхода».

«Между моими санями и краемъ моста было такое маленькое разстояніе, что сапоги мои на половину выдвигались за мостъ. Я опирался спиною о солому, которая въ свою очередь нажимала на мои плечи и толкала меня... все больше и больше впередъ... и такъ я стоялъ и смотрѣлъ внизъ на ледоходъ.. съ вытянутыми впередъ руками... я точно висѣлъ на воздухѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы сохранить равновѣсіе...»

«Страшный прыжокъ, страшный прыжокъ...»

«Я выпустилъ возжи изъ рукъ, и у меня не было рѣшительно никакой поддержки, даже клочка соломы въ рукахъ; все зависѣло отъ того, на сколько я математически точно сумѣю сохранить равновѣсіе; стоило мнѣ двинуть рукою, шевельнуть хотя бы однимъ мускуломъ... и я сразу полетѣлъ бы внизъ головою въ рѣку».

Онъ выпилъ глотокъ воды. Пальцы у него нервно двигались.

«И вотъ тогда-то я увидалъ смерть въ лицо».

Гмъ. Черезъ нѣсколько минутъ я долженъ былъ очутиться тамъ, внизу,—это я понималъ. Туда, вотъ именно на это мѣсто, хотѣлъ я упасть, не въ самую средину бурнаго потока, а сбоку отъ него... тамъ буду я лежать.. вотъ, вотъ, черезъ нѣсколько секундъ.

«И вдругъ на меня нашло полное спокойствіе. Я вперилъ взоры въ то мѣсто, куда я долженъ былъ упасть; измѣрялъ его глазами; старался ознакомиться съ нимъ. И это мѣстечко показалось мнѣ вдругъ необыкновенно пріятнымъ, симпатичнымъ; рѣка точно получила какой-то обликъ и выраженіе.... спокойное, кроткое выраженіе; она точно глядѣла на меня, несчастнаго, стоявшаго тамъ наверху, на высокомъ мосту, между небомъ и землею, глядѣла такими большими, влажными, добрыми глазами: «Иди ко мнѣ, я далеко не такъ холодна, какъ кажусь». И глубокое спокойствіе нашло на меня; всѣ тревожныя мысли исчезли; я сразу покончилъ всѣ счеты съ жизнью; я былъ готовъ, согласенъ идти къ ней; я испытывалъ при этомъ даже нѣкоторое чувство удовольствія,—пріятно было смириться и дать себѣ упасть».

«Кончено! Я началъ терять равновѣсіе... скользнуть... и вдругъ почувствовалъ, что мои пальцы хватаются за что-то... соломенка... нѣсколько соломенокъ въ рукахъ».

«А—а!»

«Я не имѣю никакого понятія, какимъ образомъ я ухватился за нихъ, и не знаю, какъ это случилось, но, почувствовавъ точку опоры, я тотчасъ выпрямился... и проскользнулъ за сани. Единственное, что я помню, это то, что рабочіе подбѣжали и подхватили меня. Но тогда я уже стоялъ за санями и дрожалъ... я былъ спасенъ».

Я глубоко вздохнулъ. Дядюшка хлебнулъ изъ стакана и вытянулся на креслѣ.

«Тогда я страшно испугался», произнесъ онъ. «Но тотъ, кто уже видѣлъ разъ смерть въ лицо, не боится ея больше».

Мнѣ показалось, что съ моей стороны не хорошо заставлятъ больного дядюшку такъ много разговаривать о смерти, и я постарался навести разговоръ на другой предметъ.

«А вотъ что, дядюшка», сказалъ я: «видѣли ли вы когда-нибудь, какъ я ѣзжу верхомъ на молодомъ гнѣдомъ, котораго отецъ недавно купилъ? Не правда-ли, какая чудесная лошадь?»

Лошади представляли единственный предметъ, интересовавшій дядюшку, и скоро смерть была забыта для молодого гнѣдого».

Но отъ гнѣдого коня онъ перешелъ къ вороному, когда-то принадлежавшему ему самому, и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, мы снова коснулись вопроса о смерти.

«Да, вороной, да! бѣдное животное; теперь онъ старъ и ходить въ плугъ. Но—гмъ! въ молодости онъ славился; и притомъ по его винъ я еще разъ поздоровался со смертью».

«Ахъ, да?—Это было тогда, когда мнѣ Лиззи гостила у насъ въ городъ? Какъ давно это было?»

«Аа—гмъ... тогда тебя отъ земли еще не было видно. Гмъ—гмъ... Я купилъ его въ Даніи;—благородное животное. Самая красивая лошадиная голова, какую я когда либо видѣлъ. А ходъ какой—просто чудо!—А ноги—такія тонкія и крѣпкія... а глаза! Мнѣ и теперь пріятно, какъ подумаю, какіе это были красивые глаза. Гмъ! Вотъ я и привезъ его домой и каждый день катался; весь городъ любовался моимъ Пегасомъ, онъ былъ общимъ любимцемъ. Залюбовалась имъ и канатная плясунья, бѣдняжка.—Гмъ! Она пристала ко мнѣ, чтобы я ее покаталъ на немъ; но—гмъ... замѣть себѣ, Гансъ, что женщина всегда приноситъ съ собою несчастье, гмъ... разумеется, я говорю о женщинахъ незнакомыхъ... Саломея—гмъ... нужно ихъ бояться... при всякихъ случаяхъ, гмъ..., при *всевозможныхъ* случаяхъ. Гмъ, гмъ. Ну, вотъ вороной возьми и испугайся... а хуже всего было то, что возжи держалъ въ то время не я, а Лиззи. Онъ повесъ насъ, какъ вѣтеръ, и... прежде чѣмъ я успѣлъ схватить возжи и сдержать его, колесо отскочило, экипажъ перевернулся прямо на каменную изгородь, Лиззи упала вискомъ на край изгороди... гмъ... Я былъ переброшенъ по другую сторону каменной стѣны, на мягкую траву; но лишился чувствъ, такъ же какъ и она.... съ тою только разницею, что я проснулся въ этомъ мірѣ. Гмъ... Я помню только бѣшеную ѣзду, грохотъ, трескъ, колеса и экипажъ. точно поднявшіеся въ воздухъ... я не испугался тогда; ничего опаснаго не предполагалъ; по ея лицу видно было, что и она испытывала то же самое. На лицѣ ея было напряженное выраженіе, которое она приняла, вѣроятно, какъ только лошадь понесла; она лежала, держа возжи въ рукахъ;—губы были энергично сжаты, точно она напрягала всю свою волю, чтобы хорошенько направить лошадь... Бѣдная дѣвушка! Жалко было мнѣ смотрѣть на нее.—Но смерть пришла къ ней легко».

Солнце садилось все ниже и ниже. Я оперся на рѣшетку балкона и смотрѣлъ на вечернія тѣни, ложившіяся на землю. Онъ сидѣлъ, устремивъ свои потухшіе глаза... на море, или, скорѣе, углубившись самъ въ себя.

— «А между тѣмъ, когда я заболѣлъ», произнесъ онъ тихо,—быть можетъ, онъ говорилъ самъ съ собою,—«смерть... опять поздоровалась со мною. Гмъ!»

«Я всталъ утромъ въ обыкновенный свой часъ и только что хотѣлъ одѣваться, какъ полъ началъ уходить изъ-подъ моихъ ногъ. Я пробоваъ стать крѣпче на ноги. но напрасно; все кружилось вокругъ, мнѣ казалось, что я самъ начинаю вертѣться... Сила, которой невозможно было

противостоять, тянула меня неудержимо внизъ; я испытывалъ не безпокойство, а только сильное удивленіе. Встрѣчаясь съ силою, которой невозможно противостоять, чувствуешь всегда какое-то глубокое почтеніе, благоговѣніе... это именно я и испытывалъ. Гмъ....»

«Когда я очнулся, я почувствовалъ, что представляю изъ себя какую-то невѣроятно тяжелую... тяжелую массу, которая лежитъ на кровати, глубоко погружаясь въ нее; свинцовая тяжесть сковывала всѣ мои члены; я испытывалъ смертельную усталость и слабость, такую страшную слабость, что каждый нервъ мой ощущалъ ее. При этомъ я по прежнему чувствовалъ головокруженіе; постель колыбалась подо мною; мнѣ казалось, что я лежу на водѣ и что меня укачиваютъ волны... Ничего другого я не сознавалъ, кромѣ этой страшной тяжести и этого медленнаго укачиванія. Гмъ! Открыть глаза, двинуть пальцемъ... мнѣ это даже на мысль не приходило. Мнѣ одного только хотѣлось—отдыха,—одного только отдыха.—Отдыхать всѣмъ тѣломъ, всѣми членами, всѣми мыслями, всѣми ощущеніями, всѣми каплями моей крови, всѣми частицами моего тѣла.—Все окружающее было покрыто точно туманомъ, неясно, смутно; полузабытье, полусонъ; но мнѣ это было пріятно. Если у меня было какое-нибудь желаніе, то лишь одно: глубже, сильнѣе погрузиться въ этотъ сонъ, все глубже и глубже, и еще глубже; заснуть хорошенько, всецѣло проникнуть въ окружающій меня мракъ, въ охватившую меня ночь. Я зналъ, что этотъ мракъ—смерть; но я жаждалъ ея, стремился къ ней съ болѣзненнымъ спокойствіемъ: дай Богъ, чтобы она скорѣе пришла.—Лежать и сознавать себя было мучительно; какъ бы скорѣе ночь, ночь, полная ночь!—вытнаться и умереть:—ахъ, какъ-бы скорѣе!»

«Такъ-то боится человѣкъ смерти, когда она близка!»

«Мнѣ кажется иногда, что я съ удовольствіемъ легъ бы и умеръ. И эта мысль очень утѣшительна.»

«Глухо дѣлаютъ люди, изображая нашего послѣдняго друга въ видѣ скелета съ косою. Это все монашескія выдумки, гмъ!—Кто изображаетъ смерть въ такомъ видѣ, тотъ никогда не встрѣчался съ нею.—Это вовсе не скелетъ, это молодой богъ... или, скорѣе, молодая, прекрасная богиня. Блѣдная и серьезная, строгая съ виду; но кто ближе ее узнаетъ... тому это строгое лицо кажется спокойнымъ и кроткимъ, полнымъ материнской нѣжности, внушающимъ глубокое довѣріе; а глаза такіе большіе, глубокіе, полные состраданія, гмъ, состраданія...»

«Нѣтъ, она не желаетъ намъ зла, когда приходитъ. Она беретъ насъ въ свои объятія и баюкаетъ насъ точно во снѣ, въ свѣтломъ, пріятномъ снѣ; она заставляетъ насъ все глубже и глубже погружаться въ этотъ свѣтлый пріятный сонъ... пока сонъ этотъ не приводитъ насъ къ иному, свѣтлomu утру... а это и есть будущая жизнь.»

«Такъ вы вѣрите въ будущую жизнь, дядюшка?— А отецъ говорить, что ея нѣтъ»...

«Одна особа обѣщала встрѣтиться со мною тамъ... а она живетъ».

Я зналъ, о комъ думалъ дядюшка, и молчалъ. Онъ не забылъ ея, бѣдный дядюшка! Я легъ на галереѣ, устремивъ взоръ на вечернюю зарю, пока ея золотистыя тѣни не приняли формы лица строгаго, серьезнаго, но становившагося все болѣе и болѣе кроткимъ, по мѣрѣ того, какъ я всматривался въ него.

 (Арне Гарборгъ).

(Съ рукописи, присланной авторомъ для Сборника; переводъ съ норвежскаго М. Лучинкой).

Изъ письма.

(Отрывокъ).

....**Н**е говори, что жизни молоть
Еще не могъ сломить меня,
Что долженъ вѣрить тотъ, кто молодъ,
Въ комъ злой тоски мертвящій холодъ
Не погасилъ еще огня...
Мое безвѣрье и безстрастье
Не осуждай, мой добрый другъ.
Взгляни: вездѣ царитъ ненастье,
Въ сердцахъ тупое безучастье,
Нужда гнетущая вокругъ...
Повсюду горечь слезъ, безсилъя,
Любви увядшіе цвѣты,
Борьбой изломанныя крылья,
Судьбой разбитыя мечты!....
На путь житейскій выступая,
Мы не боялись зла и тьмы,
Любили, вѣровали мы,—
Но скоро, скоро утро мая
Смѣнилось холодомъ зимы...
Мой другъ, ты видишь, въ нашей жизни
Дрожать послѣдніе огни...
О, въ эти тягостные дни
Хотѣли-бъ мы служить отчизнѣ..
Но чѣмъ служить, но какъ помочь,
Чтобъ хоть одна душа согрѣта
Была струей любви и свѣта,
Чтобъ хоть на мигъ разсѣять ночь?...

.

Л. Мунштейнъ.

ПОГОДА и ПРЕДСКАЗАНИЕ ЕЯ *).

Нѣтъ науки, предметъ которой представлялъ-бы столь общій интересъ, какъ наука о погодѣ. Погода интересуетъ всякаго,—для нѣкоторыхъ же, какъ, напримѣръ, для моряковъ и сельскихъ хозяевъ, она представляетъ особенное значеніе. Не смотря, однако, на это, почти до настоящаго времени существовали крайне смутныя представленія о законахъ измѣненія погоды: атмосферныя явленія, каковы, напримѣръ, перемѣна вѣтра, измѣненіе температуры, дождь и проч. казались какъ-бы случайными, не подчиненными опредѣленнымъ законамъ. Астрономы давно уже могли съ величайшею точностью предсказывать затмѣнія солнца и луны, прохожденія планетъ черезъ солнечный дискъ, появленіе кометъ и проч.; метеорологи-же до настоящаго времени о предсказаніи погоды научнымъ путемъ не могли и думать, и только недавно, лѣтъ тридцать тому назадъ, вопросъ о предсказаніи погоды былъ поставленъ на научную почву. да и теперь еще онъ не достигъ такого развитія, какое было-бы желательно.

Причина такой отсталости заключается въ томъ, что явленія, совершающіяся во всей земной атмосферѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою и необходимо изучать ихъ во всей ихъ совокупности. Астрономъ можетъ изучать небесныя явленія: изслѣдовать законы движенія свѣтилъ, ихъ физическое строеніе и проч., не выходя изъ своей обсерваторіи; нѣсколькихъ обсерваторій на землѣ совершенно достаточно для такого изученія свѣтилъ, какое только возможно. Для изученія-же атмосферныхъ явленій, необходимо весьма много пунктовъ, въ которыхъ-бы производились правильныя наблюденія; успѣхи метеорологіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ увеличеніемъ числа этихъ пунктовъ, а это послѣднее съ теченіемъ времени совершалось весьма медленно, по мѣрѣ того, какъ дѣлались географическія открытія и распространялась цивилизація. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время еще изслѣдованія погоды ограничиваются лишь очень немногими частями земной поверхности.

Кромѣ того, вслѣдствіе сложности и запутанности атмосферныхъ явленій, весьма долгое время не знали, какъ приняться за изученіе ихъ: изучались явленія, совершающіяся въ отдѣльныхъ пунктахъ, на связь же между явленіями, происходящими одновременно въ различныхъ пунктахъ, не обращалось никакого вниманія. Методъ сравне-

*) Двѣ публичныя лекціи, прочитанныя въ торжественной залѣ Университета св. Владиміра.

нія одновременныхъ наблюденій введенъ всего лишь 30 лѣтъ тому назадъ и далъ неожиданные результаты, благодаря которымъ ученіе о погодѣ стало быстро развиваться и въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ сдѣлало такіе успѣхи, какихъ въ то-же время не сдѣлала никакая другая наука. Поводомъ къ введенію сравнительнаго метода послужило слѣдующее обстоятельство.

13 Ноября 1854 года страшная буря пронеслась надъ Великобританіей, оставивъ за собою слѣды разрушенія и опустошенія. Съ особенною силою она разразилась надъ каналомъ св. Георгія, гдѣ сильнымъ вѣтромъ выбросило на берегъ англійскій корабль «Royal Charter». Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого буря свирѣпствовала въ средней Европѣ, а сутки спустя — на Черномъ морѣ, гдѣ въ то время стоялъ флотъ союзныхъ войскъ, которая и причинила большія бѣдствія. Сильный вредъ, причиненный этою бурею французскому флоту на Черномъ морѣ, обратилъ на послѣднюю вниманіе парижской астрономической обсерваторіи, во главѣ которой стоялъ тогда знаменитый Леверье. Астрономы этой обсерваторіи, основываясь на томъ, что буря сначала свирѣпствовала въ Великобританіи, потомъ въ средней Европѣ и затѣмъ на Черномъ морѣ, высказали мысль, что это была одна и та-же буря, что она двигалась по прямому направленію и что если-бы воспользоваться телеграфомъ, то можно было-бы заблаговременно предупредить флотъ Чернаго моря объ угрожавшей ему опасности. Чтобы провѣрить, что это была одна и та-же буря, Леверье поручилъ астроному Ліэ собрать всѣ наблюденія надъ атмосферою, произведенныя въ Европѣ 12, 13, 14 и 15 Ноября, и сравнить ихъ между собою. Для удобства сравненія Ліэ нанесъ тѣ наблюденія, которыя были сдѣланы въ одно и то-же время, или, лучше сказать, въ одни и тѣ-же часы, на географическую карту Европы. Такимъ образомъ впервые были составлены такъ называемыя метеорологическія или синоптическія карты. Онѣ показали, что буря 13 и 14 Ноября дѣйствительно была одна и та-же, что она двигалась приблизительно по прямому направленію и что, слѣдовательно, если-бы воспользоваться телеграфомъ, то можно было-бы предупредить флотъ Чернаго моря объ угрожавшей ему опасности. Кромѣ того, оказалось, что буря помимо поступательнаго движенія имѣла еще и вращательное. Вскорѣ послѣ этого метеорологическія карты стали составляться все чаще и чаще и въ настоящее время составляются въ центральныхъ метеорологическихъ учрежденіяхъ почти всѣхъ государствъ Европы и въ нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ: мѣстами только для утра каждаго дня, мѣстами для утра и вечера, а мѣстами для утра, полдня и вечера. Недавно такія карты стали печататься ежедневно въ нѣкоторыхъ газетахъ.

Составляются метеорологическія карты слѣдующимъ образомъ:

Въ Европѣ находится нѣсколько сотъ пунктовъ, въ которыхъ дѣлаются ежедневно въ 7 ч. утра, 1 ч. полд. и 9 ч. вечера по мѣстному времени наблюденія надъ температурою и влажностью воздуха, атмосфернымъ давленіемъ, направленіемъ и силою вѣтра, облачностью, осадкамъ и проч. Эти пункты носятъ названіе *метеорологическихъ станцій*. Приборовъ, при помощи которыхъ производятся наблюденія, я описывать не буду, но только нѣсколько словъ скажу о барометрѣ, такъ какъ современное ученіе о погодѣ основано, главнымъ образомъ, на немъ. Барометръ служитъ для

опредѣленія упругости воздуха или, иначе, давленія, которое онъ производитъ. Барометры бываютъ двухъ родовъ: ртутные и металлическіе. Первые даютъ болѣе точные результаты, почему наблюденія на метеорологическихъ станціяхъ дѣлаются исключительно по нимъ. Идея устройства ртутнаго барометра, какъ извѣстно, слѣдующая: возьмемъ стеклянную трубку, толщиною съ палецъ и длиною около аршина съ четвертью, съ одного конца открытую, съ другого запаянную. Нальемъ въ нее ртути до самаго верху и, закрывъ пальцемъ, перевернемъ и опустимъ въ сосудъ съ ртутью-же, такъ, чтобы конецъ не касался дна сосуда. Затѣмъ палецъ отнимемъ. Мы увидимъ, что ртуть въ трубкѣ немного опустится, но все же будетъ стоять значительно выше, чѣмъ въ сосудѣ. Это происходитъ отъ того, что надъ ртутью въ трубкѣ воздуха нѣтъ, слѣдовательно, тамъ на нее ничто не давитъ, тогда какъ надъ ртутью въ сосудѣ находится воздухъ, который своимъ давленіемъ и поддерживаетъ ртутный столбъ въ трубкѣ. Упругость или давленіе воздуха постоянно мѣняется, отчего мѣняется и высота ртутнаго столба: если давленіе воздуха увеличивается, то изъ чашки въ трубку вливается больше ртути, и столбъ ртути въ трубкѣ увеличивается; если-же воздухъ давитъ слабѣе, то, наоборотъ, часть ртути изъ трубки выходитъ, отчего столбъ дѣлается ниже. Очень употребительны слѣдующія выраженія—говорятъ: «барометръ повышается», это значить, что столбъ ртути въ трубкѣ поднимается, т. е. давленіе воздуха увеличивается; говорятъ «барометръ понижается» или «падаетъ», это значить, что столбъ ртути понижается, т. е. давленіе воздуха уменьшается. Если съ барометромъ подниматься, то онъ постепенно понижается, что указываетъ на уменьшеніе упругости воздуха съ высотой. Причина этого заключается въ слѣдующемъ. Раздѣлимъ мысленно атмосферу на горизонтальныя слои. Каждый слой притягивается къ землѣ, вслѣдствіе чего давитъ на нижележащіе. Очевидно, что наиболѣе сжать долженъ быть самый нижній слой, слѣдующій за нимъ сжать менѣе сильно и т. д. Но чѣмъ сильнѣе сжать воздухъ, тѣмъ сильнѣе онъ самъ давитъ въ стороны, т. е. тѣмъ болѣе его упругость. Отсюда слѣдуетъ, что послѣдняя должна уменьшаться съ высотой. Такимъ образомъ, мы при помощи барометра можемъ судить о давленіи воздуха. Для этого надо опредѣлить высоту ртутнаго столба, т. е. разстояніе между уровнями ртути въ сосудѣ и въ трубкѣ по отвѣсному направленію, для чего служить скала или линейка съ дѣленіями на мм., которую прикладываютъ къ барометру. Такихъ дѣленій на скалѣ около 800, причемъ счетъ долженъ идти отъ уровня ртути въ сосудѣ.

Теперь обратимся къ метеорологическимъ картамъ. Каждая карта показываетъ намъ, какова погода въ данное время въ извѣстной области: такъ, напримѣръ, карта I показываетъ, какова была погода въ Европѣ 21 Октября (по новому стилю) 1880 г. На ней мы видимъ, во-первыхъ, кружки. Или отмѣчены метеорологическія станціи. Изъ кружковъ нѣкоторые не зачернены; это значить, что въ этихъ мѣстахъ во время наблюденія небо было ясно; у нѣкоторыхъ зачернена четверть, это значить—четверть неба была покрыта облаками; если зачернена половина, три четверти или весь кружокъ, то значить половина неба, три четверти или все небо было покрыто облаками. Если при кружкѣ стоитъ точка, значить во время наблюденія въ этомъ мѣстѣ шелъ дождь; звѣздочка означаетъ снѣгъ, треугольникъ—градъ, три черточки—туманъ и проч.

При кружках находятся стрѣлки, онѣ обозначаютъ направленіе вѣтра. Если стрѣлка направлена отъ юга къ сѣверу, значитъ, въ то время въ этомъ мѣстѣ вѣтеръ былъ южный, а если отъ сѣвера къ югу, то—сѣверный, отъ сѣверо-запада—сѣверо-западный и т. д. Для обозначенія силы вѣтра служатъ маленькія поперечныя черточки на заднемъ концѣ стрѣлки. Если нѣтъ ни одной черточки, значитъ, вѣтеръ былъ легкій, одна или двѣ черточки обозначаютъ слабый вѣтеръ, три, четыре или пять—умѣренный, 6—7 сильный, 8—9 бурю, 10—11 сильную бурю. 12 сильнѣйшій штормъ. Если при кружкѣ совсѣмъ нѣтъ стрѣлки, значитъ, здѣсь не было никакого вѣтра. При кружкахъ ставятся также температуры воздуха, наблюдавшіяся въ данное утро въ этихъ мѣстахъ. Если передъ числомъ стоитъ знакъ—, то это значитъ, что температура была ниже точки замерзанія, а если никакого знака нѣтъ, то—выше. Температуры показаны на картахъ въ градусахъ Цельзія (на картѣ I температуръ не указано). На метеорологическихъ картахъ мы видимъ еще кривыя линіи, при которыхъ поставлены числа 760, 755, 750, 745 и проч. Эти линіи обозначаютъ слѣдующее: на метеорологическихъ станціяхъ производится, какъ было сказано, наблюденія надъ барометромъ. Отчеты, сдѣланные по нимъ, наносятъ на карту при соотвѣтствующихъ пунктахъ, но не непосредственно, а сперва, для удобства сравненія, приводятъ къ уровню моря, т. е. вычисляютъ, сколько показалъ-бы барометръ, если-бы станція опустилась до продолженнаго внутрь континента уровня моря. И вотъ мѣста, гдѣ въ 7 час. утра даннаго дня упругость воздуха была одинакова, соединяютъ линією. Такія линіи называются *изобарами*. При помощи метеорологической карты можно судить о томъ, гдѣ какая была погода въ 7 час. утра даннаго дня. При помощи ихъ удалось также подмѣтить нѣкоторую правильность въ измѣненіяхъ погоды, которыя прежде, какъ я уже упоминалъ, казались случайными, а это, въ свою очередь, дало возможность до нѣкоторой степени судить о предстоящей погодѣ.

Разсмотримъ внимательнѣе метеорологическую карту 21 Октября 1880 года. На ней мы видимъ различное давленіе или различную упругость воздуха въ разныхъ мѣстахъ. Наименьшая упругость 730 мм. въ юго-западной части Балтійскаго моря. Изобара 730 мм. представляетъ собою кривую линію, близкую къ окружности круга. Эту линію окружаетъ изобара 735 мм., эту—изобара 740 мм. и т. д. Во всей этой области, ограниченной изобарой 750 мм., упругость тѣмъ меньше, тѣмъ ближе къ срединѣ этой области, гдѣ она наименьшая. Мѣсто, гдѣ упругость воздуха наименьшая, называютъ *барометрическимъ минимумомъ*, а область, вокругъ него расположенную—*областью барометрическаго минимума*.

На той-же картѣ мы видимъ изобары 765, 770 мм. хотя и не замкнутыя, но тѣмъ не менѣе, очевидно, обходящія вокругъ мѣста, гдѣ упругость воздуха наибольшая. Эти мѣста называются *барометрическимъ максимумомъ*, а область вокругъ него расположенная,—*областью барометрическаго максимума*.

Сначала я буду говорить о барометрическихъ минимумахъ.

Мы видели, что въ области барометрическаго минимума, находящагося въ юго-западной части Балтійскаго моря, упругость распредѣлена неодинаково—она уменьшается къ центральной части. Можетъ-ли воздухъ, находящійся въ этой области, быть

въ покоѣ? Нѣтъ, не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ у земной поверхности (предполагаемой горизонтальной) или на одной высотѣ надъ нею рядомъ двѣ массы воздуха различныхъ упругостей. Въ покоѣ онѣ оставаться не могутъ, такъ какъ давать одна на другую съ различными силами. Воздухъ будетъ двигаться отъ массы большей упругости къ массѣ меньшей, и это будетъ происходить до тѣхъ поръ, пока упругости этихъ массъ не сравняются. Движеніе воздуха по горизонтальному направлению, которое при этомъ произойдетъ, наз. *вѣтромъ*. Очевидно, что чѣмъ больше отличаются между собою упругости сосѣднихъ массъ, тѣмъ сильнѣе долженъ быть вѣтеръ. Нѣчто подобное происходитъ въ обыкновенныхъ мѣхахъ: возьмемъ мѣха, доски которыхъ раздвинуты. Никакого движенія извнутри не происходитъ отъ того, что воздухъ внутри и снаружи имѣетъ одинаковую упругость. Сожмемъ ихъ,—произойдетъ движеніе воздуха извнутри отъ того, что упругость воздуха внутри стала больше, чѣмъ снаружи. Чѣмъ сильнѣе сожмемъ, тѣмъ больше будетъ разность въ упругостяхъ, тѣмъ сильнѣе будетъ токъ воздуха.

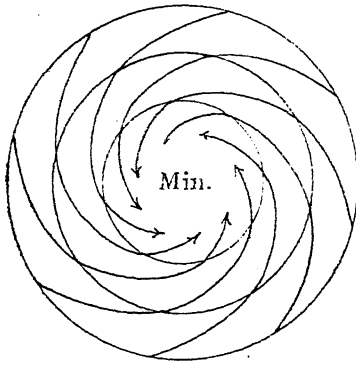
Итакъ, воздухъ въ области барометрическаго минимума въ покоѣ оставаться не можетъ: болѣе упругія массы должны стремиться къ менѣе упругимъ, т. е. воздухъ долженъ стремиться къ центральной части, иначе сказать,—къ барометрическому минимуму.

Но на направленіе движущагося воздуха оказываетъ вліяніе вращеніе земли около оси. Вліяніе это выражается въ томъ, что вѣтеръ въ сѣверномъ полушаріи отклоняется вправо, а въ южномъ—влѣво относительно своего первоначальнаго направленія, каково бы оно ни было (здѣсь говорится про горизонтальное движеніе). Величина отклоненія увеличивается съ увеличеніемъ скорости движущагося воздуха и съ увеличеніемъ широты. На экваторѣ никакого отклоненія не происходитъ.

Разсматривая нашу карту, легко видѣть, что она подтверждаетъ сказанное: вѣтеръ дуетъ къ барометрическому минимуму съ нѣкоторымъ отклоненіемъ вправо. То же оказывается справедливымъ и для другихъ мѣстностей нашей карты. Это правило можно распространить и на области барометрическихъ максимумовъ. Вообще *вѣтеръ дуетъ отъ области съ болѣею упругостію къ области съ менѣею, уклоняясь въ сѣверномъ полушаріи вправо, въ южномъ—влѣво*. Это правило извѣстно подъ именемъ закона Бейсъ-Балло.

Величина отклоненія бываетъ различна и зависитъ отъ вида поверхности земли и физическихъ свойствъ воздуха. Особенно вліяетъ видъ поверхности тамъ, гдѣ неровности значительны; вѣтры могутъ совсѣмъ не слѣдовать этому закону, напримѣръ, въ Лезинѣ (карта I).

Итакъ, въ области барометрическаго минимума воздухъ стремится къ центральной части, но постоянно отклоняется вправо. Въ результатъ является движеніе по кривымъ линіямъ, которыя, какъ показываетъ математическій анализъ, близки къ логарифмическимъ спиралямъ. Поэтому, общее движеніе воздуха около минимума можетъ быть представлено чертежомъ I.

Черт. 1.

Изъ этого чертежа видно, что воздухъ вокругъ барометрическаго миним. вращается по направленію обратному движенію часовой стрѣлки (въ южномъ полушаріи направленіе вращенія обратное). Вихрь, вращающійся около барометрическаго минимума, носить названіе *циклона*.

Та же карта (карта I) подтверждаетъ, что, если разность въ упругостяхъ сосѣднихъ массъ воздуха больше, то сила вѣтра больше: гдѣ изобары лежатъ тѣснѣе, тамъ эта разница въ упругостяхъ больше, тамъ вѣтеръ сильнѣе. Такъ, напримѣръ, въ Даніи пзобары лежатъ тѣснѣе, чѣмъ

въ другихъ мѣстахъ, и сила вѣтра тамъ выражается 10-ю баллами. Этотъ законъ выражаютъ иногда иначе, вводя особый терминъ—*барометрическій градіентъ*, подъ которымъ подразумѣваютъ разность въ упругостяхъ воздуха по направленію нормальному къ изобарамъ въ двухъ мѣстахъ, лежащихъ одно отъ другого на разстояніи 111 кил. (1° мерид.). Гдѣ барометрическій градіентъ больше, тамъ сила вѣтра больше. Это правило извѣстно подъ именемъ закона Стифенсона. Впрочемъ, сила вѣтра зависитъ не только отъ величины градіента, но и отъ вида поверхности земли, надъ которою движется воздухъ, и отъ физическихъ свойствъ послѣдняго. Особенное вліяніе оказываетъ видъ поверхности земли: гдѣ она ровнѣе, тамъ при томъ-же градіентѣ сила вѣтра больше. Вотъ почему, одному и тому-же барометрическому градіенту соответствуютъ болѣе сильные морскіе вѣтры, чѣмъ континентальные, и болѣе сильные вѣтры лѣтомъ, чѣмъ зимою.

Разсмотримъ теперь карту 22 Октября 1880 года (карта II). Мы уже не видимъ барометрическаго минимума надъ юго-западною частью Балтійскаго моря. Здѣсь теперь проходитъ изобара 760 мм., тогда какъ наканунѣ упругость была тутъ 730 мм. Слѣдовательно, въ этомъ мѣстѣ въ теченіе сутокъ барометръ повысился на 30 мм. Барометрическій минимумъ теперь находится къ юго-востоку отъ Онежскаго озера или, точнѣе, Вологды. Наканунѣ упругость здѣсь была около 755 мм., а теперь 720 мм., слѣдовательно, въ теченіе сутокъ барометръ упалъ на 35 мм. Если-бы мы разсмотрѣли метеорологическія карты для промежуточныхъ часовъ, то увидали-бы въ эти часы, что барометрическій минимумъ занималъ промежуточные положенія, значить, барометрическій минимумъ перешелъ отъ юго-западной части Балтійскаго моря къ Вологдѣ, двигаясь при этомъ не скачками, а непрерывно.

И на этой картѣ подтверждается сказанное раньше о направленіи и силѣ вѣтра; и здѣсь вращеніе воздуха происходитъ по направленію, обратному движенію часовой стрѣлки.

Итакъ, барометрическіе минимумы передвигаются. Изъ разсмотрѣнія большаго числа картъ, оказывается, что минимумы передвигаются у насъ въ умѣренномъ поясѣ преимущественно въ восточную часть горизонта, рѣже по другимъ направленіямъ и

только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ къ западу. Скорость передвиженія ихъ весьма различна. Въ нашемъ примѣрѣ барометрическій минимумъ прошелъ отъ 21 до 22 Октября около 1300 в. Это очень большая скорость, обыкновенно они движутся медленнѣе. Зимую скорость передвиженія ихъ больше, чѣмъ лѣтомъ.

Разсматривая наши карты, мы видимъ, что кружки въ области минимума почти все зачернены, — значить, въ ней небо пасмурно; при нѣкоторыхъ кружкахъ стоятъ точки, при нѣкоторыхъ звѣздочки — значить, тамъ идетъ дождь или снѣгъ (снѣгъ тамъ, гдѣ температура воздуха ниже 0°). Пасмурное небо, дождь или снѣгъ — это отличительныя особенности областей барометрическихъ минимумовъ или циклоновъ. Причина этого явленія слѣдующая. Въ области барометрическаго минимума воздухъ болѣе разрѣженъ, чѣмъ внѣ ея, слѣдовательно, онъ болѣе легокъ, а легкій воздухъ, будучи окруженъ тяжелымъ, стремится подняться. Слѣдовательно, въ области барометрическаго минимума должно происходить постоянное движеніе воздуха кверху. Воздушныя массы, поднимаясь, переходятъ въ менѣе упругіе слои, расширяются, совершая работу, на которую идетъ часть ихъ теплоты, отчего онъ охлаждаются и выдѣляютъ въ видѣ облаковъ, дождя, снѣга, или даже града, часть того пара, который въ нихъ находится. Особенно сильные дождь или снѣгъ идутъ обыкновенно въ восточной части области минимума. въ западной-же они болѣе слабы, и небо здѣсь по временамъ проясняется. Это происходитъ отъ того, что въ восточной части дуютъ вѣтры отъ Ю.-З., Ю., Ю.-В., т. е. болѣе теплые, а слѣдовательно, и содержащіе больше водяного пара (теплый воздухъ, какъ извѣстно, можетъ вообрать въ себя больше пару, чѣмъ холодный), чѣмъ вѣтры въ западной части, дующіе отъ С.-З., С. и С.-В., отличающіеся вообще болѣе низкою температурою и большею сухостью.

При прохожденіи области барометрическаго минимума надъ даннымъ мѣстомъ, въ послѣднемъ происходятъ довольно правильныя измѣненія погоды. Возьмемъ два мѣста, изъ которыхъ одно лежитъ по правую сторону пути минимума, а другое по лѣвую (правую слѣдуетъ понимать по отношенію къ наблюдателю, стоящему на пути минимума и смотрящему туда, куда онъ движется). Соединимъ прямою линіею положеніе барометрическаго минимума 21 Октября и 22 Октября—это будетъ путь минимума. По правую и по лѣвую стороны его лежитъ по нѣскольку метеорологическихъ станцій. Мы выберемъ Пинскъ (по правую) и Балтійскій портъ (по лѣвую).

Выпишемъ направленія и силы вѣтровъ въ нихъ, а также высоты барометровъ.

П и н с к ъ.

Число мѣсяцъ и часъ.	Напр. и сила вѣтра (въ метр. въ сек.)	Барометръ.
20 Октября 9 ч. веч.	Ю.-В. ₄	749. ₄
21 Октября 7 ч. утра	Ю.-В. ₈	37. ₈
Тоже 1 ч. плд. . . .	Ю. ₁₀	30. ₀
Тоже 9 ч. веч. . . .	З. ₂₉	34. ₀
22 Октября 7 ч. утра	З. ₁₅	42. ₃
Тоже 1 ч. плд. . . .	З. ₁₀	46. ₂

Балтійскій портъ.

Число мѣсяца и часъ.	Напр. и сила вѣтра (въ метр. въ сек.)	Барометръ.
20 Октября 9 ч. веч.	З.-Ю.-З.. ₃	56. ₅
21 Октября 7 ч. утра	Ю.-В.. ₃	51. ₆
Тоже 1 ч. пдд. . . .	В.-С.-В.. ₁₅	43. ₄
Тоже 9 ч. веч. . . .	В.-С.-В.. ₂₉	37. ₄
22 Октября 7 ч. утра	С.. ₁₀	47. ₈
Тоже 1 ч. пдд. . . .	С.-С.-З.. ₆	51. ₆

Разсматривая первую таблицу, мы видимъ, что отъ 21 до 22 Октября направленіе вѣтра въ Пинскѣ измѣнялось по направленію движенія часовой стрѣлки; скорость вѣтра, по мѣрѣ приближенія барометрическаго минимума, увеличивалась, а при удаленіи уменьшалась. Наибольшая была 21 въ 9 час. вечера (29 метр. въ секунду); барометръ при приближеніи минимума падалъ, при удаленіи—повышался. Тоже самое было и въ Балтійскомъ портѣ, съ тою разницею, что направленіе вѣтра измѣнялось здѣсь обратнo движенію часовой стрѣлки. Итакъ, въ мѣстѣ, лежащемъ по правую сторону пути барометрическаго минимума, происходитъ измѣненіе направленія вѣтра по движенію часовой стрѣлки, а въ мѣстѣ, лежащемъ по лѣвую сторону,—обратнo движенію часовой стрѣлки. Въ томъ мѣстѣ, черезъ которое проходитъ барометрическій минимумъ или центръ циклона, вѣтеръ до прохожденія его дуетъ съ одной стороны, а по прохожденіи съ совершенно противоположной. При прохожденіи самого центра вѣтеръ бываетъ слабъ, иногда даже его вовсе не замѣчается.

Сообразно съ измѣненіемъ направленія вѣтра, должно происходить и измѣненіе температуры. Нерѣдко такіа измѣненія бываютъ очень значительны. Вотъ нѣкоторые примѣры:

7 Мая 1879 года въ Петербургѣ, при прохожденіи центра циклона, температура въ теченіе 20 минутъ понизилась на 7° Ц. До прохожденія центра вѣтеръ дулъ отъ Ю., а послѣ прохожденія отъ С.-В.

19 Января 1866 года, при прохожденіи циклона, температура въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы въ теченіе 6 часовъ понизилась на 30°.

Въ Соединенныхъ Штатахъ однажды, при прохожденіи циклона, температура въ теченіе 35 минутъ измѣнялась на 22° Ц. Не менѣе замѣчательно и измѣненіе барометра, происходящее при прохожденіи циклона: при приближеніи циклона барометръ понижается, а при удаленіи повышается.

Имѣя въ виду сказанное объ измѣненіи погоды при прохожденіи циклона черезъ данное мѣсто, можно заранѣе предвидѣть всѣ эти перемѣны, только надо знать, какою частью своею пройдетъ циклонъ черезъ это мѣсто. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе при сужденіи о предстоящей погодѣ.

Еще нѣсколько замѣчаній по поводу циклоновъ. Циклоны вообще сопровождаются сильными вѣтрами. Бури, происходящія у насъ, почти исключительно дуютъ подъ вліяніемъ ихъ и составляютъ части вихрей, ихъ сопровождающихъ.

Горизонтальные размѣры циклоновъ бываютъ различны. При своемъ образованіи они обыкновенно не велики—нѣсколько десятковъ миль въ діаметрѣ, но, постепенно увеличиваясь, достигаютъ иногда громаднѣхъ размѣровъ. Бываютъ нерѣдко такіе, что вихрь охватываетъ всю Европу.

Случается, что циклонъ, центръ котораго находится на Атлантическомъ океанѣ, одною стороною своею касается береговъ Европы, а другою—береговъ Соединенныхъ Штатовъ. Иногда, при увеличеніи размѣровъ, циклонъ распадается на нѣсколько малыхъ, которые въ свою очередь могутъ достигать большихъ размѣровъ.

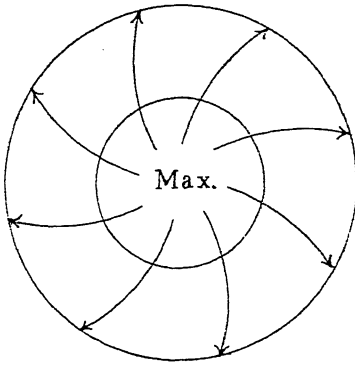
Мы видѣли, что воздухъ въ области барометрическаго минимума поднимается. Куда-же онъ на верху дѣвается? Отвѣтъ на это даютъ наблюденія надъ облаками, особенно надъ верхними, такъ называемыми *cirrus* или перистыми. Они показываютъ, что поднимающійся воздухъ, продолжая вращаться, на нѣкоторой высотѣ расходится въ стороны. Еще выше воздухъ во вращательномъ движеніи не участвуетъ. Отсюда слѣдуетъ, что верхній предѣлъ циклона не доходитъ до предѣла атмосферы. Относительно высоты циклоновъ интересныя указанія даютъ наблюденія на Пайксъ-Пикъ—высочайшей метеорологической станціи (4000 метр. надъ уровнемъ океана), находящейся въ скалистыхъ горахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Они показываютъ, что въ большинствѣ случаевъ высота циклоновъ бываетъ меньше 2000 метр. или 2 верстъ, но иногда бываетъ такъ велика, что циклонъ охватываетъ свою область даже вершину Пайксъ-Пикъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что барометрическіе минимумы сопровождаются иногда грозами, которыя, какъ показали изслѣдованія профес. Блоссовскаго, чаще всего бываютъ въ юго-восточной части ихъ области. Грозы обыкновенно передвигаются вмѣстѣ съ ними, какъ-бы сопутствуя имъ.

Явленіе, совершенно обратное барометрическимъ минимумамъ, представляютъ барометрическіе максимумы. Чтобы получить о нихъ понятіе, рассмотримъ карту, представляющую погоду утромъ 18 Ноября 1876 г. *). Мы видимъ надъ Ботническимъ заливомъ и его берегами линію, соединяющую мѣста, гдѣ упругость воздуха въ это утро была 780 мм. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нея проходитъ изобара 775 мм., затѣмъ 770 мм. и т. д.; значитъ, въ этотъ день упругость воздуха надъ Ботническимъ заливомъ была наибольшая, во всѣ же стороны отсюда уменьшалась. То мѣсто, гдѣ упругость воздуха сравнительно съ окружающими мѣстами наибольшая, называется барометрическимъ максимумомъ. Такъ какъ вѣтеръ дуетъ всегда отъ области съ большимъ давленіемъ къ области съ меньшимъ, то воздухъ расходится отъ барометрическаго максимума въ стороны, причѣмъ вслѣдствіе вращенія земли всюду уклоняется нѣсколько вправо (если смотрѣть изъ середины этой области), такъ что въ об-

*) См. карта III.

ласти барометрическаго максимума происходит вращеніе воздуха въ сторону движенія часовой стрѣлки (чертежъ 2) (это въ сѣверномъ полушаріи, въ южномъ наоборотъ).

Чертежъ 2.

Воздухъ, вращающійся вокругъ барометрическаго максимума называется *антициклономъ*. Въ области барометрическаго максимума кружки въ большинствѣ мѣстъ не затуманы, слѣдовательно, небо ясно и нѣтъ дождя или снѣга. Причина этого явленія заключается въ медленномъ нисходящемъ движеніи воздуха въ антициклонахъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что такое движеніе дѣйствительно происходитъ. Воздухъ, переходя изъ верхнихъ, болѣе разрѣженныхъ слоевъ атмосферы, въ нижніе, болѣе сгущенные, долженъ сжиматься, причемъ температура его повышается, отчего онъ удаляется

отъ степени насыщенія, и если въ немъ и была вода въ видѣ облаковъ и проч., то она испаряется. Что въ антициклонѣ происходитъ нисходящее движеніе воздуха, видно изъ слѣдующаго. Воздухъ въ нижнемъ слоѣ атмосферы, какъ показываютъ метеорологическія карты, растекается отъ центральной части антициклона въ стороны; отъ этого вышележащіе слои, теряя опору, опускаются, осѣдаютъ. Что это дѣйствительно такъ и есть, доказывается наблюденіями надъ перистыми облаками, которыя иногда бываютъ видны въ области антициклона вблизи его окраинъ: въ нихъ замѣтно движеніе, сходящееся къ центральной части.

Въ области антициклона изобары отстоятъ другъ отъ друга дальше, чѣмъ область циклона, иначе сказать, барометрическій градіентъ значительно меньше, чѣмъ въ циклонѣ, а потому и вѣтры въ нихъ гораздо слабѣе, во многихъ мѣстахъ даже наблюдается безвѣтріе; и только на границѣ области максимума, именно тамъ, гдѣ она переходитъ въ область минимума, нерѣдко наблюдаются сильныя вѣтры.

Разсмотримъ карту утра 19 Ноября 1876 года (карта IV). На ней барометрическаго максимума надъ Ботническимъ заливомъ не оказывается. Максимумъ находится въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Если бы мы составили карты для 1 ч. дня и 9 ч. в. 19 Ноября, то увидали бы, что максимумъ въ эти часы занималъ промежуточные положенія между Ботническимъ заливомъ и Остзейскими провинціями. Итакъ, барометрическіе максимумы, какъ и минимумы, мѣняютъ мѣста, т. е. движутся поступательно. Передвиженіе ихъ въ большинствѣ случаевъ происходитъ также въ восточную сторону горизонта, но гораздо менѣе правильно, чѣмъ передвиженіе минимумовъ: очень часто происходятъ остановки максимума, продолжающіяся нѣсколько дней, недѣлю и даже болѣе. Надъ странами, лежащими въ умѣр. поясѣ, постоянно проходятъ барометрическіе минимумы и максимумы. Случается, что они чередуются, случается же, что нѣсколько минимумовъ или максимумовъ проходятъ подъ-рядъ одинъ за другимъ. Тѣ и другіе сопровождаются, какъ мы видѣли, совершенно различною погодою: минимумы—пасмурною, дождливою, вѣтренною, очень часто бурною; максимумы—ясною, тихою. Пасмурное небо въ области минимума и ясное въ области максимума служатъ причиною того,

что лѣтомъ, когда надъ нами проходитъ область барометрическаго минимума. мы чувствуемъ холодъ, зимою же тепло, и наоборотъ, когда мы находимся въ области барометрическаго максимума, то лѣтомъ испытываемъ тепло, жару, а зимою сильный холодъ. Причина этого слѣдующая. Въ длинные лѣтніе дни облака мѣшаютъ солнцу нагревать землю, почему, когда лѣтомъ проходитъ минимумъ, температура данной мѣстности бываетъ ниже нормальной, т. е. многолѣтней средней. Зимою облака производятъ обратное дѣйствіе: не позволяютъ землѣ въ длинные зимнія ночи испускать теплоту въ окружающее пространство, отчего минимумы зимою несутъ температуру выше нормальной. Дѣйствіе барометрическихъ максимумовъ, очевидно, должно быть обратное.

Особенно значительное охлажденіе лѣтомъ происходитъ въ западной половинѣ циклона, такъ какъ здѣсь дуютъ холодные СВ, С и СЗ вѣтры; особенно большое повышение температуры зимою бываетъ въ восточной половинѣ циклона, гдѣ дуютъ ЮЗ, Ю и ЮВ. вѣтры. Эти вѣтры производятъ нерѣдко въ это время года оттепель. Въ области антициклона лѣтомъ наиболѣе теплая часть должна быть, очевидно, западная, зимою наиболѣе холодная—восточная.—Весенніе и осенніе минимумы характеризуются малыми переѣнами температуры, весенніе и осенніе максимумы—теплыми днями и холодными ночами.

Постараемся теперь хотя бы до нѣкоторой степени выяснить причины образованія и передвиженія циклоновъ и антициклоновъ.

Температура земной поверхности, а, слѣдовательно, и нижняго слоя воздуха всегда распределена неравномѣрно, какъ вслѣдствіе того, что эта поверхность состоитъ изъ суши и воды, расположенныхъ притомъ неравномѣрно, такъ и вслѣдствіе существованія теплыхъ и холодныхъ теченій въ океанахъ и моряхъ, вслѣдствіе неравномѣрности въ распределеніи влажности, облачности, осадковъ и проч. и проч. Болѣе теплый воздухъ, находясь среди болѣе холоднаго, стремится подняться, а болѣе холодный—опуститься. Однако восходящія и нисходящія теченія могутъ при этомъ и не произойти или быть весьма незначительными и непродолжительными. При помощи механической теоріи теплоты, можно доказать, что это зависитъ отъ распределенія температуры по вертикальному направленію въ той средѣ, въ которой являються стремленія къ поднятію и опусканію, а именно надо, чтобы пониженіе температуры съ высотой происходило достаточно быстро. Тогда поднимающаяся масса воздуха будетъ на всякой высотѣ имѣть температуру болѣе высокую, чѣмъ температура окружающей среды на той же высотѣ, слѣдовательно, будетъ стремиться все выше и выше. Поднятію весьма способствуетъ водяной паръ, находящійся въ поднимающейся массѣ воздуха: онъ переходитъ въ воду, отчего является теплота, еще болѣе увеличивающая разницу въ температурахъ поднимающейся массы и окружающаго воздуха на одной и той же высотѣ. При отсутствіи этихъ условій начавшееся восходящее движеніе можетъ прекратиться и даже поднимающаяся масса можетъ вернуться въ свое прежнее положеніе. Положимъ, что въ атмосферѣ существуютъ условія, при которыхъ возможно продолжительное движеніе воздуха вверхъ. Наверху, на нѣкоторой высотѣ онъ накопится и растекается въ стороны, отчего масса воздуха надъ тѣмъ мѣстомъ земли, надъ которымъ происходитъ восходящее движеніе, уменьшается, что ведетъ за собою уменьшеніе упругости

воздуха здѣсь, т. е. образованіе барометрическаго минимума. Сюда внизу стекается воздухъ со всѣхъ сторонъ, вращаясь вслѣдствіе вращенія земли. Такимъ образомъ, является слабый циклонъ, но только очень слабый. Большой разницы въ упругостяхъ или, иначе, большого разрѣженія отъ этой причины произойти не можетъ. Эта послѣдняя является вслѣдствіе отклоняющей силы вращенія земли и центробѣжной силы, которыя дѣйствуютъ совмѣстно, стремясь удалить стекающіяся къ центральной части циклона воздушныя массы въ сторону. Слѣдствіемъ увеличенія разности въ упругостяхъ является большая быстрота восходящаго тока и т. д. Такимъ образомъ, является рядъ факторовъ, поддерживающихъ и усиливающихъ другъ друга, подъ вліяніемъ которыхъ циклонъ можетъ достигъ значительной силы и большихъ размѣровъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ образованіи циклоновъ большую роль играетъ водяной паръ. Это одна изъ причинъ, почему большинство циклоновъ образуется надъ океанами, по мѣрѣ же движенія надъ сушею они все ослабѣваютъ и наконецъ исчезаютъ. Другая причина заключается въ болѣе ровной поверхности океана сравнительно съ поверхностью суши, отчего развитіе циклоновъ надъ океанами происходитъ свободнѣе, легче, и они тамъ достигаютъ наибольшей силы.

Переходя къ причинѣ поступательнаго движенія циклоновъ и антициклоновъ, сначала посмотримъ, въ чемъ заключается сущность этого явленія. На первый взглядъ кажется, что оно заключается въ томъ, что циклонъ или антициклонъ уносятся воздушнымъ теченіемъ, въ которомъ они образовались, иначе сказать, циклонъ и антициклонъ имѣютъ дѣло съ одною и тою-же массою воздуха на всемъ своемъ пути. Однако это не вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы это было такъ, то въ центральной части циклона наблюдался-бы вѣтеръ, дующій по направленію передвиженія его со скоростью, равную скорости этого передвиженія, чего однако на метеорологическихъ картахъ не замѣчается. Кромѣ того, въ передней половинѣ циклона долженъ былъ-бы дуть вѣтеръ изъ области циклона, а не внутрь ея, чего карты не показываютъ. Отсюда слѣдуетъ, что циклонъ на своемъ пути имѣетъ дѣло не съ одною массою воздуха, а все съ новыми и новыми. Тоже самое относится и къ антициклону.

Но метеорологическія карты указываютъ лишь на то, что происходитъ въ самомъ нижнемъ слоѣ атмосферы. Въ болѣе высокихъ слояхъ дѣло обстоитъ, повидимому, иначе. Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ болѣе высокихъ слояхъ наблюдаются воздушныя теченія гораздо болѣе постоянныя, чѣмъ внизу и большею частью направленныя съ З. на В., а на высотѣ 5000 м. и больше эти теченія направлены постоянно отъ З. на В. Эти движенія не зависятъ отъ циклоновъ и антициклоновъ—причины ихъ болѣе общія. Самый нижній слой въ этомъ движеніи не участвуетъ—ему мѣшаетъ сопротивленіе, представляемое поверхностью земли, онъ какъ-бы прилипъ къ землѣ, въ движеніе-же приводится лишь циклонами и антициклонами исключительно. Во-вторыхъ, наблюденія надъ облаками на разныхъ высотахъ показываютъ, что чѣмъ выше, тѣмъ болѣе и болѣе оправдывается раньше высказанное предположеніе относительно сущности передвиженія циклоновъ и антициклоновъ.

На основаніи сказаннаго является слѣдующая гипотеза причины передвиженія циклона: болѣе высокая часть его уносится все впередъ и впередъ верхнимъ теченіемъ; уносится вся масса воздуха, входящая въ составъ разрѣженія. причемъ разрѣженіе постоянно передается внизъ, производя вихреобразное движеніе воздуха въ неподвижномъ прилипшемъ къ землѣ слоѣ. Нѣчто подобное относится и къ антициклонамъ. Это, конечно, гипотеза, но гипотеза весьма вѣроятная. Для провѣрки ея слѣдуетъ организовать правильныя наблюденія надъ облаками въ возможно большемъ числѣ пунктовъ. Въ настоящее время таковыхъ производится, къ сожалѣнію, весьма мало. Кромѣ указанной причины поступательнаго движенія циклоновъ и антициклоновъ, существуютъ еще и другія. На нихъ однако останавливаться не будемъ.

Обратимся къ тому, какимъ образомъ судить о предстоящей погодѣ на основаніи метеорологическихъ картъ. Для этого необходимо имѣть въ рукахъ карту въ тотъ день, когда наблюденія произведены, или по крайней мѣрѣ, на слѣдующій день. Это дѣлается при помощи телеграфа. Въ Петербургѣ, въ главной Физической Обсерваторіи со многихъ метеорологическихъ станцій Россіи и западной Европы получаютъ депеши съ наблюденіями. Кромѣ наблюденій, сдѣланныхъ утромъ даннаго дня, присылаются еще и наблюденія, сдѣланные вечеромъ наканунѣ.

Получивъ депеши съ разныхъ станцій Россіи и Европы, Главная Физическая Обсерваторія составляетъ метеорологическую карту такъ, какъ уже было говорено раньше. Карта бываетъ готова къ часу; затѣмъ ее литографируютъ и отсылаютъ подписчикамъ, а также въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ, гдѣ она и печатается. Понятно, что такія карты имѣютъ смыслъ лишь для Петербурга и для мѣстностей, близкихъ къ нему; для мѣстъ же удаленныхъ, напримѣръ, для Кіева, онѣ значенія не имѣютъ, такъ какъ получаютъ черезъ три дня послѣ выхода. Въ высшей степени было-бы желательно, чтобы главная физическая обсерваторія присылала сюда по телеграфу если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительное число наблюденій, ею получаемыхъ. Тогда, вѣроятно, редакціи кіевскихъ газетъ не отказались-бы печатать карты въ своихъ изданіяхъ. Эти карты печатались-бы на другой день по выходѣ и имѣли-бы большое значеніе для сужденія о предстоящей погодѣ.

Сужденіе о предстоящей погодѣ на основаніи метеорологическихъ картъ дѣлается слѣдующимъ образомъ. Смотрятъ, какъ распредѣлено атмосферное давленіе вокругъ того мѣста, для котораго желаютъ знать предстоящую погоду. Если оно распредѣлено равномерно или не очень неравномѣрно, т. е. нѣтъ близинъ минимума или максимума, то надо ожидать продолженія той погоды, какая въ данное время есть. Въ противномъ случаѣ предстоятъ перемѣны. Изъ сказаннаго о свойствахъ минимумовъ и максимумовъ видно, какихъ перемѣнъ надо ожидать. Но только весьма важно рѣшить, пройдетъ-ли область минимума или максимума надъ даннымъ мѣстомъ или нѣтъ. Посмотримъ, какъ это сдѣлать по отношенію къ барометрическому минимуму.

Наиболѣе рациональный способъ сужденія о предстоящемъ пути минимума долженъ, повидимому, заключаться въ слѣдующемъ: надо узнать, каково направленіе движенія высшихъ слоевъ атмосферы; но пока наблюденій надъ облаками производится

очень мало такъ что пока этотъ способъ, къ сожалѣнію, не примѣнимъ, и ничего болѣе не остается, какъ руководствоваться эмпирическими правилами, полученными на основаніи изученія метеорологическихъ картъ.

Эти правила слѣдующія: 1) Циклоны въ Европѣ весною и осенью въ большинствѣ случаевъ движутся на В.-С.-В.; лѣтомъ пути ихъ отклоняются нѣсколько къ сѣверу, зимою — нѣсколько къ югу.

2) Циклоны описываютъ пути, болѣею частью близкіе къ прямымъ линіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что для сужденія о предстоящемъ пути важно знать, по какому направленію двигался циклонъ раньше.

3) У циклоновъ есть, такъ сказать, излюбленные пути, которымъ они наиболѣе часто слѣдуютъ. Эти пути можно найти въ сочиненіи Ванъ-Бейбера: «Handbuch der Ausübenden Witterungskunde», а также въ сочиненіи Б. И. Срезневскаго: «Бѣри Чорнаго моря». Здѣсь укажемъ на одинъ изъ нихъ, направляющійся отъ Ла-Манша къ южной части Балтійскаго моря, а отсюда къ Онежскому озеру. Этому пути циклоны слѣдуютъ обыкновенно осенью и лѣтомъ. Зная, на какомъ изъ этихъ путей находится циклонъ, мы въ состояніи будемъ судить о предстоящемъ пути его болѣе точно, чѣмъ руководствуясь только первыми двумя правилами.

4) Если проходить подъ рядъ нѣсколько циклоновъ, то обыкновенно они идутъ по одному направленію. Съ точки зрѣнія нашей гипотезы поступательнаго движенія циклоновъ, это совершенно понятно: каждый предыдущій циклонъ долженъ готовить путь послѣдующему.

5) На направленіе циклона оказываетъ вліяніе распредѣленіе температуры по горизонтальному направленію: циклонъ стремится двигаться такъ, чтобы болѣе теплая область была отъ него вправо, а болѣе холодная — влѣво.

6) Циклонъ, встрѣчая на своемъ пути антициклонъ, не проникаетъ внутрь его области, а огибаетъ ее по направленію движенія часовой стрѣлки. При сужденіи о томъ, пройдетъ-ли циклонъ черезъ данную мѣстность, въ высшей степени важно производить наблюденія въ этой мѣстности, особенно наблюденія надъ барометромъ: быстрое паденіе послѣдняго указываетъ на приближеніе циклона, повышение — на удаленіе его. Наблюденія надъ измѣненіемъ направленія вѣтра могутъ указать, какая часть циклона пройдетъ надъ данной мѣстностью.

Чтобы уяснить примѣненіе этихъ правилъ, попробуемъ составить сужденіе о томъ, какая будетъ погода 22 Октября 1880 года на Ладожскомъ озерѣ, руководствуясь картою 21 Октября этого года (карта I), предыдущими картами и мѣстными наблюденіями. Въ южной части Балтійскаго моря находится сильный циклонъ. Октябрь — мѣсяцъ осенній, а осенью циклоны движутся преимущественно на В.-С.-В. Слѣдовательно, надо думать, что циклонъ 22 Октября пройдетъ нѣсколько южнѣ Ладожскаго озера. Вѣроятность этого предположенія увеличивается при разсмотрѣніи картъ Ванъ-Бейбера, такъ какъ циклонъ лежитъ какъ разъ на томъ пути, по которому циклоны весьма часто движутся осенью. Если-бы мы просмотрѣли карты предыдущихъ дней, то увидали-бы, что онъ въ предыдущіе дни двигался также на В.-С.-В.; кромѣ того, по тому-же пути

только что передъ этимъ прошелъ другой минимумъ, слѣды котораго видны 21 Октября въ сѣверовосточной Россіи. Все это еще болѣе увеличиваетъ вѣроятность наступленія бури на Ладожскомъ озерѣ.

Посмотримъ теперь, какія измѣненія атмосфернаго давленія происходили на этомъ озерѣ 21 Октября. Въ 7 ч. утра 21 Октября въ Сермаксѣ высота барометра была 753,7 мм., въ 1 ч. 751,9 мм., въ 9 ч. веч. 743,2 мм. Барометръ падалъ все сильнѣе и сильнѣе. Итакъ, съ большою увѣренностью можно сказать, что барометрическій минимумъ пройдетъ вблизи Ладожскаго озера, притомъ, вѣроятно, нѣсколько южнѣе его, т. е. охватить это озеро своею лѣвою частью. Слѣдовательно, на озерѣ можно ожидать восточныхъ, сѣверовосточныхъ, сѣверныхъ и сѣверозападныхъ сильныхъ вѣтровъ.

Каковы должны произойти измѣненія въ температурѣ? Осенью, какъ было выше указано, циклоны особенно значительныхъ перемѣнъ въ температурѣ воздуха не производятъ, поэтому большихъ перемѣнъ ожидать нельзя. Тѣмъ не менѣе, чтобы составить болѣе опредѣленное сужденіе объ этомъ, надо посмотреть, какова температура воздуха въ тѣхъ мѣстахъ, откуда будутъ дуть вѣтры, а именно: на Онежскомъ озерѣ, Бѣломъ морѣ и въ Финляндіи. Вотъ эти температуры, виѣстъ съ температурою въ Сермаксѣ:

Температуры воздуха въ 7 ч. утра 21 Октября 1880 г.

Сермакса	2.°9	Цельзія.
Валаамъ.	4.°1	»
Петрозаводскъ	6.°4	»
Повѣнецъ	5.°2	»
Архангельскъ. . . .	1.°6	»
Кемь	7.°8	»

Разница въ температурахъ не велика, слѣдовательно, особеннаго измѣненія температуры ожидать нельзя; небольшое пониженіе, однако, весьма вѣроятно.

Посмотрѣвъ на карту 22 Октября 1880 года (карта II), мы можемъ убѣдиться въ томъ, что наши предположенія оправдались: барометрическій минимумъ прошелъ нѣсколько южнѣе Ладожскаго озера и причинилъ на немъ бурю. Въ Сермаксѣ 22-го Октября дуетъ сильный С.-С.-В. вѣтеръ, въ Валаамѣ—то же сильный С.-С.-З. Температура въ Сермаксѣ въ это утро была 2.°9, утромъ-же 23-го 5.°3.

Бъ сожалѣнію, предсказанія погоды не всегда бываютъ такъ удачны. Главнѣйшія причины этого слѣдующія:

1) Отсутствіе метеорологическихъ станцій на Атлантическомъ океанѣ, откуда къ намъ приходитъ большинство циклоновъ, слѣдовательно, отсутствіе возможности прослѣдить достаточно хорошо за направлениемъ движенія ихъ. Это въ особенности относится къ циклонамъ, приходящимъ съ сѣверозапада.

2) Почти полное отсутствіе станцій въ Сѣверной Африкѣ, Малой-Азіи и Турціи, особенно чувствительное при сужденіи о буряхъ Средиземнаго и Чернаго морей.

3) Отсутствие правильной организаціи наблюденій надъ облаками.

Изъ этого само собою видно, что именно надо сдѣлать, чтобы улучшить предсказанія погоды въ Европѣ вообще. Уже въ 70 годахъ настоящаго столѣтія Гофмейеръ предлагалъ соединить телеграфомъ метеорологическія станціи на Феррерскихъ островахъ, на Исландіи, Южной Гренландіи и въ Азорскихъ островахъ съ Европою, и построить плавающее маяки на Атлантическомъ океанѣ, на которыхъ производились-бы наблюденія, маяки, соединенные также телеграфною проволокою съ Европою. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ за недостаткомъ средствъ до сихъ поръ остается не приведеннымъ въ исполненіе. Учрежденіе на Атлантическомъ океанѣ станцій, соединенныхъ кабелями съ Европою, организація станцій въ Сѣверной Африкѣ, Турціи и малой Азіи, а также организація правильныхъ наблюденій надъ облаками, несомнѣнно, увеличила бы успѣшность предсказанія погоды въ Европѣ вообще и въ Россіи въ частности. Что же касается собственно Россіи, то было бы весьма полезно въ существующей въ ней системѣ предсказаній погоды сдѣлать слѣдующее измѣненіе. Предсказанія разсылаются по Россіи изъ Главной Физической Обсерваторіи, находящейся въ Петербургѣ. Но мы видѣли, какое важное значеніе въ дѣлѣ предсказанія погоды имѣютъ мѣстные наблюденія. Главная физическая Обсерваторія, на основаніи составляемыхъ ею картъ, можетъ, напр., указать, что къ Кіеву приближается циклонъ, но она не можетъ знать, какого рода измѣненія барометра происходятъ въ данное время въ Кіевѣ. Быть можетъ, эти измѣненія указываютъ на то, что циклонъ повертывается въ сторону или ослабѣваетъ. Необходимо поэтому организовать мѣстные центры. Въ нихъ должны быть люди, хорошо знакомые съ дѣломъ, снабженные хорошими инструментами и тщательно изучившіе топографическія и климатическія условія мѣстностей, вокругъ нихъ расположенныхъ. Въ этихъ центрахъ сужденія главной Физической Обсерваторіи должны видоизмѣняться и уже въ видоизмѣненномъ видѣ разсылаются по сосѣднимъ мѣстамъ. Нѣчто подобное давно уже практикуется во Франціи; тѣмъ болѣе должно дѣлаться и въ Россіи, размѣры которой въ нѣсколько разъ больше.

П. И. Броуновъ.

ДОМЪ.

Грядущіе годы таятся во мглѣ...

Пушкинъ.

то былъ старый, мрачный каменный домъ, угрюмо созерцавшій бойкую, шумную улицу, въ одной изъ людныхъ частей Петербурга.

Онъ былъ старинной барской постройки, съ большими, глубокими окнами и широкимъ подъѣздомъ, подобнымъ входу въ древнее капище и украшеннымъ, по бокамъ, парой каріатидъ, въ видѣ нахмуренныхъ бородатыхъ мужей, похожихъ другъ на друга, какъ два близнеца, поддерживавшихъ могучими дланями портикъ...

Трудно было замѣтить, чтобы кто либо входилъ подъ его угрюмую сѣнь. Однако, тамъ жизнь присутствовала. Каждое утро тяжелая дубовая дверь разъвѣсалась, словно выплевывая маленькаго, сѣдого какъ мышь, старикашку, въ засаленной смѣшной кацавейкѣ, державшаго стертый кирпичикъ и тряпку. Пружась, пыхтя и задыхаясь отъ кашля, онъ принимался усердно тереть принесенными съ собой матеріалами бронзовую ручку подъѣзда, какъ бы исполняя тѣмъ священнѣйшій долгъ своей жизни,—и послѣ нѣсколькихъ минутъ такого занятія, повидимому, истощавшаго въ немъ весь остатокъ его жизненныхъ силъ, дубовая дверь опять раскрывала свой зѣвъ, чтобы безвозвратно поглотить старикашку на всю остальную часть сутокъ, а каменные бородатые мужи оставались опять цѣпенѣть въ молчаливомъ своемъ одиночествѣ...

Эти каменные бородатые мужи бываютъ свидѣтелями, какъ два раза въ недѣлю—въ субботу вечеромъ и въ воскресенье утромъ—въѣзжаетъ подъ портикъ пузатая, съ гербами, карета, а къ ней, изъ зѣва растворенной двери, ковыляя, стремится сѣдой старикашка (облеченный въ ветхую, гороховаго цвѣта, хламиду съ гербовыми пуговицами, полы которой шлепаютъ его по пятамъ), чтобы посадить маленькую, согбенную барыню и сопутствующую ей блѣдную, некрасивую дѣвочку, хлопаетъ дверцей и, бодрясь, восклицаетъ:

— Пошелъ!

Это значитъ, что хозяева отправились въ церковь.

Вотъ и все, что наблюдаютъ каменные бородатые мужи, въ молчаливомъ своемъ одиночествѣ.

Давно, очень давно эти каменные бородатые мужи цѣпенѣютъ вотъ такъ, съ своими суровыми лицами другъ противъ друга, устремивъ неподвижно свои незрячія очи. Плоть отъ плоти этого дома, они вмѣстѣ съ нимъ живутъ и дряхлѣютъ, претерпѣвая зной лѣтомъ, стужу зимою, съ одинаково нахмуреннымъ видомъ созерцая всѣ окружающія ихъ явленія жизни,—и многого, очень многого они были свидѣтелями. Они помнятъ эту улицу еще съ прошлаго вѣка, когда она представляла пустырь и вмѣсто мостовой зеленѣла веселая травка, а тамъ, гдѣ дома—тянулись заборы. Они помнятъ высокіе, какъ саркофаги, рыдваны, съ откидными подножками, что, бывало, подкатывали къ этимъ, теперь молчаливымъ и безлюднымъ сѣнямъ, помнятъ кавалеровъ въ напудренныхъ парикахъ съ кошельками и дамъ въ робронахъ и фижмахъ, помнятъ гайдуковъ, французскую рѣчь, звуки музыки... Тогда весь домъ горѣлъ освѣщенными окнами, посылая яркіе токи лучей во тьму и безмолвіе ночи... Не было вокругъ ни движенія, ни шума, развѣ лишь изрѣдка доносился откуда-то издали слабый крикъ: «караулъ!...»

На ихъ глазахъ зачалась и восприняла свою исторію улица. Заборы исчезли и возникли дома. Засновали пѣшеходы, загремѣли кареты и дрожки. Ночные крики о помощи отошли въ область преданія и на стражѣ спокойнаго сна обывателей водворилось вліяніе добраго генія, въ образѣ будочника, въ шипакѣ, съ алебардою...

Шли годы, и жизнь улицы развивалась и ширилась. Деревянные дома исчезали и на мѣстѣ ихъ возникали каменные громады, одна выше другой, тѣснясь и заслоняя свѣтъ солнца, словно строй великановъ. Разростаясь все пуще и пуще, они наконецъ окружили и стиснули своего старожилу. И въ молодой, щеголеватой семьѣ ихъ старый барскій домъ очутился, какъ дряхлый, зажившійся дѣдъ среди насмѣшливой толпы молодежи... Зарябили вокругъ яркія вывѣски, засверкалъ газъ, и кипучая жизнь загремѣла, какъ бурный потокъ...

И такъ же, какъ и тогда, въ то, навсегда отлетѣвшее въ область былого, доброе, старое время, эти каменные бородатые мужи смотрять и слушаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ. Устремивъ свои незрячія очи въ простирающуюся прямо предъ ними красную трактирную вывѣску, среди шума и грохота улицы, мельканія лицъ новаго, непонятнаго племени, они грезятъ о навсегда исчезнувшемъ прошломъ и ведутъ между собою неслышную для человѣческаго уха бесѣду:

«Что, пора умирать, братъ!»

«Да, братъ, пора умирать!»

*
* *

А тутъ, въ самыхъ нѣдрахъ стараго дома, гнѣздится другая, отдѣльная своеобразная жизнь.

Ночью здѣсь мрачно и тихо, словно на днѣ сухого колодца. Ни проблеска свѣта, ни звука. Самый воздухъ тяжелый и спертый, совмѣстившій въ себѣ цѣлый міръ всякихъ міазмовъ, кажется, тоже окованъ, вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ, владычествомъ сна.

Но вотъ засинѣлъ мутный разсвѣтъ петербургскаго дня, снимая мало по малу съ предметовъ ночную завѣсу, и желтосѣрыя стѣны колодца, съ притаившимися тамъ и сямъ и какъ бы нежелаящими разставаться со своими убѣжищами тѣнями ночи, начинаютъ понемногу очерчиваться въ видѣ какихъ-то руинъ... Вотъ глубокія полукруглыя арки, словно пещеры... Тамъ рѣтесть въ воздухѣ, опираясь на рядъ тонкихъ колоннъ, что-то длинное, темное, въ родѣ террассы... Кое-гдѣ замелькали, смутно, какъ призраки, людскія фигуры.. Вонъ, въ нѣкоторыхъ изъ черныхъ оконныхъ квадратовъ тускло забрезжились красныя пятна огней, зажженныхъ въ подпорье скуднымъ лучамъ ранняго утра, между тѣмъ какъ прочія окна по прежнему мрачны, какъ норы какихъ-то громадныхъ птицъ. Однако и тамъ уже, повидимому, жизнь пробудилась... Въ воздухѣ слышны голоса... Заоралъ гдѣ-то пѣтухъ... Грохнулъ, какъ пушечный выстрѣлъ, ударъ топора по полѣну и раскатился по двору эхомъ...

Свѣтлѣетъ все больше и больше, и послѣдніе остатки таинственнаго исчезаютъ въ лучахъ бѣлаго дня. Фантастическая террасса съ колоннами обратилась въ одну изъ тѣхъ деревянныхъ пристроекъ, которыя еще и теперь иногда можно найти во дворахъ очень старыхъ домовъ Петербурга. Она лѣпится во всю длину грязно-желтой стѣны, отливая золотисто-фіолетовымъ цвѣтомъ окошекъ, невымытыхъ, богъ-вѣсть, съ какого ужъ времени. Мѣстами стекла разбиты и ихъ замѣнила доска, или рогожка, а не то лишь зияетъ пустая дыра... Это сооруженіе жильцы зовутъ «галдареей»... Снизу ведетъ въ нее лѣстница, укрѣпленная, подобно самой «галдарей», на тонкихъ деревянныхъ столбахъ и постоянно униженная ребятишками обоого пола, черезъ которыхъ шагаютъ ноги спующихъ жильцовъ. Богъ вѣсть, зачѣмъ существуетъ эта пристройка, но она нерушимо стоитъ и ветшаетъ, вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ, вмѣстѣ съ грязными, покрытыми потѣками стѣнами, на которыхъ штукатурка во многихъ мѣстахъ ужъ осыпалась, обнаживъ промозглый кирпичъ, и какъ бы дыша унылымъ презрѣніемъ ко всему этому новому племени, укрѣпившему здѣсь свои гнѣзда...

Тяжко и гулко продолжаетъ стучать топоръ по полѣну... Съ громомъ ввалился во дворъ водовозъ съ своей бочкой, плеснувъ струей подъ воротами... Быстро шмыгнувъ мимо него спѣшащій на службу блѣднолицый молодой человѣкъ, извѣстный дому подъ простымъ названіемъ «конторщика»... Прошелъ медленнымъ, неторопливымъ шагомъ, тоже отправляясь

на службу, самый давнишній жилецъ стараго дома, титулярный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Елкинъ... Повалилъ бѣлый паръ сквозь открытое полукруглое окно подземелья, гдѣ живетъ прачка Варвара... Рядомъ, бокомъ-бокомъ, за такимъ же полукруглымъ окномъ, на которомъ прилѣпленъ, вырѣзанный изъ писчей бумаги, грубый силуэтъ сапога, застучалъ молотокъ... Тамъ, еще дальше, завизжала пила... Мало-по-малу весь рядъ подземелій оживился всевозможными звуками... А выше, за этими темными квадратами оконъ, похожими на норы какихъ-то огромнѣйшихъ птицъ, тоже кипить уже жизнь—глухая, невидимая, заявляющая о себѣ лишь струями дыма, которыя несутся изъ всѣхъ трубъ стараго дома...

Она кипитъ тамъ, за этими темными, похожими на норы, квадратами оконъ, будничная, сѣрая жизнь будничныхъ, сѣрыхъ существъ, что гнѣзятся въ нѣдрахъ старой руины, со своими трудами, невзгодами, радостями, со всѣмъ своимъ обиходомъ мелкаго муравьиного счастья... Тамъ умираютъ, рождаются, любятъ, старѣются, покоряясь предвѣчнымъ законамъ неуклонно-текущаго времени, въ его однообразной смѣнѣ свѣта и мрака... Оно вноситъ сюда, въ эти норы, незримый міръ своихъ неотвратимыхъ вліяній, что сплетаютъ канву грядущихъ событій, отмѣчаемыхъ началомъ разсвѣта вплоть до момента, когда во всѣхъ норахъ погаснутъ огни и окрестъ водарится владычество ночи.

Тогда, въ тишинѣ пустого двора начинаютъ дѣйствовать волшебныя чары.

Повсюду, во всѣхъ закоулкахъ, въ глубинѣ темныхъ пещеръ, во мракѣ повисшей на своихъ длинныхъ колоннахъ террасы, зашевелились ожившіе призраки стариковъ, въ напудренныхъ парикахъ съ кошельками и старухъ, въ робронахъ и фижамахъ... Безшумной, неслышной толпою возстаютъ они одинъ за другимъ, съ суровыми, печальными лицами и, потрясая своими костлявыми пальцами на безмолвныя норы, ведутъ къ нимъ зловѣщія рѣчи:

«Спите, бѣдные, темные люди! Мы не смутимъ вашъ покой! Живите, любите, плодитесь и множьтесь... Мы васъ хранимъ, сторожимъ, въ этихъ старыхъ стѣнахъ, гдѣ протекла наша жизнь. Мы всѣ здѣсь, вокругъ васъ, во всѣхъ углахъ, переходахъ... Мы управляемъ вашей судьбою, внушаемъ вамъ мысли, желанія, посылаемъ вамъ крѣпкій сонъ или тревожимъ васъ тяжелыми грѣзами... Вы всѣ—въ нашей власти, покуда стоятъ эти старыя стѣны! Но въ тотъ день, когда онѣ упадутъ—исчезнемъ и мы, какъ исчезаетъ душа изъ мертваго тѣла, и кончится все, и на развалинахъ прошлаго возникнетъ новая жизнь, которой уже мы не увидимъ, а вы разбредетесь искать себѣ новаго гнѣзда... До тѣхъ-же поръ—спите спокойно!»

Изъ Бьернстерна Бьернсона.

За цѣпи горъ перенесу я взоры:
Здѣсь—лишь снѣга встрѣчаетъ жадный взглядъ
Да стройныхъ сосенъ темный, ровный рядъ.
Туда, туда, за эти горы
Желалъ бы смѣло я перешагнуть.
Когда-жъ рѣшусь пуститься въ дальній путь?

*
* *

Блестятъ на солнцѣ снѣжные уборы
Далекихъ горъ: ихъ недоступна высь;
Но царь-орелъ—онъ можетъ вознестись
Туда, туда, за эти горы,
И тѣшиться охотой въ небесахъ
И отдыхать на чуждыхъ берегахъ!

*
* *

На яблонѣ веселыхъ пташекъ хоры
Ей про далекій, чудный край поютъ:
Но все-жъ, ее мечтанья не зовутъ
Туда, туда, за эти горы!
Она лишь ждетъ, пока придетъ весна,
Счастливая! Спокойна, холодна!...

*
* *

Но кто всю жизнь твердитъ себѣ укоры,
Что онъ не въ силахъ бросить край родной,
Кто такъ стремится пламенной душой
Туда, туда, за эти горы,—
Тому и пѣсни птичекъ говорятъ
Лишь объ одномъ и льютъ на сердце ядъ!

*
* *

Зачѣмъ, зачѣмъ, веселыхъ пташекъ хоры,
Вы прилетѣли пѣснею своей
Манить меня все больше, все сильнѣй
Туда, туда, за эти горы?
Зачѣмъ не крылья принесла мнѣ ты,
Пѣвуня пташка, а однѣ мечты?

*
* *

Ужели эти снѣжные затворы
Стѣной предстанутъ на моемъ пути
И никогда ужъ мнѣ не перейти
Туда, туда, за эти горы?
Меня задушить каменной стѣной
И будетъ мнѣ могилой край родной?

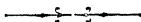
*
* *

Хочу я прочь отсюда! Манить взоры
Туда, туда—умчаться далеко,
Гдѣ дышется такъ чудно и легко,
Туда, туда, за эти горы!
Ужели-жъ, запертъ и стѣсненъ вокругъ,
О камни разобьется гордый духъ?

*
* *

О нѣтъ! Блещутъ снѣжные уборы
Далекихъ горъ: я вѣрю, я хочу,
Когда нибудъ и я перелечу
Туда, туда, за эти горы!
О, Боже силъ! Твой чудный край великъ,
Такъ сдѣлай-же, чтобъ я въ него проникъ,
И этой страшной каменной стѣною
Не замыкай его передо мною!

Т. Н.

ИЗЪ МОЕЙ СОВМѢСТНОЙ ЖИЗНИ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ СЪ СОФЬЕЙ КОВАЛЕВСКОЙ.

Отрывокъ изъ „Воспоминаній“

Анны - Карлотты Леффлера, герцогини ди-Кайянелло.

ь особенности теперь, послѣ смерти Софьи Ковалевской, возстаётъ какъ живое, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, воспоминаніе о моей первой встрѣчѣ съ нею. Она пріѣхала въ Стокгольмъ пароходомъ изъ Финляндіи, наканунѣ вечеромъ¹⁾, и остановилась въ качествѣ гостыи у моего брата, профессора Миттагъ-Леффлера. На слѣдующее же утро я отправилась повидаться съ нею.

Мы обѣ были подготовлены къ тому, чтобы сдѣлаться друзьями. Намъ такъ много приходилось слышать другъ о другѣ, что и Софья, и я ждали съ нетерпѣніемъ этой встрѣчи. Софья, быть можетъ, надѣялась получить еще большее удовольствіе отъ этого знакомства. чѣмъ я, потому что она относилась всегда съ живѣйшимъ интересомъ къ тому дѣлу, которому я служила, между тѣмъ какъ меня ея занятія нѣсколько пугали: я боялась найти въ ней женщину, всецѣло погруженную въ сферу абстрактнаго мышленія.

Когда я вошла, Софья стояла въ бібліотекѣ у окна и перелистывала какую-то книгу. Прежде чѣмъ она успѣла подойти, мнѣ бросились въ глаза ея серьезный и рѣзко обрисованный профиль, густые каштановые волосы, небрежными волнами обрамлявшіе ея лицо, тонкая, стройная фигура, отличавшаяся какою-то особенною гибкостью и изяществомъ, но казавшаяся слишкомъ маленькою сравнительно съ большою головою, поражающею своею монументальною величиною. У нея былъ большой ротъ, съ полными, извилистыми, свѣжими губами, очень выразительными, и необыкновенно маленькія, точно дѣтскія руки, бѣлыя и нѣжныя, съ рѣзко выступающими синими жилками.

¹⁾ Это было осенью 1883 года.

Замѣтивъ меня, она быстро повернулась и пошла мнѣ на встрѣчу съ протянутою рукою. Меня поразилъ при этомъ необыкновенный блескъ ея глазъ. Но въ ея обращеніи замѣтны были нѣкоторая робость и смущеніе, какая-то сдержанность, и первый разговоръ нашъ вертѣлся все время вокругъ несчастья, приключившагося съ нею дорогою: она простудилась на пароходѣ и схватила сильную зубную боль. Сжалившись надъ нею, и предложила провести ее къ зубному врачу. Какая пріятная цѣль для первой прогулки въ новомъ городѣ!

Но она была не изъ тѣхъ, кто позволяетъ себя смущать такими мелочами. Я въ то время была занята обдумываніемъ плана новой драмы; ни одной строчки этой драмы еще не было написано, задуманы были только нѣкоторыя ея части. Но такъ велико было умѣніе Софьи возбуждать умственную дѣятельность въ своихъ собесѣдникахъ, что прежде, чѣмъ мы успѣли дойти до квартиры зубного врача, я рассказала ей всю драму съ начала до конца, рассказала ей гораздо больше того, чѣмъ сколько знала сама до нашей прогулки. Это положило основаніе сильному вліянію, которое она съ тѣхъ поръ оказывала постоянно на меня, на все, что я писала и чѣмъ занималась. Ея способность схватывать и понимать мысли другихъ, симпатизировать имъ, была такъ необыкновенно велика, одобреніе ея, когда она что-нибудь хвалила, такъ горячо, проникнуто такимъ пылкимъ энтузіазмомъ, ея критическія замѣчанія, когда ей что-нибудь не нравилось, такъ мѣткі и вѣрны, что, при воспріимчивости моеѣ натуры, я быстро подпала ея вліянію и не могла ничего писать безъ ея одобренія. Если то, что я писала, не нравилось ей, я измѣняла и измѣняла его до тѣхъ поръ, пока оно не заслуживало ея сочувствія,—это было какъ бы зародышемъ нашей послѣдующей совмѣстной авторской дѣятельности, о которой она мечтала за много лѣтъ раньше, чѣмъ она осуществилась.

Мысль о совмѣстной работѣ возникла въ ней, благодаря особенностямъ ея характера, благодаря присущему ей стремленію къ духовному общенію съ кѣмъ-нибудь другимъ, благодаря страданію, которое причиняло ей умственное одиночество, выпавшее на ея долю. Она почти не въ состояніи была работать, если возлѣ нея не было когонибудь, кто вращался бы въ той же сферѣ идей, что и она. Работа сама по себѣ, отвлеченное исканіе научной истины не доставляли ей полнаго удовлетворенія. Она хотѣла, чтобы ея восхищались, чтобы ее понимали, шли ей на встрѣчу и поощряли при каждомъ шагѣ, который она дѣлала впередъ, при каждой новой мысли, возникавшей въ ея головѣ. Ей хотѣлось подарить какому-нибудь данному лицу свое умственное дѣтище, обогатить имъ не человѣчество въ *отвлеченномъ* смыслѣ этого слова, а какое-нибудь «предѣленное» лицо, которое взаимнѣ этого отдало бы ей всецѣло себя. Не смотря на свои выдающіяся математическія дарованія, Софья не въ состояніи была заниматься исключительно отвлеченными математическими изысканіями: для этого она была

слишкомъ живою, слишкомъ страшною во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ, слишкомъ близко принимала къ сердцу все, что происходило вокругъ... Благодаря этимъ свойствамъ ея характера страстная любовь къ литературѣ соединялась въ ней съ такою значительною способностью къ художественному воспроизведенію окружающей жизни, какой она даже сама никогда не подозрѣвала въ себѣ: ей недоставало только близкаго по духу человѣка, которому она могла бы высказать свои мысли, излить свою душу.

Сначала я несочувственно отнеслась къ ея предложенію. Я также сильно любила умственное уединеніе, какъ она ненавидѣла его, и особенно уединеніе въ работѣ. Я охотно измѣняла, по ея указаніямъ, уже написанныя мною вещи, но мысль о совмѣстной работѣ съ другимъ лицомъ, о лишеніи себя полной свободы въ области творчества была мнѣ крайне антипатична.

Но такъ сильно было вліяніе на меня Софьи, такъ велико ея желаніе, такъ увлекательно ея одушевленіе, разъ она чего нибудь хотѣла, что въ концѣ концовъ я не только согласилась на ея просьбу, но и предалась задуманному ею дѣлу съ такимъ же горячимъ энтузіазмомъ, какъ и она сама.

На рождественскіе праздники 1886—87 г. Софья отправилась въ Россію, вызванная болѣзнью своей горячо любимой сестры. Когда она въ началѣ 1887 г. вернулась въ Стокгольмъ, я находилась въ самомъ разгарѣ работы, занятая сочиненіемъ большого романа, всецѣло поглощавшаго меня. Я прочла Софѣ планъ романа. Она очень заинтересовалась имъ, но затѣмъ вскричала: «А все-таки мнѣ ужасно жаль, что ты такъ сильно увлеклась этимъ романомъ! У меня также зародилась идея одного романа, и я хотѣла бы, чтобы ты его обработала совмѣстно со мной».

Въ этотъ вечеръ она просидѣла у меня далеко за полночь на скамейкѣ у моихъ ногъ, какъ она вообще любила сидѣть, и говорила неумолкая съ тѣмъ пылкимъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, которое составляло ея отличительную особенность. Она говорила все время по-шведски и совершенно легко выражалась на этомъ недавно изученномъ ею языкѣ, такъ легко, что находила всегда самыя оригинальныя и яркія слова и обороты для передачи своихъ мыслей; въ рѣчи ея былъ только одинъ недостатокъ—многословіе; она постоянно прибѣгала къ нѣсколькимъ словамъ для обозначенія одной и той-же вещи, приводя для иллюстраціи своей мысли нѣсколько синонимовъ. Это происходило, повидимому, отъ сознанія своего недостаточнаго знакомства съ чуждымъ языкомъ, отъ неумѣнія выбрать изъ нѣсколькихъ словъ самое точное для выраженія занимавшей ее мысли. Софья рассказывала мнѣ, какъ въ теченіе долгихъ дней и ночей, проведенныхъ ею у постели больной сестры, она сидѣла, погруженная въ думы о своей жизни и жизни сестры, и сравнивала сумасбродныя мечты ихъ юности, съ которыми онѣ вступали въ жизнь, съ тѣмъ, что послѣдняя дала имъ въ дѣйствительности. Для сестры Софьи жизнь сложилась

самымъ печальнымъ образомъ: разбитою, лежала она на своей постели, безъ надеждъ на выздоровленіе, въ лучшемъ возрастѣ жизни, раньше чѣмъ ей удалось осуществить обѣщанія, которыя сулилъ ей еще въ юности ея талантъ писательницы. Что-же касается Софьи, то во внѣшнемъ отношеніи все сложилось приблизительно такъ, какъ она когда-то мечтала: она стояла на верху славы, была окружена общимъ поклоненіемъ и восхищеніемъ, но въ глубинѣ души ощущала всегда пустоту, и внутренній голосъ постоянно твердилъ ей: «совсѣмъ, совсѣмъ не такъ сложилась моя жизнь, какъ я того желала!»

Изъ этихъ мечтаній и разсужденій возникла идея романа, которой я, по желанію Софьи, должна была придать художественную форму. Предполагалось что-то въ родѣ двойного романа: въ немъ судьба и развитіе однихъ и тѣхъ-же людей должны были изображаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ: «какъ оно было» и «какъ оно могло быть». «Кому не приходилось въ жизни раскаиваться въ важномъ необдуманномъ шагѣ», говорила она, «и кто не разъ желалъ начать жизнь съизнова!»

И этимъ желаніямъ, этимъ мечтаніямъ Софья хотѣла теперь придать дѣйствительную жизнь въ образѣ романа. Съ свойственною ей потребностью объяснять явленія жизни научнымъ образомъ, она желала положить въ основаніе своей работы научную идею. Она была убѣждена, что всѣ дѣйствія и поступки людей заранѣе предопредѣлены, но признавала въ то же время, что могутъ явиться такія эпохи въ жизни, когда представляются различныя возможности для тѣхъ или иныхъ дѣйствій и тогда уже жизнь складывается различнымъ образомъ, сообразно съ тѣмъ, какой путь кто изберетъ. Она основывала эту гипотезу на работѣ Poincarrès о дифференціальныхъ уравненіяхъ, о которой она пѣлый годъ читала лекціи въ Стокгольмскомъ университетѣ; изъ нихъ видно было, что интегралы разсматриваемыхъ Poincarrès дифференціальныхъ уравненій являются, съ геометрической точки зрѣнія, непрерывными кривыми линіями, которыя развѣтвляются только въ нѣкоторыхъ изолированныхъ точкахъ. Теорія показываетъ, что явленіе протекаетъ по кривой до мѣста раздвоенія, но здѣсь все дѣлается неопредѣленнымъ, и нельзя заранѣе предвидѣть, по которому изъ развѣтвленій будетъ дальше протекать явленіе.

Высказанная ею идея возбудила во мнѣ сразу живѣйшій интересъ, но я была слишкомъ поглощена начатымъ романомъ, чтобы быть въ состояніи воспринять эту идею такъ всецѣло, какъ это было необходимо для ея воплощенія.

Но отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ Софьѣ, когда она чего-нибудь желала всею душою, было немыслимо. Она пускала въ ходъ всевозможные убѣдительные аргументы, чтобы склонить васъ на свою сторону. Если ей не удастся осуществить эту идею, она сдѣлается ни на что негодною, ли-

шится всякой возможности работать научно, будет чувствовать себя постоянно въ тискахъ, ходить точно въ заколдованномъ снѣ, испытывать полную умственную слабость и разстройство, да, я, право, не помню уже, къ какимъ образамъ она не прибѣгала, чтобы обрисовать наглядно положеніе человѣка, всецѣло поглощеннаго какою-нибудь идеею, но не имѣющаго возможности придать ей жизнь, облечь ее въ формы.

Тогда я предложила слѣдующій компромиссъ: романа я не въ силахъ была писать по чужой идеѣ, но, быть можетъ, мнѣ могла бы удался драма. Въ драмѣ очень много условнаго, чисто технического, она не можетъ вылиться такъ непосредственно, цѣликомъ, изъ души, какъ современный романъ; когда пишешь романъ, приходится просто садиться за столъ и рассказывать все, что продумалъ и прочувствовалъ, что видѣлъ и понималъ, не заботясь о томъ, какую форму и размѣръ приметъ будущее произведение,—а это прежде всего необходимо для драмы. Романъ—это какъ бы жизненная исповѣдь, которая можетъ вылиться изъ одной только головы, изъ одной только души. Драма—искусственное зданіе, воздвигаемое по извѣстнымъ объективнымъ законамъ. Двѣ пары глазъ не могутъ видѣть одинаковымъ образомъ, два сердца одинаково биться, но двѣ пары рукъ могутъ оказывать другъ другу взаимную помощь для возведенія одного и того-же зданія.

Итакъ мы начали строить вдвоемъ оригинальное зданіе изъ нѣсколькихъ жилищъ, получившее названіе «Борьбы за счастье, двѣ параллельныя драмы К. Л.», т. е. Корвинъ-Леффлеръ ¹⁾ (*Kampen för Lyckan, tvänne paralleldramer of K. L.*) ²⁾).

Главное значеніе этого произведенія, послѣ смерти одной изъ писательницъ, заключается въ тѣхъ многочисленныхъ чертахъ его, которыя являются выраженіемъ ея собственныхъ чувствъ и мыслей. Въ главной изъ дѣйствующихъ женскихъ фигуръ, Алисъ, Софья обрисовала самое себя и многія изъ произносимыхъ Алисою фразъ, многія изъ ея выражений были взяты, такъ сказать, цѣликомъ изъ собственныхъ устъ самой Софьи.

Одинъ датскій писатель, Германъ Боргъ, въ небольшой рѣчи, посвященной памяти Софьи, въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ характеризовалъ глубочайшій смыслъ этой драмы: «Признаюсь, я люблю эту необыкновенную драму», говоритъ онъ, «которая съ математическою ясностью доказываетъ всемогущую силу любви, доказываетъ, что только она и она одна составляетъ все въ жизни, что только она придаетъ жизнь и энергію или

¹⁾ Дѣвическія фамиліи обѣихъ писательницъ.

²⁾ Драма эта, изданная въ Кіевѣ книжнымъ магазиномъ Йогансона, вышла на дняхъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Борьба за счастье, двѣ параллельныя драмы*, соч. бывшаго проф. Стокгольмскаго университета Софьи Ковалевской и г-жи А. К.-Леффлеръ, перев. съ шведскаго М. Лучицкой.

заставляет преждевременно блекнуть. Она одна дает возможность развиваться и сдѣлаться сильнымъ и могучимъ. Только благодаря ей можно неуклонно идти впередъ, исполняя свой долгъ».

Да, слова эти выражаютъ дѣйствительно сокровенные взгляды этой знаменитой женщины. Она, которая для настоящаго времени и для будущаго будетъ служить всегда блестящимъ доказательствомъ того, что женщина можетъ, наравнѣ съ самыми выдающимися мужчинами своего времени, обладать обширнымъ умомъ, глубокими знаніями и строгою логикою мышленія, она служитъ въ то же время и блестящимъ доказательствомъ и примѣромъ того, что жизнь сердца будетъ всегда главное для женщины, и что безъ полнаго гармоническаго развитія этой жизни женщина никогда не будетъ чувствовать себя удовлетворенною.

Алиса, героиня драмы,—молодая дѣвушка съ выдающимися способностями: она только что выдержала вступительный экзаменъ въ университетъ, и поглощена вся теоретическими интересами и всевозможными планами общественныхъ реформъ. Она любитъ молодого инженера, Карла Торелля, занятаго разработкою важнаго научнаго открытія, которое досталось ему по наслѣдству отъ умершаго отца, не успѣвшаго окончить его. Алиса сильно заинтересована этимъ открытіемъ, въ особенности потому, что оно должно повлечь за собою значительное улучшение въ положеніи рабочихъ. Но Алиса—единственная дочь въ знатной семьѣ и наслѣдница значительнаго майората, а Карлъ—сынъ обѣдѣвшаго управляющаго заводомъ. Отецъ Алисы такимъ оскорбительнымъ образомъ относится къ его предложенію, что онъ изъ ложной гордости отступаетъ. Алиса, оскорбленная этимъ до глубины души, выходитъ замужъ за своего двоюроднаго брата Гіальмара, скептика, избалованнаго жуира, но въ то-же время геніальнаго музыканта-композитора. Онъ не любитъ ея, а она узнаетъ, чуть-ли не черезъ нѣсколько дней послѣ брака, что онъ влюбленъ въ ея любимую подругу дѣтства, сестру Карла, Паулу Торелль, заинтересовавшую его своими громадными музыкальными способностями. Но ея потребность любви, ея страстное желаніе жить одною жизнью съ другимъ лицомъ такъ велики, что она дѣлаетъ отчаянную попытку придать болѣе глубокой смыслъ и значеніе чисто внѣшней дружеской связи, существующей между нею и ея мужемъ, укрѣпить и усилить ее. Одна сцена между обоими супругами въ третьемъ актѣ первой драмы «Какъ оно было» такъ характеристична, такъ ярко и вѣрно изображаетъ чувства и мысли самой Софьи, что я считаю необходимымъ привести здѣсь значительную ея часть. Въ отвѣтъ на намекъ, сдѣланный Алисою по поводу живого интереса, выражаемаго Паулѣ Гіальмаромъ, послѣдній спрашиваетъ: «развѣ ты ревнуешь?»

«Алиса. Ревную! Я? О нѣтъ, я такъ привыкла, чтобы всѣхъ любили больше, чѣмъ меня. Въ школѣ говорили, что я самая способная,—но я знала всегда, что судьба зло подшутила надо мною, одаривши меня такими

способностями, какъ бы для того, чтобы я лучше чувствовала, чѣмъ я *могла-бы* сдѣлаться для другого, если-бы кто-нибудь дѣйствительно захотѣлъ полюбить меня.

Гіальмаръ (приближаясь къ ней).. Я больше не буду встрѣчаться съ Паулою.

Алиса. Неужели ты—какъ же ты могъ рѣшиться?...

Гіальмаръ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ она была для меня?

Алиса. Развѣ ты считаешь меня слѣпою на оба глаза?

Гіальмаръ. И ты никогда, ни однимъ словомъ... не пробовала помѣшать?

Алиса. Я знала, что не имѣю на это права. Она была для тебя всѣмъ тѣмъ, чѣмъ я не могла быть.

Гіальмаръ. И ты, конечно, подозрѣвала...

Алиса. Васъ въ измѣнѣ? О нѣтъ. Я ни минуты объ этомъ не думала,—я никогда не считала-бы Паулу способною на измѣну.

Гіальмаръ. Но я надѣюсь, что это не огорчало тебя?...

Алиса. Конечно, конечно, нѣтъ. Мнѣ было такъ пріятно, такъ пріятно видѣть, что всѣхъ другихъ любить больше, чѣмъ меня... видѣть вокругъ себя взгляды, полныя невыразимой нѣжности, слышать голоса, звучащіе самою искреннею любовью, и чувствовать, что ты сама стоишь внѣ всего этого. Я ждала каждую минуту, что и мой маленькій Якобъ...

(Голосъ ея прерывается подступающими рыданіями).

Гіальмаръ. Милая Алиса,—неужели ты чувствовала себя такою одинокою?

Алиса. Одинокою? Вѣдь я и жила какъ-бы для того только, чтобы терять одного за другимъ и тѣхъ немногихъ, кто любилъ меня! Прежде всего Карла,—для него карьера, положеніе, внѣшній блескъ представляли больше значенія, чѣмъ моя любовь. Паула—она говорила всегда, что я была для нея *вторымъ* я;—затѣмъ познакомилась съ тобою—и я стала для нея ничѣмъ—а ты! Когда мы дали другъ другу слово, ты увѣрялъ, что любишь меня такъ сильно, какъ только можешь любить,—но не успѣла я сдѣлаться твоею женою, какъ ты тотчасъ постарался найти у другой то счастье, котораго не находилъ подлѣ меня. Только мой маленький Якобъ,—да, увѣряю тебя, я совершенно искренно удивляюсь всякій разъ, когда онъ протягиваетъ мнѣ свои ручки и ни за что не хочетъ идти отъ меня къ другимъ.

Гіальмаръ. И ты все это перечувствовала и скрывала ото всѣхъ—и не говорила никому ни слова! Но въ сущности—и я всегда зналъ, что ты меня не любишь,—это, конечно, и отвращало меня отъ тебя.

Алиса. Но я никогда не относилась къ тебѣ равнодушно, Гіальмаръ,—повѣрь, я всегда любила тебя, была къ тебѣ привязана. И я такъ искренно, такъ страстно желала, чтобы ты хоть немножко заинтересовался мною. Я желала немногаго,—я хотѣла только, чтобы никто не стоялъ между нами, не

былъ ближе къ тебѣ, чѣмъ я,—одного только я и желала всю свою жизнь,—быть первою для другого человѣка.

Гіальмаръ. Ты первая,—единственная для меня теперь, Алиса.

Алиса. Да, дай мнѣ быть первою для тебя! (*Онъ садится на кресло, она становится на колѣни у его ногъ*). Между нами столько связей, столько вещей, соединяющихъ насъ! Вспомни наше счастливое дѣтство—сколько у насъ обоихъ воспоминаній:—здѣсь въ Герргамрѣ, которое намъ обоимъ одинаково дорого, которое составляетъ какъ-бы часть насъ самихъ, а нашъ маленькій Якобъ? Многое могло бы помочь намъ слиться душою другъ съ другомъ, и зажить одною общею жизнью,—не правда-ли?

Гіальмаръ. Да,—мы плоды одного и того же дерева. Я часто невольно чувствую, какъ много общаго между тобою и мною.

Алиса. Ты правъ, Гіальмаръ, между нами столько, столько общаго! Почему-же намъ не быть счастливыми? Дай, я покажу тебѣ, какою я могу быть, если меня искренно любятъ! Увидишь, увидишь! Бѣдняжка Алиса не такъ ничтожна, какъ кажется. Во всякомъ случаѣ Мартѣ далеко до нея. Марта никогда не можетъ быть такою милою, какою *можетъ* быть Алиса, если посмотрѣть на нее настоящими глазами. Взгляни на меня, посмотри хорошенько. Хороша ли я? Да, когда меня любятъ, я хороша,—но только тогда, когда меня любятъ, не иначе. Добра-ли я? Да, когда меня любятъ, я воплощенная доброта. Эгоистка ли я? О нѣтъ, я не эгоистка, я могу со-всѣмъ отрѣшиться отъ себя, слиться всѣми мыслями своими съ другимъ.

Гіальмаръ (привлекаетъ ее къ себѣ). Я вижу опять свою прежнюю Алису... Алису своего дѣтства. Ты ребенкомъ умѣла такъ очаровывать всѣхъ, что дѣлала съ ними, что хотѣла.

Алиса. Да, вотъ такая я, когда меня любятъ,—я знаю все, схватываю все, понимаю все,—я могла бы даже сдѣлаться музыкальною, если-бы мнѣ пришлось жить душа въ душу съ артистомъ>.

Я никогда не забуду волненія и восторга Софьи, когда я прочла ей эту сцену. Она нашла, что я живьемъ скопировала ее,—въ такихъ именно трогательныхъ, пылкихъ и въ то же время смиренныхъ выраженіяхъ описывала она часто то чувство глубокой преданности, которое ни разу въ жизни не доставалось ей на долю. Она никогда не была первою, единственною для другого лица, какъ страстно ни желала этого и не смотря на всѣ внѣшнія преимущества, обеспечивавшія ей, повидимому, возможность побѣждать и приковывать къ себѣ сердца.

И желаніе Алисы, высказанное ею въ первомъ актѣ, желаніе раздѣлить труды Карла, принять участіе въ его дѣятельности, ея негодованіе, когда онъ подъ вліяніемъ излишней деликатности отдаляется отъ нея, ея рѣзкое требованіе отбросить въ сторону всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія и остаться вѣрнымъ голосу своего сердца, ея страстное воззваніе къ его любви,—во все это Софья вложила свою собственную душу, насколько это

возможно въ произведеніи, которое, если и не было написано ею самою, за то было внушено ею, слѣвлено ея творческою рукою.

Во второй параллельной драмѣ: «Какъ оно могло быть», Алиса, уже послѣ свадьбы съ Гіальмаромъ, рѣзко разрываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отказывается отъ богатства и отъ положенія въ обществѣ, чтобы жить въ бѣдности съ Карломъ и совместно съ нимъ работать надъ его открытіемъ,—совершенно такъ, какъ поступила бы навѣрное и сама Софья, если бы ей предоставленъ былъ подобнаго рода выборъ.

Алиса въ первомъ актѣ драмы: «Какъ оно могло быть», говоритъ слѣдующее:

«Въ городѣ обращаешься исключительно въ обществѣ людей своего класса,—поэтому рѣдко приходится думать о томъ, что не всѣмъ живетъ такъ, какъ намъ. Но на такомъ большомъ заводѣ, какъ нашъ,—будучи вдобавокъ его владѣлицею—становишься въ совершенно особое положеніе. Различіе между собственною жизнью и жизнью окружающихъ такъ ужасно велико! Напр., какая громадная пропасть отдѣляетъ меня отъ дѣшней молодежи, отъ молодежи нашего завода, а между тѣмъ я выросла среди нихъ, играла съ ними въ дѣтствѣ.

Г-жа С. Но это совершенно естественно. Какъ ты можешь...

Алиса. Иногда, когда я хожу здѣсь одна въ паркѣ и слушаю, какъ они собираются внизу на лугу и весело распѣваютъ свои пѣсни—вся молодежь въ полномъ сборѣ—слушаю, какъ они смѣются и болтаютъ, и играютъ,—да, увѣрю васъ, мнѣ не разъ случалось ложиться на траву и горькими слезами оплакивать свое знатное одиночество. Мною овладѣвало неудержимое желаніе вскочить и побѣжать къ нимъ, какъ въ былое время, когда я была маленькою.

Тетка Эмилія. Что за дѣтскія разсужденія! Ты навѣрное никогда бы этого не сдѣлала!

Алиса. Да, это правда, я этого не дѣлала—но почему? Потому что я знаю, лишь только я приду къ нимъ, они смутятся, сконфузятся, и мой приходъ уничтожитъ все ихъ веселье. Да и мнѣ не можетъ быть весело съ ними—я не понимаю ихъ шутокъ, меня можетъ непріятно поразить ихъ обращеніе;—дѣло въ томъ, что между нами не только внѣшняя, но и внутренняя пропасть—вотъ это именно больше всего и возмущаетъ меня! Подумай только, насколько иначе сложилась бы наша жизнь, если бы мы получили одинаковое воспитаніе, если бы у насъ были тѣ же привычки, тѣ же нравы и обычаи,—если бы мы образовывали одинъ большой товарищескій кружокъ».

Эти слова являются такимъ же вѣрнымъ воспроизведеніемъ общественныхъ идеаловъ Софьи, какъ сцена между Алисою и Гіальмаромъ служить выраженіемъ ея взглядовъ на личную жизнь.

Наша большая двойная драма появилась въ свѣтъ осенью 1887 г., но до сихъ поръ ни разу еще не ставилась на сцену. Мы вначалѣ хотѣли непременно, чтобы ее давали въ одномъ и томъ же театрѣ два вечера кряду, чтобы играли непременно обѣ драмы одну за другою, но ни одинъ изъ театровъ не соглашался ставить пьесу на этихъ условіяхъ; всѣ отступали передъ почти непреодолимымъ затрудненіемъ заставить однихъ и тѣхъ же артистовъ разучивать одновременно двѣ большія пьесы, гдѣ они должны были изображать однихъ и тѣхъ же лицъ, но при совершенно разномъ ходѣ дѣйствія. Вначалѣ Софья и слышать не хотѣла о компромиссахъ, затѣмъ согласилась на представленіе одной пьесы безъ другой. Первая драма была не за долго до ея смерти принята дирекціей театра въ Христіаніи, но Софьѣ не пришлось дожить до счастливой минуты, которую она съ такимъ нетерпѣніемъ ждала,—до того, чтобы увидѣть наконецъ свое дѣтище на сценѣ, такъ какъ вслѣдствіе затрудненій въ постановкѣ пьесы не пошла. Софья намѣревалась перевести двойную драму на русскій языкъ и была твердо убѣждена, что въ Россіи лучше поймутъ положенную въ ея основаніе идею, чѣмъ въ Швеціи, такъ какъ вообще она находила, что ея соотечественники лучше понимаютъ ее, чѣмъ иностранцы. Но въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя ей оставалось еще жить, она была такъ поглощена своими обширными математическими изысканіями и новыми литературными занятіями, что ей не удалось привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Ни въ одной изъ литературныхъ работъ, оставленныхъ ею послѣ смерти, не были такъ ярко выражены ея сокровенные жизненные идеалы, какъ именно въ этомъ произведеніи, для созданія котораго она воспользовалась чужою рукою. И никогда еще намъ обѣимъ, мнѣ и ей, не приходилось трудиться съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ увлеченіемъ, какъ надъ этою совмѣстною работою. Я ни разу не видала ея такою счастливою, жизнерадостною, полною такихъ блестящихъ надеждъ, какъ въ ту зиму, когда мы писали нашу драму. Между нами царилъ такое полное пониманіе, что я часто предвосхищала ея мысль прежде, чѣмъ она успѣвала ее высказать. Во время нашихъ продолжительныхъ ежедневныхъ прогулокъ въ лѣсу и катаній на конькахъ, мы не переставали говорить о нашей драмѣ, создавая одну сцену за другою. Утромъ я сочиняла одна, между тѣмъ какъ Софья, почувствовавшая вдругъ настоящую страсть къ женскимъ руководѣльямъ, вышивала по канвѣ и за работою давала полную волю своимъ мыслямъ и фантазіямъ. Пока иголка механически то поднималась, то опускалась, умъ ея и воображеніе неустанно работали, и сцена за сценою съ удивительною ясностью возставали передъ ея мысленными очами. Одновременно съ этимъ и я трудилась надъ тѣмъ-же при помощи своего пера, и когда затѣмъ оказывалось, что иголка и перо пришли къ одному и тому же результату, наша обоюдная радость не знала границъ, никогда самостоятельная работа не доставляла намъ столько наслажденій.

Софья носилась со многими планами другихъ работъ, которыя мы должны были произвести совместно. Но мой отъѣздъ въ Италію въ началѣ 1888 года помѣшалъ ихъ осуществленію, къ счастью, конечно, для Софьи, такъ какъ она, вслѣдствіе этого, принуждена была сама облекать въ художественную форму свою мысль. Это ей вполне удалось, и передъ ней открывалось самое блестящее будущее на новомъ поприщѣ, когда смерть внезапно настигла ее и унесла со всѣми ея обширными и богатыми замыслами.

Jeffler

(Съ рукописи, присланной г-жей Леффлеръ для Сборника; переводъ съ шведскаго М. Луцкой).

*
* * *

Не забывай!—ты мнѣ сказала,
Когда тебя я покидалъ.
Я, молча, предъ тобой стоялъ,
А ты, припавъ ко мнѣ, рыдала...

Прошло съ тѣхъ поръ не мало дней;
Твой образъ, близкій мнѣ когда-то,
Поблекъ давно въ душѣ моей,—
Все миновало безъ возврата!

Ища душѣ своей отрадъ,
Я жаждалъ новыхъ впечатлѣній...
И не вернуть теперь назадъ
Минувшихъ грезъ и увлеченій.

Такъ часто средь житейской тьмы,
Ища несбыточнаго счастья,
Теряемъ истинное мы
Безъ сожалѣнья и участя.

Кіевъ.

Де-Эръ.

ТУЧКА НАБѢЖАЛА.

Очеркъ.

Павелъ Михайловичъ Стронинъ выѣхалъ на слѣдствіе въ самое беззаботное и веселое настроеніе духа. Утро было тихое, румяное, по небу лѣниво плыли бѣлые барашки, въ воздухѣ чувалась бодрящая свѣжесть. Дорога, слегка покропленная не успѣвшей еще высохнуть росой, почти не пылила, и почтовая кибитка бойко катила по ней, оглашая окрестныя поля задорнымъ звонкомъ колокольчика. Павелъ Михайловичъ вынулъ изъ изящнаго пакетика папиросу, насадилъ ее на янтарный мундштучокъ и, закуривъ отъ спички, услужливо поднесенной сопровождавшимъ его письмоводителемъ, погрузился въ розовыя мечты, слѣдя лѣнивымъ взглядомъ за синеватыми кудрявыми струйками дыма. Вся его крупная фигура, облеченная въ просторный чесунчиковъ костюмъ, съ накинутымъ поверхъ парусиновымъ плащомъ, дышала спокойнымъ самодовольствомъ человѣка, недавно оставившаго постель, послѣ восьмичасоваго, крѣпкаго сна, а молодое, обрамленное мягкой, темнокаштановой растительностью лицо, сіяло неподдѣльной веселостью. И веселость эта была вполне естественна и законна. Павлу Михайловичу шель всего двадцать седьмой годъ, онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ, все прошлое его не оставило никакихъ гнетущихъ воспоминаній, настоящее было безоблачно, какъ майское утро, а въ будущемъ рисовались самыя заманчивыя перспективы. Получивъ университетскій дипломъ, Стронинъ «кандидатствовалъ» при окружномъ судѣ всего лишь два года и, благодаря протекціи дяди, заслуженнаго и вліятельнаго сенатора, былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ уѣздный городъ N, съ твердой надеждой, въ самомъ недалекомъ будущемъ, занять болѣе высокую ступень въ судебномъ мірѣ. Но Павелъ Михайловичъ далеко не исключительно былъ преданъ сухимъ мечтамъ о чиновничьей карьерѣ. Напротивъ, въ его мысляхъ и сердцѣ доминировалъ милый образъ невѣсты, фотографическое изображеніе которой красовалось въ изящной бархатной рамкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ письменнаго стола, куда часто, отрываясь отъ работы, обращались влюбленные взоры молодого слѣдователя. Кромѣ этихъ общихъ причинъ веселаго

настроения, существовали еще и менее важные, но более близкие и непосредственные. Небольшая квартирка Павла Михайловича удовлетворяла самым идеальным требованиям человека, впервые добившагося самостоятельного и независимаго положения. Все в ней было уютно, изящно, удобно и обличало в хозяинѣ ея извѣстный вкусъ и наклонность къ чистотѣ и комфорту, свойственную людямъ, привыкшимъ съ дѣтства къ довольству и неиспытаннымъ нужды.

Наконецъ, ближайшей причиной розоваго настроенія Павла Михайловича служило полученное наканунѣ отъ становаго пристава Купидонскаго извѣщеніе, вызывающее слѣдователя въ с. Ивинки по дѣлу о «насильственной» смерти землевладѣльца Стебловскаго. Въ теченіе двухъ-мѣсячнаго отправленія имъ обязанностей слѣдователя, это было первое дѣло, представляющее нѣкоторый интересъ и случай выдвинуться, обратить на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что, въ конфиденціальной припискѣ, Купидонскій намекалъ на загадочность происшествія. Пустяковинныя кражи «со взломомъ», мелкіе грабежи и плутни уже набили оскомину молодому слѣдователю, мечтавшему еще на университетской скамьѣ о «криминалахъ» во вкусѣ французскихъ романовъ. Фамилія жертвы еще не разслѣдованнаго преступленія больно кольнула смутнымъ воспоминаніемъ юношескихъ лѣтъ, когда Стронинъ читалъ оффиціальную бумагу; но онъ скоро забылъ объ этомъ, не придавъ значенія, быть можетъ, случайному совпаденію.

До цѣли путешествія, с. Ивинокъ, было съ небольшимъ верстъ двадцать, и не успѣлъ Павелъ Михайловичъ вдоволь насытить здоровыя легкія свѣжимъ живительнымъ воздухомъ, какъ ямщикъ круто осадилъ коней у воротъ угрюмаго барскаго дома, носившаго, сквозь признаки былого блеска, слѣды запущенности и забвенія. На крыльцѣ подъ облупившимися колоннами Стровина встрѣтилъ приставъ, въ свѣже-вымытомъ кителѣ съ ярко-блестѣвшими пуговицами, и, крѣпко потрясая его руку, фамиллярно привѣтствовалъ:

— Добро пожаловать! А мы здѣсь съ герръ докторомъ уже часокъ прохлаждаемся въ ожиданіи васъ. Что замѣшались? Представьте, жалость какая! самоубійство—ничего больше, вотъ только причины неизвѣстны. А я было думалъ приподнести вамъ дѣльце—пальчики оближете.

И Купидонскій игриво чмокнулъ сложенную пятерню. Онъ былъ молодъ, пользовался успѣхомъ среди уѣздныхъ дамъ, не лишенъ былъ нѣкотораго лоска и мѣтилъ въ исправники. Съ Стронинымъ ему уже не разъ приходилось видаться по дѣламъ службы.

— Ну что-жъ, дѣлать нечего,—отвѣчалъ на ходу Стронинъ, направляясь въ комнаты:—авось, покопаемся и найдемъ какую-нибудь подкладочку.

Сбросивъ въ передней парусиновый плащъ и отряхнувшись отъ дорожной пыли, Стронинъ, въ сопровожденіи пристава, вошелъ въ комнату налѣво, гдѣ за столомъ, уставленнымъ пытящимъ самоваромъ, пузатымъ графинчи-

комъ съ «очищенной» и закусками, сидѣлъ, въ задумчивой позѣ, немолодой уѣздный врачъ, Рыбенко, слывшій въ уѣздѣ чудакомъ и философомъ. Стронинъ былъ знакомъ и съ нимъ, обмѣнявшись по пріѣздѣ въ N обычными визитами.

— А мы здѣсь тризну правимъ,—поздоровался онъ съ Павломъ Михайловичемъ, приглашая его знаками садиться и принять участіе въ трапезѣ.—Еще хорошо, что есть чѣмъ помянуть покойнаго, а то изволь производить вскрытіе, когда самъ съ голодухи еле на ногахъ держишься.

Стронинъ не безъ удовольствія осушилъ наполненную приставомъ рюмку, закусилъ икрою и, прихлебывая горячій чай, попытался завязать разговоръ о дѣлѣ, но со стороны доктора съ первыхъ же словъ встрѣтилъ отпоръ.

— Полно вамъ, батенька, пустяками заниматься. «Мертвый мирно въ гробѣ спи,—жизнью пользуйся, живущій». Видно, молоды, не надоѣла вамъ еще вся эта канитель. А вотъ помаетесь съ мое, опротивѣетъ вамъ эта криминальщина!

И разговоръ перешелъ на очередныя уѣздныя темы.

* * *

Наговорившись до-сыта и утоливъ требованія желудка, собесѣдники, предшествуемые приставомъ, направились въ спальню, гдѣ, до прибытія слѣдователя, оставленъ былъ трупъ самоубійцы.—Въ спальнѣ царствовалъ полумракъ отъ опущенныхъ сторъ и запыленныхъ, засиженныхъ мухами стеколъ. Воздухъ былъ затхлый и душный,—видно, окна давно не отворялись. Въ углу спальной комнаты подъ большимъ, потрескавшимся и почернѣвшимъ отъ времени кіотомъ съ старинными образами въ серебряныхъ тяжелыхъ ризахъ, на деревянной съ высокими, рѣзными спинками кровати, лежалъ вытянутый трупъ съ откинутой лѣвой рукой, подъ которой свѣсившаяся на землю подушка была обагрена почернѣвшей, застывшею струею крови.

Павелъ Михайловичъ, съ бьющимся отъ непривычки сердцемъ и почему-то на цыпочкахъ, подошелъ къ изголовью кровати и, чтобы лучше присмотрѣться къ лицу, низко наклонился надъ трупомъ. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ, выпрямился и, закрывъ ладонью глаза, какимъ-то стонущимъ голосомъ вскрикнулъ.

— Стебловскій! Степа! Да это онъ. О, Господи!...

И, точно сраженный ударомъ, онъ грохнулся-бы на полъ, если-бы подскочившій во-время Кунидонскій не подхватилъ его подъ мышки и не усадилъ заботливо въ кресло.

— Что съ вами, голубчикъ,—увивался онъ вокругъ Стронина, безпомощно свѣсившагося на ручку кресла.—Докторъ, ради Бога, помогите! Онъ въ обморокѣ.

Но докторъ уже бѣжалъ съ стаканомъ воды въ рукѣ, сопровождаемый десятскимъ, несшимъ полотенце и ведро, также наполненное водою.

Совмѣстными усиліями, при помощи холодныхъ компрессовъ и всприскиваній, доктору и приставу скоро удалось привести въ чувство молодого слѣдователя. Онъ открылъ глаза, обвелъ комнату тупымъ взглядомъ, и, когда глаза его остановились на трупѣ, онъ снова схватился руками за голову.

— Да что съ вами такое? Павелъ Михайловичъ, успокойтесь.... Бѣда, право, съ нынѣшними нервами. Чуть-что, сейчасъ и норовить хлопнуться въ обморокъ. Да кто онъ вамъ такой?—братъ, свать, кумъ,... суетился докторъ, не понимая причины этого столь внезапнаго потрясенія.

— Степа, милый Степа,—другъ моего дѣтства и юности, единственный, лучший другъ!...

— Ну, что же тутъ такое! Бываетъ.... Самъ съ собою человѣкъ покончилъ, значить, желалъ этого и достигъ цѣли. Радоваться за него надо, а не убиваться. Царствіе ему нѣмецкое и вѣнскій покой,—попробовалъ пошутить докторъ.

Стронинъ выпилъ залпомъ два стакана воды и, повидимому, оправился; только на лицо его налегла какая-то мрачная тѣнь, и онъ не могъ оторвать взгляда отъ покрывшагося уже мертвенной синевою лица своего друга.

Оно было спокойно страшнымъ покоемъ смерти; на плотно сжатыхъ, красиво очерченныхъ устахъ застыла горькая усмѣшка человѣка, утратившаго вѣру во все то, чѣмъ люди живы,—сдержанный, но тѣмъ болѣе безпощадный сарказмъ, относящійся одинаково какъ къ самому себѣ, такъ и ко всему міру. Заострившіяся черты лица, хотя были и красивы. благородной, интеллигентной красотою, ничѣмъ особымъ не выдавались, кромѣ высокаго умнаго лба, ослѣпленнаго русыми локонами длинныхъ волосъ; лобъ этотъ былъ чистъ, и только надъ переносицей, межъ густыми бровями, прорѣзывалась тонкая вертикальная морщинка. Такія морщинки вытачиваютъ не годы или удары судьбы, а сильная, острая, словно лезвіе бритвы, мысль, привыкшая вскрывать и анатомировать каждое душевное движеніе, каждое явленіе жизни.

И чѣмъ дальше подвигается эта разрушительная работа, тѣмъ глубже врѣзывается морщинка, и кажется, будто подъ нею образуется трещина даже въ самомъ черепѣ.

У лѣваго виска, гдѣ зіяла небольшая круглая ранка, съ опаленными порохомъ краями, запеклась въ крови русая прядь волосъ. Правая рука, тяжело налегшая на грудь, выпустила на одѣяло изъ судорожно сжатыхъ пальцевъ никкелированный револьверъ.

Стронинъ, не отрывая глазъ отъ безжизненнаго лица самоубійцы, весь утонулъ въ воспоминаніяхъ, которыя вихремъ проносились въ его воспаленной головѣ. Ихъ дружба началась еще съ дѣтства, съ той поры, когда они, впервые оторванные отъ семьи, очутились на одной гимназической скамѣ.

Дѣтское сердце, возросшее въ теплой домашней атмосферѣ, не выносить пустоты и въ холодныхъ стѣнахъ школы ищетъ ласки и участія. Поль Стронинъ всей душой привязался къ случайному товарищу, не взирая на несходство ихъ натуръ. Поль былъ живой мальчикъ, рѣзвый и поверхностный, никогда ни передъ чѣмъ не задумывавшійся, глядѣвшій на жизнь наивными, широко раскрытыми глазами. Онъ въ первый же день повѣдалъ своему новому пріятелю всѣ свои дѣтскія тайны, и своей общительностью, веселостью сталъ общимъ любимцемъ класса. Степа Стебловскій слушалъ его внимательно и участливо, изрѣдка вставлялъ свои трезвые, не дѣтскія замѣчанія, но не спѣшилъ раскрывать свой внутренній мірокъ. Товарищи не охотно сближались съ нимъ, но подчинялись его, сразу какъ-то опредѣлившемуся, нравственному авторитету. Всегда серьезный, сдержанный, онъ сумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе даже со стороны учителей, и не было случая, чтобы его подвергнули какому-нибудь унижительному наказанію. Онъ учился хорошо, но ко всему и всегда относился сдержанно, скептически, начиная съ товарищескихъ игръ и кончая объясненіями учителей. Степа, тотчасъ послѣ появленія своего на свѣтъ, потерялъ мать и остался на попеченіи отца, ставшаго угрюмымъ и мрачнымъ ипохондрикомъ, съ потерей любимой жены. Въ суровой обстановкѣ опустѣвшаго дома, подъ вліяніемъ замкнувшагося въ себя отца, сложился характеръ мальчика, не извѣдавшаго свѣтлыхъ радостей дѣтства. Онъ рано научился думать и отдавать себѣ отчетъ во всемъ окружающемъ. Въ юношескіе годы, въ часы оживленныхъ товарищескихъ споровъ, Стебловскій всегда являлся критикомъ и почти никогда не высказывалъ своего собственного мнѣнія, охлаждая лишь необузданный пылъ заговорившихся спорщиковъ. Дружба между нимъ и Стронинымъ росла и крѣпла съ каждымъ годомъ. Послѣдніе годы гимназической жизни онъ проводилъ обыкновенно канікулярное время въ семьѣ Стронина, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ. По окончаніи гимназіи друзья разстались: Стронинъ поступилъ въ московскій университетъ, а Стебловскій, потерявшій незадолго до того отца и ставшій владѣльцемъ крупнаго состоянія, уѣхалъ заканчивать образованіе за-границу. Съ той поры имъ не доводилось встрѣчаться, а письмами они обмѣнялись всего два-три раза. Первое письмо Стебловскаго было полно восторженныхъ похвалъ заграничнымъ порядкамъ и общественной жизни. Въ слѣдующемъ уже сквозила обычная скептическая нотка, а въ третьемъ и послѣднемъ звучалъ горькій, желчный смѣхъ надъ недавними иллюзіями, разлетѣвшимися, какъ мыльный пузырь, при ближайшемъ знакомствѣ съ западно-европейской культурой. На этомъ ихъ переписка прекратилась, и Стронинъ потерялъ изъ виду своего друга.

И вотъ судьба снова свела ихъ: одного, попрежнему полного жизни и надеждъ,—другого, павшаго подъ бременемъ сомнѣній, въ бесплодныхъ поискахъ счастья,—не того счастья, которое само дается нищему духомъ, а становится рѣдкимъ удѣломъ избранныхъ. Одинъ, не мудрствуя лукаво, совер-

шаль свой жизненный путь, довольствуясь скромными радостями земли,—другой на Икаровыхъ крыльяхъ захотѣлъ подняться къ солнцу.

Пока Стронинъ переживалъ мысленно эти воспоминанія прошлаго и болѣзненные впечатлѣнія настоящаго, докторъ и Купидонскій занялись приготовленіями къ вскрытію. Докторъ распорядился перенести трупъ на балконъ.

— Ну что-же, батенька, обратился онъ къ слѣдователю, замѣтивъ, что тотъ нѣсколько поуспокоился:—пора и за дѣло приняться. Вскроемъ, составимъ протокольчикъ да помаленьку и отправимся къ пенатамъ. Дружба дружбой, а служба службой.

Павель Михайловичъ встрепенулся. Его болѣзненно передернула мысль о вскрытіи.

— Ради Бога, докторъ! Нельзя-ли отложить? Я сейчасъ не перенесу этого.

— Нѣтъ, откладывать не годится, возразилъ докторъ, указывая понятнымъ, какъ переносить трупъ.—Вишь, жарипца-то какая! Скоро и вернуться нельзя будетъ. Да, впрочемъ, по послѣднимъ разъясненіямъ, слѣдователю и не обязательно присутствовать при вскрытіи. Такъ что ужъ мы сами, вотъ съ нимъ, кивнулъ онъ на пристава,—займемся этой операціей, а вы ступайте въ кабинетъ, прилягте и успокойтесь.

Стронинъ съ облегченіемъ вздохнулъ. Пока докторъ надѣвалъ фартухъ, засучивалъ рукава и подбиралъ нужные инструменты, онъ машинально прошелся по комнатѣ и остановится у маленькаго ночного столика близъ кровати. Взглядъ его упалъ на лоскутокъ бумажки, выглядывавшій изъ-подъ подсвѣчника. На немъ неровнымъ почеркомъ было набрасано карандашемъ нѣсколько словъ. Стронинъ подошелъ къ окну и прочиталъ: «Если кто поинтересуется причинами моего самоубійства, пусть запасется терпѣніемъ прочитать тетрадки, лежащія въ лѣвомъ, верхнемъ ящикѣ письменнаго стола. Впрочемъ, умный человѣкъ удовольствуется отвѣтомъ, что причиной каждаго самоубійства бываетъ нежеланіе жить».

Прочитавъ записку, Стронинъ поспѣшно направился въ кабинетъ. Тамъ безпорядокъ былъ еще большій, нежели въ спальнѣ. На полу, на столѣ, на диванѣ и стульяхъ валялись пѣлыми кучами книги, разрозненные печатные листы, номера газетъ и клочки исписанной бумаги. У стѣнъ стояли громадные шкафы и этажерки, загроможденные книгами и журналами. Особый шкафъ и простой столъ возлѣ него были наполнены химическими приборами, склянками съ разноцвѣтными жидкостями, разными инструментами и механизмами. И все было покрыто слоемъ пыли. Съ потолка спускались длинныя нити паутины, двойныя рамы пропускали скудный, унылый свѣтъ.

Ящики письменнаго стола были открыты. Стронинъ дрожащей рукой высунулъ ящикъ, указанный въ запискѣ. Тамъ лежала кучка тетрадей, исписанныхъ мелкимъ нервнымъ почеркомъ, женскій кабинетный портретъ и мас-

сивный золотой крестикъ на черномъ шелковомъ шнурочкѣ. Павелъ Михайловичъ вспомнилъ, что Стебловскій никогда не разставался съ этимъ крестикомъ.

Вынувъ изъ ящика тетрадки, Стронинъ придвинулъ старинное кресло къ письменному столу и сталъ лихорадочно перелистывать исписанные листки,—въ нѣкихъ мѣстахъ еще свѣжіе, въ другихъ пожелтѣвшіе отъ времени. По мѣрѣ того какъ передъ глазами Стронина мелькали строки, въ которыя выливались завѣтныя думы его друга, въ немъ росъ и усиливался болѣзненный интересъ, неудержимое желаніе ближе заглянуть въ тайники этой больной, истерзанной души. Онъ подобралъ перенумерованныя тетрадки по порядку и началъ чтеніе съ первой изъ нихъ. Это былъ дневникъ, заведенный Стебловскимъ еще въ послѣдніе годы пребыванія въ гимназіи и доведенный почти до послѣднихъ дней жизни. Впрочемъ, по содержанію своему эти записки мало напоминали обычные дневники, и того, что преимущественно наполняетъ ихъ,—внѣшней стороны жизни, авторъ почти не касался. Его мысль была, повидимому, всецѣло поглощена внутренней работой, исканіемъ смысла жизненныхъ явленій, созиданіемъ идеаловъ, которые-бы освѣтили и согрѣли его душу. Лишенный въ дѣтствѣ материнской ласки, выросши въ холодныхъ стѣнахъ осиротѣвшаго дома, всегда одинокій, не встрѣчавшій ни въ комъ любви и участія, онъ не научился жить сердцемъ, непосредственно отдаваться скромнымъ радостямъ бытія. И онъ отвернулся отъ нихъ съ презрѣніемъ, мечтая самостоятельно достигнуть иного идеала жизни, гдѣ-бы все было справедливо, разумно, чуждо будничной прозы и сѣренькаго существованія. Но на этомъ пути его ждали одни только разочарованія. Все, что вначалѣ манило его яркими красками, постепенно, подъ вліяніемъ разрушительной работы ума, тускнѣло, блекло и, сквозь сорванные блестящіе покровы, выказывало отвратительную наготу. И онъ бросился въ другую сторону, откуда будто-бы брезжилъ лучъ свѣта, и снова находилъ болотный огюекъ. Въ такихъ безплодныхъ поискахъ проходили лучшіе годы жизни. И съ каждымъ годомъ слабѣла вѣра въ возможность обрѣсти искомое, опускались безсильно руки, ускользала изъ-подъ ногъ почва, а надъ душой сгушался все болѣе и болѣе мракъ.

Облокотившись о край стола и сжавъ ладонями виски, Стронинъ не отрывался отъ записокъ своего несчастнаго друга. Нѣсколько разъ въ комнату входили то докторъ, то Купидонскій, и старались съ нимъ заговорить, но не получая отвѣта, пожимали плечами и принимались снова за дѣло.

Солнце стало уже близиться къ закату и косыми лучами, сквозь тускляя стекла ударило въ глаза Стронину. Онъ откинулся на спинку кресла, закрылъ глаза и впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Думать онъ былъ не въ силахъ, а только болѣзненными ощущеніями переживалъ прочитанное. Докторъ и Купидонскій, сдѣлавшіе уже все нужное и сбравшіеся было уѣзжать, насильно увели его изъ кабинета въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ. Стронинъ едва

прикоснулся къ пищѣ и на попытки сотрапезниковъ завязать съ нимъ разговоръ отвѣчалъ односложными словами.

— Поѣдемте вмѣстѣ, предложилъ докторъ:—завтра допросите прислугу и сдѣлаете, что надо.

— Нѣтъ, я останусь и переночую здѣсь,—возразилъ Стронинъ.

Выпроводивъ ихъ, онъ снова забрался въ кабинетъ, зажегъ свѣчу, легъ, не раздѣваясь, на диванъ и погрузился въ чтеніе. Вторая часть записокъ производила еще болѣе гнетущее впечатлѣніе. Начиналась она, правда, свѣтлыми страницами, гдѣ Стебловскій описывалъ свою первую и послѣднюю любовь. На бойкомъ заграничномъ курортѣ онъ встрѣтилъ женщину, которая казалась ему осуществленіемъ его мечтаній и которой онъ отдалъ всю свою душу. Но чистая любовь его оказалась обманутой, поруганной. Авантюристка съ истрепанными чувствами поиграла съ нимъ, какъ съ интересной новинкой, и, натѣпившись, уѣхала съ какимъ-то венгерскимъ графомъ. Стебловскаго этотъ романъ надломилъ окончательно. Онъ воротился въ Россію и года два странствовалъ пѣшкомъ изъ края въ край, напрасно ища забвенія и покоя. Страшной душевной пустоты онъ не могъ наполнить зрѣлищемъ народнаго горя, не могъ удовлетвориться тѣми рѣшеніями жизненныхъ вопросовъ, которыя давала народная мудрость, въ лицѣ сектантовъ и другихъ искателей истины. Все это казалось ему наивно-дѣтскимъ самообманомъ, какъ и попытки разгадать загадки бытія блестящихъ умовъ западной Европы.

Иногда страницы дневника наполнялись обширными выдержками изъ сочиненій Шопенгауэра, Гартмана и прочихъ творцовъ новѣйшей философіи отчаянія. Въ этомъ Стебловскій какъ будто искалъ оправданія собственному безнадежному отношенію къ жизни. Въ послѣднихъ тетрадкахъ онъ сталъ подводить итоги всему пережитому и передуманному. И вся собственная жизнь его, какъ и жизнь всего человѣчества, возбуждала въ немъ только отвращеніе и злобу. «Все суета и томленіе духа» — повторялъ онъ слова библейскаго пессимиста. «Всѣ наши мечты о счастіи, о какомъ-то особомъ призваніи человѣка есть наивная иллюзія, и только глупцы могутъ довольствоваться этой пошлой мишурой, обольщаться призраками, созданными собственной глупой фантазіей. Въ сущности всѣ мы, и умные, и невѣжды, и добрые, и злые, и сытые, и голодные, пассивно участвуемъ въ нелѣпомъ процессѣ жизни, которая столько-же интересуется нами, какъ и стебелькомъ травы или болотнымъ червемъ. Всѣхъ насъ сотретъ одинаково смерть, и весь этотъ міръ, за который мы судорожно хватаемся руками, подчинится тому-же закону разрушенія. И стоитъ-ли жить, бороться, страдать для того, чтобы въ концѣ концовъ все-таки упасть въ бездну, которая и такъ всегда для насъ гостепріимно открыта». Но въ этихъ, повидимому, безстрастныхъ рассужденіяхъ, чужалась жгучая скорбь человѣка, не сумѣвшаго найти мѣста и счастья на землѣ. Мысль о самоубійствѣ назрѣла въ немъ уже давно, но онъ инстинктивно боролся съ нею, въ смутной надеждѣ найти еще якорь спасенія. И по-

слѣднія страницы дневника были сплошнымъ воплемъ больной, надломленной души. Отъ нихъ на Стронина уже пахнуло холодомъ могилы.

Докончивъ послѣднюю страницу записокъ, Павелъ Михайловичъ уронилъ на полъ тетрадку, закинулъ руки на голову и, устремивъ глаза въ какую-то точку на потолокъ, пролежалъ въ такомъ положеніи остатокъ ночи. Онъ былъ безсиленъ противъ неудержимаго потока мыслей, воспоминаній и разнородныхъ чувствъ, хлынувшихъ въ его разгоряченную голову. И онъ съ ужасомъ сознавалъ, что въ немъ самомъ возникаетъ тотъ-же губительный процессъ саморазрушенія, за послѣдовательными фазами развитія котораго онъ лихорадочно слѣдилъ въ запискахъ своего несчастнаго друга. Тѣ образы изъ прошлаго и настоящаго, которые онъ лепѣлъ доселѣ въ душѣ, какъ святыню, возбуждали въ немъ чувство, близкое къ отвращенію, и онъ силился отвязаться отъ нихъ. Мало-по-малу передъ нимъ послѣдовательно проходила его собственная жизнь и жизнь близкихъ ему людей, и какой представлялась она ему пошлой, сѣренькой, бессодержательной. И какъ только ему казалось, что онъ ухватился за какую-то нить, которая выведетъ его изъ этихъ сумерекъ, въ его воображеніи возставала горькая усмѣшка, застывшая на дорогомъ лицѣ. Напрасно онъ старался разбудить въ себѣ мечты объ ожидающемъ его счастьи съ любимой дѣвушкой, о тихихъ семейныхъ радостяхъ, о блестящей судебной карьерѣ. «Зачѣмъ?—неотвязно преслѣдовалъ его вопросъ, испещрившій страницы только что прочитанныхъ записокъ. Все это разсѣется какъ сонъ, и не достойнѣ-ли сразу очнуться отъ него, чѣмъ продолжать безконечно этотъ самообманъ? Ну, положимъ, я женился наплодилъ дѣтей, получилъ мѣсто члена суда, прокурора, наконецъ сенатора,—ну, а затѣмъ? Дѣти будутъ расти, въ свою очередь дѣлаться чиновниками, жениться и проходить тотъ-же жизненный кругъ, въ концѣ котораго для всѣхъ одинаково зіяетъ черная яма. И вся жизнь сплетается изъ ряда мелочей, пустяковъ, безпѣльной суеты; а все то, что будто красить ее—порожденное нашей фантазіей легкое облачко, разсѣвающееся, какъ только мы на мгновенье сбросимъ съ глазъ повязку».

Только къ утру Павелъ Михайловичъ забылся тяжелымъ сномъ, который нисколько не освѣжилъ его. Онъ проснулся часа черезъ два и вышелъ въ садъ, чтобы пройтись и размять нывшіе члены. Старый барскій садъ утопалъ въ румяныхъ лучахъ утренняго солнца, весело игравшаго въ росинкахъ, унизавшихъ свѣжую зелень травы и листьевъ. Птички суетливо порхали по запущеннымъ аллеямъ, оглашая ихъ задорнымъ пѣніемъ. Все ликовало и спѣшило насладиться радостью чуднаго лѣтнаго утра. Но Павлу Михайловичу лучи солнца, пробивавшіеся сквозь густую листву, непріятно разили глаза, трескотня птицъ раздражала слухъ и груди дѣлалось больно отъ вдыханія свѣжаго воздуха. Голова его, точно налитая свинцомъ, никла на грудь, и въ ней смутно, какъ осеннія тучи, бродили безсвязныя отрывки мыслей. Все тѣло его и душа болѣзненно ныли, какъ будто послѣ тяжелой пытки. Онъ прошелся взадъ и впередъ по аллеѣ, идущей отъ балкона, и воротился въ ком-

наты. Тамъ онъ бросился въ кресло, опустилъ на колѣни руки, свѣсилъ голову и безъ мысли, безъ движенія, въ какомъ-то полузабытїи, просидѣлъ такъ болѣе часу. Къ нему подошелъ письмоводитель, съ докладомъ, что свидѣтели ожидаютъ въ передней.

— Нѣтъ, не теперь... послѣ,—махнулъ рукою Стронинъ. Закажите лошадей—домой поѣдемъ.

Лошади скоро были поданы, и Павелъ Михайловичъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ оставилъ этотъ мрачный домъ.

Очутившись въ своей квартирѣ, онъ попробовалъ было отвлечь свои мысли работой, которой онъ всегда отдавался съ удовольствіемъ. Но напрасно онъ силился сосредоточить свои мысли на какомъ-то сбивчивомъ показаніи Ивана Непомнящаго. По привычкѣ онъ поднималъ глаза къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ портретъ его невѣсты, но это не вызвало улыбки на его лицѣ, а, напротивъ, онъ почему-то поспѣшно отодвинулъ изящную рамку въ дальній уголъ стола. Этотъ взглядъ и жестъ были толчкомъ для его усталой мысли. Воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ возстало съ новой силой, вызвавъ въ свою очередь и ту цѣпь идей и ощущеній, которая сковала его душу. Онъ сложился изъ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста; каждая вещь въ его уютной квартиркѣ, на которой онъ прежде, бывало, останавливалъ любовныя взгляды собственника, вызвала теперь въ немъ досадливое чувство. «И вотъ этими мелочами, думалъ онъ, наполняется наша жизнь, и въ этомъ мы видимъ счастье».

— Нѣтъ, надо страхнуть съ себя этотъ кошмаръ, проговорилъ онъ, наконецъ, въ слухъ. Чортъ знаетъ, что со мною дѣлается! Этакъ, пожалуй, и съ ума можно сойти. Сѣзжу къ Леночкѣ, разсѣюсь, и все это пройдетъ.

Онъ тотчасъ послалъ разсылного за лошадьми и, въ нетерпѣливомъ ожиданіи ихъ прибытія, нѣсколько отвлекъ свои мысли въ другую сторону.

Но, подъѣзжая къ усадьбѣ родителей невѣсты, жившихъ въ собственномъ небольшомъ имѣніи, верстахъ въ двадцати пяти отъ города, Стронинъ снова сталъ испытывать ту-же невыносимую душевную пытку.

— Нѣтъ, видно, отъ себя не уйдешь! злобно проворчалъ онъ, тщетно стараясь воскресить въ себѣ тѣ чувства, съ которыми онъ обыкновенно приближался къ завѣтному дому.

И онъ живо представилъ себѣ все то, что ожидаетъ его,—кокетливые взгляды невѣсты, безконечные разговоры тещи о дороговизнѣ приданого и ворчанье старика на нынѣшніе порядки. Все это такъ знакомо, такъ пошло, такъ прїѣлось!

Соскочивши съ кибитки, онъ сухо поздоровался съ невѣстой, выбѣжавшей къ нему на встрѣчу, въ малороссійскомъ костюмѣ, съ засученными высоко рукавами.

— Здравствуйте, Елена Васильевна, — произнесъ онъ, цѣлуя какъ-бы нехотя протянутую ему руку.

Дѣвушка удивленно вскинула на него глаза. Что такое съ нимъ? мелькнуло у нея въ головѣ. Наединѣ онъ всегда называлъ ее Леночкой, говорилъ «ты» и ужъ навѣрное не упустилъ-бы случая поцѣловать ее даже выше лобя, пользуясь удобнымъ для этого костюмомъ.

Она уже собиралась надуть губки и разыграть маленькую сценку, но взгляды, брошенный на него, вызвалъ въ ней тревогу.

— Павелъ Михайловичъ! Да на васъ лица нѣтъ! Вы лѣтъ на десять осунулись и постарѣли.

— Вотъ потому-то я и пріѣхалъ къ вамъ, чтобъ вы отмолодили и оживили меня,—попробовалъ быть любезнымъ Павелъ Михайловичъ.

Но это ему не удалось и прозвучало скорѣе проніей.

Участливыя восклицанія такого-же рода, которыми привѣтствовали его появленіе и родители Леночки, вызвали въ немъ почему-то даже досадливое чувство.

— Какого чорта они пристали! Жениха потерять бояться, что-ли,—чуть не вслухъ проговорилъ онъ.

На всѣ предложенія будущей тещи—принять ванну и напиться какихъ-то травъ, онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, что привело добрую старушку въ тревожное недоумѣніе, которое перешло въ настоящее безпокойство, когда за обѣдомъ Павелъ Михайловичъ не выказалъ слѣда своего обычнаго аппетита. Лучшіе куски, которые клала ему на тарелку старуха, оставались нетронутыми. Старикъ, съ своей стороны, напрасно старался развлечь его толками о политикѣ и неизбѣжными сѣтованіями на новыя времена.

— Да, молодой человѣкъ, важно говорилъ онъ, ковыряя соломенкой въ зубахъ:—не тѣ времена пошли. Главное—чувство гражданскаго долга утеряно нынѣшнимъ поколѣніемъ, да-съ. Представьте, мы двухъ котовъ держимъ на кухнѣ, а мыши у нихъ передъ носомъ шныряютъ. Вотъ какъ!

Стренину было извѣстно, что будущій тестъ его, служа исправникомъ, сколотилъ состояніе и подалъ въ отставку по «независящимъ обстоятельствамъ».

Послѣ обѣда перешли въ гостиную. Леночка по обыкновенію, сѣла за фортепьяно. Играла она недурно, и Павелъ Михайловичъ всегда съ удовольствіемъ слушалъ ея игру. Но на этотъ разъ модныя вѣнскіе вальсы, бойко разыгрываемые невѣстой, производили на него самое раздражающее впечатлѣніе. И это треньканье онъ обреченъ будетъ выслушивать цѣлые часы! Да это одно въ меланхолію вогнать можетъ человѣка. Не встрѣчая обычнаго восторга со стороны жениха, Леночка захлопнула крышку фортепьяно и увела Павла Михайловича въ садъ. Старики отправились на послѣобѣденную «боковую». Но и тутъ расчеты Леночки оживить жениха оказались несбыточными. Прогулка въ густомъ саду, гдѣ было много укромныхъ аллей, *tête-à-tête* съ Леночкой, всегда составляла для Павла Михайловича верхъ блаженства.

о которомъ онъ мечталъ даже дома, въ часы досуга. Скрытый отъ бдительнаго ока мамыши, онъ позволялъ себѣ, на правахъ жениха, маленькія вольности, которыя Леночка принимала не безъ внутренняго удовольствія, что, однако, не мѣшало ей мило надувать губки и прикидываться разсерженной. Но сегодня Стронинъ и въ этомъ отношеніи былъ неузнаваемъ. Онъ упорно молчалъ и даже какъ будто брезгливо отводилъ въ сторону глаза, если имъ случалось остановиться на обнаженныхъ рукахъ Леночки.

Леночкѣ стало грустно. Она привыкла къ безусловному обожанію, и странное поведеніе жениха не на шутку тревожило и даже оскорбляло дѣвушку.

— Вамъ очень хочется замужъ, Елена Васильевна?—вдругъ ни съ того ни съ сего заговорилъ Стронинъ, поворачивая къ Леночкѣ искривленное гадкой улыбкой лицо.

Дѣвушка вспыхнула и, взглянувъ сквозь слезы на жениха, убѣжала въ комнаты.

— За что я оскорбилъ бѣдную Лену,—упрекнулъ себя вслухъ Павелъ Михайловичъ, но тутъ-же махнулъ рукой и лѣниво опустился на траву.—Ну, ихъ всѣхъ къ чорту, съ досадой выговорилъ онъ. Надоѣла вся эта пошлая канитель! Все равно окрутятъ насъ и заставятъ разыгрывать эту глупую комедію «семейнаго счастья». Э, была не была, дожить вѣкъ какъ-нибудь надо.

Но тутъ его сердце болѣзненно сжалось. Хватить-ли у него силъ дожить, сколько ему положено судьбой, пресмыкаться въ этомъ болотѣ, вертѣться какъ бѣлка въ колесѣ. И впервые ему пришла мысль о необходимости такъ или иначе выйти изъ этого невыносимаго состоянія. Неужели сдѣлать то же, что Стебловскій? И Стронинъ поблѣднѣлъ при этой мысли. Но вѣдь и такъ-же жить нельзя, терпѣть эту безконечную муку.

— О, Господи! простоналъ Павелъ Михайловичъ. — Что это со мною дѣлается? Вѣдь прожилъ-же я почти полжизни и считалъ себя вполне счастливымъ. Отчего-же теперь міръ представляется мнѣ мрачной пустыней, и все кажется такимъ пошлымъ, ничтожнымъ, тягостнымъ. Неужели я, дѣйствительно, до сихъ поръ жилъ иллюзіями и теперь лишь прозрѣлъ? И неужели тысячи людей, которыхъ онъ знаетъ, живутъ тоже иллюзіями? Такъ что-же? Уснуть — умереть, вспомнилъ онъ монологъ Гамлета.

И Стронинъ, какъ маленькій ребенокъ, заблудившійся въ лѣсу, разрыдался, по-дѣтски всхлипывая. И давно переставшій думать о Богѣ, онъ обращалъ къ небу полные слезъ глаза и твердилъ одно только слово: О, Боже, Боже! Давъ волю слезамъ, онъ нѣсколько успокоился и, услышавъ зовъ тестя, вытеръ поспѣшно глаза носовымъ платкомъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— А гдѣ-же Леночка?—спросилъ его старикъ.

— Ушла въ комнату, голова, кажется, разболѣлась,—постарался какъ можно спокойнѣе отвѣтить Стронинъ.

На балконѣ ихъ ожидала уже мать Леночки, разставляя на столѣ стаканы, банки съ вареньемъ, тарелки съ ягодами, сливки въ кувшинахъ и печенья въ корзинкахъ.

Леночка вышла къ чаю съ красными вѣками, жалуюсь на головную боль. Старики съ тревожнымъ недоумѣніемъ смотрѣли то на жениха, то на дочь и бесплодно ломали голову надъ разрѣшеніемъ мучившей ихъ загадки. Павелъ Михайловичъ сталъ немного разговорчивѣе, но это, очевидно, стоило ему большихъ усилій. На Леночку онъ не рѣшался взглянуть, та тоже не отрывала глазъ отъ цвѣтной скатерти.

Тотчасъ послѣ чаю Стронинъ заторопился домой. Старики уговаривали его остаться на ночь, но онъ настоялъ на своемъ, увѣряя, что его ждутъ неотложныя дѣла.

— Ну, коли дѣло, такъ поѣзжайте; да въ другой разъ не будьте такимъ букой, какъ сегодня, — ласково простилась съ нимъ старуха.

Улучивъ минутку, когда старики зачѣмъ-то вышли изъ комнаты, Стронинъ нагнулся къ Леночкѣ и тронутымъ голосомъ сказалъ ей.

— Простите, Лена, мою сегодняшнюю грубость. Я самъ не понимаю, что со мною происходитъ. Во всякомъ случаѣ, скоро все это должно разрѣшиться. — Въ послѣднихъ словахъ его дрогнули слезы. Онъ быстро нагнулся, поцѣловалъ руку невесты и выбѣжалъ на крыльцо, гдѣ его уже ожидали лошади.

У бѣдной Леночки замерло сердце. Какую ужасную тайну скрываетъ отъ нея Поль? Вѣрно, ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ей грозитъ какой-нибудь ударъ. Но откуда, за что?

Она вышла вслѣдъ за Стронинымъ, желая выпытать у него эту тайну, но онъ уже сидѣлъ въ повозкѣ, махая ей шляпой. Ямщикъ свиснулъ, и лошади дернули, поднимая облако пыли. Но Леночка долго еще стояла на крыльцѣ, провожая влажными глазами кибитку, въ которой фигура ея Поля мало-по-малу скрывалась въ надвинувшихся сумеркахъ.

Павелъ Михайловичъ воротился домой, точно помѣшанный. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, ломалъ въ отчаяніи руки и произносилъ какія-то безсвязныя фразы. Слезы душили его, и отъ времени до времени изъ груди его вырывались судорожные стоны. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ чувствовалъ только, что на его душу навалился тяжелый камень, отъ котораго онъ не въ силахъ освободиться. Наконецъ, онъ, точно принявъ какое-то твердое рѣшеніе, присѣлъ къ письменному столу и началъ торопливо писать, прежде на изящномъ почтовомъ листикѣ, а затѣмъ на сѣромъ офиціальномъ бланкѣ. Первое была короткая записка къ Леночкѣ слѣдующаго содержанія:

«На меня обрушилось тяжкое несчастье, съ которымъ я не въ силахъ совладать. Любя васъ всѣми силами своей души, я не хочу, чтобы и васъ коснулось это несчастье. Забудьте обо мнѣ и простите меня! Будьте счастливы, —

для меня счастье уже недоступно. Если до васъ дойдетъ вѣсть обо мнѣ, помяните добрымъ словомъ человѣка, который васъ любилъ больше всего на свѣтѣ».

Затѣмъ онъ вынулъ изъ рамки портретъ Леночки и сложилъ его вмѣстѣ съ запиской въ конвертъ, на которомъ написалъ адресъ.

Вторая бумага была просьбой объ отставкѣ.

Запечатавъ то и другое, Павелъ Михайловичъ почувствовалъ себя нѣсколько облегченнымъ. Онъ раздѣлся, потушилъ свѣчу и скоро заснулъ.

На другой день утромъ Стронинъ всталъ съ постели, словно нановорожденный. Отъ двухдневнаго кошмара осталась только легкая слабость и душевная истома. Павелъ Михайловичъ радостно вздохнулъ. Одѣвшись, онъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ его уже ждалъ писмоводитель съ кипой бумагъ. Но онъ прежде всего подошелъ къ столу, взялъ два конверта, изъ одного изъ нихъ вынулъ карточку и вставилъ ее по прежнему въ рамку, а затѣмъ изорвалъ письмо и бумагу въ мелкіе клочки. Обычное жизнерадостное самочувствіе его вернулось съ новой силой. Покончивъ живо дѣла, онъ, съ блаженнымъ ощущеніемъ выздоровѣвшаго послѣ смертельной болѣзни, полетѣлъ къ Леночкѣ.

А. Любичъ.

ГОЛОДЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

На обширномъ европейско-азиатскомъ материкѣ культура хлѣбныхъ растений сдѣлалась важнымъ факторомъ человеческой жизни и оказываетъ огромное вліяніе на экономическое и санитарное состояніе человеческихъ обществъ. Урожай хлѣбовъ увеличиваетъ приростъ населенія и улучшаетъ его здоровье. Неурожай влекутъ за собою голодъ и рядъ ближайшихъ и отдаленныхъ послѣдствій, болѣе или менѣе гибельныхъ для населенія не только въ экономическомъ и санитарномъ, но даже и нравственномъ отношеніяхъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ неурожая являются эпидемическія болѣзни, принадлежащія къ числу величайшихъ бѣдствій человечества.

Исторія эпидемическихъ (всемирныхъ) болѣзней показываетъ, что этому бичу человечества предшествуютъ неурожай и голодъ. Уже передъ первой, хорошо извѣстной эпидеміей, такъ называемой язвой или чумой Юстиніана, повсемѣстно наблюдался голодъ. Всѣмъ послѣдующимъ эпидеміямъ предшествовали неурожайные и голодные годы. Во всѣ времена человекъ напрягалъ свой умъ, чтобы уловить ту цѣпь явленій, которая въ окончательномъ выводѣ приводитъ къ неурожаю. Люди старались найти и находили примѣты (signacula), по которымъ можно было предугадать имѣющее наступить бѣдствіе. Уже въ самыя отдаленныя времена человекъ обратилъ вниманіе на болѣе или менѣе исключительныя явленія природы, которыя предшествовали голоду и эпидемическимъ болѣзнямъ. Вниманіе человека останавливалось на такихъ метеорологическихъ и космическихъ явленіяхъ, какъ: землетрясенія, появленіе кометъ, чрезвычайные дожди и засухи, слишкомъ теплыя или чрезвычайно-суровыя зимы и т. п. Было замѣчено, что эти исключительныя явленія, болѣе или менѣе нарушавшія обычное для данного мѣста метеорологическое и климатическое равновѣсіе, не проходили безслѣдно. За ними обыкновенно наступали неурожай, болѣзни хлѣбныхъ растений, повальные болѣзни человека (эпидемическія болѣзни). Эта цѣпь явленій хорошо прослѣжена въ длинномъ, болѣе нежели двухтысячномъ періодѣ исторіи медицины и политической исторіи. Новѣйшая медицина путемъ тончайшихъ и кропотливыхъ изслѣдованій открыла еще одну примѣту—появленіе и періодическое увеличеніе количества болѣзнетворныхъ бактерий. Жизнь этихъ микроскопическихъ живыхъ ядовъ тщательно прослѣжена путемъ искусственныхъ культуръ ихъ: опредѣлены условія температуры

и влаги, вліяющія на развитіе бактерій, изучено взаимодействіе однихъ бактерій на другихъ, изслѣдованы и дознаны процессы увеличенія и ослабленія ядовитыхъ бактерій, открыто много новыхъ фактовъ, проливающихъ свѣтъ на возникновеніе и исчезаніе повальныхъ болѣзней, поражающихъ растенія, животныхъ и человѣка. Новѣйшія научныя данныя сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ понятнымъ зависимость развитія бактерій отъ измѣняющихся метеорологическихъ и космическихъ условій и установили фактъ періодическаго увеличенія и уменьшенія живыхъ ядовъ въ природѣ, періодически возрастающей и стихающей ихъ борьбы съ царствомъ растеній и животныхъ. Такимъ образомъ, благодаря массѣ фактовъ, накопленныхъ научной медициной въ продолженіе 20-вѣковаго періода ея существованія, стала очевидной связь и зависимость метеорологическихъ и космическихъ переменъ съ неурожаемъ хлѣбовъ и эпидемическими болѣзнями. Отнынѣ астрономія, метеорологія, естествознаніе и медицина призваны охранять высшую въ природѣ форму жизни—жизнь человѣка, слѣдя соединенными усиліями за многими признаками, предвѣщающими приближеніе событій, угрожающихъ этой жизни.

Въ ряду указанныхъ выше явленій, стоящихъ между собою въ неразрывной связи, голодъ и эпидемическія болѣзни составляютъ два ближайшихъ неразрывныхъ звена въ цѣпи біологическихъ бѣдствій, поражающихъ человѣка. Въ длинномъ ряду историческихъ наблюденій эти явленія всегда стоятъ рядомъ.

Юстиніановой чумѣ предшествовалъ безпримѣрный голодъ въ Верхней и Средней Италіи. Прокопій, живой свидѣтель этого голода, рассказываетъ: «въ Тусціи люди отсрочивали голодную смерть употребленіемъ въ пищу размолотыхъ желудей, коры и другихъ неудобоваримыхъ веществъ, которыя вызывали всякаго рода болѣзни въ населеніи; болѣе 50,000 жителей сдѣлались жертвой голода, еще болѣе погибло въ сѣверныхъ областяхъ. У голодавшихъ людей кожа отъ блѣдности и худобы стала походить на пергаментъ, изъ-подъ котораго виднѣлись кости; несчастные, со страшно искаженными чертами лица, съ безумнымъ взоромъ блуждали по странѣ. Насыщеніе этихъ изможденныхъ людей кое-гдѣ находимой жалкой ѣдою дѣйствовало не менѣе губительно, чѣмъ самый недостатокъ пищи. Случалось видѣть, какъ люди, томимые смертельнымъ голодомъ, завидѣвъ зеленѣющую поляну, набрасывались на нее и тутъ же выпускали дыханіе, лишенные силъ разжевать и проглотить траву».

Подобный же голодъ свирѣпствовалъ отъ 546 до 556 г. въ г. Константинополѣ. Тоже было во Франціи въ 584 г. и въ Италіи въ 591 и 592 годахъ.

Средневѣковой черной смерти предшествовали неурожаи и болѣзни животныхъ. Моровой извѣ (чумѣ) прошлаго столѣтія предшествовали повсюду исключительныя метеорологическія условія; они обнаружались послѣ безпримѣрно холодной зимы съ 1750 и особенно 1754 года. Въ теченіе почти 20 лѣтъ, вплоть до 1772 года, въ Европѣ господствовали южные и западные вѣтры. Необыкновенными жарами отличались годы съ 1760—1762, особенно въ Германіи. Въ Геттингенѣ, даже въ январѣ 1761 года, термометръ не падалъ ниже $+6^{\circ}$ Реомюра; лѣтомъ 1762 г., въ продолженіе 40 дней кряду, температура на солнцѣ достигала 48° Реомюра. Съ этими исключительными жарамъ совпала и чрезвычайная влажность: густыя облака, какихъ никто не запомнитъ, наполняли

атмосферу, и въ теченіе большей части года почва была лишена животворнаго вліянія солнечнаго свѣта. Особенно сильно выразились нездоровыя вѣшнія условія въ Италіи съ 1763 по 1767 годъ: зима 1762—1763 года была чрезвычайно сурова; господствовали страшныя бури; масса деревьевъ погибла; весна началась только въ маѣ; жатва въ этомъ году совершенно погибла вслѣдствіе непрерывныхъ дождей лѣтомъ и засухъ осенью. Тамъ, гдѣ развился голодъ, появились злокачественныя лихорадки, а затѣмъ, въ непродолжительномъ времени, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ стали господствовать желудочныя заболѣванія и болѣе всего въ видѣ тяжелыхъ формъ. Злая корча, происходящая отъ употребленія въ пищу зерна изъ заболѣвшихъ хлѣбовъ, усилилась и получила значительное распространеніе. Возобновилась чума рогатаго скота и обошла всю Европу, за исключеніемъ Пиринейскаго полуострова, уничтоживъ болѣе 3 милліоновъ головъ. За симъ послѣдовали страшныя эпидеміи сыпного тифа.

Періодъ 1750 по 1775 годъ былъ особенно тяжелъ для населенія Европы. Продолжительными войнами того времени были глубоко потрясены физическія и въ особенности нервныя силы народовъ—что, совмѣстно съ неблагоприятными метеорологическими условіями, вызвало безпримѣрную нищету. Періодъ съ 1769—1772 г. отличался явленіями повсемѣстнаго нарушенія атмосферическаго равновѣсія. Наблюдались самыя рѣзкія и противоположныя метеорологическія перемѣны. Въ самомъ дѣлѣ, Индія была постигнута страшною нищетою вслѣдствіе безпримѣрной засухи: по достовернымъ даннымъ, въ одной Бенгаліи отъ голода погибло около 3 милліоновъ людей. Единновременно господствовала эпидемія оспы. Совершенно обратныя метеорологическія условія наблюдались въ Европѣ: во всей Европѣ и большей части западной Азіи наблюдалось безпримѣрное количество атмосферическихъ осадковъ. Всѣ европейскія рѣки вышли изъ береговъ; наводненія были многочисленны; обработка полей стала невозможной; повсемѣстно были неурожай; въ большей части государствъ господствовалъ голодъ. Въ то-же время приняла широкіе размѣры болѣзнь хлѣбныхъ растений; злая корча проявилась повсюду; чума рогатаго скота распространилась по всей Европѣ съ новою силою, особенно съ 1770—1774 годъ. Послѣдствіемъ этихъ условій было повсемѣстное увеличеніе смертности населенія. Наконецъ, въ 1770 году въ Европѣ появилась чума.

Распространенію первой холеры въ Европѣ равнымъ образомъ предшествовали разнообразныя метеорологическія перемѣны. Въ два первыя десятилѣтія текущаго вѣка, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи замѣчались совершенныя извращенія обычныхъ перемѣнъ погоды. И въ Европѣ, и въ Азіи 1811-й годъ отличался появленіемъ кометъ, жарой и безпримѣрнымъ урожаемъ. Но уже въ слѣдующемъ году все измѣнилось, наступили страшныя зимніе холода. Самымъ дурнымъ годомъ былъ 1816-й, его средняя температура была значительно ниже средней; за то въ слѣдующемъ году все было наоборотъ. Послѣдствіемъ этихъ колебаній были неурожай. Годъ 1817 въ Индіи былъ крайне дождливъ, повсюду были страшныя наводненія. Послѣдствіемъ этихъ перемѣнъ было: полнѣйшій неурожай, лихорадки, поносы, которые распространились съ необыкновенною силою. При этихъ условіяхъ вспыхнула холера.

Непосредственное значеніе голода для населенія опредѣляется всего очевидно тѣмъ фактомъ, что рождаемость въ населеніи уменьшается, а смертность увелич-

вается. Тамъ, гдѣ родится хлѣбъ, родится человѣкъ; чѣмъ дешевле зерновой хлѣбъ, тѣмъ больше родится дѣтей. При недостаткѣ хлѣба происходитъ обратное: смертность увеличивается; она отражается болѣе всего на дѣтяхъ, старикахъ и людяхъ слабаго тѣлосложенія. Ближайшимъ же и обычнымъ послѣдствіемъ голода являются болѣзни животныхъ и человѣка. Такимъ образомъ, неурожай—этотъ недугъ земли, влечетъ за собою недуги и гибель живущаго на ней населенія. Циклъ болѣзненныхъ разстройствъ открывается желудочными страданіями, за которыми въ ближайшемъ будущемъ слѣдуютъ цынга и эпидемическія болѣзни. Если сравнить вымираніе населенія отъ голода съ вымираніемъ отъ эпидемій, то разница получится огромная. Второе зло въ громадной степени превосходитъ первое. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ жертвою голода является самая слабая часть населенія—дѣти, старики и слабосильные, эпидемическія болѣзни безразлично поражаютъ всѣхъ, начиная отъ слабыхъ до самыхъ здоровыхъ. Если голодъ въ своемъ опустошительномъ дѣйствіи слѣдуетъ закону Дарвина, убивая все слабое, то эпидеміи совершаютъ свое страшное дѣло, избирая своими жертвами все—и самое слабое, и самое цвѣтущее и здоровое. Въ этомъ отношеніи съ эпидеміями, по ихъ губельному вліянію на населеніе, могутъ быть сравнены только войны, въ жертву которыхъ приносится лучшая и наиболѣе здоровая часть населенія.

Послѣдствіемъ голода являются самыя разнообразныя эпидеміи: дизентеріи, тифозныя заболѣванія и другія формы заразы. Связь этихъ болѣзней съ голодомъ должна быть понимаема такимъ образомъ, что съ одной стороны, организмъ истощеннаго и обезсиленнаго населенія лишень обычныхъ средствъ противодѣйствія болѣзни и съ другой стороны, тѣ самыя условія, которыя вызываютъ недородъ и болѣзни хлѣбовъ, благоприятствуютъ въ то-же время развитію болѣзнетворныхъ, заразно-ядовитыхъ (вирулентныхъ) микробовъ. Борьба становится неравной между ослабленнымъ организмомъ и ядовитымъ микробомъ.

Независимо отъ эпидемій, голодъ вызываетъ и нѣкоторыя болѣе отдаленныя, но не менѣе важныя послѣдствія. Къ числу ихъ относится вырожденіе населенія. Послѣдствіями голодовокъ является на свѣтъ населеніе болѣе слабое, болѣе хилое, болѣе подверженное болѣзнямъ, менѣе устойчивое физически и нравственно.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ широкомъ вліяніи, какое оказываетъ голодъ и его спутники на населеніе, нельзя не остановиться на томъ явленіи, которое въ настоящее время не повторяется и имѣетъ лишь историческій интересъ, но которое въ отдаленныя времена, именно въ средніе вѣка, проявлялось съ особенною рѣзкостью—это различнаго рода психическія эпидеміи. Эти необыкновенныя заболѣванія, какъ: ликантропія, болѣзненная пляска, тарантизмъ, крестовые походы дѣтей имѣли свои сложныя причины, но проявлялись главнымъ образомъ въ эпоху великихъ бѣдствій и, преимущественно, среди населенія, истощеннаго голодомъ, нуждою, болѣзнями, т. е. развивались въ томъ самомъ населеніи, гдѣ возникали и всѣ другіе роды эпидемій. Общее истощеніе организма у голодающаго населенія вызываетъ чрезмѣрное возбужденіе нервной системы, которое, въ свою очередь, является предрасполагающимъ условіемъ къ экстазу, составляющему главную сущность указанныхъ нервныхъ стра-

даній. Подобныя экзальтаціи отдѣльныхъ лицъ и толпы замѣчаются нерѣдко среди народныхъ бѣдствій. Смуты, волненія, нападенія однихъ на другихъ—явленія довольно обычныя въ такія времена. Инициаторами ихъ нерѣдко являются несомнѣнно нервныя, болѣзненныя натуры, которыя при обычномъ спокойномъ теченіи жизни удерживаются въ извѣстныхъ рамкахъ примѣромъ и воздѣйствіемъ окружающихъ, но которыя—первыми выступаютъ изъ обычнаго порядка и доходятъ до крайностей, концентрируя въ себѣ все безпокойное, неустойчивое.

Въ наше время мы не наблюдаемъ болѣе описанныхъ явленій: они, повидимому, исчезли навсегда, подобно многимъ эпидемическимъ болѣзнямъ, существовавшимъ прежде и нынѣ исчезнувшимъ. Однако, не лишено высокаго психологическаго интереса проявленіе многихъ другихъ фактовъ, наблюдавшихся во всѣ времена въ эпоху народныхъ бѣдствій, въ особенности во время голода и вызванныхъ имъ эпидемическихъ болѣзней. Мы разумѣемъ поврежденіе нравовъ, которое въ годину тяжкихъ испытаній проявлялось со всѣмъ безстыдствомъ и цинизмомъ порока и поражало тѣмъ болѣе человѣческую совѣсть, что оно стояло въ полномъ контрастѣ съ возвышенными проявленіями человѣческой души въ тѣ-же моменты.

Исторія голода и эпидемій показываетъ, что въ разгаръ всеобщаго бѣдствія, среди царившей смерти, у многихъ людей проявлялась неслыханная жадность и корыстолюбіе; выступало напоказъ увлеченіе чувственностью и самыми дурными пороками; преступленіе высоко поднимало голову; воровство, грабежъ царили повсюду; одичалость людей достигала поражающихъ размѣровъ. Быть можетъ, въ этихъ нравственныхъ явленіяхъ было не столько наростаніе зла, сколько его очевидность, его контрастъ съ окружающими несчастіями, и это нравственное противорѣчіе поражало наблюдателя. Но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и положительное увеличеніе зла. Это явленіе повторяется и до нашихъ дней.

Въ концѣ прошлаго вѣка, когда Индія была поражена страшнымъ голодомъ, унесшимъ милліоны жертвъ, когда одновременно господствовала страшная эпидемія оспы, безсовѣстная жадность къ наживѣ сѣмъ-ла даже изъ этихъ несчастій извлекать пользу: Остъ-Индская Компанія «дѣлала блестящія дѣла». Когда, около того же времени значительная часть Германіи была поражена голодомъ, когда нужда достигла крайности, люди пытались падающею, — безсовѣстные торговцы хлѣбомъ испортили всѣ запасы его примѣсью куколя и другихъ вредныхъ веществъ и, такимъ образомъ, уничтожили питательное значеніе еще остававашагося въ запасѣ здороваго хлѣба.

Исторія повторяется; ничто не ново подъ луною! И въ наши дни мы легко найдемъ тѣ же преступныя поповозновенія, задуманныя по тому же образцу; мука С.-Петербургской Думы и загадочныя склады куколя въ запасныхъ магазинахъ на станціяхъ Юго-Западныхъ дорогъ служатъ намъ въ томъ порукою. Когда одни будутъ голодать, другіе будутъ стремиться дѣлать блестящія дѣла. Когда одни будутъ томиться голодомъ, другіе станутъ наполнять сытые карманы за счетъ голоднаго. Дѣйствительность можетъ даже показать что-нибудь еще худшее. И тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ ни унывать, ни впадать въ пессимизмъ. Мы вѣримъ въ людей! Мы видимъ, что рядомъ съ этимъ жалкимъ, микробнымъ человѣкомъ, о преступныхъ поповозновеніяхъ кото-

раго сейчасъ была рѣчь, встаетъ и подымается во весь ростъ другой, *истинный человекъ*; мы видимъ, что презрѣнную корыстную душу заслоняетъ своимъ величіемъ другая душа; мы видимъ, что за преступной рукой, подмѣшивающей куболь и лебеду въ хлѣбъ голоднаго человѣка, мощно протягивается другая рука, рука помощи, щедро дающая; мы видимъ, что рядомъ съ вырожденнымъ нравственно человѣкомъ, возстаетъ истинный человѣкъ съ его духовной доблестью, и со всѣхъ концовъ Россіи плетъ свои лепты на алтарь отечества—въ помощь голодающему. Когда видишь во-очію эту картину великодушнаго порыва, охватившаго все отечество,—сердцу становится легко, надежда наполняетъ душу и вѣрится, что голодающій не умретъ голодной смертью, и родина выйдетъ изъ испытанія лишь очищенной, какъ выходила много и много разъ въ длинный періодъ своей исторической жизни.

Въ заключеніе нашего очерка, мы не можемъ не остановиться на рядѣ фактовъ, которые освѣщаютъ вопросъ о голодѣ и его послѣдствіяхъ съ новой, особенно отрадной стороны. Мы разумѣемъ рядъ обширныхъ и строго научныхъ данныхъ, которыми неоспоримо установленъ фактъ постепеннаго уменьшенія и ослабленія неурожаевъ и эпидемическихъ болѣзней съ теченіемъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, исторія эпидемій показываетъ, что наиболѣе сильныя эпидеміи недавняго времени, именно: холерныя эпидеміи нынѣшняго вѣка, по вызванной ими потерѣ людей, не могутъ быть поставлены даже и въ отдаленное сравненіе съ невѣроятными опустошеніями, какія были производимы тифозными горячками и чумой предыдущихъ вѣковъ.

Безспорное уменьшеніе эпидемическихъ болѣзней и даже смягченіе ихъ формъ вызвано главнымъ образомъ двумя причинами: уменьшеніемъ заразныхъ началъ съ ослабленіемъ ихъ силы и укрѣпленіемъ здоровья населенія. Въ особенности интересенъ фактъ, что уменьшеніе заразъ тѣсно связано съ улучшеніемъ земледѣлія. Научными изслѣдованіями поставленъ вѣтъ всякаго сомнѣнія фактъ, что неурожаи и эпидемическія болѣзни уменьшались, главнымъ образомъ, благодаря расширившейся улучшенной обработкѣ полей, осушенію болотъ и приведенію поверхности земли въ состояніе почвы для культуры хлѣбовъ и хлѣбныхъ растений. Благодаря этому въ Европѣ почти исчезли страшныя эпидеміи маляріи, злой корчи, священнаго огня, свирѣпствовавшія когда то съ невѣроятной силой. По той же причинѣ исчезла чума, а тифозныя заболѣванія перестали быть тѣмъ бичомъ человѣчества, какимъ они были въ предыдущіе вѣка. Очищеніе и культура верхняго слоя земли послужила основаніемъ столь благотворной перемѣны.

Было время, когда человѣкъ и даже человѣкъ науки искалъ причину неурожаевъ и эпидемій въ появленіи кометъ, въ землетрясеніяхъ, во вліяніи на землю тѣхъ или иныхъ планетъ. Нынѣ, благодаря строгимъ научнымъ изслѣдованіямъ, эти воззрѣнія существенно измѣнились. Современная наука не отрицаетъ значенія астрономическихъ, геологическихъ и метеорологическихъ причинъ, но она приписываетъ главнѣйшее значеніе ближайшему къ человѣку фактору—почвѣ.

Нынѣ уже не подлежитъ сомнѣнію, что эпидеміи, эпизоотіи и болѣзни хлѣбовъ вызываются микробами, живущими и развивающимися на землѣ, именно: въ *почвѣ, водѣ и воздухѣ*. Почва является главнѣйшимъ мѣстомъ ихъ жизни и развитія, вода

и воздухъ имѣютъ болѣе всего значеніе переносчиковъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Тамъ, гдѣ почва будетъ здоровой, свободной отъ заразы, таковы же будутъ вода и воздухъ. Такимъ образомъ, почва, находящаяся подъ нашими ногами—мать-сыра земля, какъ ее называетъ русскій народъ, является и кормилицей человѣка, какъ мѣсто развитія и культуры питательныхъ растений, и могилой, въ которой происходитъ разложеніе, гніеніе и развитіе микробовъ. Научныя открытія недавняго времени показали, что отъ человѣка въ извѣстной степени зависитъ дѣлать почву въ большей степени мѣстомъ развитія питательныхъ и благопріятныхъ для него средствъ, и ослабить другую зло-вредную дѣятельность ея. Могуущественнымъ средствомъ для этого является культура земли, очищеніе ея, обработка хлѣбныхъ растений, разведеніе на землѣ той растительности, какая полезна человѣку.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что обработка земли, воздѣлываніе хлѣбныхъ растений является важнымъ факторомъ не только экономической, но и здраво-охранительной политики государствъ. Да! и мы глубоко оцѣнили-бы такой мудрый законъ, по которому успѣшное занятіе земледѣліемъ ставилось-бы на высоту государственныхъ заслугъ и цѣнилось наравнѣ съ другими родами общественной службы.

И. Сикорскій.

Снова—синяя ночь надъ родимымъ Днѣпромъ!
Вотъ я въ лодкѣ плыву съ молодежью:
Всѣ желанной отрадою дышетъ кругомъ
Для меня, удрученнаго жизненнымъ зломъ,
Истомлённаго грубою ложью...
Смотрятъ ласково звѣзды съ глубокихъ небесъ,
Отражаясь на глади зеркальной,
За рѣкой къ себѣ манитъ украинскій лѣсъ,
И сомнѣнья мертвящаго призракъ исчезъ:
Онъ души не терзаетъ печальной.
Сзади-жъ городъ постылый остался: я тамъ
Ни минуты не знаю покоя...
Тамъ пріюта нѣтъ чистымъ, завѣтнымъ мечтамъ:
Измельчавши душой въ этихъ омутахъ самъ,
Радъ отъ нихъ убѣжать далеко я!
Клятвамъ юности честной давно измѣнилъ
Я средь пошлой и мелочной битвы,—
Устоять не хватило ни воли, ни силъ...
За товарищей, спящихъ во-мракѣ могилъ,
Только тайно возносишь молитвы...
Не бывалъ я въ кругу уцѣлѣвшихъ друзей
Отъ стыда уже долгіе годы...
Въ жизни будничной—сѣрой и скучной моей
Никогда я не вижу цѣлебныхъ лучей
Солнца правды, любви и свободы!

Кіевъ, 1891 г.

С. Бердяевъ.

УЖИНЪ.

Ивану Андреичу не слѣдуетъ ужинать...

Сегодняшнимъ днемъ Иванъ Андреичъ остался очень доволенъ. Въ четыре часа, прямо со службы, онъ отправился въ клубъ на общій обѣдъ бывшихъ студентовъ Н-скаго университета и только что (было уже около часа ночи) вернулся домой. Хорошая вещь эти обѣды: собираются разъ въ мѣсяцъ бывшіе университетскіе товарищи, чтобъ обмѣняться мыслями, встряхнуть стариной. «Мы—люди съ университетскимъ образованіемъ», проповѣдывалъ Рогинскій-иниціаторъ товарищескихъ обѣдовъ, нетронутый жизнью, посѣдѣвшій идеалистъ: «мы—цвѣтъ интеллигенціи; на насъ лежитъ долгъ будить общественное самосознаніе. Мы должны создавать общественное мнѣніе. Россія дала намъ образованіе, и мы въ долгу предъ нею. Но въ разбродъ мы ничего сдѣлать не можемъ. Погрязшіе въ повседневной сутолокѣ жизни, мы забыли свои идеалы» и т. д. и т. д. «А потому», заключалъ онъ: «будемъ, по крайней мѣрѣ, собираться разъ въ мѣсяцъ за дружеской трапезой, отрѣшимся на нѣсколько часовъ отъ житейскихъ мелочныхъ заботъ»...

Долго и хорошо говорилъ Рогинскій, а такъ какъ клубный буфетчикъ согласился, за три рубля съ персоны, давать порядочный обѣдъ съ виномъ, то идея нашла многихъ адептовъ. Буфетчикъ былъ малый не промахъ и сообразилъ, что если обѣды будутъ хорошіе, охотниковъ наберется много, и дѣло будетъ выгодно, сообразилъ и приложилъ старанія. И вотъ, благодаря послѣднему обстоятельству, «идейные обѣды» вошли въ моду и усердно посѣщались. О чемъ говорили на этихъ обѣдахъ, какія идеи развивали, какіе воскрешали идеалы—неизвѣстно, такъ какъ записей объ этомъ никто не велъ, а изъ записной книжки буфетчика можно только заключить, что кромѣ положенной бутылки на двѣ персоны, вина было потребовано весьма много.

Иванъ Андреичъ эти обѣды любилъ и посѣщалъ исправно: въ клубѣ кормили вкуснѣе, чѣмъ дома, а при трехтысячномъ окладѣ и маленькомъ

капитальцѣ онъ могъ себѣ позволить такую роскошь. Иванъ Андреичъ одинъ изъ первыхъ поощрилъ Рогинскаго, а на первомъ обѣдѣ къ шампанскому даже до того увлекся (о чемъ, впрочемъ, потомъ сожалѣлъ), что маленькій спичъ сказалъ. Въ немъ онъ доказывалъ, что *du choc des opinions jaillit la vérité*. «Здѣсь», говорилъ онъ, «собрались представители разныхъ поколѣній. Пусть молодежь принесетъ свое молодое увлеченіе, свое непосредственное чувство, а мы, пожившіе, убѣжденные сѣдиной, остывшіе, дадимъ свой опытъ, свое знаніе жизни, свой практическій умъ. Пусть они будутъ сердцемъ, а мы головою. Итакъ, господа!» закончилъ онъ, поднимая бокалъ: «выпьемъ за союзъ головы и сердца!»...

Что за прелесть эти обѣды!... Или, напримѣръ, сегодняшній: во первыхъ, была подана прелестная стерлядь съ очень вкусной, чуть-чуть пикантной подливкой (Иванъ Андреичъ узналъ у буфетчика рецептъ), во вторыхъ, былъ паштетъ изъ рябчиковъ—любимое блюдо Ивана Андреича, затѣмъ Николай Петровичъ, сосѣдъ по правую руку, только что вернувшійся изъ Петербурга, передавалъ очень интересныя новости, которыя вызвали въ головѣ Ивана Андреича весьма заманчивую комбинацію (но это покажется секретъ); наконецъ, составила пріятная компанія для винта съ тѣмъ же Николаемъ Петровичемъ, Аргузинымъ—мѣстнымъ богачемъ—и извѣстнымъ острякомъ Гулечкинымъ. Аргунинъ, по своему обыкновенію, не отдавалъ игры, ставилъ большіе штрафы, и Иванъ Андреичъ выигралъ 24 рубля съ копѣйками. Вотъ только напрасно Иванъ Андреичъ поужиналъ... Сблужился.

Нѣтъ, одинъ восторгъ эти идейные обѣды, особенно сегодняшній. Одно только не понравилось Ивану Андреичу: зачѣмъ это Рогинскій къ сладкому вдругъ сталъ всѣхъ съ тарелкой обходить въ пользу голодающихъ. Конечно, Иванъ Андреичъ не отказался, далъ трешницу, но со стороны Рогинскаго все-таки безтактно, это значитъ насильно заставлять давать. Вотъ и Гулечкинъ того же мнѣнія: «Считаю», говоритъ, «этотъ насильственный сборъ верхомъ неприличія и принципиально не дамъ»,—и не далъ. «А вотъ въ пользу жаждущихъ могу!» и велѣлъ подать бутылочку холоднаго. Острякъ!... Еще вспомнилъ Иванъ Андреичъ, какъ, проходя послѣ обѣда въ курильню, онъ налету поймалъ отрывокъ разговора. Какой-то плюгавенькій господинъ (и зачѣмъ пускаютъ всякаго встрѣчнаго?) разглагольствовалъ въ углу: «Прѣтъ интеллигенціи!» горячился онъ: «нечего сказать—благодѣтели! За обѣдъ 500 рублей заплатили, а на голодныхъ собрали 73 р. и 10 коп. Да имѣете ли вы понятіе, что такое голодъ, го—лодь! Вы вотъ по цѣлымъ днямъ о немъ говорите и не имѣете о немъ конкретнаго понятія и не попробовали возсоздать въ своемъ воображеніи картину голоданія... Для васъ голодъ нѣчто абстрактное, отвлеченное, слово одно. Вы за голодомъ голодающихъ не видите!.. Люди пухнутъ, понимаете ли, *пухнутъ!*»... Иванъ Андреичъ остановился было въ дверяхъ, но дальше

слушать не захотѣлъ. Послѣднія слова его совсѣмъ возмутили.— Нашелъ же человѣкъ тему для разговора, да еще и послѣ обѣда...

Раздѣваясь, чтобы лечь въ постель, Иванъ Андреичъ сообщалъ своей супругѣ впечатлѣнія сегодняшняго дня и, передавая подслушанный разговоръ, снова возмущался.

— Чего они въ самомъ дѣлѣ хотятъ! Выдумали какое-то конкретное представленіе голода!... Не пойти же самому по-миру! Не продавать же въ самомъ дѣлѣ послѣдней рубашки!... Мало, что-ли даютъ! Дашь, сколько можешь!... Вотъ онъ, напримѣръ, Рогинскому положилъ на тарелку три рубля, а вѣдь только вчера Коля съ Олей пожертвовали рубль... Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ Иванъ Андреичъ преслѣдовалъ скорѣе воспитательныя цѣли: нужно въ дѣтяхъ развивать благородныя чувства. Колю одѣли въ новый армячокъ (Колю одѣвали *à la russe*), Олю въ розовое платьице, и они съ гувернанткой сами отнесли въ редакцію мѣстной газеты свою лепту. Послѣ этого Коля съ Олей цѣлый день ходили такіе важные.— Супруга Ивана Андреича къ слову сообщила, что Коля съ Олей подрались сегодня изъ-за газетнаго номера, когда узнали, что въ немъ объ ихъ пожертвованіи пропечатано, и пришлось ихъ поставить въ уголъ и оставить безъ сладкаго. Газету супруга Ивана Андреича положила въ гостинной на видномъ мѣстѣ, на столикѣ, гдѣ лежали альбомы, а строчку, гдѣ говорилось про Колю и Олю, подчеркнула краснымъ карандашомъ.

Выслушавъ донесеніе супруги, Иванъ Андреичъ вернулся къ своему: «Чего же еще хотятъ наконецъ? И послѣ этого смѣютъ говорить, что ничего не дѣлаютъ для голодающихъ, что жертвуютъ не дѣлу, а лицамъ. Что за лицо, напримѣръ, Рогинскій, или хотя бы газета... Не скоро-бы еще кончилъ Иванъ Андреичъ, но, замѣтивъ, что супруга его слегка похрапываетъ, умолкъ и потушилъ свѣчу.

Долго ворочался Иванъ Андреичъ съ боку на бокъ, долго кашлялъ и сплевывалъ, долго кряхтѣлъ и ругалъ «проклятый ужинъ», пока, наконецъ, не уснулъ.

И снился Ивану Андреичу сонъ.

Стоитъ предъ нимъ плюгавенькій господинъ, тотъ самый, который разглагольствовалъ сегодня послѣ обѣда, и назойливо пристаётъ къ нему: «Иванъ Андреичъ, ты не имѣешь конкретного представленія о голодѣ, кон-крет-на-го. Ты не знаешь, что такое голодъ!...»

Иванъ Андреичъ слышитъ, что плюгавенькій господинъ говоритъ ему «ты», знаетъ, что нужно обидѣться, и никакъ этого сдѣлать не можетъ и только повторяетъ: «Нѣтъ, знаю, знаю!...» А плюгавенькій господинъ настаиваетъ на своемъ: «Нѣтъ, не знаешь! Если знаешь, скажи».

«Голодъ», говоритъ Иванъ Андреичъ: «голодъ... это голодъ. Извѣстно голодъ... голодные...» Плюгавенькій господинъ смѣется: «Видишь, не знаешь! А хочешь, я тебѣ скажу? Хочешь? Помнишь, когда ты былъ маленькимъ

мальчишомъ, бывало, закапризничаетъ и на зло всё не хочешь обѣдать. Запрешься у себя въ комнатѣ и не отвѣчаешь на стукъ. Сидишь голодный и гордишься своимъ геройствомъ и плачешь. Начинаетъ смеркаться, ... скучно одному... и жутко... и ѣсть такъ хочется. Тихонько пріотворяешь двери... и мама, которая давно уже беспокоится за своего любимчика, услыша легкій шелкъ замка, входитъ къ тебѣ, ласкается и цѣлуетъ своего баловня и уводитъ къ себѣ въ комнату, а тамъ уже приготовлено твое любимое блюдо... Помнишь?...

«Помню, помню!» радостно повторяетъ Иванъ Андреичъ, а плюгавенькій господинъ хохочетъ: «Только это не голодъ, Иванъ Андреичъ, не голодъ!... А вотъ еще, помнишь, на окончательномъ экзаменѣ письменный затянулся до шести часовъ, а ты съ утра ничего не ѣлъ. Помнишь, какой ты пришелъ блѣдный, съ разболѣвшейся отъ голода головой, какъ волновалась твоя добрая матушка, какъ суежилась и все бѣгала въ кухню, чтобы скорѣе тебѣ обѣдъ подавали. Цѣлую недѣлю волновалась бѣдная старушка, попечителю жаловаться хотѣла... Помнишь, какъ ты отъ голода почти не могъ говорить и почти ѣсть не могъ? Помнишь?»

«Помню!» говоритъ Иванъ Андреичъ и чувствуетъ, что у него отъ голода голова болитъ и губы высохли. А плюгавенькій господинъ хватается его за пуговицу и сильнѣе хохочетъ.

«Только, дорогой Иванъ Андреичъ, это не голодъ».

«Не голодъ!» машинально повторяетъ Иванъ Андреичъ.

«Или помнишь», юлитъ плюгавенькій господинъ: «какъ третьяго года поѣздъ отъ снѣжныхъ заносовъ застрялъ въ полѣ на 24 часа, а съ тобою только и было, что бутылка коньяку и коробка конфетъ? Помнишь, какъ у тебя все утро переворачивалось, и какъ, добравшись, наконецъ, до станціи, ты съ такой жадностью набросился на пищу, что потомъ слегъ и у тебя подъ ложечкой болѣло?»

«Помню, помню!» стонетъ Иванъ Андреичъ и чувствуетъ поющую боль подъ ложечкой.

«Только и это не голодъ!» смѣется плюгавенькій господинъ и Иванъ Андреичъ безпокойно мечется во всѣ стороны и тоскливо повторяетъ: «Не голодъ!»

— Иванъ Андреичъ, миленькій, знаешь, что такое голодъ?— снова пристаётъ плюгавенькій господинъ.

— Знаю, знаю!... шепчетъ Иванъ Андреичъ.

— Нѣтъ, не знаешь! А я тебѣ покажу. Пойдемъ, я покажу!

Ивану Андреичу страсть не хочется идти. «Господи, Господи, чего онъ отъ меня хочетъ? думаетъ онъ, но тѣмъ не менѣе долженъ идти, не можетъ не идти.—И идутъ они по необозримой, плоской, сѣрой равнинѣ, идутъ по высохшей, кочковатой, пыльной землѣ.

— Гдѣ же голодъ? спрашиваетъ Иванъ Андреичъ.

— Это и есть голодъ! говорить плюгавенькій господинъ и смѣется.—
А вотъ и голодные!

Передъ ними нѣсколько убогихъ избъ съ перекосившимися ставнями, съ обвѣтренными крышами; у заваленокъ сидятъ люди, блѣдные, молчаливые, суровые; только глаза ихъ лихорадочно блестятъ...

— Гдѣ голодные? въ недоумѣніи переспрашиваетъ Иванъ Андреичъ.—
Какъ тихо!—говоритъ онъ.

Да, тихо, кругомъ ни звука, даже плюгавенькій господинъ умокъ и насушился. Ивану Андреичу жутко, холодъ пробѣгаетъ по его спинѣ и вдругъ ему становится ясно, что плюгавенькій господинъ и есть самъ голодъ... Иванъ Андреичъ хочетъ бѣжать, но плюгавенькій господинъ, стиснувъ зубы, холоднымъ, жесткимъ взглядомъ глядитъ на него и подъ этимъ взглядомъ Иванъ Андреичъ цѣпенѣетъ, ужасъ сжимаетъ ему сердце. Плюгавенькій господинъ приближаетъ свое лицо къ лицу Ивана Андреича, и Иванъ Андреичъ дышетъ его холоднымъ дыханіемъ.

— Вотъ оно! думаетъ онъ. Подъ ложечкой нестерпимо сосетъ, все тѣло ноетъ, въ горлѣ страшно пересохло и стѣнки пустого желудка трутся одна о другую, причиняя невыносимую боль... Иванъ Андреичъ чувствуетъ, какъ худѣютъ руки, ноги, какъ вваливается животъ... Вдругъ плюгавенькій господинъ поворачивается и идетъ не оглядываясь, и Иванъ Андреичъ идетъ за нимъ, точно его толкаетъ невидимая сила. И приходятъ они въ огромную, пустую, холодную избу. На землѣ лежатъ какія то безформенныя тѣла... Тихо... «Пухнуть!» шепчетъ плюгавенькій человѣкъ и тихонько толкаетъ Ивана Андреича, и Иванъ Андреичъ падаетъ, а плюгавенькій господинъ наклоняется надъ нимъ съ таинственной, неподвижной улыбкой, и онъ начинаетъ пухнуть... Сначала всѣ члены его вытягиваются, нѣмѣютъ, потомъ начинаютъ отекаютъ, потомъ пухнуть, пухнуть... Вотъ они уже похожи на пузыри, не видно лица, нельзя различить ни рукъ, ни ногъ... Ой, какъ больно!... Больно!... Ой!...

Супруга разбудила стонавшаго со сна Ивана Андреича, облитого холоднымъ потомъ. Былъ уже девятый часъ, и Иванъ Андреичъ одѣлся, чтобы отправиться на службу. Ему подали чай съ густыми сливками и легкій завтракъ, но онъ безъ удовольствія выпилъ одинъ только стаканъ чаю, а къ завтраку и не прикоснулся. Выглядѣлъ Иванъ Андреичъ въ это утро отвратительно: лицо было осунувшееся, желтое, глаза усталые, больные.

— Видишь, мамочка, говорила ему супруга: у тебя всегда кошмаръ, когда ты ужинаешь. Точно малое дитя, никакъ удержаться не можешь. Самъ виноватъ!»

Но Иванъ Андреичъ не удостоилъ свою супругу отвѣтомъ и ушелъ на службу. На службѣ онъ сидѣлъ больной и желчный и все смотрѣлъ на языкъ въ маленькое зеркальце, вдѣланное въ карманную щеточку для

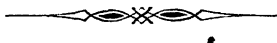
усовъ. Часамъ къ одиннадцати пріѣхалъ начальникъ вѣдомства, гдѣ служилъ Иванъ Андреичъ и, собравъ служащихъ, предложилъ имъ, по примѣру другихъ учрежденій, отчислять въ пользу голодающихъ $\frac{1}{2}\%$ изъ жалованья. Иванъ Андреичъ долженъ былъ подписаться въ числѣ прочи хъ но, оставшись наединѣ, онъ далъ волю своему негодованію.

— Что-же это наконецъ!—разсуждалъ онъ самъ съ собою:—дневной грабежъ! Рубаху послѣднюю что-ли съ себя продавать! То Коля съ Олей пожертвовали, то вчера Рогинскій присталъ, сегодня $\frac{1}{2}\%$ съ жалованья, завтра еще, Богъ вѣсть, что! Нѣтъ, это, это»...

Иванъ Андреичъ не могъ подобрать настоящаго слова. Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ зеркальце на свой языкъ и своими наблюденіями остался очень недоволенъ. «Проклятый ужинъ!» повторялъ онъ...

Ивану Андреичу положительно не слѣдуетъ ужинать.

Максъ Бертинъ.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній инженера).

Насъ было болѣе двадцати инженеровъ, съѣхавшихся въ концѣ сентября въ Баку со всѣхъ сторонъ Россіи для посѣщенія Закаспійскаго края. Мѣста на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій», самого большого изъ поддерживающихъ пассажирское сообщеніе на Каспійскомъ морѣ, были заблаговременно нами заказаны по телеграфу. Отплытіе назначено было въ 7 часовъ вечера. -

Насъ дома и на Кавказѣ очень пугали Каспійскимъ моремъ. «Самое неприятное море въ свѣтѣ», говорили намъ, «или буря, или мертвая зыбь—что хуже бури. Даже моряки—и тѣ на Каспій страдаютъ отъ морской болѣзни. Черное море агнецъ въ сравненіи съ Каспійскимъ». «Вотъ увидите, говорили другіе, какъ васъ поколышетъ, одинъ разговоръ, что изъ Баку въ Узунъ—Ада (портъ на восточномъ берегу) восемнадцать часовъ—это рѣдко бываетъ; а бываетъ, въ особенности осенью, что пароходу требуются сутки и болѣе, чтобы переплыть поперекъ этого капризнаго моря. Притомъ-же тамъ ходятъ мизерные пароходики—не чета блистательнымъ гигантамъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, совершающимъ черноморскіе рейсы».

Эти страхи имѣли послѣдствіемъ, что два-три инженера передъ отплытіемъ внезапно получили телеграммы изъ-дому отъ своего начальства, требовавшего-де немедленнаго ихъ возвращенія. Остальные мы, не безъ нѣкотораго смущенія, направились къ пароходной пристани. Уже темнѣло. Погода стояла ясная и теплая. «Великій князь Алексій», послѣдній принимавшій у пристани послѣдніе грузы, оказался пароходомъ средней величины, очень опрятнымъ, съ небольшимъ, но довольно уютнымъ и элегантнымъ заломъ I класса, къ которому съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ нѣсколько кабинъ. Столовая и кабины второго класса тоже очень приличны, только вмѣсто краснаго бархата перваго класса—здѣсь сѣрое сукно. Между первымъ и вторымъ классомъ па-

луба, играющая роль третьего класса. Надъ салономъ перваго класса—палуба перваго класса (рупка).

Занявъ вдвоемъ съ товарищемъ каюту въ центрѣ парохода (хорошо, говорятъ, противъ качки) мы, въ ожиданіи отплытія, взобрались на рупку.

На пристани толпилась масса народа, разглядѣть которую сначала было трудно. Но вдругъ зажглись электрическіе фонари вдоль всей набережной и пролили яркій бѣлый свѣтъ на эту пеструю толпу. Еще на мостовой передъ пароходомъ лежало много тюковъ и ящиковъ; между ними сновали и крикливо распоряжались приказчики-армяне въ небольшихъ барашковыхъ шапкахъ, короткихъ шелковыхъ рубашкахъ съ кавказскими поясами и длинныхъ темныхъ черкескахъ. Персы—мушій (носильщики), коренастые, бѣдно одѣтые и обутые въ мягкіе башмаки, родъ лаптей, медленно ступая толстыми кривыми ногами, переносили съ пристани на пароходъ на своихъ спинахъ немовѣрные тяжести. Нужно удивляться не только силѣ, но и практичности этихъ восточныхъ носильщиковъ, изобрѣвшихъ спеціальныя сѣдла для переноски своихъ громадныхъ тяжестей. Сѣдло это сдѣлано изъ подушекъ, обмотанныхъ веревочными плетениями, и такъ приспособлено для ношенія на спинѣ, что при согнутомъ положеніи корпуса мушій сѣдло частью упирается въ бока его, частью въ спину и подвѣшено къ плечамъ; тяжесть-же ставится на сѣдло, упираясь въ спину. Такимъ образомъ весь корпусъ мушій участвуетъ въ поддержаніи ноши, а голова и руки свободны.

Чѣмъ ближе было время отхода парохода, тѣмъ больше приплывало на пристань пассажировъ третьяго класса. Большинство составляли богомольцы—персы въ высокихъ черныхъ бараньихъ шапкахъ и темныхъ халатахъ, со смуглыми лицами и выкрашенными въ огненно-красный цвѣтъ бородами и пальцами. Они направлялись на богомолье въ персидскій городъ Мешхедъ, играющій въ религіозной жизни магометанъ-шіитовъ ту-же роль, что у суннитовъ Мекка. Туда-же стремилось нѣсколько семействъ кавказскихъ горцевъ—магометанъ съ женами, тщательно закрытыми бѣлыми чадрами, и съ дѣтьми. Нѣсколько человекъ казанскихъ татаръ, очевидно, богатыхъ купцовъ, въ темно-коричневыхъ и темносѣрыхъ суконныхъ лисьихъ шубахъ съ бобровыми воротниками пробирались къ каютамъ второго класса. А тамъ, въ толпѣ бухарцевъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ и маленькихъ цвѣтныхъ шапочкахъ—тибетейкахъ—на бритыхъ головахъ, виднѣлись свѣтлорусыя красивыя лица великорусскихъ мужиковъ и бабъ, хлопотавшихъ о перенесеніи на пароходъ своихъ немногочисленныхъ пожитковъ.

Раздался первый протяжный свистокъ съ парохода. Толпа еще больше зашумѣла, и помостъ на пароходную палубу наполнился снующими туда и сюда людьми всѣхъ племенъ и возрастовъ. Послѣдніе тюки перенесены на пароходъ, кпшащій народомъ. Второй свистокъ. На помостѣ водворяется городской, который съ большою энергіею старается сохранить порядокъ и стремится весьма вразумительными тумачами помочь восточной публикѣ, не уѣзжающей въ Азію, вернуться съ помоста на берегъ, а уѣзжающей—перейти съ него на пароходъ. Но это

задача не легкая: то благополучно водворенный на пароходъ красно-бородый персь встрѣчаетъ необходимость еще въ послѣднюю минуту обмѣняться нѣсколькими, вѣроятно весьма нужными, словами съ другимъ красно-бородымъ одноплеменникомъ, только-что при помощи того-же представителя полиціи водвореннымъ на материкъ, то мальчишка-армянинъ изъ-подъ самого стража порядка прошмыгиваетъ на палубу, кричить нѣсколько словъ на-ухо своему знакомому пассажиру съ длиннымъ носомъ и столь-же стремительно несется на-задъ на берегъ, не смущаясь затрещиной, полученной на пути отъ бдительнаго алгвазила. А тамъ опять дѣлая толпа персовъ желаетъ сразу перейти по сходнямъ, мѣшая такой-же толпѣ сойти съ парохода. Крикъ, ругань, шумъ. Что при этой суетлохѣ и бѣготѣ по неогражденному перилами помосту такой массы народа—никто не попалъ въ воду, въ особенности когда при третьемъ протяжномъ свисткѣ—помость стали забирать по частямъ на пароходъ—это заслуга пзумительной административной дѣятельности этого энергичнаго бакинскаго городского и его мощныхъ кулаковъ.

Наконецъ, помость убранъ—послѣдніе швартовы отданы, между материкомъ и «Великимъ Княземъ Алексіемъ» снята послѣдняя связь, и онъ заднимъ ходомъ медленно начинаетъ отчаливать. Затѣмъ поворотъ, и пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ. Ярко освѣщенная электричествомъ жанровая картина бакинской пристани съ покрывающимъ ее разношерстнымъ народомъ отходить на все болѣе и болѣе далекій планъ—и передъ нами вырастаетъ другая картина, въ болѣе обширной рамкѣ—пейзажа бакинской бухты съ городомъ, расположеннымъ амфитеатромъ, надъ которымъ господствуетъ на высотѣ Ханская башня; направо выбивающіеся изъ темныхъ конусовъ огни Чернаго города, налѣво тѣряющійся въ морской мглѣ берегъ. И вся эта прелестная картина, какъ въ зеркалѣ, воспроизводится каспійскими водами....

Долго мы сидѣли на палубѣ, слѣдя глазами за уходящими вдаль огнями русской Пенсильваніи и вспоминая о предѣстныхъ дняхъ, пережитыхъ въ кругу товарищей на Кавказѣ.

Но вотъ мы проѣхали и Апшеронскій маякъ. Земля совсѣмъ скрылась, куда ни глянешь—темное безоблачное небо и темная водяная плоскость еле-колышающегося Каспія. Вдругъ раздаются протяжные, заунывные звуки. Персь; стоя обращенный лицомъ къ Меккѣ, среди палубы, зоветъ правовѣрныхъ, окружающихъ его спутниковъ къ молитвѣ.

Съ большимъ интересомъ прослушали мы оригинальное пѣніе съ трелями и фіоритурами вѣрнаго сына Магомета и спустились въ салонъ, гдѣ застали товарищей за энергическимъ подкрѣпленіемъ въ ожиданіи трудностей морского путешествія. Оказалось, что одна изъ пассажировокъ сочла долгомъ, немедля за Апшеронскимъ мысомъ, начать страдать морскою болѣзнію, не смотря на вполне спокойное море. Ея заразительному примѣру послѣдовалъ и одинъ инженеръ. Впрочемъ, этотъ самый почтенный коллега страдалъ морскою болѣзнію и на Военно-Грузинской дорогѣ вслѣдствіе качаній кареты, въ которой онъ ѣхалъ. Послѣ ужина

одинъ изъ инженеровъ, отличный піанистъ, огласилъ каспійскій пароходъ звуками русскихъ оперъ, малороссійскихъ шумокъ, шопеновскихъ мазурокъ и закончилъ музыкальныя воспоминанія о временно оставленной нами части нашего отечества лезгинкою Рубинштейна.

Естественнымъ переходомъ къ ожидающимъ насъ въ Азіи впечатлѣніямъ была мастерски сыгранная другимъ инженеромъ музыкальная картина покойнаго Бородина—«Средняя Азія».

Къ полуночи на «Великомъ князѣ Алексіѣ» водворилась полная тишина, и мы заснули, убаюкиваемые однообразнымъ шумомъ пароходнаго винта. Ночью пришлось нѣсколько разъ просыпаться и съ удивленіемъ замѣчать, что иногда ноги занимаютъ положеніе выше головы. Но это не помѣшало доброму сну, и когда мы проснулись на слѣдующій день—солнце уже свѣтило въ каюту. Выходя на палубу, я былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ солнца и блескомъ свѣтло-голубой, слегка зыблящейся водяной поверхности, быстро прорѣзываемой «Великимъ Княземъ». Вдали начали показываться очертанія Красноводскаго берега и синіе контуры возвышенностей—Большихъ Балханъ.

Восточная публика третьяго класса уже готовилась къ трапезѣ. Всюду въ разнообразныхъ мѣдныхъ чашахъ творились омовенія выкрашенныхъ въ красную краску рукъ персовъ и загорѣлыхъ темно-коричневыхъ кавказскихъ и турѣменскихъ рукъ.

И наша путевская компанія стала мало-по-малу собираться вокругъ завтрака. «А скоро-ли мы въ Узунъ-Ада?»—«Ко второму часу дня, отвѣчалъ бравый капитанъ-финляндецъ,—если можно будетъ пройти безъ пересадки въ гавань».—«Какъ безъ пересадки, какая пересадка?» раздалось со всѣхъ сторонъ. «А видите-ли, поясняя капитанъ обступившимъ его инженерамъ, наши каспійскіе большіе пароходы, когда нагружены, имѣютъ осадку въ семь-восемь футовъ, соотвѣтственно девятифутовой глубинѣ Астраханскаго порта. Ну, а эта, какъ видите, не особенно большая глубина въ послѣднее время не всегда бываетъ въ фарватерѣ прохода къ Узунъ-Адинской бухтѣ—и тогда приходится пассажировъ и часть грузовъ перегружать на плоскодонные небольшіе парходики, и уже облегченными входить въ гавань».—«Отчего же такой неудобный въ навигаціонномъ отношеніи портъ служить западнымъ исходомъ нашей знаменитой средне-азіатской дороги, соединяющей Европу съ центромъ Азіи?»—«Что прикажете дѣлать,—вотъ Красноводскъ—прекрасная глубокая бухта, но, вѣроятно, у строителя дороги—генерала Анненкова—были серьезныя основанія не вести линіи оттуда. Да и теперь у нихъ тамъ на Закаспійской не рѣшенъ еще, говорятъ, вопросъ, не вести-ли вѣтъ на Красноводскъ; да вамъ это все тамъ расскажутъ; а вотъ и островъ Челетенъ».

Передъ нами показался на горизонтѣ длинный, повидимому, пустынный желтый островъ. Еще немного—и мы прошли лівію мелкихъ островковъ, за которою море стояло совершеннымъ зеркаломъ, а на горизонтѣ показалась

волнистая желтая линия прибрежных Узунь-Адинских песчаных холмов—бархановъ.

Къ намъ на встрѣчу шелъ небольшой паровой катеръ, на кормѣ котораго помощью биноклей можно было различить флагъ съ якоремъ и топоромъ вѣдомства путей сообщенія. Приблизившись, катеръ далъ намъ сигналъ остановки—и мы приняли на палубу Начальника службы пути Закаспійской дороги, инженера С., человека среднихъ лѣтъ, очень симпатичной наружности, хорошо знакомого нѣкоторымъ изъ насъ, и молодого красавца—инженера И.—Начальника Узунь-Адинской дистанціи, порта и фарватера. Это были первые закаспійцы, встрѣтившіе насъ съ истинно товарищескимъ радушіемъ.

Оказалось, что уровень воды чрезвычайно понизился и придется пересаживаться. Пока инженеръ И. давалъ нашему капитану указанія, какого въ узкомъ фарватерѣ держаться курса, спутникъ его С. разложилъ передъ нами детальную карту Узунь-Адинской бухты и посвятилъ насъ во всѣ подробности вопроса—Узунь-Ада или Красноводскъ. Оказалось, что дѣло далеко не такъ просто, какъ кажется, что если многое и говоритъ въ пользу постройки вѣтви къ Красноводску, то и не менѣе доводовъ за оставленіе головы Закаспійской дороги въ Узунь-Ада, конечно, при извѣстныхъ необходимыхъ, но не особенно большихъ, затратахъ на углубленіе этого порта и поддержаніе въ немъ должной глубины. Между тѣмъ за шесть лѣтъ въ Узунь-Ада никакихъ землечерпательныхъ работъ не дѣлалось, а вѣдь безъ нихъ почти ни одинъ портъ существовать не можетъ.

Пока у насъ шли оживленные по этому вопросу пренія, «Великій Князь» остановился, такъ какъ глубина фарватера становилась для него недостаточною. Подошелъ маленькій пароходикъ «Туркменъ» — и на него стали перегружаться всѣ пассажиры и часть грузовъ. Часа два длилась эта пересадка, представлявшая опять весьма оживленную восточную картину. Затѣмъ мы быстро пошли между островками, окаймляющими входъ въ бухту. Солнце уже садилось и косыми лучами золотило темно-желтыя вершины Балханскихъ возвышенностей и свѣтло-желтые барханы, когда мы приблизились къ Узунь-Адинскому порту.

Довольно обширная бухта покрыта множествомъ судовъ, стоящихъ болѣею частью у деревянныхъ, довольно первобытныхъ моловъ, далеко вдающихся въ море. Синія воды вычурными зигзагами врѣзываются въ желтую песчаную поверхность прибрежья, сплошь покрытаго желѣзнодорожными путями, вагонами, товарами въ тюкахъ, бочкахъ, мѣшкахъ, строительнымъ лѣсомъ, углемъ, дровами. А дальше виднѣются деревянные дома, бараки, желѣзнодорожная станція — и все это окаймлено песчаными желтыми барханами.

Такъ вотъ она Азія! Вотъ тѣ пески, которые столѣтіями ограждали неприступность туркменскихъ степей и которые такъ удивительно быстро побо-

роль русскій инженеръ подъ предводительствомъ генерала, энергія котораго не знала препятствій!....

У станціи насъ ждалъ экстренный поѣздъ, непривычнаго для насъ вида. Всѣ вагоны бѣлаго цвѣта, а нѣкоторые такіе низкіе отъ земли, что для того, чтобы войти въ нихъ, приходится подняться лишь по двумъ-тремъ ступенькамъ. Это служебные вагоны, передѣланные изъ знаменитыхъ двухъ-этажныхъ вагоновъ генерала Анненкова, сослужившихъ большую службу при постройкѣ дороги. Въ каждомъ такомъ вагонѣ кромѣ спальни имѣется небольшой салонъ, помѣщеніе для прислуги и ванная—очень цѣнная вещь при служебныхъ разъѣздахъ въ знойное средне-азиатское лѣто по Закаспійской дорогѣ, имѣющей длину свыше 1300 верстъ.

Другая особенность закаспійскаго поѣзда—вагонъ-столовая и вагонъ-кухня. Этими вагонами снабжены всѣ пассажирскіе поѣзда, такъ какъ буфеты имѣются только на большихъ станціяхъ, благодаря чему можно, путешествуя по средне-азиатской пустынѣ, во всякое время имѣть хорошую и обильную ѣду за весьма умѣренную цѣну и въ пятидесяти-градусную жару пить отстоянные на льду напитки. Въ концѣ поѣзда прицепленъ открытый вагонъ-рѣшетка—очень удобный для осмотра дороги. Паровозъ съ нефтянымъ отопленіемъ. У вагоновъ стояли съ сигнальными флагами въ рукахъ солдаты желѣзнодорожнаго батальона, такіе-же солдаты стояли на паровозѣ. Дѣло въ томъ, что Закаспійская дорога, строившаяся подъ руководствомъ генерала Анненкова инженерами путей сообщенія при помощи желѣзнодорожныхъ батальоновъ, еще находится, такъ сказать, на военномъ положеніи. Во главѣ дороги стоитъ полковникъ генеральнаго штаба, многіе начальники станцій, нѣкоторые изъ начальниковъ дистанцій—изъ военныхъ, и почти весь нижній и средний персоналъ—стрѣлочники, сторожа, кондукторы, машинисты, кочегары, смазчики, телеграфисты—нижніе чины желѣзнодорожнаго батальона.

Размѣстившись въ бѣлыхъ вагонахъ и оттелеграфировавши въ Европу роднымъ о благополучномъ вступленіи на древнюю почву Азіи, мы усѣлись въ вагонъ рѣшетку, и поѣздъ двинулся въ путь.

Свѣтлая лунная ночь. Довольно прохладно. Поѣздъ проходитъ по узкой насыпи, длиною болѣе версты, соединяющей островъ Узунъ-Ада—«Длинный островъ»—съ материкомъ, и затѣмъ вдоль берега между барханами, закрывающими постепенно отъ насъ Узунъ-Ада и деревянныя зданія станціи, ожидающія разрѣшенія вопроса о Красноводской вѣтви, чтобы или исчезнуть, или замѣниться новыми каменными. Затѣмъ Каспій блеснулъ въ послѣдній разъ и скрылся за Малыми Балханами, тянущимися слѣва, справа—Большіе Балханы, кругомъ пески.

Эти пески и безводье были главными врагами здѣсь русскаго войска до постройки Закаспійской дороги, они-же представляли главнѣйшія препятствія при сооруженіи дороги. Гдѣ эти рыхлые, передвигаемые малѣйшимъ вѣтромъ барханы,—тамъ ни растительности, ни животныхъ—мертвая пустыня. Всматриваясь въ полотно дороги, замѣчаемъ, что оно покрыто сѣрою растрескавшеюся корою,

вызванною поливкою его морскою водою—одно изъ средствъ противъ выдуванія песка изъ-подъ шпаль вѣтромъ—грознымъ врагомъ песчаныхъ участковъ дороги. Въ другихъ мѣстахъ замѣчаемъ вдоль полотна деревянные частоколы, а еще въ другихъ насажденія—тамариски, саксаулъ. Саксаулъ—большой здѣсь другъ и помощникъ человѣка. Это небольшой кустарникъ, но пускающій глубокіе корни и этимъ укрѣпляющій подвижные пески.

Прѣѣзжаемъ на станцію Михайловскъ. Отсюда собственно начиналась Закаспійская дорога до 1886 года, когда вслѣдствіе неудобства Михайловскаго порта построена была вѣтъ въ 27 верстъ къ Узунъ-Ада. Въ Михайловскѣ высадили Скобелевъ, предпринимая свою знаменитую экспедицію. Кругомъ высокіе барханы. Поѣздъ незамѣтно подымается, барханы, кое гдѣ покрытые саксауломъ, становятся все ниже, а за станцію Мулла-Кара оканчиваются пески, и дорога вступаетъ въ степь, но степь безводную и покрытую низкою, выжженною солнцемъ травой. Слѣва все еще насъ сопровождаютъ Большіе Балханы, но еще двѣ-три станціи, и уже слѣва ровная Текинская степь—безжизненная и безмолвная. До станціи Казанджикъ, на протяженіи 175 верстъ, нѣтъ прѣсной воды! Всѣ станціи и живущіе на линіи въ сторожевыхъ казармахъ и будкахъ на этомъ участкѣ снабжаются водою изъ Казанджикскаго родника спеціальными водяными поѣздами, регулярно обращающимися по участку.

Исчезли и Малые Балханы, и при блѣдномъ свѣтѣ луны видъ мертвой Текинской степи наводитъ на унылыя мысли.... Сколько эта безводная знойная степь вырвала жертвъ изъ среды русскихъ отрядовъ, защищавшихъ наши восточныя окраины отъ разбойничьихъ набѣговъ дикихъ туркменовъ! Глядя на эту пустыню, становится понятнымъ, что не превосходныя силы хорошо вооруженныхъ текинскихъ толпищъ, не отмынная храбрость дикихъ набѣдниковъ были причинами неудачъ экспедицій 1878 и 1879 годовъ генераловъ Ломакина и Лазарева противъ текинскаго Нуръ-Вердыхана, а главною причиною была изнурительность переходовъ по безводной пустынѣ и чрезвычайная трудность снабженія отрядовъ необходимымъ провіантомъ, невозможность своевременныхъ подкрѣпленій. И какъ измѣнилась сразу картина, когда, съ прибытіемъ сюда въ 1880 году Скобелева, предпринята была для военныхъ цѣлей постройка 220 верстъ желѣзной дороги отъ Михайловска до Кизиль-Арвата! Блистательно Скобелевъ отомстилъ за всѣ прежнія неудачи. Геокъ-Тепе былъ взятъ штурмомъ—и паденіе крѣпости навело трепетъ на туркменскихъ степныхъ разбойниковъ, произвело на востокѣ неслыханное волненіе. И въ этомъ громкомъ успѣхѣ русскаго оружія немалая доля принадлежитъ этимъ двумъ рельсовымъ нитямъ, поспѣшно и безостановочно уложеннымъ по текинскимъ сыпучимъ пескамъ, не взирая ни на какія трудности, ни на какія преграды!....

Теперь, конечно, дорога мало похожа на ту, которая строилась съ лихорадочною быстротою—по временнымъ деревяннымъ мостикамъ, съ кибитками вмѣсто домовъ—все впередъ и впередъ....

Къ утру мы прибыли въ Кизиль-Арватъ, пройдя 250 верстъ дороги. Этою станціею заканчивается первый участокъ, сослужившій свою боевую службу. Дальнѣйшая часть желѣзной дороги, почти 1100 верстъ, въ Мервъ, Бухару и Самаркандъ, строилась уже четыре года позже (въ 1885 году), послѣ покоренія Мерва.

Выходя изъ вагона, мы были поражены неожиданнымъ видомъ. Хорошенькое станціонное зданіе съ асфальтированной платформою кругомъ окружено густою зеленью; нѣсколько дальше видна обширная роща, а среди станціи бьетъ высокій фонтанъ! Мы въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, а всѣми своими растительными прелестями Кизиль-Арватъ обязанъ маленькому «арыку» — узенькой канавкѣ, проводящей воду съ ближайшихъ горъ Копетъ-Дага, которыя тянутся красивою линіею справа отъ станціи вдоль желѣзной дороги съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на границѣ между Россіею и Персіею.

Оазисъ! Но пусть ваше воображеніе не рисуетъ вамъ финиковыхъ пальмъ, журчащихъ ручейковъ, сочныхъ газоновъ, и тому подобныхъ африканскихъ аксессуаровъ. Средне-азиатскій оазисъ совсѣмъ не то! Пожелтѣвшій лугъ, болѣе или менѣе хорошевоздѣланное поле, засѣянное пшеницею, ячменемъ или просомъ, кое-гдѣ кустики тамариска, а у воды душистые дыни — и все это изрѣзано канавками, разводящими благодѣтельную влагу отъ главнаго арыка. Но и эта скромная растительность среди пустыни васъ ободряетъ, а плескъ станціоннаго фонтана вселяетъ въ васъ здѣсь какое-то особое веселіе. Намъ рассказывали, что на текинцевъ эти фонтаны производятъ какое-то чарующее впечатлѣніе, и они изъ далекихъ мѣстъ пріѣзжаютъ на своихъ верблюдахъ на станціи дивиться этимъ чудесамъ.

Кизиль-Арватъ небольшой городокъ, расположенный между станціею и горами, на скрещеніи нѣсколькихъ торговыхъ дорогъ, ведущихъ на сѣверъ и въ горы — въ персидскій городъ Хаджимъ-Кали. Улицы широкія, правильныя, съ началомъ растительности. Въ небольшихъ каменныхъ домикахъ-особнякахъ, съ плоскими крышами живутъ русскіе и персы, а въ глиняныхъ на видъ — въ дѣйствительности кирпичъ-сырецъ — текинцы. Желѣзнодорожные низшіе и средніе служащіе живутъ здѣсь въ особой колоніи изъ хорошенекъ домиковъ съ садиками, которые они, при извѣстныхъ условіяхъ, за ежегодную скромную плату, могутъ пріобрѣсти въ собственность. Мы въ Кизиль-Арватѣ пробыли довольно долго, осматривая и недавно построенныя большія мастерскія, которыми могла-бы гордиться любящая большая европейская дорога, и прекрасно устроенные матеріальные склады. Все это большія каменные зданія съ крышами изъ волнистаго желѣза, отлично выстроенныя и оборудованныя всѣми необходимыми машинами.

Закончили мы — посѣщеніемъ великолѣпнаго питомника, въ которомъ разведено все, что только можетъ расти въ этомъ краѣ, гдѣ за невыносимо знойнымъ лѣтомъ слѣдуетъ суровая зима. Питомникъ слѣва огражденъ высокимъ заборомъ, скрывающимъ отъ взоровъ степь, стелящуюся за нимъ. Среди питомника высокая двухъ-этажная бесѣдка. Быстро туда взобравшись, увидѣлъ

я предъ собою зелено-желтую степь, теряющуюся въ безграничныхъ пескахъ, и въ самомъ сосѣдствѣ со станціею нѣсколько десятковъ конусообразныхъ палатокъ-кибитокъ. Между ними кое-гдѣ виднѣлись человѣческія фигуры, стояли и лежали верблюды, овцы, бѣгали длинноногія собаки.

Пока товарищи подъ руководствомъ садовника разсматривали въ питомникѣ рѣдкостныя растенія, среди которыхъ видное мѣсто занималъ рициновый кустъ, благодѣтель столь неумѣреннаго въ ѣдѣ европейскаго человѣчества, я рѣшился наскоро посѣтить кочевую текинскую деревню. Впослѣдствіи пришлось неоднократно видѣть туркменскія кибитки и вблизи разсматривать бытъ этихъ дѣтей природы, но, конечно, уже не съ тѣмъ живымъ интересомъ, который внушало это первое посѣщеніе. Когда я подошелъ къ ближайшей кибиткѣ, сидѣвшій передъ ея входомъ съ ломтемъ дыни въ рукѣ пожилой текинецъ съ красивымъ смуглымъ лицомъ, правильнаго очертанія, въ длинномъ темномъ халатѣ поверхъ болѣе свѣтлаго и въ огромной лохматой черной папахѣ и мягкихъ сапогахъ, всталъ и почтительно поклонился, приложивъ правую руку къ шапкѣ.

«Можно къ вамъ зайти?»—Онъ видимо не понималъ порусски, но понялъ мой жестъ и, быстро приподнявъ одной рукой войлокъ, закрывавшій входъ въ кибитку, другою указалъ на него. Я, нагнувшись, вошелъ. Переходъ отъ яркаго солнца въ полутѣмъ лишилъ меня на нѣсколько минутъ возможности разглядѣть внутренность кибитки. Мало-по-малу я сталъ различать двѣ сидяшія на землѣ женскія фигуры, изъ которыхъ одна держала на рукахъ ребенка, да-лѣе нѣсколько куръ, а въ срединѣ костеръ.

Раньше я подъ кибиткою всегда понималъ родъ повозки. Туркменская-же кибитка—это домъ текинца и ничего съ повозкою общаго не имѣетъ. Изъ жердей дѣлаютъ скелетъ, разставляя его сѣткою въ плоскости круглаго цилиндра, діаметромъ аршинъ пять—шесть и вышиною аршина три; затѣмъ на цилиндръ наставляютъ крышку въ видѣ усѣченнаго конуса, образуемаго ребрами изъ жердей-же и вышиною аршина два. Эти ребра внизу привязаны къ цилиндрической части и наверху къ кольцу. Все это снаружи покрывается войлоками и обвязывается веревками, затѣмъ еще стѣны снаружи обматываются тростниковыми плетенками—и кибитка готова. Для входа оставляется отверстіе, закрываемое войлокомъ; для выхода дыма оставляется безъ покрытія часть вершины конуса. Полъ покрывается коврами, которые у зажиточныхъ текинцевъ бываютъ замѣчательной красоты, а у богатыхъ иногда кибитка обмотана знаменитыми «дорожками», столь цѣнными нашими дамами для украшенія портьеръ. Женщины, одѣтыя въ длинныя, широкія, напоминающія монашескія, одѣянія изъ верблюжьей шерсти съ бѣлыми платками на головахъ, оставались съ непокрытыми лицами. Но въ этомъ было мало прелести—одна была старуха, другая молодая, но у обѣихъ лица некрасивыя съ широкими носами, большими ртами и узенькими глазками. У текинцевъ не соблюдается обычай, чтобы женщины покрывали лица въ присутствіи чужихъ мужчинъ. Съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ я этотъ intérieur красиваго те-

кинца, бывшаго, безъ сомнѣнiя, еще недавно бравымъ степнымъ разбойникомъ—грозою персидскихъ купцовъ, а теперь мирнаго подданнаго Бѣлаго Царя. Но для ознакомленiя со всею внутреннею обстановкою кибитки не требовалось много времени. Родъ гамака поперекъ кибитки съ груднымъ въ немъ ребенкомъ, небольшая полка, подвѣшенная къ стѣнѣ, съ двумя—тремя глиняными чашками и мѣднымъ кунганомъ (кувшиномъ), очень красивая ковровая сумка съ какими-то съѣстными припасами; на полу—два-три ковра, деревянная скамеечка у костра—вотъ и все.

Распроставшись съ хозяиномъ, я еще походилъ между безпорядочно разставленными кибитками, разсматривая очень красивыхъ желтыхъ собакъ, на высокихъ ногахъ, съ узкими мордами и длинными пушистыми хвостами, тѣхъ знаменитыхъ текинскихъ борзыхъ, которыя цѣнились каждая выше двухъ плѣнныхъ персовъ; верблюды, съ однимъ и двумя горбами, отдыхали на землѣ, а красивыя небольшiя лошадки стояли привязанныя къ кольямъ. Тутъ-же были повозки на двухъ высокихъ колесахъ съ крышею. Два-три раза въ годъ текинецъ разбираетъ свою кибитку, навьючиваетъ небольшой свой инвентарь на верблюда, запрягаетъ въ арбу лошадку, сажаетъ туда семью, самъ тоже на коня и съ домомъ, чадами, домо-чадками, овцами, курами и собаками перекочевываетъ на другое мѣсто....

Когда я вернулся на станцію, нашъ поѣздъ уже готовъ былъ къ отходу. Мы опять размѣстились въ послѣднемъ вагонѣ-рѣшеткѣ и двинулись въ путь.

Несмотря на октябрь, день стоялъ жаркiй, и изъ подъ поѣзда взвивалась тонкая пыль. Оазисъ остался за нами. Направо отъ насъ тянется высокiй голый, какъ-бы застывшiй, кряжъ Копетъ-Дага, налѣво—безпредѣльная текинская степь, покрытая пожелтѣвшею уже травой. Единственное оживленiе этого мертваго пейзажа—нашъ поѣздъ и тамъ вдали такой-же поѣздъ, но не изъ вагоновъ, а изъ верблюдовъ, мѣрно подъ вьюками ступающихъ гуськомъ за текинцемъ въ большой мохнатой шапкѣ на маленькомъ конѣ.—Ни деревца, ни куста... Закаспiйскiе-же товарищи наши рассказываютъ намъ, что имъ пришлось здѣсь перенести и вытерпѣть, пока удалось сначала проложить рельсовый путь и сдѣлать кое-какiя временныя постройки, а потомъ замѣнить ихъ тѣми солидными каменными съ желѣзными фермами мостиками, по которымъ мы проѣзжали, тѣми прекрасными каменными и кирпичными будками и казармами со всеми необходимыми службами, которыя мы видѣли вдоль пути черезъ каждыя шесть верстъ.

На станціи Коджъ намъ прежде всего бросилась въ глаза каменная вилла въ изящномъ тосканскомъ вкусѣ. Оказалось, что это просто-напросто казарма ремонтной артели. Но какая казарма! Стѣны сложены итальянцами, такъ называемою, циклопскою кладкою такъ, какъ только итальянцы умѣютъ ихъ класть. Помѣщенiе артели обширное и въ два свѣта, покрытое сводчатымъ потолкомъ. Да, въ такой комнатѣ можно существовать и въ пятидесяти-градусную жару;—не знаю только, одинаково-ли въ ней хорошо въ короткую, но суровую текинскую зиму. Верхняя терраса на плоской крышѣ оказалась вышкой «на всякiй случай». Дѣло въ томъ, что при

постройкѣ дороги еще не было кругомъ такъ «благополучно», какъ теперь, и не ожидали, чтобы такъ скоро удалось достигнуть такого полного умиротворенія.

Подѣзжая къ станціи Бами, замѣчаемъ у подножія горъ довольно хорошо сохранившіяся глиняныя стѣны четырехъ-угольной крѣпости съ башнями по угламъ; около нея кибиточная деревня, зелень, верблюды—мы опять въѣзжаемъ въ оазисъ. И здѣсь прелестную метаморфозу произвела вода, проведенная изъ горъ, и самотокомъ снабжающая станцію. Была пустыня—и въ два-три года—богатая растительность. И здѣсь прекрасный памятникъ культурной дѣятельности строителей дороги—фонтанъ. Скоро за станціею оставляемъ за собою и оазисъ. Вдоль пути то и дѣло встрѣчаются болѣе или менѣе хорошо сохранившіеся остатки крѣпостей, понастроенныхъ храбрыми текинцами для защиты своей независимости. Въ этихъ стѣнахъ они оставляли подъ небольшимъ прикрытіемъ свои семьи со стадами и всѣмъ своимъ имуществомъ, когда совершали набѣги на сосѣдей, въ нихъ-же они укрывались въ случаѣ неудачи, и умѣли драться какъ львы.

Со станціи Бахарденъ мы уже не покидаемъ оазиса, и между горнымъ хребтомъ направо и песками налево тянется вдоль линіи неширокой полосой лѣсовая почва болѣе оживленной растительностью мѣстности. Станціи съ очень хорошенскими каменными вокзалами, жилыми домами съ верандами, садиками, фонтанами. Деревни попадаютъ довольно часто; то-и дѣло встрѣчаются стада овецъ и караваны двугорбыхъ верблюдовъ. Желѣзная дорога постоянно пересѣкаетъ арыки, пропускаемые въ деревянныхъ жолобахъ надъ боковыми канавами.

Станція Геокъ-Тепе! Поѣздъ нашъ приблизился къ развалинамъ огромныхъ и толстыхъ глиняныхъ стѣнъ и остановился. Мы быстро подошли къ развалинамъ и молча всѣ остановились. Кто не ощущалъ въ душѣ какого-то невыразимаго и необъяснимаго смущенія при первомъ посѣщеніи мѣста великаго историческаго событія! Вотъ оно, то грозное Геокъ-Тепе, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ рѣшилась участь туркменскихъ степей, оазисовъ и пустынь, столько столѣтій недоступныхъ для европейца! Вотъ, гдѣ 12 января 1881 года бѣлый генералъ «потопилъ въ крови сопротивление туркменовъ» послѣ отчаянной ихъ обороны!..... Участникъ боя, служашій на дорогѣ, подробно описывалъ намъ осаду этой обширной крѣпости, въ которой находилось до сорока тысячъ текинцевъ съ женами, дѣтьми и скотомъ, показывалъ мѣсто подкопа и взрыва, рисовалъ намъ ужасную картину штурма Геокъ-Тепе и рѣзни въ немъ.... Посѣтили мы скромный памятникъ, поставленный павшимъ здѣсь нашимъ храбрымъ солдатамъ, и съ поникшими глазами, какъ послѣ похоронъ, пошли къ станціи.

Да! Не легко дается исполненіе культурной миссіи, возложенной въ Средней Азіи на Россію историческою необходимостью!....

Еще два перегона по мѣстности съ прекрасною растительностію, благодаря массѣ изрѣзывающихъ ее арыковъ,—и мы въ Асхабадъ—главномъ городѣ Закаспійской области и мѣстонахожденіи управленія дороги. Городъ, расположенный

вправо отъ желѣзной дороги, между нею и горами, весь утопаетъ въ зелени. Глядя издали на эту растительность и на правильныя линіи зданій Асхабада, трудно вѣрится, что назадъ тому десять лѣтъ здѣсь, кромѣ кибитокъ, ничего не было. У вокзала, который съ честью могъ-бы красоваться въ любомъ большомъ губернскомъ городѣ, стояли опрятныя извозчичьи пароконныя коляски съ хорошими лошадьми —извозчики большею частью великороссы. По широкой шоссейной дорогѣ, усаженной деревьями, но очень пыльной, поѣхали мы въ городъ. Вообще тонкая бѣлая пыль—единственный недостатокъ Асхабада. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ этотъ юный городъ съ почти пятнадцатитысячнымъ населеніемъ, производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Широкія улицы, большею частію мощенныя или шоссированныя и усаженныя деревьями, достигшими невѣроятнаго для своего молодого возраста развитія; троттуары, каменные домики-особняки, окруженные садами, центральныя улицы съ многочисленными магазинами—все это очень опрятно и привѣтливо.

Особое вниманіе, конечно, прежде всего привлекли магазины, въ которыхъ можно было найти знаменитыя текинскіе ковры. Но тутъ мы впервые съ удивленіемъ увидѣли, что въ Азіи покупки совсѣмъ не дѣлаются тѣмъ порядкомъ, къ которому мы привыкли въ Европѣ. Прежде всего здѣсь почти не встрѣчаешь специальныхъ магазиновъ, съ извѣстнымъ родомъ товаровъ. Въ каждой почти лавкѣ можно найти и съѣстные припасы, и мануфактуру, и посуду, и обувь, и многое другое. Затѣмъ все, что вы видите, довольно плохой товаръ, а хозяинъ и приказчики съ невозмутимымъ восточнымъ спокойствіемъ смотрятъ на васъ. Вы входите, смотрите одно, другое, ощупываете одинъ предметъ, другой,—хозяинъ не двигается съ мѣста и молча покуриваетъ челимъ (кальянъ). «Ковры есть»? Хозяинъ медленно отставляетъ мѣдный челимъ съ длинною трубкою, нехотя подымается, и изъ-подъ стойки выволакиваетъ неважнаго вида коврикъ. «Нѣтъ-ли лучше?»—«Яхши (хорошій)», утверждаетъ текинецъ. «Нѣтъ, яманъ, покажи лучше».—Появляется другой коверъ, нѣсколько лучшій, но не то, что вы желаете. У дверей лавки появляется переіянинъ, манящій вамъ пальцемъ и дающій вамъ понять, что тамъ, гдѣ-то въ сосѣдствѣ есть купецъ, у котораго вы найдете то, что ищете—и вы уходите при полномъ равнодушіи хозяина. Въ лавкѣ, въ которую васъ ведетъ услужливый подданный царя царей Насръ-Эддина, вы находите съ десятокъ ковровъ, разбросанныхъ въ лавчонкѣ и на улицѣ. Тутъ уже наши инженеры смотрѣли товаръ—и ничего не купили—значитъ, нечего и смотрѣть. Но нашъ проводникъ оживленно что-то трактуетъ съ хозяиномъ, тотъ медленно направляется куда-то вглубь лавки—и вытаскиваетъ предестный коврикъ—краски такъ и горятъ. Отчего-же онъ его не показалъ первымъ своимъ посѣтителемъ? Не въ торговыхъ нравахъ Азіи—здѣсь подобная торговля ведется съ прохладю, не торопясь, сначала покупатели оріентируются, присматриваются и уходятъ, затѣмъ черезъ день возвращаются, толкуютъ о разныхъ вещахъ, прицѣниваются къ товару, затѣмъ окончательный выборъ, торгъ и покупка. Пока я здѣсь покупалъ коверъ, товарищи, какъ

впослѣдствіи оказалось, нашли отличный коверъ у того самаго купца, у котораго я ничего порядочнаго не могъ найти. Но нужно отдать справедливость купцамъ-текинцамъ, въ нихъ есть достоинство — почти не уступаютъ ничего съ первоначально заявленной цѣны. Зная, что прибудетъ въ Асхабадъ значительное число пріѣзжихъ, они цѣны на свои издѣлія порядкомъ повысили, но торгъ по кавказскому образцу не имѣлъ здѣсь почти никакого результата.

Очень интересна базарная площадь въ Асхабадѣ. Тутъ среди туземныхъ продавцевъ дынь, арбузовъ, винограда, лепешекъ, среди великорусскихъ офеней и армянскихъ разносчиковъ кавказскихъ товаровъ, среди верблюдовъ, яшаковъ (ословъ) и арбъ толпятся представители всевозможныхъ азіатскихъ племенъ въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, галдящихъ на всѣхъ нарѣчіяхъ. А въ этой пестрой толпѣ вращаются, какъ у себя дома, наши солдаты, продавая сапоги, покупая арбузы, торгуясь и разговаривая со всѣми этими разноязычными азіатами съ легкостью, которая-бы поразила и говорившаго, какъ глаголетъ преданіе, на тридцати языкахъ ученаго итальянца — Медпофанти.

Въ Асхабадѣ много персовъ и персидскихъ товаровъ, такъ какъ отсюда плетъ шоссе на Мешхедъ. Тутъ мы нашли очень красивые экземпляры такъ называемой «мешхедской посуды» — кувшины и вазы ажурной работы изъ графита, — встрѣчаемые, впрочемъ, хотя не въ такомъ разнообразіи, на Кавказѣ и даже въ Крыму.

Общественный садъ, уже довольно тѣнистый, общается со временемъ быть украшеніемъ города. Въ Асхабадѣ два клуба — гражданскій и военный. Сначала мы отправились въ первый и присутствовали тамъ при представленіи малороссійской труппы на крохотной сценѣ. Въ военномъ собраніи застали танцы въ полномъ разгарѣ. Помѣщеніе клуба обширное, хорошо устроенное, украшенное очень оригинальными люстрами и канделябрами изъ штыковъ и ружей; оно могло-бы вполне удовлетворить общество каждаго губернскаго города. Глядя на эту оживленную кадрили подъ музыку изъ Периколы, на дамъ въ элегантныхъ модныхъ туалетахъ и на ловкихъ и красивыхъ офицеровъ въ мундирахъ съ иголочки, невольно забываешь, что находишься въ туркменскихъ степяхъ, за 500 верстъ отъ Каспія, въ мѣстахъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не видѣвшихъ европейца. Корпоративное чувство заставило насъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что на этомъ асхабадскомъ танцевальномъ вечерѣ жены закаспійскихъ инженеровъ принадлежали къ самымъ хорошеьшимъ изъ танцующихъ дамъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ визитамъ мѣстнымъ властямъ и торговцамъ и закончился обѣдомъ съ дамами въ томъ-же военномъ собраніи, даннымъ въ нашу честь управленіемъ Закаспійской дороги. Очень оживленно, много рѣчей, сначала серьезныхъ, затѣмъ юмористическихъ, а въ антрактахъ прекрасная музыка оркестра желѣзнодорожнаго баталіона....

Вообще Асхабадъ произвелъ на насъ самое хорошее впечатлѣніе, которое не изгладилось и въ дальнѣйшемъ путешествіи посѣщеніемъ гораздо бо-

лѣе красиваго и интереснаго города, Самарканда. Но Туркестанъ болѣе двадцати лѣтъ въ нашемъ владѣніи, а здѣсь, въ Асхабадѣ, не забываешь, что находишься на почвѣ, только-что, такъ сказать, завоеванной, а между тѣмъ какъ много сдѣлано для культуры страны, какъ быстро она колонизована и продолжаетъ колонизоваться. Главная причина, мнѣ кажется, въ томъ, что здѣсь каждый русскій сознаетъ, что на немъ лежитъ извѣстная миссія,—и онъ здѣсь энергичнѣе, дѣятельнѣе, чѣмъ у себя дома. Хотя-бы съ водою и растительностью. Какъ мало дѣлается у насъ въ Европейской Россіи по части ирригаціи и лѣсо-разведенія. А здѣсь вездѣ первымъ дѣломъ копаются кырызы, проводятся арки, укладываются водопроводы, разводятся деревья и кусты. И благодарная почва сторицею вознаграждаетъ эти труды, а кочевые разбойники-текинцы превращаются въ неимовѣрно быстрое время въ мирныхъ поселянъ и огородниковъ. Конечно, тутъ весьма важную, если не первую, роль играетъ и русскій народный характеръ. Немедля послѣ кровавой борьбы—слѣдуетъ самое мирное и добродушное сожителство русскихъ завоевателей съ покоренными туземцами. Съ необходимою въ обращеніи съ полудикими азіатами строгостью и рѣшительностью соединяется справедливость, уваженіе къ мѣстнымъ обычаямъ и правамъ и природное добродушіе. Если къ этому еще прибавить свойство русскаго человѣка быстро осваиваться съ мѣстными условіями, при-норавливаться къ нимъ и устраивать соотвѣтственно свою жизнь, то станетъ понятнымъ, что тогда, какъ, напримѣръ, англичане до сихъ поръ, послѣ столѣтняго владычества, въ Индіи ненавистные для туземцевъ пришельцы—русскіе въ туркменскихъ степяхъ уже теперь живутъ бокъ-о-бокъ съ текинцами и между ними, какъ у себя дома.

Оставляя за собою Асхабадъ съ его новыми кварталами изъ каменныхъ домовъ, населенныхъ европейцами, и болѣе старыми—съ туземными глиняными мазанками, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставляемъ вскорѣ за собою и всю растительность, прорѣзывая до станціи Гяурсъ песчаные языки пустыни, доходящей здѣсь почти до подножія горъ. Опять на каждой почти верстѣ развалины туркменскихъ укрѣпленій. Воды не видать.

Между станціями Артыкъ и Душакъ линія проходитъ по густонаселенному Атекскому оазису. Сначала мѣстность напоминаетъ южно-русскія степи, только нужно добавить живописную цѣпь Копетъ-Дога съ юго-востока; затѣмъ растительность становится богаче, на каждомъ шагѣ деревня, а станція Какха—центръ оазиса—уже потопаетъ въ растительности, снабженная самоточною горною водою. Это ближайшій на всей Закаспійской желѣзной дорогѣ пунктъ къ Персіи; изъ вагоновъ можно различать плосккрышіе дома персидскаго города Лютфабада. Постройки на станціяхъ и по линіи большею частью изъ обожженнаго кирпича, но встрѣчаются и сырцовыя. Эти постройки довольно опасны изъ-за термитовъ. Термиты въ этой мѣстности съ глиняной почвой—настоящій бичъ человѣка. Они, не только, уничтожая дерево, заставляютъ инженеровъ бдительно слѣдить за состояніемъ даже недавно уложенныхъ шпаль, но и разрушаютъ глиняныя

постройки, и въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность особенно опасна тѣмъ, что она скрыта отъ глазъ. Живешь себѣ въ сырцовомъ или деревянномъ домѣ, все обстоитъ благополучно—и вдругъ домъ рушится—термиты источили внутренность стѣнъ! Станція Душакъ, съ небольшимъ кирпичнымъ станціоннымъ зданіемъ и недавно разбитымъ, но уже прекрасно разросшимся паркомъ, самый южный пунктъ дороги, которая здѣсь мѣняетъ свое юго-восточное направление на восточное, направляясь въ Тедженскій оазисъ. Отсюда до границы интереснаго Афганистана очень близко—верстъ двѣсти.... Горы уходятъ все болѣе направо, растительность исчезаетъ, наносные пески, и мы переѣзжаемъ черезъ рѣку Тедженъ по одному изъ немногочисленныхъ на Закаспійской дорогѣ болѣе значительныхъ мостовъ. Во время постройки дороги, въ 1886 году, рѣка Тедженъ, текущая изъ Афганистана, со своими болотистыми берегами представляла серьезное препятствіе для быстрой укладки пути, такъ что пришлось при полномъ разливѣ поспѣшно выстроить полудеревянный, полужелѣзный временный мостъ, а уже три года спустя, построили рядомъ новый мостъ на кессонахъ. Опять безводные пески и пески. Кое-гдѣ кустикъ саксаула. Горы ушли вдаль, покрытыя синеватою дымкою. Не смотря на октябрь, солнце жжетъ порядочно. Человѣческихъ жилищъ не видно. Изрѣдка попадаются караваны—впередъ на яшакѣ текинцевъ, а за нимъ восемь, десять одnogорбыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ товарами. Такъ тянется дорога свыше семидесяти верстъ. Но вотъ мѣстность начинаетъ оживляться, изъ кустарниковъ взлетаютъ группы кургановъ, начинаютъ появляться ручейки, арыки—мы уже въ Мервскомъ оазисѣ и приближаемся къ долинѣ Мургаба, которая беретъ свое начало въ сѣверномъ Афганистанѣ. Появляются кибитки, стада барановъ, арбы съ текинцами. Мервъ!

Сколько таинственной прелести въ этомъ имени! Мы приближаемся къ этой древней азіатской столицѣ, разсказами о великолѣпн и обширности которой наполнены средневѣковыя писанія арабовъ и персовъ. Увы, мы найдемъ однѣ развалины! Но какое своеобразное чувство вами овладѣваетъ, когда вы, несясь на парахъ по Мервской степи въ удобномъ желѣзнодорожномъ вагонѣ, вспоминаете, что еще такъ недавно сюда не могъ проникнуть ни одинъ европеецъ. Безстрашный Вамбери въ шестидесятихъ годахъ обошелъ тщательно Мервъ, а отважный англійскій корреспондентъ О'Донаванъ, забравшійся сюда въ 1881 году, еле-еле изъ Мерва могъ выбраться живымъ. Растительность становится все лучше, попадаютъ воздѣланные поля, деревья, группы всадниковъ. Затѣмъ начинаютъ встрѣчаться деревни, глиняные домики съ плоскими и куполообразными крышами. Поля тщательно обработаны, населеніе довольно густое.... Станція Мервъ. Большой красивый каменный вокзалъ, окруженный зеленью, примыкаетъ непосредственно къ русскому Мерву—городу, существующему лишь пять-шесть лѣтъ и расположенному у лѣваго берега Мургаба;—туземный-же Мервъ тянется по правому берегу. Коляска, вѣсколько хуже асхабадскихъ, но все-таки довольно сносная, свезла насъ въ центръ торговаго города. Прямые улицы, обсаженные деревья-

ми, уже хорошо разросшимися, хорошенькіе одноэтажные кирпичные дома съ плоскою крышею; лавка за лавкою. При этомъ замѣчается обычная на востоѣ группировка ремесленниковъ по цехамъ. Лавка сапожника, такъ за нею идутъ четыре, пять, шесть такихъ-же лавокъ съ сапожниками. Поровнялись со скорнякомъ, — и передъ вами пѣлая линія черныхъ мерлушекъ. Потомъ идутъ ковры—чудные текинскіе ковры. Но и тутъ нужно извѣстное усиліе, чтобы показали вамъ лучшій товаръ. Очень интересны туземныя гостиницы—караванъ-сарай. Большое четырехъ-угольное зданіе, большею частью угловое. По улицѣ помѣщенія подъ лавки. Лавки эти—большія, высокія клѣтки безъ оконъ и дверей. Три стѣны, а вмѣсто передней стѣны—отверстіе, закрываемое на-ночь деревянными ставнями. Такимъ образомъ вы видите все, что дѣлается въ лавкахъ. Но встрѣчаются и со стеклянными дверями—вліяніе Европы. Вмѣсто одной лавки—проходъ во дворъ. Дворъ четырехъ-угольный, мощенный, большею частью съ колодцемъ посерединѣ. Окружаютъ его четыре стороны дома, имѣющаго во дворъ два этажа. Вдоль второго этажа идетъ деревянная, узкая, открытая галлерей, съ которой во дворъ идутъ лѣстницы. Оба этажа состоятъ изъ отдѣльныхъ комнатъ, образующихъ собою номера этой восточной гостиницы. Каждая комната имѣетъ окно и дверь, ведущую во второмъ этажѣ на галлерей, а въ первомъ прямо во дворъ. Мебели никакой. Каждый путешественникъ везетъ ее съ собою въ видѣ сѣдла и двухъ-трехъ ковровъ. На каждой двери номеръ и мѣломъ написанное имя занимающаго его прїѣзжаго. Во дворѣ отдыхаютъ верблюды, яшаки, кормятся изъ торбы лошади, свалены тюки товаровъ.

Осмотрѣвъ недавно заложенный, но многообѣщающій паркъ и почти оконченное зданіе подъ клубъ, мы вернулись на станцію. Только-что прибылъ поѣздъ изъ Бухары и оживленіе большое. Выгружаютъ тюки хлопка, шелка, изъ всѣхъ вагоновъ выходятъ текинцы, бухарцы, персы, афганцы. На нѣкоторыхъ вагонахъ замѣчаемъ надпись: «для мусульманъ». Это вагоны третьего класса, приспособленные къ магометанскимъ нравамъ. Входъ не съ поперечной стѣны, а съ продольной. Въ серединѣ желѣзная печь, а кругомъ низкая деревянная платформа. На нее настилаютъ мусульмане ковры и садятся, скрестивъ ноги по своей привычкѣ. Для женщинъ—отдѣльное помѣщеніе съ такою-же платформою вдоль поперечной стѣны вагона. Мервъ имѣетъ будущность. Отъ него, вѣроятно, пойдетъ не въ очень отдаленномъ времени желѣзная дорога во враждебный намъ теперь Афганистанъ, а предпринятая оросительныя работы увеличатъ его населенность.

Проѣхавъ по временному деревянному мосту черезъ Мургабъ, но замѣтивъ, къ своему успокоенію, что рядомъ уже строится новый мостъ по индійскому фасону на желѣзныхъ колоннахъ, мы движемся среди роскошной растительности и довольно густого населенія. Встрѣчаемъ переѣзды съ барьерами—большая рѣдкость на этой почти полуторатысячной линіи, на которой понадобилось всего двадцать переѣздовъ, охраняемыхъ сторожами. Мѣстность

принимаетъ солончаковый характеръ. Высокій камышъ. По желѣзному мосту переѣзжаемъ черезъ Дохтамышскій каналъ — главный оросительный каналъ на востокъ отъ Мургаба; онъ снабжаетъ живительною влагою все восточное ханство. Передъ крѣпостью Байрамъ-Али мы прорѣзываемъ развалины древняго Мерва. Древній Мервъ—Шахиджанъ въ средніе вѣка славился своимъ богатствомъ и правильно организованною системою орошенія. Теперь, куда глазъ глядитъ,—развалины въ пустынѣ. Все это были мечети, дома, башни, караванъ-сарай, бани, а теперь—это груды глины, ни одного цѣлаго зданія. Только кое-гдѣ сохранился сводъ надъ бывшею банею или изящная заостренная кверху арка съ остатками синей глазури. Вблизи станціи Байрамъ-Али выстроены по проектамъ петербургскаго архитектора профессора Шреттера въ самаркандскомъ вкусѣ великолѣпныя кирпичныя зданія для администраціи государева Мургабскаго имѣнія. Бетонные своды, корридоры въ два свѣта, вентиляціонныя устройства—все, что можно было придумать для ослабленія непріятностей знойнаго лѣта, здѣсь примѣнено. За станціей Байрамъ-Али кончается Мервскій оазисъ, самый населенный и богатый изъ оазисовъ, по которымъ мы проѣхали. Онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе оживится по окончаніи предпринятыхъ на Мургабѣ оросительныхъ работъ.

Опять голая желтая степь. Кое-гдѣ еще видѣнъ арыкъ. На станціяхъ и въ пути вмѣсто кирпичныхъ начинаемъ встрѣчать фахверковыя постройки. Мѣстность становится все болѣе пустынною и неприглядною. Выжженная трава. Воды не видно. Издали пока зываются желтые холмы съ пологими откосами на сѣверъ и сѣверо-востокъ и крутыми къ югу и юго-западу. Это барханы. И вотъ уже нашъ поѣздъ несетъ насъ по самому страшному участку дороги, по участку, на протяженіи болѣе ста семидесяти верстъ прорѣзывающему сыпучіе пески Кара-Кума. Кара-Кумъ—черные пески! Ни живой души, ни травинки. Куда ни глянешь—холмы сыпучаго песку. Этотъ тончайшій песокъ барханъ переносится вѣтромъ съ большою легкостію съ мѣста на мѣсто и часто заноситъ путь. Поѣздамъ приходится иногда останавливаться до расчистки песчаныхъ наносовъ, какъ у насъ зимою въ снѣжныхъ заносахъ. Но это не главная здѣсь опасность для желѣзной дороги, а опасно, когда вѣтеръ выдуваетъ песокъ изъ-подъ шпаль. Не смотря на свою удобоподвижность, песокъ Кара-Кума такъ плотенъ, что вы свободно ходите по барханамъ, еле оставляя слѣдъ отъ ноги. И станціи носятъ здѣсь соотвѣтственныя названія: «Пески», «Барханы».

Какія страшныя усилія строители должны были употребить, чтобы проложить почти двѣсти верстъ рельсоваго пути черезъ эту средне-азіатскую Сахару, по которой прежде приходилось бухарскимъ купцамъ съ большими опасностями и трудностями путешествовать болѣе недѣли!

За станцію Репетекъ мы временно оставляемъ почву отечества и вступаемъ во владѣнія Его Высочества Бухарскаго Эмира, пользующагося покровительствомъ Россіи. Но мѣстность не измѣнилась—все тѣ-же унылыя

барханы, все та-же удручающая картина застывшихъ волнъ безбрежнаго песчанаго моря....

Наконецъ, опять слѣды наносной почвы, появляются кусты саксаула, а затѣмъ и трава; еще дальше—обработанныя поля, деревья, издали показываются плоскія крыши домовъ большаго бухарскаго города Чарджуя,—въ воздухѣ ощущается свѣжесть, блеснула вода—мы приближаемся къ Аму-Дарьѣ.

Аму-Дарья—древній Оксусъ, какъ извѣстно, беретъ свое начало на высотахъ Памира, и по длинѣ своего теченія и обилію водъ изъ европейскихъ рѣкъ съ нею могутъ помѣряться лишь Волга и Дунай. Но это капризнейшая изъ рѣкъ, и, чтобы совладать съ нею, человѣкъ долженъ употребить гигантскія усилія. Когда весною на вершинахъ Памира таютъ снѣга—Аму-Дарья имѣетъ глубину болѣе двадцати футовъ и, разливаясь шириною до четырехъ верстъ, вполне оправдываетъ свое названіе «Рѣка-Море». Затѣмъ къ осени—это быстрая рѣка съ мутно-желтыми волнами, шириною въ главномъ руслѣ болѣе двухъ верстъ, а зимою рѣка совсѣмъ мелѣетъ и замерзаетъ. При этомъ очертаніе береговъ, острововъ, русла и направленіе фарватера въ этой глиноземной рѣкѣ постоянно мѣняются. До береговъ Оксуса дошли съ постройкою дороги къ осени 1886 года. А какъ дальше? Обычные способы переходовъ черезъ рѣки къ этой до невозможности непостоянной и почти неизслѣдованной громадной рѣкѣ примѣнять было очень опасно. Явилась масса разныхъ проектовъ, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ оригинальныхъ. Но проекты проектами, а вѣдь надо идти съ дорогою впередъ на Бухару и Самаркандъ. Рѣшили пока остановиться у Чарджуйскаго берега, переправить помощью парома строительные матеріалы на правый берегъ и оттуда продолжать постройку дороги. На одну переправу всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ черезъ Аму-Дарью по исчисленіямъ требовалось до 300,000 рублей. И вотъ главный инженеръ постройки Рудневъ предложилъ, вмѣсто затраты этихъ денегъ на приобрѣтеніе парома и на перевозку матеріаловъ черезъ рѣку построить на эти-же деньги и для той-же цѣли временный деревянный мостъ. Эта мысль была принята, и такимъ образомъ возникъ этотъ знаменитый Аму-Дарьинскій мостъ, длиною почти двѣ съ половиною версты, къ которому мы теперь приближались.

Поездъ шелъ тихимъ ходомъ съ закрытымъ въ паровозѣ поддуваломъ. Надписи въ вагонахъ предупреждали о запрещеніи курить во время переѣзда черезъ мостъ. Берега совершенно плоскіе, глинистые, вода мутно-желтая, быстрая. Сначала проѣзжаемъ самый широкій рукавъ, шириною болѣе полутора версты, который при постройкѣ моста былъ главнымъ, затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ три рукава разной ширины, раздѣленные другъ отъ друга низменными островами, покрытыми болотными растеніями. Главный рукавъ теперь у праваго берега и цѣлымъ рядомъ полузапрудъ. Инженеры стремятся дать этому рукаву извѣстную правильность. Надзоръ за громаднымъ деревяннымъ мостомъ на полуторѣ тысячахъ свай—самый бдительный. Дѣлаются постоянные промѣры, и чуть замѣчается какая-нибудь промонна, ее засыпаютъ камнемъ; нѣ-

сколько артелей плотниковъ постоянно работаютъ надъ поддержаніемъ частей моста въ исправности; на Чарджуйскомъ берегу устроена пожарная станція съ паровымъ насосомъ. Тѣмъ не менѣ мостъ этотъ слѣдуетъ считать временнымъ и благовременно готовиться къ постройкѣ постоянного моста, для чего, конечно, потребуются два-три года и много денегъ; техническихъ-же препятствій при современномъ состояніи мостовой техники къ постройкѣ такого моста не представляется.

Послѣ ужасныхъ песковъ Кара-Кума видъ Аму-Дарьинскихъ водъ дѣйствуетъ самымъ освѣжающимъ образомъ. Проѣхавъ рѣку, поѣздъ останавливается на станціи Фарабъ. Очень хорошенькое пассажирское зданіе въ арабскомъ вкусѣ, украшенное темно-синю маіоликою. У зданія прекрасный паркъ; красивые жилые дома. На платформѣ масса народу. Только изрѣдка попадаютъ барашковые шапки и темные шерстяные халаты туркменовъ, преобладаютъ-же бѣлыя чалмы и пестрые шелковые халаты бухарцевъ. Вмѣсто строгаго воинственнаго типа кочеваго туркмена — подвижныя, полумонгольскія полусемитическія лица сартовъ-купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Въ толпѣ замѣчаемъ и нѣсколько женщинъ; но ихъ лицъ мы уже не видимъ, онѣ покрыты черною чадрою, сдѣланною изъ волосяной густой ткани. За Фарабомъ опять тянутся версты двадцать пять пески. Довольно хорошо сохранившіяся развалины и высохшіе арыки свидѣтельствуютъ о томъ, что сравнительно недавно здѣсь была вода, а съ нею и жизнь. Нигдѣ человеку природа не проповѣдываетъ на каждомъ шагу такъ осязательно, такъ убѣдительно жизненное для него и для всего живущаго значеніе воды, какъ въ этихъ среднеазиатскихъ степяхъ съ ихъ лёссовою почвою. Нѣтъ воды — пески, барханы, безжизненная пустыня; чуть-гдѣ капля воды — и около нея сейчасъ зелень, деревья, животныя, люди, жизнь и процвѣтаніе!

Но эти пески послѣдніе на нашемъ пути, и за станцію Хаджи-Давлетъ мы въѣзжаемъ въ долину рѣки Заравшана — «раздавателя золота». И это вполнѣ заслуженное названіе. Мы теперь проѣзжаемъ по плодороднѣйшему и наилучше воздѣланному краю, какой себѣ только можно представить. Поля всѣ нивелированы съ однообразнымъ небольшимъ скатомъ, имѣя съ верхней стороны оросительныя канавки. Поле примыкаетъ къ полю крутымъ откоскомъ, футъ или полтора вышиною; издали мѣстность имѣетъ видъ шахматной доски. На поляхъ рисъ чередуется съ сорго, табачныя плантаціи съ хлопчато-бумажными. Хлопокъ низкими, темно-коричневыми кустами съ пробивающимися бѣлыми хлопьями покрываетъ большія пространства. Появляются прекрасныя рощи, затѣмъ деревни — масса глиняныхъ желтыхъ домиковъ съ плоскими крышами, окруженныхъ каштановыми и персиковыми деревьями. Все это изрѣзано оросительными каналами, проведенными отъ Заравшана. По пыльнымъ дорогамъ — большое движеніе. Въ большихъ двухъ-колесныхъ арбахъ цѣлыя семейства съ многочисленнымъ скарбомъ. А вотъ цѣлая группа бухарцевъ верхами на

яшакахъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ терпѣливыхъ созданій сидятъ по два бухарца, или бухарецъ, а за нимъ бухарка, сидящая по-мужски. Все это въ разноцвѣтныхъ халатахъ, высокихъ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми вверхъ остроконечными передками и въ бѣлыхъ чалмахъ, женщины—неизмѣнно въ свѣтло-синей мантии и черной чадрѣ. Встрѣчаются и всадники въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ съ шашками, на красивыхъ текинскихъ или персидскихъ коняхъ, богато взнузданныхъ и покрытыхъ вышитыми шелками чепраками....

Станція Кара-Куль. Вотъ удобный случай приобрести «изъ первыхъ рукъ» нѣсколько знаменитыхъ каракуль на воротникъ и шапку! И дѣйствительно, среди галдящихъ на перронѣ сартовъ двое предлагаютъ купить у нихъ черныя какъ смоль мерлушки. Вы прельщаетесь и, не особенно торгуясь, покупаете, и, если вы не знатокъ сего товара, будете за это наказаны. Во-первыхъ, въ Бухарѣ полагается торговаться, почти какъ на Кавказѣ, то есть предлагать приблизительно четверть затребованной цѣны, а затѣмъ, привезши домой свои каракули, вы, къ ужасу вашему, замѣтите, что они окончательно порыжѣли, а отъ скорняка узнаете, что послѣ надлежащей обработки ваши каракули будутъ имѣть приблизительно половину той цѣны, которую вы за нихъ дали «на мѣстѣ».

Дальнѣйшее путешествіе по странѣ дружественнаго намъ эмира совершается все при той-же цвѣтущей и оживленной обстановкѣ среди густаго населенія. Послѣ нѣсколькихъ часовъ издали на плоской мѣстности показались неопредѣленные очертанія множества разнообразныхъ строеній, башень, куполовъ—это Бухара—главный городъ ханства и столица эмира, удаленный отъ насъ верстахъ въ пяти. Но поѣздъ не останавливается. Что-же это такое? Намъ объясняютъ: когда три года тому назадъ строили дорогу черезъ эту чуждую намъ страну, еще опасались фанатизма толпы и считали болѣе разумнымъ расположить станцію подальше отъ столицы—верстахъ въ двѣнадцати. Въ настоящее время жалѣютъ объ этомъ. Бухарцы сживаются съ каждымъ днемъ все болѣе съ русскими и счумѣли быстро оцѣнить значеніе желѣзной дороги для земледѣлія и торговли своей страны—и проявленія фанатизма не встрѣчаются. Безъ сомнѣнія, существуютъ и среди бухарцевъ, въ особенности стариковъ и уллемъ, недружелюбно глядящіе на неправовѣрныхъ иноземцевъ, но они въ меньшинствѣ.

Станція Бухара! Не правда-ли, странное сочетаніе двухъ словъ, принадлежащихъ одно—реалистическому западу XIX вѣка, другое—сказочному востоку?

На платформѣ масса народу—оживленные лица, жестикуляція руками, пестрые халаты, бѣлыя чалмы. Намъ представляются нѣсколько бухарскихъ чиновниковъ въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ. Эмира въ столицѣ нѣтъ, онъ въ одной изъ своихъ загородныхъ лѣтнихъ резиденцій, такъ что мы не увидимъ Его Высочествова, а чиновникамъ этимъ поручено насъ принять,

показать намъ столицу и пригласить отъ имени эмира на достарханъ. На станціонномъ дворѣ стоялъ длинный рядъ придворныхъ экипажей. Экипажи самого разнообразнаго вида: кареты, коляски, дрожки, англійскія mail-coach. Въ нихъ запряжены очень хорошія лошади четверками пугомъ à la Daumont, такъ что козлы оставались пустыми, и на каждую пару приходилось по одному верховому фореитору въ халатѣ и чалмѣ. У каждого экипажа по одному или по два верховыхъ джигита въ пестрыхъ, красивыхъ халатахъ и богато расшитыхъ разноцвѣтными шелками желтыхъ замшевыхъ широчайшихъ шароварахъ. Мы успѣли въ экипажи, эмирскіе чиновники—на коней. Старшій джигитъ съ нѣсколькими товарищами поскакалъ во главѣ кортежа. Впередъ! Кучера съ гикомъ ударили нагайками по конямъ, и мы повеслись въ карьеръ по бухарскому пыльному шоссе. Группа пестрыхъ джигитовъ на рѣзвыхъ коняхъ впереди, молодецкіе фореиторы съ длинными нагайками на коняхъ, длинный пугъ разнокалиберныхъ экипажей, окруженный пышно одѣтыми и лихо скачущими на богато убранныхъ коняхъ чиновниками и джигитами въ бѣлыхъ чалмахъ, изящно повязанныхъ вокругъ головы—все это мчащееся съ бѣшеною быстротою среди облаковъ тончайшей пыли,—картина чрезвычайно оригинальная и живописная, въ которую наши темные, трезвые путевскіе мундиры вносили только диссонансъ. Да, неслись мы! Нужно было держаться за экипажъ, чтобы не вылетѣть. Намъ, русскимъ, не привыкать къ бѣшеной ѣздѣ, но въ виду не безукоризненнаго шоссе и не полной нашей увѣренности въ исправности осей и колесъ нашихъ экипажей и въ виду страшной пыли—намъ былъ желателенъ болѣе спокойный аллюръ. Но это было бы противно этикету. Чѣмъ шибче, чѣмъ больше пыли,—тѣмъ почетнѣе. Вокругъ загородные дома, огороды такъ и мелькаютъ; проѣзжаемъ мимо высокихъ глиняныхъ стѣнъ, окружающихъ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ эмира. Мы его посѣтимъ на обратномъ пути. Появляются первые домишки предмѣстія столицы—маленькія глиняныя хижинны безъ оконъ, съ плоскими крышами; затѣмъ караванъ-сарай, нѣсколько лавокъ, харчевня. А вотъ и стѣны, окружающія весь городъ, и мы въѣзжаемъ въ городскія ворота, у которыхъ отдаетъ намъ честь стража. Ворота эти на ночь запираются, и тогда ни одинъ бухарецъ не выпускается и не выпускается.

Лишь только мы въѣхали въ городскую улицу, главную, но такую узкую, что разъѣхаться двумъ встрѣчнымъ экипажамъ невозможно, мы помчались съ прежнею быстротою. «Явашъ, явашъ (тише)!» кричимъ мы фореиторамъ, но тщетно. Мирно сидящіе у пороговъ своихъ обителѣй бухарцы поспѣшно вскакиваютъ и бросаются въ дома, попадающіеся на встрѣчу всадники сворачиваютъ въ ближайшій переулокъ, а пѣшеходы пластомъ прижимаются къ домамъ, чтобы насъ пропустить. Впрочемъ, нѣтъ опасности встрѣтить экипажи. Кромѣ эмирскихъ, въ которыхъ мы ѣхали, во всей Бухарѣ, имѣющей свыше 80,000 жителей, нѣтъ экипажей. Движеніе производится пѣшкомъ, верхомъ на коняхъ или яшакахъ, а изрѣдка встрѣчаются и двухколесныя арбы.

Только когда мы въѣхали въ еще болѣе узкую улицу, такую узкую, что крылья болѣе широкихъ изъ нашихъ экипажей почти касались фасадовъ домовъ—мы поѣхали по-тише, что намъ даетъ возможность удобнѣе разсматривать знаменитую среднеазіатскую столицу.

Узкія извилистыя улицы, безъ троттуаровъ и вымощенныя огромными булыгами, съ обѣихъ сторонъ ограждены высокими гладкими глиняными стѣнами. Въ стѣнахъ этихъ только тяжелыя двери или ворота и лишь изрѣдка небольшое окошечко съ рѣшеткою. Это жилые дома—окна ихъ всѣ обращены во внутренній дворъ. Время отъ времени мечеть съ башнею и деревянною колоннадою. Тоненькія колонны выкрашены въ разные цвѣта. Довольно часто лавка съ разною утварью. На улицѣ никакой растительности. У нѣкоторыхъ мечетей—площадь, посерединѣ съ бассейномъ, окруженнымъ тополями и каштанами, подъ которыми лежатъ и сидятъ, скрестивъ ноги, бѣлобородые чалмоносцы. На улицахъ большое движеніе пѣшеходовъ, мужчинъ въ пестрыхъ халатахъ, женщинъ въ черныхъ чадрахъ и свѣтло-синихъ шерстяныхъ плащахъ. Приближаясь къ центральной части города, лавки все учащаются, и наконецъ, вся улица—одинъ базаръ. Лавка примыкаетъ къ лавкѣ, узкая и глубокая;—на улицу одно большое отверстіе, въ которомъ сидитъ продавецъ среди своего товара. На-ночь это отверстіе закрывается ставнями.

Для защиты отъ палящаго солнца поперекъ улицы по жердямъ развѣшаны камышевыя плетенки и паласы, такъ что образуются крытыя галереи. Шумъ и тѣснота все увеличиваются. Воздухъ пропитанъ запахомъ кожи, кунжутнаго масла и Богъ вѣсть еще чего,—во всякомъ случаѣ для европейскаго носа весьма непріятнаго. И опять раздѣленіе по цехамъ, по восточному обычаю. Мы въ ряду мѣдныхъ издѣлій и оружія—лавка за лавкою переполнена самыми разнообразными чашками, кунганами, челимами (кальянъ), оружіемъ издѣлія бухарскаго, кашгарскаго и афганскаго. Попадаютъ прелестныя вещицы какъ по формѣ, такъ и по отдѣлкѣ. Останавливаемся передъ харчевнею. Она вся на улицѣ. На небольшой плиткѣ стоятъ на огнѣ два-три мѣдныхъ, блестящихъ котельца, передъ ними бухарецъ весь въ бѣломъ, съ засученными рукавами, палочкою покупателю накладываетъ на глиняную миску какую-то кашицу. Видъ довольно опрятный, но запахъ непріятный. А вотъ мы среди халатовъ—бѣлые, зеленые и голубые, бѣлые съ цвѣтными полосками, парчевые съ цвѣтами, шелковые гладкіе, какіе душѣ угодно.—Халатъ—эмблема Азіи. По халату узнаютъ здѣсь общественное положеніе человека, его рангъ, халаты подносятъ въ знакъ уваженія высокопоставленнымъ лицамъ, халатами мѣряютъ температуру. «Сегодня холодъ въ пять халатовъ», говорятъ въ Бухарѣ, когда мы въ Европѣ говоримъ «сегодня 10 градусовъ мороза». Дальше идутъ кожаныя издѣлія—мягкіе бухарскіе сапоги съ вышитыми задками и тонкими подошвами; твердые какъ дерево башмаки—въ родѣ нашихъ галошъ, которые одѣваются на улицѣ поверхъ сапоговъ и снимаются передъ входомъ въ комнату.

Идемъ дальше. Какіе-то странные люди, безбородые съ желтыми лицами, какими-то татуированными знаками на лбу, длинными черными волосами, въ маленькихъ шапочкахъ и бѣлыхъ платьяхъ сидятъ на стойкахъ передъ грудами серебряной и мѣдной манеты—это мѣнялы-индусы, изгнанные за ростовщичество изъ Туркестана и пріютившіеся здѣсь въ большомъ числѣ. А тамъ разноцвѣтные, мохнатые бухарскіе ковры. Бухарскіе самые дешевые изъ среднеазиатскихъ ковровъ. Самыми цѣнными считаются текинскіе, затѣмъ идутъ персидскіе, смирненскіе, іомудскіе и другіе; а вотъ и знакомы намъ издѣлія московской мануфактуры. Какъ извѣстно, русскія издѣлія на среднеазиатскихъ рынкахъ почти совершенно вытѣснили другія европейскія издѣлія, и имъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ еще большее поле, въ особенности, если качество ихъ улучшится. У лавокъ толпится много народу, и каждый что-то выкрикиваетъ, что-то продаетъ. Вообще, какъ будто всѣ продаютъ, и неизвѣстно кто собственно покупаетъ. Кое-гдѣ въ толпѣ встрѣчаются невозмутимыя фигуры съ большими палками въ рукахъ—это полицейскіе. Одна изъ главныхъ ихъ обязанностей—слѣдить за тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ ночи ни одинъ бухарецъ не показывался изъ своего жилища, при чемъ, въ случаѣ надобности, авторитетныя ихъ распоряженія подкрѣпляются упомянутыми палками.

Центръ города—регистанъ—главная площадь. На ней стоитъ медресе—духовное училище—большое четырехъ-угольное зданіе съ круглыми башнями по угламъ и величественнымъ среднимъ порталомъ, перекрытымъ свойственнымъ азиатскимъ зданіямъ остроконечнымъ сводомъ.

По фасаду зданіе раздѣлено на два яруса, перекрытыхъ подобными-же сводами только меньшихъ размѣровъ. Въ каждомъ ярусѣ два этажа, такъ что все медресе четырехъ-этажное. Хотя все зданіе и хорошо сохранилось, но большая часть штукатурки обвалилась, а отъ прежней богатой маюлики, украшавшей стѣны, остались только жалкіе остатки. Внутри зданія нѣсколько большихъ дворовъ съ колодцами. Въ медресе не только преподаютъ юношеству грамоту и коранъ, но учителя и ученики тамъ имѣютъ свое жилье въ небольшихъ кельяхъ съ дверью на корридоръ и небольшимъ окошечкомъ надъ дверью. Внутреннее устройство кельи довольно скромное. Потолокъ изъ раскрашенныхъ жердей, положенныхъ поперекъ балокъ, стѣны бѣленныя; въ нихъ нѣсколько нишъ, въ которыхъ стоитъ кой-какая утварь и нѣсколько книгъ. Полъ устланъ камышевою плетенкою и поверхъ ея одинъ или два коврика. Вошедши въ одну изъ келій, я засталъ бухарскаго студіозуса, лѣтъ четырнадцать или пятнадцать съ красивымъ нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, въ полосатомъ зелено-черномъ шелковомъ халатѣ и маленькой цвѣтной шапочкѣ. Онъ сидѣлъ на коврикѣ, скрестивъ ноги, передъ нимъ стояла невысокая скамеечка, и онъ палочкою тщательно выводилъ тушью на четвертушкѣ желтой толстой бумаги красивыя арабскія письма. Привѣтливо кивнувъ головою, онъ продолжалъ писать, потомъ показалъ мнѣ молча свои книги, всѣ писанныя великолѣпнымъ ровнымъ

почеркомъ по пергаменту, и затѣмъ угостилъ меня грушею и виноградомъ, которые взялъ изъ сѣточки, подвѣшенной къ потолку. Я ему, съ своей стороны, предложилъ механическій карандашъ, выскакивающій при надавливаніи сверху, показавъ способъ пользованія имъ. Онъ сначала удивленно смотрѣлъ своими большими темными глазами на эту хитрую штуку, но скоро понялъ ее—и, весело смѣясь, сталъ съ нею возиться....

На регистанѣ-же стоитъ и башня-тюрьма эмира, въ которой одно окошечко имѣетъ специальное значеніе: изъ этого окошечка выбрасываются приговоренные къ смерти большіе преступники, тогда какъ надъ менѣ важными смертная казнь совершается на площади перерѣзаніемъ горла. Послѣдній способъ смертной казни въ послѣднее время, благодаря представленіямъ нашего политическаго агента въ Бухарѣ, сдѣлался рѣдкимъ. По пыльнымъ узкимъ, извилистымъ улицамъ, наполненнымъ народомъ, верблюдами, нагруженными хворостомъ и тюками, яшаками, не встрѣчая ни одного европейца, направляемся мы къ «ельчи-хане»—посольскому дворцу, гдѣ насъ ждетъ угощеніе отъ Его Высочества. Въ Бухарѣ проживаетъ очень немного европейцевъ—комиссіонеровъ и приказчиковъ сахарныхъ и хлопчато-бумажныхъ фирмъ, и жизнь ихъ довольно неприглядна въ этой азіатской столицѣ, лишенной самаго элементарнаго комфорта, къ которому привыкъ даже самый непритязательный европеецъ.

Зной, доходящій лѣтомъ до 50 градусовъ по Реомюру, страшная, разѣдающая глаза мелкая пыль, отсутствіе хорошей воды для питья, отсутствіе всякихъ санитарныхъ мѣропріятій, зловоніе, необходимость кормиться почти исключительно бараниной, при отсутствіи коровьяго масла необходимость готовить їду на бараньемъ салѣ или кунжутномъ маслѣ, отсутствіе извозчиковъ, отсутствіе какихъ-бы то ни было развлеченій, обособленность отъ всего населенія, ни слова не понимающаго по-русски, вотъ условія, при которыхъ долженъ жить въ Бухарѣ европеецъ.

Прежде не было въ Бухарѣ и медицинскій помощи, и заболѣвшему предоставлялось ждать терпѣливо рѣшенія Аллаха, оставаться-ли ему жителемъ сей обители скорби или собраться къ праотцамъ. Теперь-же, благодаря усиліямъ нашего политическаго агентства, имѣется небольшая больница съ врачомъ и женщиною-врачемъ, конечно оба русскіе; и населеніе начинаетъ все больше пользоваться этимъ благотѣльнымъ учрежденіемъ.

Подѣзжаемъ къ ельчи-хане. Большое кирпичное зданіе.—Снаружи голыя непривѣтливныя стѣны, внутри большой дворъ, хорошо вымощенный плитами, съ тѣнистою террасою. Множество большихъ и малыхъ комнатъ. Недавно еще здѣсь жилъ нашъ политическій агентъ Павелъ Михайловичъ Лесаръ, извѣстный изслѣдователь Средней Азіи. Но теперь онъ уже живетъ въ построенномъ недавно для посольства около станціи домѣ,—вокругъ котораго начинается образовываться русская колонія.

Въ одной изъ большихъ залъ былъ накрытъ длинный столъ, весь заставленный разнообразными произведеніями бухарскаго кулинарнаго искусства. Въ уваженіе къ нашимъ европейскимъ привычкамъ у стола стояли стулья и у каждаго прибора лежали ножъ, вилка и кусочекъ полотняной матеріи, долженствовавшей играть роль салфетки. Тутъ были: рыба съ изюмомъ и сладкою наливкою, пловъ изъ рису и баранины, какія-то шарообразныя котлеты изъ рубленнаго мяса съ яйцами, нѣкоторые блюда, составъ которыхъ мнѣ не удалось разобрать,—и все на бараньемъ салѣ. Были и сладости, большею частью рассчитанныя на очень крѣпкіе зубы, и фрукты—отличный виноградъ, гранаты, груши и великолѣпныя чарджуйскія дыни. Не успѣвали мы отвѣдать одного блюда, какъ уже приносили другое, довольно похожее на уносимое, и такъ довольно продолжительное время.

Послѣ достархана мы еще разѣзжали по базарамъ и площадямъ, съ трудомъ двигаясь среди густой толпы, иногда заглядывая и въ переулки, вспугивая тамъ приподнявшую чадру бухарку,—и затѣмъ выѣхали за-городъ для посѣщенія ближайшаго лѣтняго дворца эмира.

Я долженъ признаться, что вздохнулъ свободнѣе, когда выѣхалъ изъ стѣнъ бухарской столицы! Въ ней ощущается съ непривычки нѣчто подавляющее. Впервые вы здѣсь лицомъ къ лицу съ нетронутой Азіей; на каждомъ шагѣ вамъ попадаются то патріархальныя сцены изъ библии Доре, то картины кипучей восточной торговой жизни, но все вамъ кажется, что люди эти живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ при той-же обстановкѣ, при тѣхъ-же почти условіяхъ, что тысячу лѣтъ тому назадъ; вамъ все представляется сначала неправдоподобнымъ, театральнымъ. Прикативъ сюда по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько дней, находясь все время въ обществѣ товарищей, встрѣчая до сихъ поръ вездѣ рядомъ съ болѣе или менѣе древними туземными городами—новые русскіе, рядомъ съ востокомъ—покорившій его западъ,—здѣсь, гдѣ отсутствуетъ все родное вамъ, гдѣ востокъ передъ вами во всей его цѣльности, здѣсь вы должны произвести усиліе надъ собою, чтобы заставить себя сознавать, что это не сонъ и не на сценѣ, что все это вы видите на яву, и что это дѣйствительнѣйшая жизнь, жизнь своеобразная и самобытная...

Лѣтній загородный дворецъ эмира снаружи представляетъ тотъ-же видъ высокихъ желтыхъ стѣнъ безъ оконъ, съ большими въѣздными воротами. У воротъ отдаетъ честь караулъ съ офицеромъ во главѣ. Черныя папахи, темно-зеленые однобортные мундиры, красныя шаровары изъ верблюжьей кожи—чимбары, пашка русскаго образца—и берданка въ рукѣ. На офицерѣ генеральскіе русскіе погоны и звѣзда на груди. Во дворѣ намъ представляется другой офицеръ, высшаго ранга, комендантъ дворца, съ двумя звѣздами на груди и капитанскими погонями на плечахъ. Оказывается, что въ бухарской арміи погоны обязательны, но выборъ ихъ предоставляется каждому офицеру, покупающему ихъ у русскихъ торговцевъ по своему вкусу,—кто генеральскіе,

кто капитанскіе, а кто и докторскіе. Кстати замѣтимъ, что эмиръ содержитъ довольно значительное войско, стоящее ему не мало денегъ.

Къ нѣсколькимъ дворамъ примыкаютъ самыя разнообразныя покои, большіе и малые и большіе пріемныя залы. Стѣны и потолки нѣкоторыхъ комнатъ расписаны въ персидскомъ вкусѣ, другихъ—богато разукрашены лѣпкою съ красивыми сталактитовыми нишами. Есть и комнаты, оклеенныя обоями. Одинъ аудіенцъ-залъ съ галлереею на очень изящныхъ колонкахъ въ персидскомъ вкусѣ, въ другомъ—стѣны выложены кусочками зеркальныхъ стеколъ—бухарское подобіе версальскаго зеркальнаго зала. А одна небольшая комната отдѣлана на подобіе спальнаго вагона I класса, очень понравившагося эмиру въ одной изъ его поѣздокъ по желѣзной дорогѣ.

Мебели почти никакой, но великолѣпныя громадныя ковры—бухарскіе, персидскіе, текинскіе, кавказскіе—въ комнатахъ второстепенныхъ, а въ главныхъ—очень не важныя ковры московскаго издѣлія. Гаремъ помѣщается во второмъ этажѣ и состоитъ изъ небольшихъ комнатъ, довольно изящно отдѣланныхъ.

Тѣмъ-же бѣшеннымъ аллюромъ вернулись мы къ ночи на станцію. Вечеръ провели самымъ пріятнымъ образомъ у нашего политическаго агента, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ инженера путей сообщенія, и нашего коллеги. Павелъ Михайловичъ Лессаръ не только глубокій знатокъ, но и энтузіастъ Средней Азіи. Онъ не понимаетъ, какъ можно жить въ Европѣ, какой тамъ можетъ быть интересъ,—то-ли дѣло здѣсь—всѣ эти интересныя народности, всѣ эти малоизвѣданныя страны, эти сложныя взаимныя между ними отношенія, своеобразность и тонкость восточной политики! Вотъ это интересно, вотъ этимъ стоитъ позаняться! И не смотря на то, что своими путешествіями въ текинскихъ степяхъ Павелъ Михайловичъ значительно разстроилъ свое здоровье, онъ готовъ своимъ изслѣдованіямъ въ Азіи посвятить всю жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ у представителя Россіи здѣсь обширное поле дѣйствій и серьезныя задачи въ отношеніи торговомъ и промышленномъ. Съ одной стороны здѣсь обширнѣйшій рынокъ для сбыта нашихъ произведеній, съ другой вывозъ отсюда хлопка, шелка, шерсти, кожъ—все возрастаетъ.

Долго сидѣли мы за стаканомъ хорошаго самаркандскаго вина, слушая интересные рассказы Павла Михайловича, мастерски и съ тонкимъ юморомъ рисовавшаго передъ нами здѣшній край, его населеніе, законы, обычаи и нравы. И всюду сквозила любовь изслѣдователя къ предмету своего изслѣдованія. Мы-бы еще долго сидѣли и забрасывали разпросы нашего любезнаго хозяина, если-бы не поздняя ночь. Наконецъ, мы распростились, пожелавъ всякаго благополучія нашему коллегѣ, столь успѣшно перешедшаго съ инженернаго поприща на дипломатическое....

Дальнѣйшее путешествіе по Бухарѣ совершалось среди тѣхъ-же деревень и городовъ, окруженныхъ растительностію, среди зеленѣющихъ огородовъ, садовъ, полей и плантацій, орошенныхъ водами Заравшана. На нѣкоторыхъ станціяхъ зданія выстроены изъ мрамора, ломаемаго около станціи Кермене.

Передъ станцію Каты-Курганъ мы покидаемъ Бухарское ханство и вступаемъ въ предѣлы Туркестана. Окружающая мѣстность все та-же, только растительность становится еще богаче, обработка полей еще тщательнѣе. Каты-Курганъ—уѣздный городъ. У самой станціи разстилаются коричневыя съ бѣлыми пятнами хлопчатая плантаціи, а среди нихъ стоитъ группа деревянныхъ и кирпичныхъ зданій,—заводъ для очистки и прессовки хлопка. Разведеніе хлопка принимаетъ въ Туркестанѣ все большіе размѣры, имъ занялись и нѣсколько крупныхъ московскихъ капиталистовъ,—и можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени весь потребляемый въ Россіи хлопокъ будетъ поставляться нашими средне-азиатскими владѣніями, и мы перестанемъ платить ежегодно до сотни милліоновъ рублей за иностранный хлопокъ.

Со станціи видны въ густой зелени дома Каты-Кургана, а шоссеиная дорога кишитъ народомъ—въ арбахъ, на верблюдахъ, пѣшкомъ, на яшакахъ,—и все это спѣшитъ въ городъ. Оказывается, что сегодня базарный день. На станціонномъ дворѣ находимъ нѣсколько русскихъ извозчиковъ, выбираемъ одного—съ лихою пристяжною—и направляемся на базаръ. Разстояніе нѣсколько болѣе версты. Вдоль шоссе высокіе тополи и старые каштаны, дающіе пріятную прохладу. Городокъ имѣетъ вполне благоустроенный видъ,—шоссированныя улицы усажены деревьями, небольшіе домики—особняки окружены садами. Однѣ улицы—съ европейскими домами, штукатуренными,—другія сартскія—съ желтыми плосккрышиными сырцевыми домишками безъ оконъ. Повсюду просторъ, зелень, ничего напоминающаго душливую тѣсноту бухарскихъ городовъ. На базарной площади большое оживленіе. Всюду по землѣ расположились сарты со своимъ товаромъ: огромная капуста, морковь, сельдерей, огурцы, душистыя дыни, персики, орѣхи, великолѣпныя гранаты: въ другомъ мѣстѣ—гончарныя издѣлія грубой выдѣлки, окрашенныя очень оригинально яркими цвѣтами; сапоги, хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани... А среди кучекъ продавцевъ съ ихъ товаромъ движется оживленная, крикливая толпа горожанъ и сельчанъ,—мужчины, въ пестрыхъ халатахъ, опоясанные расшитыми шелками кушаками, въ бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ чалмахъ, женщины—въ неизмѣнныхъ свѣтло-синихъ плащахъ и черныхъ чадрахъ. Иногда въ пылу торгова чадра на мгновеніе приподнимается, блеснутъ большіе черные глаза, покажется на мигъ смуглое личико съ темнокрасными губками,—и опять вмѣсто лица подъ синимъ капюшономъ—эта гадкая черная чадра....

Путь нашъ до Самарканда, около семидесяти верстъ, весь пролегаетъ какъ-бы въ прекраснѣйшемъ саду. Вся эта плодородная мѣстность, орошаемая водами канала Нуръ-Пай, тщательно выровнена для искусственной приращаціи. Благословенный край! Куда ни глянешь—рисовыя и сорговыя поля, плантаціи хлопчатая, табачныя, деревни и отдѣльныя усадьбы среди рощъ и садовъ, на арыкахъ мельницы съ отводными отъ нихъ каналами—заками.

Эти заки, отводящія отработанную воду, не смотря на свой смиренный видъ, иногда для желѣзной дороги довольно опасны; такъ весною вода изъ заки прорвала

здѣсь мельничную плотину и разрушила двухъ-саженную каменную трубу. Временно устроенъ деревянный мостъ, и, наученные этимъ опытомъ, наши закаспійскіе коллеги предполагаютъ здѣсь уже поставить желѣзный мостъ въ цѣлыхъ десять саженъ пролетомъ.

Многочисленные каналы, встрѣчаясь съ желѣзною дорогою, проведены подъ нее сифонами.

Поля становятся рѣже, огороды и сады все чаще, попадаются и виноградники, и издали на ярко-голубомъ небѣ обрисовываются стройныя линіи башенъ и куполовъ древней столицы Тамерлана. Это Самаркандъ—оконечный пунктъ Закаспійской дороги—и нашего азіатскаго путешествія.

Нужно различать два Самарканда, другъ отъ друга совершенно различныхъ и находящихся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи—одинъ русскій, другой—сартскій.

Русскій Самаркандъ—прекрасный европейскій городокъ среди экзотической растительности, нѣсколько напоминающій благоустроенные нѣмецкіе курорты. Широкія улицы, отлично шоссированныя, по бокамъ усаженныя высочайшими тополями и широко-разросшимися каштанами; отличные троттуары. Хорошенькіе одноэтажные домики, окруженные садами, длинныя и тѣнистыя бульвары. Въ великолѣпномъ паркѣ съ большимъ прудомъ играетъ оркестръ военной музыки, гуляетъ публика—дамы, офицеры, штатскіе—точь-въ-точь Киссингенъ или Висбаденъ, только при болѣе богатой флорѣ.

Магазины, въ которыхъ можно найти все, что производятъ Европа и Азія, начиная отъ англійскихъ несессеровъ, парижскихъ рюшекъ, берлинскихъ альбомовъ, вѣнскихъ стульевъ, московскихъ ситцевъ, тульскихъ ножницъ и кончая киргизскою шерстью, китайскимъ чаемъ, индійскимъ шелкомъ. Извозчики также очень хорошіе. Прибавьте ко всему этому хорошій мягкій климатъ и живописныя окрестности,—и станетъ понятнымъ, какое прекрасное впечатлѣніе долженъ былъ произвести на насъ этотъ городъ.

Спускаясь съ европейскаго Самарканда, которому, не смотря на все его благоустройство, не болѣе 25 лѣтъ отъ роду, мы по пыльной дорогѣ направляемся къ древнему азіатскому Самарканду. Центръ этого обширнаго желтаго плоскокрышаго города—Регистанъ. Это обширная площадь, съ трехъ сторонъ ограниченная большими полуразрушенными зданіями медресе—съ грандіозными портиками въ серединѣ и накренившимися башнями по угламъ. Вслѣдствіе этихъ башенъ Регистанъ у русскаго населенія здѣсь называется по-просту «столбы».

На площади кипучая народная жизнь. На землѣ и на низкихъ ларяхъ сидятъ продавцы овощей, фруктовъ и разныхъ кустарныхъ издѣлій, подъ тѣнью большого дерева сидитъ кучка узбековъ за чашкою кофе, покуривая время отъ времени изъ украшеннаго бирюзой челима, передаваемого по очереди изъ рукъ въ руки. Передъ медресе большая толпа народу сидитъ и стоитъ вокругъ какого-то рассказчика. Подходимъ; насъ почтительно пропускаютъ въ

кругъ. Старичекъ въ желтомъ халатѣ, съ тибетейкой на лысой головѣ, съ желтымъ высохшимъ лицомъ и рѣдкою бородкою, на корточкахъ сидитъ передъ книгою и крикливо что-то рассказываетъ, сопровождая свое повѣствованіе оживленною мимикою, прищуриваніемъ и закатываніемъ глазъ и размахиваніями руками. Толпа слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и по подвижнымъ лицамъ сартовъ вы можете заключить о серьезномъ или веселомъ содержаніи рассказовъ. Время отъ времени рассказчикъ останавливается и говоритъ «умэнь» (аминь)—и вся толпа вторитъ ему благоговѣйно—«умэнь». Иногда рассказъ прерывается взрывомъ хохота слушателей.. Рассказчикъ окончилъ, послѣднее умэнь,—и сарты расходятся. Увидѣвъ насъ, старичекъ подошелъ, произвелъ быстрое движеніе пальцами и спросилъ «фокусъ? фокусъ»? Мы приняли его предложеніе. Черезъ минуту онъ вытащилъ откуда-то небольшой ящикъ, поставилъ его на полъ, вынулъ какую-то книжку, нѣсколько шариковъ и бокаловъ, сѣлъ на корточки и сталъ показывать фокусы. Изъ одного шарика дѣлалось нѣсколько, они то исчезали, то появлялись, и тому подобное; все это продѣлывалось довольно ловко. Затѣмъ фокусникъ показалъ намъ книгу; перелистываетъ—все бѣлые листы, снова перелистываетъ—на каждой страницѣ зеленые ослы, опять перелистываетъ—черные верблюды. Насыпавъ самаркандскому Боско въ ладонь горсть мѣстныхъ серебряныхъ монетъ, мы пошли въ медресе. Тотъ-же дворъ, окруженный кельями, расположенными въ нѣсколько этажей, что и въ Бухарѣ, но обширнѣе. Величественные своды, стрѣлчатые арки. По узкимъ каменнымъ лѣстницамъ съ неимоვნно высокими ступеньками можно взобраться на плоскую крышу и оттуда любоваться прекраснымъ видомъ: съ одной стороны новый Самаркандъ—русскій—весь въ зелени, затѣмъ крѣпость на холмѣ; подъ ногами сартскій городъ съ сѣтью узкихъ и нѣсколькими широкими улицами между массами тѣснящихся желтыхъ домиковъ съ плоскими крышами. Тамъ и сямъ развалины мечети, высокая башня, куполь, среди рощи виднѣется кладбище, а вдали зеленѣетъ долина Заравшана.

Вообще сартскій городъ похожъ на Бухару, но выгодно отъ нея отличается болѣе широкими и прямолинейными улицами, лучшимъ ихъ состояніемъ и болѣею опрятностію. Затѣмъ здѣсь не такая скученность построекъ, какъ въ Бухарѣ и больше растительности. Главныя улицы и здѣсь заняты сплошь лавками и жизнь въ нихъ кипитъ какъ въ муравейникѣ. Виѣшность у населенія, конечно, та-же, что у родственнаго ему бухарскаго, только среди туземцевъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются русскіе, въ особенности солдаты, въ темно-красныхъ кожаныхъ чимбарахъ.

Намъ бросились въ глаза какіе-то особенно красивые туземцы, высокіе, стройные, съ правильными чертами и строгимъ выраженіемъ лица, въ цвѣтныхъ чалмахъ, свѣтлыхъ курткахъ съ мѣдными пуговицами и родъ гамашей на ногахъ—это оказались афганцы, почему-то бѣжавшіе отъ Абдуррахмана. Въ одной изъ улицъ мы встрѣтили трехъ странствующихъ дервишей, одного

худого высокаго, и двухъ маленькаго роста и пополнѣе, одѣтыхъ въ конусообразныя цвѣтныя шапки, окаймленные мѣхомъ, и въ халаты, составленные изъ массы самыхъ разнообразныхъ доскутковъ, на подобіе одѣяль, которыя встрѣчаются иногда у нашей прислуги. Они шли медленно гуськомъ, долговязый впереди, и уныло нараспѣвъ повторяли непрерывно какія-то три-четыре слова, приблизительно звучащія какъ: «улль-алла-уллалъ, улль-алла-уллалъ».... Встрѣчая прохожаго или подходя къ лавкѣ, они, не прерывая своего меланхолическаго напѣва, протягивали руки, — и каждый давалъ имъ милостыню: кто серебряную тенгу — двадцать копѣекъ, кто нѣсколько мѣдныхъ кружбовъ—пули, идущихъ три на копѣйку.

По угламъ большихъ улицъ стоятъ полицейскіе — въ чалмахъ, въ длинныхъ кафтанахъ, опоясанные темно-синимъ поясомъ съ оранжевымъ полицейскимъ кантомъ, съ бляхою на груди и длинною палкою въ рукахъ. Значительная часть населенія понимаетъ по-русски и нерѣдко встрѣтитъ сарта, довольно хорошо говорящаго по-русски. Въ лавкахъ тѣ-же товары, что и въ Бухарѣ, но съ большимъ преобладаніемъ московской мануфактуры.

Въ одной изъ болѣе отдаленныхъ улицъ пожилой сартъ съ благодушнымъ лицомъ, сидѣвшій на корточкахъ передъ своимъ домомъ, замѣтивъ любопытство, съ которымъ мы заглядывали въ открытыя двери домовъ, пригласилъ насъ непонятными намъ словами, но вполне понятными жестами, посѣтить его жилище. Наружный видъ этого небольшого домика тотъ-же, что у всѣхъ сартскихъ домовъ—глиняная голая стѣна съ тяжелою входною дверью и небольшимъ рѣшетчатымъ окошечкомъ на самомъ верху. Вошли мы въ дверь и очутились въ конюшнѣ, въ которой около лошади мирно кормились два яшака. Выйдя изъ конюшни, мы вступили въ небольшой мощный дворикъ, огражденный справа стѣною, а слѣва крытою галлереєю, соединяющей двухъ-этажный флигель передъ ними, съ двумя-тремя жилыми комнатами, расположенными надъ конюшнею, которую мы только-что прошли. Стѣны всѣ раскрашены узорами; небольшія окна изъ второго этажа флигеля и надконюшенныя камнаты, а также двери къ помѣщеніямъ нижняго этажа флигеля обращены во дворикъ. Во дворѣ нѣсколько тюковъ какого-то товара и арба. Слѣдуя за нашимъ хозяиномъ по крытой камышемъ галлерей на деревянныхъ рѣзныхъ колонкахъ, очень изящно выкрашенныхъ масляною краскою, мы по узенькой лѣстницѣ поднялись въ комнаты уличнаго корпуса. Онѣ оказались очень небольшими, аршина четыре или пять въ квадратѣ и вышиною немного болѣе человѣческаго роста, на полу ковры—больше ничего,—«гаремъ», сказалъ сартъ. Разъяснилось, что семья его, кромѣ старшаго сына, гдѣ-то въ отъѣздѣ, вѣроятно на дачѣ, и что мы въ женской половинѣ. Окошечко съ рѣшеткой, которое видно съ улицы, оказалось именно изъ одной изъ этихъ комнатокъ—дань любопытству самаркандскихъ дочерей Евы. Комнаты нижняго этажа двораго флигеля оказались просторнѣе и выше. Потолки въ нихъ очень красивые—съ открытыми рѣзными крашенными и лакированными балками, съ

позолотою въ фаскахъ. Стѣны съ лѣпными нишами, самаго разнообразнаго вида. Въ нишахъ разная утварь: кувшины, тазы, челимы, на полу ковры и нѣсколько подушекъ, въ одномъ углѣ большой деревянный кипарисовый сундукъ. Двери рѣзныя, а надъ ними окошечко съ разноцвѣтными стеклами. Въ верхнемъ этажѣ опять небольшія комнаты для женщинъ. Пройдя одну изъ комнатъ, мы вышли на другой дворъ, похожій на первый, но нѣсколько меньшій и лучше вымощенный большими плитами.—И тутъ опять крытая галлерея, но еще болѣе богато-отдѣланная, соединяла флигель, чрезъ который мы прошли, съ подобнымъ-же ему, противоположнымъ въ этомъ второмъ дворѣ. Этотъ второй флигель окончивался постройкою: нѣсколько маляровъ были заняты раскраскою и позолотою потолковъ, стѣнъ, лѣпкою нишъ въ стѣнахъ. По всему видно было, что этотъ корпусъ долженъ будетъ превзойти изяществомъ и богатствомъ осмотрѣнный нами. Работами руководилъ стройный молодой безбородый челоуѣкъ, въ изящномъ халатѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ—старшій сынъ хозяина, собиравшійся обзавестись собственною семьею, и для котораго отдѣлывался флигель...

Въ Самаркандѣ, когда-то центрѣ ислама въ Средней Азiи, очень много мечетей и гробницъ, но большинство изъ нихъ представляются въ болѣе или менѣе разрушенномъ видѣ. Самый знаменитый изъ памятниковъ старины—это гробница Тамерлана, гдѣ подъ высокимъ куполомъ повоится прахъ этого великаго завоевателя XIV вѣка. Мечеть эта замѣчательна какъ по грандіозности своихъ размѣровъ, такъ и по прелести и высокому художеству маюликовыхъ украшеній фасада и отдѣлкѣ сводовъ сталактитами. Къ сожалѣнiю, все это разрушается, и если не будутъ приняты соотвѣтственные мѣры, то не въ очень отдаленномъ будущемъ отъ большинства этихъ цѣнныхъ памятниковъ того Самарканда, который, соперничая съ Пекиномъ, считался величайшею столицею востока, останутся однѣ лишь развалины.

Невольно здѣсь погрузишься думою въ прошлое этого замѣчательнаго города, прославленнаго въ арабскихъ сказкахъ, какъ воплощенiе всего великаго и прекраснаго. Сколько разъ его разоряли, уничтожали до тла,—и сколько разъ онъ опять возрождался къ жизни и славѣ. Впервые его разрушилъ во время своего похода въ Индiю Александръ Македонскiй, городъ тогда назывался Мараканда. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. арабскiй завоеватель Самаръ значительно его отстроилъ, и онъ подъ именемъ Самарканда становится съ X вѣка столицею обширнаго государства. Въ 1220 году несчастный городъ разрушается Чингисханомъ, но Тимуръ его доводитъ до небывалаго процвѣтанiя и въ концѣ XIV вѣка основываетъ въ немъ духовную академiю, служащую центромъ мусульманской науки въ Центральной Азiи....

Хотя Самаркандъ теперь далеко не имѣетъ прежняго значенiя, но все же онъ одинъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ пунктовъ средне-азиатской торговли. А съ продолженiемъ Закаспiйской желѣзной дороги на Ташкентъ и къ

другимъ пунктамъ, вѣроятно, и Самарканду предстоитъ еще періодъ расцвѣта, но, конечно, при другихъ совершенно условіяхъ и въ другомъ видѣ—въ XX вѣкѣ, чѣмъ пять столѣтій тому назадъ....

И немалое удовлетвореніе испытываетъ инженеръ при мысли, что въ пробужденіи когда-то славнаго востока къ новой жизни первенствующую роль суждено играть желѣзной дорогѣ,—болѣе мощному завоевателю, чѣмъ Чингисханъ и Тамерланъ.

А. Абраамсонъ.

CHARMEURS DE SERPENTS.¹⁾

Tétouan, la ville blanche, c'était le printemps, le crépuscule de Mai, la paix des immobiles soirs roses. Sur les terrasses, sur les vieux petits dômes, sur l'ensemble des vieilles petites maisons centenaires, s'étendait la blancheur infinie des chaux; partout s'étendait le mystère de ce même linceuil blanc. De lents promeneurs, vêtus de nuances exquis, passaient en regardant dans leur rêve, et leurs longs yeux noirs, magnifiques, ne semblaient pas voir les choses de la terre. Le couchant éclairait d'or, éclairait rose, et, dans les replis des vieilles maisons presque sans forme et sans âge, les chaux peu à peu bleuissaient comme des neiges à l'ombre. Il y avait des passants jaune d'or, vert pale ou couleur de saumon; des passants bleus et des passants roses; d'autres, qui avaient choisi de plus rares et d'indicibles teintes; tous, majestueux et graves. visage de bronze et regard intensément noir. Çà et là, des touffes de fraîches plantes de printemps, des coquelicots, des résédas, des boutons d'or, éclataient, posés et fleuris au hasard, sur les vieux murs, sur la neige bleuâtre des vieux murs. Mais le blanc mort des chaux dominait tout; il semblait éclairer, et renvoyer de la lumière atténuée vers le profond ciel doré qui en était déjà rempli. Nulle part n'existaient d'ombres dures, ni de contours accusés, ni de couleurs sombres; sur cette blancheur de tout, les êtres vivants, qui se mouvaient avec lenteur, ne faisaient passer que des teintes claires, étrangement claires, fraîches comme dans des visions non terrestres; tout était adouci et fondu dans de la tranquille lumière; il n'y avait de noir que tous ces grands yeux de rêveurs....

¹⁾ Печатаемъ разсказъ, согласно выраженному авторомъ желанію, и въ подлинникъ, и въ русскомъ переводъ. Възъетъ съ тѣмъ авторъ просить, чтобы воспроизведение и переводъ его разсказа были воспрещены.

Ред.

D'un peu loin, on entendait préluder la flûte triste, triste, et le tambourin sourd des charmeurs de serpents. Alors, les lents promeneurs, qui d'abord marchaient sans but dans ce blanc dédale, se dirigeaient peu à peu vers le même point, répondant à l'appel de cette musique.

A un grand carrefour, au faite de la ville, ces charmeurs s'étaient placés. On voyait de là, dans des profondeurs qui bleuissaient, des successions de lignes blanches presque sans contours qui étaient des terrasses, quelque chose comme un éboulement de blocs de neige, qui était Tétouan à demi perdu dans la vapeur du soir de Mai.

Les hommes aux longs vêtements faisaient cercle autour des charmeurs. Et les charmeurs, nus et fauves, chantaient et dansaient en agitant leur chevelure bouclée, dansaient comme leurs serpents, en tordant leur buste souple, d'après leur musique de flûtes. Et tout était beau, depuis le ciel jusqu'au plus humble chamelier aux bras de bronze, qui regardait en rêvant, sans voir.

Et moi, je restais là au milieu d'eux, n'appréciant plus les durées, charmé comme eux, et, par hasard, me reposant un peu, parmi ces immobiles, ignorants des heures qui passent. Et ces tambourins, ces flûtes tristes,—et toute cette Afrique,—exerçaient sur moi leur charme berceur, aussi magiquement qu'autrefois, dans mes plus lointaines années jeunes...

Vraiment, c'est toujours ce pays qui me chante, sur le rythme le plus doux, l'universelle chanson de la mort....

.

Pierre Loti

ОЧАРОВАТЕЛИ ЗМѢЙ.

Въ бѣломъ городѣ Тетуанѣ была весна, наступали майскіе сумерки, царила безмятежная тишина розоватыхъ вечеровъ. На террасахъ плоскихъ кровель, на старыхъ маленькихъ куполахъ, на всемъ маревѣ въковыхъ ветхихъ домишекъ разстилалась безконечная мѣловая бѣлизна, все было окутано таинственностью этого бѣлаго савана. Гуляющіе, въ одеждахъ чудныхъ оттѣнковъ, погруженные въ свои грезы, медленно двигались, и ихъ прекрасные, продолговатые черные глаза, казалось, не замѣчали ничего земного. Закатъ сыпалъ золотомъ, сыпалъ розами, и мало по малу въ складкахъ старыхъ покосившихся домовъ, потерявшихъ счетъ годамъ, мѣлъ принималъ голубоватый оттѣнокъ подобно снѣгу въ тѣни. Тутъ были прохожіе въ золотистыхъ, блѣдно-зеленыхъ или блѣдно-розовыхъ одеждахъ, были въ голубыхъ и розовыхъ, были и такіе, одежда которыхъ отличалась болѣе изысканными и неувловимыми оттѣнками; но все—серьезные и величавые, съ бронзовыми лицами и глубокимъ взглядомъ черныхъ глазъ. Тамъ и сямъ, на старыхъ стѣнахъ, на ихъ голубоватой бѣлизнѣ выдѣлялись группы распустившихся свѣжихъ весеннихъ цвѣтовъ, мака, лютика, резеды, разбросанныя въ безпорядкѣ и какъ бы случайно. Но надъ всемъ царила мертвенная мѣловая бѣлизна. Казалось, она освѣщала все и отражалась своимъ смягченнымъ свѣтомъ въ глубинѣ золотистаго неба, уже залитаго ею. Нигдѣ ни густыхъ тѣней, ни рѣзко очерченныхъ контуровъ, ни темныхъ и мрачныхъ красокъ. А на этой общей бѣлизнѣ отражались сквозными тѣнями, ясно и призрачно, какъ неземныя видѣнья, съ нѣгою двигавшіяся живыя существа. Все смягчалось и расплывалось въ этомъ спокойномъ свѣтѣ, и чертили одни только большіе глаза мечтателей...

Гдѣ-то, не вдалекѣ, раздавались звуки флейты, грустные, заунывные, и имъ вторилъ глухой бубенъ очарователей змѣй. И мало по малу безцѣльно и лѣниво двигавшіеся въ бѣлоснѣжномъ лабиринтѣ прохожіе направлялись въ одному и тому же мѣсту, какъ бы отвѣчая на призывные звуки музыки.

На обширномъ перекресткѣ, въ верхней части города расположились заглянатели. Оттуда видѣлись въ синѣвшей внизу глубинѣ послѣдовательные ряды бѣлыхъ линий, какъ-бы сливавшихся другъ съ другомъ. То были террасы, напоминавшія обвалы

снѣжныхъ глыбъ; то былъ Тетуанъ, полусшедшій въ вечернихъ парахъ африканскаго мая.

Люди въ длинныхъ одеждахъ окружали заклинателей. А сами заклинатели, нагѣ и дигѣ, пѣли и плясали, потрясая массами курчавыхъ волосъ, плясали подъ звуки флейты, извиваясь гибкимъ станомъ, какъ и ихъ змѣи. И все было такъ прекрасно, все, начиная съ неба и кончая послѣднимъ вожаемымъ верблюдовъ съ его бронзовыми руками, съ его мечтательнымъ взоромъ широко раскрытыхъ глазъ, которые глядѣли, ничего не видя вокругъ.

А я.... я оставался среди нихъ, не замѣчая времени, очарованный, какъ и они, отдыхая случайно среди этихъ неподвижныхъ людей, не знающихъ счета протекающихъ часовъ. И эти бубны, и эти грустныя флейты, и вся эта Африка очаровывали меня своею убаюкивающею прелестью и съ такой же магической силой, какъ и нѣкогда, въ дни моей юности.

Да, это именно тотъ край, который всегда напѣваетъ мнѣ, въ нѣжныхъ и кроткихъ сочетаніяхъ, міровую, вѣчную пѣсню смерти. .

Пьеръ Лоти.

Русская доля.

То какъ степь раздольная,
То какъ тропка узкая,
Тянется бездольная,
Събрая жизнь русская!
Все въ насъ только крайности,
Все несовмѣстимыя,
Силою случайности
Въ нашу жизнь вносимыя!
Сила богатырская
Въ слабостяхъ теряется
И подчасъ сибирскою
Долею кончается,
Или монастырскою
Схимою вѣнчается...
Пѣсню-ль мы гульливую
Запоемъ съ охоткою,—
Ужъ печаль тоскливою
Дребезжить въ ней ноткою!
То стенанья слезныя,
Помыслы смиренныя,
То порывы грозныя,
Рѣчи дерзновенныя!
То борьба кипучая,
Бодрость неусыпная,
То при всякомъ случаѣ
Пьянство безпросыпное!
Нѣтъ для насъ завѣтнаго,
Нѣтъ намъ въ жизни цѣннаго,—
Ничего секретнаго,

Ничего священнаго!
Все въ насъ только крайности
Страсти и безстрастія
И—рабамъ случайности,—
Нѣтъ намъ въ жизни счастья!...
Такъ, что степь раздольная,
Иль тропинка узкая,
Тянется бездольная,
Сѣрая жизнь русская!

ф. Черниовецъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕДСКАЗАНИЯХЪ НЕУРОЖАЕВЪ.

Предсказать неурожай—значить въ сильной степени ослабить печальныя или даже страшныя послѣдствія этого общественнаго бѣдствія. такъ какъ никогда неурожай не распространяется повсемѣстно, а всегда и въ неурожайныя годы находятся мѣстности съ обильнымъ урожаемъ, наконецъ, имѣются запасы отъ прежнихъ лѣтъ. Все это даетъ возможность, въ случаѣ ожиданія неурожая, заблаговременно принять мѣры къ устраненію голода, болѣзней и т. п. въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстахъ. Поэтому, думаю, небезынтересно будетъ посмотрѣть, что именно слѣдовало бы сдѣлать для возможности точныхъ предсказаній неурожаевъ.

При данной почвѣ, способѣ ея обработки и т. п. урожай зависитъ отъ того, получить ли культивируемое растеніе въ надлежащее время должное количество теплоты, свѣта и влаги, ибо какъ избытокъ, такъ равно и недостатокъ или несвоевременность дожливыхъ или ясныхъ и жаркихъ дней могутъ погубить урожай хлѣбовъ. Такимъ образомъ вопросъ о предсказаніяхъ неурожаевъ сводится къ двумъ вопросамъ: къ вопросу о влияніи свѣта, теплоты и влаги на растительность и къ вопросу о *заблаговременномъ* предсказаніи погоды. Если оба эти вопроса будутъ достаточно изучены, то, зная заблаговременно предстоящую въ той или другой мѣстности погоду, можно будетъ предсказывать и большую или меньшую урожайность тѣхъ или другихъ хлѣбовъ, конечно, повторяю, при данной почвѣ, обработкѣ ея и т. п.

Я не буду останавливаться на вопросѣ о влияніи свѣта, тепла и влаги на растительность, такъ какъ этимъ вопросомъ занимались и занимаются очень многіе ботаники и агрономы. Въ частности у насъ въ Россіи за послѣднее время на этотъ вопросъ обращается усиленное вниманіе министерствомъ государственныхъ имуществъ, которое, непосредственно и черезъ посредство императорскаго русскаго географическаго общества, собираетъ весьма обширныя и цѣнныя матеріалы для изученія деталей этого вопроса. Я обращаюсь прямо къ вопросу о *заблаговременномъ* предсказаніи погоды.

Какъ именно въ настоящее время предсказывается ожидаемая погода—читатели могутъ узнать изъ статьи проф. Броунова, печатаемой въ этомъ-же «Сборникѣ». Я съ своей стороны добавлю только, что при надлежащемъ состояніи и направленіи метеорологическихъ изслѣдованій, такія болѣе или менѣе удовлетворительно сбывающіяся, предсказанія погоды можно дѣлать, вообще говоря, лишь на одинъ сутки впередъ, иногда—на двое и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—на трое сутокъ впередъ. Они

могут иногда оказать большія услуги сельскимъ хозяевамъ въ смыслъ своевременности и цѣлесообразности распоряженія работами, тѣмъ не менѣе очевидно, что они не имѣютъ никакого значенія для предсказаній урожайности. Для этого необходимы предсказанія, хотя и менѣе подробныя, но рассчитанныя на гораздо большее время впередъ.

Весьма возможно и даже вѣроятно, что дальнѣйшее изученіе вопросовъ о возникновеніи и движеніи циклоновъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ позволитъ нѣсколько удлинить срокъ, на который дѣйствительны предсказанія погоды, какъ то указано въ вышеупомянутой статьѣ проф. Броунова; однако я не думаю, чтобы при теперешнемъ направленіи метеорологіи возможно было далеко уйти впередъ въ этомъ отношеніи, и вотъ почему.

Предсказанія нынѣ составляются на основаніи только того, что намъ извѣстно о состояніи нижняго слоя земной атмосферы, какъ бы игнорируя все то, что дѣлается въ верхнихъ слояхъ. Дѣйствительно, на метеорологическихъ картахъ наносится температура и влажность воздуха, направленіе и сила вѣтра. Все это относится исключительно къ явленіямъ въ нижнемъ слое атмосферы. На упругости воздуха, показываемой высотой барометра, хотя и отражаются явленія, происходящія въ высшихъ слояхъ атмосферы, но это отраженіе зачастую совершенно маскируется побочными обстоятельствами: болѣею или меньшею быстротою убыванія упругости, температуры и влажности воздуха при удаленіи отъ земной поверхности, восходящими или нисходящими теченіями въ атмосферѣ и т. п., такъ что обыкновенно на высотѣ нѣсколькихъ километровъ надъ землею упругость воздуха распределяется совершенно иначе, чѣмъ на земной поверхности. Облачность тоже не даетъ намъ сколько нибудь яснаго понятія о состояніи верхней части земной атмосферы, такъ какъ въ наблюденіяхъ, обыкновенно, указывается только количество облаковъ. Хотя и начаты измѣренія высоты и наблюденія надъ направленіемъ и скоростію движенія облаковъ, но таковыхъ крайне мало, да и они не освѣтятъ намъ даже хотя бы движеній во всей толщѣ атмосферы, такъ какъ оказалось, что наиболѣе высокія, перистыя, облака плаваютъ обыкновенно на высотѣ 6—8 километровъ и лишь весьма рѣдко превосходятъ высоту 10 километровъ; между тѣмъ толщина земной атмосферы принимается обыкновенно не менѣе 80 километровъ и, вѣроятно, достигаетъ 120 или болѣе километровъ.

Сознавая необходимость изученія явленій въ верхнихъ слояхъ земной атмосферы, метеорологи за послѣднія 15—20 лѣтъ обращаютъ особое вниманіе на устройство обсерваторій на высокихъ, по возможности изолированныхъ, горахъ. Это, хотя и помогаетъ, но не особенно, такъ какъ подобныхъ горныхъ обсерваторій очень не много, да и не вездѣ ихъ можно устроить, какъ напр., у насъ въ Европейской Россіи. Съ другой стороны, наивысшая горная обсерваторія (Пайкс-Пикъ въ Сѣв. Америкѣ) не возвышается болѣе какъ на 4308 метровъ надъ уровнемъ моря, такъ что надъ нею лежитъ еще громадная масса воздуха, упругостью въ 451 миллиметръ ртутнаго столба *).

*) Упругость воздуха на поверхности океана въ среднемъ около 762 миллиметровъ ртутнаго столба, такъ что надъ обсерваторію Пайкс-Пикъ остается еще около $\frac{2}{3}$ атмосферы, считая по вѣсу ея, и до $\frac{19}{20}$, считая по длинѣ.

Хотя при помощи воздушных полетов и удавалось подниматься нѣсколько выше, но таковыя слишкомъ рѣдки для того, чтобы изъ наблюдений во время ихъ можно было получать сколько нибудь обширныя данныя для предсказаній погоды.

Изъ сказаннаго видно, что предсказанія погоды основываются почти исключительно на данныхъ относительно состоянія одного лишь непосредственно къ землѣ прилегающаго слоя воздуха. А такъ какъ явленія въ верхнихъ слояхъ земной атмосферы не могутъ не отражаться, хотя-бы черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, и на нижнихъ слояхъ воздуха, то очевидно, что такимъ образомъ предсказывать погоду на продолжительные сроки нельзя. Является настоятельная необходимость—изучать возможно тщательнѣе явленія, происходящія въ верхнихъ слояхъ атмосферы, и именно въ тѣхъ слояхъ, до которыхъ мы нынѣ не можемъ достигать, ни восходя на высочайшія горы, ни поднимаясь на аэростатахъ, не упуская однако возможно большаго распространія наблюдений на воздушныхъ шарахъ и высокихъ горахъ.

Другой, весьма важный пробѣлъ современной метеорологіи, заключается въ томъ, что наблюдаются и изучаются исключительно явленія производныя, а не основныя. Дѣйствительно, метеорологи изучаютъ, напр., весьма обстоятельно температуру воздуха, почвы и т. п. и не занимаются вопросами о той теплотѣ, которая нагреваетъ воздухъ и почву. Очевидно, эта теплота есть не что иное, какъ теплота, достигающая въ видѣ лучей отъ солнца до земли или, короче, солнечная лучистая теплота.

Уже древніе народы, на первыхъ ступеняхъ культуры, инстинктивно сознавали, что вся жизнь на земномъ шарѣ обуславливается дѣйствіемъ солнца, почему и обоготворяли это свѣтило. Къ сожалѣнію, мы какъ бы позабыли это, и точныхъ наблюдений надъ солнечными лучами—очень мало. Говорятъ, что будто бы методы изслѣдованія солнечныхъ лучей еще не достаточно надежны; но покуда это еще не доказано, да и несомнѣнно, что методы наблюдений усовершенствуются только тогда, когда расширяется кругъ лицъ, занимающихся этими наблюденіями.

Чтобы еще болѣе подчеркнуть настоятельную необходимость изслѣдованій солнечныхъ лучей, укажу на слѣдующее.

Солнечный дискъ весьма рѣдко имѣетъ совершенно однообразный блескъ: по большей же части, разсматривая солнце въ зрительную трубу средней силы (а иногда и простымъ глазомъ), можно видѣть на солнцѣ одно или нѣсколько пятенъ. Хотя наши познанія относительно строенія солнца и тѣхъ процессовъ, которыми солнце поддерживается въ постоянно раскаленномъ состояніи, пока еще крайне ограничены, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что сказанныя пятна, а равно и появляющіяся на солнечномъ дискѣ необычайно свѣтлыя точки—факелы—суть не что иное, какъ продукты дѣйствія тѣхъ переворотовъ, которые происходятъ въ массѣ солнца и при посредствѣ которыхъ теплота, содержащаяся массою солнца, выдѣляется изъ болѣе глубокихъ его слоевъ къ поверхности, откуда она уже и можетъ излучаться въ междупланетное пространство, попадая, между прочимъ, и на нашу землю.

Если же это такъ, то очевидно, что появленіе или исчезновеніе на солнечномъ дискѣ пятенъ и факеловъ не должно проходить безсгдѣно для земли. Наблюденія, дѣйствительно, подтверждаютъ это. По мѣрѣ возрастанія на солнцѣ количества пятенъ,—и

на землѣ учащаются и усиливаются грозы, бури, ливни. Наконецъ, новѣйшія наблюденія показываютъ, что дѣятельность на солнцѣ, выражающаяся образованіемъ пятенъ или большихъ изверженій (факеловъ или протуберансовъ), можетъ отражаться на земныхъ явленіяхъ не только въ среднихъ цифрахъ (какъ только-что сказано), но и прямо и немедленно, такъ что уже наблюдались на землѣ электро-магнитныя возмущенія, начало и конецъ коихъ въ точности совпадали съ измѣненіями дѣятельности на солнцѣ.

Отсюда очевидна настоящая необходимость непосредственнаго изученія солнечныхъ лучей, такъ какъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ явленій на солнцѣ можетъ и должна болѣе или менѣе мѣняться погода на землѣ. Слѣдовательно, нельзя предсказывать надежно и надолго впередъ погоду, не слѣдя за солнцемъ и не изучивъ непосредственнаго вліянія солнечныхъ лучей на состояніе нашей атмосферы.

Слѣдуетъ добавить, что въ появленіи пятенъ на солнцѣ замѣчена нѣкоторая періодичность а именно—количество пятенъ на солнцѣ правильно то убываетъ, то увеличивается, такъ что приблизительно каждыя одиннадцать лѣтъ мы видимъ солнце съ наибольшимъ и съ наименьшимъ количествомъ пятенъ. Въ 1883 году былъ максимумъ, въ 1888—9 годахъ—минимумъ солнечныхъ пятенъ, а на будущій 1893 годъ ожидается новый, при томъ весьма значительный, максимумъ дѣятельности на солнцѣ. Какъ выше уже было упомянуто, съ увеличеніемъ количества солнечныхъ пятенъ увеличивается и на землѣ количество грозъ и ливней; а такъ какъ запасъ влаги въ атмосферѣ не безконеченъ, то если въ однихъ мѣстахъ пройдутъ сильныя грозы съ ливнями, то на эти ливни израсходуется очень много влаги изъ атмосферы, и въ общемъ атмосфера сдѣлается нѣсколько менѣе влажною, чѣмъ обыкновенно; это же обстоятельство должно отразиться уменьшеніемъ количества осадковъ въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ и выходитъ, что въ тѣ годы, когда дѣятельность на солнцѣ быстро усиливается, мы должны ожидать неправильнаго, неравномѣрнаго распредѣленія дождей на земной поверхности, что, несомнѣнно, должно отразиться и на урожайности: мѣстами хлѣба пропадутъ отъ засухи, мѣстами—отъ ливней и градобитій; въ общемъ—мѣстами должны быть неурожаи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ объ урожаяхъ на всемъ земномъ шарѣ, и потому точныя сопоставленія сдѣланы быть не могутъ. Въ частности у насъ въ Россіи всѣ послѣдніе крупныя неурожаи (1839—40, 1845—46, 1868—9 и 1879—80 и нынѣшній)—всѣ случились въ періоды усиленной дѣятельности на солнцѣ (первый—въ періодъ очень большого количества пятенъ, всѣ остальные—при быстромъ возрастаніи этого количества). Такимъ образомъ и оказывается, что за послѣднее пятидесятилѣтіе только одинъ максимумъ солнечныхъ пятенъ (въ 1860 году) прошелъ безъ крупнаго неурожая въ Россіи. Гершель нашелъ, что въ настоящемъ столѣтіи въ періоды максимума солнечныхъ пятенъ цѣны на пшеницу стоятъ выше среднихъ, въ эпоху минимума—ниже среднихъ; слѣдовательно, урожайность, въ общемъ, понижается въ эпохѣ максимума солнечныхъ пятенъ. Само собою понятно, что дальнѣйшее изученіе вліянія солнечныхъ лучей на нашу атмосферу сильно подвинуло бы впередъ наши знанія и, весьма вѣроятно, позволило бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ пред-

видѣть не только общее повышеніе цѣнъ, но и детали вопроса: мѣстности, гдѣ ожидать недорода хлѣбовъ и т. п.

Сказаннаго, думаю, достаточно для того, чтобы считать доказанною мою основную мысль: *для возможности достаточно заблаговременно и надежно предсказывать погоду, а следовательно и урожаи, необходимо организовать изслѣдованія солнечныхъ лучей и всей толщи земной атмосферы.*

По счастію, поставленные такимъ образомъ два вопроса сливаются въ одинъ. Дѣйствительно, наблюдая тѣ измѣненія, которыя претерпѣваетъ тепловой или свѣтовой лучъ при прохожденіи земной атмосферы, мы тѣмъ самымъ определяемъ и свойство той среды, которая произвела въ лучѣ таковыя измѣненія. слѣдовательно, изучаемъ состояніе всей толщи атмосферы. Поясню это примѣромъ.

Если въ совершенно ясный день мы будемъ измѣрять тепловое напряженіе солнечныхъ лучей *) въ разные часы дня, то замѣтимъ, что напряженіе это возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ солнце поднимается надъ горизонтомъ. Съ другой стороны, чѣмъ выше солнце, тѣмъ лучи его ближе къ отвѣсной линіи, проведенной въ точкѣ наблюденія, и, слѣдовательно, тѣмъ короче путь этихъ лучей въ предѣлахъ земной атмосферы. Вычисленія показываютъ, что когда солнце садится или восходитъ, то его лучи проходятъ въ атмосферѣ путь, приблизительно въ 35 разъ болѣе длинный, чѣмъ тогда, когда солнце стояло бы непосредственно надъ головою наблюдателя, т. е. въ зенитѣ. Ясно, что если мы будемъ звать, какое напряженіе имѣли лучи, пройдя въ атмосферѣ путь той или другой длины, — мы получимъ возможность связать нѣкоторую формулою или уравненіемъ съ одной стороны длину пути луча, а съ другой — тепловое его напряженіе. Изслѣдуя эту формулу и предполагая, что путь луча все уменьшается и уменьшается, мы, наконецъ, дойдемъ до того, что опредѣлимъ тепловое напряженіе солнечнаго луча для длины луча, равной нулю, т. е. то напряженіе, которое имѣютъ солнечные лучи до вступленія ихъ въ нашу атмосферу. Это такъ называемая солнечная постоянная. Сдѣлавъ подобные расчеты, мы можемъ вычислить и степень теплопрозрачности воздуха. Сравнивая эту теплопрозрачность для зимнихъ, холодныхъ дней (когда въ воздухѣ очень немного водяныхъ паровъ) и для жаркихъ (когда влажность высока), найдемъ то добавочное поглощеніе, которое производится увеличеніемъ содержанія водяныхъ паровъ. А такъ какъ надъ поглощеніемъ лучистой теплоты водянымъ паромъ могутъ быть произведены лабораторные опыты, то такимъ путемъ мы можемъ опредѣлить общее количество водянаго пара во всей толщѣ земной атмосферы.

Считаю уместнымъ добавить слѣдующее.

Какъ показываютъ мои личныя наблюденія (о чемъ будетъ сказано ниже), только около 15% солнечной теплоты, получаемой на верхнемъ предѣлѣ нашей атмосферы,

*) Такъ называется то количество градусовъ, на которое нагрѣлся бы въ 1 минуту слой воды, толщиною въ 1 сантиметръ, если бы можно было поверхность этой воды поставить перпендикулярно къ солнечному лучу и предохранить эту воду отъ потери теплоты.

достигаютъ до земной поверхности; все остальное количество расходуется въ воздухѣ, растворенномъ въ немъ водяномъ парѣ, облакахъ и туманахъ. Часть этой потери идетъ на собственно нагреваніе воздуха, который, въ свою очередь, защищаетъ отъ охлажденія тѣ части земного шара, которыя въ данное время не получаютъ солнечныхъ лучей. Но значительная часть солнечной лучистой теплоты превращается въ предѣлахъ нашей атмосферы въ работу, производя различныя воздушныя теченія и т. п.

Подобно тому какъ люди научились цѣлесообразно проектировать и строить паровыя машины только тогда, когда познали: гдѣ, когда, сколько и на что именно расходуется теплоты отъ того момента, когда теплота эта выдѣлилась при горѣніи топлива подъ паровымъ котломъ, до того момента, когда часть этой теплоты уже превратилась въ работы (полезныя и вредныя, напр. треніе и т. п.), а часть улетѣла съ дымомъ и отработавшимъ паромъ въ трубу,—такъ точно и въ метеорологіи: мы тогда только вполне уяснимъ себѣ всѣ происходящіе въ земной атмосферѣ процессы, когда узнаемъ всѣ подробности расходованія солнечной лучистой теплоты въ предѣлахъ нашей атмосферы. Такимъ образомъ и выходитъ, что *ученіе о солнечной лучистой теплотѣ и ея расходѣ* въ предѣлахъ земной атмосферы должно въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ *сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ метеорологіи.*

Если добавить, что всякій свѣтовой лучъ несетъ непременно и нѣкоторое количество теплоты, но не наоборотъ (т. е. что есть тепловые лучи темные, не свѣтящіе), то это еще болѣе подтвердитъ, что на первый планъ должно выступить изученіе именно тепловыхъ солнечныхъ лучей. *

Вопросами, соприкасающимися съ солнечною теплотою, занимались и занимаются лишь очень немногіе ученые. Въ частности у насъ въ Россіи до 1887 г. никто подобными вопросами сколько нибудь серіозно не интересовался. Лишь съ этого времени въ нѣсколькихъ мѣстахъ Россіи начались, въ значительной степени по моей инициативѣ, болѣе или менѣе приблизительныя наблюденія надъ теплотою солнечныхъ лучей. Нѣсколько полнѣе наблюденія производятся только въ Кіевѣ мною и въ Москвѣ въ Петровской Земледѣлческой Академіи. Къ сожалѣнію, въ Петровской Академіи употребляется такой типъ инструмента, при которомъ нельзя отдѣлить теплоты, непосредственно посылаемой къ намъ солнцемъ, отъ той теплоты, которая достигаетъ до насъ отъ всего небеснаго свода (отраженная и преломленная въ облакахъ); такъ что, давая очень важныя указанія для практическихъ цѣлей (количество теплоты, получаемой растительностію и т. п.), онъ даетъ очень мало для теоретическихъ изслѣдованій о солнечной теплотѣ и теплопрозрачности воздуха; поэтому я останавлиюсь здѣсь только на своихъ личныхъ наблюденіяхъ.

Только къ лѣту 1890 г. удалось мнѣ пріобрѣсти, установить и пустить въ ходъ актинографъ, т. е. такой инструментъ, который автоматически и непрерывно записываетъ тепловое напряженіе солнечныхъ лучей. До тѣхъ же поръ я, лишь въ свободное отъ службы время, урывками, дѣлалъ кое-какія отдѣльныя измѣренія солнечной лучистой теплоты. Тѣмъ не менѣе уже по поводу перваго моего годоваго (за 1888 г.) отчета, Крова (профессоръ физики въ Монпелье, много работающій надъ солнечными лучами) заявилъ, что даже подобныя, а тѣмъ болѣе при помощи самопишущихъ прибо-

ровъ, актинометрическія наблюденія въ Россіи могутъ быстро привести къ весьма важнымъ и интереснымъ выводамъ. благодаря континентальному, сухому климату нашей родины. При этомъ проф. Крова указывалъ, что въ Россіи возможны въ ясные зимніе дни такія изслѣдованія надъ солнечною постоянной и теплопрозрачностію воздуха, для которыхъ въ западной Европѣ пришлось бы забираться на весьма высокія горы, до того у насъ зимою воздухъ чистъ и теплопрозраченъ. Дальнѣйшее вполне подтвердило справедливость такого вывода.

Дѣйствительно, изъ записей актинографа только за полтора года оказалось, что солнечная постоянная (т. е. тепловое напряженіе солнечныхъ лучей до вступленія ихъ въ нашу атмосферу) равняется 3,5 единицамъ теплоты; далѣе выяснилось, что если бы солнце стояло въ зенитѣ и воздухъ былъ свободенъ отъ водяныхъ паровъ и пыли, то до земной поверхности достигло бы 65% теплоты, получаемой на верхнемъ предѣлѣ нашей атмосферы. Эта степень теплопрозрачности воздуха оказалась вполне тождественною съ опредѣленіями Лангеля, сдѣланными имъ при помощи совершенно особеннаго, имъ же изобрѣтеннаго, довольно сложнаго инструмента, названнаго болометромъ. Изъ тѣхъ же весьма продолжительныхъ болометрическихъ наблюденій, произведенныхъ сперва въ Алеганской обсерваторіи, а затѣмъ во время спеціальной для сего экспедиціи на гору Witnau (11,625 футъ надъ уровнемъ моря), Ланглей пришелъ къ предположенію, что солнечная постоянная не болѣе 3,5 единицъ теплоты, не опредѣляя однако истинной величины этой постоянной. Такое совпаденіе результатовъ моихъ актинометрическихъ наблюденій съ выводами Лангеля, точность которыхъ до сихъ поръ никѣмъ даже не заподозривалась, приводитъ, думаю, къ заключенію, что актинометрическія наблюденія, надлежащимъ образомъ обставленныя, даютъ выводы, по меньшей мѣрѣ, не столь ненадежныя, какими ихъ иногда представляютъ люди, сами актинометрію не занимавшіеся. Съ другой стороны, это же обстоятельство позволяетъ питать надежду, что въ нѣсколько лѣтъ такихъ наблюденій удастся узнать: есть ли солнечная постоянная—величина дѣйствительно постоянная, или же она измѣняется съ измѣненіемъ дѣятельности на поверхности солнца.

Я не стану перечислять всѣхъ выводовъ, которые можно уже сдѣлать изъ моихъ полутора-годовыхъ наблюденій и которые имѣютъ, пока, преимущественно теоретическое значеніе *). Остановлюсь только на болѣе наглядныхъ фактахъ.

Оказалось, что даже въ наиболѣе ясные дни лѣтомъ до земной поверхности у насъ достигаетъ лишь 40% той теплоты, которая получается верхнимъ предѣломъ земной атмосферы, зимою—только 25%, и въ среднемъ за годъ около 31%, такъ что воздухъ и растворенный въ немъ водяной паръ поглощаютъ до 69% всей получаемой землею теплоты. Облака въ свою очередь поглощаютъ не мало теплоты, такъ что въ общемъ до земной поверхности достигаетъ непосредственно только около 12% теплоты, получаемой верхнимъ предѣломъ атмосферы, да еще около 3—4% этой теплоты достигаетъ къ намъ не прямо отъ солнца, а въ видѣ теплоты, отраженной или

*) Ежегодно краткіе обзоры выводовъ докладываются Парижской Академіи и печатаются въ ея Comptes Rendus.

преломленной въ облакахъ *). Такой громадный расходъ солнечной лучистой теплоты въ предѣлахъ нашей атмосферы еще разъ подтверждаетъ невозможность ограничиваться изученіемъ движеній и тепловыхъ явленій въ одномъ только нижнемъ, соприкасающемся съ землею, слое атмосферы; съ другой стороны, такимъ образомъ получилась уже нѣкоторая схема расхода солнечной теплоты.

Указывая на плодотворность работъ по актинометріи, я вовсе не хочу этимъ сказать, что моею работою исчерпывается вопросъ. Наоборотъ—я дѣлаю только то, на что хватаетъ моихъ ограниченныхъ средствъ и досуга, и я первый признаю, что дѣлая масса частныхъ вопросовъ изъ той же области оставляется мною почти не затронутыми. Приведу нѣкоторые вопросы, ожидающіе изслѣдователей.

Выше указано, что количество теплоты, отражаемой къ намъ облаками, опредѣляется, пока, лишь очень не точно. Желательно было бы установить соотвѣтственные приборы для болѣе точнаго изученія этого вопроса, и надлежащимъ образомъ обрабатывать показанія этихъ приборовъ.

Въ высшей степени было бы интересно сопоставлять записи моего актинографа съ наблюденіями надъ погодою, не ограничиваясь, какъ я это вынужденъ дѣлать до сихъ поръ, публикаціею только среднихъ выводовъ изъ сказанныхъ записей; работа эта потребовала бы не мало труда.

Не безынтересно было бы также предпринять въ ясные дни хотя нѣсколько воздушныхъ полетовъ изъ Кіева, для наблюденій распредѣленія влажности по мѣрѣ поднятія въ атмосферѣ. Весьма вѣроятно, что удалось бы получить очень интересные выводы изъ сопоставленія этихъ наблюденій съ расходомъ солнечной теплоты въ воздухѣ и водяномъ парѣ.

И въ интересахъ физической географіи, и въ интересахъ агрономіи и ботаники было бы чрезвычайно важно узнать: сколько изъ теплоты, достигающей до земли, дѣйствительно поглощается почвою и растительностію, и сколько и при какихъ условіяхъ отражается обратно въ атмосферу, а можетъ быть и въ междупланетное пространство.

Въ той же степени интересно и важно изучить вопросъ о ночномъ обмѣнѣ теплоты: сколько и при какихъ условіяхъ земля излучаетъ теплоты по ночамъ въ небесное пространство.

Много и еще можно было бы поставить весьма важныхъ вопросовъ, но думаю, что и перечисленныхъ достаточно для того, чтобы видѣть, сколько еще нужно сдѣлать, чтобы надлежащимъ образомъ дополнить мои посильные труды и завести дѣйствительную прихода-расходную книгу солнечной теплоты. А такъ какъ ни одно правильное хозяйство не можетъ вестись безъ учета прихода и расхода, то и въ данномъ случаѣ необходимы жертвы и деньгами, и трудомъ, кто чѣмъ можетъ, для того, чтобы создать подобную прихода-расходную книгу солнечной теплоты, создать на пользу об-

*) Последняя цифра выведена изъ далеко не вполне точныхъ сопоставленій моихъ наблюденій съ нѣкоторыми специальными наблюденіями Кіевского Университета и потому должна считаться лишь приблизительной.

щую. всего земледѣльческаго населенія. Не сомнѣваюсь, что разъ справедливость вышесказаннаго будетъ признана, найдутся люди, готовые пожертвовать или средствами, или временемъ на столь общепользное дѣло.

Разъ въ Кіевѣ уже сдѣлано кое-что по изслѣдованію солнечныхъ лучей и всей толщи атмосферы, вполне естественнымъ является пожеланіе, чтобы и дальнѣйшее расширеніе таковыхъ изслѣдованій сосредоточивалось бы. хотя на первое время. въ Кіевѣ же. тѣмъ болѣе, что, какъ выше было уже указано, Кіевъ, по своему мѣстоположенію и климату, вполне подходитъ для работъ въ этомъ направленіи.

Резюмирую вкратцѣ все выше сказанное.

1) При современномъ состояніи ученія о погодѣ имѣется возможность предсказывать погоду на одинъ, иногда на два дня впередъ, что не можетъ имѣть никакого значенія для предсказаній ожидаемыхъ урожаевъ.

2) Для того, чтобы улучшить дѣло предсказаній погоды и сдѣлать возможнымъ предсказанія будущихъ урожаевъ, необходимо организовать наблюденія надъ всею толщею земной атмосферы (а не надъ однимъ только нижнимъ слоемъ, какъ это дѣлается теперь) и надъ солнечными лучами.

3) Изъ вышеназванныхъ наблюденій наибольшую важность имѣютъ наблюденія актинометрическія, т. е. измѣренія солнечной лучистой теплоты.

4) Крайне желательно, чтобы была изыскана возможность расширить начатыя уже въ Кіевѣ такія актинометрическія наблюденія.

Несомнѣнно, что постигшее Россію бѣдствіе вызоветъ рядъ воззваній, сообщеній и лекцій, въ коихъ г.г. метеорологи будутъ доказывать необходимость дальнѣйшихъ затратъ и правительствомъ, и общественными учрежденіями, и частными лицами на производство, собираніе и обработку нынѣ практикуемыхъ метеорологическихъ наблюденій въ интересахъ сельскаго хозяйства; весьма вѣроятно, что многіе изъ этихъ воззваній увѣнчаются успѣхомъ. Я первый вполне признаю, что и нынѣ практикуемыя метеорологическія наблюденія, особенно при нѣкоторомъ отклоненіи отъ рутинны и при болѣе правильной постановкѣ, могутъ оказать и еще нѣкоторыя услуги сельскому хозяйству. Но все-таки мнѣ кажется, что затрачивая не малые средства на метеорологію настоящаго, не слѣдовало бы забывать, что наука эта еще не имѣетъ подъ собою надлежащаго фундамента, а потому и необходимо—не только стараться распространять ее въ ширину и высоту, но главнымъ образомъ заботиться о подведеніи подъ нее прочнаго основанія, изучая тѣ основныя силы, которыя приготовляютъ для насъ климатъ и погоду.

Поэтому я и закончу выраженіемъ пожеланія и надежды на то, что впредь хотя крупныя огромныхъ силъ и средствъ, затрачиваемыхъ на современныя метеорологическія наблюденія, будутъ затрачиваться и на изслѣдованія актинометрическія.

Р. Савельевъ.

D U D A.

Una vida es luz y amor. Desde las sombras
Pasamos à la cuna en un momento,
Y de la cuna, que es amor y vida,
Al sepulcro, que es muerte y es silencio.
Si la vida es la luz, y à ella se llega
Viniedo de las sombras, porqué luego,
Despues de tanto luto y dolor tanto,
Por la muerte à la sombra nos volvemos?
A qué entonces nacer?...

O es que, al decirnos
Lo que era luz y sombra nos mintieron?

Madrid 15 enero di 1892.

СОМНѢНІЕ.

Виктора Балагера

Жизнь есть любовь и свѣтъ. Изъ міра вѣчной ночи
Мы переносимся мгновенно въ колыбель.
Она—любовь и свѣтъ, и ждетъ за колыбелью
Уже могила насъ, безмолвіе и смерть.

Но если жизнь есть свѣтъ, съ ней вѣчно неразлучный,
Зачѣмъ, покинувшихъ безмолвный міръ тѣней,
Насъ, послѣ столькихъ бурь, борьбы и тревоженій,
Смерть возвращаетъ вновь безмолвью и тѣнямъ?

Къ чему-же намъ изъ тьмы на свѣтъ раждаться?
Иль, можетъ быть, мы тѣшились словами,
И свѣтъ, и мракъ—миражъ, игра воображенья?...

(Переводъ съ испанской рукописи. присланной авторомъ для сборника, М. Б.).

Матеріалы для исторіи войны 1877—78 г.

Милостивый Государь!

Сердечно сочувствуя благому намѣренію вашему служить бѣствующему населенію мѣстностей, нынѣ подверженныхъ голодовкѣ, путемъ изданія «Сборника», я пользуюсь вашимъ лестнымъ для меня приглашеніемъ къ участію въ немъ и спѣшу выслать записку объ устройствѣ юго-славянъ, мною написанную 20 февраля 1877 г., изъ Бухареста, гдѣ я въ то время находился, въ званіи военно-уполномоченнаго Великаго Князя Главнокомандующаго, при румынскомъ правительствѣ, не позволяя себѣ сдѣлать въ ней ни малѣйшаго измѣненія. Не смотря на частный характеръ письма, оно было представлено Военному Министру, по приказанію котораго въ копіяхъ сообщено Августѣйшему Главнокомандующему, Государственному канцлеру и князю Черкасскому. Интересъ его заключается въ провѣркѣ теперь, т. е. пятнадцать лѣтъ спустя, правильности представленія себѣ, несомнѣнно первостепенной важности для насъ, вопроса объ устройствѣ государствъ Балканскаго полуострова.

Буду счастливъ, если мои строки прочтутся съ интересомъ читателями вашего Сборника и послужатъ къ уясненію одной изъ страницъ нашей исторіи.

С.-Петербургъ,
14-го января 1892 года.

Г. Бобриковъ.

«Чѣмъ болѣе я знакоюсь съ деталями и внутреннимъ смысломъ того, что въ общемъ цѣломъ называется восточнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что наше участіе въ этомъ вопросѣ должно быть активнымъ исключительно въ нравственномъ отношеніи. Юго-славяне должны сливаться съ нами нравственно съ такою-же неотразимою силою, съ какою механически притягиваются металлическія былинки къ могучему магниту. Механическая активная дѣятельность Россіи въ судьбѣ юго-славянъ, т. е. ея матеріальная помощь мечомъ, къ какому-бы лаврамъ не привела нашу армію, ничего другаго создать не можетъ, какъ рядъ затрудненій и противодѣйствій со стороны державъ Западной Европы. а со стороны нашихъ южныхъ братьевъ—полное отчужденіе. Нашъ мечъ долженъ быть въ готовности, но только для

того, чтобы закрѣпить всемірною печатью тотъ благополучный исходъ, къ которому, рано или поздно, приведутъ естественныя усилія юго-славянъ въ ихъ борьбѣ съ исламомъ. Вѣрный инстинктъ славянъ въ благоразумныя минуты заставляетъ ихъ говорить, что отъ насъ они ничего большаго не желаютъ, какъ гарантія относительно вѣнскихъ силъ, съ внутреннимъ же врагомъ, т. е. османами, они справятся сами.

Какой-бы результатъ не имѣло наше настоящее состояніе, окончилось-ли бы оно приведеніемъ арміи на мирное положеніе, или блестящею побѣдою надъ турецкими войсками, во всякомъ случаѣ, славяне еще разъ неминуемо убѣдятся, что мы не въ силахъ дать имъ того идеала, до котораго долетаетъ крылатая фантазія ихъ большинства. Времена миожескія—возрожденія феникса изъ пепла—безвозвратно прошли. Суровая дѣйствительность, вслѣдъ за порывомъ сердечныхъ увлеченій, вступаетъ въ свои права и кладетъ грань нашей всеобильной любви къ братьямъ. Если прости-тельно легко увлекающимся болгарамъ и сербамъ мечтать о великихъ царствахъ, то съ нашей стороны было-бы, по меньшей мѣрѣ, наивно серьезно думать о томъ-же въ настоящее время. Это слишкомъ очевидно, чтобы доказывать. Гдѣ внутренняя, интеллектуальная сила этихъ государственныхъ организмовъ? Та-ли это крупина силы княжескаго правительства Сербіи, которая закрутилась въ вихрѣ національнаго движенія турецкой провинціи болѣе изъ зависти къ возможному успѣху Черногорціи, тѣмъ отъ сознанія зрѣлости минуты борьбы—сила правительства, не посмѣвшая встать въ чело арміи, утонувшаго въ пересудахъ и не уразумѣваго ни собственной мощи, ни свойствъ и средствъ противника, ни общаго политическаго положенія? Или эта сила гнѣздится на Черной горѣ, стройная и удивительная, но еще слишкомъ ничтожная въ государственномъ отношеніи? Или эта сила сгруппировалась въ бухарестскомъ комитетѣ болгарскихъ патриотовъ? Нѣтъ! Эту силу нужно еще вырабатывать, выра-щивать, постепенно, начавъ съ подъема нивы народнаго развитія.

Программа реформъ, выработанная въ Константинополѣ для Болгаріи, прекрасна; но она невозможна при условіи всесвѣтнаго оглашенія и немедленнаго примѣненія въ ея цѣломъ объемѣ. По содержанію она не оставляетъ желать ничего лучшаго, но блестящая форма губить дѣло. Какъ нельзя разомъ создать сильнаго государства болгарскаго, такъ точно нельзя одѣлать страну эту разомъ всѣми жизненными ре-формами. Нельзя потому, что конечная цѣль этихъ реформъ, созданіе сильнаго славянскаго государства, слишкомъ ясна для многочисленныхъ враговъ славянства; нельзя потому, что огульное примѣненіе самыхъ благодѣтельныхъ реформъ на практикѣ можетъ только омертвить страну. Совершенно другое значеніе имѣло-бы постепенное примѣненіе этой программы, дѣйствительно замѣчательной и заслуживающей самаго глубокаго вниманія. Вотъ существеннѣйшія изъ ея началъ:

Введеніе организаціи общины съ народонаселеніемъ не свыше 10 тысячъ человекъ жителей обоего пола. Существующая администрація турецкой провинціи по формѣ либеральна, въ сущности деспотична. Либеральна потому, что составъ меджлисовъ образуется изъ народныхъ выборныхъ; деспотична потому, что меджлисы служатъ только послушнымъ орудіемъ слѣпой воли паши. Но чѣмъ съ меньшаго участія собиравались-бы выборные, тѣмъ связь между ними и населеніемъ была-бы

крѣпче, а контроль дѣйствительнѣе. Трудно ожидать, чтобы благотѣльные результаты введенія выборнаго начала въ общину были-бы быстры. но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно обнаружались-бы.

Уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами.

Устройство собственныхъ судовъ.

Ограниченіе подати, ежегодно выплачиваемой общиною центральному правительству, извѣстною суммою, или процентомъ съ общаго ея дохода.

Дѣйствительное уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами на первыхъ порахъ должно быть осуществлено разрѣшеніемъ христіанамъ носить оружіе открыто, наравнѣ съ мусульманами. Другое равенство предъ судомъ, остающееся до сихъ поръ мертвымъ закономъ, возымѣло-бы дѣйствительную силу вмѣстѣ съ прочнымъ развитіемъ общиннаго самоуправленія. Окрѣпла-бы община, уравнялись-бы и прочія права относительно податей и налоговъ, отбыванія государственныхъ работъ натурой и т. д.

Правильное судоустройство можетъ укрѣпиться въ странѣ, лишь при условіи существованія въ ней и всѣхъ высшихъ инстанцій суда, съ апелляціонными и кассационными включительно. Ибо какъ идея о справедливости можетъ утвердиться, если высшій судъ будетъ находиться подъ постояннымъ давленіемъ администраторовъ мусульманскаго центра? Но это начало, само по себѣ несомнѣнно важное, не имѣетъ однако того характера настоятельной необходимости, какимъ обладаетъ организація самоуправленія общины.

Болгарская провинція въ дѣйствительности не бѣдна. Она могла-бы даже процвѣтать, если-бы всякаго рода административные поборы ограничивались-бы тѣмъ размѣромъ налоговъ и податей, какой опредѣленъ закономъ. Уже одно упроченіе общины ослабитъ зло, но было-бы въ высшей степени благотѣльно для страны опредѣлить общую сумму податей, которую-бы община должна была платить центральному правительству ежегодно, огуломъ или по срокамъ. Размѣръ подати даже могъ-бы быть допущенъ болѣе нынѣ существующаго по расчету. ибо польза осуществленія этой мѣры далеко превзошла-бы въ матеріальномъ отношеніи всякую надбавку. Какъ паліативную мѣру, до осуществленія опредѣленной общей подати, можно было-бы уничтожить систему откуповъ, этотъ дѣйствительный бичъ народнаго экономическаго благосостоянія.

Наконецъ, образованіе народныхъ милицій можно было-бы примѣнить, на первыхъ порахъ, не въ смыслъ народной арміи, а только въ смыслъ мѣстной полиціи. Право общины имѣть свою собственную полицейскую стражу отнюдь-бы не было новостью въ странѣ. Во многихъ мудринкахъ издавна уже имѣются христіанскіе пандуры, и даже кордонная линія по Дунаю на $\frac{1}{2}$ своего протяженія охраняется болгарскими стражниками. Когда страна освоилась-бы съ собственными средствами и окрѣпла-бы въ силахъ, народная стража, для охраны внутренняго порядка, сама собою развилась-бы въ вооруженныя силы возродившагося народа.

Всѣ эти благотѣльные начала, имѣющія безспорно жизненное значеніе для Болгаріи, могутъ быть примѣнены и даже съ большимъ успѣхомъ постепенно. Не такъ важна масса реформъ въ ихъ совокупности, сколько разумное и дѣйствительное

ихъ примѣненіе. А это послѣднее можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго наблюденія со стороны нашихъ въ странѣ консульствъ. Собственно въ Болгаріи мы имѣемъ консульства только въ Русчукѣ, Адрианополѣ, Битоѣ и Солунѣ и вице-консульства въ Филиппополѣ, Призренѣ и Тульчѣ; было-бы въ высшей степени полезно имѣть еще въ Софіи, Казанлыкѣ, Сливенѣ, Виддинѣ, Тырновѣ, Силистріи и Варнѣ. Если-бы содержаніе этихъ консульствъ увеличило нашъ бюджетъ на 200 тысячъ руб., то лучше примириться съ этою затратою, чѣмъ отступить отъ разумной традиціи поддержки болгарской народности.

Въ связи съ расширеніемъ нашего консульскаго надзора находится строгое охраненіе капитуляцій и открытіе срочныхъ пароходныхъ рейсовъ по Дунаю и болгарскому побережью Чернаго моря, если-бы даже только до Варны. О важности охраненія капитуляцій говорить излишне. Открытіе пароходныхъ рейсовъ настоятельно необходимо. Не говоря уже о собственномъ значеніи этой мѣры, нѣсколько разъ до очевидности разъясненной, наши пароходы на Дунаѣ уже необходимы для того, чтобы мотивировать открытіе новыхъ консульствъ.

Присутствіе нашей дѣйствующей арміи въ Бессарабіи отразилось возбужденіемъ умовъ въ Болгаріи. Тамъ, гдѣ говорить сердце, умъ слабѣетъ. Наше вооруженіе было для болгаръ вѣрнымъ признакомъ начала брани за ихъ народность. Рьяное болгарское юношество позабыло уроки исторіи и всю систему политическаго равновѣсія Европы, поспѣшило увѣровать въ несомнѣнность нашей оккупациі ихъ отечества и опрометчиво сбросило съ себя маску преданности, которую носило до того предъ турецкою администраціею. Объ этомъ фактѣ свидѣлствуетъ даже нашъ генеральный консулъ въ Русчукѣ. Въ будущемъ, будетъ-ли армія двинута за Балканы, или приведена на мирное положеніе, репрессаціи со стороны мусульманъ христіанамъ, за сочувствіе къ намъ, несомнѣнно будутъ. Остается только вопросъ объ ихъ размѣрѣ. Надѣяться на амнистію, продиктованную побѣдителямъ, трудно; а на охраненіе страны продолжительнымъ занятіемъ вооруженною силою нѣтъ никакой надежды. Такимъ образомъ, рано или поздно, но неминуемо, настанетъ минута сведенія счетовъ между владыкой-мусульманиномъ и рабочимъ-болгаринномъ. Вотъ въ эту-то трудную минуту и должны энергически развить свою дѣятельность наши консульства.

Наши враги уже теперь начинаютъ громко говорить о нашей гнилости и безсиліи что-либо сдѣлать для юго-славянъ. Англійскій консулъ изъ Русчука осенью прошлаго года прямо говорилъ на болгарской сходкѣ въ Сливенѣ, что для спасенія своей народности болгарамъ остается одинъ путь: возложить всѣ надежды на Великобританію; но англійская нація только тогда поможетъ Болгаринъ, когда она отречется отъ насъ и докажетъ свою преданность Англіи.

Настроеніе умовъ въ Болгаріи находится въ напряженномъ состояніи и должно разрѣшиться, по сложившимся обстоятельствамъ, въ сторону, для насъ неблагопріятную. Не даромъ-же англійскій консулъ открыто выступаетъ проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній. Помышлять о возстановленіи въ странѣ нашего значенія силою оружія невозможно не потому, чтобы побѣда была сомнительною, а потому, что арміи въ этомъ случаѣ пришлось бы создавать новый порядокъ вещей въ цѣлой Европѣ. Допуская

даже успѣхъ послѣдняго. едва-ли было-бы благоразумно идти путемъ меча и огня въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ должно сложиться въ нашу пользу. Уясненіе нашей программы дѣйствій и твердое ея примѣненіе. по всему вѣроятію, упрочать нашу общеславянскую миссію и отстранять навсегда новыя возбужденія европейскихъ вопросовъ.

Покрытіе Болгаріи консульствами, съ упроченіемъ нашего пароходства по Дунаю и обезпеченія самоуправленія мелкой общины, съ правомъ носить раѣ оружіе.—вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ съ постепенностью должно строиться зданіе болгарской государственной самостоятельности. Взволнованные умы въ странѣ отвлекутся дѣятельностью консульствъ на строеніи болгарскихъ общинъ и новизною торговыхъ съ нами сношеній. Камень за камнемъ будутъ воздвигаться права христіанъ на твердыхъ основахъ, и новое зданіе болгарскаго государства безъ порывовъ и тревоженій возникнетъ, сохранивъ чувство признательности къ намъ и внѣ посягательствъ со стороны Западной Европы.

Бухарестъ

20-го февраля 1877 года.

ВЪ СТЕПИ.

Стихотвореніе Владиміра Высоцкаго

Степь легла передо мною...
Гаснетъ солнце на закатѣ;
Какъ на крыльяхъ соколиныхъ,
Мчится конь мой всё быстрѣ!
Городовъ и сѣль не видно...
Даль окутана туманомъ,
И обнять не могутъ очи
Этой степи безпредѣльной!
Конь мой фыркаетъ ноздрями,
Свистъ и звонъ—въ ушахъ отъ вѣтра,
А безумная отвага
Ширить грудь и кровь волнуетъ,—
И огнѣмъ пылаютъ жилы!
Крикнуть радъ-бы, что есть мочи:
«Ой, ты степь—просторъ да воля!»
Конь летитъ въ степи безъ края...
Кто-жъ достигнетъ синей дали?
Вотъ и солнце закатилось,
Всѣ сгущаются туманы...
Цѣлина и нивы тонуть
Въ надвигающемся мракѣ...
Чу! сквозь облачную дымку
Духъ степной вознесся къ небу:
Зажигаетъ ангелъ бѣлый
Звѣзды ясныя на небѣ,—
Словно свѣточи, сіяютъ,—
Боже, какъ ихъ много-много!
Звѣзды блещутъ, степь дымится

И—кадильница природы—
Возсылаетъ зроматы
Къ алтарю Творца вселенной!
Травы молятся чуть слышно,—
И подъ шёпотъ ихъ моленій
Обнажилъ главу невольно
Я въ огромномъ этомъ храмѣ:
Дланью Господа воздвигнуть,
Очищаетъ и смиряетъ
Онъ всегда въ часы ночные
Духъ святымъ благоговѣньемъ!
Разгораются свѣтила
Надо мной несчѣтнымъ роемъ,
Степь торжественно справляетъ
Службу Божью—панихиду!
Вдругъ изъ травъ густыхъ толпою
Возстаютъ нѣмыя тѣни:
Булавы торчатъ и пики,
Поднялись Богданъ съ Яремой,
Латникъ рядомъ съ регистровымъ,
А полковникъ—съ эсауломъ,
Поднялися съ грубой чернью
Вмѣстѣ шляхта и магнаты!
Пусть, въ крови—свирѣпы, дики
Съ отпечаткомъ злодѣяній.
Шайкой кажутся безпутной
Ужасающія тѣни,—
Всѣ-же я, раскрывъ объятъ,
Ихъ прижать готовъ-бы къ сердцу
И забыть о преступленьяхъ
Въ память подвиговъ былого!
Вотъ плывутъ стопой воздушной
Отовсюду торопливо
Эти призраки, вздыхая:
«Упокой насъ, Христе-Боже!»
»Дай, Господь, имъ вѣчный отдыхъ»,—
Я шепчу за нихъ молитву:—
«Отпусти въ бояхъ погибшимъ
»Тяжкій грѣхъ братоубійства!

«Стихли бури, и другъ съ другомъ
«Примирились тутъ народы,—
«Такъ прости-жъ сыновъ Украйны
«Всѣхъ отъ Умани до Кодни!»

* *
*

Зааѣлъ востокъ, и сразу
Отлетѣли грёзы ночи,—
Конченъ сонъ... Домой вернуться
Намъ пора, мой конь любимый!
А могилы и курганы
Нынѣ роетъ плугъ желѣзный,
И, какъ-будто задыхаясь,
Паровозъ несѣтся мимо..-

(Переводъ съ польской рукописи, присланной авторомъ для Сборника, С. Б.).

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛЕГЕНДЪ.

Очеркъ.

I.

ѣтнія каникулы окончились. но въ старшемъ отдѣленіи пансіона было тихо и пустынно. Воспитанники знали, что лѣтомъ назначенъ капитальный ремонтъ въ больницѣ, «классахъ», въ пансіонѣ, въ досчатомъ зданіи «гимнастики» и даже въ гардеробѣ, поэтому не очень торопились къ сроку или, явившись, исчезали «въ городъ». Прежде всѣхъ появились въ пансіонѣ тѣ, кому предстояли переекзаменовки. Они держали себя какъ-то застѣнчиво и неловко и видимо тяготились неопредѣленностью положенія. Въ какомъ классѣ придется быть—вотъ роковой вопросъ, который можно было прочесть на лицахъ молодыхъ людей, сумрачно бродившихъ по корридорамъ пансіона, уткнувшись въ тетрадки и учебники. Взаимныхъ подтруниваній не было, и сочувствіе выражалось молча. Впрочемъ, державшіе переекзаменовку по словесности были совсѣмъ беззаботны: невѣроятно, чтобы учитель словесности рѣшился «обрѣзать».

Занятія на каникулахъ даются съ трудомъ, и большинство въ откровенныхъ бесѣдахъ съ товарищами увѣряли, что ничего не повторили и даже книгъ въ руки не брали дома. Теперь, дня за три до «передержекъ», всѣ спѣшили наверстать потерянное время. Постепенно начали показываться въ пансіонѣ и переведенные въ слѣдующій классъ. Тѣмъ предстояла своя работа: всюду шла энергическая подготовка каникулярныхъ письменныхъ работъ. Пансіонскій бібліотекаръ Герцикъ, теперь уже ученикъ выпускнаго класса, обнаруживалъ въ этомъ случаѣ поразительную энергію: онъ писалъ работы для всѣхъ желающихъ, а такихъ было не мало. Недаромъ славился онъ въ «отдѣленіи» знаніемъ языковъ и изяществомъ слога. Герцикъ съ великою охотою излагалъ для другихъ Цицерона, Цезаря, Ливія, Ксенофонта, писалъ самыя разнообразныя разсужденія на историческія, моральныя, нравоописательныя, литературныя и даже богословскія темы, описывалъ лунную ночь или день въ деревнѣ для четвертоклассниковъ, крестьян-

скія полевныя работы или свадьбу для пятого класса. словомъ, былъ неистощимъ. Особенно считалъ онъ долгомъ помогать «передерженцамъ». Эта работа видимо забавляла Герцика, онъ безъ конца хохоталъ за чужими тетрадами, и рука его птицей летала по бумагѣ.

Съ каникулярными работами по математикѣ дѣло было гораздо проще. Обыкновенно весь классъ пользовался нѣсколькими лучшими образцами рѣшеній. Разумѣется, каждый компиляторъ старался внести въ свой отвѣтъ нѣчто оригинальное, иначе размѣщаль слова и даже цѣлыя предложенія. Одинъ растягивалъ свои доказательства до нестерпимой полноты и наглядности, другой—выражался лаконически и даже загадочно, но фабричная марка все таки была общая.

Въ этомъ году поступилъ въ пансіонъ «новичекъ» Борисовъ, въ классъ Герцика, который принялъ новаго товарища подъ свое покровительство, пріютилъ у себя въ библиотекѣ и самымъ аккуратнымъ образомъ посвящалъ его во всѣ тайны «отдѣленческой» жизни. Но попытка Герцика приспособить Борисова къ чужимъ каникулярнымъ работамъ не удалась,—послѣдовалъ короткій и энергическій отказъ. Впрочемъ, Герцикъ не унывалъ: онъ аккуратно прочитывалъ Борисову свои «каникулярныя» работы, просилъ совѣтовъ и такъ или иначе сдѣлалъ его своимъ соучастникомъ.

— Не нравится мнѣ, братъ, твоя прямолинейность: смерть не люблю этого. У насъ другіе нравы, и вреда въ этомъ я не вижу, подтрунивалъ Герцикъ.

Борисовъ краснѣлъ и больше отмалчивался. Онъ какъ-то чрезвычайно скоро сошелся съ Герцикомъ и даже успѣлъ полюбить его за веселый нравъ и искренній тонъ рѣчей, но писать каникулярныя работы отказался наотрѣзъ.

— *Odi profanum vulgus et arceo*, насмѣшливо декламировалъ Герцикъ:—но нѣтъ, серьезно, я начинаю опасаться за твой здравый смыслъ.

-- Вздоръ!

— Вздоръ? Ну, хорошо, вотъ я и кончилъ. Пойдемъ, покажу тебѣ ученическій дворъ, садикъ и все, все. Я буду твоимъ чичероне.

Товарищи бродили по безконечнымъ корридорамъ и высокимъ чугуннымъ лѣстницамъ, заглянули во всѣ спальни, чрезвычайно опрятныя, если не слишкомъ обширныя. Младшее «отдѣленіе» пансіона отличалось отъ старшаго только размѣрами: тѣ-же «партіи» на шесть душъ, съ лавками безъ спинокъ, тотъ-же столикъ для надзирателя, тѣ-же ландарты и та-же клеевая окраска стѣнъ. Много свѣта, но обстановка строгая и даже суровая нѣсколько. «Ученическій» дворъ, ограниченный съ двухъ сторонъ зданіемъ школы, а затѣмъ садовой стѣной сосѣдняго женскаго пансіона и старымъ военнымъ складомъ, представлялъ песчаную пустыню, и лишь рядъ старыхъ акацій вдоль стѣнъ, да небольшой садикъ за досчатымъ зданіемъ «гимнастики» нѣсколько разнообразили общую картину.

— Посмотри. Борисовъ, на эту клумбу, вотъ на это деревцо именно. — болталъ Герцикъ въ роли чичероне:—это вишня. Я замѣтилъ, она родитъ черезъ годъ, но ни одна зеленая ягодка не успѣетъ зарумяниться на солнышкѣ: свирѣпые варвары-мальцы истребляютъ все задолго до срока. Это меня всегда удивляло. Знаешь, я люблю мальцевъ. Сегодня буду выдавать имъ книги, тетради, перья и карандаши: это моя обязанность. Хочешь помогать? Вотъ и прекрасно. Ну, пора чай пить.

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ, заказанный Герцикомъ буфетчику: кубъ еще не кипятили, потому что учениковъ было мало. Нѣсколько мальцевъ оканчивали чай, и Герцикъ немедленно вступилъ съ ними въ самую оживленную бесѣду. а на прощанье пригласилъ къ себѣ въ библіотеку за книгами и другими учебными принадлежностями.

— Быть тебѣ педагогомъ, замѣтилъ Борисовъ, когда мальцы ушли изъ столовой.

— Никогда! У меня былъ маленькій братъ, онъ умеръ, и можетъ быть поэтому я такъ люблю мальцевъ, но быть педагогомъ—это, братъ, хитрая штука и не по плечу мнѣ.

— Ну, не боги горшки обжигаютъ. На какой факультетъ думаешь поступить?

— Не рѣшилъ, право. Вѣроятно, на филологическій. Изъ любопытства, знаешь-ли. Исторія и всякая штука, это меня интересуетъ, а труповъ не люблю: былъ какъ-то въ анатомическомъ театрѣ и убѣдился,—не выношу, подъ ложечкой сосетъ и мурашки, знаешь-ли, по спинѣ. Какая-то тупая боль этакая начнется гдѣ-то въ ногахъ и перельется по тѣлу до самой головы. Я нарочно наблюдалъ за собой.

— Поменьше, братъ, наблюдай за этимъ: будетъ лучше.

— Мудрый ты, какъ погляжу на тебя: старичекъ совсѣмъ.

Борисовъ покраснѣлъ до корней волосъ. Герцикъ замѣтилъ это и смутился чрезвычайно: я много себѣ позволяю, подумалъ онъ. Пили чай молча. Со двора чуть-чуть доносились веселые возгласы мальчиговъ, игравшихъ «въ цурки». Въ библіотекѣ Герцикъ мало-по-малу оживился. Онъ съ тысячею прибаутокъ выдавалъ мальчикамъ книги и тетрадки, отсчитывалъ стальные перья и т. д. Борисовъ записывалъ все въ особую книжечку, и къ обѣду все было приведено къ концу. За отсутствующихъ получили товарищи. Около двухъ часовъ библіотеку посѣтилъ инспекторъ Николай Игнатьевичъ Хижняковъ, человекъ среднихъ лѣтъ, щегольски одѣтый и съ нѣсколькими насмѣшливымъ выраженіемъ красиваго лица. Онъ добродушно болталъ съ Герцикомъ и спрашивалъ Борисова, какъ ему понравился пансіонъ. Отвѣты были неопредѣленные, и Николай Игнатьевичъ очень смѣялся по этому поводу.

— Обживетесь, батюшка, и все пойдетъ на ладъ. Вотъ Герцикъ: что его заставляетъ жить въ пансіонѣ? И кормятъ хуже чѣмъ дома, и инспек-

торъ строгій—нѣтъ, нѣтъ, не спорьте, Герцикъ—да, строгій инспекторъ, а вотъ Герцика никакими коврижками не заманишь изъ пансіона.

— Привычка, Николай Игнатьевичъ, возразилъ Герцикъ, не глядя на инспектора.

Николай Игнатьевичъ погрозилъ Герцику пальцемъ и пригласилъ товарищей къ себѣ на обѣдъ.

Но насколько милъ и любезенъ былъ Николай Игнатьевичъ наверху, въ пансіонѣ, настолько же непроницаемъ оказался онъ въ тотъ памятный день, когда пришлось объявлять внизу, въ «классахъ», результаты переэкзаменовокъ. «Передержки», исключительно устные, производились въ этомъ году какъ-то поспѣшнѣе обыкновеннаго, и до прочтенія отмѣтокъ большинство «передерженцевъ» не знали своей участи. На всѣ распросы нетерпѣливыхъ Николай Игнатьевичъ только покачивалъ значительно головой. Съ непроницаемымъ видомъ переходилъ онъ изъ класса въ классъ и мрачнымъ голосомъ объявлялъ имена «обрѣзавшихся». Это былъ тяжелый моментъ, и Николай Игнатьевичъ видимо волновался, потому что «обрѣзавшихся» было не мало. Но, какъ и предполагали всѣ, по словесности затрудненій не возникло. Переиспытанія по этому предмету держали главнымъ образомъ ученики предпоследняго класса, и потому въ библиотекѣ, гдѣ обыкновенно собирался классъ выпускной, было въ тотъ день особенно весело и шумно. Всякій спѣшилъ рассказать о своихъ приключеніяхъ на экзаментѣ, о несчастныхъ случайностяхъ и чудесныхъ удачахъ въ прежніе годы и теперь. Вспомнили и бывшие анекдоты изъ эпопей экзаменовъ, пріобрѣвшіе съ теченіемъ времени какую-то прямо легендарную окраску: не ужасно-ли, въ самъ дѣлѣ, что какого-то шестиклассника придавили на смерть римскія «створчатыя двери» — онъ забылъ, какъ римляне называли по-своему эту часть домашней обстановки; мудрено ли потерять всякій базисъ при переводѣ, когда педагогъ изъ военныхъ требуетъ, чтобы при переводѣ Фукидида непременно было употреблено выраженіе «операционный базисъ»; что такое—операционный базисъ? Развѣ Фукидидъ обучался въ военной академіи? Пусть Радивой Швець читаетъ по своему «Кайсаръ» и «Кикеро», но вѣдь не грѣшно-же въ самомъ дѣлѣ сказать по старому «Цезарь» и «Цицеронъ», и т. д., и т. д. Всѣ рассказывали свои приключенія, торопились и перебивали другъ друга, но не рассказывалъ ничего Васильевъ. Онъ только слушалъ и меланхолически улыбался. Среди собравшихся въ библиотекѣ юношей онъ представлялъ старѣйшину: всѣ его товарищи по классу теперь уже въ университетѣ, и лишь онъ одинъ изъ шестидесяти двухъ остался въ наслѣдство этимъ юнцамъ, которые съ такимъ жаромъ рассказываютъ теперь свои анекдоты. Конечно, Васильевъ зналъ всѣхъ своихъ новыхъ товарищей,—всѣ «отдѣленцы» знакомы другъ съ другомъ,—но все же онъ—последній изъ могиканъ, а это не всегда пріятно.

Итакъ, Васильевъ меланхолически созерцалъ своихъ новыхъ товарищей и не принималъ участія въ общемъ весельи. Добродушное, уже заросшее жесткой бородкой лицо его носило на себѣ какъ будто отпечатокъ какихъ-то грустныхъ, очень грустныхъ воспоминаній. Но Герцикъ давно уже былъ съ Васильевымъ на ты и зналъ досконально, что Васильевъ отнюдь не меланхоликъ. Отчего-бы Васильеву не рассказать своихъ приключеній на выпускномъ экзаменѣ? Конечно, всѣ кой-что слышали еще до каникулъ, но все это мало достовѣрно. А между тѣмъ все это очень любопытно знать, и подробнѣе, чтобы намотать на усь на случай чего. Васильевъ, миленькій, душка, конечно расскажетъ.

Отчего-же не рассказать? Васильевъ расскажетъ тѣмъ охотнѣе, что надѣется принести своимъ товарищамъ (*amicissimis ac dignissimis condiscipulis meis!*) практическую пользу, но онъ проситъ снисхожденія: у него слабость выражаться только на классическихъ языкахъ и лишь въ случаѣ крайней необходимости прибѣгать къ отечественному.

— *Graecae et Latinae linguae difficultatum remedium in semper latine ac graece loquendo esse posse puto et non solum puto, sed etiam affirmo, me Hercule!* пояснилъ Васильевъ.

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь! Сдѣлайте одолженіе! восклицали заинтересованные слушатели.

Однако, говорить языкомъ Цицерона и Лисія Васильеву пришлось недолго: не хватало словъ, да и фразы какъ-то плохо выливались. Рассказъ былъ длинный, и словарь Васильева изсякъ почти мгновенно. Рассказчикъ торжественно поднялъ руку, какъ-бы призывая потолокъ въ свидѣтели лучшихъ своихъ намѣреній, и продолжалъ свою повѣсть по-русски.

II.

Онъ помнить, это было въ понедѣльникъ. Порядокъ письменныхъ испытаній объявили заранѣе, и, конечно, передъ экзаменомъ по латыни онъ повторилъ все, рѣшительно все. Фердинанда Шульца или, лучше сказать, Ходобая онъ изучилъ въ дребезги, и желалъ-бы онъ тогда потягаться съ любымъ классикомъ, будь то даже самъ Ходобай. Но это было тогда, и именно въ понедѣльникъ. Онъ помнить, ихъ впустили въ парадный залъ, симметрически уставленный небольшими черными столиками, которые съ поразительнымъ эффектомъ блестяли на утреннемъ солнцѣ. Потому что это было утромъ, чудеснымъ лѣтнимъ утромъ, когда въ воздухѣ еще вѣяло ночной прохладой, и птички волшебнo щебетали въ акаціяхъ, что заглядываютъ въ огромныя окна параднаго зала. Итакъ, столики были размѣщены симметрично. Передъ каждымъ столикомъ по табурету, и были тѣ табуреты совершенно новенькіе, съ чудесными точеными ножками. На каждомъ сто-

ликъ по чернильницѣ. Тамъ было всего шестьдесятъ два столика, и всѣ они находились другъ отъ друга въ разстояніи не менѣ двухъ съ половиною аршинъ. Конечно, абитуріенты заранѣ составили планъ кампаніи и распредѣлили мѣста. Къ счастью, по алфавиту не разсаживали: говорятъ, забыли предусмотрѣть. Конечно, Васильевъ, какъ человѣкъ близорукій, получилъ мѣсто поближе къ центральному человѣку, знаменитому классику прошлаго выпуска, уже записанному на золотой доскѣ,—и поспѣшилъ придвинуть свой столикъ къ центральному, по крайней мѣрѣ на поларшина: по его соображеніямъ, никакъ нельзя было больше. На общемъ предварительномъ конгрессѣ центральный человѣкъ получилъ приказаніе обратить на него, Васильева, свое особое вниманіе,—но центры вообще ненадежны, и разкащикъ не совѣтуетъ слушателямъ слишкомъ полагаться на центры. Но всѣ размѣстились вокругъ центровъ, какъ было условлено по плану. Онъ, Васильевъ, еще разъ ощупалъ свои отрывки, сокрытые въ самыхъ потаенныхъ частяхъ сюртука и брюкъ. Что за отрывки такіе? Это можно пояснить примѣромъ. Пусть слушатели представляютъ себѣ, что передъ ними лежитъ, ну, хотя-бы Цезарь. И вотъ они поочередно подходятъ къ Цезарю и отрываютъ отъ него извѣстную, заранѣ вычисленную и рассчитанную часть. Затѣмъ, свою часть Цезаря они разучиваютъ досконально. Лучше всего выучить наизусть. Еще лучше переписать свою часть разъ пять-шесть: прочтѣ въ памяти остается, и копіи готовы. Почему не предположить, что тема для письменнаго отвѣта будетъ взята именно изъ Цезаря? Исторія знаетъ примѣры, и немало. Очевидно, если счастье выпало на долю даннаго субъекта, то мало того, что онъ самъ блистательно напишетъ свое экстемпорале, но и другимъ можетъ помочь: стоитъ только припасти свой отрывокъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, ибо передать сверточекъ тонкой бумаги во всякомъ случаѣ легче, нежели списать отвѣтъ съ сосѣдняго, хотя-бы и центрального, столика. Такова теорія. Понятно-ли теперь, что такое отрывки?

— О, конечно, конечно понятно. Слышали кой-что!

— Вѣсѣ.

Итакъ, онъ заготовилъ чрезвычайно много отрывковъ, такъ что даже не совсѣмъ ловко было сидѣть на табуретѣ. Какіе именно были отрывки? Самые разнообразныя! Тутъ были *disiecta membra* и Цезаря, и Саллюстія, и Тита Ливія и даже Цицерона, хотя, по правдѣ сказать, на Цицерона или, по методѣ Радивоя Швеца, Кикерона не было почти никакой надежды: у него мало запутанных *orationes obliquae*, а какое экстемпорале безъ косвенной рѣчи.—вѣдь не будь *oratio obliqua*, языкъ римлянъ былъ-бы однимъ изъ пріятнѣйшихъ языковъ всего міра. Но подпора сѣна не съѣстъ, замѣтилъ одинъ разсудительный абитуріентъ, нынѣ чистый филологъ, и вотъ пріобрѣли лучшія сочиненія Цицерона въ десяти экземплярахъ—былъ особый налогъ для этого — и разодрали каждый экземпляръ на шестьдесятъ двѣ части,

разумѣтся, сдѣлавши необходимыя приписки, смотря по тексту въ началѣ и концѣ каждой части. Эта участь постигла и другихъ ораторовъ. полководцевъ и историковъ, труды коихъ дошли до потомства и въ частности до абитуриентовъ. Словомъ, все было предусмотрено и рассчитано математически. Онъ, Васильевъ, сидѣлъ поблизу своего центра и ждалъ, вплотную окутанный отрывками, которые слегка шуршали при малѣйшемъ движеніи. Принесъ-ли онъ съ собою еще что-нибудь? Да, перо. А еще? Еще «Повтореніе синтаксиса въ примѣрахъ», изданное, кажется, въ Одессѣ. Это «повтореніе» было куплено въ желтой обложкѣ, но Васильевъ уничтожилъ желтую обложку: она привлекаетъ взоры. И вотъ, размѣстившись вокругъ центровъ, ожидали. Было страшно тоскливо и душно въ этой обширной розовой комнатѣ, такъ тоскливо и душно, какъ никогда еще не приходилось испытывать Васильеву: нѣчто подобное чувствуешь развѣ передъ грозой въ душный лѣтній день. Вотъ явился директоръ, за нимъ инспекторъ. дагѣе всѣ греки, латинисты и вообще гуманисты: математиковъ не было. Для пополненія состава были прикомандированы классные наставники, ихъ помощники и педеля. Швейцаръ также появился въ началѣ. Но вскорѣ педеля съ швейцаромъ во главѣ удалились въ дверь, что ведетъ въ больничный корридоръ. Это было не безъ цѣли: не безъ цѣли швейцаръ съ педелями вышелъ на больничный корридоръ! Остальныхъ педагоговъ было не менѣе пятнадцати. Изъ нихъ до десяти размѣстились у оконъ съ обѣихъ сторонъ зала, скрестили руки на груди—и стали смотрѣть въ-оба, упорно и непрерывно. Подъ перекрестнымъ огнемъ ихъ взоровъ не могла укрыться не только грамматика или словарчикъ, не только недозволенный лоскутокъ бумаги, но даже волосъ, упавшій съ головы, даже капля пота со лба. Ничто, ничто не укроется отъ взоровъ. Бѣдная желтая обложка! Напрасно и преждевременно ты отвергнута! Казалось, по всему залу была протянута невидимая сѣть, и 62 абитуриента, размѣстившіеся по плану, были накрыты этой сѣтью и пригвождены къ своимъ мѣстамъ. Разказчикъ чувствовалъ на себѣ давленіе сѣтки, онъ утверждаетъ это. Что-то вонзалось ему въ затылокъ, спину, ноги, пятки, что-то больно щекотало у него подъ мышками: изумительно, невѣроятно, но это фактъ. Квадратная сажень паркетнаго пола, въ центрѣ которой сидѣлъ Васильевъ, казалась ему полною засадъ, измѣнъ, угрозъ и тяжкихъ неожиданностей. Все горѣло въ его глазахъ, особенно же красная суконная скатерть на столѣ, за которымъ сидѣла часть наблюдателей. Какой-то тусклый паръ поднимался отъ этой скатерти и на мгновеніе скрывалъ отъ Васильева наблюдателей, и разказчикъ снова и снова погружался въ смутное самонаблюденіе. Ему кажется, онъ пережилъ тогда цѣлую вѣчность, неизмѣримыя пространства времени. О чемъ онъ думалъ? Трудно сказать. Въ головѣ какой-то хаосъ, но ни отрывки, ни предстоящее экстермпорале и вообще ничто въ этомъ родѣ не шло на умъ. Какой-то

густой туманъ вокругъ то разбивался въ клочки, то вновь сплывался причудливыми формами. Полузабытье, полубомжоль — нѣчто въ этомъ родѣ.

И вотъ въ такомъ-то полусонномъ состояніи Васильевъ смутно слышалъ чей-то гробовой, замогильный голосъ. Онъ прислушался: очевидно, читались какія-то правила.... Строжайше соблюдаются нижеслѣдующія правила... подѣ непрерывнымъ надзоромъ.... одинъ общій наблюдатель.... наблюдатель не долженъ выходить изъ экзаменаціонной залы... вступать между собою въ сообщенія строжайше воспрещается.... надлежитъ наблюдать... въ случаѣ упорнаго несоблюденія требованій наблюдателя.... оповѣщаются всѣ учебныя заведенія отечества.... наблюдатели ведутъ обстоятельный протоколъ.... Этотъ голосъ d'outre tombe дѣлался еще болѣе замогильнымъ при словахъ: «строжайше наблюдать», «строжайше воспрещается», «наблюдать», «наблюдать», «блюсти». Эти отрывочныя фразы, столь преисполненныя наблюдательныхъ выраженій, какимъ-то далекимъ, подземнымъ гуломъ отдавались въ ушахъ Васильева. Онъ хорошо помнитъ, что въ его разслабленную соннымъ томленіемъ голову насильно втискивались различныя звуковыя ассоціаціи, совершенно неумѣстныя и даже неприличествующія торжеству, какія-то нелѣпыя и несуразныя созвучія: наблюдать—блюдо, наблюдатель—блюдо... блюдо... чортъ знаетъ, что такое! Это очень странное обстоятельство, но Васильевъ помнитъ его превосходно: стихійныя силы овладѣли его головой безраздѣльно.

Наконецъ, какой-то человѣкъ подаль читавшему правила нѣсколько стопп бумага. Тотъ отдалъ половину Николаю Игнатьевичу, другую оставилъ у себя. и они начали раздавать бумагу ученикамъ, по два листа каждому. И были то клейменные листы. Клеймо голубое, маслянистое и свѣжее. Какъ разъ надѣ клеймомъ подпись директора. Бумага была говардовская, номеръ третій. Васильевъ это помнитъ. Онъ много помнитъ. Онъ помнитъ, что директоръ досталъ изъ боковаго кармана запечатанный конвертъ, показалъ его коллегамъ, которые молча наклонились надъ краснымъ столомъ, молча разсматривали конвертъ и молча кивнули головами. Послѣ этого директоръ поднялъ пакетъ въ уровень съ своей головой, показалъ ученикамъ и разломалъ печать, которая треснула какъ дѣтскій пистонъ—началось чтеніе текста письменнаго отвѣта. Читалъ кто-то изъ учителей, не классикъ. Слушатели, конечно, воображаютъ, что отрывки сослужили свою службу? Они горько ошибаются. Люди всегда разсчитываютъ свои шансы по теоріи вѣроятностей, но можетъ-ли теорія предусмотрѣть Веллея Патеркула? Нѣтъ, не можетъ. Пусть слушатели углубятся въ себя и спросятъ: слышали-ли они что-нибудь про Веллея Патеркула? Очевидно, не слышали, и Васильевъ не слышалъ, и его бывшіе товарищи не слышали. Лишь въ послѣдствіи Радивой Швець докопался таки, откуда была взята тема. Словомъ сказать, всѣ отрывки оказались втунѣ, масло и трудъ были потеряны, потому что на покупку авторовъ нужны были деньги, а на изученіе отрыв-

ковъ—трудъ: Веллей Патеркулъ все погубилъ. Кто такой этотъ ужасный Веллей? Кажется, онъ писалъ при императорѣ Траянѣ, около того-же времени, когда составлялъ свои біографіи Светоній. И хотя Светоніевы отрывки были у Васильева въ боковомъ карманѣ, но, очевидно, судьба покровительствовала Веллею. А почему? Правду говорятъ, что судьба капризна. Изданіе Светонія, которое 62 растерзали на части, было сдѣлано роскошно и посвящено Эрнесту Ренану. Словомъ, всѣ шансы были на сторонѣ императорскаго біографа. Но Веллей побѣдилъ Светонія. Побѣдилъ Веллей и его. Васильева. Пусть такъ. Все-же и Васильевъ съумѣетъ отблагодарить Веллея. Не даромъ-же онъ собиралъ справки объ этомъ авторѣ у одного знакомаго ех-филолога, нынѣ медика. Ех-филологъ отозвался о Веллеѣ, какъ о прелюбодѣѣ исторіи, жалкомъ блюдолизѣ самаго сквернаго пошиба, оскотителѣ Тацита и умышленно-торжественномъ хитромъ глупцѣ, изъ породы тѣхъ личностей, qui amissa republica piscinas suas fore salvas sperare videntur, по несравненному выраженію Цицерона. Но Веллею далеко до Цицерона. Вѣдь этотъ pater patriae задавался даже такимъ возвышеннымъ вопросомъ: quid vero historiae de nobis ad annos sexcentos praedicarint? quas quidem—утверждалъ онъ—ego multo magis vereor, quam eorum hominum, qui hodie vivunt, tumusculos! Враки это, конечно, но Веллей вралъ всю свою жизнь немилосердно, и тѣмъ не менѣ грустная мысль эта не приходила ему никогда въ голову: по крайней мѣрѣ такъ утверждалъ желчный ех-филологъ. Но Васильеву нѣтъ дѣла ни до впечатлѣній филологическихъ медиковъ, ни до угрызений post factum Цицерона. Онъ знаетъ только, что жилъ на свѣтѣ историкъ Патеркулъ и что этотъ Патеркулъ называлъ кого-то пугаломъ, страшилищемъ государства: это государственное пугало! вотъ, что сказалъ Веллей, никому неизвѣстный, всѣми забытый и презираемый медицинскими филологами Веллей. Это пугало погубило Васильева. Васильевъ привыкъ къ слову пугало, но пугало поставило его рѣшительно втупикъ. А между тѣмъ чтецъ читалъ именно такъ: пугало! Это государственное пугало.

Напрасно смѣются слушатели, совсѣмъ напрасно. Нужно вѣдь вообразить, въ какомъ страшномъ напряженіи находились нервы рассказчика, нужно знать, что въ этомъ состояніи ни думать правильно, ни соображать спокойно и методически нѣтъ никакой возможности. Можно лишь мѣтть, потѣть, становиться втупикъ и приходить въ ужасъ. По крайней мѣрѣ, такъ было съ Васильевымъ. Это слово—пугало—было для него чѣмъ-то таинственнымъ, непонятнымъ, чѣмъ-то очень нѣжнымъ, деликатнымъ, но скользкимъ, жгучимъ и неувимымъ. Оно дѣйствительно пугало и бросало въ жаръ и холодъ. Пугало! Что такое—пугало? Непонятно, совсѣмъ непонятно! А, а, ужъ не такъ-ли: «это государство Галловъ»? Да, очевидно, такъ. Очевидно, такъ! Эврика! Ура!

— И я написалъ въ черновикѣ: это государство Галловъ,—съ видомъ облегченія рассказывалъ Васильевъ, точно ему и здѣсь въ бібліотекѣ при-

ятно было освободиться отъ непонятнаго «пугала»,—написалъ и успокоился. Продолжая писать дальше переводъ. какъ вдругъ, неизвестно откуда, меня что-то ударило по головѣ точно обухомъ: Галлы!—молніей мелькнула мысль, —съ какой стати Галлы? Тутъ вѣдь о Галлахъ и рѣчи не было. Откуда я выкопалъ Галловъ? Ну, не глупецъ-ли я. не телятина-ли! Тутъ я вспомнилъ о Сквозникѣ и началъ соображать. *O me miserrum!* И прежде всего, я страшно близорукъ. Я убѣжденъ, что близорукіе люди склонны къ слуховымъ иллюзіямъ. Это я знаю какъ по личному опыту, такъ и изъ случайныхъ наблюденій. Съ какой стати однако тутъ Галлы явились? Но если не Галлы, то что-же это такое,—вотъ вопросъ. Положеніе было довольно жестокое: съ одной стороны какой-то иксъ, нѣчто темное, загадочное, подозрительное, съ другой—меня отовсюду тѣснили Галлы, въ которыхъ я не вѣрилъ, надъ которыми смѣялся. Они съ какимъ-то злораднымъ ожесточеніемъ нападали на меня со всѣхъ сторонъ, и въ головѣ точно ураганъ какой-то бушевалъ. Я не могъ совладать съ этой самовольной бурей. Она выла, лаяла, выкрикивала: Галлы, Галлы, Галлы, и еще, и еще. Это было невыносимо, потому что, повторяю, я не вѣрилъ въ Галловъ. Но Галлы насильно завладѣли мною или, лучше сказать, моею головою. Что дѣлать,—вотъ роковой вопросъ. Но чего-же проще—обратиться за справокою къ свѣдущимъ людямъ. Очевидно, нѣтъ ничего проще. И какъ это я не сообразилъ сначала? Вѣдь я потерялъ полчаса на однихъ Галловъ!

Васильевъ вытеръ потъ, градомъ катившійся по лбу, и перевелъ дыханіе. Пользуясь перерывомъ, Борисовъ освѣдомился, отчего не сдѣлано было сношенія съ центромъ: вѣдь въ такомъ критическомъ положеніи прежде всего слѣдовало подумать о центрѣ.

Васильевъ меланхолически-сожалительно поглядѣлъ новичку въ лицо и кручинно покачалъ косматой головой.

— Но, Васильевъ, неужели центръ измѣнился? ужаснулись слушатели.

— Нѣтъ, не центръ измѣнилъ, но я забылъ сперва и думать о центрѣ. Невѣроятно, странно, но это фактъ. Итакъ, я рѣшился обратиться къ свѣдущимъ людямъ. Смотрю кругомъ. Вижу, нѣкоторые классики соскучились стоять у окошекъ или сидѣть за столомъ и начинаютъ медленно прогуливаться между столиками. Долго я ожидалъ, пока причалить ко мнѣ свѣдущій человекъ, и наконецъ дождался. Этотъ человекъ былъ—Радивой Швець. Я зналъ его по прежнимъ классамъ. Онъ остановился передъ моимъ столикомъ и, побрякивая часовымъ ключикомъ, созерцалъ пространство. Вѣроятно, мечталъ объ обѣдѣ или завтракѣ. Я нѣсколько разъ называлъ его по имени и отчеству,—онъ былъ недвижимъ. Это мнѣ надоѣло, и я сказалъ довольно громко: Радивой Яромировичъ! Радивой Яромировичъ!—Что вы хотите?—Онъ сказалъ «ви», и меня это почему-то позаба-

вило въ этотъ моментъ. — Скажите, пожалуйста, что такое значить — пугало? — Зда се ми, вы слышали (онъ сказалъ: слышали — очень смѣшно) правила? спрашивается и все куда-то въ сторону глядитъ, точно стыдится. — Слышалъ, говорю, но я не могу понять этого слова. Что оно значить и какъ его перевести? — Тутъ Радивой Яромировичъ оглянулся зачѣмъ-то кругомъ — я хорошо видѣлъ, что главный наблюдатель обнаруживаетъ желаніе подойти къ моему столику — оглянулся и отвѣтилъ довольно равнодушно: какъ же вы бысте хтѣли написать? Не хтѣли разумѣти, а не разумѣете. — Однако же, какъ написать? Развѣ нельзя сказать? — Не могу, не смѣю! А не страхуйтесь инъ оставите мѣсто пусто: для насъ то ничего, — и отошелъ въ сторону. Я очень хорошо зналъ, что это можетъ быть и «ничего», но пугало разсердило меня. Я непремѣнно рѣшилъ добиться толку. Эта таинственность угнетала мою душу. И я ждалъ новаго свѣдущаго человѣка. Ждать пришлось недолго: вскорѣ мимо моего столика началъ прогулку Иванъ Андреевичъ Буранъ. Рѣшено — въ нему! Но этотъ человѣкъ — кремень, нѣтъ, что кремень, это — алмазь. Всѣмъ извѣстно, что онъ не глухъ, но въ эту пору онъ былъ глухъ какъ глухой тетеревъ и нѣмъ какъ рыба. И при этомъ какъ будто нарочно прогуливался около моего столика. Разъ десять я громко шепталъ: Иванъ Андреевичъ, Иванъ Андреевичъ — никакого отклика. Но, наконецъ — вы только представьте себѣ! — онъ пожалъ плечами — и только! Понимаете-ли, пожалъ плечами! Ну, послѣ этого я ни за какія блага, ни за какія коврижки не обратился-бы къ нему: онъ пожалъ плечами, и этимъ все сказано. Тутъ лишь впервые мелькнула у меня мысль о центрѣ.

Васильевъ мелькомъ взглянулъ на Борисова, который улыбнулся съ видомъ искренняго сочувствія: онъ слушалъ рассказъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Разумѣется, предварительно я обозрѣлъ мѣстность. У окна, что не вдалекѣ отъ моего столика, стоялъ учитель словесности и пронзительно озиралъ мой листъ бумаги, почти чистый еще. Какъ разъ насупротивъ находился какой-то косматый учитель огромнаго роста и равнодушно заглядывалъ мнѣ въ лицо. Главный наблюдатель пронзалъ меня колючими взорами, а тутъ какъ разъ явился еще новый посѣтитель, уже наблюдатель надъ наблюдателями, присланный нарочно, остановился у моего столика и скрестилъ руки на груди. Кому же неизвѣстно, что наблюдатель этотъ похожъ на Мефистофеля, съ своимъ высохшимъ, саркастическимъ лицомъ и провалившимися глазами, которые пылаютъ чисто педагогическимъ пламенемъ. Онъ стоялъ и упорно не двигался съ мѣста. *Me infelicem miserrimumque!* Слышу однако кругомъ подозрительные шопоты. Точно ручеекъ рокоталъ по камушкамъ. Точно листъ шелестилъ въ осинникѣ, въ ясный солнечный день. Погода стояла прекрасная, тихая, солнечная. Солнце жгло мнѣ уши, а новый посѣтитель все стоялъ за моимъ столикомъ. Кажется, онъ наблюдалъ за моими сосѣдами. Полагаю, что я былъ внѣ поля его зрѣнія. Впрочемъ

онъ былъ въ очкахъ, и это заставило меня быть осторожнымъ: въ очкахъ можно видѣть многое изъ того, что происходитъ позади. А между тѣмъ шопоты все усиливались,—то центры сообщались съ созвѣздіями и звѣзда говорила со звѣздой. Я скосилъ глаза на центръ. Вижу, онъ какъ-то подозрительно свѣсилъ со столика свой клейменный листъ, и къ этому-то листу были прикованы жадные взоры ближайшаго созвѣздія, которое лихо-радочно списывало и въ то-же время съ удивительнымъ постоянствомъ дюймъ за дюймомъ подвигало свой столикъ по паркетному полу, разумѣется, въ направленіи центра. Здѣсь дѣйствовала сила центростремительная. Но гдѣ-же была центробѣжная? Она стояла у окошка, созерцала работу силы противоположной и—слегка улыбалась. Ну, рѣшилъ я тогда, очевидно, этотъ наблюдатель неблагонадеженъ, хотя, признаюсь, и не ожидалъ я этого отъ учителя словесности. Это былъ пріятный сюрпризъ, онъ ободрилъ меня нѣсколько. Но дѣло въ томъ, что у меня было очень мало написано. Мнѣ необходимо былъ центръ во что-бы то ни стало. Я видѣлъ, какъ ближайшее созвѣздіе заимствовало свой свѣтъ отъ центра, какъ его неудержимо влекло къ центру, но я—я оставался на мѣстѣ. Мое положеніе было адское, невыносимое.

Межъ тѣмъ директоръ какъ-то негодующе-подозрительно оглянулся кругомъ, пошептался о чемъ-то съ наблюдателемъ надъ наблюдателями, который подошелъ къ красному столу и былъ мрачнѣе тучи въ осеннюю ночь,—и грубовымъ голосомъ объявилъ намъ, что если эти шопоты и переговоры будутъ продолжаться, то, на основаніи раздѣла і параграфа 55-го какихъ-то правилъ, онъ прекратитъ экзаменъ, который будетъ отложенъ до будущаго года. Срокъ назначенъ—пять минутъ. Конечно, это было очень строгое и совершенно необходимое предупрежденіе, но и очень благодѣтельное для нѣкоторыхъ несчастныхъ. Почему? Очень просто! Такой экстраординарный случай отвлекаетъ вниманіе наблюдателей, и, пользуясь этимъ, центры дѣйствуютъ смѣлѣй. По крайней мѣрѣ, мой центръ успѣлъ передать одному изъ созвѣздій—но не мнѣ—бумажный сверточекъ, и никто не замѣтилъ. Повторяю, учитель словесности былъ неблагонадежный наблюдатель, да и косматый учитель тоже; я узналъ, что онъ также прикосновенность имѣетъ къ словесности: это уже такое специальное достоинство, кажется, всѣхъ вообще учителей словесности. То достовѣрно, что косматый учитель, видя мои томленія и танталовы муки, пытался заслонить меня своимъ богатырскимъ корпусомъ отъ взоровъ краснаго стола. Это мнѣ отчасти пригодилось. Во всякомъ случаѣ, я ни съ кѣмъ не шептался. Я созерцалъ центръ. Вижу, онъ передвинулъ свою черновку, неписанную очень, очень крупно и четко, и сталъ потихонько свѣшивать ее со столика, какъ-бы для удобства писанія въ началѣ листа. Тутъ я забылъ все на свѣтѣ и списалъ довольно таки, строкъ пятнадцать: на мнѣ были особые очки. Впрочемъ, до «пугѣла» дѣло еще не дошло.

И вдругъ случилось нѣчто подозрительное. Главнѣйшій наблюдатель подошелъ къ моему столику шаговъ на пять, вскинулъ поверхъ очковъ роговое *pinse-nez* и сталъ упорно разглядывать меня. Потомъ зашелъ сзади и ручаюсь головой, что онъ наблюдалъ именно за мною: спина моя чувствовала это. Затѣмъ онъ отправился къ директору и что-то шепнулъ. Директоръ, на основаніи какого-то раздѣла, кажется, тысяча первой статьи, потребовалъ, чтобы столики были возвращены на первоначальныя мѣста и на будущее время не сдвигались, иначе, на основаніи раздѣла *i*, экзаменъ будетъ прекращенъ. Тутъ нѣкоторые учителя, это я хорошо замѣтилъ, разсмѣялись самымъ постыднымъ образомъ, а Николай Игнатьевичъ соорудилъ какую-то невозможную гримасу: онъ старался удержаться отъ хохота и навѣрное искусалъ себѣ губы до крови. Никто столиковъ не сдвигалъ: ожидали. Директоръ объявилъ ультиматумъ, и началось передвиженіе. Кажется, переселеніе было всеобщее, самое скандальное и неприличное — *incredibile visu*! Но это уже слишкомъ — я не двигался: будь, что будетъ! Съ одной стороны, вижу, центръ изготавилъ для меня что-то на бумажкѣ, дѣластъ нѣкоторыя приспособленія и подаетъ условные знаки. Съ другой стороны, посторонній наблюдатель въ двойныхъ очкахъ помѣстился за краснымъ столомъ, раскрылъ какую-то книгу, а изъ-подъ книги зорко слѣдитъ за мною. У меня даже въ груди заклокотало. Очевидно, все потеряно, кромѣ чести! Я положилъ перо на столъ и сталъ прямо смотрѣть въ глаза наблюдателю. Вижу, онъ опустилъ книжное забрало и глаза его засверкали. Но мнѣ было безразлично. Шепчетъ что-то директору, — этотъ ко мнѣ: — Вы уже написали? — Нѣтъ еще. — Такъ что-же не оканчиваете? — У меня болитъ желудокъ. — Угодно вамъ выйти? — Нѣтъ. — Такъ оканчивайте отвѣтъ, или можете подать неоконченнымъ: срокъ истекаетъ. Не угодно-ли подать вашъ отвѣтъ? — Такъ я лучше выйду. — Хорошо-съ. Пожалуйста отвѣтъ. — Онъ взялъ мою черновку, взглянулъ на часы и что-то приписалъ на поляхъ, кажется, отмѣтилъ время моей отлучки, и отнесъ бумагу къ красному столу. Посторонній наблюдатель — онъ изъ классиковъ и извѣстенъ диссертацией о вѣронтомъ происхожденіи коня Буцефала — съ кроваждаемымъ видомъ набросился на мою черновку и, какъ мнѣ рассказывали товарищи, хихикалъ совсѣмъ какъ Мефистофель. Я вышелъ на больничный корридоръ, но тутъ ко мнѣ немедленно подошелъ швейцаръ съ педелями и выразилъ желаніе неотступно пользоваться моимъ обществомъ. Тутъ ужъ я все понялъ: какая тонкая предусмотрительность. Мы покурили на корридорѣ и даже, помню, бесѣдовали о чемъ-то. Являюсь. И вновь директоръ справился съ часами и сдѣлалъ надпись на поляхъ моей черновки. Собираюсь идти къ моему столику, какъ вдругъ посторонній наблюдатель обратилъ ко мнѣ крылатое слово: — Позвольте на минуту. Скажите, пожалуйста что вы думали выразить этимъ: *hanc Pugalonis civitas*? Что это можетъ значить? — Я полагалъ, отвѣчаю, что «пугало» — собственное имя. Иначе я не

умѣю понять это слово. — Значить, Pualo, Pualonis, вы полагали? — Да, несомнѣнно такъ. — Прекрасно, прекрасно. Извольте вашу черновку. Не угодно-ли вамъ сѣсть вотъ здѣсь, подлѣ меня. — Мнѣ, говорю, безразлично. — И дѣйствительно, мнѣ было уже безразлично.

— Что было потомъ, не помню въ точности — закончилъ Васильевъ свою повѣсть о Пугалонѣ. — У меня страшно разболѣлась голова. Кажется, я продолжалъ переводъ. Срокъ уже окончился, и товарищей моихъ уже удалили изъ зала, но мнѣ дали льготу на полчаса. Что за нелѣпости я написалъ, не съумѣю сказать. Помню одно: сарут поставилъ невѣрно въ творительномъ падежѣ и, главное, съ прилагательнымъ въ женскомъ родѣ! Словомъ, навралъ ужасно: нельзя вѣрно склонять сарут, когда голова не въ порядкѣ. Радивой Яромировичъ потомъ мнѣ разсказалъ ужасныя вещи про мой отвѣтъ, но пусть это останется секретомъ. *Inde lacrimae!*

Снова вытеръ Васильевъ вспотѣвшее лицо и заговорилъ вялымъ, утомленнымъ голосомъ, но по-латыни:

— *Amicissimi ac dignissimi condiscipuli mei! Attendite.... haud ita, haud ita... diligenter audite quid vobis dicam. In provincia quum repeditor aut paedagoga duobus discipulis essem или, быть можетъ, fuisset—это все равно,—itaque, quum repeditor essem, multa censebam et percensebam, ubi enim finis aut resultatus meorum disputationum? Vultisne hoc scire, vos, condiscipuli, rogo, aut non vultis.... haud ita.... aut nolitis?*

— Съ удовольствіемъ, Васильевъ!

— *Magna cum voluptate, respondere debetis. Bene, valde bene. Itaque, audite. Graeca et latina linguae horribillime difficiles sunt. Vultisne itaque mecum semper latine ac graece loqui aut nolitis? Repetitio est mater studiorum, чортъ возьми! Universitatem autem fructum esse posse semper classice loquendi existimo. Haec mos omnibus nobis salutaris esse potest, valde salutaris. Haec ad universitatem via unica rectissima suavissima facillima optima! Это вѣрно, клянусь Юпитеромъ, Аполлономъ, Меркуріемъ и Діаной! Vultisne itaque aut nolitis, Vos, Quirites, rogo. Tacetis, homunculi? Quos ego! Odi profanum vulgus et arceo. Jupiter, tu parum castis inimica mitte fulmina lucis! Dixi et animam meam aut quidem animum—это все равно—levavi!*

Н. Аранджу

ИЗЪ ЖАРЛА СНОИЛЬСКАГО.

(Съ шведскаго).

I.

СОЛДАТКА.

Солдатка-мать склонилась къ колыбели,
Творя молитву: «Въ дальней сторонѣ
Храни. Господь, кормильца на войнѣ!»...
И шепчетъ подъ тоскливый стонъ мятели:

«Ахъ, свидѣться-бъ скорѣ Богъ послалъ!..
Какой кафтанъ я милому пошила,
Какое пиво для него сварила,—
Онъ отъ роду такого не пивалъ!...»

Вдругъ ей кольцо тихонько палецъ сжало...
— То вѣсточку онъ шлетъ издалека!
Вся просвѣтлѣвъ, солдатка прошептала.

А тамъ, на берегахъ Луары дальней
Съ нѣмого трупа перстень обручальный
Срывала жадно дерзкая рука.

II.

СОНЪ.

Jag drömde om frihet en dröm...

Приснился мнѣ сонъ золотой;
Онъ счастьемъ свободы быть полнъ:
Корабль проносился стрѣлой,
Шумя среди пѣнистыхъ волнъ.
Мнѣ снился олень горделивый,
Летащій межъ скалъ чрезъ кусты,
Весенній ручей шаловливый...
Свобода, мнѣ грезилась ты!

Мнѣ снился орелъ на горахъ:
Былъ свѣтель, какъ день, его взоръ,
И крылъ его шумный размахъ
Звучалъ величаво средь горъ.
Мнѣ снилися воды нѣмыя—
Ихъ струи, что вѣчно чисты,
И дикія пущи лѣсныя...
Свобода, мнѣ грезилась ты!

Мнѣ снился лѣсистый пріютъ,
Веселый лужокъ у воды,
Дикарь, находящій свой путь
При блескѣ полярной звѣзды.
Герой средь селенья въ долинѣ,
Народъ свой зовущій на бой...
Мнѣ снился тотъ сонъ на чужбинѣ:
Я бредилъ, отчизна, тобой.

Н. Лисовская.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ.

Въ настоящую пору народнаго бѣдствія и нужды, я счелъ умѣстнымъ предложить благосклонному вниманію читателей краткій рефератъ объ ученіи одного изъ самыхъ странныхъ, оригинальныхъ, но вѣсть съ тѣмъ, самаго многосторонняго изъ утопистовъ начала нынѣшняго столѣтія. Шарля Фурье. Если откинуть странную, фантазерскую, экзальтированную сторону его писаній и мечтаній (на счетъ которыхъ, какъ мы увидимъ, онъ и самъ не заблуждался), то нужно сказать, что всѣ усилія этого гигантскаго мыслителя, глубокаго наблюдателя и горячаго проповѣдника, всѣ его помыслы и мечты были направлены къ улучшенію участи человѣка, къ уничтоженію невѣжества, нужды, жестокости, вражды, болѣзней, бѣдствій и несчастій. Онъ жилъ мыслию о счастіи человѣчества, счастіи, достигаемомъ единеніемъ людскихъ силъ, гармоніей отношеній и разумнымъ направленіемъ дѣятельности людей. Эти мечты такъ и остались мечтами; пройдетъ еще много вѣковъ прежде, чѣмъ идеалъ, который носился передъ умственнымъ взоромъ великаго фантазера, будетъ осуществленъ. Но что значить въ исторіи человѣчества нѣсколько или даже много вѣковъ? Мы видимъ изъ исторіи, что идеи, провозглашенныя за десятки вѣковъ, продолжаютъ жить, не смотря на смѣну поколѣній, царствъ, народовъ и эпохъ, и сквозь дымъ столѣтій человѣчество созерцаетъ святыя образы великихъ учителей своихъ.

Ученіе Фурье очень мало извѣстно у насъ. Кромѣ трудности изученія его сочиненій, этому содѣйствовали два очень крупныхъ недоразумѣнія, которыя необходимо устранить. Весьма не далеко еще то время, когда слово «соціализмъ» считалось однимъ изъ тѣхъ «жупеловъ», которые такъ пугали московскую купчиху у Островскаго. Причина этому, разумеется, существовала: социалистовъ смѣшивали, правильно или неправильно, съ революціонерами, анархистами, террористами и т. д. Это было совершенно невѣрно, и очень скоро оказалось, что между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго. Въ Европѣ родился такъ называемый катедеръ-соціализмъ, который былъ усваиваемъ весьма серьезными государственными людьми; оказалось, что многія части ученія социалистовъ вошли въ программу такихъ правительствъ, какъ англійское, германское и наше (обращеніе въ казну желѣзныхъ дорогъ, фабричное законодательство, страхование рабочихъ, даровое обученіе и т. д.). Соціализмъ пересталъ быть пугаломъ, слово «соціализмъ» исчезло изъ обихода, ученія, направленные къ улучшенію произ-

водства и распредѣленія, были узаконены, а такіе трактаты объ этихъ вопросахъ, какъ знаменитый романъ Беллами, слѣбались предметомъ всеобщаго вниманія и уваженія.

Это первое недоразумѣніе. Второе, еще болѣе важное относительно Фурье, заключается въ томъ, что онъ никогда не думалъ быть ни социалистомъ, ни коммунистомъ. Напротивъ, всей силою своего краснорѣчія выступалъ онъ противъ Сен-Симона и Оуэна; онъ не только не колебалъ никакихъ основъ, но былъ горячимъ приверженцемъ религіи, порядка, началъ собственности и семейственности. Человѣкъ глубоко вѣрующій, онъ поклонялся единому Богу, Творцу вселенной, признавалъ безсмертіе души, проповѣдовалъ частную собственность и семью; онъ называлъ революцію однимъ изъ бичей человѣчества и понятія о порядкѣ, іерархіи и подчиненности развилъ до крайнихъ предѣловъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени мирный, врагъ всякихъ потрясеній, адептъ мирнаго и постепеннаго усовершенствованія. Онъ думалъ и писалъ на свой ладъ, одними былъ не понять, другими осмѣянь, третьими оклеветанъ. Я увѣренъ, что самое поверхностное знакомство съ ученіемъ Фурье разсвѣтъ эти недоразумѣнія и выставитъ въ настоящемъ свѣтѣ этого мистическаго, но въ высшей степени симпатичнаго «благодѣтеля человѣчества». Какимъ онъ себя считалъ и совершенно искренно хотѣлъ быть. Фурье (Francois-Marie-Charles) родился въ Безансонѣ въ 1772 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1837 г. Получивъ отъ отца значительное наследство, онъ потерялъ его во время осады Ліона войсками Конвента и прослужилъ два года въ военной службѣ. Во времена консульства онъ напечаталъ въ журналѣ статью *le Triumvirat continental*, въ которой доказывалъ, что Европа находится наканунѣ страшнаго кризиса. Триумвиратъ, о которомъ онъ говорилъ, состоялъ изъ Франціи, Россіи и Австріи. Последняя не можетъ имѣть важнаго значенія, и серьезная борьба за первенство должна возгорѣться между Россіей и Франціей. Наполеонъ не очень-то любилъ, чтобы журналы занимались такого рода разсужденіями, и приказалъ освѣдомиться объ имени автора. Юноша былъ спасенъ редакторомъ журнала, который доказалъ, что Фурье совершенно чуждъ политики. Это была совершенная правда, и Фурье во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ сильно нападалъ на революцію. Онъ былъ преимущественно человѣкъ мечты. Про него можно сказать, что онъ провелъ свою земную жизнь, не выѣшиваясь въ нее. Въ его существованіи не было никакой двойственности: создавъ себѣ фантастическій міръ, онъ спокойно жилъ въ немъ, нимало не заботясь о дѣйствительности. Свѣдѣнія о томъ, какъ онъ развивался, очень скудны, и ихъ приходится черпать изъ его-же сочиненій. По его словамъ, когда онъ былъ пятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ получилъ выговоръ за то, что въ магазинѣ своего отца, торговца сукнами въ Безансонѣ, обличалъ, передъ покупателями, приказчика во лжи. Когда ему было девятнадцать лѣтъ, онъ, въ качествѣ агента одного торговаго дома, былъ свидѣтелемъ того, какъ его хозяева топили хлѣбъ для поднятія его цѣны. Эти два факта поразили его и, какъ онъ выражается, «открыли ему глаза на природу человѣческихъ отношеній». Съ одной стороны онъ увидѣлъ «ложь, внушаемую съ дѣтства и господствующую въ сдѣлкахъ, съ другой—монополию, основывающую свое благосостояніе на недостаткѣ и нуждѣ въ продуктахъ». Съ тѣхъ поръ онъ почув-

ствовалъ, что «искренность сношеній и гармонія интересовъ могли-бы послужить основой лучшаго, разумнаго порядка вещей».

Недовѣрчивый къ жизни, презирая общественныя привычки и порядки, Фурье ограничился ролью наблюдателя; для изслѣдованія того, что происходитъ вокругъ него, онъ отправлялся отъ *«абсолютнаго сомнѣнія и абсолютнаго отрицанія»*. Онъ различаетъ, подобно позитивистамъ, науки точныя отъ наукъ неточныхъ, относя къ послѣднимъ метафизику, теологію, политику, мораль и политическую экономію. Но подвергая жестокой критикѣ всѣ эти науки, въ ихъ современномъ видѣ, Фурье въ отличіе отъ позитивистовъ не отвергаетъ ни метафизики, ни теологіи. Онъ упрекаетъ философовъ и теологовъ въ томъ, что они не исполняютъ своего назначенія, не понимаютъ своихъ наукъ и вмѣсто нихъ разрабатываютъ нѣчто совсѣмъ не похожее на то, чѣмъ должны быть эти науки. Онъ одинаково вооружается противъ суетврія, какъ и противъ атеизма, которые онъ называетъ слабостью и незаконнорожденнымъ ученіемъ, и горько сѣтуетъ на безбожіе цивилизаціи. Переходя къ наукамъ политическимъ, Фурье утверждаетъ, что съ незапамятныхъ временъ неудовлетворительность ихъ доказывается существованіемъ двухъ золъ, которыхъ цивилизація не сумѣла устранить: нужды, отравляющей жизнь индивидуума, и революцій, отравляющихъ жизнь государствъ. Такъ же рѣзко порицаетъ Фурье и науку о морали. Проповѣдая воздержаніе, объявляя войну страсти и наслажденію, мораль вводитъ ханжество и ложь во всѣ социальныя отношенія. Моралисты вынуждены лѣстить преступленіямъ сильныхъ, чтобъ всей тяжестью опровернуться на грѣшки слабыхъ. Политическая экономія должна быть также осуждена. Она представляетъ собою ученіе о хозяйственной свободѣ, которая есть не иное что, какъ распушенность и анархія; она освящаетъ пороки и преступленія коммерціи, а также и всѣ способы ограбленія общества, каковы банкротства, растраты, ажіотажъ, паразитизмъ. Отвергнувъ такимъ образомъ всѣ эти науки въ ихъ теперешнемъ состояніи, Фурье полагаетъ, что, не ослѣпленный ими, онъ можетъ видѣть вещи, какъ онѣ есть, а не какъ онѣ кажутся тѣмъ, которые «лѣтниво предаются ходу воспринятыхъ идей». Въ человѣчествѣ онъ видѣлъ массу людей, тратящихъ свои силы въ напрасныхъ войнахъ, вращающихся въ заколдованномъ кругу пороковъ, обезсиленныхъ въ вѣчныхъ, бесполезныхъ столкновеніяхъ. Онъ видѣлъ только заблужденія, страданія, несчастія; радости казались ему ложными, смѣхъ—скрытыми слезами. Онъ обратилъ вниманіе на двѣ крайности и указалъ на *страданіе*, какъ на символъ ошибки, и на *удовлетвореніе, удовольствіе*, какъ на символъ истины. Онъ сталъ искать выхода изъ этихъ крайностей и, насколько онъ думалъ, нашелъ его.

Фурье думаетъ, что всѣ несчастія человѣчества имѣютъ одну серьезную, дѣйствительную, коренную и глубокую причину. Это—непониманіе путей природы, которая, однако, не создала ничего такого, что было-бы существенно дурно, бесполезно. Если человѣчество совершаетъ свои отпавленія не съ той гармоніей, которая присуща движенію міровъ, то это происходитъ отъ того, что ему упорно внушается *жгучее* противуестественнаго. «Между Творцомъ и его твореніемъ легло 5000-лѣтнее недоразумѣніе».—Всѣ существовавшіе до сихъ поръ правственные кодексы и философскія системы пытались различить въ человѣкѣ двоякаго рода инстинкты—хорошіе и дур-

ные, а воспитаніе хлопотало о развитіи первыхъ и подавленіи послѣднихъ. Къ чему же спрашиваетъ Фурье, привело это подавленіе, прилагавшееся въ продолженіе столѣтій въѣковъ къ дурнымъ склонностямъ, какъ не къ тому, чтобы доказать, что и онѣ, подобно хорошимъ, неизгладимы и имѣютъ высшее происхожденіе? Согласившись съ этимъ, остается только посмотреть, не имѣютъ-ли эти инстинкты, прославленные дурными, какого-нибудь необходимаго назначенія въ общей гармоніи существъ, не благодѣяніе ли они для общества, вмѣсто того, чтобъ быть его бичомъ? Утилизировать страсти, обезпечить имъ свободное и цѣльное развитіе, такъ чтобы всѣ онѣ служили и ни одна не мѣшала человѣку, составить ассоціацію силъ и способностей—таковы, какъ мы увидимъ, и цѣль, и средства Фурье.

Подъ вліяніемъ первыхъ, еще смутныхъ впечатлѣній этихъ своихъ мыслей, Фурье издалъ, въ 1808 году, книгу, долгое время остававшуюся неизвѣстной: «*Théorie des quatre mouvements*». Теорія 4-хъ побужденій или, какъ переводить г. Вернадскій, 4-хъ движеній, къ которымъ Фурье впослѣдствіи прибавилъ еще 5-е *mouvement aromal*, подразумѣвая подъ нимъ тѣла невѣсомыя, электричество, магнетизмъ и т. п. Въ этой книгѣ уже высказана вся теорія Фурье. Остальные его сочиненія—не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе и комментаріи на нее. Уже въ этой книгѣ идетъ рѣчь и объ отѣнѣ частныхъ хозяйствъ и преобладаніи общественнаго, и о фаланговой организаціи человѣчества, и о господствѣ въ отношеніяхъ между людьми общей гармоніи—результата *страстнаго тяготѣнія* или *влеченія* (*attraction passionnée*), что выражало у Фурье свободную игру страстей въ новой эрѣ. Въ этой книгѣ уже указано на все, что впослѣдствіи стало принципами ученія Фурье: на земледѣльческую ассоціацію, на очередной трудъ, на короткое рабочее время, на космогоническія фазы земнаго шара, на организацію людей по группамъ и серіямъ, на всемірные принципы и аналогію. Здѣсь ничто не опущено; есть даже и формула, сдѣлавшаяся впослѣдствіи знаменитою: «общеніе людей въ капиталѣ, трудѣ и талантѣ».

Не смотря на то, это сочиненіе—странная и слишкомъ не систематическая композиція и отличается всѣми недостатками перваго произведенія. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ Фурье, бросается въ глаза какъ будто громадность его знанія, учености и начитанности. Онъ все знаетъ, всего касается: и литературы—множествомъ цитатъ, и исторіи—доказательствами, почерпаемыми имъ изъ нея, и торговли—многочисленными наблюденіями, и математики—выводами, которые онъ у нея заимствуетъ, и философіи—неотвязчивой критикой ея положеній.

Впрочемъ, Фурье не думалъ, чтобъ его сочиненіе произвело какое-нибудь впечатлѣніе на массу публики; онъ надѣялся лишь, что раньше или позже оно поразитъ вниманіе какого-нибудь богатаго и могущественнаго человѣка, банкира и, кто знаетъ, можетъ быть короля. Одно время Фурье рассчитывалъ на содѣйствіе Наполеона, этого новаго Геркулеса, который долженъ былъ воспитать человѣчество на развалинахъ варварства и цивилизаціи». Но герой оставался глухъ къ этимъ воззваніямъ, и Фурье впослѣдствіи называлъ его «недоноскомъ во всемъ, кромѣ военнаго дѣла».—Онъ обращался къ «Обществу христіанской нравственности», доказывая, что его ученіе въ высшей степени религіозно и приновлено ко всѣмъ доктринамъ законной власти. Обращался

и къ англичанамъ, общая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ совершить свою «операцию», такъ что самые невѣрующіе убѣдятся. Онъ болѣе искалъ средствъ къ осуществленію своихъ идей, чѣмъ людей, которые-бы имъ сочувствовали: онъ надѣялся, что великолѣпнѣе результатовъ, математическая форма рѣшенія задачи, величіе плановъ и ихъ полезность возбуждать въ его пользу чье-нибудь щедрое вѣншательство или какую-нибудь финансовую кооперацію. Онъ ждалъ терпѣливо и всегда считалъ себя накануне рѣшительнаго испытанія. Но увы! и это была только одна мечта Фурье. Великіе міра сего рѣшительно не хотѣли обращать вниманія на чудеса, разсѣянные въ его книгѣ...

Послѣ «теоріи 4-хъ побужденій» Фурье молчалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, размышляя надъ своими открытіями среди занятій въ какой-то конторѣ, все еще надѣясь, ожидая. Въ 1822 г. онъ снова явился передъ публикою съ своимъ «Трактатомъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи», который онъ только по робости не озаглавилъ «Теоріей всемірнаго единства». Въ этомъ сочиненіи Фурье, опредѣленно и наивно, назначаетъ себѣ мѣсто рядомъ съ Ньютономъ. Ньютонъ открылъ тяготѣніе матеріальное, а онъ, Фурье,—тяготѣніе страстное. Первый указалъ законы жизни вселенной, второй—законы жизни людей. Всемірная аналогія и гармоническое единство, присущія функціямъ вселенной, суть факты, несомнѣвимые, по мнѣнію Фурье, съ жалкою и неотвязною судьбою человѣка. Эта аналогія и эта гармонія ясно указываютъ, что человѣчеству слѣдуетъ вернуться на оставленный имъ путь существъ нормальныхъ и хорошо устроенныхъ. Такимъ образомъ, всѣ страсти должны находить свое мѣсто въ человѣческой системѣ, какъ всякое тѣло небесное находитъ свое—въ звѣздной, и для этого нужно, чтобы первымъ, подобно послѣднимъ, была предоставлена полная свобода слѣдовать законамъ ихъ непосредственныхъ побужденій. Не нужно противопоставлять страстямъ цѣлой системы стѣсненій, которыя очень легко могутъ производить взрывы и вывести страсти далеко за предѣлы ихъ сферы. И если условія общественной среды мѣшаютъ свободному развитію страстей, то въ этомъ нужно обвинять не страсти (потому что онѣ, какъ хорошія, такъ и дурныя, имѣютъ начало божественное, а потому законны и неизмѣнны), а общественную среду—созданіе человѣка, брѣнное, подобно ему, и могущее измѣняться по его желанію.

Вся эта книга Фурье и всѣ, за ней слѣдовавшія: *Le nouveau monde industriel, le pamphlet contre Saint-Simon et Owen* и статьи его въ журналѣ «Фаланстерія» суть не болѣе, какъ прибавленія, доказательства и слѣдствія теоріи, уже полной и установленной. Вообразивъ себѣ міръ, пружина котораго земледѣліе, а колесо—ассоціація, Фурье старался опредѣлить малѣйшія подробности его, что вовлекло его въ чрезвычайную сбивчивость изложенія. Эти подробности, курьезныя и небывалыя, были стороною его ученія, требовавшей большаго напряженія мысли и громадной силы отвлеченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно брѣсавшейся въ глаза и подававшей обильную пищу смѣху, а во Франціи смѣхъ—вещь убійственная.

Фурье, осмѣянному и отринутому публикой, не оставалось ничего болѣе, какъ жить въ мірѣ, имъ самимъ созданномъ. Принужденный до 60 лѣтъ копировать письма, чтобы заработать себѣ насущный хлѣбъ, онъ находилъ единственную отраду въ мечтахъ о своихъ *открытіяхъ*. Онъ прогуливался, окруженный славой, посреди населе-

нія свободного и энтузіастическаго, почитавшаго его, какъ своего благодѣтеля, и вѣнчавшаго его, какъ своего царя; онъ говорилъ съ этими существами, дѣтьми его фантазій, на языкѣ, который одни они и понимали; онъ строилъ свои фаланстеріи, населялъ, организовалъ ихъ, самъ водилъ на работы группы «гармонистовъ», основывалъ городъ, столицу, «метрополию», соединялъ общественною связью востокъ съ западомъ, сѣверъ съ югомъ, присутствовалъ при провозглашеніи всемірнаго императора и собственноручно возлагалъ на голову мудреца 1-й степени лавровый вѣнокъ, присужденный ему двумя милліонами фалангъ.

Но все-таки труды Фурье не остались безъ послѣдствій, но не тѣхъ, какія ожидалъ онъ. За недостаткомъ монарховъ, которые протянули бы ему руку, и капиталистовъ, которые бы поняли его, Фурье, не искавши, нашелъ учениковъ. Ему не удалось осуществить свои мечты, но онъ основалъ школу. Еще въ 1814 г. онъ приобрѣлъ Мюирона, много писавшаго о доктринахъ Фурье и стремившагося къ осуществленію одного изъ его приложеній, *коммунистической конторы*. Черезъ довольно долгій промежутокъ времени Викторъ Консидеранъ присталъ къ ученію Фурье, какъ единственной будущности человѣчества. Воспитанникъ Политехнической школы, онъ вынесъ изъ нея тотъ спокойный и холодный умъ, ту математическую точность, которые много помогли въ приданіи всѣмъ его выводамъ внѣшняго вида строгой вѣрности. Горячій человѣкъ дѣйствія, онъ торопился вывести общественную доктрину изъ спекулятивной колеи, гдѣ она слабѣла и становилась безплодною. Фурье, увѣренный въ своихъ силахъ, ждалъ, чтобы къ нему пришли. Консидеранъ, напротивъ, старался породить какіе-нибудь случаи столкновенія между этимъ будирующимъ гениемъ, остановленнымъ въ своихъ стремленіяхъ, и міромъ, такъ охладившимъ его рвеніе. Были испытаны разныя средства пропаганды: въ Парижѣ были открываемы конференціи, на которыхъ Фурье излагалъ нѣкоторые отдѣльныя части своего ученія; потомъ Консидеранъ открылъ въ Мецѣ первый публичный курсъ теоріи Фурье.

Это случилось какъ разъ въ то время, когда Сен-симонизмъ, послѣ шума, который онъ нѣкоторое время производилъ, распался въ сомнѣніяхъ и уныніи. Многіе изъ Сен-симонистовъ и, между прочими, Лешевалье и Трансонъ, перешли подъ знамена Фурье, провозглашая превосходство его ученія. Первый прочиталъ въ Парижѣ публичный курсъ, который онъ потомъ издалъ. Другой напечаталъ въ *Revue Encyclopédique* нѣсколько статей, гдѣ онъ резюмировалъ «общественные законы». Другія многочисленныя сочиненія усиливали пропаганду¹⁾. Но большая часть ихъ слишкомъ занималась мелкими ежедневными спорами и отличалась формой изложенія жесткой и слишкомъ неосторожной для людей, заискивающихъ расположенія у публики, которую они же честятъ названіями тупой и далеко отставшей отъ нихъ во всемъ.

¹⁾ Табъ, *La destinée social; Considérations sur l'architectonique; de l'un des trois discours à l'Hôtel-de-Ville; la débâcle de la politique en France*—Консидерана, *Transactions de Virtomnius*—Мюирона, *Paroles de la Providence*—Клариссы Вигуре, наконецъ—*Les Dangers de la situation actuelle de la France*—Мориса.

Какъ бы то ни было, пропаганда нѣсколько подвинулась и стали подумывать о томъ, чтобы создать для нея органъ. Стараніями г-жи Вигуре и депутата Бодэ-Дюлари былъ основанъ журналъ «Фаланстерія» ¹⁾. Сотрудниками были тѣ-же Консидеранъ, Лешевалье, Трансонъ, Морисъ, Пэкёръ, Пажэ, Пеллярэнъ.

На этомъ не остановились: нашли возможнымъ предпринять осуществленіе теоріи, чего такъ добивался Фурье. Бодэ-Дюлари и братья Девэ сообща купили въ Condé-sur-Vesgres обширный участокъ, на которомъ должна была быть устроена фаланга. Обработали часть земель (обыкновеннымъ, впрочемъ. способомъ), возвели нѣсколько сельскихъ построекъ (тоже обыкновенныхъ). Но было далеко отъ того образцоваго совершенства, какого все это должно было достигнуть, притомъ оказался недостатокъ въ средствахъ. Это былъ не опытъ, а выкидышъ, и эта неудача была фатальною не только въ томъ отношеніи, что представлялась публикѣ несчастнымъ опытомъ (надъ которыми всегда смѣются), но и въ томъ, что отразилась на многихъ членахъ школы, поведши за собою реакцію съ ихъ стороны. Многие бросились искать въ политикѣ двигателя болѣе непосредственнаго—поле болѣе обширное для своей дѣятельности. «Фаланстерія» исчезла, и вокругъ Фурье воцарилась тишина. Онъ умеръ въ 1837 г. 66-ти лѣтъ. Послѣ смерти его Консидеранъ еще разъ попытался поднять знамя Фурье. Онъ сталъ издавать «Фалангу» (выходившую съ 1845—1849 гг.) и вновь началъ пропаганду. Но другіе ученики Фурье, болѣе опытные, искушенные жизнью, уже не хотѣли изолировать себя отъ міра сего. Они приняли всѣ условія дѣйствительнаго общественнаго устройства, возложивъ всѣ свои упованія на будущее. Они остались простыми придумывателями, *pia desideria* которыхъ—доказать на опытѣ превосходство такого общественнаго механизма, который содержалъ-бы въ зародышѣ самые блестящіе результаты. Еще болѣе, многие, рассчитывая, какъ медленна и трудна будетъ ихъ работа надъ поколѣніемъ, уже испорченнымъ привычками, думали упражняться надъ дѣтьми и основать общественный институтъ, гдѣ бы дѣти воспитывались по системѣ Фурье, т. е. сообразуясь съ призваніемъ дѣтей. Но это предпріятіе не осуществилось.

Не останавливаясь на дальнѣйшей исторіи фурьеризма, мы перейдемъ къ изложенію, по возможности краткому, самого ученія Фурье. Главная задача Фурье заключалась въ открытіи теоріи общества. Рѣшивъ, что неточныя науки не могутъ служить ни къ чему, онъ сталъ искать рѣшенія своей задачи въ наукахъ точныхъ. Если сила тяготѣнія устанавливаетъ гармонію въ движеніяхъ звѣздъ, то нѣтъ-ли подобной силы, влеченія, которая установляла бы гармонію въ людскихъ отношеніяхъ? По мнѣнію Фурье, природа состоитъ изъ трехъ вѣчныхъ, несотворенныхъ и неразрушимыхъ началъ: Бога, матеріи и справедливости или математики. Во всемогуществѣ Божіемъ онъ находитъ причину, а въ Его справедливости разумное основаніе всеобщихъ судебъ. Всемирная воля обнаруживается во *всемирномъ тяготѣніи* и въ тяготѣніи или *влеченіи людей* другъ къ другу; въ животномъ и неорганическомъ царствахъ Фурье усматривалъ то же явленіе. Это тяготѣніе, круговращаясь въ самомъ себѣ, постоянно производитъ, сохраняетъ и разрушаетъ. Отсюда пять родовъ движеній или побужденій:

¹⁾ Онъ выходилъ въ 1832—1834 гг.

матеріальное, аромальное, органическое, инстинктуальное и общественное. Теорія матеріального движенія объясняетъ законы движенія вѣсомой матеріи; теорія аромального движенія объясняетъ распредѣленіе матеріи невѣсомой; теорія органическаго движенія излагаетъ законы, по которымъ распредѣляются формы, цвѣта, запахи, вкусы и свойства тѣлъ; теорія инстинктуальнаго движенія объясняетъ распредѣленіе склонностей и инстинктовъ; наконецъ, теорія движенія соціального или страстнаго должна знакомить съ законами, которыми управляются общественные механизмы во всѣхъ обитаемыхъ мірахъ. Изъ этихъ пяти движеній Фурье считаетъ послѣднее основнымъ, а первыя четыре главными, и, утверждая, что существуетъ единство въ системѣ движенія какъ для міра матеріальнаго, такъ и для міра духовнаго, онъ строитъ новую, точную науку—аналогію движенія, или аналогію между видоизмѣненіями матеріи и математическою теорією страстей у человѣка и животныхъ. Изъ всемірнаго тяготѣнія вытекаетъ ¹⁾ *всемирная аналогія*, по которой, напр., всѣ страсти имѣютъ свою аналогію въ природѣ (свойства дружбы суть точная копія свойствъ круга, любовь соответствуетъ эллипсу и т. п.).

Міръ, по мнѣнію Фурье, будетъ существовать 80,000 лѣтъ. Половину этого времени онъ будетъ возвышаться, другую падать. 8.000 лѣтъ міръ будетъ находиться въ апогеѣ. Существова только около 7,000 лѣтъ, современный намъ міръ едва сталъ отрокомъ и до сихъ поръ знаетъ только неправильное, дурное и неразумное дѣтское существованіе. Онъ пройдетъ и періодъ юности, зрѣлости и, наконецъ, кульминируя свое лучшее время, начнетъ клониться къ упадку. Этого требуетъ законъ аналогіи. Міръ, подобно человѣку, подобно животному, растенію, долженъ родиться, расти, развиваться и погибнуть; вся разница во времени.

Фурье составилъ, въ самыхъ непонятныхъ выраженіяхъ, до невѣроятности спутанныхъ подраздѣленійхъ и сочетанійхъ, таблицу хода соціального движенія, которую онъ настоятельно совѣтуетъ прочесть два или три раза. Соціальный порядокъ «на третьей планетѣ, именуемой землей», долженъ пройти четыре фазы, подраздѣленныхъ на 32 періода, которые всѣ вмѣстѣ продолжатся 80,000 лѣтъ. Первый фазисъ, конецъ котораго наступитъ съ основаніемъ одного кантона прогрессивныхъ серій, продолжается, очевидно, и до сихъ поръ, хотя Фурье его считаетъ всего въ 5,000 лѣтъ. Онъ называетъ его «восходящимъ хаосомъ», характеризуя его господствомъ невѣжества и философій, и дѣлитъ на 7 періодовъ: смѣшанныя серіи—тѣнь счастья, дикость, патриархатъ, варварство, цивилизація, гарантизмъ и приготовительныя серіи—заря счастья. Этотъ фазисъ есть вѣкъ несправедливости, вѣроломства, вражды, нужды, революцій и тѣлесной слабости. По окончаніи его произойдетъ скачекъ изъ хаоса въ гармонію, начнется второй фазисъ, содержащій девять періодовъ и продолжающійся 35,000 лѣтъ. Первый изъ этихъ періодовъ носитъ названіе: серіи комбинированныя простыя, остальные восемь: серіи сложныя восходящія. Тутъ родится сѣверный вѣнецъ (нѣчто въ родѣ Сатурнова кольца, который растопитъ льды сѣвернаго и южнаго океановъ и

¹⁾ На основаніи, какъ говоритъ Фурье, какого-то математическаго закона, котораго онъ, впрочемъ, и не доказывалъ.

сдѣлаеть ихъ судоходными) и произойдутъ невѣроятныя чудеса, всюду разовьются просвѣщеніе и свѣтъ, моря сдѣлаются вкусными и пахучими и т. д. Послѣдній изъ этихъ девяти періодовъ и первый изъ послѣдующихъ составитъ апогей счастья, продолжающійся 8,000 лѣтъ. Третій фазисъ, во всемъ подобный второму, состоитъ тоже изъ девяти періодовъ. Изъ нихъ первые восемь носятъ названіе: серіи сложныя нисходящія, а девятый опять: серіи комбинированныя простыя. Между восьмымъ и девятымъ изъ этихъ періодовъ погаснетъ сѣверный вѣнецъ, моря опять сдѣлаются горькими и вонючими, а послѣ девятаго кончится счастье. Опять произойдетъ съачекъ,—но уже изъ гармоніи въ хаосъ. Наступитъ четвертый фазисъ, состоящій изъ тѣхъ же семи періодовъ, что и первый фазисъ, только въ обратномъ порядкѣ. Первый изъ этихъ семи періодовъ сохранитъ еще отпечатки, слѣды счастья; по окончаніи послѣдняго наступитъ конецъ міра животнаго и растительнаго, духовная смерть міра и другія явленія, совершенно непонятныя. Къ этому надо прибавить, что всѣ эти четыре фазиса или 32 періода распадаются на 18 актовъ твореній, изъ которыхъ первый обнимаетъ всѣ 7 періодовъ перваго фазиса и первый періодъ втораго фазиса; затѣмъ каждый изъ послѣдующихъ періодовъ (9—24 включительно) будетъ сопровождаться своимъ собственнымъ актомъ творенія; «каждый изъ нихъ дастъ новыя произведенія во всѣхъ трехъ царствахъ (животномъ, растительномъ и неорганическомъ), а также новыя формы социальныхъ отношеній, ничего не измѣняя однако въ механизмъ прогрессивныхъ серій»; наконецъ 18-й актъ творенія обнимаетъ послѣдній періодъ третьяго фазиса и весь четвертый и закончится, какъ мы видѣли, катастрофой.

Что касается людей, то Богъ создалъ 16 родовъ людей: 9 въ старомъ и 7 въ новомъ свѣтѣ. Всѣ они, впрочемъ, подлежатъ законамъ всемірнаго единства и аналогіи. Тѣмъ не менѣе Богъ, сотворивъ существующій міръ, сохранилъ рядъ послѣдующихъ актовъ творенія, которыхъ будетъ еще до 18-ти. Каждый изъ нихъ произойдетъ отъ сліянія сѣвернаго тока съ южнымъ. До сихъ поръ все продолжается первый актъ творенія. Другіе ждутъ своей среды—среды гармонической.

Какъ психологъ, Фурье не только признаетъ безсмертіе души, но даже допускаетъ безсмертіе или воспроизведеніе матеріи. Душа существуетъ, говоритъ онъ, независимо отъ человѣка, до и послѣ него. Но для того, чтобы не быть изолированной отъ матеріальнаго міра, она соединяется съ тѣломъ. У Фурье, въ отличіе отъ переселенія душъ индусовъ и метемпсихозъ Пифагора, душа не спускается по лѣстницѣ созданія, а всегда переселяется въ тѣла людей нашего ли, другаго ли міра—все равно. До скончанія міра каждая душа сдѣлаеть 810 переходовъ и составитъ, такимъ образомъ, 1620 существованій.—Изъ 80,000 лѣтъ, которыя это будетъ продолжаться, 54,000 душъ будетъ жить на остальныхъ планетахъ, а 26,000—на нашей. Планеты имѣютъ также свои особенныя, великія души, которыя тоже переходятъ въ другія планеты вмѣстѣ со всѣми на нихъ находящимися душами.

Мы видимъ, что эта часть ученія Фурье стоитъ, пожалуй, ниже мечтаній Пифагора и Фонтенелля о томъ же предметѣ. Самъ Фурье чувствовалъ, что эта часть его труда покажется публикѣ скорѣе результатомъ галлюцинаціи, чѣмъ спокойнаго мышленія, и написалъ слѣдующее: «....Но какое отношеніе имѣютъ эти принадлеж-

ности къ главному дѣлу, состоящему въ искусствѣ организовать соединенное производство, которое, по крайней мѣрѣ, учетверитъ продуктъ, улучшить нравы, произвести согласіе 3-хъ классовъ: бѣдныхъ, зажиточныхъ и богатыхъ, забвеніе парціальныхъ распрей, прекратить эпидеміи, революціи и создать всемірное единство».

«Мои хулители сами выдаютъ себя, нападая на новыя науки: космогонію, психологію и аналогію, которыя не касаются теоріи соединеннаго производства. Если и правда, что эти новыя науки не больше какъ ошибка, то тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что я первый и единственный указалъ на способъ къ изглаженію всѣхъ неравенствъ и учетверенію продукта одной эксплуатаціей страстей, инстинктовъ и характеровъ. Вотъ на что должно обращать вниманіе, а не на новыя науки, которыя я только предвѣщаю».

«Станный деспотизмъ—осуждать всѣ произведенія какого-нибудь писателя за то только, что нѣкоторые изъ нихъ не хороши. Написалъ же Ньютонъ какія-то мечтанія объ апокалипсисѣ, старался же онъ доказать, что папа—антихристъ. Безъ сомнѣнія, это сумасшествіе, но тѣмъ не менѣе его теорія тяготѣнія и отраженія, и переломленія лучей свѣта хороша и общепринята. Всегда при обсужденіи чего-либо отличаютъ вѣрное отъ невѣрнаго, почему только относительно меня не слѣдуютъ этому правилу?»

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего, остается послѣдовать имъ и обратить вниманіе на остальныя части ученія Фурье, и прежде всего на его ученіе о страстномъ тяготѣніи или влеченіи (*attraction passionnée*) и анализѣ 12 радикальныхъ страстей.

Фурье говоритъ: «обязанность имѣть происхожденіе человѣческое, влеченіе—Божественное. Насколько вѣрно первое, видно изъ того, что обязанности разнообразятся отъ народа къ народу, отъ эпохи къ эпохѣ. Вѣрность второго—изъ того, что страсти неизмѣнны и одинаковы у всѣхъ народовъ, какъ у самыхъ дикихъ, такъ и у образованныхъ, во всѣ времена. Богъ поддерживаетъ тенденцію влеченія страстей, не смотря на злоупотребленія, дѣлаемыя изъ нихъ людьми. Комбинированныя надлежащимъ образомъ, страсти должны служить къ возможности наступленія и торжества будущихъ судебъ. Теперь страсти смѣнены и среда, въ которой онѣ дѣйствуютъ—временна. Но впослѣдствіи онѣ вступятъ въ среду, сохраненную для нихъ Богомъ, и будутъ удовлетворены всѣ. Всякое влеченіе есть дѣло естественное, законное, противодействовать которому грѣшно. Влеченіе есть такой же законъ человѣчества, какъ тяготѣніе—законъ міра. Влеченій столько, сколько первоначальныхъ страстей, и истинная мудрость заключается въ умѣніи уступать своимъ страстямъ, потому что они—компасъ, вложенный въ насъ Богомъ». Не колеблясь между свободой и принужденіемъ, страстями и нравственностью, Фурье прямо говоритъ, что если среда, въ которой вращаются страсти («Богомъ вдохновленная»), представляетъ препятствія ихъ движенію и гармоніи, то нужно измѣнить эту среду, создать новую среду, новый міръ, на новыхъ началахъ. Въ этомъ мірѣ, гдѣ игръ страстей данъ будетъ возможно большій просторъ, само собой установится то гармоническое равновѣсіе, котораго не могло произвести стѣсненіе. Влеченіе вытѣснитъ обязанность такимъ образомъ, что всѣ

страсти будутъ удовлетворены. Тогда-то человѣкъ перестанетъ быть живой антиноміей, поставленной между внушеніями своей природы и предписаніями житейской мудрости. Исчезнетъ все угрожающее какъ душевнымъ порывамъ, такъ и тѣлеснымъ инстинктамъ: не будетъ ни репрессивной юстиціи, ни преступленій, ни наказаній. Принужденіе и безпорядокъ уступятъ мѣсто гармоніи и единству. Новый общественный механизмъ осуществить тотъ математическій законъ, по которому нужно употребить всѣ силы, воспользоваться всѣми склонностями, согласовать всѣ побужденія, соединить всѣ воли, дѣйствовать, однимъ словомъ, такъ, чтобы общій интересъ, независимый въ своихъ стремленіяхъ, основывался на общемъ, совпадалъ съ нимъ и содѣйствовалъ ему.

Фурье признаетъ 3 цѣли человѣческихъ стремленій: потребность *роскоши*, склонность къ *группированію* и тенденціи *единства*. Роскошь, распадающаяся на внутреннюю и внѣшнюю, включаетъ въ себѣ прежде всего здоровье, а затѣмъ богатство. Склонность къ группированію обнимаетъ всѣ «трогательныя» (affective) чувства: дружбу, любовь, честолюбіе и родственность. Эти разносильныя и разнородныя страсти связываютъ и группируютъ индивидуумовъ. Но надъ ними господствуютъ три высшія, «управляющія страсти». Двигатели величайшихъ человѣческихъ дѣлъ: *кабалистическая* (la cabaliste), *страсть къ переменамъ* (la alternante ou rapillonne) и *сложная* (la composite). Первая есть «порывъ, размышляющій, спекулятивный, стремящійся раздѣлить побужденія, чтобы дать имъ какъ можно больше свободы и содѣйствовать (при помощи сложныхъ вліяній) установленію воли». Вторая есть потребность въ разнообразіи, непреодолима жажда контрастовъ и переменъ сценъ. Эта страсть вмѣшивается во все, привлекаетъ своей подвижностью и устраняетъ пресыщеніе. Она-то распространяетъ наиболѣе счастья въ обществѣ. Наконецъ, третья—слѣпой порывъ, производящій самопожертвованіе, вдохновеніе въ искусствахъ и краснорѣчій. Она опирается на потребности въ сильныхъ ощущеніяхъ и желаніи человѣка браться за трудныя задачи. Это почти то, что обыкновенно называютъ энтузіазмомъ.

Эти три страсти возвышаются надъ четырьмя *чувственными* (affectives) страстями, которымъ въ ихъ очередь подчинены пять матеріальныхъ чувствъ (зрѣніе, слухъ и т. д.).

Свободная игра всѣхъ этихъ страстей внушаетъ человѣку *чувство единства*—результатъ всѣхъ другихъ чувствъ, точно такъ же какъ бѣлый цвѣтъ есть результатъ соединенія всѣхъ остальныхъ. Аналогія на этомъ не прекращается, и у страстей, какъ у цвѣтовъ, есть безконечное число оттѣнковъ. Но, строго говоря, страстей 12, и Фурье доказываетъ это своимъ извѣстнымъ аналогическимъ способомъ¹⁾, которому, какъ онъ самъ указалъ, не стоитъ слѣдовать.

Послѣ открытія закона влеченія Фурье оставалось сдѣлать одинъ шагъ для того, чтобы дойти до общественной процедуры; но прежде, чѣмъ «создать» новую теорію общественнаго устройства, Фурье предстояло «разрушить существующую и картиной

¹⁾ Сравнивая систему страстей то съ звѣздной системой, то съ музыкальной гаммой и т. д.

настоящихъ отношеній доказать полезность и настоятельность реформы. Глядя на все съ своей точки зрѣнія, онъ нарисовалъ эту картину красками нисколько не лестными. Въ земледѣліи онъ показалъ фатальную раздробленность ¹⁾, эгоистическую и невѣжественную эксплуатацію; въ торговлѣ—страшную потерю силъ, оттааливающую неблагодарную работу; въ обществѣ—борьбу разныхъ его классовъ, гордаго богатства съ суровою бѣдностью; обманъ во взаимныхъ сношеніяхъ, недовѣріе, возведенное въ умѣнье вести себя, угнетеніе массы въ пользу немногихъ; наконецъ, невозможность для человѣка защищать себя противъ вліяній вѣшняго міра: противъ климатическихъ перемѣнъ, которыя безвременно губятъ здоровье человѣка, и отъ эпидемій, которыя его поражаютъ. Такой порядокъ вещей узаконяетъ, по мнѣнію Фурье, стремленіе къ измѣненію его. Многіе изъ бичей человѣчества должны исчезнуть въ матеріальной ассоціаціи, но остальные уступать только моральной ассоціаціи. Гармоніи человѣческихъ силъ можно достигнуть только при помощи гармоніи способностей и страстей.

Какими же путями дойти до того, чтобы мѣсто нищеты заняло постепенное богатство, мѣсто обмана—истина, мѣсто стѣсненія—взаимныя гарантіи, мѣсто атмосферическихъ беспорядковъ—правильная климатура; наконецъ, мѣсто теперешней непоследовательности—прогрессивный ходъ развитія человѣчества?—вотъ вопросы, которыми задается Фурье; но при разрѣшеніи ихъ онъ удѣляетъ по нѣскольку словъ тѣмъ видамъ ассоціаціи, которыя могутъ предшествовать предлагаемой имъ. Онъ разбираетъ то, что у него называется гарантизмомъ, социализмомъ и коммунизмомъ и изъ ихъ недостатковъ выводитъ превосходство своей сложной или гармонической ассоціаціи, которую онъ думаетъ осуществить въ земледѣліи («индустріи» по его выраженію). Въмѣсто большихъ центровъ, поглощающихъ и истощающихъ населеніе, вмѣсто городовъ, деревень и селъ, случайно брошенныхъ на карту, дурно кадастрованныхъ и разграниченныхъ, столь-же безсвязныхъ въ общемъ ихъ распредѣленіи, какъ и въ частной организаціи, вмѣсто всего этого Фурье думаетъ группировать человѣчество въ общины или *фаланги*, правильныя по числу жителей, внутреннему устройству и условіямъ равновѣсія съ другими фалангами. Слѣдуя своему аналогическому методу, Фурье и здѣсь не обошелся безъ того, чтобы не прибавить, что съ фалангами будетъ происходить то же явленіе, которое замѣчается въ тѣлахъ небесныхъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ два движенія: одно вокругъ себя, а другое вокругъ большихъ центровъ. То же будетъ происходить внутри самой фаланги, состоящей изъ другихъ меньшихъ центровъ.

Осуществленіе будущихъ судебъ человѣчества ознаменуется влеченіемъ людей къ труду. Теперь мы видимъ, говоритъ Фурье, съ одной стороны, богача ничего не дѣлающаго, съ другой—бѣдняка, работающаго съ отвращеніемъ. Въ этомъ-то и невор-

¹⁾ Нельзя не замѣтить здѣсь мѣстнаго элемента: Фурье возстаетъ противъ мелкой поземельной собственности, которою дѣйствительно страдаетъ Франція. Англійскіе социалисты нападаютъ, напротивъ, на крупную поземельную собственность и видятъ якорь спасенія въ возможно большемъ распространеніи принципа мелкой крестьянской поземельной собственности.

мальность. Не недоразумѣніе-ли то, что въ человѣкѣ существуетъ влеченіе къ труду, какъ къ могущественной необходимости и вмѣстѣ съ тѣмъ ему же присуще нежеланіе трудиться? Да, отвѣчаетъ онъ, недоразумѣніе заключается въ томъ, что трудъ не распределенъ, какъ должно. И тогда, когда работа станетъ дѣломъ выбора, вкуса, предпочтенія, — исчезнутъ ничего не дѣлающіе люди, и всѣ будутъ работать. «Прелестное» соперничество, вѣчно-юный энтузіазмъ сдѣлаются атрибутами человѣческаго труда, когда люди будутъ, подъ вліяніемъ закона влеченія, организованы въ *группы*, *серіи* (ассоціаціи группъ) и *фаланги* (ассоціаціи серій). Группа есть первоначальная сфера всякой функціи, ячейка общественного улья, клѣточки ассоціаціи. Группа должна состоять изъ 7 или 9-ти человѣкъ; меньше—было бы недостаточно разнообразія элементовъ, больше—можетъ оказаться недостатокъ гармоніи. Въ группѣ каждая страсть разсматривается какъ сила. такъ что иногда господствующимъ элементомъ въ группѣ является то дружба, то слава, то любовь, то родство. Всякая группа имѣетъ свой особенный способъ соединенія людей. Въ группѣ дружны всѣ смѣшиваются, такъ какъ дружба предполагаетъ совершенное равенство. Въ группахъ амбіціи высшей господствуютъ надъ низшимъ, по закону іерархіи. Въ группахъ любви женщины господствуютъ надъ мужчинами. Въ группахъ родства низшіе господствуютъ надъ высшими; это уступки слабости. Всѣ эти группы образуются и существуютъ автономно, такъ что когда приходится возводить кого-либо въ высшую степень, то это производится выборами. Всякій членъ группы имѣетъ голосъ совѣщательный. Большинство рѣшаетъ дѣло. То же самое выборное начало прилагается къ дѣламъ серіи и фаланги. Въ серіи заключается отъ 24 до 32 группъ. 168—288 человѣкъ. Въ фалангѣ считается до 1,800 человѣкъ.

Жилище фаланги называется *фаланстерією*. Это зданіе должно быть прочно, удобно и изящно. Въ немъ не жертвуютъ ни роскошью для пользы, ни наоборотъ. Фаланстерія должна быть велика и какъ можно симметричнѣе. Въ двухъ «граціозныхъ» флигеляхъ помѣщаются ремесла, требующія огненного дѣйствія. Внутри зданія будетъ обширный, тѣнистый дворъ для прогулки стариковъ и дѣтей. Въ серединѣ главнаго зданія возвышается «башня порядка», гдѣ помѣщаются телеграфъ, часы и сигналы, передающіе инструкціи работникамъ, разсѣяннымъ по полю. Тутъ же находятся театръ и биржа.

На высотѣ перваго этажа вокругъ всего зданія идетъ галлерей, отопляемая зимой, вентилируемая лѣтомъ, доставляющая удобное и защищенное отъ вѣхъ непогодъ сообщеніе отъ одной мастерской къ другой. Въ случаѣ надобности эта же галлерей можетъ служить заломъ для выставокъ художественной или индустріальной.

Въ фаланстеріи все будетъ приспособлено къ жизни прелестной, свободной, все будетъ устроено такъ, чтобы каждый могъ удовлетворить своему вкусу; чтобъ желающіе могли жить отдѣльно или вмѣстѣ. Общее удобство не будетъ нарушать частнаго. Жилища, общія залы, столовыя, мастерскія, кухни, погребъ, амбары, службы и т. д.— все это будетъ расположено такъ, чтобъ доставить и обезпечить быстрыя и удобныя сношенія, разнообразныя удовольствія и экономическое, разумное пользованіе.

Тѣмъ, которые побоялись бы вложить свои капиталы въ предпріятіе для осуществленія всѣхъ этихъ чудесъ, Фурье заранѣе отвѣчаетъ, что постройка фаланстеріи на 1800 чел. будетъ стоить не больше, чѣмъ постройка 400 хижинъ для французской общины съ такимъ же населеніемъ. А фаланстерія, разъ выстроена громадно и солидно, не будетъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе вѣка, нуждаться въ большихъ поправкахъ, между тѣмъ какъ въ этотъ же промежутокъ времени общинѣ разъ 8 придется перестраивать свои домишки. Огромный погребъ вмѣститъ въ себѣ 400 погребовъ, огромная кухня съ небольшимъ персоналомъ замѣнитъ 400 кухонь съ 400 женщинами, отнятыми отъ труда, хотя и мало занятыми. Всѣ мастерскія будутъ дѣйствовать при помощи одной огромной паровой машины, которая между прочимъ будетъ снабжать всѣ комнаты теплой водой.

Внѣ фаланстеріи поле тоже измѣнило свой видъ. Заборы, рвы—признаки рабства и недоувѣрія—исчезли. Дороги комбинированы такъ, чтобъ отнимать какъ можно меньше пространства. Землевладѣльцы, уступая свои земли обществу, получаютъ акціи, представляющія ея цѣнность, земля же будетъ обрабатываема съ гораздо большей выгодой, по началамъ большого производства. Такимъ образомъ исчезнутъ, вслѣдствіе одного факта ассоціаціи, всѣ невыгоды мелкой собственности и обработки. Управление, будучи общимъ для всѣхъ земель, повлечетъ за собою наиболѣе гармоническое употребленіе всѣхъ силъ и дастъ возможно большую сумму продуктовъ. То же самое будетъ и съ мастерскими: вмѣсто балагановъ, помноженныхъ на безконечность, печальныхъ, уединенныхъ, грязныхъ и неудобныхъ, будутъ мастерскія огромныя и оживленныя, веселыя, чистыя, хорошо вентилированныя, гдѣ машины будутъ помогать человѣку и сдѣлаютъ для него трудъ менѣе тяжелымъ и болѣе пріятнымъ.

Кромѣ этого, ассоціаціонная организація труда сдѣлаетъ трудъ и болѣе привлекательнымъ, и болѣе совершеннымъ. Первое потому, что работа будетъ продолжаться короткое время и подъ вліяніемъ энтузіастической страсти породить соперничество между индивидуумами въ группѣ, группами въ серіи и серіями въ фалангѣ. Второе потому, что къ нему будетъ вполне приложена система раздѣленія труда, но такъ, что одно и то же лицо будетъ мѣнять работу нѣсколько разъ въ день.

Элементы, разсѣянные по группамъ, будутъ соединяться въ серіи по слѣдующей формулѣ: «каждый родъ занятій даетъ мѣсто столькоимъ группамъ, сколько въ немъ отдѣлений труда; каждое отдѣленіе столькоимъ под-группамъ, сколько въ немъ разнообразныхъ функцій». Изъ этого безконечнаго дѣленія труда, изъ этого постоянного соперничества, какъ въ качествѣ, такъ и въ быстротѣ труда естественно и необходимо произойдутъ результаты, которыхъ мы и вообразить себѣ не можемъ. Впрочемъ, членъ группы не настолько углубленъ и прикрѣпленъ къ ней, чтобъ онъ не могъ участвовать въ занятіяхъ другихъ группъ, такъ что всякая группа имѣетъ большое количество своихъ членовъ, разсѣянныхъ по всей фалангѣ, и такимъ образомъ соперничество можетъ комбинироваться до безконечности. Эта перемѣнчивость, эта счастливая подвижность имѣютъ еще и то значеніе, что устраняютъ изолированность группъ и серій.

Вслѣдствіе этой легкости труда и того энтузіастическаго усердія, съ которымъ къ нему относятся, продуктъ увеличился вчетверо. Какъ же распредѣлить его? По капиталу, труду и таланту—отвѣчаетъ Фурье. Будетъ назначена извѣстная доля каждому изъ этихъ правъ, каждому изъ этихъ агентовъ производства, и законъ общественнаго интереса, больше чѣмъ можно думать, повліяетъ на справедливость распредѣленія. Капиталисты могутъ надѣяться на хорошіе дивиденды только при хорошихъ работникахъ и проектахъ, слѣдовательно, они постараются, чтобъ трудъ и талантъ были достаточно вознаграждены. Не капиталисты не въ состояніи употребить свои силы безъ помощи капитала, а потому они постараются привлечь его хорошимъ вознагражденіемъ. Такъ что вмѣсто присужденія себѣ львиной части, каждый изъ ассоціированныхъ интересовъ будетъ стараться о томъ, чтобы другіе остались довольны. Фурье опредѣляетъ $\frac{5}{12}$ на долю труда, $\frac{4}{12}$ —на долю капитала и $\frac{3}{12}$ таланту.

Дѣленіе продукта между индивидуумами изъ капиталистовъ не представляетъ никакихъ затрудненій: доходъ соразмѣренъ капиталу. Но касательно труда и таланта затрудненіе представляется въ томъ, что нѣтъ лѣстницы талантовъ и взаимной важности труда. Фурье дѣлитъ трудъ на необходимый, полезный и роскошный. Меньше всѣхъ вознаграждается послѣдній, больше всѣхъ—первый. Необходимый трудъ болѣе или менѣе неприятенъ, а поэтому нужно привлекать къ нему большею его прибыльностью. За то менѣе вознаграждается трудъ, самъ по себѣ привлекательный. Слѣдовательно, бѣдныхъ, нуждающихся въ фаланстеріи, не будетъ потому, что одна принадлежность лица къ общинѣ дастъ ему право на минимумъ существованія, а самая грубая, простая работа, высоко оплачиваемая, дастъ ему возможность не жить на чужой счетъ кое-какъ, а жить на свой и хорошо. Доля, причитающаяся таланту, опредѣляется очень просто, такъ какъ за основаніе принимается титулъ или степень лица, степени же будутъ раздаваться по общимъ выборамъ, слѣдовательно, и вознагражденіе будетъ производиться по заслугамъ, уже признаннымъ или увѣчаннымъ. Внѣ этого закона, прилагаемаго къ людямъ обыкновеннымъ, стоятъ великіе артисты, знаменитые ученые и славные мастера. Они будутъ принадлежать не группѣ, не серіи, не фалангѣ, а всему человечеству и оно-то позаботится объ ихъ вознагражденіи. Относительно условій труда эти избранные будутъ поставлены въ исключительное положеніе. Когда послѣ долгаго промежутка они произведутъ что нибудь, судъ присяжныхъ соберется въ метрополиі міра, чтобъ присудить имъ вознагражденіе, которое будетъ разложено на всѣ фаланги, и такимъ образомъ гений будетъ награжденъ чѣмъ нибудь посущественнѣе славы, которая до сихъ поръ не мѣшала гениямъ умирать съ голоду.

Общественный механизмъ, какъ онъ ни основанъ на совершенномъ равенствѣ и свободѣ, тѣмъ не менѣе долженъ имѣть свою іерархію. Эта іерархія бываетъ различнаго рода. Такъ, напр., характеры комбинируются точно такъ же, какъ тоны на фортепіано, и образуютъ гармонію. Іерархія возрастовъ имѣетъ у Фурье особенный видъ: преобладающее значеніе имѣетъ зрѣлый возрастъ, къ которому примыкаютъ, съ одной стороны, дѣтство, съ другой—старость. Іерархія функцій устанавливается выборами. Но іерархія корпусовъ, зародыши которой видны въ группахъ, серіи и фалангѣ, развивается все выше и выше и образуетъ одинъ за другимъ городъ, область, континен-

тальную метрополию. всемірную метрополию и, наконецъ, индустріальныя арміи. Фаланга, будучи типомъ ассоціаціи, типомъ хотя полнымъ, но ограниченнымъ, въ изолированномъ состояніи не имѣетъ всѣхъ условій, необходимыхъ для развитія. Для этого она должна вовлекать въ свой кругъ другія фаланги, которыя, подобно свѣтиламъ небеснымъ, имѣя движеніе вокругъ самихъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ еще движеніе вокругъ общаго центра. Фаланги входятъ въ ассоціацію между собой по тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ общее значеніе, какъ, напр., о дорогахъ, мостахъ и каналахъ. Въ фалангѣ будутъ стоять большія складочныя мѣста, большія ученые общества, большія мануфактуры, биржи, театры, памятники искусствъ. Затѣмъ появятся небольшіе города, общіе центры фалангъ, болѣе обитаемые зимою чѣмъ лѣтомъ. Далѣе слѣдуетъ провинціальный городъ, господствующій надъ порядочнымъ пространствомъ; потомъ столица имперіи и, наконецъ, столица міра, которую Фурье помѣщаетъ на Босфорѣ.

Создавая такое всемірное государство, Фурье прежде всего указываетъ на то, что $\frac{4}{5}$ земнаго шара остаются необработанными, и что человѣчеству предстоитъ колонизовать, за всѣми вычетами, по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ земной поверхности. По его разсчету, населеніе земли должно состоять изъ 5,374,871,200 человѣкъ, раздѣленныхъ на 2,985,984 фаланги. Для управленія этимъ несмѣтнымъ населеніемъ Фурье создаетъ 13-ти степенную іерархію наслѣдственныхъ государей, которымъ присваиваетъ самыя странныя и при томъ двойныя названія; одинъ рядъ названій построенъ на греческомъ корнѣ *архъ*, который Фурье комбинируетъ съ французскими числительными, другой рядъ названій заимствованъ изъ исторіи. Во главѣ каждой фаланги стоитъ унархъ или баронъ, 3 или 4 фалангами управляетъ дуархъ или виконтъ; 12—триархъ или графъ; 48—тетрархъ или маркизъ; 144—центархъ или князь; 576—экзархъ или кацикъ; 1728—гентархъ или король; 6912—октархъ или султанъ; 20,736—эннеархъ или халифъ; 82,944—декархъ или императоръ; 248,832—окзархъ или цезарь; 995,328—дузархъ или августъ; наконецъ, всѣми 2,985,984 фалангами управляетъ омниархъ.

Одной изъ сильнѣйшихъ связей въ этой грандіозной іерархіи будутъ индустріальныя арміи—сила мирная, кочующая съ мѣста на мѣсто, смотря по пользѣ, которую она можетъ принести, и слава, которую можетъ приобрѣтать. Такая армія состоитъ изъ превосходныхъ ученыхъ, мастеровъ, артистовъ и т. д.—Это будетъ, слѣдовательно, добровольная свободная ассоціація, всякій членъ которой будетъ содержать себя на свой счетъ. Цѣль ея—доставлять обществу удовольствія, но въ большинствѣ случаевъ она должна будетъ участвовать въ большихъ всемірныхъ предпріятіяхъ: улучшеніи климата, проведеніи важныхъ линій сообщенія, постройкѣ обширныхъ зданій, облегченіи общественныхъ бѣдствій, напр., пожаровъ, наводненій.

Фурье даетъ женщинамъ одинаковыя съ мужчинами права. Правда, говоритъ онъ, въ общественномъ механизмѣ мужчины господствуютъ надъ женщинами въ «честолюбіи», но за то онѣ господствуютъ надъ мужчинами въ любви и семействѣ. Женщина есть пружина хозяйства и семьи, но она не должна быть прикрѣплена къ нимъ. Гармонія не отстраняетъ женщинъ отъ медицины, напр., чтобы прикрѣпить ихъ къ шитью и горшку. Природа распредѣлила по-ровну между полами любовь къ наукамъ и искусствамъ, хотя, быть можетъ, первое болѣе присуще мужчинамъ, второе—женщинамъ.

Особенную заботу прилагаетъ Фурье къ воспитанію дѣтей, и не мудрено: на новомъ поколѣніи лежали всѣ его надежды и упованія. Дѣти не такъ туго къ воспріятію новыхъ идей, какъ ихъ родители, уже искушенные житейскимъ опытомъ.

Въ своей системѣ воспитанія Фурье стремится къ тому, чтобъ доставить полное развитіе всѣмъ тѣлеснымъ и душевнымъ способностямъ, такъ чтобъ онѣ могли быть приложены съ пользой къ производительнымъ занятіямъ. Воспитаніе проходитъ 5 фазисовъ. Въ первомъ дѣти въ общемъ дортуарѣ или *серистеріи* пользуются заботами мужчинъ, женщинъ и дѣтей, распределенныхъ для этого занятія на группы. Уходъ за дѣтьми есть общественная, слѣдовательно, выборная должность. Роль кормилицъ имѣетъ особенно важное значеніе. Фурье требуетъ, чтобъ кормилица была красивой наружности, хорошаго сложенія и чтобъ пѣла вѣрно и пріятно. Дѣти спятъ на койкахъ и свободны отъ пеленокъ. Не должно стѣснять ихъ движеній, такъ же какъ въ послѣдствіи инстинкты. Какъ только дитя стаетъ на ноги, начинается его воспитаніе. Нужно стараться предугадать призваніе ребенка, вызвать наружу порывы наивной дѣтской души, хорошо замѣчать и порочныя склонности, чтобъ воспользоваться ими. Напримѣръ, обжорство указываетъ на призваніе къ гастрономіи, нечистоплотность—на призваніе къ земледѣлю и т. д. Съ пятилѣтняго возраста начинаются занятія другого рода: развитіе 5-ти чувствъ. Они также нуждаются въ воспитаніи, какъ тѣло въ гимнастикѣ. Безъ воспитанія они преждевременно портятся и теряютъ свою тонкость. Воспитаніе 5-ти чувствъ (осязанія, зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса) обезпечиваетъ человѣку энергію органовъ и обиліе физическихъ силъ, которыя, больше чѣмъ думаютъ, способствуютъ богатству моральныхъ способностей. Съ 9-го года начинается періодъ жизни дѣятельной, продолжающійся до 15-ти-лѣтняго возраста. Въ этотъ періодъ обнаруживаются страсти, раскрываются способности и высказывается призваніе. Въ 16 лѣтъ воспитаніе оканчивается, и дитя становится человѣкомъ.

Вопросъ о бракѣ былъ разрѣшаемъ Фурье неодинаково. Въ первомъ своемъ сочиненіи онъ высказалъ воззрѣнія, отъ которыхъ потомъ отрекся. Отношенія половъ къ гармоніи, такъ же, какъ и воспитаніе дѣтей, составляютъ предметъ очень подробныхъ и интересныхъ изслѣдованій. Разсматривая эти вопросы, Фурье выказалъ свойственныя ему глубину анализа и силу критики современнаго порядка вещей, а также необыкновенную способность къ теоретическимъ построеніямъ. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ ученіяхъ Фурье, надѣясь сдѣлать ихъ современемъ предметомъ особаго изслѣдованія.

Резюмируя все изложенное, нужно сказать, что врядъ-ли найдется другой человѣкъ, о которомъ какъ у современниковъ, такъ и у потомковъ сложились бы такіа противоположныя сужденія, какъ о Фурье. Въ то время, какъ одни не знали, на какую высоту слѣдуетъ его поставить какъ гениальнаго мыслителя, другіе низводили его въ рядъ самыхъ низменныхъ умовъ, признавая его лишь бесплоднымъ фантазеромъ. Это различіе взглядовъ находитъ свое оправданіе въ томъ, что ни одинъ человѣкъ новаго времени не являлъ собою такого рѣдкаго сочетанія гениальности съ безуміемъ, какъ Фурье, сочиненія и идеи котораго неоднократно становились предметомъ психіатрическихъ изслѣдованій (напр. у Ломброзо).

У Фурье обнаруживается рѣзкій контрастъ между гениальнымъ, вдохновеннымъ предвидѣніемъ и безгранично-смѣшною фантастичностью. Рядомъ съ тончайшими наблюденіями надъ прошедшими хозяйственными эпохами, рядомъ съ самымъ яснымъ познаніемъ истинныхъ пружинъ общественной жизни своего времени и нерѣдко истинно пророческимъ прониновеніемъ въ будущность (для примѣра укажемъ на то, что Фурье въ 1808 году предсказалъ постройку суэзскаго и панамскаго каналовъ), мы встрѣчаемъ у него самыя превратныя сужденія о реальныхъ явленіяхъ прошлаго и настоящаго, вздорныя спекуляціи и болѣзненные грезы о будущемъ. Его характеристика индивидуалистической хозяйственной эпохи доказываетъ его великія способности къ самой проникающей критикѣ; глубокое пониманіе основныхъ движущихъ силъ современной экономической жизни всего яснѣе сказалось въ провозглашеніи того положенія, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ свободной конкуренціи должно ожидать поглощенія малаго капитала большимъ и возникновенія картелей между крупными промышленниками. Это гениальное провидѣніе всходовъ, сокрытыхъ еще въ лонѣ временъ, доказывается предсказаніемъ о наступленіи эпохи «гарантизма», когда каждому человѣку будетъ обезпеченъ извѣстный минимумъ существованія, и когда право на трудъ, страхованіе рабочихъ и организація кредита будутъ возведены въ общественныя учрежденія.

Форма произведеній Фурье также свидѣтельствуетъ объ его высокой даровитости. Его критика сверкаетъ умомъ и остроуміемъ, а сатира его, направленная на развращенность вѣка, проникнута вѣяніемъ того *vieil esprit gaulois*, которое такъ обезмеритъ Раблэ.

Но рядомъ съ этимъ свѣтомъ являются и тѣни. Что Фурье глубоко вѣритъ въ себя и въ свою миссію,—это понятно, но странно, что при этомъ онъ объявляетъ себя самымъ могучимъ гениемъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ онъ не ограничивается тѣмъ, чтобъ указать человѣчеству пути къ новому счастливому міровому порядку; онъ пытается нарисовать эту счастливую будущность въ ея малѣйшихъ чертахъ и, отдавшись на волю своихъ фантастическихъ впечатлѣній и представлений, онъ запутывается въ своихъ сказочныхъ волшебныхъ садахъ. Онъ пробѣгаетъ всю вселенную и видитъ ее преобразованною, единственно благодаря принятію его ученія: люди, животныя, вся внѣшняя природа подверглись самымъ различнымъ усовершенствованіямъ и метаморфозамъ и носятся въ безконечномъ блаженствѣ, въ сравненіи съ которымъ блѣднѣютъ всѣ представленія о селеніяхъ праведныхъ.

Сѣмя, посеянное Фурье въ его теоріяхъ, не осталось безплоднымъ; какъ человѣкъ, онъ навѣрное заслуживаетъ мѣсто между тѣми рѣдкими и великими людьми, душа которыхъ горѣла благороднѣйшею любовью къ человѣчеству и стремленіемъ къ самопожертвованію для его блага.

Л. Нуперникъ.

„ЩОСЬ БУДЕ“

(Глава изъ повѣсти „На зарѣ“) ¹⁾.

коло этого времени случились въ нашемъ небольшомъ міркѣ три выдающіяся событія: вернулся съ войны дядя гусарь, въ мѣстечкѣ Колядовкѣ являлось привидѣніе и еще грозой разбило въ переулкѣ «старую фигуру» ²⁾.

Дядя гусарь вернулся съ Севастопольской войны. Собственно съ войны-то онъ вернулся года три назадъ, но не бывалъ еще на родинѣ, а все ѣздилъ по заграницамъ и «чинился», какъ, шутя, говаривалъ самъ. На войну онъ уѣхалъ съ обѣими руками, совершенно цѣлый, молодой и веселый; съ войны и изъ за-границы вернулся грустный, съ ввалившимися щеками, съ просѣдью въ усахъ и безъ лѣвой руки. вмѣсто руки болтался у него одинъ только синій рукавъ, съ галунами. Мать страшно вскрикнула и долго плакала у него на груди, между тѣмъ какъ онъ гладилъ уцѣлѣвшей рукой ея волосы и пробовалъ попрежнему смѣяться и шутить теперь надъ собой, какъ нѣкогда острилъ надъ другими. Но всѣ окружающіе чувствовали, что ужъ лучше-бы ему не смѣяться... Послѣ этого и дядя гусарь, и отецъ, и мать, и тетки, и приходившіе гости много говорили о войнѣ и о многомъ другомъ. При этомъ всѣ были грустны и вмѣстѣ заинтересованы. На прислугу оглядывались, а дѣтей высылали изъ комнаты, такъ что ясно можно было уловить одну только часто повторяемую фразу: «Что-то будетъ, что-то будетъ»...

На кухнѣ тоже говорили и о дядѣ-гусарѣ, и о войнѣ, и о многомъ другомъ. Здѣсь свобода словъ признавалась въ болѣе широкой степени и дѣтей не высылали, но кухня и сама-то знала не много. «Щось буде»,—

¹⁾ Отрывокъ изъ повѣсти, сюжетъ которой относится къ концу 50-хъ годовъ, ко времени крѣпостного права.

²⁾ „Фигурами“ называются въ юго-западномъ краѣ—распятія и кресты у дорогъ.

повторяла дворня въ одинъ голосъ и прибавляла, въ видѣ разъясненія, что это «что-то» будетъ «лихо». Но откуда придетъ это лихо,—понять было трудно. «Щось буде»—этимъ припѣвомъ кончались всѣ разговоры послѣ ужина, когда лакей уходилъ въ кабинетъ отца, а няньки уводили дѣтей въ дѣтскую; кучеръ Петръ бормоталъ эту фразу, закуривъ люльку и уходя въ конюшню къ лошадямъ, и даже старая кухарка, которую изъ почтенія всѣ называли не иначе, какъ «пани Будзиньская»,—убирая послѣ ужина ложки и миски, тоже бормотала про себя: «щось-то буде», между тѣмъ, какъ къ опустѣвшему столу кидались изъ угловъ тараканы и тѣнь старой кухарки фантастически бродила по стѣнамъ,, при свѣтѣ сальнаго «каганчика».

«Что-то будетъ», соś będzie, щось-то буде—носилося и въ переулкѣ и на улицахъ, и по дворамъ мирнаго города. Толпа становилась чутка, слухи вставали живѣе откуда, какъ пыльные столбы, взметаемые легкимъ вѣтромъ, которые затѣмъ растутъ, крутятся и летятъ ураганомъ по свѣту.

Въ Колядовкѣ, которая приютилась на берегу Коляды въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, появилось привидѣнiе, «марá», которое взяло на себя, повидимому, миссiю провозгласить эту краткую формулу наиболѣе внушительнымъ образомъ. За рѣчкой Колядой, въ этомъ мѣстѣ очень быстрой, прегражденной камнями, набросанными въ самомъ дикомъ безпорядкѣ, противъ самой слободы каждую ночь появлялся кто-то очень большой съ огромными глазами, которые свѣтились въ темнотѣ, между тѣмъ какъ изъ безобразно открытаго рта чудовища пыхало яркое пламя. Внезапно появляясь на кручѣ, марá кричала громкимъ голосомъ, перекатывавшимся черезъ рѣчку, подобно звукамъ трубы, и отдававшимся страшными отголосками внизъ по извилистому и каменистому теченiю:

— Добрые люди. Ой-о-о-о-ой!

Когда всѣ обитатели слободы (а также нѣкоторые изъ предмѣстiй) выбѣгали на зовъ къ своимъ воротамъ или къ еврейскому шинку, который по этой причинѣ свѣтился всю ночь,—то марá нѣсколько разъ «лыпала очима», то закрывая, то открывая ихъ, и затѣмъ, наведя этимъ на всѣхъ зрителей достаточно ужаса, произносила раскатистымъ, гробовымъ и вмѣстѣ жалостнымъ голосомъ:

Ой щось-то буде, ой, о-о-ой!

Послѣ этого глаза потухали, эхо ближняго лѣса и каменистыхъ береговъ Коляды повторяло замирающiе отголоски угрозы и затѣмъ все стихало, если только сычъ не заводилъ тутъ свою пѣсню. Ставни и окна въ Колядовкѣ запирались накрѣпко, и жители въ ужасѣ валились въ свои постели до слѣдующей ночи, въ ожиданiи, что марá, наконецъ, дастъ какое-нибудь рѣшенiе страшной загадки.

Отецъ, человѣкъ, вообще, не вѣрившiй многому, что являлось непреложнымъ не для одной только Колядовки,—со смѣхомъ рассказывалъ

конецъ этой исторіи. Однажды, черезъ Колядовку проходилъ отставной или побилетный солдатъ, который, по обычаю многихъ путниковъ этого рода, прежде всего остановился у шинка, гдѣ уже засѣдала компанія любопытныхъ, за чарочками, въ ожиданіи мары. Узнавъ, что эта послѣдняя ему-щаетъ каждый вечеръ обывателей предсказаніемъ, что «чтось буде», а что именно, до сихъ поръ не объявляетъ,—солдатъ предложилъ присутствующимъ за скромное вознагражденіе выпытать у привидѣнія, чтò собственно оно желаетъ выразить. Выпивъ предварительно для храбрости порядочную «порцію», солдатъ выбралъ себѣ трехъ бравыхъ парубковъ, которые согласились переправить его на тотъ берегъ и обождать на всякій случай съ лодкой, притаившись значительно ниже кручи, въ камняхъ. Самъ онъ безстрашно пустился вдоль берега, и парубки прослѣдили, что онъ укрылся подъ кручей, съ которой колядовцы обыкновенно копали глину. Мѣсто было страшное, потому что, видите-ли, тутъ не одного-таки крещенаго человека захлопнула нечистая сила обваломъ, когда онъ подкапывался, какъ кротъ, подъ кручу. Поэтому и вообще-то никто не отважился-бы идти туда ночью. Днемъ, дѣло другое. Днемъ обыватели смѣло прїѣзжали съ лопатами, смѣло копали, и... нѣтъ-нѣтъ, да и оставались вмѣстѣ съ лопатами подъ яромъ...

Надъ этимъ-то мѣстомъ и появлялась марá. Ночь была тихая, сырая и темная. Солдатъ исчезъ. Говорили послѣ, что онъ—извѣстно солдатъ, человѣкъ безстрашный—улегся въ глинистой ямѣ, прикурнулъ тамъ и проснулся только ужъ тогда, когда марá во весь голосъ завывала надъ нимъ свои зловѣщія пророчества.

Жители ждали съ замирающими сердцами. И вдругъ,—случилось что-то совершенно неожиданное и ужасное. Послышался какой-то трескъ, крикъ и началась возня. Глаза у мары сначала страшно сверкнули, потомъ изъ нея поднялся цѣлый снопъ огня, сверкнулъ искрами и рассыпался. Марá исчезла, а изъ-подъ кручи неслись черезъ рѣку крики изступленной борьбы. Одинъ изъ этихъ голосовъ узнали всѣ: онъ принадлежалъ несчастному солдату. Храбрые парубки, доставившіе его на лодкѣ,—тотчасъ-же ударили въ весла и мигомъ пристали къ берегу, конечно, къ тому, гдѣ стояла слобода. Они долго, звонили зубами, и понадобилось не мало горѣлки, чтобы привести ихъ въ обычное состояніе.

Черезъ нѣкоторое время борьба утихла. Потомъ, задолго до пѣтуховъ неспавшая слобода слыхала вся до одного человѣка, какъ кто-то ходилъ подъ кручей и звалъ хриплымъ голосомъ лодочниковъ. Конечно, храбрые парубки тотчасъ-же попрятались въ избахъ, такъ какъ всѣ считали солдата погибшимъ и понимали, что марá одного служиваго теперь мало.

Всю ночь Колядовка была въ крайнемъ возбужденіи, не гасили огней, не закрывали обѣихъ шинковъ, жители собирались кучками, а кто имѣлъ—зарядили рушницы. Подъ утро, когда на небѣ можно уже было разобрать

безформенныя тучи, а надъ рѣкой печально повисъ бѣлый туманъ,—съ того берега уже совершенно ясно послышался голосъ солдата:

— Эй вы, матерямъ вашимъ лихорадка, давайте лодку!

Это произвело необычайное впечатлѣніе, и обыватели раздѣлились на два лагеря: одни совѣтовали тотчасъ-же ѣхать на ту сторону и вызволять служиваго, хотя сами не брались, впрочемъ, за эту задачу; другіе утверждали, что теперь это уже не солдатъ, а нѣчто другое, принявшее для обману крещенныхъ солдатскій голосъ. Пока обѣ партіи препирались, а солдатъ звонко ругался отъ времени до времени изъ-за рѣки,—запѣли пѣтухи, разсвѣло окончательно, туманъ осѣлъ, и на той сторонѣ всѣ увидѣли настоящаго солдата, такого, какимъ онъ стоялъ вчера у шинка. Онъ сидѣлъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, надъ кручей, только видимо усталъ и озябъ и потому то и дѣло тянулъ горѣлку изъ большой, бывшей у него въ рукахъ бутылки. Все было какъ слѣдуетъ быть, и если что могло показаться чудеснымъ, то развѣ только эта самая бутылка, потому-что, какъ всѣмъ было извѣстно,—солдатъ хорошо угостился до отъѣзда, а съ собой на ту сторону не взялъ даже и шкалика.

Какъ бы то ни было, солдата привезли на сю сторону и засыпали разспросами. Солдатъ скоро развеселился и отогрѣлся, но объявилъ напрямикъ, что такъ какъ колядовцы подлымъ обычаемъ бросили его въ опасности, то онъ, не видя себѣ сикурсу, заключилъ съ нечистымъ мировую на свой собственный страхъ, причемъ обязался условія мира и все остальное держать въ секретѣ. Поэтому колядовцы не узнаютъ отъ него ничего болѣе, кромѣ того, что маръ уже никогда не появится. На вопросы-же, что именно *«буде»*, солдатъ только глубокомысленно улыбался и заявлялъ: *«чтось буде, а чого-съ не стане»*.

Все это, широко распространившись въ городѣ, породило еще большіе толки. Толковали различно: одни говорили, будто становой, въ свою очередь сильно заинтересованный происшествіемъ, имѣлъ со служивымъ сепаратную бесѣду и успѣлъ узнать нѣчто болѣе опредѣленное. Ставили въ связь съ этимъ событіемъ поѣздку станового на хуторъ къ молодому сорвиголовѣ Уляновскому, извѣстному многими своевольствами и шалостями. Этой точки зрѣнія держался отецъ, объяснявшій все дѣло съ рационалистической точки зрѣнія,—шуткой Уляновскаго. Ходули, бѣлый саванъ, горшокъ съ горящими угольями, съ дырками вмѣсто глазъ, да еще легковѣрная глупость колядовцевъ,—таковы, по мнѣнію отца, были элементы этого чудеснаго явленія. Однако самъ становой серьезно отрицалъ это, а свою поѣздку къ Уляновскому объяснялъ просто тѣмъ, что будто давно уже сторговалъ у него буланую кобылку. И дѣйствительно, буланая кобылка, на которой до тѣхъ поръ ѣздилъ Уляновскій,—теперь ходила на пристяжкѣ у станового.

Приѣхавшіе въ городъ для продажи кадокъ и ведеръ колядовцы твердо стояли на томъ, что ихъ *марѣ* была таки самая настоящая *марѣ*, а не Уляновскій. А вотъ что касается до солдата, то тутъ являлись значительныя сомнѣнія, и многіе думали, что это вовсе уже не солдатъ, а «яке-съ» (нѣчто), и тѣ, кто спроста повѣрилъ его наружному виду,—оказались сущими простаками. Мнѣніе это опиралось на очень вѣскія основанія: такъ, вскорѣ послѣ описанныхъ событій нѣсколькимъ колядовцамъ, возвращавшимся слегка подъ хмѣлькомъ съ воскреснаго базара изъ Чуднова,—*оно* являлось опять подъ видомъ того-же солдата, выходившаго будто-бы изъ бучѣла, около стараго моста, наклонялось надъ ними, сверкало очами, поводило усами и шарило по всему тѣлу такъ страховито, что они до слѣдующаго утра лишались употребленія языка, между тѣмъ какъ грѣши, добытые на базарѣ, исчезали будто какимъ чудомъ. На сей разъ уже колядовцы не дались въ обманъ. Они хорошо понимали, что реально тутъ развѣ одно исчезновеніе грѣшей да кое-какого имущества съ воевъ. Все-же остальное: солдатская шинель, красный носъ, фуражка съ околышемъ и большіе усы—было только видимость, *манѣ*, игра нечистой силы...

У насъ на кухнѣ, всѣ, конечно, склонялись на сторону послѣдняго мнѣнія: и кухарка пани Будзиньская, и кучеръ Петръ, и горничныя. Одинъ только лакей, по прозванію Гандыло, носившій дѣлгополый сюртукъ съ невѣроятнo засаленными лацканами и заразившійся во время поѣздки въ Одессу—моднымъ скептицизмомъ,—одинъ только онъ пробовалъ показывать видъ, будто вѣрить раціоналистическимъ объясненіямъ барина. Но въ сущности онъ вовсе имъ не вѣрилъ и, вступая въ обсужденіе предмета, незамѣтно увлекался и представлялъ противъ нихъ массу неопровержимыхъ аргументовъ. Извѣстно, что и панъ, и пани смѣются надъ такими вещами, которыя простые люди видятъ своими таки очима... Ну, да что толковать. «Щось буде»—это одно было ясно...

Вскорѣ послѣдовало новое предзнаменованіе.

Въ самомъ концѣ нашего переулка, на перекресткѣ, гдѣ расходились въ разныя стороны еще три улицы, стояла старая, огромная и почернѣвшая «*фигура*». Стояла она въ саду пана Добровольскаго, въ самомъ углу, окруженная у подножья густой зарослью акацій, бузины и калины, подымавшейся надъ заборами. Влѣво отъ этого мѣста уходила «Цментарная» (Кладбищенская) улица, ведущая къ польскому и лютеранскому кладбищамъ.

Это была песчаная, широкая, грустная дорога, на которой унылыя лошади въ траурныхъ попонахъ утопали по щиколки въ сыпучемъ бѣломъ пескѣ. Сосѣднее съ нею, мощеное и гладкое шоссе прямой перспективой уходило къ заставѣ, и городскія зданія обрывались на немъ густою зеленью другого кладбища—русскаго. По этому шоссе проходили на войну и возвращались съ войны солдаты густыми стройными рядами, съ музыкой и

знаменами. Третья улица была бойкая, торговая, полная движенія и шума, лавокъ, столиковъ мѣнялъ, крамарей и евреевъ... Она вела къ центру города и къ рынку.

Говорили, будто владѣльцу сосѣдняго дома и сада не давали спать покойники, которыхъ проносили мимо оконъ по «Пментарной улицѣ» и, чтобы оградить себя отъ ихъ посѣщенія, павъ Добровольскій поставилъ на углу эту гигантскую «фигуру». Было это очень давно. Съ тѣхъ поръ и самого строителя, и его сына давно пронесли по той-же песчаной дорогѣ; фигура почернѣла, дерево потрескалось, обомшѣло, покрылось разноцвѣтными лишаями, придававшими ей видъ почтенной дремлющей старости,—но она все стояла, простирая къ обоимъ кладбищамъ свои рамена, какъ-бы напутствуя проносимыхъ мимо новыхъ и новыхъ путниковъ, отправлявшихся въ тихую пристань... Кому случалось хоть разъ хоронить дорогого человѣка, тотъ навсегда уже запоминалъ грустную старую фигуру, торжественно высившуюся на распутьи. Немудрено, что она стала очень популярна, и вся прилегающая мѣстность получила отъ нея свое названіе: «около старой фигуры». Всѣ ее знали, всѣ свыклись съ ея сурово-задумчивымъ видомъ...

Но вотъ, вскорѣ послѣ появленія колядовской *мары*, случилась гроза. Грозы въ лѣтнее время, конечно, не рѣдкость. Но это была гроза, какихъ не запомнили ни старикъ Петръ, ни старая пани Будзинская. Казалось, будто въ темную полночь городъ очутился въ самомъ центрѣ столкнувшихся грозовыхъ тучъ. Со двора, среди умолкавшихъ раскатовъ, ясно слышалось тревожное чириканье испуганныхъ воробьевъ, домъ вздрагивалъ до основанія, стекла жалобно звенѣли, а въ щели ставень то и дѣло заглядывали ослѣпительныя вспышки молній...

Передъ утромъ гроза какъ будто смирилась, раскаты уносились куда-то все дальше и дальше, и гулкій ливень одинъ шумѣлъ на пустыхъ улицахъ, какъ вдругъ гдѣ-то близко грянулъ одинокій ударъ, отъ котораго заколебалась земля. Въ домѣ тотчасъ-же зажгли «громницу», и ни одного человѣка не осталось въ постели... А на утро всѣ узнали, что этимъ послѣднимъ ударомъ разбило «старую фигуру».

Это видѣлъ одинъ только бутотникъ Гаврило, караулившій подъ навѣсомъ своей будки, прижавшись къ стѣнкѣ отъ ливня. Извѣстно, что въ такія ночи, когда у добрыхъ людей сжимается сердце и душа уходитъ въ пятки,—злые люди какъ-разъ выходятъ на работу. Поэтому-то Гаврило счелъ нужнымъ удвоить свою бдительность. Онъ рассказывалъ, что къ утру онъ уже началъ успокаиваться и прочиталъ молитву, благодаря Бога, что не случилось въ городѣ несчастія,—какъ вдругъ съ неба слетѣла огненная змѣя и сѣла прямо на фигуру, которая вспыхнула въ темнотѣ до послѣдней дощечки, покрывавшей ея вершину; и даже, когда кругомъ все уже потемнѣло, Гаврило видѣлъ, что фигура все еще свѣтится высоко

въ темномъ воздухѣ. Потомъ раздался страшный трескъ, змѣя перепорхнула на сухой пенъ, невдалекѣ на пригорочкѣ сада, а фигура медленно и со стономъ склонилась въ зелень кустовъ и погасла.

На утро не только жители переулка, но и весь городъ толпился около мѣста катастрофы. Все еще довольно высоко въ воздухѣ подымался расщепленный и почернѣлый столбъ, а изъ густой, примятой зелени кустовъ, прислонясь къ столбу, виднѣлись опаленныя плечи старой, обезглавленной фигуры.

Зрѣлище было величаво и печально. Толпа не долго стояла молча. *Щось буде*,—сказалъ кто-то задумчиво, и тотчасъ-же для всѣхъ стало какъ будто понятно печальное выраженіе этой картины. Обычная фраза стала перелетать изъ устъ въ уста на разныхъ языкахъ. «Что-то будетъ!»—*Coś będzie*, говорили мѣщане, въ долгополыхъ сюртукахъ, стараго покроя, и паны въ венгеркахъ, расшитыхъ шнурками. *Щось буде*—медлительно говорилъ малороссъ, поскребывая подъ бараньей шапкой, «щось буде»—ворчалъ кучеръ Петръ, засовывая въ ротъ свою люльку и жуя чубукъ тонкими старыми губами... Скептикъ Гандыло глядѣлъ кверху, разинувъ ротъ, и имѣлъ при этомъ видъ совершенно растерянный и даже глупый...

Съ тѣхъ поръ старая фигура пріобрѣла въ глазахъ горожанъ еще новое значеніе. Она напоминала своимъ изувѣченнымъ остовомъ и печально прислонившейся вершиной о томъ-же, о чемъ гудѣла *марш* надъ рѣкой Колядой: что-то будетъ, надвигается что-то невѣдомое. Никто не убиралъ разбитыхъ громомъ останковъ, и зелень, задавленная ихъ паденіемъ, постепенно темнѣла и чахла, вѣтки подламывались одна за другой и верхушка фигуры, потрескивая и ворочаясь, какъ живая, опускалась все ниже. Невольный страхъ закрадывался въ сердце. Наступавшій вечеръ, отдаленныя тучи съ зарницами, карканіе воронъ, стаями садившихся на обломки и самое уродство сокрушенной *фигуры*,—все это рождало смутныя опасенія и тревогу...

Что-то будетъ, что будетъ...

А тутъ, опять не давъ городу опомниться, стали проводить телеграфную линію.

Я не выдумываю и ничего не изобрѣтаю въ настоящей правдивой исторіи. Я только свободно отдаюсь теченію своихъ воспоминаній, въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ, какъ они возникаютъ въ памяти. Не моя вина, если въ нихъ нѣтъ стройности и даже видимой логической связи. Недаромъ то, что я сейчасъ описалъ и опишу дальше, умные люди называютъ нынѣ «превратными толкованіями». Какъ они родятся, какъ разрастаются, какая руководитъ ими логика?... Родятся они нивѣсть какъ, разрастаются стихійно, а логики въ нихъ нѣтъ ни капли. Въ этомъ ихъ главная сущность, и мнѣ остается только констатировать, что они были, что они носи-

лись тучами и около колядовской *мары*, и около разбитой фигуры, и, какъ это ни странно,—въ особенности около телеграфа...

Въ одинъ прекрасный день явились какіе-то люди, что-то мѣрили, что-то равняли и уѣхали. За ними явились другіе и на вымѣренныхъ мѣстахъ поставили столбы. Одинъ изъ такихъ столбовъ, новенькій, бѣлый, прямой—сталъ какъ-разъ на углу, недалеко отъ старой фигуры. Вправо отъ него, къ рынку, и влево, по шоссе, вытянулись ровнымъ фронтомъ такіе-же столбы, въ первый еще разъ придавшіе нашей дорогѣ привычный теперь видъ уходящей вдаль сѣтчатой перспективы... Тогда это было непривычно и страшно, и опять будило ту-же чуткую фразу, подымавшуюся при каждомъ случаѣ. Что-то будетъ...

Пришла, наконецъ, послѣдняя партія людей и навѣсила на бѣлые столбиканчики три ряда желѣзной проволоки. Они очень торопились и, остановившись со своей телѣгой противъ «фигуры» въ серединѣ дня, къ вечеру исчезли уже за заставой, сопровождаемые все время густой толпой разноплеменныхъ зѣвакъ. Говорили, что телѣга подвигается все дальше и дальше, а люди не кидаютъ своей работы и ночью...

Оттого-ли, что дѣло было сдѣлано спѣшно и неумѣло, но только проволока сильно обвисла и колебалась въ воздухѣ. День былъ теплый, и я не помню, чтобъ было особенно вѣтрено, но я не помню также, чтобы когда-нибудь мнѣ доводилось слышать такой сильный звонъ телеграфной проволоки, какъ на закатѣ этого дня. Солнце садилось, лѣтній вечеръ сумерками спускался на садъ, на переулокъ, на старую фигуру, грустно торчавшую въ синемъ воздухѣ. Шумъ экипажей стихалъ... Толпа народа видѣлась темною кучей у заставы, въ концѣ шоссе, гдѣ еще работали телеграфисты. Нашъ переулокъ точно вымело. Всѣ, кто могъ, убѣжали къ заставѣ; насъ, дѣтей, не пустили, и я бродилъ по двору и саду, аллеи котораго тоже были наполнены незнакомымъ жужжаніемъ. Становилось какъ-то жутко слушать этотъ несмолкающій, ровный, непонятный звонъ этотъ крикъ мертваго желѣза, протянувагося въ воздухѣ откуда-то изъ невѣдомой столицы, о которой носилось столько чудесныхъ разсказовъ... Солнце совсѣмъ зашло, только промежъ дальнихъ крышъ, которыя казались будто вылитыми изъ свинца,—тлѣлась на небѣ огненно-багровая полоска. А проволока кричала, холодѣя,—все громче и громче и наполняла вечерній воздухъ своимъ жужжащимъ и стонущимъ воплемъ.

Событіе это не произвело впечатлѣнія на барскую половину и не мѣшало отцу съ матерью уѣхать въ гости. Но за то кухня была настроена чрезвычайно сумрачно и серьезно. Кучеръ Петръ даже не ужиналъ. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ, на лавкѣ, и курилъ свою неизмѣнную люльку. Сидѣлъ онъ въ особенной позѣ, выражавшей глубокую задумчивость. Разставивъ широко ноги, онъ облокотился локтемъ правой руки на колѣно, а между пальцами держалъ люльку такъ искусно, что, упершись

подбородкомъ въ ладонь, могъ курить и сплевывать, даже не поворачивая головы и почти не двигаясь. Онъ курилъ, сплевывалъ и молчалъ.

Камердинеръ Гандыло прибѣжалъ къ ужину послѣдній. Какъ уже сказано выше, онъ былъ щеголь, носилъ долгополый сюртукъ, сильно впрочемъ потертый, клѣтчатыя, грязныя брюки, жилетку букетами и даже мѣдную цѣпочку, хотя безъ часовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ Одессѣ, гдѣ присмотрѣлся въ компаніи студентовъ, родственниковъ барины, — онъ считалъ себя авторитетомъ во многихъ вопросахъ и до извѣстной степени вольнодумцемъ. Онъ показывалъ видъ, что и телеграфъ ему не диковина и прикладывалъ ухо къ столбу, съ выраженіемъ знатока, который одинъ только можетъ разобрать, что такое говорятъ по проволокамъ изъ столицы.

Онъ не принесъ, однако, опредѣленныхъ извѣстій. Въ публикѣ, толпившейся кучами у столбовъ, установилось убѣжденіе, что теперь всѣ начальники галдятъ вмѣстѣ, торопя и ругая чиновниковъ, медленно проводящихъ линію, и потому разобрать въ этомъ общемъ шумѣ ничего невозможно. Настоящій-же порядочный разговоръ пойдетъ только тогда, когда черезъ Броды, проволока дойдетъ до границы, что случится, при спѣшной работѣ, черезъ недѣлю.

Петръ докурилъ люльку, вытряхнулъ ее, сунулъ за голенище и сказалъ съ рѣшительнымъ видомъ:

— А! Ничего, скажу вамъ, добраго, кромѣ худого изъ всего этого не выйдетъ.

Какъ это ни странно, но вся наша кухня, состоявшая наполовину изъ крѣпостной дворни или изъ бывшихъ крѣпостныхъ, — ловила всѣ предзнаменованія съ самой мрачной стороны и вообще была проникнута пессимизмомъ...

Эту ночь я спалъ очень плохо. На душу ложилось смутное ощущеніе, будто тѣнь грядущихъ мрачныхъ событій. Проснувшись въ глубокую полночь, я сталъ тревожно вслушиваться въ тишину... Сквозь закрытыя ставни просачивался, точно отдаленное жужжаніе, все тотъ-же загадочный звонъ...

Прошла недѣля. Проволоки то смолкали совсѣмъ, то перезванивались въ воздухѣ съ тихой меланхоліей, то опять кричали во весь голосъ. И все время вмѣстѣ съ ихъ колебаніемъ, — вокругъ нихъ рѣяли превратныя толкованія, какъ невидимыя мухи. Гандыло потерялъ весь свой престижъ и объяснял сконфуженно, что по телеграфу говорятъ по-нѣмецки. Однако, вскорѣ всѣ узнали въ чемъ дѣло... Откуда узнали, кто объяснилъ первый, кто кому рассказывалъ и кто отъ кого слышалъ, — разобрать было-бы очень трудно. Молва останавливалась порой на отставномъ чиновникѣ Попковѣ. Онъ былъ карликъ, горбунъ и отчасти хродивый. Давно выгнанный со службы «за возраставшія странности своего поведенія», онъ смѣшался съ

толпой уличныхъ несчастливцевъ, ходилъ въ лаптяхъ, но сохранилъ на-
всегда шапку съ кокардой и пользовался тѣмъ особеннымъ уваженіемъ,
какое выпадаетъ на долю всякой личности, не совсѣмъ понятной толпѣ...
Такъ вотъ говорили, будто именно этотъ полукуродивый бывшій чиновникъ,
котораго и прогнали яко-бы за то, что онъ зналъ слишкомъ ужъ много,—
слышалъ, прислонясь къ столбу ухомъ, два голоса. Словъ разобрать было
невозможно, однако легко можно было замѣтить, что «тотъ, заграничный»,
кричить очень громко, а «нашъ» отвѣчаетъ ему ласково и тихо.....

Влад. Нороленко.

С. Я. НАДСОНЪ, КАКЪ ПОЭТЪ.

Въ газетѣ «Заря» за 1886 годъ (№№ 35 и 36) былъ помѣщенъ нами фельетонъ подъ заглавіемъ: «Одинъ изъ современныхъ поэтовъ», посвященный разбору второго изданія стихотвореній молодого поэта Надсона. При составленіи названной статьи нами руководило желаніе поспѣшно уяснить себѣ то увлеченіе стихотвореніями Надсона, которое не разъ приходилось намъ наблюдать въ русской интеллигентной молодежи. Чуждое какого-либо внѣшняго давленія, увлеченіе это показалось намъ характернымъ знаменіемъ времени и давало намъ возможность понять настроеніе какъ самого поэта, такъ и его почитателей. Но изданіе, которымъ намъ пришлось тогда воспользоваться, имѣло существенные недостатки. Во-первыхъ, при немъ не было біографіи поэта; во-вторыхъ, сборникъ далеко не обнималъ всего, написаннаго Надсономъ; въ-третьихъ, матеріалъ не былъ расположенъ въ строго определенномъ порядкѣ, а потому на основаніи его не было возможности составить себѣ представленія о постепенномъ ростѣ дарованія Надсона. Благодаря отсутствію біографіи, невозможно было вмѣстѣ съ тѣмъ составить понятія и о томъ, насколько произведенія юнаго поэта отражали его собственную личность.

19 января 1887 года Надсонъ окончилъ свою страдальческую жизнь отъ туберкулеза, разрѣшившагося воспаленіемъ мозга; но со смертію поэта интересъ къ его сочиненіямъ нисколько не ослабѣлъ, какъ это доказывается тѣмъ, что еще въ 1889 году было сдѣлано уже девятое изданіе его стихотвореній, имѣющееся у насъ подъ руками. Изданіе это, шестое послѣ его смерти, не оставляетъ сомнѣнія въ живучести плодовъ творчества Надсона, въ ихъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ русскаго общества и особенно молодежи обоого пола. Вотъ почему мы нашли возможнымъ еще разъ пересмотрѣть стихотворенія Надсона и подѣлиться съ читателями своими наблюденіями и впечатлѣніями.

При изученіи сочиненій Надсона нельзя упускать изъ виду, что онъ умеръ всего 24 лѣтъ, когда дарованіе его не успѣло ни развиться, ни опредѣлиться окончательно, умеръ отъ изнурительной и продолжительной болѣзни, которая порой и раньше угрожала ему смертельнымъ исходомъ. Нужно было много силы воли и нравственной, прежде всего нравственной живучести, чтобы не подчиниться окончательно тому подавляющему чувству, которое можетъ явиться слѣдствіемъ сознанія тяжелаго и неисцѣльнаго недуга. Само собою понятно, что не отразится на творчествѣ Надсона его болѣзненное состояніе не могло, даже если бы мы предположили, что онъ не зналъ хорошенько ни своего недуга, ни его роковой опасности. Но онъ не только все это зналъ, но и больше, чѣмъ ему нужно было знать. Вотъ что онъ писалъ еще въ 1883 году къ Алексѣю Николаевичу Плещееву: «Отъ Абариновой узналъ, что отецъ мой умеръ, будучи сумасшедшимъ. Отъ матери въ наслѣдство—чахотка, а отъ отца—«чорная меланхолія». Что-же это будетъ, въ особенности если, по незабвенному выраженію Случевского, «Дарвинъ не вретъ»? (Книжки Недѣли за ноябрь 1891 г., стр. 30). Сознаніе, дѣйствительно, мало успокоительное, особенно когда признаки чахотки не замедлили обнаружиться. Не столь рѣшительно можно усматривать въ Надсонѣ признаки тяжелой наслѣдственности отъ отца; но что меланхолія была свойственна Надсону и что она проявилась въ его произведеніяхъ,—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Весь вопросъ въ данномъ случаѣ въ томъ, было-ли это настроеніе въ немъ наслѣдственное, или-же постепенно развилось вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ его жизни. Возможно одно и другое; возможно и то, что обстоятельства жизни нашли уже благопріятно подготовленную почву для своей сокрушительной дѣятельности.

Данныя біографіи Надсона далеко еще не исчерпаны. Такъ переписка его только еще начинаетъ обнародываться (см. книжки «Недѣли» за ноябрь 1891 года, гдѣ напечатано 45 писемъ Надсона къ разнымъ лицамъ), а воспоминаній близкихъ лицъ и совсѣмъ намъ неизвѣстно. При всемъ томъ извѣстны нѣкоторыя обстоятельства его жизни, довольно существенныя для объясненія особенностей его литературной дѣятельности.

По собственному признанію поэта, онъ съ дѣтства былъ хилый и болѣзненный мальчикъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ болѣзненность могла постепенно ослабѣть и даже совсѣмъ исчезнуть; но на бѣду именно дѣтская его обстановка была особенно неблагоприятна. Поэту было всего два года, когда онъ потерялъ своего отца. Не имѣя собственныхъ средствъ для содержанія двоихъ дѣтей своихъ, мать Надсона должна была занять въ одномъ домѣ должность экономки и гувернантки. Такимъ образомъ, мальчикъ оказался въ чужой семьѣ одинокимъ и забытымъ, безъ возможности пользоваться свободно досугомъ и лаской матери. Вслѣдствіе этого въ мальчикѣ развивается робость, запуганность, отчужденность, замкнутость и даже угрюмость. Впо-

слѣдствіи времени онъ не могъ безъ ужаса и отвращенія вспомнить своего дѣтскаго перекочевыванія по чужимъ угламъ. Но чувство одиночества поражаетъ свои неизбѣжныя послѣдствія: неудовлетворенность, тоску, раннія и безутѣшныя слезы, недовѣріе къ людямъ и свѣтлымъ сторонамъ жизни, болѣзненную чувствительность къ гнету и страданію, страстное исканіе ласки и участія и нездоровую дѣятельность фантазіи, которая вознаграждаетъ собою недочеты дѣйствительности. Вотъ какъ уже двадцатитрехлѣтнему Надсону представлялось его дѣтство:

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачи людской.
Меня окружало довольство.... Лишеній
Не зналъ я, за то и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной,
Съ умомъ, не подѣтски печалью развитымъ,
И съ чуткой, болѣзненно чуткой душой;
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, невинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать! (стр. 111).

Но грезы эти были «странныя, не дѣтскія мечтанья». Это было не воображеніе себя непобѣдимымъ полководцемъ, или странникомъ-поэтомъ съ лютою въ рукахъ, не представленіе себя сказочнымъ героемъ, освободителемъ царской дочери изъ темницы, ловцомъ жарь-птицы и искателемъ живой воды; міръ его фантазій

Созданъ былъ въ груди безумной жаждой ласки,
Онъ выросъ и расцвѣлъ изъ слезъ моей души!... (стр. 179—180).

Вотъ почему въ послѣдствіи поэтъ произноситъ суровое проклятіе своему дѣтству:

Проклятье вамъ, мои младенческіе годы!
За мертвой книгою, за школьною стѣной,
Прошли вы безъ любви, безъ дружбы, безъ свободы,
Не мирнымъ праздникомъ, а тяжелою грозой.... (стр. 180—181).

Намъ нигдѣ не удалось найти указанія, насколько обращалось вниманіе на воспитаніе въ ребенкѣ-Надсонѣ религіознаго чувства. Воспитаніе этого чувства важно не потому лишь, что оно и въ дѣтскомъ возрастѣ можетъ давать

успокоеніе въ минуты тяжелыхъ настроеній, но еще болѣе потому, что впоследствии, въ пору попытокъ согласовать вѣрованія юности съ возникшими запросами разума, можетъ служить нравственной опорой и умѣрять порывы и безотрадные выводы разсудка. Не считая себя въ правѣ утверждать, мы можемъ предположить, что на воспитаніе религіознаго чувства въ поэтѣ не было обращено достаточно вниманія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи нѣкоторыхъ его выраженій:

Росъ одиноко я. Меня не ограждала
Отъ раннихъ грозъ и бурь заботливость семьи.
Мать за меня колѣнъ въ молитвѣ не склоняла,
И вяня передъ сномъ мнѣ кротко не шептала,
Крестя чело мое, горячихъ словъ любви... (стр. 181).

Такимъ образомъ, дѣтство Надсона не было окружено тѣми проявленіями религіозности, которыя обыкновенно являются ея зародышами и сѣменами въ дѣтской душѣ.

Что касается пріемовъ и слѣдствій образованія, полученнаго Надсономъ, то и относительно этого нельзя найти обстоятельныхъ указаній ни въ его біографіи, ни въ его письмахъ. Учился онъ хорошо, но не видно, чтобы при этомъ обнаружились необыкновенныя способности мальчика; не видно также, чтобы какимъ-либо предметомъ онъ занимался съ исключительнымъ интересомъ и успѣхомъ. Нѣкоторое предпочтеніе отдавалось словесности и исторіи. Читалъ Надсонъ много и чаще всего безпорядочно, причемъ книги литературнаго содержанія рѣшительно преобладали надъ остальными. Такой школы невозможно найти достаточной; еще менѣе она могла содѣйствовать къ работѣ у него опредѣленнаго міровоззрѣнія. Нельзя не отмѣтить также любви поэта къ тоническимъ искусствамъ, которая опредѣлилась у него еще въ военной гимназіи. Въ 1875 году онъ былъ выбранъ въ числѣ другихъ воспитанниковъ гимназіи для обученія игрѣ на скрипкѣ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ и оказывалъ большіе успѣхи. Впоследствии времени, уже самостоятельно и по слуху, онъ выучился играть на рояли и на нѣсколькихъ другихъ инструментахъ. Со скрипкой онъ никогда не разставался и потомъ, когда онъ навсегда распрощался со школой. Прибавимъ къ этому, что отецъ покойнаго поэта былъ отличный музыкантъ. Въ военной-же гимназіи Надсонъ полюбилъ пѣніе, участвуя въ гимназическомъ хорѣ. Эта любовь и воспримчивость къ тоническимъ искусствамъ, несомнѣнно, весьма достопримѣчательна и не могла не отразиться на характерѣ его литературной дѣятельности. Уже въ пору самостоятельной жизни молодой поэтъ, вообще отзывчивый ко всему прекрасному въ жизни и природѣ (163—164; 44—45), не переставалъ увлекаться съ особенною силою именно музыкой и пѣніемъ. Достаточно при этомъ вспомнить его стихотворенія: «Reverie» и «Пѣвица», исполненные силы и прелести. Первое посвящено артисткѣ Зейптъ, второе—неизвѣстной оперной пѣви-

цѣ (265). Вотъ какъ поэтъ воплощаетъ въ первомъ изъ стихотвореній мощное впечатлѣніе на него игры на скрипкѣ:

Раздался струнный звукъ—и замеръ надъ толпой.
То былъ родной мнѣ звукъ: душа моя узнала
Въ немъ отзвукъ струнъ своихъ, и изъ моихъ очей,
Какъ отлетѣвшій сонъ, исчезли стѣны зала,
И пестрота толпы, и яркій блескъ огней!

.....
Какъ чудотворный жезлъ волшебницы могучей,
Онъ, этотъ трепетный и вкрадчивый смычокъ,
За каждой нотою, и нѣжной, и пѣвучей,
Отвѣтныхъ грезъ будилъ въ груди моей потоки;
И шли передо мной въ лучахъ воспоминанья,
Подъ звуки *Rêverie*, бѣжавшей, какъ ручей,
И свѣтлая любовь, и яркія мечтанья,
И тихая печаль минувшихъ, юныхъ дней. (Стр. 78).

Указанныя нами біографическія данныя казались намъ заслуживающими вниманія именно потому, что они хотя до нѣкоторой степени позволяютъ уяснить свойства творчества Надсона.

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что ни обстановка дѣтства, ни условія полученнаго образованія не были особенно благоприятны для правильнаго развитія таланта Надсона. Къ этому нужно прибавить характеръ его службы, обусловленной свойствомъ полученнаго имъ образованія. Отъ 21 января 1882 года Надсонъ пишетъ одному изъ своихъ знакомыхъ: «Не утаю отъ васъ, съ какой неохотой шелъ я въ военную службу. Уже первыя столкновенія съ нею были у меня довольно тяжелы, но я думалъ,—не думалъ, а мечталъ,—что разъ я поступилъ въ нее, я употреблю всѣ силы души и мысли на то, чтобы послужить ей, послужить той массѣ сѣраго армейскаго офицерства и солдатства, которая задыхается въ атмосферѣ пустыхъ кутежей, дѣланія карьеры,—что мнѣ особенно ненавистно,—нравственнаго и умственнаго неряшества и пустоты,—мечты смѣлыя, дерзкія,—но и любви-то моей нѣтъ конца». (Биогр. стр. XLIV—XLV). Впослѣдствіи онъ долженъ былъ, однако, сознаться, что его положеніе на службѣ рѣшительно невыносимо, что крестъ, не совсѣмъ добровольно взятый имъ на себя, ему неподсильенъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ открылась недолговременная творческая дѣятельность покойнаго поэта.

Надсонъ владѣлъ небольшимъ, но истинно поэтическимъ дарованіемъ. Дарованіе это проявилось бы, можетъ быть, болѣе мощно, если бы оно не обезсиливалось направленіемъ его творчества, не особенно благоприятнымъ для развитія его поэтическаго дарованія. При всемъ томъ въ произведеніяхъ молодого поэта замѣчаются несомнѣнныя доказательства постепеннаго роста и

дарованія, и художественности формы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить начальные опыты Надсона съ произведеніями его послѣднихъ лѣтъ. Самъ юный поэтъ рано почувствовалъ въ себѣ не только потребность творчества, но и присутствіе дарованія, хотя, отчасти по скромности, но еще болѣе по недовѣрію къ себѣ, постоянно и разными путями хотѣлъ удостовѣриться въ дѣйствительности своего таланта. Въ письмахъ своихъ къ А. Н. Плещееву, котораго онъ называетъ своимъ крестнымъ отцомъ на литературномъ поприщѣ (Нед. 24), Надсонъ чуть не умоляетъ его сказать сущую правду, имѣется ли у него даръ поэта. Такъ въ 1883 году онъ пишетъ ему: «Между строками вашего письма я прочелъ то, о чемъ вы, по врожденной вамъ добротѣ и мягкости, не хотѣли мнѣ говорить; въ самомъ дѣлѣ, временно или навсегда, но талантъ мнѣ измѣняется. Да и былъ-ли талантъ? Недаромъ я всегда такъ недовѣрчиво въ глубинѣ души относился къ похваламъ и спрашивалъ себя: «за что»? (Письмо отъ апр. 1883; Нед. стр. 25; см. также стр. 31). Въ то же время онъ съ болѣзненной любознательностью прочитывалъ критическія замѣчанія о своихъ стихотвореніяхъ, воображая, что ему настоятельно необходимо провѣрить себя и свое внутреннее самочувствіе голосомъ другихъ. (См. стр. LXI біографіи). Съ этой-же цѣлью онъ еще въ 1879 году замышлялъ издать отдѣльной книжкой собраніе стихотвореній первыхъ двухъ лѣтъ. Въ предполагаемомъ предисловіи къ этому изданію Надсонъ пишетъ, что при изданіи «я руководился единственною цѣлью — по успѣху или неуспѣху изданія рѣшить давно мучающій меня вопросъ о томъ, есть-ли у меня талантъ, или нѣтъ?» (Біографія, стр. LXII).

Такое ревнивое отношеніе Надсона къ своему творчеству, доказываетъ, какое важное не только общественное, но и личное значеніе имѣло въ его глазахъ поэтическое его дарованіе.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1883 г.) къ А. Н. Плещееву Надсонъ говоритъ: «Недоставало еще..., чтобы судьба сыграла со мной еще эту послѣднюю штуку, — чтобы оказалось, что надежды, возбужденныя мною, пустой миею и что таланта во мнѣ нѣтъ. А къ этому, кажется, клонится... А что я безъ таланта? Самая глубокая, самая жалкая толпа, — и я не вынесу такого поруганія надъ моими стремленіями». (Книжки Нед., XI, 1891 г., стр. 31). Туже мысль онъ проводитъ позже въ письмѣ изъ-за границы: «Какъ бы ни было мало мое дарованіе, но, клянусь вамъ, я живу *только для него*, а здѣсь мнѣ рѣшительно не пишется». (Стр. LXIII—LXIV біограф.).

Какъ поэтъ, Надсонъ былъ лирикъ въ точномъ значеніи этого слова. Это доказывается не только тѣмъ, что стихотворенія лирическія у него рѣшительно преобладаютъ надъ эпическими, но и тѣмъ, что въ самыхъ эпическихъ стихотвореніяхъ чувство и свойство впечатлѣнія не рѣдко господствуетъ надъ эпическимъ элементомъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ особымъ способомъ воспріятія и воспроизведенія дѣйствительности. Нашему

автору, очевидно, недоставало чувства пластики. У Надсона это свойство его природы стоитъ въ связи со многими проявленіями его личности и дарованія. Такъ, едва-ли можетъ быть отрицаема связь лиризма его поэзіи съ проявившеюся у него любовію къ тоническимъ искусствамъ: музыкѣ и пѣнію.

По сообщеніямъ лицъ, хорошо знавшихъ Надсона, послѣдній владѣлъ въ такой степени тонкимъ и вѣрнымъ слухомъ, что стоило ему разъ слышать романсъ или какую-либо піесу, чтобы онъ могъ точно ихъ воспроизвести. (стр. LVI біографіи).

Отсюда происходитъ у него тщательная обработка стиха, какъ онъ не разъ самъ исповѣдывается въ этомъ. Онъ, напр., пишетъ А. Н. Плещееву: «Послѣдніе стихи переждите отдавать куда-нибудь,—мнѣ хотѣлось бы раньше съ вами о нихъ переговорить. Въ чемъ хромаетъ ихъ форма? Я большой педантъ въ этомъ отношеніи». (Книж. Нед. XI, 1891, стр. 31; см. также стр. 19). По поводу «Грезъ» Надсонъ пишетъ тому-же Плещееву: «Грезы» въ послѣднее время меня сильно занимаютъ,—работалъ я много, извелъ бумаги пропасть, а все-таки есть *стилистическіе промахи*». (Ibid. стр. 25).

Изъ того-же свойства музы Надсона, но не какъ слѣдствіе, а какъ причина, объясняется и то важное явленіе, что въ изображеніи проявленій окружающей дѣйствительности поэтъ выступаетъ предъ читателемъ не столько, какъ мыслитель, тонко и обстоятельно анализирующій свои наблюденія, сколько какъ человѣкъ, измѣряющій нравственное значеніе явленій жизни силою своихъ нервовъ. Отсюда значительная сила чувства въ лучшихъ его произведенияхъ и ихъ сильное дѣйствіе на читателя. Едва-ли возможно отрипать, что въ этомъ свойствѣ творчества Надсона, въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ степени, сказались недостатки его школы, недостатокъ образованія, помѣшавшій Надсону выработать строго опредѣленный образъ мыслей; но еще болѣе вѣрно то, что здѣсь выступаетъ предъ нами особое свойство его нервной системы, сильная ея воспріимчивость и впечатлительность, какъ говорятъ, ея раздражительность. Отсюда происходитъ то, что и такіе недостатки жизни, которые всегда были и будутъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ человѣкъ съ его ограниченными силами и способностями, но все-же, конечно, не желательные, вызываютъ въ Надсонѣ сильное напряженіе чувства. Здѣсь-же имѣетъ свой источникъ несомнѣнная наклонность юнаго поэта къ преувеличеніямъ и утопіямъ. Отсюда-же, наконецъ, проистекаетъ мрачный и субъективный характеръ музы Надсона.

Если о поэтахъ-лирикахъ принято думать, что муза ихъ носитъ субъективный характеръ, то о творествѣ Надсона нужно сказать, что это—его автобіографія. Подавляющее большинство его стихотвореній непосредственно выражаетъ его личное настроеніе при разныхъ обстоятельствахъ его жизни. Но даже и такіа стихотворенія, какъ «Геростратъ», «Икаръ», «Три встрѣчи и Ночи Будды» и друг., въ сущности выражаютъ не столько міръ думъ и

чувствъ героевъ древности, сколько самого Надсона. Вотъ почему, при добромъ желаніи, руководствуясь обнародованными стихотвореніями нашего поэта, можно было бы представить картину его жизни въ періодъ творчества, близко сходную съ извѣстіями о немъ другихъ источниковъ. Насъ однако интересуетъ въ творествѣ Надсона свойство и предметъ его музы, какъ средство извлечь отсюда указанія на характеръ настроенія современнаго намъ общества и особенно молодежи.

Грустна и даже мрачна муза юнаго поэта и въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и на читателя. Дѣйствіе ея выступаетъ не столь замѣтно, когда прочитываешь отдѣльные стихотворенія, но трудно бываетъ освободиться отъ впечатлѣнія, когда прочитываешь цѣлый сборникъ разомъ. Хорошо видишь и понимаешь преувеличенія, неясность мысли; но не можешь отрицать самыхъ явленій жизни, изъ которыхъ выходитъ авторъ. Въ этомъ отношеніи творчество Надсона нельзя признать здоровымъ, а вліяніе его благотворнымъ.

Въ данномъ случаѣ возможно, впрочемъ, самое искреннее заблужденіе: полуйскуственное одушевленіе автора, вызванное прискорбными явленіями жизни, давно отмѣченными, можетъ заражать читателя именно неопровержимостью своего основанія. Такъ думать особенно часто приходится относительно писателей начинающихъ. У нихъ вопросъ о силѣ одушевленія не рѣдко сводится къ вопросу о соотношеніи ихъ стихотворныхъ опытовъ съ образцомъ. Выборъ образца, конечно, дѣлается не случайно, а опредѣляется сродствомъ предметовъ и ихъ обработки съ неясными движеніями чувства и мысли начинающаго поэта; но все же здѣсь неизбѣжны преувеличенія, именно какъ результатъ попытки обработать современные темы, какъ слѣдствіе усилія помѣряться съ поэтомъ-вождемъ. Такимъ поэтомъ-вождемъ для Надсона былъ прежде всего Некрасовъ, который имѣлъ на молодого поэта большое вліяніе какъ по предмету, такъ и по приему творчества. Возьмемъ, напримѣръ, одно изъ начальныхъ произведеній Надсона «Похороны». Надсонъ впоследствии сознавался, что онъ не знаетъ деревни; но это не помѣшало ему воспроизвести въ названномъ стихотвореніи похороны «апостола труда и терпѣнія» — честнаго деревенскаго рабочаго. Стихотвореніе довольно сильное, но терминологія и обороты доказываютъ въ молодой работѣ школу Некрасова: демократизмъ Надсона, очевидно, ввелъ его въ искушеніе испытать свои силы въ этомъ родѣ творчества. Въ свою очередь стихотвореніе «Въ тихой пристани» (стр. 17—18), не смотря на эпиграфъ изъ Пушкина, написано подъ несомнѣннымъ вліяніемъ стихотворенія Некрасова «Саша» (изд. 1881 г. стр. 42). Здѣсь мы находимъ тоже обращеніе къ родинѣ — матери, желаніе излить предъ ней свои слезы, успокоиться подъ вліяніемъ ласки и нѣги родныхъ лѣсовъ и полей. Но было бы, конечно, странно и несправедливо искать объясненія грустнаго направленія музы Надсона исключительно въ однихъ литературныхъ традиціяхъ, въ увлеченіи темами Некрасова, какъ популярными и сочувственными для обще-

ства; нѣтъ, необходимо предположить, что Надсонъ потому и примкнулъ къ скорбному творчеству Некрасова, что нашелъ въ немъ объясненіе и воплощеніе неясныхъ порывовъ и настроеній своей больной души. Въ этомъ смыслѣ нужно признать долю искренности уже въ первыхъ его произведеніяхъ. Вотъ что говорить объ этомъ самъ Надсонъ въ одномъ изъ стихотвореній 1878 г., когда онъ въ первый разъ началъ печатать свои труды:

Но кто пойметъ
Что каждый стихъ—дитя глубокой муки,
Рожденное въ раздумьи роковомъ?
Что каждый мигъ «святого вдохновенья»
Мнѣ стоилъ слезъ, невидныхъ для людей,
Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи ночей? (Стр. 9).

Тоже признаніе онъ повторяетъ въ 1883 г., когда творчество его успѣло окрѣпнуть и форма стиха давалась ему легче:

Окрыленнымъ мечтой сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки
Какъ недугомъ я каждою пѣснью болѣлъ,
Каждой творческой думой терзался,
И нерѣдко пѣвца благодатный удѣлъ
Непосильнымъ крестомъ мнѣ казался. (Стр. 81).

Въ другомъ стихотвореніи того-же года онъ говоритъ, что «если порой его пѣсня звучала тяжелой, какъ ночь, безпросвѣтной тоской», то потому лишь, что «та же тоска и его истерзала». (Стр. 187).

Недовѣрять искренности указанныхъ признаній мы, конечно, не имѣемъ права.

Въ свою очередь, у Надсона встрѣчается цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ онъ съ нарочитою подробностью знакомитъ насъ съ возможными задачами поэтического творчества. Очевидно, что вопросъ этотъ занималъ его очень сильно. Въ творествѣ этого рода Надсонъ не былъ, разумѣется, начинателемъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ и друг. оставили намъ цѣлый рядъ произведеній, посвященныхъ обработкѣ той-же темы. Вотъ почему между Надсономъ и его предшественниками оказывается неизбежное соотношеніе, — изъ чего однако не слѣдуетъ, что мотивы произведеній этого рода навѣяны всецѣло со стороны. Наиболѣе разносторонне указанъ предметъ поэзіи въ стихотвореніи 1879 года «Поэтъ». По взгляду Надсона, пѣснь поэта должна кипѣть «огнемъ негодования» и жечь душу «правдивою слезой», будить въ людяхъ «честныя желанья» и «любовь къ отчизнѣ дорогой»; она должна поддерживать силы слабыхъ и малодушныхъ надеждой побѣды и безсмертія, клеймить позоромъ труса и вызывать на мужественную борьбу «за истину и свѣтъ». Въ то же время изъ міра скорби и мукъ она должна увлекать въ міръ фантазій,

Въ тотъ чудный міръ, гдѣ нѣтъ ни жгучихъ слезъ, ни муки,
Гдѣ красота, любовь, забвеніе и покой. (Стр. 37).

Какъ видимъ, предметъ поэзіи здѣсь не отступаетъ, по крайней мѣрѣ существенно, отъ того назначенія ея, которое было указано Пушкинымъ. Но уже въ слѣдующемъ году авторъ сильно измѣняетъ тонъ и старается провести рѣзкую границу между поэзією своего времени и прошлаго. «За много лѣтъ» поэзія, говоритъ Надсонъ въ стихотвореніи того-же названія (стр. 42), имѣла своимъ предметомъ преданность мечтѣ, закономъ—«искусство для искусства», а завѣтомъ—«служенье красотѣ»; теперь «дышетъ пѣснь ея огнемъ душевной муки».

Прошло безвозвратно и «владычество безжизненной природы», и съ тѣмъ вмѣстѣ миновала и поэзія лѣсовъ и полей;

Поэзія теперь—поэзія скорбей,
Поэзія борьбы, и мысли, и свободы,
Поэзія—въ стѣнахъ кипучихъ городовъ,
Поэзія въ трудѣ за лампою ночью. (Стр. 213).

Нынѣшній «пѣвецъ» и самъ бѣжитъ иллюзіи мечты, бѣжитъ заманчиваго покоя на лонѣ природы, и старается разбить и уничтожить обезпеченное благодущіе и спокойствіе обитателей чертоговъ золотыхъ, спѣша имъ пропѣть

о голодной нуждѣ,
О суровой борьбѣ и суровомъ трудѣ,
О подавленныхъ, гибнущихъ силахъ,
О горячихъ, беспомощныхъ дѣтскихъ слезахъ,
О бессонныхъ ночахъ и безрадостныхъ дняхъ,
О тюрьмѣ и безкrestныхъ могилахъ. (Стр. 164).

Музѣ такого рода, очевидно, неприличенъ лавровый вѣнокъ, и только «тернъ обогранный, тернъ суровый», идетъ ея чертамъ (стр. 141). Существенно видоизмѣнился и внѣшній обликъ музы. Не блеститъ болѣе она дѣвственнымъ мраморомъ чела и огнемъ вдохновеннаго взора; не выются у нея «темныя кольца кудрей», исчезъ «горделивый и смѣлый очеркъ устъ»; вмѣсто всего этого изъ глазъ ея сверкаетъ „воспаленный, завистливый, злобный взглядъ“; въ ея глазахъ, «оттѣненныхъ вокругъ синевою», «является что-то зловѣщее», «въ кудряхъ, серебрясь, пробивается сѣдина», а на щекахъ «разгорается нездоровымъ огнемъ блескъ румянца». (Стр. 79—80).

Не сразу, конечно, муза нашего поэта приняла столь печальный образъ. Въ пору юности, когда въ душѣ было болѣе вѣры въ жизнь и людей, когда чувство прекраснаго и порывы молодыхъ лѣтъ вызывали въ Надсонѣ увлеченіе красотой, «влюбленные грезы» его разрѣшались элегіями, конечно, посвященными его богинѣ. Такой именно случай наивно и увлекательно разсказывается въ стихотвореніи «Страничка прошлаго». (Стр. 103—107). Здѣсь

нѣтъ ни рефлексіи, ни мрачныхъ сомнѣній, а если и замѣчается отчаяніе, то какъ слѣдствіе молодой ревности и тяжелаго сознанія превосходства счастливаго соперника. Какъ и можно было ожидать, отчаяніе это разрѣшилось исканіемъ омутовъ въ такихъ ручьяхъ, по которымъ „даже куры вбродъ переходили“ (стр. 105), да истерическими слезами на глазахъ предмета его поклоненія, — что, впрочемъ, не входило въ программу дѣятельности, какъ обязательство, не совсѣмъ благопріятное для юнаго поклонника. Въ эту пору увлеченія Надсонъ, вопреки собственному свидѣтельству (см. стр. 179—180), видѣлъ сны, въ которыхъ являлся спасителемъ своей богини отъ шайки разбойниковъ (стр. 105). Въ эту-же пору школьной жизни, когда испытанная мысль и суровый опытъ еще не умѣряли порывовъ смѣлой фантазіи, юношѣ мечталось о славѣ пѣвца среди пышныхъ залъ королевскаго замка, въ которомъ «ликовалъ блестящій кругъ гостей» и въ которомъ

Собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы

И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей

съ королевой во главѣ. Здѣсь-то онъ, робкій и безвѣстный пажъ, осѣненный «крылами вдохновенія», властвуетъ толпою, вызываетъ слезы восторга и умиленія у дѣвъ и заставляетъ саму королеву склонить ницъ свою гордую голову. И нѣтъ конца бурнымъ и восторженнымъ привѣтамъ, нѣтъ числа цвѣтамъ у его ногъ; но вѣнецъ всего—она, сама королева, царица его сердца и вдохновительница его музыки, «чаруя прелестью улыбки и лица», даритъ ему одну изъ розъ, приколотыхъ на ея груди. (Стр. 70—73). Не долго однако продолжались эти чарующія грезы его дѣтства. Когда мечта о славѣ и дѣятельности поэта стала дѣйствительностью, когда онъ выступилъ передъ обществомъ со своими пѣснями, у него не нашлось гимновъ въ честь красоты, побѣдъ и громкихъ дѣлъ, а «сталъ онъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей». Исключительное содержаніе пѣсень требовало и исключительныхъ слушателей. И вотъ пышная зала смѣняется бѣдной комнаткой, тонувшей въ полумглѣ; прекраснѣйшія дѣвы, королева и желѣзный сонмъ бароновъ и князей смѣняются горстью молодыхъ тружениковъ науки, собравшихся въ столицу со всѣхъ краевъ безграничной родной земли и рано истомленныхъ «суровыми лишеніями, нуждой, тяжелымъ трудомъ и длиннымъ рядомъ заботъ». Среди такихъ-то слушателей, безъ мысли о похвалѣ и безъ надежды на славу, онъ и запѣлъ свою скорбную пѣснь:

Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ трудовъ,

Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,

Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,

Чтобъ не упали ихъ натруженные руки,

Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;

Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,

Что только истинѣ побѣда суждена,

Что ночь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;
И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохранилъ—
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—
Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!... (Стр. 74—75).

Нужно-ли говорить, что пѣснь юнаго пѣвца не вызвала громкихъ руко-
коплексаній, и только «минутное молчаніе, да чье-то теплое пожатіе руки»
были отвѣтомъ, но столь пріятнымъ и желаннымъ, что передъ этимъ скром-
нымъ привѣтомъ поблекли призрачныя грезы дѣтства (ibid. стр. 75).

Гдѣ же кроется причина столь быстрой и, повидимому, неожиданной пе-
ремѣны въ творчествѣ Надсона? Чѣмъ объяснить, что поэтъ, выступившій на
литературное поприще едва 16 лѣтъ, а закончившій его въ 24 года, оказы-
вается проповѣдникомъ безутѣшной скорби, а порой и пессимизма? Какъ
случилось, что юноша, съ несомнѣнной воспріимчивостью ко всему прекрас-
ному, оказался глухимъ къ свѣтлымъ и радостнымъ сторонамъ жизни, какъ
будто онѣ не были ему совершенно знакомы? Можетъ быть, на его долю вы-
пали исключительныя испытанія въ жизни, непосильная борьба съ нуждой и
тяжелыя разочарованія? Повидимому, нѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно ска-
зать на основаніи данныхъ его біографіи и даже его собственныхъ произве-
деній. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить грустное настроеніе твор-
чества Надсона?

Къ сожалѣнію, и теперь, когда количество стихотвореній Надсона почти
удвоилось, приходится повторить сказанное нами по поводу второго изданія
его сочиненій: творчество Надсона страдаетъ неясностью и неопредѣленностью
основанія тѣхъ или иныхъ чувствъ и настроеній. Поэтъ заражаетъ васъ си-
лой и искренностью своей скорби, но читатель долженъ самъ восполнять кар-
тину жизненной невзгоды воспроизведеніемъ въ своемъ сознаніи тѣхъ или дру-
гихъ настроеній современной общественной жизни. Нельзя же считать доста-
точнымъ основаніемъ для скорби и сокрушенія выраженія, въ родѣ слѣдую-
щихъ:

Зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой. (Стр. 48).

Все это происходило оттого, что нашему автору не доставало конкрет-
ности мышленія. Отсюда недостаточность, а иногда и полное отсутствіе эпи-
ческаго элемента въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, вслѣдствіе чего на-
строенія поэта остаются необоснованными. Отсюда же произошло и то, что
стихотворенія его иногда страдаютъ крайнимъ однообразіемъ и не только на-

строений, но и оборотовъ рѣчи. Вотъ почему съ лѣтами обаяніе такого рода музы проходить. Поэтому весьма справедливо замѣтилъ Полонскій въ своемъ стихотвореніи на смерть Надсона, что голосъ его былъ

Подслушанъ пылкой молодежью

И чуткой женскою душой. (Стр. LXXXVII біогра.).

Кромѣ особенности мышленія, важнѣйшею причиною отсутствія эпическаго обоснованія въ творчествѣ молодого поэта, по нашему мнѣнію, служила недостаточность его образованія, которая не позволила ему разобраться въ жизненныхъ явленіяхъ и составить себѣ опредѣленное міровоззрѣніе. Вы напрасно будете стараться уяснить себѣ политическія и общественныя воззрѣнія автора; напрасно съ тѣмъ вмѣстѣ вы будете искать у него указанія причинъ тѣхъ или другихъ общественныхъ нестроений, которыя опредѣляли бы значеніе послѣднихъ и средства борьбы противъ нихъ. Видимо, что авторъ воспринимаетъ и измѣряетъ неприглядныя явленія дѣйствительности лишь своимъ искреннимъ и чистымъ чувствомъ. Вотъ почему его муза такъ дорога для молодежи и мало удовлетворяетъ людей, которые въ опѣнѣй жизненныхъ явленій голосъ чувства привыкли повѣрять голосомъ разсудка. Въ этомъ случаѣ между нимъ и его учителемъ, Некрасовымъ, существенная разница. Настроение Некрасова ясно для читателя и именно потому, что предъ нимъ выступаетъ цѣлый рядъ прискорбныхъ явленій жизни, достаточно опѣненныхъ по своему достоинству. Впечатлѣніе творчества Некрасова усиливается и тѣмъ, что общественное зло возникаетъ передъ вашимъ сознаніемъ въ такихъ подробностяхъ, которыя не рѣдко ускользали отъ вашего вниманія. Отсюда происходитъ то, что общественное зло, съ которымъ борется Некрасовъ, конкретно, носитъ опредѣленное имя и свойства извѣстной мѣстности и эпохи; нестроения, отмѣчаемыя Надсономъ, расплываются въ общую и неясную картину и свойственны всѣмъ временамъ,—изъ чего, разумѣется, не слѣдуетъ, что существованіе ихъ законно и не требуетъ мѣропріятій.

Но признавая недостаточность обоснованія скорбныхъ настроений, проявившихся въ произведеніяхъ Надсона, литературная критика нисколько не освобождается отъ обязанности посылить объяснить причину мрачнаго характера музы молодого поэта. Плачъ ребенка не становится безпричиннымъ потому лишь, что самъ ребенокъ не въ состояніи назвать источника боли. Если творчество Надсона искренно, то и скорбь его справедлива, а слѣдовательно, не только должна, но и можетъ быть объяснена. Въ свою очередь, успѣхъ сочиненій Надсона, сочувствіе къ нему со стороны современной интеллигентной молодежи,—сочувствіе несомнѣнно вполне искреннее,—доказываютъ, что Надсону удалось угадать настроеніе и потребности времени. Все это придаетъ только большій интересъ и значеніе Надсону, какъ выразителю стремленій времени. Начнемъ съ указанія особенностей поэта индивидуальныхъ и затѣмъ перейдемъ къ общимъ свойствамъ времени, отразившимся въ его личности и творчествѣ.

Надсонъ былъ истымъ порожденіемъ столицы, съ ея тревогой, поспѣшностью жить, съ ея нервозностью и крайностями напряженія и упадка силъ. Уроженецъ юга, но «съ юныхъ дней» заброшенный въ Петербургъ, онъ «полюбилъ его движеніе» и «шумныхъ улицъ оживленіе», полюбилъ скудную его природу, умѣлъ находить «поэзію въ туманахъ, въ дождяхъ, не перестающихъ лить», «въ узорахъ инея зимою и въ дымкѣ хмурыхъ облаковъ» (стр. 235—236), но болѣе всего онъ любилъ его за возможность энергичнаго труда. Здѣсь, въ столицѣ, на каждомъ шагѣ можно встрѣтить и то, что поражаетъ своимъ величіемъ, и то, что возмущаетъ дикимъ своеволіемъ; богатство и нищета, необузданный разгулъ и безутѣшныя слезы, эксплуатація всѣхъ видовъ, насилие и безпомощность: все это тревожитъ мысль, болѣзненно напрягаетъ чувство и порождаетъ усиленный трудъ:

Да, только здѣсь, среди столичнаго смятенія,
Гдѣ, что ни мигъ, то боль; гдѣ, что ни шагъ, то зло,—
Звучать въ моей груди призывы вдохновенія,
И творческій восторгъ сжимаетъ мнѣ чело.
Въ глуши, передъ лицомъ сіяющей природы,
Мой богъ безмолствовалъ....

Потому что пышная природа, пѣнье птицъ, покой и нѣга жизни заражали его, порождали безпечность и мечту (стр. 266). Въ 1886 году, находясь въ малорусской деревнѣ, Надсонъ писалъ г. Л—ну: «Какъ ни хорошо отдохнуть отъ Петербургской сутолоки, какъ ни хороша природа, но писать удобно и легко только въ городѣ, гдѣ каждый часъ бьетъ по нервамъ и будитъ мысль». (Стр. LXXV біогра.).

Вотъ почему уже больной, вынужденный уѣхать на югъ, онъ скорбитъ о томъ, что долженъ оставить «завѣтный трудъ и друзей сплотившихся кружокъ» (стр. 288). Вотъ почему большинство его стихотвореній написано въ городахъ и ясно носить на себѣ отпечатокъ тревожной и болѣзненно напряженной мысли и чувства поэта.

Вторая причина—обстоятельства дѣтства и юности Надсона. Бываютъ неблагоприятныя обстоятельства жизни, которыя не столько вносятъ и закладываютъ въ душу человѣка мрачное настроеніе, сколько не даютъ вырости и окрѣпнуть настроеніямъ радостнымъ. И для этого вовсе не нужно предполагать какихъ либо исключительно тяжелыхъ испытаній жизни, непосильной и упорной борьбы за свое существованіе; нѣтъ, для этого совершенно достаточно, чтобы молодые порывы, порывы къ радости, къ участію и ласкѣ не находили отвѣта, чтобы наивное довѣріе дѣтей къ людямъ встрѣчало сдержанность и безучастность. И вотъ ребенокъ, въ силу инстинкта, долженъ замѣнуться въ себѣ, переживать и воспитывать въ себѣ чувство горечи и недовольства, которыя будутъ усиливаться и крѣпнуть по мѣрѣ того, какъ они не находятъ себѣ выхода. Такъ растеніе, съ хорошими природными качествами,

сохнуть и вянуть отъ неблагопріятныхъ условій климата и почвы, потому что условія эти не даютъ возможности проявить ему своей силы и жизненности. Отсюда происходитъ то, что достаточно бываетъ малѣйшаго осложненія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы проявилась крайняя чувствительность, и не въ силу природнаго худосочія и безсилія, а потому лишь, что обстоятельства не дали и не даютъ исхода здоровымъ природнымъ задаткамъ. Таковы, какъ мы видѣли, и были условія дѣтства и юности Надсона. Отъ природы воспріимчивый, впечатлительный и богато одаренный, онъ не находилъ въ окружающей его средѣ желательнаго отклика на свои справедливые и естественные порывы. Припомнимъ только еще разъ слова поэта, которыми онъ подводитъ итогъ своему грустному дѣтству:

Я росъ *одиноко*, я росъ *позабытымъ*,
Пугливымъ ребенкомъ,—*угрюмый*, больной,
 Съ умомъ *не подѣтски печалью* развитымъ,
 И съ *чуткой*, *болѣзненно чуткой* душой (Стр. 111).

Послѣ этого, что же удивительнаго въ томъ, что уже первыя извѣстныя стихотворенія Надсона исполнены грусти и болѣзненной внутренней работы мысли и чувства. Это не изліяніе временнаго скорбнаго состоянія, а голосъ больной души, но души молодой, жаждущей надежды на лучшее будущее. Въ стихотвореніи «Муза» самъ Надсонъ своеобразно характеризуетъ источникъ своего вдохновенія:

Зависть первая грезы твои родила,
 Злоба—первую пѣснь нашептала,—
 Одиной печали непонятый крикъ,
 Слезы горя, борьба и лишенья—
 Вотъ моя колыбель,—вотъ кипучій родникъ,
 Блескъ и свѣтъ твоего вдохновенія. (Стр. 80),

Эта-то исключительная чувствительность и воспріимчивость Надсона къ грустнымъ явленіямъ жизни сдѣлали то, что онъ, по собственному его выраженію, оказался рано

Съ умомъ не подѣтски печалью развитымъ,
 что онъ задумывался надъ жизненными вопросами въ то время, когда его сверстники и школьные товарищи безъ борьбы отдавались радости жизни и смотрѣли на все окружающее взглядомъ традиціи. Въ неоконченномъ четверостишіи 1884 года поэтъ говоритъ:

Я раньше вышелъ въ путь, чѣмъ сверстники мои, *?*
 Я на зарѣ моей *разбуженъ былъ грозой*,
 И съ пѣсней благодной надежды и любви
 Пошелъ я далеко передъ толпою. (Стр. 219).

Что въ указаніи источника собственнаго творчества сказался у Надсона живой голосъ сердца, а не одна лишь подражательность, или повтореніе скорб-

наго голоса лирики многочисленныхъ современниковъ,—за это говорить одно изъ его писемъ 1883 г. къ А. Н. Плещееву, передъ которымъ онъ не любилъ скрываться: «Грезы» мои дрянъ,—это для меня ясно; дрянъ и философское стихотвореніе, а о тѣхъ двухъ мотивахъ я не говорю. Да и не мудрено: все это пѣсни мертвaго сердца,—сердца, въ которомъ ни грёзъ, ни вѣры, ни желаній, и которое все таки физически живетъ и по привычкѣ хочетъ высказаться».

«Не вѣрьте вообще моимъ «свѣтлымъ пѣснямъ»,—онѣ пишутся, чтобы увѣрить самого себя въ томъ, что не все вокругъ и во мнѣ безотраднo и темно. Я ими, по выраженію Гейне, разгоняю свой собственный страхъ и отчаяніе. Гроза на зарѣ моей жизни разбудила меня раньше, чѣмъ моихъ сверстниковъ,—мудрено ли, что вначалѣ я шолъ впереди ихъ? Но я же раньше и состарѣлся, чѣмъ они, раньше и усталъ». (Книж. Нед. XI, 1891 г., стр. 25). Письмо, очевидно, написано въ исключительно мрачномъ настроеніи, а потому содержитъ несомнѣнныя преувеличенія какъ въ оцѣнкѣ «Грезъ», такъ и въ освѣщеніи своего душевнаго настроенія; но мы не можемъ, даже болѣе, мы не имѣемъ права отрицать не только искренности письма, но и вѣрности содержанія: предъ вами голосъ больного сердца и ума, предъ вами исповѣдь челоуѣка, которому тяжело самое сознаніе мрачнаго своего настроенія. Въ особенности многозначительна по своей правдивости вторая половина письма, въ которой Надсонъ объясняетъ источникъ своихъ «свѣтлыхъ пѣсень»,—что онѣ были у него лишь порожденіемъ и слѣдствіемъ попытки найти въ своей музѣ хотя-бы какую либо опору для своей жизни, хотя бы временное утѣшеніе и успокоеніе отъ подавляющаго его созерцанія и сознанія темныхъ сторонъ окружающей дѣйствительности. Такое примѣненіе творческаго дарованія не представляетъ собою чего либо исключительнаго. Припомнимъ, что и Гоголь съ тою-же цѣлью любилъ въ своемъ творческомъ воображеніи останавливаться на веселыхъ картинахъ родной Малороссіи или представлять себѣ разныя смѣшныя положенія дѣйствующихъ лицъ. Такъ и каждый изъ насъ въ тяжелыя минуты жизни въ самообманѣ мечты старается найти исходъ для скорбныхъ мыслей и чувствъ. При впечатлительности Надсона, при его наклонности видѣть мрачное въ жизни, ему очень не рѣдко приходилось искать въ своей музѣ опоры въ борьбѣ съ своими тревожными настроеніями,

Отъ лжи напыщенной, отъ злобы ядовитой,
Отъ мелочныхъ заботъ, измучившихъ (его):

уходить въ открытый ему міръ «задумчивыхъ и грустныхъ вдохновеній», «къ воспоминаніямъ, мечтамъ и сожалѣніямъ» (стр. 207). Вотъ почему малѣйшее подозрѣніе въ ослабленіи творчества было для него тяжелымъ ударомъ даже съ личной точки зрѣнія, какъ потеря возможности находить наслажденіе и успокоеніе въ процессѣ и слѣдствіи своего творческаго труда:

Умерла моя муза!... Не долго она
Озаряла мои одинокіе дни....
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ишу....
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!...
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой коморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется далъ серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговья вершины гранитныхъ хребтовъ!....
А теперь—я одинъ. (Стр. 101).

Вотъ это-то одиночество, всегда тяжелое и безотрадное, и порождало въ Надсонѣ цѣлый рядъ грустныхъ настроеній и отразилось какъ на нѣкоторыхъ его воззрѣніяхъ, такъ и на его творествѣ. Заслуживаетъ вниманія его воззрѣніе на женщину вообще и мать въ особенности, выработавшееся несомнѣнно не безъ участія скорбныхъ обстоятельствъ его дѣтства и въ частности его одиночества.

Надсонъ былъ самый восторженный поклонникъ женщины. Его чувство къ женщинѣ, по крайней мѣрѣ порой, утрачивало свой земной характеръ, становилось порывомъ одной души, выраженіемъ присущаго ей и съ ней нераздѣльнаго чувства любви (см. стр. 167). Поэтому онъ признавалъ, какъ признакъ истинности чувства, его вѣчность, а самое чувство любви считалъ основой мировой жизни:

Безъ вѣчности чувства

Смысла въ немъ нѣтъ. Если-жъ нѣту любви,—нѣтъ искусства,

Правды, добра, красоты.... нѣтъ души у земли!... (Стр. 169).

Женщина въ глазахъ Надсона была воплощеніемъ любви, ласки, участія, привѣта,—словомъ, всего того, въ чемъ отказала ему жизнь. Въ стихотвореніи «Женщина» призракъ говоритъ ему:

«Меня не знаешь ты: я призракъ, я созданье

Фантазій твоей,

Я—плачь твой о любви. (Стр. 183).

Въ минуты, когда очарованіе природы вызывало въ немъ жажду жизни, онъ ничего такъ не хотѣлъ, какъ женской ласки:

И безумно, мучительно хочется счастья,

Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца!... (Стр. 55; срав. стр. 171).

Въ любви къ бѣднымъ и страждущимъ Надсонъ видитъ и историческое призваніе женщины.

Къ ребенку—дѣвущкѣ, въ которой жизнь еще не успѣла убить «жажды скромнаго, честнаго дѣла», онъ обращается съ словами:

Дѣла много—не складывай руки,—
Это дѣло такъ громко зоветъ!
Сколько жгучихъ страданій и муки,
Сколько слезъ—облегченія ждеть!... (Стр. 148).

Но вся прелесть и обаяніе женскаго типа вложены юнымъ поэтомъ въ образъ матери. Объ отцѣ Надсонъ нигдѣ не говоритъ, конечно, потому, что вслѣдствіе ранней потери отца онъ не сохранилъ о немъ никакого воспоминанія. Хотя мать поэта умерла рано, но въ ту уже пору, когда дѣтскія впечатлѣнія совершенно опредѣляются, а грустное дѣтство, начавшееся съ этого времени, еще болѣе содѣйствовало закрѣпленію симпатичнаго облика матери въ памяти сына. Въ своемъ стихотвореніи «Женщина» поэтъ описываетъ, съ какимъ дѣтскимъ простодушіемъ онъ съ сестрой присутствовалъ при отпѣваніи матери (стр. 181—182), но все же понялъ,

Что мы для всѣхъ вокругъ—ненужные, чужіе,
и что мать больше не придетъ ихъ приласкать. Начавшееся тяжелое одиночество окончательно закрѣпило въ памяти сына образъ дорогой и ласкающей матери. При этомъ считаемъ не лишнимъ отмѣтить интересную въ психологическомъ отношеніи параллель между обстоятельствами послѣднихъ дней жизни матери и тѣмъ образомъ ея, какой рисуется въ произведеніяхъ поэта—сына. «Зимою заболѣлъ я корью, рассказываетъ Надсонъ въ своемъ дневникѣ; больная, въ лихорадкѣ, едва закутанная въ ветхій салопчикъ (мать моя была очень горда и не любила просить помощи у кого-нибудь), она ѣздила ко мнѣ во всякую погоду, сидя цѣлые дни и далеко за полночь у моего изголовья. Я выздоровѣлъ, но она слегла и больше уже не вставала. Я не присутствовалъ при ея смерти; она знала, что это тяжело отзовется на моемъ впечатлительномъ организмѣ, и отказала себѣ въ счастіи видѣть меня въ послѣднія минуты своей нерадостной жизни» (стр. XII біогр.). Въ этомъ образѣ, сидящей у изголовья и ласкающей, мать Надсона и застыла въ памяти сына. Въ стихотвореніи «Женщина» сынъ, истомленный «жизнію по чужимъ угламъ, подачками свысока, неволей школьною, осмѣянными слезами и одиночествомъ» въ грезахъ видитъ, какъ мать нѣжно, съ небесной любовью въ глазахъ, прильнула къ его изголовью, и просить:

Побудь еще со мною,

Дай ласку мнѣ узнать хоть въ грѣзѣ, хоть во снѣ! (Стр. 182).

Въ стихотвореніи «Мать» послѣ грустной картины дѣтства Надсонъ, представляетъ, какъ онъ лежитъ ночью въ постели, зарывшись въ подушки, вдругъ слышитъ знакомый привѣтъ и чувствуетъ, какъ

Чьи-то объятъя

Кольцомъ обвилася вокругъ шеи моей.

То была «милая мама», которая явилась изъ райской страны дать утѣшеніе сыну, въ которомъ онъ такъ нуждался:

Сегодня... о какъ ненавижу я ихъ,—

Опять они сердце мое безъ пощады

Измучили злобой упрековъ своихъ... (Стр. 111—112).

Но самая вѣрная картина вѣжнаго облика матери, склоненной надъ больнымъ сыномъ, нарисована въ «Старой сказкѣ», когда подъ давленіемъ стона вьюги сжималось отъ страха дѣтское сердце:

И она прильнула вѣжно къ изголовью,

Вѣжно лобъ гладить, въ очи мнѣ глядить....

Какъ она прекрасна!

Точно свѣтлый ангель въ бѣломъ одѣяньи,—

Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной!....

Что-то бесконечно-кроткое сіяетъ

Въ бесконечно-милыхъ, дорогихъ чертахъ,

И горитъ въ улыбкѣ, и въ очахъ ласкаетъ,

И звенить, чаруя, въ сдержанныхъ рѣчахъ....

Только отчего-жъ такъ грустны эти глазки?

Отчего дрожить и холодна рука?... (Стр. 153).

Любопытно, что даже образъ любимой дѣвушки мало по малу впиталь въ себя черты ласкающей матери. Извѣрившись въ счастье, поэтъ хочетъ умереть и просить дорогого ему человѣка:

И въ это мгновенье хочу я, родная,

Чтобъ ты наклонилась на мигъ надо мной,

И кудри мои чтобъ, любя и лаская,

Съ чела отвела ты холодной рукой...

И тихая смерть чтобъ меня укачала,

Какъ старая няня, подъ ласки любви!... (Стр. 184—185).

Третья индивидуальная причина и источникъ грустнаго направленія творчества Надсона заключалась въ его болѣзненномъ состояніи. Нужно прибавить, что тяжелая болѣзнь, бывшая причиной его преждевременной смерти, нашла себѣ благоприятную почву частію въ его природной слабости, частію въ наслѣдственности. Все это вмѣстѣ не могло не отражаться на расположеніи его духа, а, слѣдовательно, и характерѣ его творчества. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ даетъ понять, что его хандра, повидимому, постоянная спутница его жизни, прежде всего коренилась въ его болѣзненной нервности. «А знаете что, пишеть онъ М. О. М.—ну изъ Ниццы: вѣдь вы навѣрно пытаетесь чѣмъ нибудь объяснить эту одолевашую хандру,—службой что-ли, или другими неудачами; не объясняйте ея ничѣмъ, иначе вы ошибетесь: это просто въ воздухѣ, въ эпохѣ, и будетъ все хуже и хуже... Знаю это по опыту: какъ бы ни складывалась жизнь, а я все-таки хандрить, приписывая свое тяжелое

душевное настроеніе то обстоятельствамъ, то болѣзни, пока не понялъ, что можно хандрить «просто такъ», wie der Vogel singt и вороны летаютъ. Это не безпричинная, розовая печаль неудовлетворенной и, простите слово, любострастной юности; нѣтъ, это тотъ нервозъ, которымъ мы расплачиваемся и за грѣхи прошлаго, и за наше настоящее развитіе. По моему, близокъ день, когда нервы сдѣлаются пятой стихіей и главной и основной міровой силой. Конечно, лучшее лѣкарство—трудъ, какой-бы то ни было, но это все таки лѣкарство, а не исходъ (LXIV стр. біогр.). Что нервы и въ творествѣ Надсона имѣли значеніе, видно изъ извѣстнаго уже намъ его письма къ Л—ну, гдѣ онъ пишетъ, что въ городѣ легко и удобно работается, потому что «каждый день бьетъ по нервамъ и будитъ мысль» (стр. LXXV біогр.). Въ стихотвореніяхъ Надсона указанія на болѣзнь встрѣчаются съ 1883 г. Онъ съ грустью сознаетъ, что «гаснетъ его жизнь, разрушается за-живо тѣло» и «смерть въ усталыя очи прямо глядитъ» (стр. 199). Сознаніе это въ связи съ неизбѣжнымъ дѣйствіемъ недуга порождало въ немъ раздражительность и накладывало особый отпечатокъ на отношенія ко всему окружающему:

Съ утра во мнѣ росло глухое раздраженье,
Съ утра вокругъ себя я злобно подмѣчалъ
Все, что поднять въ душѣ способно отвращенье.
Въ чужой веселости я пошлость находилъ,
Въ печали—ханжество, въ спокойствіи—трусливость,
А въ сердцѣ у себя—упадокъ лучшихъ силъ,
Гнетущую тоску, да дѣтскую брезгливость... (Стр. 208).

Въ особенности тяжелы были бессонныя ночи, которыя, какъ видно изъ собранія стихотвореній, не рѣдко выпадали на долю больного поэта. Тогда все грустное и мрачное, какъ нарочито и неотразимо возникало въ сознаніи больного. Уже одно сознаніе, что впереди предстоитъ бессонная ночь, приводило поэта въ раздраженное состояніе.

Нѣтъ, видно мнѣ опять томиться до утра!

пишетъ онъ въ стихотвореніи 1885 года, когда его недугъ обозначился опредѣленно:

Разстроили-ль меня сегодня доктора
Ненужной мудростью совѣтовъ запоздалыхъ,
Иль это ты, мой бичъ, знакомая хандра,
Спугнула грезы сна съ рѣсницъ моихъ усталыхъ,—
Но только сонъ нейдетъ.

И вотъ для поэта возникаетъ мучительный вопросъ о томъ, «какъ скоротать глухую эту ночь»? Въ обычную пору онъ въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ мечтѣ, но теперь и мечта отравлена «грознымъ ликомъ грядущаго». Не помогаютъ и книги, которыхъ содержаніе больному сознанію представляется въ своеобразномъ видѣ:

Ложь книгъ наскучила... Я знаю наизусть
И лживый паѳосъ, и дѣланную грусть,
А новаго давно не слышно и не видю. (Стр. 200).

Иной разъ грядущее «жаднаго недуга» парализуетъ всѣ силы больного, и онъ страдальчески признается:

Такъ мало силъ во мнѣ въ лицо моей судьбѣ
Взглянуть безъ ужаса, очей не опуская....

Особенно мучительно для Надсона сознаніе, что ему такъ мало пришлось и приходится дѣлать примѣненія изъ своего таланта. Вопросъ о пользѣ примѣненія дарованія въ неудавшейся жизни поэта имѣлъ, конечно, роковое значеніе; потому что съ нимъ вмѣстѣ связывалось сознаніе значенія и небезслѣдности его существованія:

Скорблю, что я не могъ всей страстью, всей душой
Служить тебѣ, печаль родимаго народа!
Скорблю, что слабыхъ силъ беречь я не умѣлъ,
Что полонъ святостью завѣтнаго стремленья,
Я не раздумывалъ, я не жилъ,—а горѣлъ,
Богатствами души соря безъ сожалѣнья,—
И въ дни, когда моя родная сторона
Полна унынія, смятенія и испуга,
Чтобъ въ пѣснѣ вылиться, душа моя должна
Красть рѣдкіе часы у жаднаго недуга.
И больно мнѣ, что жизнь безцѣльно догорить,
Что посреди бойцовъ—я не боецъ суровый,
А только стонущій, усталый инвалидъ,
Сморящій съ завистью на ихъ вѣнецъ терновый. (Стр. 92—93).

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что въ пору наибольшей его бо-
лѣзненности бывали минуты, когда чувство и жажда жизни превозмогали всѣ
остальные его стремленія. Въ одномъ стихотвореніи 1885 года онъ пишетъ:

Я бросилъ все безъ сожалѣнья:
И трудъ, и книги, и друзей,
И мчусь съ надеждой исцѣленья
Въ тепло и свѣтъ твоихъ (юга Россіи) лучей. (Стр. 268).

Рядомъ съ причинами особенными, индивидуальными мрачный характеръ
музы Надсона порождался и нѣкоторыми причинами общими, коренящимися
частію въ общихъ свойствахъ природы человѣка, частію въ особенностяхъ
нашего времени и эпохи. Впрочемъ причины этого послѣдняго рода нужно
понимать не въ томъ смыслѣ, что ихъ вліяніе на общество и въ частности
на молодежь не было замѣтно раньше, а въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе этихъ
причинъ въ ближайшее къ намъ время выступаетъ особенно замѣтно.

Извѣстная доля наклонности человѣка къ разочарованію и недовольству окружающей дѣйствительностью заключается въ лучшей сторонѣ человѣческаго существа—въ порывахъ къ идеалу, въ стремленіи возвыситься надъ рутиной и традиціей. Это свойство человѣческаго духа одинаково лежитъ и въ основѣ прогресса человѣчества, и въ основѣ совершенствованія отдѣльной личности. Чѣмъ богаче одарена отъ природы какая-либо личность, тѣмъ сильнѣе въ ней порывы къ лучшему, тѣмъ, слѣдовательно, значительнѣе выступаетъ въ ея сознаніи разстояніе между дѣйствительностію и міромъ возможнаго, тѣмъ сильнѣе поэтому недовольство окружающей средой. Есть и еще одна черта въ стремленіяхъ человѣка къ идеальному въ жизни—неясность и безграничность порыва. Въ минуты сильныхъ порывовъ исчезаетъ для сознанія то соотношеніе, которое существуетъ между дѣйствительнымъ и возможнымъ; человѣку представляется тѣснымъ весь міръ; самое тѣло становится тяжелой и грубой обузой и помѣхой въ порывахъ духа къ безконечному. Состояніе такихъ порывовъ переживаетъ каждая недюжинная натура; переживалъ ихъ и Надсонъ:

былъ моею тюрьмою
Весь міръ, огромный міръ, раскинутый кругомъ.

Какъ жаждалъ я—чего?—не нахожу названья:
Нечеловѣчески величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески тяжелаго страданья,
Лишь не дѣлать съ толпой ея удѣлъ!...

Какъ у каждаго, у Надсона эти порывы къ величественному въ жизни были неясны и соединены съ стремленіемъ отрѣшиться отъ своего ограниченнаго существованія:

Куда меня влекли неясныя стремленья,
Въ какой безвѣстный міръ,—постигнуть я не могъ;
Но въ эти ночи думъ и страстнаго томленья,
Ничтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ:
Мой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,
Онъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсь,—
И вѣчность цѣлая въ лицо мое глядѣла
Изъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ! (Стр. 84—85).

Жизненная судьба подобнаго рода порывовъ бываетъ чрезвычайно различна. Суровый опытъ жизни и мысли не замедлитъ доказать, что борьба единицы противъ общаго трудна и исполнена иногда непосильныхъ испытаній; между тѣмъ какъ примиреніе съ исторически испытаннымъ порядкомъ вещей обѣщаетъ покой, а временемъ и удобства жизни. Примиреніе иногда настаетъ совершенно неожиданно, подъ вкрадчивой формой временнаго покоя. Эта идея довольно сильно и картинно раскрыта нашимъ поэтомъ въ стихотвореніи «Полдороги»:

Ты, я знаю, силенъ;—ты безстрашно сносишь
И борьбу, и грозу, и тревоги,—
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ поль-дороги....
Дальше-жъ, путникъ!... Повѣрь, лишь ослабить тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя,—
И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя!... (Стр. 45; срав. стр. 219: Есть у сво-
боды врагъ....).

Иная судьба борьбы за идеалъ у тѣхъ, которые оказываются менѣе податли-
выми на примиреніе. Опытъ жизни и имъ не замедлитъ доказать, что броня
рутины, выкованная вѣками, мало уязвима для ударовъ единичныхъ усилій.
Отъ этого разумность рутины, конечно, нисколько не сдѣлается очевиднѣе, но
и борьба едвинцы не станетъ легче и успѣхъ вѣроятнѣе. Если вѣра въ до-
стоинство стремленій и можетъ остаться непоколебимой, то можетъ поколе-
баться довѣріе къ пользѣ успій и сколько-нибудь благотворному исходу борь-
бы. По мѣрѣ того, какъ идеалъ расширяется, — разрастаются препятствія и
противодѣйствіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ душу невольно закрадывается недо-
вѣріе къ личнымъ силамъ:

Отверстой безднѣ зла, зіяющей мнѣ въ очи,
Ни дна нѣтъ, ни границъ,—и на ея краю
Окутанъ душею мглой невыносимой ночи,
Безсильный, какъ дитя, въ раздумьи я стою:
Что значу я, пигмей, со всей моей любовью,
И разумомъ моимъ, и волей, и душой,
Предъ льющейся вѣка страдальческою кровью,
Предъ вѣчнымъ зломъ людскимъ и вѣчною враждой?! (Стр. 76).

Недовѣріе захватываетъ самую форму творчества, стихъ. Надсону вдругъ
покажется, что стихъ его безсиленъ, блѣденъ, и онъ, изнемогая отъ этого со-
знанія, «часто тайно плачетъ въ тишинѣ ночной», полагая въ творческой наив-
ности, «что нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова». Тогда онъ столь-же
наивно начинаетъ утѣшать себя сознаніемъ, что виновать во всемъ родной
языкъ, что «нельзя передать въ обыденныхъ словахъ боли за идеалъ и слезъ
о свободѣ» (стр. 51). Порой ему покажется, что и самыя-то усилія его, какъ
поэта, бесполезны, гласъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что все равно

Одни не поймутъ, не услышать другіе

И пѣсня бесплодно замретъ:

Она не разбудитъ порывы святые,

Не двинетъ впередъ и впередъ... (Стр. 167).

Наше ужъ время, видите, такое жалкое, что ни поэтическіе восторги,
ни болѣзни творчества «во имя любви и свободы» намъ недоступны, а потому
поэтъ замѣчаетъ, что

И горько въ тебѣ шевелится желанье:

О, еслибъ совсѣмъ не горѣть! (Стр. 168).

У людей, для которыхъ вопросъ о возможности дѣятельности тѣсно связанъ съ вопросомъ о смыслѣ и значеніи самой жизни, о стоимости личнаго существованія, недовѣріе къ своимъ силамъ и возможности ихъ полезнаго при-
мѣненія можетъ повести къ опасному вопросу о жизни и смерти. Конечно, въ данномъ случаѣ многое зависитъ отъ личнаго характера человѣка; но несомнѣнно встрѣчаются люди, которые не въ силахъ перенести ни сознанія своего нравственнаго ничтожества, ни своего бесполезнаго существованія. Вотъ эта-
то опасная сторона закравагагося недовѣрія къ своимъ силамъ и раскрыта
Надсономъ въ формѣ трагической борьбы жизни и смерти. Жизнь твердитъ
сознанію:

«Стыдись, малодушный! Ты молоде,

Ты душой не бѣдишь другихъ,—

Встрѣть-же грудью и злобу, и бѣдность, и голодъ,

Если любишь ты братьевъ своихъ!... (Стр. 54).

Но въ отвѣтъ начинается свою угрюмую пѣснь смерть, и чѣмъ-далѣе, тѣмъ
сильнѣе становится ея голосъ. Она твердитъ, что «ты честно трудился, много
посвятилъ усилій и горячей любви на борьбу за общее дѣло, и ты невиновать,
что твои усилія разбиты, что

Тщетны были къ любви и святыни призывы:

Ты слѣпымъ и глухимъ говорилъ,—

И усталъ ты... и крикомъ постыдной наживы

Рынокъ жизни твой голосъ покрылъ...

О, бросайся-жъ въ объятія мои поскорѣе:

Лишь они примиренье даютъ,—

И пускай въ себялюбьи своемъ фарисей

Малодушнымъ тебя назовутъ. (Стр. 55).

И мы знаемъ по опыту нашихъ дней, что не мало уже является охотниковъ прекращать по личному усмотрѣнію презрѣнную жизнь, иногда видя въ этомъ проявленіе особеннаго геройства.

Въ этой исторіи личной борьбы за святость и достоинство порывовъ къ совершенству, борьбы обычно тяжелой и незамѣтной для сторонняго наблюдателя, есть одна глубокоопасная сторона: преувеличенная оцѣнка личныхъ силъ и личной отвѣтственности, и непониманіе границъ и конечной цѣли борьбы. Отсюда самолюбивая мысль—все передѣлать личными силами, безъ содѣйствія и поддержки другихъ. Назначеніе единицы—посильно увеличить общее благо, подвинуть хотя на шагъ борьбу съ препятствіями, которыми доселѣ тормозилось поступательное движеніе общества, увеличить хотя бы незначительно количество поборниковъ общаго блага среди господства эгоизма, часто наивнаго и невмѣняемаго. Въ этомъ стремленіи къ общему благу не только нужно

рассчитывать на трудности, но и рѣшиться на жертвы. Самъ поэтъ справедливо замѣчаетъ:

Жизнь не праздникъ, не цѣпь наслаждений,

А работа, въ которой таятся похъ-часъ

Много скорби и много сомнѣній. (Стр. 39).

Послѣ этого превращается въ личное малодушіе тотъ скептицизмъ, съ которымъ юный поэтъ, по крайней мѣрѣ порой, относится къ своей борьбѣ въ пользу ближняго. Къ сожалѣнію, этотъ скептицизмъ вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, а встрѣчается очень часто и невольно напоминаетъ слова упрека малодушію, которыя мы читаемъ въ томъ-же стихотвореніи юнаго поэта:

Или слезы за нихъ (братьевъ)—были слезы актера?

Или страстныя рѣчи твои

Согрѣвало не чувство, а паюсъ фразера,

Не любовь, но миражи любви? (Стр. 54).

Но обезсиливающий скептицизмъ обычно не бытуетъ въ нашемъ духѣ особнякомъ, но предполагаетъ иногда цѣлый рядъ другихъ однородныхъ и не менѣе разрушительныхъ явленій. Не всегда и всѣ они существуютъ рядомъ, какъ не всегда дѣйствуютъ съ одинаковой силой.

Первое мѣсто по степени распространенности безспорно занимаетъ въ наши дни, такъ называемый, гамлетизмъ, болѣзненная наклонность подвергать неумолимому анализу свои внутреннія настроенія, разлагать чувство раньше, чѣмъ мы могли ему отдаться. Процессъ и слѣдствіе этого дозора за собой были уже не разъ предметомъ художественнаго воспроизведенія въ твореніяхъ нашихъ первоклассныхъ писателей, въ особенности Тургенева, отъ чего однако этотъ недугъ нашихъ дней не сдѣлался меньше. Знакомъ былъ гамлетизмъ и Надсону и, конечно, не могъ не содѣйствовать усиленію мрачнаго направленія его творчества. Напрасно онъ въ своихъ «Пѣсняхъ Мефистофеля» называетъ себя Донъ-Кихотомъ добра (стр. 273); нѣтъ, непосредственности и цѣльности Донъ-Кихота у него не было. Надсонъ хорошо сознаетъ, что болѣзнь внутренняго анализа онъ дѣлитъ съ своими современниками, что недугъ этотъ, какъ эпидемія, коснулся и его:

Не вини меня, другъ мой,—я сынъ нашихъ дней,

Сынъ раздумья, тревогъ и сомнѣній;

Я не знаю въ груди беззавѣтныхъ страстей,

Безотчетныхъ и смутныхъ волненій.

Какъ хирургъ, довѣряющій только ножу,—

Я лишь мысли одной довѣряю,—

Я съ вопросомъ и къ самой любви подхожу

И пытливо ее разлагаю.... (Стр. 80).

Поэтому онъ недоувѣрчиво относится и къ робкой нѣжности первыхъ признаній своего новаго друга и съ тѣмъ вмѣстѣ подвергаетъ тяжелому искусу

свое собственное чувство (стр. 81). Въ своемъ внутреннемъ анализѣ Надсонъ иной разъ заходитъ такъ далеко, что остается лишь нѣсколько шаговъ до знаменитаго Гамлета Щигровскаго уѣзда. Мы, конечно, не имѣемъ прямого основанія предполагать, что стихотвореніе 1885 года «Видишь—вотъ онъ!» (Стр. 258—259) имѣетъ въ виду изобразить его самого; но рѣшительно вѣроятно, что тотъ болѣзненный анализъ собственной личности, который переживаетъ молодой художникъ-драматургъ, есть съ тѣмъ вмѣстѣ воспроизведеніе пережитаго самимъ Надсономъ. Мы застаемъ молодого поэта-творца въ моментъ торжества его произведенія, когда любимое его созданіе было предметомъ общаго восторга и поклоненія. Что-же онъ, этотъ поэтъ, великъ? счастливъ?

Для толпы онъ великъ, для толпы онъ пророкъ;
Для себя онъ—ничто, для себя онъ—пигмей!
Не молись на него: предъ тобой не герой,—
Нѣтъ героевъ въ нашъ жалкій, скудѣющій вѣкъ.
Предъ тобою несчастный, усталый, больной,
Себялюбимъ полный, мертвецъ-человѣкъ....
Онъ мертвецъ, потому что онъ съ дѣтства не жилъ,
Потому что не будетъ до гроба онъ жить,
Потому что онъ каждое чувство спѣшилъ,
Чуть оно возникало, умомъ разложить!
Онъ—художникъ! И вѣрь мнѣ, не зависть они,
А одно сожалѣнье должны возбуждать.... (Стр. 259).

При этомъ намъ невольно припоминается исторія вечера 30 сентября 1883 года, когда происходило чтеніе Надсона, когда онъ, по его собственному выраженію, имѣлъ полный успѣхъ, и однако уходилъ домой грустный, внутренне уничтоженный, какъ онъ говорить, оргіиною стороною вечера. (Стр. XLIX—I биогра.).

Но душѣ Надсона была не чужда болѣзнь болѣе опасная, чѣмъ гамлетизмъ и самоистязаніе, именно сомнѣніе,—не сомнѣніе въ своихъ силахъ, а то сомнѣніе, которое стремится довести до яснаго пониманія основы общаго и частнаго бытія. Самой полной характеристикой проявленія сомнѣнія въ душѣ юнаго поэта служитъ стихотвореніе 1883 года: «Вѣрь, говорятъ они,—мучительны сомнѣнья!» (Стр. 64—65). Изъ него видно, что сомнѣніе охватило все содержаніе его мысли, не исключая и предметовъ вѣры. Мы видимъ, что поэтъ вступилъ въ ту пору развитія, когда пробудившаяся мысль стремится провѣрить традиціонныя вѣрованія, изъ какого-бы источника они не шли. Поэтъ говоритъ:

Я знать хочу, *къ чему* съ лазури небосвода
Льетъ солнце свѣтъ и жизнь въ волнахъ своихъ лучей,
Кѣмъ создана она, могучая природа,

Твердыни горь ея и глубь морей;
Я знать хочу, *къ чему* я созданъ самъ въ природѣ,
Съ душой, *скучающей безцѣльнымъ бытіемъ*,
Съ тепломъ любви въ душѣ, съ стремленіемъ къ свободѣ,
Съ *сознаньемъ силъ своихъ и съ мыслящимъ умомъ!*
Живя, я жить хочу не въ жалкомъ опьяненіи,
Боясь себя «зачѣмъ»? пытливо спросить,
А такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ, и въ часѣ, и въ мгновеньи
Таился-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить.

Такимъ образомъ мы видимъ, что юнаго поэта главнѣйше интересуетъ вопросъ о значеніи и цѣли жизни. Онъ чувствуетъ потребность дѣятельности, но не хочетъ и не можетъ дѣйствовать и трудиться, не понимая смысла труда. Въ цѣли бытія онъ въ то же время видитъ и смыслъ бытія. Всѣ остальные вопросы по отношенію къ этому основному имѣютъ въ его глазахъ лишь второстепенное значеніе. Намъ не извѣстно, на какія средства рѣшенія поставленныхъ вопросовъ хотѣлъ опереться юноша; одно несомнѣнно, что не на ученіе Откровенія, потому что при этомъ послѣднемъ условіи и самые-то вопросы теряли свое основаніе. Но въ такомъ случаѣ замыслъ поэта нельзя не назвать наивнымъ. Принимая во вниманіе скромную школу, которую онъ прошелъ, трудно было допустить, чтобы своею неопытною мыслию онъ смогъ овладѣть вопросами, надъ которыми въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ трудится мысль человѣчества; одинаково трудно допустить и по той-же причинѣ, чтобы онъ съ пользою для себя могъ опереться на опыты философской мысли въ рѣшеніи тѣхъ-же вопросовъ. А между тѣмъ имъ дѣлается выводъ, который имѣлъ-бы мѣсто лишь послѣ того, какъ были-бы исчерпаны всѣ доступныя средства:

И если мой вопросъ замолкнетъ безъ отвѣта,
И если съ горечью сознаю я умомъ,
Что никогда лучомъ желаннаго разсвѣта
Не озаритъ мнѣ мглы, чернѣющей кругомъ,—
Къ чему мнѣ ваша жизнь безъ цѣли и значенья?
Мнѣ душно будетъ жить, мнѣ стыдно будетъ жить,—
И полный гордости и мощнаго презрѣнья,
Цѣпь блѣдныхъ дней моихъ, безъ слезъ и сожалѣнья
Я разомъ оборву, какъ спутанную нить!... (Стр. 64—65).

И это говорить двадцатилѣтній юноша, только-что окончившій среднее учебное заведеніе, неопытный въ наукѣ и въ мысли! Больно становится при сознаніи, что такъ дешева теперь стала человѣческая жизнь. Къ сожалѣнію, мы видимъ, что если у нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и у Надсона, поставленные вопросы такъ и остались вопросами, а угроза—словомъ; то есть уже не мало людей, которые дѣйствительно кончаютъ жизнь самоубійствомъ подъ предлогомъ, что не видѣли смысла въ жизни. Но и Надсонъ съ своей сто-

роны, глубоко чувствовалъ обезсильвающее значеніе сомнѣнія; а потому выбралъ иной путь рѣшенія вопросовъ, путь чувства, путь любви къ ближнему, которая сильнѣе всякихъ доказательствъ говорила ему, что смыслъ и наслажденіе жизни состоитъ въ служеніи благу братьевъ:

И понялъ я душою,

Что мысль не прояснить мучительный хаосъ,
И что порывъ ея мнѣ принесетъ съ собою
Лишь мракъ унынія, да злобу жгучихъ слезъ....
И проклялъ я тогда безплодные сомнѣнья,
И сердце я спросилъ, и сердцемъ я рѣшилъ,
Услышавъ братскій стонъ, безъ думъ и размышленья,
Идти и помогать, насколько станеть силъ. (Стр. 206).

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что поэтъ не всегда остается вѣрнымъ своему рѣшенію (см. стр. напр. 139, 183—184, 220—221, 226, 242, 258, 282, 289 и пѣсни Мефистофеля); но еще прискорбнѣе то, что сомнѣніе, если вѣрить автору, охватило всю нашу молодежь, разслабило ее и сдѣлало неспособной на самопожертвованіе и самоотверженную дѣятельность. Стихотвореніе, изображающее это состояніе немощи нашей молодежи, написано подъ безспорнымъ вліяніемъ «Думы» Лермонтова, но съ тѣмъ вмѣстѣ, несомнѣнно, воспроизводитъ и картину современной намъ грустной дѣйствительности:

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ:
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ пита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ.
Насъ томить безвѣрье, насъ грызетъ тоска....
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы изподтишка.... (Стр. 96).

Собственнымъ опытомъ извѣдалъ Надсонъ и нравственную тяжесть гнетущаго сомнѣнія, и тотъ великій вредъ, который приноситъ родной странѣ и дѣлу преуспѣянія общественнаго благосостоянія это немощное состояніе колебанія и самобичеванія, и въ порывѣ благороднаго негодованія восклицаетъ:

О, проклятыя стонамъ рабскаго безсилія!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука. (Стр. 97).

Нужно-ли говорить о томъ, какъ пріятно и освѣжительно дѣйствуетъ на душу этотъ здоровый голосъ призыва впередъ, на дружную работу для общаго блага? И справедливость требуетъ признать, что если не часто, то все же до конца своей литературной дѣятельности Надсонъ не переставалъ поддерживать вѣру въ себѣ и другихъ; но изученіе стихотвореній Надсона не оставляетъ сомнѣнія и въ томъ, что этотъ голосъ призыва не рѣдко заглушался его-же голосомъ скорби и сомнѣнія. Но мы должны сказать болѣе, что бывали минуты, когда сомнѣніе Надсона разрѣшалось даже пессимизмомъ. Удивляться такой непослѣдовательности направленія мысли юнаго поэта нечего, особенно когда примемъ во вниманіе, что ему и по свойству школы, и по условіямъ возраста не удалось выработать вполне опредѣленнаго міровоззрѣнія.

Стихотворенія, въ которыхъ раскрываются пессимистическія воззрѣнія Надсона, немногочисленны, но совершенно опредѣленны и сообщаютъ творчеству его отгѣнокъ безотрадной грусти, чуждой не только порывовъ, но и вѣры въ будущее. Въ эти минуты тяжелаго раздумья онъ представлялся себѣ жалкимъ и ничтожнымъ червякомъ, придавленнымъ судьбой и одареннымъ мыслию какъ-бы для того лишь, чтобы глубже почувствовать свое ничтожество предъ гордой, хотя и бессмысленной жизнью, которая движется въ своемъ спокойномъ величіи, все увлекая

Въ водоворотъ добра и зла....
А я,—я бѣшеной рукой
За край одеждъ ея хватаюсь,
И удержать ее стараюсь
Моей насмѣшкой и хулой.
«Остановись»,—я ей во слѣдъ
Кричу въ безсильномъ озлобленіи:—
«Въ твоихъ законахъ смысла нѣтъ,
И цѣли нѣтъ въ твоемъ движеніи.—
О, какъ пуста ты и глупа!...
Раба страстей, раба порока,
Ты возмутительно слѣпа
И неосмысленно жестока!».... (Стр. 86).

Онъ даже готовъ допустить, что въ этомъ случайномъ движеніи жизни возможенъ успѣхъ, но этотъ успѣхъ все-таки есть результатъ безцѣльнаго бытія, не доставитъ человѣку радости и конечнымъ слѣдствіемъ будетъ имѣть небытіе:

Будутъ дни великаго смятенія:
Утомая безцѣльностью пути,
Человѣкъ пойметъ, что нѣтъ спасенья
И что дальше некуда идти....

Тогда онъ убѣдится въ полной бесполезности успѣховъ образованности, какъ лишенныхъ своей конечной цѣли, пойметъ ничтожность и безцѣльность жертвъ и пролитой крови и только будетъ скорбѣть о томъ, что такъ поздно появляъ бессмысленность своего бытія:

Для чего такъ поздно понялъ я,
Что въ борьбѣ и смутѣ мірозданья
Цѣль одна—покой небытія? (Стр. 90—91).

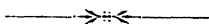
Двигаться дальше въ этомъ направленіи мысли, очевидно, было уже невозможно, потому что далѣе начиналась область отчаянія. Наброски послѣдняго года показываютъ, что бывали въ жизни поэта минуты, когда душѣ его становилось доступно и это чувство. (См. стр. 282, «Гнетущая скорбь»).

Но среди этого душевнаго томленія, правда, одиноко, но въ высшей степени отрадно выдается стихотвореніе 1886 года «Весной», которое свидѣтельствуетъ, что для молодого поэта наступала пора здороваго и мощнаго возрожденія отъ всѣхъ тревогъ и увлеченій молодыхъ лѣтъ и съ тѣмъ вмѣстѣ открывалась пора систематическаго труда, чуждаго увлеченій, но за то настойчиваго и плодотворнаго:

Тяжелою цѣною
Достался опытъ мнѣ! За яркимъ мотылькомъ
Не брошусь я теперь, не увлекусь мечтою!
Пускай вѣнки побѣдъ другихъ къ себѣ влекутъ,
Тѣхъ, кто еще кипитъ отвагою орлиной,
А мнѣ хватило-бъ силъ на мой завѣтный трудъ,
На незамѣтный трудъ, упорный, муравьиный!... (Стр. 113).

Послѣ этого остается только пожалѣть, что роковая болѣзнь поразила молодого поэта какъ разъ въ ту пору, когда предъ нимъ открывалось отрадное будущее полезнаго и зрѣлаго примѣненія его дарованія.

В. Малининъ.

НОЧЬ.

(Посвящается Я. П. Полонскому).

День... дня я не люблю, но ночь—моя подруга.
Пускай мнѣ говорятъ, что въ сумракѣ ночномъ
Вдвойнѣ больнѣе скорбь душевнаго недуга,
И страхъ грядущаго, и грезы о быломъ,—
Мнѣ ночь милѣе дня... Когда съ душистой мглой
Придетъ безмолвная, раскинетъ свой покровъ,
Засвѣтитъ сонмы звѣздъ надъ дремлющей землею,
И воздухъ напоитъ дыханіемъ цвѣтовъ,—
Люблю я въ полумгнѣ, волнуясь и мечтая,
Подъ сводами аллеи задумчиво бродить.
Какъ кротокъ я тогда! Какъ сердце, замирая,
Трепещетъ жаждой вновь и вѣрить, и любить...

И нынче я бродилъ, усталъ и надъ обрывомъ
Подъ сѣнью старыхъ липъ присѣлъ на мшистомъ пнѣ
И заглядѣлся въ даль, любуясь переливомъ
И свѣта, и тѣней при трепетной лунѣ.
И гдѣ былая скорбь? Въ душѣ—покой отрады...
О, кто тоской томимъ, приди сюда! Вглядись
Въ безмолвный, спящій садъ, исполненный прохлады,
И вверхъ, въ лазурь небесъ, въ ихъ голубую высь!

Кроткое сіянье
Льетъ вокругъ луна.
Свѣжесть и молчанье...
Ночка чаръ полна.
Звѣзды въ небѣ блещутъ...
Надо мной слегка

Листья липъ трепещутъ:
Вздохи вѣтерка
Ихъ порой колышутъ.
Розы въ цвѣтникѣ
Благовоньемъ дышутъ...
Чу! невдалекѣ
Соловей залился
Пѣсней-серебромъ...
Садъ вдругъ пробудился,
Ожило все въ немъ.
Внемлютъ пѣснѣ розы,
Липы, стройный клѣнъ,
Внемлютъ ей берёзы,
Внемлетъ небосклонъ,
И потокомъ страстнымъ
Льются надъ землей
Вдаль, подъ небомъ яснымъ
Звуки пѣсни той.

Рай и упоенье!
Погляди на прудъ:
Тихо испаренья
Надъ водой плывутъ,
Облекая нѣжно
Темные кусты
Дымкой бѣлоснѣжной,
Легкой, какъ мечты.
Рай и упоенье!
Воздухъ свѣжъ и чистъ.
Каждое растенье,
Даже каждый листъ
Дышетъ полусонный
Жизнью и весной—
Этой благовонной
Ночкой золотой.
Чудныя мгновенья!
Въ сердцѣ тишина:
Мира, всепрощенья

Грудь моя полна.

Что это?.. Колоколь... Звуки дрожащіе
Вдругъ разбудили окрестный покой.
Мѣрны удары, уныло звучащіе
Тихимъ раздумьемъ-тоской.
Чудные звуки, пѣвучіе звуки...
Какъ мелодичны ихъ волны!
Кроткой печали, подавленной муки,
Жалобъ и слезъ онѣ полны.

Этимъ звукамъ внемлю
Съ грустной я мечтой.
Мнится мнѣ: на землю,
Выждавъ часъ ночной,
Чей-то плачъ печали
О судьбѣ людской
Льется къ намъ изъ дали
Мглисто-голубой.

Колоколь унылый...
Церковь... Близъ погостъ...
Храмъ святой и милый:
Бѣденъ онъ и простъ.
Вонъ лучистой точкой
Крестъ вдали горитъ.
Этой тихой ночью
Храмъ безмолвный спитъ.
Скоро воскресенье...
Въ праздникъ иногда
На богослуженье
Бѣжу я туда.

Утро. Тишь. Сверкая,
Жизнью дышетъ степь.
Въ небѣ тучекъ стая
Вытянулась въ цѣпь.
Конь мой радъ прохладѣ:
Быстро онъ идетъ.

Подкачу къ оградѣ,
Встану у воротъ;
Пыльною дорогою
Къ церкви подхожу;
Съ тайною тревогой
Въ Божій домъ вхожу...

Пѣнье. Золотистый
Солнца лучъ... Волной
Оиміамъ душистый
Льется надъ толпой.
Темныя иконы...
Тусклый блескъ огней...
Людѣ кладетъ поклонъ...
Слышенъ плачъ дѣтей...

Люди унылые... Взоры-горячіе:
Трогаютъ сердце слова непонятныя...
Братья, безъ ропота горе терпящіе!
Видѣли-ль въ жизни вы дни благодатные?
Нѣтъ, вы не видѣли ихъ и не знали.
Жизнь безутѣшная слезъ и печали,
Жизнь безразсвѣтная—мракъ и неволя—
Вотъ ваше счастье, вотъ ваша доля.

Нынче деревнѣ на время и лѣнь.
Но недалеко Петровъ уже день.
Знаю я жнитво... Чуть ночь озаряется
Утромъ лазурнымъ,—проснувшись селеніе.
Съ пѣсней въ поле народъ собирается:
Въ полѣ не праздникъ, а трудъ и мученіе.
Оводъ назойливый, солнышко жгучее...
Жать и вязать тутъ помѣха немалая.
Въ ноги впивается что-то колющее,
Ноетъ спина отъ работы усталая.
Потъ градомъ льетъ. Голова какъ безумная.
Руки—не руки: то плети тяжелыя...
. , ...
Боже! а я-то, я?—«Ноченька лунная»...

Въ голову лѣзутъ лишь мысли веселныя.

Рядомъ съ тьмою и страданьемъ,
Рядомъ съ горемъ и нуждой
Упиваюсь я мечтаньемъ
Этой ночью золотой.
Прочь вы, сладостныя грёзы!
Мысль о счастья далека:
Ужъ въ глазахъ трепещутъ слёзы,
А въ груди змѣя-тоска.

И напрасно воздухъ чистый
Дышетъ свѣжестью полей;
И напрасно голосистый
Средь черемухи вѣтвистой
Сыплеть трели соловей;
И напрасно вѣтеръ вѣетъ,
Будить сонные листы:
Не спугнетъ онъ, не разсѣетъ
Въ сердцахъ скорбныя мечты.

П. Тулубъ.

ИСТОРИЯ ДВУХЪ ОРЛОВЪ.

Эскизъ

Густава афъ Гейерстама.

алеко среди скалъ, тамъ, гдѣ густой лѣсъ достигаетъ еще значительной высоты, а область развѣсистыхъ, бѣлоствольныхъ березъ образуетъ издали, на склонахъ горъ, какъ бы роскошный коверъ, жили пара орловъ, свившихъ себѣ гнѣздо на верхушкѣ стройной ели. Ни разу еще присутствіе человѣка не нарушало мирной тишины молчаливаго царства природы, гдѣ властвовали безраздѣльно одни только царь-орлы.

Начиналась весна. Любовь вступила въ свои права, и вскорѣ орлица засѣла въ гнѣздѣ, согрѣвая теплотою своего тѣла пару большихъ яицъ. Изъ нихъ вылупились, наконецъ, двое безформенныхъ, безперыхъ существъ, въ которыхъ трудно было-бы признать орлиныхъ птенцовъ, не будь у нихъ бѣлыхъ крючковатыхъ клювовъ и крѣпкихъ желтыхъ ногъ.

Родители немедленно принялись за дѣло—за ловлю добычи для прокормленія дѣтенышей. Въ окрестностяхъ было много пищи. Зайцы и куропатки, куры и ягнята истреблялись массами и приносились въ гнѣздо, ибо орлиные птенцы должны были жить,—жить, между тѣмъ какъ мелкіе звѣри погибали.

Вокругъ орлинаго гнѣзда воцарилась тишина; лѣсные звѣри страшились сосѣдства орловъ. Далеко приходилось теперь летать орламъ на своихъ широкихъ, могучихъ крыльяхъ, далеко за горы, высоко надъ жилищами людей; много верстъ, много миль пролетали они, прежде чѣмъ находили добычу. Но они неутомимо пускались въ путь, и объ успѣшности ихъ усилій свидѣтельствовали кучи перьевъ, шкурокъ и разныхъ отбросовъ, нагроможденныхъ вокругъ ели.

Но человѣкъ всегда кончаетъ тѣмъ, что вторгается въ молчаливое святилище природы, гдѣ ведется издревле упорная борьба за существованіе. Онъ приходитъ и вмѣшивается въ эту неустанную борьбу животныхъ

и растений. На этотъ разъ человѣкъ явился въ образѣ двухъ рѣзвыхъ крестьянскихъ мальчиковъ, которые также охотились и пришли къ стройной ели въ ту минуту, когда старые орлы отсутствовали.

Мальчики тотчасъ-же замѣтили орлиное гнѣздо, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ они были уже на верхушкѣ дерева. Орлята успѣли вырасти. Они были снабжены сильнымъ клювомъ и острыми когтями для защиты отъ нападеній враговъ. Одинъ изъ птенцовъ вонзилъ свой коготь въ сапогъ старшаго мальчика.

Мальчики рѣшили отомстить и смѣло вступили въ борьбу; сначала одинъ, а затѣмъ другой орленокъ были захвачены и спущены внизъ; дѣти продѣли имъ въ клювы по палочкѣ, привязали къ палочкамъ веревки и обмотали концы ихъ вокругъ шеи птицъ. Затѣмъ снесли наверхъ орлятъ, положили ихъ обратно въ гнѣздо и пошли своею дорогою.

Орлы вернулись съ охоты. Орлица несла въ когтяхъ маленькаго окровавленнаго ягненка. Но птенцы прыгали на краю гнѣзда съ открытыми клювами и не трогали принесенной имъ пищи.

Кто объяснить инстинктивную родительскую любовь, проявляющуюся такъ рѣзко у животныхъ, опредѣлить глубину и силу этого чувства, которое заставляетъ утку летѣть на выстрѣлъ охотника и защищать своимъ тѣломъ птенцовъ, побуждаетъ медвѣдицу нападать на вдвое сильнѣйшаго врага, грозящаго ей дѣтенышамъ?

Орлы снова полетѣли на охоту. Безъ устали рыскали они цѣлый день, то спускаясь стрѣлою на легкомысленнаго зайца, сидѣвшаго на открытой равнинѣ у опушки лѣса, то раздробляя головы бѣлымъ куропаткамъ, скрывавшимся въ лѣсу отъ знойныхъ лучей полуденнаго солнца. Они хватали то ягненка на полѣ, то пѣтуха въ курятникѣ; даже быстроногіе олени не могли избѣжать ихъ хищныхъ когтей.

Но орлята не трогали пищи. Они прыгали съ раскрытыми клювами по краю родного гнѣзда, испуская непонятные, жалобные крики.

Орлы замѣтили, что птенцы ихъ голодаютъ среди изобильной пищи, разсыянной у подножія стройной ели. Тогда они расправили свои широкія крылья и полетѣли къ морю. Они проносились надъ высокими скалами, съ ихъ бѣлоснѣжными, сверкавшими на солнцѣ вершинами, надъ густыми, зелеными лѣсами, одѣвавшими крутые склоны горъ и все болѣе и болѣе понижавшимися по мѣрѣ приближенія къ вершинамъ, надъ прелестными озерами и горными водопадами, покрытыми бѣлою кипящею пѣною. И страна, надъ которою они пролетали, измѣняла свой характеръ, принимала болѣе мягкія, ласкающія взоръ очертанія. Зеленые поля выдѣлялись среди горъ, точно оазисы.

Наконецъ орлы долетѣли до моря. Имъ руководила увѣренность, что та добыча, которую они ловили до сихъ поръ, не годилась для ихъ дѣтенышей. Поэтому они погрузились въ пѣнящіяся морскія волны, среди ко-

торыхъ безмятежно играли стаи серебристыхъ сельдей, и понеслись обратно въ свои горы, держа въ могучихъ когтяхъ по свѣжей сельди,—потому что орлиные птенцы должны были жить,—жить, межъ тѣмъ какъ мелкіе звѣри погибали.

Нѣсколько дней спустя, навѣдались къ ели рѣзвые крестьянскіе мальчики. Они нашли у ея подножія множество шкурокъ ягнятъ, перьевъ, птичьихъ и заячьихъ костей и гніющій трупъ маленькаго оленя. И среди всего этого виднѣлась и серебристая сельдь, какъ неоспоримое доказательство отчаянныхъ усилій орловъ спасти своихъ дѣтенышей—ихъ смѣлаго полета до самаго синяго моря.

Но родителей-орловъ не было дома, и рѣзвые мальчики взяли маленькихъ орлятъ, потащили ихъ къ себѣ въ село и посадили въ клѣтку.

Прошло еще нѣсколько дней,—и старые орлы вернулись обратно. Но увидавъ пустое гнѣздо, они вновь расправили свои могучія крылья и полетѣли искать себѣ пріюта въ дѣвственныхъ лѣсахъ, куда человѣческая нога еще не успѣла проникнуть, и гдѣ они могли безпрепятственно, подъ защитою высокихъ скалъ, выращивать новыхъ птенцовъ для жизни грабежа и насилій.

G. H. H. H. H.

(Переводъ М. Лучинкой съ шведской рукописи, присланной авторомъ для Сборника).

ВОЙНА, ЕЯ ОРУДІЯ И ЖЕРТВЫ.

(Публичная лекція проф. П. И. Морозова въ пользу голодающихъ, читанная 5-го февраля 1892 года).

Мм. Г-ни! Мм. гг.! Въ нашъ вѣкъ прогресса, вѣкъ гуманности, вѣкъ великихъ изобрѣтеній и открытій по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній, какъ мы вообще привыкли называть свой вѣкъ,—вниманіе каждаго изъ насъ съ невольной тревогой устремляется въ ту область открытій, гдѣ борьба за существованіе, за жизнь и свободу людей, порождаетъ съ каждымъ днемъ все новыя открытія, одно другого колоссальнѣе, одно другого чудовищнѣе,—открытія, предъ которыми невольно блѣднѣетъ человѣческій умъ въ сознаніи своего безсилія и безпомощности,—открытія, направленныя исключительно къ тому, чтобы въ возможно-короткое время и возможно-большее число неповинныхъ человѣческихъ жертвъ принести на кровавомъ полѣ брани, по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства... Огнестрѣльные орудія и снаряды самыхъ совершенныхъ системъ, самыхъ колоссальныхъ калибровъ, поражающіе непріятеля на огромныхъ, почти невѣроятныхъ дистанціяхъ стрѣльбы,—всевозможные виды взрывчатыхъ веществъ: пороха, пироксилина и динамита, ужасающихъ по своей силѣ разрушенія, которой не могутъ противостоять никакія стѣны и брони,—метательные снаряды, бросаемые въ непріятеля сверху, съ недосигаемыхъ воздушныхъ высотъ,—наконецъ, подводныя мины и торпеды, несущія смерть изъ невѣдомыхъ морскихъ глубинъ,—все это продукты новѣйшей цивилизаціи, продукты той безпощадной борьбы за право существованія, которая всегда была и будетъ, доколе существуетъ нашъ міръ и царствуетъ на немъ кулачное право въ образѣ войны!... Но, если такъ велико стремленіе людей взаимно уничтожать другъ друга, и если, прогресса и гуманности ради, изобрѣтаются съ этою цѣлью всевозможныя орудія истребленія,—то, съ другой стороны, пропорціонально этому, должны-бы были возрастать и наши средства, если не защиты, такъ какъ защита противъ современнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня немыслима.—то по-крайней мѣрѣ возможнаго смягченія бѣдствій и ужасовъ войны... Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ попытки въ этомъ направленіи, какъ со стороны отдѣльныхъ, выдающихся лицъ, такъ и со стороны цѣлыхъ учреждений, обществъ и

государствъ, не привели, да едва-ли и могутъ когда-либо привести къ желанной цѣли, до тѣхъ поръ, пока человѣческій самосудъ будетъ творить расправу огнемъ и мечемъ на кровавой аренѣ театра военныхъ дѣйствій!... Правда, по-мѣрѣ того, какъ совершенствовались огнестрѣльные орудія, увеличивалась ихъ мѣткость, дальность боя и разрушительное дѣйствіе, увеличивалось также до извѣстной степени количество убитыхъ и раненыхъ во-время сраженій,—по-мѣрѣ этого улучшались также и способы, или средства своевременной уборки раненыхъ съ полей сраженій, своевременнаго оказанія имъ помощи на перевязочныхъ пунктахъ, улучшались, наконецъ, и самые способы лѣченія раненыхъ, условія ихъ транспортировки и всего вообще послѣдовательнаго ухода и содержанія ихъ въ лазаретахъ и госпиталяхъ дѣйствующей арміи и т. д. Но, все это окупалось и окупается слишкомъ дорогою цѣною: несоотвѣтствіемъ между огромнымъ числомъ жертвъ и неисчислимыми вообще бѣдствіями войны съ одной стороны, и неудовлетворительностью, чтобы не сказать ничтожествомъ, оказываемаго раненымъ пособія съ другой. Война въ этомъ отношеніи заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и вызываетъ на болѣе серьезныя размышленія, чѣмъ мы привыкли вообще думать.—Исходя съ этой точки зрѣнія, я и беру на себя смѣлость предложить вамъ въ настоящей бесѣдѣ братское изложеніе того, что представляетъ намъ война въ образѣ ея смертоносныхъ орудій, безконечно-длинныхъ рядовъ ея жертвъ, и нашихъ слабыхъ усилій смягчить по возможности ея бѣдствія, облегчить тяжелую участь ея страдальцевъ.

Прежде всего, что касается огнестрѣльныхъ орудій, употребляемыхъ на войнѣ для пораженія непріятеля,—то, оставляя здѣсь въ сторонѣ изложеніе историческаго хода развитія и постепеннаго усовершенствованія этихъ орудій, замѣчу только, что въ настоящее время орудія эти представляютъ два главные типа: съ одной стороны, это будутъ такъ называемыя *артиллерійскія орудія*, къ которымъ мы относимъ различныхъ системъ пушки, мортиры и т. д.,—съ другой образцы такъ называемаго *ручнаго огнестрѣльнаго оружія*, куда мы относимъ различныхъ системъ ружья, штуцера, винтовки и т. д. Строго говоря, не сами по себѣ *орудія*, а тѣ *снаряды*, какъ мы ихъ называемъ, которые при выстрѣлѣ выбрасываются изъ этихъ орудій, представляютъ для насъ интересъ въ разсматриваемомъ вопросѣ. Снаряды эти употребляются: для артиллерійскихъ орудій—въ формѣ такъ называемыхъ ядеръ, гранатъ, бомбъ, шрапнелей и обыкновенной пушечной картечи,—для образцовъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія—въ формѣ всѣмъ извѣстныхъ пуль. Въ прежнее, сравнительно еще недавнее время, приблизительно до начала 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, снаряды эти употреблялись только *шарообразной* формы,—слѣдовательно, это были: круглыя ядра, гранаты, бомбы, и круглыя также пули. Съ этого-же времени начиная, благодаря быстрому развитію всѣхъ вообще военныхъ наукъ и искусствъ, и благодаря также непомѣрно увеличившимся за это время требованіямъ боевой практики, начинаютъ постепенно вводиться въ дѣло, и въ настоящее время почти исключительно употребляются *продолговатые, цилиндрико-коническіе*, или, какъ ихъ еще называютъ, *цилиндрико-оживалыные снаряды*,—слѣдовательно, это уже будутъ: продолговатыя ядра, гранаты, бомбы, шрапнели и продолговатыя также пули.—Позвольте мнѣ по этому поводу

коснуться вкратцѣ описанія конструкціи тѣхъ и другихъ снарядовъ. и выяснитъ вамъ также причины постепеннаго перехода отъ однихъ къ другимъ.

Въ прежнихъ образцахъ огнестрѣльныхъ орудій, какъ пушекъ, такъ и ружей, снаряды эти употреблялись *круглой* формы потому, что извѣстное устройство *канала* самихъ орудій не допускало употребленія снарядовъ другой формы. Въ самомъ дѣлѣ, каналъ прежнихъ пушекъ и ружей дѣлался обыкновенно правильно-цилиндрической формы, съ внутренними совершенно *гладкими* стѣнками, почему и образцы такихъ орудій носили названіе *гладкоствольныхъ* пушекъ и ружей. Въ каждомъ такомъ каналѣ орудія различаютъ его заднюю часть, такъ называемую *камеру*, или *казенную часть* орудія, служащую для помѣщенія снаряда и заряда пороха при выстрѣлѣ, и наружную часть канала, его наружное отверстіе, такъ называемое *дуло* орудія, изъ котораго непосредственно снарядъ вылетаетъ при выстрѣлѣ. При этомъ, въ моментъ именно выстрѣла, вслѣдствіе вспышки пороха, развивается мгновенно огромное количество пороховыхъ газовъ, занимающихъ объемъ приблизительно въ 2000 разъ болѣе противъ объема первоначальнаго заряда пороха и производящихъ соотвѣтственное давленіе на снарядъ, помѣщенный сверху заряда пороха, и такимъ образомъ снарядъ (ядро или пуля), подъ влияніемъ этого страшнаго давленія пороховыхъ газовъ, вылетаетъ изъ дула орудія съ огромною начальною скоростью полета, достигающею 1500 и болѣе футовъ въ секунду. Вслѣдствіе, однако, круглой своей формы, снарядъ, во все время своего полета по воздуху, вращается вокругъ непостоянныхъ своихъ осей, и выѣстъ съ тѣмъ, встрѣчая сопротивленіе со стороны атмосфернаго воздуха, довольно быстро теряетъ полученную имъ при выстрѣлѣ скорость полета. Отъ этого происходило то, что прежнія круглыя пули не обладали дальностью полета свыше 700 шаговъ, и уже на разстояніи 300, а тѣмъ болѣе 400 шаговъ ударная ихъ сила настолько была невелика, что онѣ въ состояніи были наносить при этомъ только поврежденія довольно легкой степени.— Также и прежніе образцы артиллерійскихъ снарядовъ: круглыя ядра, бомбы и гранаты, хотя и обладали, благодаря своей величинѣ (до 5 пудовъ и болѣе вѣсомъ), гораздо болѣею дальностью полета, чѣмъ пули,—не ~~ж~~вали, однако, возможности открывать достаточно мѣткій и разрушительный огонь по непріятелю на разстояніяхъ свыше 1500 шаговъ, т. е. 1 версты.—Тѣмъ не менѣе въ свое время, весьма недалекомъ еще отъ насъ, образцы какъ тѣхъ, такъ и другихъ снарядовъ вполне удовлетворяли всѣмъ требованіямъ боевой практики,—въ смыслѣ большей или меньшей разрушительности ихъ на поляхъ сраженій. Особенно разрушительными въ этомъ отношеніи оказывались разрывные полые снаряды артиллерійскихъ орудій. Какъ извѣстно, артиллерійскіе снаряды различаются вообще двойкой конструкціи: одни изъ нихъ, такъ называемыя ядра, дѣлаются сплошными, обыкновенно изъ чугуна,—и дѣйствуютъ при ударѣ непосредственно своею массою, назначены специально для блокады крѣпостей и т. д.; другіе, такъ называемыя бомбы и гранаты, дѣлаются, наоборотъ, внутри полыми, при чемъ самая полость ихъ наполняется разрывнымъ зарядомъ пороха, и въ моментъ паденія этихъ снарядовъ среди непріятеля они разрываются на дѣлюю массу осколковъ, которыми и наносятся самыя тяжелыя поврежденія. Если принять во вниманіе, что среднее число осколковъ, на которое разрывается при этомъ снарядъ, получается

около 15—30, то можно себя представить, какую ужасную сферу разрушения вокруг себя въ состояніи произвести уже одинъ подобный снарядъ,—а ихъ падаютъ цѣлыя сотни и тысячи!...

Но требованія боевой практики росли. Уже недостаточными оказывались тѣ разстоянія, на которыхъ возможно было громить непріятеля, убивая, калѣча и уродуя себя подобныхъ!... Тогда явились на свѣту, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, на мѣсто прежнихъ гладкоствольныхъ, гораздо болѣе совершенные, болѣе остроумные по замыслу, болѣе художественные по исполненію, образцы такъ называемыхъ *нарѣзныхъ* орудій, и къ нимъ специально приспособленные *продолговатые, цилиндро-коническіе* снаряды.—Въ чемъ заключается особенность тѣхъ и другихъ?—Нарѣзными эти орудія были названы потому, что стѣнки ихъ канала не гладкія, какъ въ прежнихъ образцахъ гладкоствольныхъ орудій, а снабжены особыми неглубокими желобками, такъ называемыми *нарѣзами*, идущими винтообразно или спирально по всей длинѣ канала орудія. Назначеніе этихъ нарѣзовъ состоитъ въ томъ, чтобы въ моментъ выстрѣла, когда снарядъ, на этотъ разъ продолговатой формы, движется по каналу орудія и форсированно вжимается въ эти нарѣзы,—чтобы сообщить ему такимъ образомъ правильное винтообразное движеніе вокругъ продольной оси его фигуры, которое снарядъ продолжаетъ и по вылетѣ своемъ изъ канала орудія, получая вслѣдствіе этого возможность пролетать гораздо болѣе далекія разстоянія.— На первыхъ порахъ всѣ были довольны полученными результатами. Нарѣзные ружья: штуцера или винтовки, какъ они потомъ были названы,—давали возможность открывать чувствительный огонь по непріятелю на разстояніи уже 1000 и болѣе шаговъ,—а нарѣзные различныхъ системъ пушки осыпали непріятеля прицѣльными выстрѣлами на разстояніяхъ 3 версты и болѣе. Дальность смертоноснаго пораженія непріятеля увеличилась такимъ образомъ сразу втрое. Казалось, можно-бы было на этомъ остановиться! Но, не всѣ государства успѣли одинаково быстро вооружить свои арміи усовершенствованными продуктами военной цивилизаціи,—и неравенство боя между старыми, гладкоствольными, и новыми, нарѣзными образцами орудій ни для кого не сказалось въ такой чувствительной формѣ, какъ для насъ, русскихъ, въ злополучную годину Крымской кампаніи. Очевидцы уже 1-ой нашей битвы съ союзными войсками на рѣкѣ Альмѣ (8-го сентября 1854 г.) рассказываютъ, что въ то время, какъ подъ убійственнымъ огнемъ французскихъ штуцерныхъ пуль ложились цѣлые ряды нашихъ полковъ,—мы не причиняли непріятелю ни малѣйшаго вреда: наши пули не долетали до него!... Знаменитый защитникъ Севастополя генералъ *Тотлебенъ*, въ своемъ «Описаніи обороны Севастополя», говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Въ Альминскомъ сраженіи иѣхота наша, вооруженная гладкоствольными ружьями, могла поражать непріятеля съ разстоянія не болѣе 300 шаговъ, между тѣмъ какъ непріятель открывалъ по нашимъ войскамъ огонь съ разстоянія 1200 шаговъ и болѣе», нанося уже чувствительный вредъ. То-же самое повторилось и въ несчастномъ для насъ дѣлѣ подъ Инкерманомъ. То-же чувствовали мы и во все время обороны Севастополя.—Явилась такимъ образомъ необходимость усовершенствовать и далѣе конструкцію различныхъ образцовъ огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ къ нимъ. Суровые представители боевой

практики войны нашли, что стрѣльба изъ наръзныхъ орудій, при всѣхъ условіяхъ достигнутой мѣткости и дальности боя, производилась, однако, не съ достаточною быстротою, и что причина этого заключалась, главнымъ образомъ, въ неудовлетворительности способа *заряжанія* этихъ орудій съ дула, который требовалъ слишкомъ много времени на отдѣльную досылку въ камору орудія сначала одного заряда пороха, а потомъ уже снаряда, отчего, понятно, и стрѣльба изъ этихъ орудій не могла производиться съ тою быстротою, какая являлась теперь желательною при все болѣе возрастающихъ требованіяхъ боевой практики. Въ силу такихъ соображеній старались придать наръзнымъ орудіямъ нѣсколько другую конструкцію, такую именно, которая, устраняя недостатки прежняго способа заряжанія орудій съ дула, давала-бы возможность производить изъ нихъ стрѣльбу съ гораздо большею быстротою. Результатомъ такихъ стараній явилось въ концѣ концовъ изобрѣтеніе наръзныхъ орудій, *заряжаемыхъ* уже не съ дула, а съ *казенной* ихъ *части*. Особенность конструкціи этихъ орудій заключается въ томъ, что казенная ихъ часть по произволу можетъ быть удобно открываема и закрываема, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ нее, когда казенная часть открыта, можно удобно и быстро произвести заряжаніе орудія. Первыми по времени образцами такихъ заряжаемыхъ съ казенной части орудій явились: игольчатые ружья *Дрейзе*—въ Пруссіи, въ началѣ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, и почти одновременно съ этимъ (1845) предложенныя *Кавалли* въ Піемонтѣ наръзные пушки, заряжаемыя съ казны. На первыхъ порахъ, однако, образцы этихъ орудій, особенно пушекъ, представляли много недостатковъ, и только, начиная съ 60-хъ годовъ, по-мѣрѣ дальнѣйшаго усовершенствованія ихъ конструкціи, они получили всеобщее распространеніе.—Прусское игольчатое ружье Дрейзе является въ этомъ отношеніи прототипомъ всѣхъ вообще наръзныхъ ружей, заряжаемыхъ съ казенной части. Принятіемъ у себя этого образца ружья Пруссія сдѣлала рѣшительный шагъ въ дѣлѣ вооруженія своей арміи, заставила скоро и другія европейскія арміи ввести у себя подобные-же образцы ружей. Нужно въ этомъ отношеніи отдать Пруссіи принадлежащую ей по праву пальму первенства. Дѣйствительно, Пруссія болѣе, нежели какая-либо другая держава Европы, способствовала быстрому развитію огнестрѣльнаго оружія, заряжаемаго съ казенной части,—и этимъ, отчасти, она создала и свое политическое могущество.—Особенности конструкціи игольчатого ружья Дрейзе, о которыхъ было-бы излишне здѣсь распространяться, таковы, что быстрота стрѣльбы изъ него доходила уже до 6—7 выстрѣловъ въ минуту,—тогда какъ изъ прежнихъ образцовъ ружей, заряжаемыхъ съ дула, рѣдкій стрѣлокъ могъ сдѣлать болѣе 2 выстрѣловъ въ минуту;—быстрота стрѣльбы такимъ образомъ увеличилась втрое. Сила боя этого ружья, однако, не увеличилась, сравнительно съ прежними образцами наръзныхъ ружей: пули его, особенной яйцевидной формы, могли еще поражать непріятеля на разстояніяхъ до 1100 и даже 1200 шаговъ. При такихъ боевыхъ качествахъ ружья Дрейзе, пруссаки совершили съ нимъ три побѣдоносныя кампаніи: одну (1864) противъ Давіи, другую (1866) противъ Австріи, и третью, самую крупную (1870—71), противъ злополучной Франціи. Недостатки, однако, ружья, не замедлившіе обнаружиться, вслѣдствіе предъявленія новыхъ требованій боевой практики, повели къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ

конструкціи подобныхъ образцовъ ружей. Коренною преобразовательницею въ этомъ отношеніи выступила теперь Франція, издавна непримиримая соперница Пруссіи. Во Франціи, въ 1866 году, было предложено и затѣмъ принято для вооруженія арміи знаменитое въ свое время ружье *Шасспо*, также типа игольчатыхъ ружей. Ружье, притомъ, уменьшеннаго калибра,—всего 4.32 линіи или 11 мм., тогда какъ всѣ прежніе образцы наръзныхъ ружей, въ томъ числѣ и Дрейзе, были 6-линейнаго калибра. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что ружья уменьшеннаго калибра были предложены и приняты еще раньше, именно въ 1851 году въ Швейцаріи. Но Франція, какъ могущественная политическая держава, принятиемъ у себя подобнаго образца ружья всего болѣе способствовала дальнѣйшему развитію этого вопроса чисто-боевой практики.—Французское ружье *Шасспо* представляетъ, по времени, замѣчательный образецъ наръзного ружья, заряжаемаго съ казенной части, далеко превосходящій по своимъ боевымъ качествамъ образецъ ружья Дрейзе. Быстрота стрѣльбы доходить до 10 и даже 12 выстрѣловъ въ минуту. Сила боя ужасная: на разстояніи даже 2 версты пуля въ состояніи еще ранить и убивать людей,—а дальность полета пули вообще простирается до 2½ версты! Ни одинъ изъ прежнихъ, или современныхъ *Шасспо* образцовъ ружей не представлялъ ничего подобнаго! Пуля при этомъ обыкновенная свинцовая, продолговатой цилиндро-конической формы, съ небольшимъ выступающимъ пояскомъ у основанія.—При такой огромной дальности полета, пуля *Шасспо* обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на короткихъ дистанціяхъ стрѣльбы, въ высокой степени разрушительными свойствами, мало-чѣмъ отличающимися отъ дѣйствія настоящихъ разрывныхъ снарядовъ. Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго, что когда, во время войны Франціи съ Пруссіей, явились впервые на сцену эти пули *Шасспо*, какъ представительницы новаго типа малокалиберныхъ ружейныхъ снарядовъ, обладающія такимъ страшно-разрушительнымъ дѣйствіемъ,—прускіе врачи, какъ незнакомые еще съ этимъ дѣйствіемъ и никогда ничего подобнаго не видавшіе въ своей практикѣ, естественно склонны были обвинять французовъ въ употребленіи разрывныхъ пуль. И чѣмъ далѣе шла эта убійственная война, тѣмъ ожесточеннѣе слышались эти нападки! Наконецъ, война кончилась, разгорѣвшіяся страсти по-немногу улеглись, началось безпристрастное обсужденіе дѣла,—и всѣ эти нападки оказались простымъ недоразумѣніемъ, ошибкой, непониманіемъ свойствъ новыхъ видовъ ранъ, наносимыхъ болѣе современными, а слѣдовательно и болѣе утонченными орудіями истребленія человѣческаго рода на войнѣ... Не входя здѣсь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о томъ, чѣмъ обуславливается такое страшно-разрушительное дѣйствіе этихъ пуль,—замѣчу только, что оно составляетъ результатъ той огромной начальной скорости (до 1400 фут. въ секунду) и того устойчиваго вращательнаго движенія (до 1800 оборотовъ въ секунду), съ которыми эти пули вылетаютъ изъ дула ружья при выстрѣлѣ, и благодаря которымъ онѣ обладаютъ такою разрушительною силою.

До послѣдняго времени (начала 80-хъ годовъ) пули и ружья подобной конструкціи, какъ *Шасспо*, съ незначительными детальными измѣненіями, были приняты повсюду, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи (*Бердановское* ружье и пуля къ нему). Таковы-же были пули французскихъ ружей *Гра* и *Кроначека*, какъ слѣдующихъ

измѣненій первоначальнаго ружья Шасспо,—затѣмъ пули прусскаго ружья *Маузера*, австрійскаго *Верндля*, итальянскаго и швейцарскаго *Веттерли*, турецкаго *Пибоди-Мартини*, англійскаго *Мартини-Генри*, и другія, отчасти удержавшіяся и до настоящаго времени. Съ разрушительными свойствами такихъ пуль пришлось помириться по неволѣ, въ силу роковой необходимости признанія извѣстныхъ правъ и орудій войны.

Одновременно съ принятіемъ всѣхъ этихъ образцовъ ружей, въ другой части вооруженія армій—въ артиллеріи—произведены были также существенныя измѣненія и усовершенствованія. Въмѣсто прежнихъ неуклюжихъ и далеко-несовершенныхъ по своей конструкціи артиллерійскихъ орудій, явились теперь на сцену *дальнобойныя* орудія, могущія поражать непріятели на невѣроятныхъ почти дистанціяхъ стрѣльбы. Такъ, *полевая* батарея, которая принимаетъ главное участіе при сраженіяхъ въ открытомъ полѣ,—могутъ громить на разстояніи 5—6 верстъ, вмѣсто прежнихъ 2—3. *Осадныя* орудія, назначенныя специально для разрушенія крѣпостей, бросаютъ свои двухъ- и пяти-пудовые снаряды на разстояніе 8 и болѣе верстъ. На этомъ именно разстояніи пруссаки, при осадѣ Парижа, громили фортъ Монъ-Валеренъ изъ Версаля. Наконецъ, орудія такъ называемой *береговой* артиллеріи, назначенныя для дѣйствія противъ броненоснаго флота, бросаютъ свои чудовищныя 20-, 40- и даже 60-пудовые снаряды на разстояніе 10—12 верстъ и болѣе! На болѣе-же близкихъ разстояніяхъ, скажемъ 1½ версты, снаряды эти могутъ съ одного удара пробить бортъ самыхъ прочныхъ броненосцевъ, окованный сталежелезною броней толщиною до 2 футовъ!... Кажется, положи руку на сердце, можно-бы сказать, что достигнуть, наконецъ, предѣла, дальше котораго едва-ли возможно идти!... Но умъ и сила изобрѣтательности человѣческой, къ сожалѣнію направленной въ столь дурную сторону, не знаютъ предѣловъ!... И по-жирѣ того, какъ изобрѣтались всѣ эти орудія,—по-мѣрѣ того какъ шла эта чудовищная борьба между броней и артиллеріей,—старались придать и конструкціи артиллерійскихъ снарядовъ все болѣе и болѣе разрушительныя свойства... Въмѣсто прежнихъ *обыкновенныхъ* гранатъ и бомбъ, дававшихъ при своемъ разрывѣ не болѣе 30 или 40 осколковъ, и разрывавшихся только при паденіи на землю,—явились на сцену болѣе утонченныя и болѣе губительныя по своему дѣйствию *шрапнели* и *двустынные кольцевыя гранаты*, разрывающіяся въ моментъ своего приближенія къ непріятелю и бросающія ему на встрѣчу цѣлыя тучи осколковъ... Не вдаваясь здѣсь въ излишнія подробности, я позволю себѣ только вкратцѣ познакомить васъ съ конструкціей этихъ снарядовъ. *Шрапнель*, названная такъ по имени своего изобрѣтателя, англійскаго генерала *Shrapnel*'я, представляетъ собою обыкновенную гранату, наполненную, однако, кромѣ разрывнаго заряда пороха, еще и большимъ или меньшимъ количествомъ пуль, съ цѣлью увеличить при разрывѣ шрапнели количество получаемыхъ осколковъ. Если принять во вниманіе, что напр. въ нашей полевой батареей шрапнели помѣщается около 340 пуль, и сама шрапнель даетъ при разрывѣ ея около 60 осколковъ, то не трудно вычислить, что при разрывѣ такой шрапнели получается ни болѣе, ни менѣе, какъ 400 осколковъ и пуль, поражающихъ непріятели.—Нѣсколько хитрѣ устройство *двустынныхъ коль-*

цевыхъ гранатъ, предложенныхъ *Камбрези-Басомьеромъ* еще въ 60-хъ годахъ, и вскорѣ затѣмъ, по окончаніи прусско-французской войны, введенныхъ повсюду въ артиллерію. Какъ показывается уже ихъ названіе, гранаты эти дѣйствительно имѣютъ двойныя стѣнки, при чемъ внутренняя ихъ стѣнка или внутренний слой гранаты состоитъ изъ отдѣльныхъ колецъ, имѣющихъ видъ какъ-бы звѣздъ и отливаемыхъ изъ чугуна. Нѣсколько такихъ колецъ, уложенныхъ одно надъ другимъ, помѣщаются въ форму, и промежутокъ между поверхностью формы и кольцами заливается чугуномъ. Вслѣдствіе этого образуется наружная стѣнка или наружный слой гранаты, составляющій одно цѣлое съ ея дномъ. При разрывѣ такой гранаты, рвутся отдѣльно на осколки: ея наружная стѣнка съ дномъ гранаты, и кольца, составляющія ея внутреннюю стѣнку. При этомъ вовсе нѣтъ надобности употреблять еще пули, какъ въ шрапнели, такъ какъ количество осколковъ, при разрывѣ гранаты, получается вполне достаточное—въ смыслѣ удовлетворенія насущныхъ требованій боевой практики. Такая, напр., двухстѣнная батарейная граната даетъ 220 осколковъ, а такая-же легкая полевая или конная граната—120 осколковъ. Помощью, затѣмъ, особой, такъ называемой, дистанціонной трубки, ввинчиваемой въ переднюю головную часть гранаты или шрапнели, разрывъ снаряда, заранѣе точно рассчитанный, смотря по разстоянію до непріятеля, происходитъ, какъ я сказалъ уже раньше, въ тотъ самый моментъ, когда снарядъ подлетаетъ къ непріятелю. Осколки снаряда, разлетаясь при этомъ во все стороны, производятъ такое опустошеніе въ рядахъ его, ужасную картину котораго трудно себѣ даже и представить!...

Въ такомъ видѣ представляются намъ орудія войны въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. На этомъ, конечно, не остановилось дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе ихъ, а продолжало безостановочно двигаться,—движется и въ настоящее время впередъ.—Описанные мною послѣдніе образцы ружей и пуль Бердана, Маузера, Шасспо и другихъ, составлявшіе еще такъ недавно славу и гордость тѣхъ націй, арміи которыхъ были вооружены этими образцами,—въ настоящее время уже оказываются неудовлетворительными, при все болѣе возрастающихъ требованіяхъ боевой практики. Въмѣсто прежнихъ ружей, производившихъ стрѣльбу *одиночными* зарядами, по 10—12 и не болѣе 15 выстрѣловъ въ минуту, постепенно вводятся теперь такъ называемыя *повторительныя* или *магазинныя* ружья, дающія возможность производить необыкновенно-быструю стрѣльбу, до 30 и болѣе выстрѣловъ въ минуту. Въмѣсто прежнихъ, обыкновенныхъ свинцовыхъ пуль, повсюду вводятся теперь такъ называемыя *оболоченныя* или *панцирные* пули, совершенно другой конструкціи. Такія пули впервые были предложены въ Германіи, въ 1876 году, *Лоренцомъ* и *Бодеромъ*. Родина ихъ, поэтому, Германія. Особенность этихъ пуль заключается въ томъ, что онѣ покрыты сверху твердой оболочкой изъ мѣди, мельхіора, никкеля, или стали; внутренняя-же ихъ часть состоитъ изъ обыкновеннаго свинца, съ примѣсью небольшого количества сурьмы или олова, для приданія имъ большей твердости. Въ настоящее время во всѣхъ почти государствахъ Европы (Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Англіи) уже приняты такія пули и соответствующіе имъ образцы

ружей уменьшеннаго 3-линейнаго калибра, съ очень крутыми наръзами ихъ ствола, для сообщенія имъ при выстрѣлѣ еще болѣе устойчиваго винтообразнаго движенія (достигающаго до 2500 оборотовъ въ секунду), при огромной начальной скорости этихъ пулъ около 2000 и болѣе футовъ въ секунду. Образцы подобныхъ ружей и пулъ приняты, наконецъ, въ самое послѣднее время и у насъ въ Россіи; заказы ружей сдѣланы частію во Франціи, частію на собственныхъ нашихъ заводахъ. Въ недалекомъ будущемъ, такимъ образомъ, произойдетъ полное перевооруженіе нашей арміи,— и наша краса, наша *берданка*, стяжавшая себѣ такую славу и въ отдаленныхъ степяхъ Туркестана, и на поляхъ битвъ въ Турціи, отойдетъ въ область исторіи... Невольно, поэтому, является вопросъ: въ чемъ-же такая привлекательная сила этихъ новыхъ, выражаясь высокимъ слогомъ, «послѣдняго слова науки» ружей и пулъ, что ради ихъ производятся огромныя затраты, перевооруженія цѣлыхъ миллионныхъ армій?— Дѣйствительно, пули, выстрѣленные изъ этихъ образцовъ ружей, обладаютъ такою изумительною, почти невѣроятною дальностью полета (на разстояніи даже 3 и болѣе верстъ онѣ еще могутъ ранить и убивать.—пуля, напр., современнаго германскаго ружья образца 1888 г. имѣетъ дальность полета свыше $3\frac{1}{2}$ верстъ; такую-же почти дальность полета имѣетъ и пуля французскаго ружья *Лебеля*), что въ сравненіи съ ними прежнія свинцовыя пули Бердана, Маузера и другихъ оказываются уже слабо-бьющими. вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшимъ пулямъ германскіе хирурги, и во главѣ ихъ преимущественно *Reger* ¹⁾ и *Beck* ²⁾, отчасти также *Brunns* ³⁾, приписываютъ еще особыя, до сихъ поръ нигдѣ не виданныя и неслыханныя свойства пулъ, именно ихъ «гуманность»!... Дѣйствительно, какъ-то странно слышать это выраженіе о пуляхъ или вообще снарядахъ, предназначенныхъ для убиванія, или, по-крайней мѣрѣ, изуродованія людей по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Но нѣмцы какъ-то особенно кричатъ объ этихъ гуманныхъ свойствахъ новѣйшихъ пулъ. Не чувство ложно понимаемаго патріотизма подсказываетъ имъ эти слова. Вотъ вамъ факты. *Reger* въ своемъ докладѣ «Требованія, предъявляемыя гуманностью къ ружейнымъ снарядамъ», читанномъ имъ въ 1885 году въ Берлинскомъ военно-медицинскомъ обществѣ, высказываетъ между прочимъ слѣдующее ⁴⁾: «Мы, нѣмцы», говоритъ онъ, «можемъ гордиться тѣмъ, что гуманная идея въ этомъ серьезномъ вопросѣ о снарядахъ, развитіе руководящихъ теорій, а также и выполненіе самого снаряда произошли только благодаря нѣмецкому терпѣнію и нѣмецкой интеллигенціи, и такимъ образомъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, въ высокой степени важныхъ для «эпидемій раненій», вызываемыхъ каждой новой войной, неопровержимо представляется нѣмецкой заслугой». Нѣсколько раньше этого мѣста, въ томъ-же своемъ докладѣ, *Reger* говоритъ: «Я привѣтствую новый снарядъ съ великою радостью, такъ какъ я могу его разсматривать, какъ свое дѣтище, и какъ послѣдствіе и доказательство правильности установленныхъ мною

¹⁾ *E. Reger*, Die Gewehrshusswunden der Neuzeit. Strassburg, 1884.

²⁾ *B. von Beck*, Über die Wirkung moderner Gewehrprojectile. Leipzig, 1885.

³⁾ *P. Bruns*, Die Geschoss-Wirkung der neuen Kleinkaliber-Gewehre. Tübingen, 1889.

⁴⁾ *Военно-Санитарное Дѣло*, 1885, № 11.

теорій». и далѣе: «Вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что въ случаѣ принятія этого прекраснаго снаряда, на основаніи международнаго договора, все человѣчество можетъ поздравить себя съ этимъ».—Мы уже знаемъ, что «прекрасный» этотъ снарядъ (оболоченная пуля) въ настоящее время всюду принятъ, и что такимъ образомъ человѣчеству, дѣйствительно, остается только благодарить г. *Reger'a* и всю нѣмецкую націю за этотъ снарядъ!... Въ томъ-же духѣ, хотя, правда, болѣе скромно, выражается и *Brunns* въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О дѣйствиіи снарядовъ новѣйшихъ малокалиберныхъ ружей»: «Новое малокалиберное ружье», говоритъ онъ, «съ его оболоченными пулями, есть не только самое лучшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое гуманное оружіе, чтобы по-возможности смягчать ужасы войны».—Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно-ли такъ гуманны эти пули, чтобы вызывать о себѣ такіе восторженные отзывы?—Не желая здѣсь вступать въ полемику ни съ *Brunns'омъ*, ни съ *Reger'омъ*, замѣчу только, что какъ мои собственные, довольно многочисленныя опыты стрѣльбы по трупамъ, такъ и опыты многихъ другихъ изслѣдователей, особенно французскихъ хирурговъ *Delorme'a* и *Chauvel'я*, вполне доказали всю несостоятельность этого взгляда на гуманныя свойства новѣйшихъ пуль. Напротивъ, на короткихъ дистанціяхъ стрѣльбы, считая таковыя до 500 шаговъ, современныя оболоченныя пули производятъ ужасное, настоящее разрывное дѣйствіе, превосходящее таковое-же дѣйствіе прежнихъ пуль. На болѣе далекихъ, однако, разстояніяхъ, свыше 1000 шаговъ, пули, правда, производятъ, вслѣдствіе нѣсколько уменьшеннаго своего калибра, болѣе узкіе каналы и раны въ мягкихъ частяхъ тѣла, производятъ также и менѣе сильное раздробленіе костей,—но отъ этого еще далеко до гуманности, такъ какъ прежнія пули, напр. Бердана, на разстояніи 150—200 шаговъ пробивали на-вылетъ не болѣе 2 человѣкъ, и обязательно застрѣвали въ 3-емъ,—а нынѣшнія свободно пробиваютъ на этомъ же разстояніи 4—5 человѣкъ; прежнія пули на разстояніи 600 шаговъ не пробивали и 2 человѣкъ, обязательно останавливаясь во 2-омъ,—а нынѣшнія пробиваютъ 3—4 человѣкъ; наконецъ, на разстояніи цѣлой версты и болѣе, прежнія пули съ трудомъ пробивали на-вылетъ одного человѣка,—а нынѣшнія свободно еще пробиваютъ 2—3... Гуманность-ли это?!—Любопытное всего то, что самъ *Brunns* получилъ такіе-же результаты, и тѣмъ не менѣе почему-то считаетъ эти пули гуманными.—Прежнія, наконецъ, пули, вслѣдствіе своей мягкости, встрѣчая на поверхности тѣла какой-либо металлическій предметъ, скажемъ часы, пряжку отъ пояса, пуговицу сюртука и т. под., нерѣдко давали уклоненіе въ сторону, нанося при этомъ сравнительно легкое поврежденіе, или даже никакого,—а нынѣшнія, благодаря своей твердости и огромной живой силѣ, бьютъ всѣ эти предметы и подлежащія части тѣла на-вылетъ, и не даютъ уже никакого уклона въ сторону. Число тяжелыхъ раненій должно такимъ образомъ увеличиться,—фактъ, на который отчасти указываетъ и германскій хирургъ *Billroth* въ своей недавней рѣчи «Ужасы будущей войны и военно-санитарное дѣло»¹⁾, произнесенной имъ въ засѣданіи австрійской делегаціи 20-го ноября

¹⁾ *Th. Billroth, Die Schrecken des nächsten Krieges und die Militärsanität (Wiener Medic. Blätter, 1891, № 51).*

прошлаго года. Неужели все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ также «гуманность» новѣйшихъ?! — Покончимъ съ этимъ, и скажемъ просто, что нынѣшнія пули, по разрушительному своему дѣйствию, превосходятъ почти вдвое образцы прежнихъ пуль, противъ которыхъ такъ ратовали тѣ-же нѣмцы во время Прусско-Французской кампаніи.

И въ артиллеріи въ послѣднее время сдѣланы также нѣкоторыя, отрадные для человѣчества усовершенствованія. Прежде непріятель могъ укрываться отъ дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ подъ защитою крѣпостныхъ стѣнъ, земляныхъ брустверовъ и т. д.—а нынѣ, со введеніемъ у насъ не только въ осадной, но и въ полевой артиллеріи 6-дюймовыхъ мортиръ (также и въ германской арміи введены подобныя тяжелыя полевые орудія), непріятель не можетъ уже болѣе укрываться ни за какими стѣнами и брустверами, такъ какъ снаряды этихъ орудій, бросаемые навѣсными выстрѣлами, бьютъ прямо сверху и съ математической точностью въ любое мѣсто, гдѣ только укрывается непріятель. Пожалуй, съ точки зрѣнія гуманности это и лучше: скорѣе будетъ развязка сраженій!... Наконецъ, въ самое послѣднее время во Франціи, отчасти и въ другихъ государствахъ Европы, сдѣланы попытки примѣненія воздушныхъ шаровъ, чтобы съ высоты ихъ полета осыпать непріятеля разрывными снарядами (мелинитовыми бомбами) сверху.

Таковы орудія войны—во всемъ ихъ ужасномъ, безотрадномъ видѣ!... Перейдемъ къ дѣятельности ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Что говорятъ намъ жертвы войны,—эти «герои», какъ принято у насъ ихъ громко называть,—герои-мученики, свидѣтели разрушительнаго дѣйствія снарядовъ на кровавой аренѣ человѣческаго самоуправства, частію убитые, искалѣченные, изуродованные физически и нравственно,—а частію и оставшіеся въ живыхъ, но перенесшіе ту-же душевную и нравственную муку?—Огромное количество убитыхъ и раненыхъ во время сраженій всегда составляло и будетъ, конечно, составлять вопіюшій протестъ человѣчества противъ всѣхъ ужасовъ и безобразій войны, какими-бы блестящими страницами ни заносились въ лѣтописи исторіи одержанныя надъ непріятелемъ побѣды!... Герои войны всегда останутся для насъ и для всего человѣчества—только страдальцами, ни въ чемъ неповинными жертвами войны!... Среднее количество убитыхъ и раненыхъ, при современномъ способѣ веденія войнъ, составляетъ около 20% всего количества сражающихся войскъ,—на 100-тысячную армію это составитъ, слѣдовательно, 20,000 убитыхъ и раненыхъ, а на 200-тысячную—40,000 и т. д. Странно, что по-поводу этого процентнаго отношенія количества убитыхъ и раненыхъ во-время сраженій, въ послѣднее время многими хирургами и боевыми прагматиками высказывается мнѣніе, что современные войны не только не отличаются тѣмъ страшнымъ кровопролитіемъ, какъ это привыкли вообще думать, но что, напротивъ, эти войны, представляя меньшую потерю въ войскахъ во-время сраженій, меньшее количество убитыхъ и раненыхъ, являются, такимъ образомъ, даже болѣе гуманными въ этомъ отношеніи. Такое мнѣніе высказываетъ между прочимъ извѣстный германскій хирургъ *Richter*, стараясь его доказать даже нѣкоторыми цифровыми данными, и въ концѣ концовъ высказывающій такое аподиктическое

заключеніе ¹⁾. что «новѣйшія войны сто́ятъ относительно гораздо меньшихъ человѣческихъ жизней, чѣмъ войны прежнія». — Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Если-бы, дѣйствительно, это было такъ, то, конечно, всѣмъ и каждому оставалось-бы только радоваться тому, что войны, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньшія будутъ представлять потери въ войскахъ и, такимъ образомъ, все болѣе будутъ приближаться къ гуманнымъ стремленіямъ нашего вѣка... А мы ужъ и безъ того слишкомъ далеко зашли съ нашею *гуманностью*! Гуманныя пули, гуманныя войны, — пожалуй даже скоро будутъ и гуманныя всякаго рода убійства и насилія... Извѣстный боевой практикъ *Hoening*, редакторъ нѣмецкой военной газеты «*Deutsche Heeres-Zeitung*», говоритъ по этому поводу слѣдующее ²⁾: «Въ сраженіяхъ временъ Фридриха Великаго и Наполеона I, цѣлыя арміи, если только исторія говоритъ правду, несли потери въ 30—40 и 50% своего состава. Ни въ одномъ изъ сраженій новѣйшаго времени не повторялось ничего подобнаго». Дальше, однако, онъ самъ себя дѣлаетъ поправку, говоря, что во-время Прусско-Французской войны «только нѣкоторыя бригады и дивизіи (какъ, напр., 38-я бригада, 5-я, 6-я, 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи)», слѣдовательно, уже около 2 корпусовъ прусской арміи, «соотвѣтствуютъ или близко подходятъ къ вышеприведеннымъ примѣрамъ (сраженія, напр., при Марсѣ-ла-Турѣ, Вюнвиллѣ и Сентъ-Прива-ла-Монтанѣ)», и т. д. А мы сдѣлаемъ и дальнѣйшія поправки, какъ самому *Hoening*’у, такъ и еще болѣе по адресу *Richter*’а. Возьмемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, выбивая, такъ сказать, клинъ клиномъ. — Самыя кровопролитныя битвы временъ Фридриха Великаго, какъ извѣстно, давали около 25—30% убыли въ войскахъ, и только въ двухъ изъ нихъ: при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, убыль эта достигла 37½% (при Цорндорфѣ) и даже 42½% (при Куннерсдорфѣ). Но въ то-же время въ другихъ битвахъ, напр. при Росбахѣ и Лейтенѣ, % убыли въ войскахъ едва достигаетъ только 8. — Во времена Наполеона I самыя кровопролитныя битвы давали также около 30% убыли въ войскахъ. Въ сраженіи, напр., при Бородинѣ, одномъ изъ самыхъ упорныхъ и жестокихъ по кровопролитію, гдѣ рѣшалась участь обѣихъ воюющихъ державъ, изъ всего количества участвовавшихъ въ бою войскъ — 250,000 (нашихъ и французскихъ), убитыхъ и раненыхъ было 83,000, — слѣдовательно, % убыли даже 33,2. Но въ то-же время въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ, Бауценѣ и Ватерлоо % этотъ не подымается выше 20. — Во время Крымской кампаніи, въ злополучномъ для насъ сраженіи подъ Инкерманомъ, мы потеряли, изъ числа 55,000 бывшихъ въ бою войскъ, убитыми и ранеными 15,735, — % убыли 28,6. А въ день послѣдняго штурма Севастополя (27-го августа 1855 г.), когда палъ Малаховъ курганъ, атакующіе противники потеряли, изъ числа 30,000 войскъ, бывшихъ въ бою, убитыми и ранеными 10,054, т. е. % убыли 33½, не уступающій самымъ кровопролитнымъ битвамъ Наполеона I. — Во время Сѣверо-Американской междоусобной войны, въ цѣломъ рядѣ битвъ при Мёр-

¹⁾ *E. Richter*, Allgemeine Chirurgie der Schussverletzungen im Kriege. Breslau, 1877. S. 81.

²⁾ *Ф. Гёниш*, Тактика будущаго, въ зависмости отъ введенія малокалибернаго ружья и бездымнаго пороха. Перев. В. Афанасьева. Спб., 1891. Стр. 49.

фрисборо, Геттисбергъ и Вильдернессъ, средний % убыли колеблется около 25, а въ сраженіи при Чикаменгъ достигаетъ даже 29,8.—Во время Ахаль-Текинской экспедиціи, при штурмѣ Денгиль—или Геокъ-Тепе, мы потеряли изъ 1,400, бывшихъ въ бою, 475,—следовательно % убыли 33,9; въ то-же время у текинцевъ, изъ 15,000, оказалось убитыми и ранеными 4,000,—% убыли 26,6.—Во время Пруссско-Французской войны, въ наиболѣе кровопролитныхъ битвахъ при Вёртѣ, Бюновиллѣ и Гравелотѣ, средняя убыль въ войскахъ колеблется между 20 и 22%,—въ томъ числѣ при Гравелотѣ въ рядахъ прусской гвардіи, атаковавшихъ недоступную позицію при Сень-Прива. убыль эта (7,000 изъ числа 18,000 бывшихъ въ бою) достигаетъ даже колоссальной цифры 38,8%, какой не встрѣчалось и во времена Наполеоновскихъ войнъ.—Наконецъ, во-время послѣдней нашей войны съ Турціей, въ кровопролитныхъ битвахъ подъ Плевной и на Шипкѣ, % убыли все время стоялъ очень высокій. Такъ, при 1-ой атакѣ Плевны (8-го іюля) мы потеряли изъ 8.000 бывшихъ въ бою—убитыми и ранеными 2.898.—следовательно, % убыли 36,2,—ужасный! При 2-ой атакѣ Плевны (18-го іюля), мы потеряли изъ 33.800 человекъ, бывшихъ въ бою,—убитыми и ранеными 7,305, т. е. % убыли 21,6; при этомъ, въ отрядѣ князя Шаховскаго, изъ 18,000—убитыхъ и раненыхъ было 4,553, т. е. 25,4% убыли. При штурмѣ Плевны (30-го августа) и взятіи Горнаго-Дубняка (12-го октября), % убыли у насъ 22,—тоже высокій! Въ то-же время у турокъ, при атакѣ Шибни, продолжавшейся съ 9-го по 14-ое августа, изъ числа около 60,000 бывшихъ въ бою, убитыхъ и раненыхъ не менѣе 20,000,—следовательно, % убыли опять громадный—33,3!—Приведенныя мною цифровыя данныя говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ, что вышеприведенное мнѣніе *Richter'a*, относительно прогрессирующей гуманности новѣйшихъ войнъ, на самомъ дѣлѣ не выдерживаетъ критики. Скорѣе мы готовы высказать обратное, быть можетъ, даже нѣсколько парадоксальное мнѣніе, что войны новѣйшаго времени, благодаря усовершенствованіямъ огнестрѣльнаго оружія, должны-бы были быть гораздо кровопролитнѣе и убійственнѣе прежнихъ войнъ, если-бы на продолжительность сраженій и конечный ихъ исходъ не оказывали сильнаго вліянія извѣстный нравственный духъ, воспитаніе и болѣе высокое умственное развитіе современныхъ армій. Справедливо говорить по этому поводу тотъ-же *Hoenig*, что «извѣстная степень цивилизаціи порождаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ расслабленіе и усиливаетъ чувство себялюбія, проявляющееся въ удовольствіяхъ и стремящееся къ благоденствію, что въ свою очередь убиваетъ мужество и чувство самопожертвованія; и далѣе, что ошеломляющій огонь скорострѣльныхъ ружей производитъ на значительно большее число людей подавляющее моральное впечатлѣніе».—Такъ это, или нѣтъ, но несомнѣнно, что цивилизація кладетъ извѣстный отпечатокъ на самый характеръ войнъ, и, сокращая продолжительность сраженій, уменьшаетъ такимъ образомъ среднюю убыль въ войскахъ, которая безъ этого была-бы гораздо больше. Въ настоящее время, когда огромныя массы войскъ, цѣлыя стотысячныя арміи принимаютъ участіе въ бою,—процентная убыль въ войскахъ, общее количество убитыхъ и раненыхъ за все время веденія той или другой войны, по-истинѣ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Такъ, за все время Крымской кампаніи, при оборонѣ Севастополя, мы потеряли 102,600

убитыхъ и раненыхъ; въ сраженіяхъ и другихъ дѣлахъ на Крымскомъ полуостровѣ—еще 26,000; а всего наша потеря 128,600. У французовъ, въ то-же время, потеря 43—48,000 (по разнымъ источникамъ), у англичанъ 15—18,000.—Во время Сѣверо-Американской междоусобной войны, потеря съ обѣихъ сторонъ—убитыхъ 111,000, раненыхъ полъ-милліона 8,000.—Во время Прусско-Французской войны: потеря въ рядахъ германской арміи—убитыхъ 17,570, раненыхъ 98,233; у французовъ—убитыхъ около 26.000, раненыхъ 100,000.—Наконецъ, во время нашей послѣдней войны съ Турціей, въ одной Дунайской арміи убитыхъ свыше 17,000, раненыхъ около 43.000; въ то-же время въ Кавказской арміи убитыхъ болѣе 5,000, раненыхъ около 11,000. Въ рядахъ турецкой арміи потери были, конечно, не меньшіе, если не большіе.—При такомъ огромномъ количествѣ убитыхъ и раненыхъ во-время сраженій взаимное отношеніе между ними таково, что на 1 убитого приходится 3 или даже 4 раненыхъ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, особенно-кровопролитныхъ битвахъ отношеніе это измѣняется, вслѣдствіе увеличенія числа убитыхъ. Такъ, въ сраженіи при Чикаменгѣ (во время Сѣверо-Американской междоусобной войны), 1 убитый приходился на 2 раненыхъ; а при 2-ой атакѣ Плевны (18-го іюля), въ отрядѣ князя Шаховскаго, убитыхъ было даже больше, чѣмъ раненыхъ: убитыхъ около 2,900, а раненыхъ 1,660. Насколько намъ извѣстно, это единственный во всей исторіи новѣйшихъ войнъ примѣръ такого ужаснаго преобладанія количества убитыхъ надъ ранеными!... Можно-ли послѣ этого говорить о меньшей кровопролитности современныхъ войнъ?!

Исторія войнъ показываетъ далѣе, что въ общей массѣ убитыхъ и раненыхъ, насколько позволяютъ судить не-всегда вполнѣ согласные между собою медико-статистическіе отчеты, преобладающее большинство раненій выпадаетъ на долю ружейныхъ снарядовъ, т. е. пулъ. Преобладаніе это въ современныхъ войнахъ настолько велико, что раненія, наносимыя ружейными снарядами, составляютъ около 90 и даже 96% (битвы подъ Плевной 18-го іюля и 30-го августа) всего количества раненій, наблюдаемыхъ на войнѣ. На долю-же раненій, наносимыхъ артиллерійскими снарядами, выпадаетъ едва 5—6, и во всякомъ случаѣ не болѣе 10% всего количества раненій на войнѣ.—Но такъ стоитъ этотъ вопросъ, пока мы говоримъ только о *раненыхъ*, остающихся въ живыхъ на полѣ сраженія и относительно которыхъ мы почти всегда можемъ собрать потомъ болѣе или менѣе точныя цифровыя данныя. А въ какомъ отношеніи къ этому вопросу стоятъ *убитые*, остающіеся на полѣ сраженія и затѣмъ погребаемые? Такъ-ли преобладаютъ и здѣсь, среди убитыхъ, поврежденія, наносимыя ружейными снарядами? Трудно, конечно, отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ какъ убитыхъ никто не изслѣдуетъ въ этомъ отношеніи. «Нельзя не признать», говоритъ по этому поводу извѣстный германскій писатель *Ploennies* ¹⁾, глубокій вообще знатокъ военнаго дѣла,—«нельзя не признать», говоритъ онъ, «въ защиту артиллеріи и кавалеріи, равно какъ и пштыка, что процентное отношеніе ихъ къ количеству убитыхъ, брошенныхъ или погребенныхъ на полѣ битвы, должно по всей вѣроятности прево-

¹⁾ В. ф. Плѣннисъ и Г. Вейландъ, Вопросъ о ручномъ оружіи въ Германіи (*Оружейный Сборникъ*, 1873. № 1).

сходить вышеприведенныя цифровыя данныя. Смертельныя, страшныя изуродованія, отрыванія цѣлыхъ конечностей и т. под. должны большею частью быть относимы къ дѣйствию артиллерійскихъ снарядовъ; равнымъ образомъ большинство изъ проткнутыхъ насквозь штыкомъ или пикой не попадаетъ, конечно, въ руки врачей».—Допуская охотно эту поправку, дѣлаемую *Ploennies'омъ*, мы должны признать, что, дѣйствительно, среди убитыхъ значительная часть, быть можетъ 20 или даже 30% ихъ, изувѣчена дѣйствиемъ артиллерійскихъ снарядовъ. Мы никакъ не можемъ согласиться въ этомъ случаѣ съ нѣсколькимъ смѣлымъ заявленіемъ извѣстнаго германскаго хирурга *Billroth'a*, недавно высказаннымъ имъ въ рѣчи, о которой я раньше упомянулъ¹⁾,— «мы не такъ ужъ боимся артиллеріи», сказалъ онъ, «какъ бояться ея сами военные, такъ какъ мы находимъ, что число раненныхъ артиллерійскими снарядами поразительно мало». Артиллерія въ этомъ случаѣ, если не количествомъ убитыхъ и раненыхъ, то по-крайней мѣрѣ своимъ грознымъ началомъ открытія боя и подготовленіемъ рѣшительнаго его момента, оказываетъ не меньшее вліяніе на исходъ участі сраженій, какъ и массовый ружейный огонь, вырывающій цѣлыя ряды сражающихся войскъ.— Ружейные снаряды являются, такимъ образомъ, главными факторами въ дѣлѣ истребленія человѣческой жизни и здоровья на полѣ брани,—они-же оказываютъ, поэтому, и такое подавляющее вліяніе на рѣшеніе участі сраженій. Въ короткое время эти снаряды выводятъ изъ рядовъ сражающихся войскъ огромное число убитыхъ и раненыхъ. Такъ, въ сраженіи при Сенъ-Прива, о которомъ я уже раньше упомянулъ, прусская гвардія въ теченіе 10 минутъ потеряла 7,000 убитыхъ и раненыхъ. изъ числа 18,000 бывшихъ въ бою, потому что подошла подъ убійственный ружейный огонь всего одной бригады французской пѣхоты (численностью въ 3,000 человѣкъ). Французы въ этомъ случаѣ открыли огонь изъ ружей Шасспо на разстояніи 1,200 метровъ (нѣсколько болѣе 1 версты); пруссаки едва могли приблизиться на 600 метровъ и отступили, понеся столь ужасныя потери. Въ двухъ атакахъ Плевны, 18-го іюля и 30-го августа, мы понесли въ короткое время также огромныя потери: по свидѣтельству генерала *Тотлебена*, которому потомъ была вѣрена осада Плевны, «самыя геройскія усилія нашихъ войскъ при этихъ атакахъ были безуспѣшны, и дивизіи, имѣвшія болѣе 10,000 человѣкъ, были низведены до наличнаго состава въ 4—5,000 человѣкъ». А вотъ что говоритъ по этому поводу французскій писатель *Ortus*: «18-го іюля, при атакѣ Плевны, турецкіе солдаты, скрытые въ траншеяхъ, стрѣляли безъ смущенія, опустошая русскія колонны градомъ пуль изъ ружей Пибоди-Мартини; но колонны мужественно подвигались впередъ, приближаясь на разстояніе 100 метровъ отъ траншей. Тогда каждый турецкій солдатъ брался за лежавшее около него магазинное ружье Винчестера, открывая адскую стрѣльбу. Русскія колонны, послѣ ужасныхъ потерь, должны были отказываться отъ атаки».

Что мнѣ прибавить еще къ этимъ правдивымъ, полнымъ леденящаго ужаса описаніямъ полей битвъ?!.. Густыми облаками пороховаго дыма были покрыты до сихъ поръ эти зловѣщія поля, на которыхъ рука войны безпощадно косила свои жертвы,—

¹⁾ *Th. Billroth. L. c. (Wiener Medic. Blätter, 1891, № 51).*

а нынѣ, со введеніемъ бездымнаго пороха, всюду на поляхъ сраженій будетъ «свободный кругозоръ», какъ выражаются гг. боевые практики, любители вообще сильныхъ ощущений. и мрачныя сцены закономъ войны дозволенныхъ убійствъ будутъ происходить отъкрыто, чтобы всѣ ихъ видѣли, наслаждались этими продуктами гуманности и цивилизаціи современнаго вѣка, а войска почерпали свою стойкость и мужество, необходимыя для одолженія непріятеля!... Осколки разрывныхъ снарядовъ: шрапнелей и гранатъ, и цѣлыя тучи несущихся по всѣмъ направленіямъ, свистящихъ и шипящихъ пулъ рѣшаютъ быстро участь сраженій, вырывая цѣлыя тысячи и десятки тысячъ жертвъ, въ лучшей порѣ ихъ наслажденія жизнью, и наносятъ нерѣдко смертельный ударъ съ такою быстротою, что трупы убитыхъ сохраняютъ то положеніе, въ которомъ застала ихъ смерть. Цѣлый рядъ наблюденій этого рода на поляхъ битвъ, во-время послѣднихъ войнъ, былъ сдѣланъ въ свое время *Бринтономъ, Томасомъ Ридомъ, Бернкетомъ, Шеню, Россбахомъ* и др. Такъ, во-время прусско-французской войны, на боюномскомъ возвышеніи поля битвы, *Россбахъ* видѣлъ группу изъ 6 французовъ, убитыхъ гранатою въ тотъ моментъ, когда они сидѣли и завтракали. У одного изъ убитыхъ было веселое, улыбающееся лицо, которому недоставало только верхней части черепа, оторванной гранатою. Подлѣ этого смятагося трупа сидѣлъ другой, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки цинковую чашку, которую онъ поднесъ къ губамъ; края чашки только что коснулись губъ этого несчастнаго, когда осколкомъ лопнувшей гранаты оторвало у него весь черепъ и лицо, за исключеніемъ нижней челюсти. Третій, наконецъ, трупъ (изъ числа шести) лежалъ на боку на своемъ ранцѣ и держалъ еще въ отпѣнѣлой рукѣ, поднесенной къ глазамъ, фотографическую карточку какой то женщины, быть можетъ своей сестры или жены....

Но довольно этихъ сценъ, отъ которыхъ стынетъ кровь въ нашихъ жилахъ!.. Достаточно этихъ, не поддающихся описанію, сценъ убійства, надъ которыми всегда будетъ лежать проклятіе человѣчества!... Я-бы не кончилъ, если-бы вздумалъ излагать вамъ дальнѣйшіе ужасы и бѣдствія войны.—Кромѣ непосредственныхъ ея жертвъ: убитыхъ и раненыхъ, какое огромное количество больныхъ присоединяется еще къ этому, какъ неизбѣжное послѣдствіе войны!.. Какого огромнаго напряженія всѣхъ силъ государства и народа требуетъ каждая война!.. Какъ страдаютъ при этомъ всѣ общественныя, матеріальныя и культурныя условія жизни!.. И какъ много, наконецъ, горя и страданій выпадаетъ на долю тѣхъ, которые оплакиваютъ преждевременную кончину своихъ родныхъ и друзей, павшихъ на полѣ битвы и служившихъ нерѣдко единственнымъ источникомъ ихъ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія!..

Мрачныя образы войны. ея обреченныя жертвы встаютъ передъ нами, какъ живой укоръ, какъ громкій, негодующій протестъ человѣчества противъ безобразій войны!.. Но, что значить этотъ протестъ, когда всѣ наши усилія, всѣ знанія, которыми въ правѣ уже теперь гордиться человѣчество, составляютъ ничто передъ всеограждающимъ вѣяніемъ войны!... И наша далеко не-всегда своевременная уборка раненыхъ съ полей битвъ,—для этого не хватаетъ ни средствъ, ни носильщиковъ,—и наши перевязочныя пункты, на которыхъ оказывается первое необходимое пособіе

раненымъ,—и высокое самопожертвованіе врачей, не щадящихъ своихъ силъ и здоровья въ неустанной работѣ на этихъ пунктахъ,—и наши усовершенствованные способы транспортировки раненыхъ,—и всѣ лазареты и госпитали, при самомъ лучшемъ ихъ устройствѣ, со всѣми послѣдними усовершенствованіями въ способахъ лѣченія и ухода за ранеными,—и безавѣтное служеніе сестеръ милосердія, посвятившихъ себя святому дѣлу облегчать страданія ближняго,—и высокое проявленіе частной и международной помощи на войнѣ,—и разныя, наконецъ, конференціи, которыя созываются отъ времени до времени для обсужденія даже законовъ и обычаевъ войны, какъ будто тутъ могутъ быть какіе-либо законы,—все это, правда, свѣтлымъ лучемъ прорѣзываетъ мракъ, повисшій надъ нами,—но смягчаетъ лишь въ ничтожной степени бѣдствія и ужасы войны, не устраняя источника самого зла... И бесплодна всегда была,—бесплодна, вѣроятно, еще и долго будетъ наша борьба съ войною!.. Только когда все общество проникнется глубокимъ сознаніемъ, что война есть ужасное зло, которому нужно противодѣйствовать всѣми нашими усиліями, средствами и знаніями,—только когда это сознаніе глубоко проникнетъ въ плоть и кровь, во всѣ слои общества и во всѣ части арміи,—только когда всѣ народы и государства придутъ также къ сознанію всего безобразія и ужаса войны,—только тогда человѣчество вздохнетъ, наконецъ, спокойно, стряхнетъ съ себя тяжелыя узы непосильныхъ военныхъ расходовъ, подрывающихъ всѣ силы и всѣ средства государства, и пойдетъ по мирному пути дѣйствительнаго прогресса наукъ, искусствъ, знаній и общественныхъ отношеній!.. Но достигнемъ-ли мы когда-нибудь этого завѣтнаго времени, этого идеала нашихъ стремленій? Достигнуть-ли его наши дѣти и внуки? Достигнуть-ли, наконецъ, вообще когда-либо человѣчество?—Мы глубоко убѣждены, мы *вѣруемъ* въ то, что идеалъ этотъ осѣнить когда-либо небесной благодатью нашъ міръ земной!.. Но этого не суждено видѣть ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ!..

Мы переживаемъ въ настоящее время великое общественное бѣдствіе—*голодь*, во всемъ его ужасномъ видѣ... Но что значитъ голодь въ сравненіи съ *войною*?!... Голоду можно помочь,—велика и щедра матушка-Русь: широкою, неоскудѣвающею рѣкою льются пожертвованія отовсюду,—голоднаго можно накормить, обуть, пригрѣть его, дать новую жизнь,—а противъ войны средствъ нѣтъ: искалѣченные жертвы ея не станутъ вновь здоровыми людьми,—а жертвы болѣе не воскреснутъ, но, искупивъ нашъ грѣхъ, грѣхъ всего человѣчества, своею кровью, невинно пролитую ими на поляхъ битвъ, шлютъ намъ изъ далекаго, невѣдомаго міра *прощеніе* за зло, которое мы творимъ и терпимъ въ образѣ войны!..

Проф. П. Морозовъ.

Что вѣрный?

Когда порой, въ самодовольствѣ сытомъ,
Поднявшись въ кругъ возвышенныхъ идей,
Начнешь слегка, съ злорадствомъ еле скрытымъ,
Перебирать по косточкамъ друзей
И извлекать дешевые уроки
Изъ ихъ скорбей, несчастья и нужды,
Бичуя въ нихъ постыдные пороки,—
Животности печальные слѣды,—
Которые давно, по зрѣломъ размышленьи,
Въ зародышѣ подавлены въ тебѣ:
То чувствуешь къ другимъ пріятное презрѣнье—
И уваженіе къ себѣ.

*
* *

Когда-жъ подчасъ, въ минуты неудачи,
На опытѣ, а не въ кругу идей,—
Поставить жизнь ребромъ моральныя задачи
Лицомъ къ лицу съ природою твоей;
И видишь тутъ, какъ возстаютъ бурливо
Изъ тайниковъ душевной глубины
Тѣхъ самыхъ чувствъ позорные порывы,
Которые тобой въ другихъ заклеены:
Тогда—увы!—пустое самомнѣнье
Передъ тобой разносится, какъ дымъ,
И чувствуешь къ себѣ—брезгливое презрѣнье
И снисхожденіе къ другимъ!

ф. Черниовецъ.

УКОРЫ СОВѢСТИ.

Разсказъ Августа Стриндберга.

то было двѣ недѣли спустя послѣ Седана, слѣдовательно, въ срединѣ сентября 1870 г. Фонъ-Блейхроденъ, чиновникъ прусскаго геологическаго бюро, а теперь поручикъ резервнаго баталіона, сидѣлъ въ одномъ жилетѣ передъ письменнымъ столомъ въ Café du Cercle, лучшей гостинницѣ маленькаго городка Марлоттъ. Мундиръ съ тугимъ воротникомъ былъ небрежно брошенъ на стулъ и свѣшивался съ него, съезженный и безсильный, будто трупъ, съ пустыми рукавами, казалось, судорожно обхватывавшими ножки стула, точно стараясь предохранить себя отъ паденія. У пояса виднѣлись ясные слѣды португеей, а лѣвая фалда лоснилась отъ постоянного тренія о рукоятку сабли. Спина мундира была вся въ пыли, напоминая собою проѣзжую дорогу, и поручикъ-геологъ могъ и по вечерамъ изучать третичныя наслоенія почвы на краяхъ своихъ изношенныхъ панталонъ; а когда вѣстовой являлся въ комнату съ своими загрязненными сапогами, Блейхроденъ невольно бросалъ быстрый взглядъ на оставленные на полу слѣды и погружался въ думы о томъ, къ какой геологической формациі ихъ можно причислить.

И въ самомъ дѣлѣ, Блейхроденъ питалъ гораздо больше склонности къ геологіи, чѣмъ къ военному дѣлу. Но въ данную минуту онъ всецѣло углубился въ занятіе совершенно иного рода: въ писаніе письма. Поднявъ на лобъ очки, сидѣлъ онъ въ раздумьи съ перомъ въ рукѣ, вперивъ взоры въ окно. Предъ нимъ разстилался садъ во всей своей осенней красѣ съ массою яблонь и грушъ, вѣтви которыхъ сгибались до самой земли подъ тяжестью роскошныхъ плодовъ. Оранжево-красныя тыквы грѣлись на солнцѣ рядомъ съ колючими артишоками; ярко-красныя баклажаны алѣли на стебляхъ, вокругъ которыхъ они висѣли, а рядомъ подымала свои бѣлоснѣжныя головки цвѣтная капуста; гигантскіе подсолнечники обращали свои золотистыя зонтико-образныя шапки къ западу, откуда заходящее солнце посылало прощальные лучи; лѣса георгинъ, бѣлыхъ, какъ только-что вы-

бѣленное полотно, пурпурно-красныхъ, какъ свѣжая кровь, буро-красныхъ, какъ только-что выпѣзанное мясо, розовыхъ, черныхъ, ярко-желтыхъ, пятнистыхъ, казалось, разыгрывали настоящій цвѣтной концертъ.... Посыпанная пескомъ дорожка окаймлялась двумя рядами гигантскихъ левкоевъ всевозможныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ, сѣро-лиловыхъ, ярко-бѣлыхъ, соломенно-желтыхъ, а въ перспективѣ виднѣлся виноградникъ съ буровато-зеленой листвою, изъ-за которой выглядывали сочныя, золотистыя кисти. Позади открывался видъ на поля съ бѣловатыми, еще не сжатыми стеблями, съ отяжелѣвшими колосьями, грустно поникшими долу и при каждомъ порывѣ вѣтра возвращающими матери-землѣ щедрые дары ея, переполненные сокомъ, точно материнская грудь, которая не можетъ покормить своего ребенка. А на заднемъ планѣ выступалъ вдаль Фонтенеблоскій лѣсъ. Мрачныя вершины его могучихъ дубовъ и буковъ вырисовывались на чистомъ небѣ въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ, напоминающихъ брабантскія кружева, а изъ-за нихъ сверкало вечернее солнце, играя своими косыми золотисто-желтыми лучами. Нѣсколько пчелъ кружилось еще въ саду, впивая нектаръ изъ роскошныхъ цвѣтовъ, птички порхали по яблонямъ, высасывая сокъ румяныхъ плодовъ, а по временамъ доносился въ окно чудный аромат левкоевъ, точно изъ открытой двери парфюмернаго магазина. Поручикъ сидѣлъ съ перомъ въ рукѣ и казался всецѣло погруженнымъ въ чудное зрѣлище, открывавшееся передъ нимъ. Что за прекрасная страна, думалъ онъ, и мысли его перенеслись къ песчаному саду его родного села, въ которомъ торчало тамъ и сямъ нѣсколько мелкорослыхъ сосенъ, протягивавшихъ свои искривленныя вѣтви къ небу, точно моля его спасти ихъ, не дать утонуть въ песокъ.

Но эта чудная картина, вырисовывавшаяся въ окнѣ какъ-бы въ рамѣ, затемнялась отъ времени до времени, съ правильностью маятника, ружьемъ часового, блестящій штыкъ котораго проносился по картинѣ и возвращался, повернувъ обратно подѣ грушею, увѣшанною самыми великолѣпными экземплярами ало-зеленыхъ и карминно-желтыхъ бѣре-Наполеонъ. Поручику пришла было въ голову мысль попросить часового избрать себѣ другое мѣсто для ходьбы, но онъ не рѣшился громко высказать ее. Чтобы избавиться отъ надоедливаго сверканья штыка, Блейхроденъ обратилъ взоры на лѣво, за садъ. Тамъ подымалась окрашенная въ желтый цвѣтъ стѣна кухни, безъ оконъ, съ старою угрюмою виноградною лозою, растянutoю по ней, точно скелетъ млекопитающаго въ музеѣ; оголенный остовъ ея, безъ листьевъ и кистей, омертвѣлъ и стоялъ будто распятый, прикрѣпленный къ шпалерѣ, съ протянутыми длинными, жесткими руками и пальцами, которые точно готовились схватить за шиворотъ часового всякій разъ, какъ онъ приближался къ нимъ.

Поручикъ отвернулся отъ окна и перевелъ взоры на письменный столъ. Тамъ лежало неоконченное письмо къ его молодой женѣ, съ которой

онъ повѣнчался всего четыре мѣсяца тому назадъ. за два мѣсяца до начала войны. Рядомъ съ подзорною трубою и картою французскаго генеральнаго штаба раскрыта была «философія безсознательнаго» Гартмана и «Парерга и Паралипомена» Шопенгауера. Вдругъ онъ быстро вскочилъ изъ-за стола и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по залѣ. Это была столовая и зала собраній сбѣжавшей теперь колоніи художниковъ. Стѣны ея украшены были маслянными картинами, служившими напоминаніемъ о чудныхъ часахъ, озаренныхъ яркими лучами южнаго солнца. проведенныхъ въ этой прекрасной, гостепріимной странѣ, которая такъ великодушно предоставляла въ распоряженіе чужестранцевъ свои школы художествъ и свои музеи. Чего здѣсь не было! И испанскія танцовщицы, и римскіе монахи, и виды нормандскихъ и бретанскихъ береговъ, и голландскія вѣтряныя мельницы, и норвежскія рыболовни, и швейцарскія Альпы.... Въ уголку пріютился орфховый мольбертъ, точно скрывавшійся въ тѣни отъ грозившихъ ему штыковъ. Испещренная яркими пятнами палитра висѣла съ наполовину высохшими красками и имѣла видъ печенки, только-что выхваченной изъ мясной лавки. Нѣсколько огненно-красныхъ шапокъ испанскихъ милиціо-неровъ рядомъ съ нѣсколькими форменными шапками художниковъ, красовались на вѣшалкѣ, полу-поблекшія отъ солнца и дождя, съ слѣдами пота. Поручикъ почувствовалъ смущеніе, какое испытываешь, когда вторгаешься въ чужую квартиру и ждешь каждую минуту, что хозяинъ придетъ и застанетъ тебя врасплохъ. Онъ пересталъ ходить и вновь сѣлъ за столъ, чтобы окончить письмо. Первые страницы были уже исписаны, наполнены самыми откровенными описаніями перенесенныхъ лишеній, страданій и опасностей, когда онъ получилъ внезапно извѣстіе отъ жены, что она готовится быть матерью. Онъ обмокнулъ перо въ чернила, чувствуя потребность подѣлиться своими мыслями съ близкимъ существомъ, и продолжалъ письмо:

«....напримѣръ, когда я съ своимъ отрядомъ изъ ста человѣкъ, послѣ четырнадцати-часоваго перехода безъ ѣды и питья, пришелъ въ лѣсъ и наткнулся на покинутую повозку съ провіантомъ. Знаешь-ли ты, что произошло? Солдаты мои, голодные, доведенные до полного истощенія, вышли изъ строя и точно волки накнулись на ѣду, и такъ какъ ея еле хватало на двадцать пять человѣкъ, то они вступили въ рукопашную. Никто не слушался моей команды, а когда сержантъ бросился на нихъ съ саблею наголо, они убили его прикладомъ ружья! Шестнадцать человѣкъ осталось на мѣстѣ, раненыхъ, полу-мертвыхъ. Тѣ, которымъ посчастливилось захватить что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, ѣли съ такою жадностью, что заболѣли, принуждены были лечь и тотчасъ заснули. Землякъ возсталъ на земляка,—они были похожи на дикихъ звѣрей, готовыхъ растерзать друга друга изъ-за добычи!

«А когда мы однажды получили приказъ устроить наскоро укрѣпленіе, валъ. въ этой безлѣсной мѣстности не находилось другого матеріала подъ рукою, какъ только виноградная лоза и ея подпоры. Возмутительно было видѣть, какъ въ какой-нибудь часовой промежутокъ времени весь виноградникъ былъ снесенъ, какъ лозы съ листьями и кистями вырывались изъ земли и связывались въ фашины, истекая, точно кровью, сокомъ полусозрѣвшихъ гроздей. Говорили, что этому винограднику было уже сорокъ лѣтъ. Итакъ, мы въ часъ уничтожили плоды сорокалѣтней работы. И это для того, чтобы изъ-за прикрытія фашинъ стрѣлять по тѣмъ, кто обрабатывалъ ихъ. Или когда мы должны были перестрѣливаться по несжатому пшеничному полю, и хлѣбъ сыпался у насъ подъ ногами, точно снѣжинки въ мятель, а солома ложилась на землю, чтобы сгнить при первомъ дождѣ. Какъ ты думаешь, дорогая моя, милая, можно-ли спать спокойно по ночамъ послѣ такихъ дѣяній? А между тѣмъ, что же это было, что-же мы въ сущности сдѣлали иного, какъ не исполняли свой долгъ? А еще смѣютъ утверждать, что чувство исполненнаго долга доставляетъ душевное спокойствіе.

«Но впереди намъ предстоитъ еще худшее. Ты, вѣроятно, слышала, что французское населеніе возстало массами и подъ именемъ вольныхъ стрѣлковъ организовало отряды волонтеровъ для защиты своихъ домовъ и полей. Прусское правительство не признало ихъ за солдатъ, а постановило разстрѣливать въ качествѣ шпионовъ или измѣнниковъ всѣхъ, кто попадется имъ въ руки. И все это на томъ основаніи, что не отдѣльные индивидуумы ведутъ войну, а государства! Но развѣ солдаты не индивидуумы? И развѣ эти вольные стрѣлки не солдаты? Они носятъ сѣрый мундиръ егерскихъ полковъ, а мундиръ дѣлаетъ солдатъ. На это возражаютъ, что они не внесены въ списки арміи! Да, они не внесены, но только или потому, что правительство не имѣло времени вписать ихъ, или потому, что сообщенія его съ деревнями и селами теперь очень случайны, недостаточны. И вотъ у меня какъ разъ теперь сидятъ въ бильярдной трое плѣнныхъ, и я жду съ минуты на минуту распоряженій военного начальства на ихъ счетъ».

Онъ бросилъ писать и позвонилъ вѣстового.

— Что подѣлываютъ плѣнные?—спросилъ Блейхроденъ.

— Играютъ въ бильярдъ, ваше благородіе, дерутся на пропалую.

— Дай имъ нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, но только самого слабаго.... Ничего особеннаго не случилось?

— Ничего! Слушаю, ваше благородіе!

Блейхроденъ продолжалъ писать.

...«Какой оригинальный народъ эти французы! Вотъ тѣ три вольные стрѣлка, о которыхъ я только-что упоминалъ, и которые, можетъ быть (я говорю

—можетъ быть, такъ какъ надѣюсь, что этого не будетъ), черезъ нѣсколько дней будутъ осуждены на смерть, играютъ теперь въ бильярдъ въ сосѣдней комнатѣ, и я слышу отсюда стукъ ихъ кѣвъ о шары. Какая неизсякаемая веселость! Что за поразительное равнодушіе къ жизни! Удивляешься невольно смѣлости. съ какою они глядятъ въ глаза смерти! Или это доказываетъ только, что жизнь имѣетъ для нихъ мало цѣны, разъ они такъ легко расстаются съ нею. То есть, я хочу сказать, что у нихъ нѣтъ такихъ дорогихъ узъ, какъ, напримѣръ, у меня, которыя связываютъ человѣка съ жизнью. Надѣюсь, что ты не перетолкуешь неправильно моихъ словъ и не подумаешь, что я въ самомъ дѣлѣ считаю себя связаннымъ.... Ахъ, я, право, не знаю, что пишу,—я много ночей уже не сплю, и моя голова такъ...»

Раздался стукъ въ дверь. На слова поручика «войдите» открылась дверь, и въ ней показался кюрэ. Это былъ пятидесятилѣтній человѣкъ съ добрымъ и печальнымъ, но въ высшей степени рѣшительнымъ лицомъ.

— Г. поручикъ,—сказалъ онъ,—я пришелъ попросить у васъ разрѣшенія повидаться съ плѣнными.

Поручикъ всталъ и началъ надѣвать мундиръ, указывая кюрэ жестомъ на диванъ. Но какъ только онъ застегнулъ на всѣ пуговицы тѣсный сюртукъ и почувствовалъ, какъ тугой воротникъ точно клещами стягиваетъ ему шею,—тотчасъ всѣ волновавшія его до сихъ поръ чувства мигомъ исчезли, и кровь какъ бы застыла и перестала приливать къ сердцу. Выпрямившись у стола и опираясь одною рукою на Шопенгауера, онъ сказалъ: Сдѣлайте одолженіе, г. кюрэ, но я боюсь, что плѣнные не отнесутся съ должнымъ вниманіемъ къ вашему посѣщенію,—они слишкомъ увлеклись игрою!

— Позвольте мнѣ думать, г. поручикъ,—отвѣтилъ кюрэ,—что я знаю своихъ земляковъ лучше, чѣмъ вы. Еще одинъ вопросъ: намѣреваетесь-ли вы разстрѣлывать этихъ юношей?

— Конечно!—отвѣтилъ Блейхроденъ, совершенно въ своей роли.—Государства ведутъ войну, г. кюрэ, а не отдѣльныя личности.

— Извините, г. поручикъ, наши и ваши солдаты развѣ не представляютъ изъ себя отдѣльныхъ личностей?

— Извините, г. кюре, не въ данное время.

Онъ наложилъ промокательную бумагу на письмо къ женѣ и продолжалъ:

— Я въ настоящую минуту являюсь только представителемъ германскаго союза.

— Совершенно вѣрно, г. поручикъ, ваша милосердная государыня, которую да благословитъ Богъ, являлась также представительницей германскаго союза, когда издавала свое воззваніе къ нѣмецкимъ женщинамъ, приглашая ихъ ухаживать за ранеными,—и я знаю тысячи французовъ, которые благословляютъ ее, между тѣмъ какъ французская нація проклиняетъ вашу. Г. поручикъ, во имя Спасителя нашего Иисуса Христа (здѣсь пасторъ

всталъ. схватилъ своего врага за руки и продолжалъ съ рыданьемъ въ голосъ), — не можете-ли вы обратиться къ ней....

Поручикъ чуть было не вышелъ изъ своей роли, но сдержался и сказалъ:

— У насъ женщины не вмѣшиваются въ политику!

— Жаль, — отвѣтилъ священникъ, выпрямляясь.

Поручикъ не разслушалъ отвѣта, такъ какъ прислушивался къ чему-то. происходившему за окномъ. На лицѣ его выразилось безпокойство; оно поблѣднѣло; повидимому, и тугой воротникъ не въ состояніи былъ отогнать кровь отъ сердца.

— Будьте такъ добры, садитесь, г. кюрэ, — сказалъ онъ разсѣянно. — Можете пойти переговорить съ плѣнными, если желаете, но только посидите здѣсь еще одну минуту. (Онъ вновь сталъ прислушиваться; теперь ясно доносился топотъ лошади, мчавшейся во весь карьеръ).

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, г. кюрэ, — сказалъ онъ опять прерывающимся голосомъ. Кюрэ остановился. Поручикъ высунулся изъ окна, насколько могъ. Топотъ лошади слышался все ближе и ближе, галопъ замедлялся, перешелъ въ рысь, въ шагъ, наконецъ, все замолкло. Раздалось бряцаніе сабли и шпоръ, шаги, — и въ рукахъ Блейхродена очутилось письмо. Онъ нервно разорвалъ конвертъ и быстро пробѣжалъ письмо глазами.

— Который часъ? — спросилъ онъ самъ себя. — Шесть! Значитъ черезъ два часа, г. кюрэ, плѣнные будутъ разстрѣляны, безъ суда и слѣдствія!

— Это невозможно, г. поручикъ. Нельзя такимъ образомъ отправлять людей въ вѣчность!

— Въ вѣчность или нѣтъ, но въ приказѣ сказано разстрѣлять ихъ до вечерней молитвы, если я не желаю, чтобы меня считали ихъ соучастникомъ. Затѣмъ слѣдуетъ рѣзкій выговоръ за то, что я не привелъ сразу въ исполненіе приказъ 31 августа. Г. кюрэ, идите и переговорите съ ними, избавьте меня отъ мучительной обязанности.

— Такъ вы признаете мучительною обязанностию сообщеніе справедливаго приговора!

— Но я же человѣкъ, г. кюрэ! Или вы не считаете меня человекомъ?

Онъ разстегнулъ воротникъ мундира, и сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ; дыханье у него спиралось.

— Почему мы не можемъ быть всегда людьми? Почему мы должны всегда играть двойственную роль? О, г. кюрэ, идите, переговорите съ ними! Они женаты? Есть-ли у нихъ жены и дѣти? Быть можетъ — родители?

— Они всѣ трое не женаты, — отвѣтилъ священникъ. — Но эту ночь крайней мѣрѣ вы могли бы еще подарить имъ.

— Невозможно! Въ приказѣ ясно сказано: до вечерней молитвы, а съ разсвѣтомъ мы должны двинуться въ путь. Идите къ нимъ, г. кюрэ! Идите къ нимъ!

— Я пойду,—но берегитесь, г. поручикъ, не выходите изъ дому безъ мундира, не то васъ постигнетъ та же судьба. что и ихъ, потому что вѣдь только платье дѣлаетъ солдата!

И священникъ ушелъ.

Блейхроденъ дописалъ свое письмо къ женѣ въ сильно возбужденномъ состояніи духа, запечаталъ его и позвонилъ.

— Отправь это письмо,—сказалъ онъ вошедшему вѣстовому,—и пришли мнѣ сержанта.

Сержантъ пришелъ.

— Трижды три девять, нѣтъ трижды семь.... сержантъ, возьмите трижды.... двадцать семь солдатъ и черезъ часъ разстрѣляйте плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять?.... спросилъ сержантъ нерѣшительно.

— Да, разстрѣляйте! Выберите худшихъ людей, изъ тѣхъ, что были въ огнѣ прошлый разъ. Вы понимаете. Напр., Безеля и другихъ въ томъ же родѣ! Кромѣ того, пришлите мнѣ немедленно отрядъ въ шестнадцать человекъ, только поскорѣе. Изъ самыхъ отважныхъ. Мы отправляемся на рекогносцировку въ Фонтенебло, и чтобы къ нашему возвращенію все было кончено. Поняли?

— Шестнадцать человекъ для васъ, г. поручикъ, двадцать семь для плѣнныхъ. Слушаю, г. поручикъ.

И онъ ушелъ.

Поручикъ старательно застегнулъ мундиръ, привязалъ портупею, засунулъ револьверъ въ карманъ. Затѣмъ зажегъ сигару, но не могъ курить, у него не хватало дыханья. Онъ стеръ пылъ съ письменнаго стола, вынулъ платокъ, вытеръ разрѣзывательный ножъ, сургучъ и спичечницу,—положилъ рядомъ линейку и ручки для перьевъ угломъ къ портфелю съ бумагами. Затѣмъ началъ приводить въ порядокъ мебель. Покончивъ съ этимъ, онъ вынулъ гребешокъ и щетку и сталъ чесаться передъ зеркаломъ. Потомъ снялъ со стѣны палитру и изслѣдовалъ краски на ней, примѣрилъ одну за другою всѣ красныя шапки на вѣшалкѣ и попробовалъ поставить на ноги подпертый стѣною мольбертъ. Когда раздалось наконецъ бряцанье ружей подходившаго къ саду отряда, въ комнатѣ не осталось ни одного предмета, котораго онъ не оцупалъ бы. Онъ вышелъ, скомандовалъ на лѣво маршъ и, ставъ во главѣ отряда, быстро запагалъ впередъ, вонъ изъ села. Онъ точно убѣгалъ отъ преслѣдовавшаго его врага, и солдаты съ трудомъ поспѣвали за нимъ. Когда пришлось переходить поле, онъ приказалъ солдатамъ идти гуськомъ, чтобы не топтать хлѣба. Онъ не оборачивался, но

тотъ, кто шелъ непосредственно за нимъ, могъ видѣть какъ платье сжималось у него на спинѣ отъ пробѣгавшей по тѣлу дрожи, въ родѣ той, которая охватываетъ насъ, когда мы ждемъ удара сзади. На опушкѣ лѣса поручикъ скомандовалъ: стой! и приказалъ молча отдыхать, а самъ пошелъ въ лѣсъ.

Очутившись, наконецъ, наединѣ самъ съ собою и увидѣвъ, что вблизи никого нѣтъ, онъ глубоко вздохнулъ и повернулъ на узкую тропинку, которая извивалась среди густой поросли и вела къ Волчьему ущелью. Деревья и кустарники были уже окинута тѣнью, но вершины дубовъ озарялись еще яркими лучами заходящаго солнца. Ему казалось, что онъ лежитъ на мрачномъ днѣ моря и сквозь зеленоватыя волны его глядитъ на дневной свѣтъ, съ которымъ навсегда разлучился. Этотъ большой чудный лѣсъ, какъ успокоительно дѣйствовалъ онъ прежде на его душу, а теперь какимъ холоднымъ, дисгармоничнымъ, отталкивающимъ казался ему! Жизнь представлялась такою безсердечною, такою отвратительною, такою двойственною, даже сама природа казалась несчастной въ ея безсознательномъ, полу-сонномъ существованіи, въ которомъ свобода воли не играла никакой роли. Здѣсь велась такая ужасная борьба за жизнь; крови, правда, не проливалось, но ужасовъ было столько же, сколько и въ сознательномъ мірѣ. Маленькіе дубки, вырастая, убивали щедрые ростки буковъ; немногимъ изъ послѣднихъ суждено было развиться въ деревья; изъ тысячи буковъ едва одинъ пробивался на свѣтъ божій и дѣлался тогда настоящимъ колоссомъ который въ свою очередь лишалъ жизни болѣе слабыхъ сосѣдей. А дубъ, безпощадный дубъ, простиравшій свои сучковатыя грубыя вѣтви, точно желая на себѣ одномъ сосредоточить сіяніе солнечныхъ лучей,—онъ первый изобрѣлъ подземную борьбу. Онъ разстилалъ во все стороны свои длинные корни, подтачивая почву, сѣдая раньше другихъ растений все самыя микроскопическія питательныя вещества ея; если нельзя было густой тѣнью заглушить своихъ противниковъ,—онъ ихъ изводилъ голодомъ. Дубъ уже погубилъ до тла хвойный лѣсъ, но тутъ въ видѣ мстителя выступилъ на сцену букъ, медленно, но увѣренно; тѣкіе соки его убивали всякую растительность. Онъ изобрѣлъ новый способъ разрушенія—отраву; все сокрушалъ онъ на своемъ пути, потому что ни одна травка не могла расти въ его тѣни, и земля вокругъ буковаго ствола была черна, какъ могила,—поэтому будущее принадлежало ему.

Поручикъ двигался все дальше и дальше впередъ. Онъ билъ саблею по кустамъ, не замѣчая, сколько молодыхъ дубовыхъ отпрысковъ уничтожаетъ онъ на своемъ пути, сколько калѣкъ создаетъ. Онъ не могъ ни о чемъ думать, ему казалось, что вся душа его точно истолчена въ ступѣ. Какъ только какая-нибудь мысль возникала въ немъ и начинала облекаться въ образъ, она тотчасъ расплывалась и исчезала; воспоминанія, надежды, злоба, нѣжность и страшная ненависть противъ зла, которое въ видѣ какой-то

необъяснимой силы природы руководить міромъ, сплетались въ его разгнѣванномъ мозгу; въ немъ самомъ, казалось, пылалъ внутренній огонь, вызвавшій съ поразительною быстротою температуру тѣла и заставлявшій всѣ твердыя составныя части его расплываться и улетучиваться. Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный: со стороны Марлоттъ раздался звукъ, пронесшійся точно раскатъ грома черезъ поля и нѣсколько разъ отразившійся о каменныя скалы Волчьяго ущелья. Это билъ барабанъ! Сначала продолжительная барабанная дробь тррррррромъ! Затѣмъ удары, одинъ за другимъ, глухіе, тяжелые, одинъ и два, одинъ и два, точно кто билъ по крышкѣ гроба и въ то же время боялся нарушить тишину дома, погруженного въ печаль. Трррромъ—трррромъ!—Тромъ—тромъ! Онъ вынулъ часы. Три четверти седьмого. Черезъ четверть часа все будетъ кончено. Пойти домой и посмотрѣть! Но онъ только что убѣжалъ отъ этого! Ни за что въ мірѣ не станетъ онъ смотрѣть! И онъ быстро взлѣзъ на дерево.

Тамъ вдали виднѣлся городъ, такой свѣтлый, радостный, съ маленькими садиками и церковною башнею, возвышавшійся надъ крышами домовъ. Больше ничего не было видно. Онъ взялъ часы въ руки и сталъ слѣдить за секундною стрѣлкою. Тикъ, тикъ, тикъ, тикъ! Она вертѣлась вокругъ маленькаго циферблата, такъ скоро, такъ скоро! Минутная стрѣлка щелкала всякій разъ, когда маленькая обѣгала кругъ, а часовая казалась неподвижною.

Часы показывали семь безъ пяти. Онъ охватилъ руками блестящія черныя вѣтви дерева и крѣпко прижался къ нему; часы задрожали въ рукахъ, кровь застучала въ ушахъ.—Крахъ! послышалось вдали, точно трескъ сломавшейся доски, и надъ черною шиферною кровлею и бѣлою яблоней показался голубоватый дымокъ, голубовато-бѣлый, точно весеннее облако, но надъ облакомъ показалось въ воздухѣ одно кольцо, два кольца, много колецъ, какъ будто выстрѣлъ былъ направленъ вверхъ, а не на стѣну.

Не всѣ такъ плохи, какъ я думалъ, сказалъ онъ про себя, спускаясь съ дерева, нѣсколько успокоенный, такъ какъ ужасное уже свершилось. Раздался звонъ маленькаго церковнаго колокола, возносившій къ небу мольбы объ успокоеніи души усопшихъ, исполнившихъ свой долгъ, но не объ успокоеніи души живущихъ, хотя и эти также исполнили свой долгъ! Солнце сѣло; луна, все послѣ обѣда виднѣвшаяся на небѣ въ видѣ блѣдно-желтаго шара, начала краснѣть и все ярче и ярче сіять по мѣрѣ того, какъ маленькій отрядъ подвигался все дальше и дальше къ Лонкуру, преслѣдуемый слабымъ звономъ колокола. Отрядъ шелъ теперь по шоссе, въ Немуръ, и дорога эта, окаймленная двумя рядами тополей, казалась какъ бы созданною для маршировки. И такъ они двигались, пока темнота не сгустилась и луна не заблистала ярче. Въ послѣднихъ рядахъ слышался шепотъ: люди совѣщались, что дѣлать, не заставить-ли капрала наемкнуть поручика, что мѣстность опасна и необходимо пораньше вернуться домой на отдыхъ,

такъ какъ со свѣтомъ войско должно выступить въ походъ. Но тутъ Блейхроденъ совершенно неожиданно скомандовалъ: стой. Остановились на холмѣ, съ котораго открывался видъ на Марлоттъ. Поручикъ стоялъ тихо, какъ лгавая собака, когда она дѣлаетъ стойку. Барабанъ вновь забилъ. Зазвонилъ и колоколъ; раздалось девять мѣрныхъ ударовъ въ Монкурфъ, въ Презфъ, въ Бурронфъ, въ Немурфъ, и затѣмъ всѣ маленькіе колокола зазвонили на вечерню, одинъ звонче другого; но яснѣе всѣхъ раздавался звонъ марлоттскаго колокола. Онъ какъ бы взывалъ: помощи—помоги! помощи—помоги! а Блейхроденъ не могъ помочь. Вдругъ послышался грохотъ вдали, точно изнутри земли: это былъ ночной выстрѣлъ въ Шалонской главной квартирѣ. А сквозь легкую вечернюю дымку, покрывавшую точно ватною маленькую рѣчку Луанъ, проникалъ лунный свѣтъ и озарялъ рѣчку, такъ что она казалась похожею на потокъ лавы, вытекающей изъ фонтенеблоскаго лѣса, чернѣвшаго вдали точно вулканъ. Вечеръ былъ удушливо жаркій, но солдаты были необыкновенно блѣдны. Всѣ они понимали, о чемъ думаетъ поручикъ; но никогда еще не приходилось имъ видѣть его такимъ страннымъ, какъ теперь, и они боялись, чтобы эта безцѣльная рекогносцировка на большой дорогѣ не окончилась плохо. Наконецъ, капралъ рѣшился подойти къ нему и подъ предлогомъ рапорта напомнить, что зорю уже пробили. Блейхроденъ принялъ покорно это объясненіе, какъ принимаютъ приказъ, и скомандовалъ отступить домой.

Когда они, часъ спустя, вошли въ первыя ворота Марлотта, капралъ замѣтилъ, что правую ногу поручика передернуло точно судорогою, и что онъ шель по діагонали, будто пьяный. На площади отрядъ разошелся, и поручикъ исчезъ.

Ему не хотѣлось идти сейчасъ къ себѣ. Что-то безсознательно толкало его—куда, онъ самъ не зналъ! Глаза его блуждали вокругъ, а ноздри раздвигались, точно у гончей. Онъ разглядывалъ стѣны и вдыхалъ въ себя воздухъ, какъ бы отыскивая знакомый запахъ. Никто его не видѣлъ и никто не встрѣтился ему. Онъ хотѣлъ непременно добраться до мѣста, гдѣ это случилось, и въ то же время боялся увидать его. Наконецъ, усталость взяла верхъ надъ другими чувствами, и онъ отправился домой. У двора онъ остановился и обошелъ позади кухонныхъ зданій. Здѣсь онъ наткнулся на сержанта и такъ испугался, что принужденъ былъ опереться о стѣну. Сержантъ также смутился, но вскорѣ оправился и сказалъ:

— Прикажете, г. поручикъ, рапортовать?

— Хорошо, хорошо! Все превосходно! Идите домой и ложитесь!—отвѣтилъ Блейхроденъ, точно боясь услышать какія нибудь подробности.

— Хорошо—то хорошо, г. поручикъ, но дѣло въ томъ, что...

— Ну и отлично! Идите! идите! идите!—И онъ началъ говорить такъ быстро, такъ торопливо, что сержантъ не могъ вставить ни одного словечка, и каждый разъ, когда онъ пробовалъ открыть ротъ, поручикъ оше-

ломлялъ его такимъ потокомъ словъ, что ему, наконецъ, надоѣло, и онъ ушелъ.

Поручикъ вздохнулъ съ облегченіемъ, съ чувствомъ мальчика, счастливо избѣжавшаго розги.

Онъ повернулъ въ садъ. Луна ярко освѣщала желтую стѣну кухни, и виноградная лоза по прежнему простирала свои скелетообразныя руки. Но что это такое? За два, три часа передъ тѣмъ она стояла мертвою, безъ листьевъ, безъ признака жизни, представляя изъ себя какой-то сѣроватый скелетъ, корчившійся въ судорогахъ, а теперь на ней висѣли чудныя красныя грозди, и сама она какъ-бы позеленѣла! Онъ подошелъ ближе, чтобы посмотреть, та-ли это лоза.

Но, подходя, онъ попалъ ногою во что-то вязкое, липкое, и услышалъ тотъ самый удушливый, отвратительный запахъ, который слышится въ больницахъ. И теперь онъ увидѣлъ, что это та самая лоза, совершенно та же, но штукатурка на стѣнѣ мѣстами обвалилась и была вся запятнана кровью. О, такъ это то мѣсто! Здѣсь, значитъ, свершилось «оно»!

Онъ быстро вышелъ—но въ передней поскользнулся о что-то липкое, приставшее къ его подошвѣ. Быстро скинувъ сапоги, онъ выбросилъ ихъ на дворъ. Затѣмъ вернулся въ комнату, гдѣ прежде всего бросился ему въ глаза приготовленный на столѣ ужинъ. Голодъ страшно мучилъ его, но онъ не въ силахъ былъ ѣсть. Долго простоялъ онъ неподвижно, устремивъ глаза на накрытый столъ. Все было такъ тщательно приготовлено: свѣжее масло съ розовой редиской, красиво разложенной на немъ, бѣлоснѣжная скатерть съ какими-то чужими мѣтками,—не его и не его жены,—круглый сыръ, такъ аппетитно выдѣлявшійся на виноградномъ листѣ, прекрасный бѣлый хлѣбъ, не похожій на тотъ черный ржаной хлѣбъ, который онъ ѣлъ у себя дома, красное вино въ хрустальномъ графинѣ, ломти недожаренной розоватой баранины,—все это было такъ красиво, такъ хорошо сервировано, что, казалось, дружескія руки потрудились надъ этимъ столомъ. Но вся кровь бросалась ему въ голову при мысли о ѣдѣ. Вдругъ онъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Въ ту же минуту на порогѣ двери появилась хозяйка и молча остановилась, не говоря ни слова. Она устремила глаза на его ноги, въ ожиданіи приказанія. Но поручикъ самъ не зналъ, чего ему было нужно, онъ забылъ, зачѣмъ позвонилъ. Необходимо было чтонибудь сказать.

— Вы сердитесь на меня?—вырвалось вдругъ у него.

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтила робко женщина.—Что прикажете?—И она опять посмотрѣла на его ноги.

Онъ невольно взглянулъ туда же, куда и она, и увидѣлъ, что стоитъ въ однихъ чулкахъ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказалъ онъ и протянулъ ей свою.

— Нѣтъ,—отвѣтила коротко женщина, повернулась и ушла.

Послѣ этого оскорбленія мужество вернулось къ Блейхродену,—онъ схватилъ стулъ и присѣлъ у стола. Но какъ только онъ взялъ въ руки блюдо съ мясомъ и почувствовалъ его запахъ, ему сдѣлалось дурно; онъ всталъ, открылъ окно и выбросилъ на дворъ все блюдо. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, чувствовалъ себя совершенно больнымъ, испытывалъ такое раздраженіе въ глазахъ, что не могъ выносить яркихъ красокъ. Свѣтъ возбуждалъ въ немъ какую-то острую боль. Бутылка съ виномъ, красная редиска, красныя шапки художниковъ, палитра, однимъ словомъ, все, что было въ комнатѣ краснаго, полетѣло также за окно. Тогда онъ легъ на кровать. Онъ чувствовалъ такую усталость въ глазахъ, что не могъ закрыть ихъ. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ цѣлый часъ, пока не услышалъ въ соседней комнатѣ, столовой, чьи-то голоса. Это были два капрала, сидѣвшіе за стаканомъ пива. Блейхроденъ не хотѣлъ прислушиваться къ ихъ словамъ, но невольно слушалъ. Вотъ что они говорили:

— А что за бравые молодцы были тѣ два низкорослые! Высокій-то струсилъ.

— То есть нельзя сказать, чтобы онъ струсилъ. Онъ только упалъ возлѣ стѣны, силъ не хватило держаться на ногахъ. Онъ еще такъ присилъ привязать его къ шпалерѣ,—говорилъ: хочу стоять.

— Но тѣ два—вотъ ужъ забубенныя головушки! Стояли, скрестивши руки на груди, точно въ галлерей у фотографа.

— Да, а когда священникъ пошелъ къ нимъ въ бильярдную и сказалъ, что все конечно, капуть,—они всѣ три разомъ грохнулись о полъ,—такъ рассказывалъ сержантъ,—но ни одинъ изъ нихъ не пикнулъ, ни одинъ не просилъ пощады!

— Да, молодцы были, нечего сказать! За твое здоровье!

Блейхроденъ зарылся головою въ подушку и заткнулъ уши простынею. Но затѣмъ всталъ. Его что-то неудержимо влекло къ двери, за которой сидѣли разговаривающіе. Ему хотѣлось услышать еще, что они говорятъ, но солдаты понизили голосъ и нельзя было ничего разобрать. Онъ тихонько подкрался, наклонился и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

— А ты смотрѣлъ на нашихъ людей? Они всѣ поблѣднѣли, какъ мѣлъ,—и многіе выстрѣлили въ воздухъ! Только чуръ, объ этомъ ни слова! Все же таки послѣ смерти они вѣсили на нѣсколько фунтовъ больше, чѣмъ при жизни. Это было все равно, что стрѣлять картечью по дроздамъ!

— Ой, ой, ой! Но что ты подѣлаешь? Война не свой братъ. За твое здоровье!

Блейхроденъ наслушался достаточно; кровь такъ сильно прилиwała къ его головѣ, что онъ не могъ заснуть. Онъ пошелъ въ залу и попросилъ солдатъ идти домой.

Затѣмъ онъ одѣлся, облилъ себѣ голову водою, взялъ Шопенгауера и началъ читать. Пульсъ у него бился съ лихорадочною быстротою. Онъ прочелъ слѣдующее: «Рожденіе и смерть равно принадлежать жизни; они составляютъ противовѣсъ другъ другу: одно означаетъ другое; они образуютъ крайнія противоположности, оба полюса выявленія каждой жизни. Самая глубокомысленная изъ всѣхъ философій, индусская, выразила это помощью символа, составляющаго атрибутъ Шивы (Разрушителя).... Смерть есть мучительное разрѣшеніе узла, сладострастно затянутого зачатіемъ, и извнѣ вторгающееся, насильственное разрѣшеніе основного заблужденія нашего существованія: великое разочарованіе!»

Онъ закрылъ книгу, что-то кричало и билось на его кровати!... Кто бы это былъ? Онъ увидѣлъ чье-то тѣло, нижняя часть котораго судорожно подергивалась, а верхняя лежала неподвижно, точно окоченѣлая, и слышалъ странный, надтреснутый, глухой голосъ, раздававшійся подъ простынею. Это было его собственное тѣло! Неужели онъ распался на двѣ части? Вѣдь онъ видѣлъ себя, слышалъ себя, какъ какое-то другое, чуждое ему лицо! Крикъ продолжался. Онъ увидѣлъ, что дверь открылась, и ему показалось, что вошла хозяйка, вѣроятно, постучавши предварительно.

— Что прикажете, г. поручикъ?—спросила она съ горящими, какъ уголь, глазами и съ особенною улыбкою на губахъ.

— Я?—отвѣтилъ больной:—ничего! Но *онъ* навѣрно очень боленъ и нуждается въ докторѣ!

— Доктора у насъ нѣтъ,—намъ обыкновенно помогаетъ кюрэ,—отвѣтила женщина,—она больше не улыбалась.

— Ну, такъ пошлите за кюрэ!—сказалъ поручикъ,—хотя *онъ* вообще не долюбливаетъ духовенства!

— Дѣло другое, когда онъ боленъ,—тогда онъ ихъ любитъ,—сказала женщина и исчезла.

Ея мѣсто занялъ кюрэ. Онъ тотчасъ подошелъ къ кровати и взялъ больного за руку, ощупывая пульсъ.

— Какъ вы думаете, что это такое?—спросилъ больной.—Что у него?

— Нечистая совѣсть!—отвѣтилъ священникъ коротко.

Блѣхродень привскочилъ.

— Нечистая совѣсть, потому что онъ исполнилъ свой долгъ?

— Да,—отвѣтилъ священникъ и, взявъ мокрое полотенце, обмоталъ имъ голову больного.—Выслушайте меня, если можете. Теперь *вы* осуждены! Осуждены на болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ они—тѣ трое! Выслушайте меня хорошенько! Я знаю симптомы! Вы находитесь на границѣ умопомѣшательства! Попробуйте основательно обдумать этотъ вопросъ! Поразмыслите надъ нимъ хорошенько, и вы увидите, какъ вашъ мозгъ понемногу придетъ въ порядокъ. Смотрите на меня и слѣдите внимательно за моими словами, если можете. Вы раздвоились! Вы разсматриваете одну часть себя,

какъ чужое, постороннее ей лицо. Какимъ образомъ дошли вы до этого? Да, видите ли, насъ заставляеть раздваиваться житейская ложь, ложь, которую проникнуто все наше общество. Когда вы писали сегодня вашей женѣ, вы были человѣкомъ простымъ, искреннимъ, добрымъ человѣкомъ, но когда вы разговаривали со мною, вы были уже совсѣмъ другимъ! Подобно тому, какъ актеръ перестаетъ быть личностью и становится какимъ-то конгломератомъ ролей, такъ и каждый членъ общества образуетъ изъ себя по крайней мѣрѣ двѣ личности. Когда вслѣдствіе какого нибудь внѣшняго удара, волненія, потрясенія, душа человѣка раскрывается, обнаруживаются обѣ его природы, которыя, стоя рядомъ, разсматриваютъ другъ друга.—Я вижу у васъ на полу книгу, съ которою и я знакомъ. Онъ былъ глубокимъ мыслителемъ, быть можетъ, самымъ глубокимъ изъ всѣхъ. Онъ проникалъ во всѣ бѣдствія нашей жизни, въ ея сокровенный смыслъ, но и онъ также не могъ избѣжать раздвоенности, потому что жизнь, рожденіе, обычаи, человѣческія слабости, все неудержимо влекло его въ эту сторону. Вы видите, милостивый государь, что я читалъ и другія книги, не одинъ только требникъ. И я говорю теперь не какъ священникъ, а какъ докторъ, потому что мы оба—слушайте меня внимательно!—отлично понимаемъ другъ друга. Вы думаете, я не сознаю двойственной жизни, которую мнѣ приходится вести? Мы, видите ли, получили ложь въ наслѣдство вмѣстѣ съ жизнью, всосали ее съ материнскимъ молокомъ, и если бы при существующихъ обстоятельствахъ кто-нибудь захотѣлъ высказать всю правду.... Да, да.—Можете-ли вы слѣдить за моими словами?

Больной жадно слушалъ; онъ ни разу не моргнулъ во время всей рѣчи священника.

— Перейдемъ теперь къ вамъ,—продолжалъ священникъ.—Есть на свѣтѣ маленькій предатель, который ходитъ по землѣ въ образѣ ангела съ корзиною розъ въ рукахъ и осыпаетъ ими горы шелухи, нагромождаемыя жизнью;—это ангелъ лжи и зовутъ его прекраснымъ! Язычники въ Греціи поклонялись ему, сильные міра сего льстили, угождали ему, потому что онъ мучилъ головы людей, и представлялъ имъ все существующее въ обратномъ видѣ. Онъ царитъ и теперь въ жизни и все поддѣлываетъ, все искажаетъ! Зачѣмъ вы, военные, одѣваетесь всегда въ блестящіе, яркіе мундиры, расшитые золотомъ и серебромъ? Зачѣмъ вы работаете всегда подъ звуки музыки, съ развѣвающимися знаменами? Не затѣмъ-ли, чтобы скрыть то, что прячется за этимъ внѣшнимъ блескомъ? Если бы вы любили правду, вы носили бы бѣлые блузы, какъ мясники, чтобы кровавыя пятна во всей красѣ выступали на нихъ, вы ходили бы съ ножами въ рукахъ, какъ рѣзники въ мясныхъ лавкахъ, съ окровавленными топорами. Вмѣсто музыки и пѣсельниковъ вы должны были бы гнать передъ собою толпу ревушихъ людей, людей, у которыхъ умъ помутился при видѣ ужасовъ войны; вмѣсто знаменъ вы должны были бы носить саваны, а въ арріергардѣ тащить гробы!

Больной, начавшій опять корчиться въ судорогахъ, сложилъ руки какъ бы на молитву. Лицо священника преобразилось: оно сдѣлалось суровымъ, неумолимымъ, дышало злобою и ненавистью. Онъ продолжалъ:

— Ты по природѣ добрый человѣкъ, и я хочу наказать въ тебѣ не добраго человѣка, а то злое, что пристало къ тебѣ, и твое наказаніе послужитъ примѣромъ для другихъ. Хочешь видѣть тѣ три трупа? Хочешь?

— Нѣтъ, ради Христа!—закричалъ больной; его рубашка была вся мокрая отъ пота ужаса, струившагося по его тѣлу, и прилипла къ плечу.

— Ты, значитъ, трусь!

Больной привскочилъ, точно отъ удара хлыста; лицо его приняло спокойное выраженіе, судороги прекратились, и онъ сказалъ холоднымъ тономъ, какъ будто совершенно здоровый:—Убирайся, проклятый кюрэ, иначе я не отвѣчаю за себя!

— Я уйду, но ты смотри, не зови меня назадъ, потому что я больше не вернусь,—сказалъ кюрэ.—Помни это! Помни, что если ты не можешь спать, то это не по моей винѣ, а по винѣ тѣхъ, что лежатъ тамъ, въ бильярдной. Смотри сюда!

Онъ открылъ настежь дверь бильярдной, и въ комнату ворвался ужасоущій запахъ карболовой кислоты!

— Посмотри! Понюхай! Это не запахъ порохового дыма! Послѣ такого подвига нельзя телеграфировать домой: «Большое пораженіе непріятеля: трое мертвыхъ и одинъ сумасшедшій, слава Богу!» Въ честь этого нельзя писать стиховъ, осыпать улицы цвѣтами, возносить благодарственные молебны въ церкви! Это не побѣда! Это бойня, слышишь ты, бойня, а ты мясникъ!

Блейхроденъ соскочилъ съ постели и бросился въ окно. Во дворѣ солдаты его схватили и хотѣли удержать, но онъ началъ кусаться. Его связали и отправили въ больницу и затѣмъ въ госпиталь, какъ страдающаго припадкомъ остраго умопомѣшательства.

* * *

Было солнечное утро, въ концѣ февраля 1871 г. По крутой горѣ Шартере въ Лозаннѣ медленно подымалась молодая женщина подъ руку съ мужчиною среднихъ лѣтъ. Она была на послѣднихъ дняхъ беременности и почти висѣла на рукѣ у своего спутника. Лицо у нея было совсѣмъ молодое, но подернутое мертвенною блѣдностью и съ отпечаткомъ тяжелаго горя; платье черное, траурное. Спутникъ ея не носилъ траура, откуда проходящіе заключали, что это не ея мужъ. Онъ казался сильно озабоченнымъ, перебрасывался двумя-тремя словами съ молодой женщиною и затѣмъ вновь погружался въ раздумье. Поднявшись на площадку передъ гостиницею *A. l'Ours*, они остановились.

— Еще одна гора?—спросила она.

— Да, милая сестра,—отвѣтилъ онъ.—Присядемъ на минуту.

И они сѣли на скамейку передъ гостиницей. Сердце у нея билось медленно, грудь дышала съ трудомъ, точно не хватало воздуха.

— Какъ мнѣ жаль тебя, бѣдный братъ,—сказала она,—я вижу, какъ ты скучаешь за своими.

— Ради Бога, не говори объ этомъ, сестра,—перебилъ онъ ее.—Мои мысли, правда, часто переносятся туда, къ моимъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія, но ты вѣдь моя сестра, и мнѣ пріятно быть тебѣ хоть въ чемъ-нибудь полезнымъ.

— Посмотримъ,—начала вновь г-жа Блейхроденъ,—не поможетъ ли ему этотъ чудный воздухъ и новая система лѣченія. Какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ братъ, отворачиваясь, чтобы не дать замѣтить сестрѣ выраженія своего лица.

— Какую страшную зиму пережила я во Франкфуртѣ! И какъ можетъ судьба насыпать на человѣка такіе ужасы! Мнѣ было бы легче похоронить его, чѣмъ видѣть его заживо погребеннымъ.

— Но за то у насъ есть впереди надежда,—возразилъ братъ безнадежнымъ тономъ. И его мысли вновь перенеслись къ его дому и его дѣтямъ, но онъ сейчасъ же устыдился своего эгоизма, устыдился того, что онъ не могъ всецѣло раздѣлить этого горя, которое было собственно не его и участникомъ котораго онъ былъ, не будучи ни въ чемъ виноватымъ.

Вдругъ раздался съ горы рѣзкій, протяжный крикъ, похожій на свистъ локомотива. Крикъ повторился.

— Развѣ на верху горы проведена желѣзная дорога?—спросила г-жа Блейхроденъ.

— Да, должно быть,—отвѣтилъ братъ, прислушиваясь съ широко раскрытыми глазами.

Крикъ вновь раздался. Но теперь онъ казался болѣе похожимъ на крикъ утопающаго.

— Пойдемъ домой,—сказалъ г. Шандъ, блѣднѣя,—ты не будешь въ силахъ подняться сегодня наверхъ, а завтра поутру мы будемъ благоразумнѣе и возьмемъ извозчика.

Но г-жа Блейхроденъ хотѣла непременно идти, во что бы то ни стало. И они стали подыматься по крутой горѣ, ведущей въ больницу. Это была мучительная прогулка. На изгороди изъ зеленого боярышника, окаймлявшей съ обѣихъ сторонъ дорогу, порхали черные дрозды съ желтыми носиками; по стѣнамъ, обвитымъ плющемъ, ползали сѣрыя ящерицы и быстро исчезали среди листьевъ; весна была въ полномъ разгарѣ, хотя дѣло было въ срединѣ зимы; на краю дороги пестрѣли примулы и аврикулы. Но братъ и сестра шли молча, не обращая вниманія на распускавшуюся во всей красѣ природу. Когда они дошли до половины горы, таинственные крики

возобновились. Г-жа Блейхроденъ, точно охваченная внезапнымъ предчувствіемъ, быстро обернулась къ брату, посмотрѣла ему прямо въ глаза, чтобы увидѣть въ нихъ подтвержденіе своихъ подозрѣній, и какъ снопъ беззвучно повалилась на землю, гдѣ желтоватая пыль окружила ее точно облакомъ. И такъ она и осталась лежать.

Прежде чѣмъ братъ успѣлъ опомниться, какой-то сострадательный путникъ уже соскочилъ съ экипажа, и когда молодую женщину внесли въ коляску, родовыя боли начались, и слышались разомъ два крика, два человѣческіе стоны изъ глубины двухъ измученныхъ человѣческихъ сердецъ, а г. Шанцъ, потерявшій шляпу, стоялъ на подножкѣ экипажа и, поднявъ глаза къ голубому весеннему небу, думалъ про себя: «О, если бы насъ могли тамъ услышать, но это навѣрное слишкомъ высоко!»—

Въ больницѣ, расположенной на верху горы, Блейхродена помѣстили въ просторной комнатѣ съ видомъ на югъ. Стѣны ея были обиты шерстью и раскрашены въ свѣтло-голубой цвѣтъ, съ едва замѣтными абрисами ландшафта. На потолкѣ изображена была шпалера съ виноградною лозою, полъ былъ весь устланъ коврами, а подъ коврами намощена солома. Мебель была вся пикованная, мягкая, набита волосомъ и обтянута полотномъ.

Изнутри мѣстонахождение двери было совершенно незамѣтно, поэтому мысль о выходѣ изъ дому не возбуждалась въ больномъ, и онъ былъ далекъ отъ подозрѣнія, что его держатъ взаперти,—а эти подозрѣнія представляютъ всегда значительную опасность при возбужденномъ состояніи духа. Окна были, конечно, снабжены рѣшетками, но послѣднія были очень красивой работы въ формѣ линій и плюшевыхъ листьевъ, и притомъ такъ искусно разрисованы, что трудно было распознать ихъ.

Сумасшествіе Блейхродена приняло форму угрызенія совѣсти. Ему казалось, что онъ убилъ какого то винодѣла при самыхъ таинственныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ никакъ не хотѣлъ признаться по той простой причинѣ, что не могъ ихъ припомнить. Теперь онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ приведенія въ исполненіе приговора суда, такъ какъ онъ былъ осужденъ на смертную казнь. Но иногда на него находили и свѣтлые промежутки. Тогда онъ увѣшивалъ стѣны своей комнаты большими листами бумаги и исписывалъ ихъ силлогизмами. Въ эти минуты Блейхроденъ припоминалъ, что отдалъ приказъ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ, но о своей женитьбѣ онъ ничего не помнилъ, и когда жена приходила къ нему, онъ воображалъ, что это его ученица, пришедшая взять у него урокъ логики. Въ видѣ первой посылки онъ выставялъ слѣдующее положеніе: вольные стрѣлки измѣнники и потому ихъ приказано разстрѣлять. Однажды жена, его, принужденная выслушивать всѣ эти рѣчи, имѣла неосторожность усомниться въ справедливости посылки, что всѣ вольные стрѣлки измѣнники. Тогда онъ сорвалъ со стѣны всѣ выводы и сказалъ, что нужно упо-

требить двадцать лѣтъ для доказательства посылки, потому что посылка должна быть прежде всего доказана. Въ то же время онъ строилъ грандіозные планы благодѣтельствованія человѣчества. Затѣмъ всѣ наши труды, всѣ наши старанія здѣсь на землѣ?—спрашивалъ онъ. Затѣмъ работаютъ люди, пишутъ поэты, рисуютъ живописцы? Затѣмъ, чтобы доставить тѣлу азотъ. Азотъ—самое дорогое изъ всѣхъ средствъ пропитанія, поэтому и мясо самый дорогой изъ всѣхъ продуктовъ. Азотъ—есть основа разума, поэтому богатые, имѣющіе возможность ѣсть мясо, разумнѣе бѣдныхъ, принужденныхъ питаться одними только углеродами. Теперь на землѣ чувствуется недостатокъ въ азотѣ, отсюда войны, стачки рабочихъ, газеты, ораторы и государственный бюджетъ. Необходимо найти новый источникъ азота. Блейхроденъ нашелъ его, и теперь всѣ люди будутъ равны: свобода, равенство и братство воцарятся дѣйствительно на землѣ. Этотъ неисчерпаемый источникъ азота есть воздухъ. Онъ содержитъ 79% азота, но нужно найти способъ, помощью которю легкія воспринимали бы азотъ непосредственно изъ воздуха и сами перерабатывали его для питанія тѣла, не ожидая того, чтобы онъ перешелъ въ траву, хлѣбныя зерна и овощи и былъ переработанъ животными въ мясо. Это задача, принадлежащая будущему и ему, Блейхродену; съ разрѣшеніемъ ея земледѣліе и скотоводство станутъ излишними, и золотой вѣкъ настанетъ на землѣ.—Послѣ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ Блейхроденъ вновь впадалъ въ свои грустные думы о совершенномъ убійствѣ и вновь чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Между тѣмъ въ то самое февральское утро, когда г-жа Блейхроденъ шла въ больницу и принуждена была вернуться домой, мужъ ея сидѣлъ въ своей новой комнатѣ и глядѣлъ въ окно. Сначала взоры его устремились на виноградную шпалеру потолка, но затѣмъ онъ взялъ покойное кресло, поставилъ его лицомъ къ свѣту и сталъ разсматривать открывавшійся изъ окна видъ. Онъ былъ спокоенъ въ это утро, потому что наканунѣ вечеромъ принялъ холодную ванну и хорошо выспался ночью. Онъ зналъ, что теперь февраль, но не зналъ, гдѣ находится. Ему сейчасъ же бросилось въ глаза полное отсутствіе снѣга, и это сильно удивило его,—онъ еще ни разу не бывалъ въ южныхъ странахъ. Передъ окномъ росли зеленые кусты, лавровыя деревья, покрытыя бѣлыми цвѣтами, лавровишневые деревья съ своими блестящими свѣтло-зелеными листьями, зеленѣющими всю зиму, буксъ, вязъ, весь обвитый плющемъ, скрывавшимъ совершенно вѣтви дерева, такъ что онъ казался покрытымъ роскошною зеленью. На лужайкѣ, усыянной примулами, косилъ траву рабочій, а маленькая дѣвочка сгребала ее. Блейхроденъ взялъ календарь въ руки и прочелъ: февраль. Косятъ и гребутъ въ февралѣ. Гдѣ же это я?—Затѣмъ его взоры перенеслись далѣе, за садъ, и онъ увидѣлъ передъ собою глубокую долину, слегка понижающуюся по направленію къ югу и покрытую яркою сочною травю, точно лугъ въ срединѣ лѣта. По ней разсѣяны были мѣстами небольшія селе-

нія и церкви, а вдали виднѣлись высокіе плакучіе тополи, покрытые листьями. Въ февралѣ,—подумалъ онъ. А тамъ, гдѣ кончались дуга, лежало озеро, спокойное, свѣтло-голубое, точно воздухъ; по другую сторону его тянулась синеватая полоса земли; за синѣющею далью подымалась уступами гора, но за горою виднѣлось нѣчто другое, похожее на облако, самыхъ нѣжныхъ переливовъ и оттѣнковъ, точно только что вымытая шерсть, и съ неправильными, иглистыми очертаніями; надъ нимъ носились какъ бы маленькія, легкія облака, мѣстами сливавшіяся съ большимъ огнистымъ облакомъ. Блейхроденъ не зналъ, что это такое, но онъ и представить себѣ не могъ ничего красивѣе. Неужели онъ умеръ и перенесенъ въ другой міръ? Онъ вѣдь не въ Европѣ! Такъ, значитъ, онъ умеръ? Онъ погрузился въ тихія думы, стараясь понять свое положеніе.

Но затѣмъ онъ опять поднялъ глаза и теперь только замѣтилъ, что вся эта, облитая солнечнымъ свѣтомъ картина, вырисовывалась изъ-за рѣшетки окна, и какъ бы втискивалась въ желѣзную раму. Сначала это испугало его, но онъ скоро успокоился, и еще разъ сталъ внимательно разсматривать открывающуюся передъ нимъ картину, особенно иглистое, свѣтлорозовое облако. И вдругъ онъ почувствовалъ какую-то неиспытанную имъ еще радость и особенное чувство свѣжести въ головѣ. Ему казалось, что мозгъ его, въ которомъ до сихъ поръ царила страшная сумятица, начинаетъ приходить въ порядокъ. И это такъ обрадовало его, что онъ началъ, какъ ему казалось, пѣть, но такъ какъ онъ до того времени ни разу въ жизни не пѣлъ, то изъ пѣнія вышелъ крикъ, крикъ радости, и крикъ этотъ разнесся изъ окна и привелъ въ отчаяніе его жену. Пропѣвъ такимъ образомъ въ теченіе часа, онъ вспомнилъ внезапно старинную гравюру въ одной берлинской залѣ съ видомъ Швейцаріи, и понялъ, что онъ находится въ Швейцаріи и что иглистые облака не иное что, какъ снѣжныя вершины Альпъ.

Когда докторъ вторично посѣтилъ больного, онъ засталъ его сидящимъ спокойно у окна и что-то тихонько мурлычащимъ себѣ подъ носъ, причемъ Блейхроденъ такъ увлекся чуднымъ зрѣлищемъ, что никакъ не могъ оторваться отъ него. Но онъ былъ въ полномъ умѣ и ясно сознавалъ свое положеніе.

— Докторъ,—сказалъ онъ, указывая на желѣзную рѣшетку,—зачѣмъ вы искажаете, портите такую чудную картину? Не разрешите ли вы мнѣ выйти немного погулять? Это принесетъ мнѣ, кажется, пользу, и я даю вамъ слово, что не убѣгу.

Докторъ взялъ его за руку, чтобы незамѣтно пощупать пульсъ.

— Пульсъ семьдесятъ, милѣйшій докторъ,—замѣтилъ, улыбаясь, пациентъ,—и я хорошо спалъ эту ночь. Вамъ нечего бояться.

— Очень радъ,—сказалъ докторъ,—что наше лѣченіе принесло вамъ такую большую пользу. Можете идти гулять, если хотите.

— Знаете ли, докторъ,—продолжалъ больной съ волненіемъ,—знаете ли, мнѣ кажется, что я умеръ и воскресъ на другой планетѣ,—такъ хорошо здѣсь! Никогда я не думалъ, что земля можетъ быть такъ прекрасна!

— Да, г. Блейхроденъ, земля еще хороша тамъ, гдѣ культура не искажила ея, а здѣсь природа такъ сильна, что противоѡдѣствуетъ всеѣмъ усиліямъ людей. Вы думаете, ваша родина была всегда такъ безобразна, какъ теперь? Нѣтъ, тамъ, гдѣ вы видите теперь только песчаныя пустыни, которыя не могутъ прокормить даже козы, росли когда-то могучіе лѣса дубовъ, буковъ и сосенъ; въ тѣни ихъ паслись многочисленные стада дикихъ звѣрей.

— Вы поклонникъ Руссо, докторъ,—прервалъ его больной.

— Руссо былъ женевецъ, г. поручикъ! Вотъ тамъ на берегу озера, у залива, который виднѣется вдали за верхушками вязовъ, родился онъ, тамъ сочинилъ онъ своего «Эмиля» и свой «Общественный Договоръ», эти два евангелія природы, а вотъ тамъ, налѣво, у подножья Валлискихъ Альпъ, гдѣ находится маленькій Кларанъ, написалъ онъ свою книгу любви—«Новую Элоизу». Знаете ли вы, что лежитъ передъ вами?—озеро Леманъ.

— Озеро Леманъ!—повторилъ Блейхроденъ.

— Здѣсь, въ этой мирной долинѣ,—продолжалъ докторъ,—живутъ мирные люди, здѣсь ищутъ убѣжища всѣ больные душою! Посмотрите направо,—тамъ за небольшимъ мысомъ съ башнею и тополями лежитъ Фернэ. Сюда убѣжалъ изъ Парижа Вольтеръ, спасаясь отъ преслѣдованій, и здѣсь онъ самъ обрабатывалъ свой садъ и построилъ храмъ Верховному Существоу. А вотъ тамъ дальше Конпе. Здѣсь жила г-жа Сталь, злѣйшій врагъ Наполеона, женщина, осмѣлившаяся первая внушить французамъ, своимъ соотечественникамъ, что германская нація не есть исконный, варварскій врагъ Франціи, потому что, милостивый государь, націи никогда не могутъ ненавидѣть другъ друга. Посмотрите теперь налѣво: здѣсь, у этого спокойнаго озера пріютился истерзанный жизнью Байронъ, вырвавшійся, подобно скованному титану, изъ оковъ, которыми отходившее въ вѣчность столѣтіе связало его мощный духъ, и здѣсь онъ выразилъ всю силу ненависти къ стѣсненію въ пѣснѣ—«Шильонскій узникъ». Тамъ, у подножья высокой горы Граммонъ, возлѣ маленькаго рыбацкаго селенія Сент-Генгольфъ, пробовалъ онъ разъ утопиться, но неудачно. Сюда спасались всѣ, кто не могъ выносить того духа, который господствовалъ въ Европѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Вотъ тамъ, на тысячу футовъ ниже насъ, сочинялъ Мендельсонъ свои грустныя пѣсни, тамъ же написалъ Гуно своего Фауста! Вы видите теперь, чѣмъ онъ вдохновлялся, когда сочинялъ свою Вальпургіеву ночь. Отсюда бросилъ Викторъ Гюго свои грозные *Châtiments* въ лицо герою декабрьскаго переворота! И здѣсь же, въ тихомъ скромномъ Вевэ искалъ пріюта вашъ императоръ, желая забыть ужасы Садовы и Кенисгреца. Здѣсь Джонъ Россель сбросилъ съ себя политическую нечисть и сталъ дышать чистымъ, не фальсифицированнымъ воздухомъ;

здѣсь же старался Тьеръ прійти въ равновѣсіе послѣ страшныхъ политическихъ бурь, пережитыхъ имъ, и привести въ порядокъ свои часто сбивчивыя, противорѣчивыя, но честныя мысли. И здѣсь же, у береговъ Женеваго озера, родилась великая идея, идея чисто христіанская, апостолы которой носятъ также крестъ,—красный на бѣломъ фонѣ. И въ то время, когда пули Маузера свистали передъ французскими ушами, а пули Шасспо передъ нѣмецкими, красный крестъ одинаково почитался всѣми, почитался даже тѣми, кто не преклонялся передъ чернымъ крестомъ,—и я увѣренъ, что подъ его знаменемъ побѣдитъ въ будущемъ идея чело-вѣчности.

Пациентъ, спокойно выслушивавшій эту необыкновенную рѣчь, чувствительную, чтобы не сказать сентиментальную, которая, казалось, была бы болѣе у мѣста въ устахъ пастора, нежели въ устахъ доктора, почувствовалъ нѣкоторое смущеніе:

— Вы, кажется, энтузіастъ, докторъ?—сказалъ онъ.

— И вы сдѣляетесь энтузіастомъ, вотъ поживите у насъ мѣсяца три,—отвѣтилъ докторъ.

— А вы вѣрите въ возможность излѣченія?—спросилъ пациентъ, на этотъ разъ менѣе скептическимъ тономъ.

— Я вѣрю въ безконечную силу природы, въ то врачебное дѣйствіе, которое она оказываетъ на больного!—отвѣтилъ онъ.—Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы услышать хорошую новость?—продолжалъ онъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица своего пациента.

— О да, докторъ!

— Ну, такъ хорошо же,—миръ заключенъ!

— Слава Богу! Какое счастье!—вскричалъ больной.

— Да, конечно,—сказалъ докторъ,—но больше ни о чемъ не спрашивайте, потому что я вамъ сегодня ничего больше и не скажу. Пойдемте! Но помните одно: вы не можете сразу выздороветь. У васъ могутъ быть опять припадки вашей болѣзни. Воспоминаніе, видите ли, нашъ злѣйшій врагъ и, и... но пойдемъ, пойдемъ.

Докторъ взялъ больного подъ руку и вывелъ его въ садъ. Здѣсь не было ни рѣшетокъ, ни стѣнъ, загораживавшихъ дорогу, только зеленыя изгороди, расположенныя въ видѣ лабиринта, такъ что гуляющіе возвращались всегда къ тому же мѣсту, откуда выходили, но позади изгородей тянулись глубокіе рвы, которые невозможно было перешагнуть. Поручикъ искалъ словъ для выраженія своего восхищенія, но, чувствуя, что ни одно изъ тѣхъ, что приходили ему на умъ, не въ силахъ передать его настроенія, онъ замолчалъ, прислушиваясь къ странной музыкѣ нервовъ, звучащей внутри его самого: всѣ струны его души, казалось, настраивались вновь,—онъ испытывалъ такое спокойствіе, какого давно, давно не испытывалъ, не ощущалъ....

— Вы все еще сомнѣваетесь въ моемъ выздоровленіи?—спросилъ онъ опять доктора съ печальною улыбкою.

— Вы находитесь на пути къ выздоровленію, какъ я вамъ уже говорилъ, но еще не совсѣмъ выздоровѣли.

Они находились передъ небольшою каменною дверью, куда направлялись паціенты въ сопровожденіи сторожей.

— Куда идутъ всѣ эти люди?—спросилъ больной.

— Идите за ними, и вы увидите,—отвѣтилъ докторъ.—Я вамъ разрѣшаю.—И Блейхроденъ пошелъ. Но докторъ знакомъ подозвалъ къ себѣ сторожа.

— Идите къ г-жѣ Блейхроденъ въ гостинницу Falcon,—сказалъ онъ, —поклонитесь ей и скажите, что у ея мужа поворотъ къ лучшему, но что онъ еще не спрашивалъ о женѣ. Когда онъ спроситъ, онъ будетъ спасенъ.

Сторожъ пошелъ, а докторъ послѣдовалъ за больнымъ въ маленькую дверь.

Блейхроденъ вошелъ въ большой залъ, не походившій ни на одну изъ комнатъ, видѣнныхъ имъ раньше. Это была не церковь, не театральная зала, не школа, не ратуша, но какъ бы смѣсь всего этого. Въ глубинѣ находился притворъ, освѣщаемый тремя окнами съ разноцвѣтными стеклами необыкновенно мягкихъ, гармоническихъ оттѣнковъ; казалось, что гениальный мастеръ потрудился надъ сочетаніемъ этихъ красокъ; свѣтъ, падая, образовывалъ какъ бы одинъ полный гармоничный мажорный аккордъ *dur*. Это производило на больного то же впечатлѣніе, какъ и тотъ аккордъ-целлуръ, которымъ Гайднъ заканчиваетъ свой Хаосъ; послѣ того какъ хоръ въ Сотвореніи міра выразилъ всю продолжительную и мучительную работу приведенія въ порядокъ хаотическихъ силъ природы, Господь восклицаетъ: Да будетъ свѣтъ! и херувимы и серафимы подхватываютъ эти слова.

Подъ окномъ въ притворѣ находилась сталактитовая скала, образующая сводъ, изъ котораго вытекалъ ручеекъ, впадающій въ бассейнъ. Притворъ окруженъ былъ колоннами, отличавшимися полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было стиля и покрытыми мягкимъ коричневатымъ мхомъ. Нижняя часть стѣнъ скрывалась за сосновыми вѣтками, а верхняя была разукрашена прикрѣпленными къ ней вѣтвями вѣчно-зеленыхъ растений, расположенныхъ въ видѣ орнаментовъ, которыхъ нельзя было отнести ни къ одному изъ существующихъ стилей; иногда они, повидимому, какъ бы готовились превратиться въ буквы, какъ вдругъ переходили въ мягкія, фантастическія очертанія, въ родѣ Рафаэлевскихъ арабесокъ. Подъ окнами висѣли большіе вѣнки, въ родѣ тѣхъ, какіе плетутъ на Ивана Купалу. Блейхроденъ осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ массу скамеекъ, на которыхъ молча сидѣли паціенты. Онъ также сѣлъ на скамью и услышалъ рядомъ съ собою рыданія. Плакалъ человѣкъ лѣтъ сорока, закрывъ лицо руками.

У него былъ орлиный носъ, усы и наполеоновская бородка, а въ профиль онъ очень походилъ на изображеніе, которое Блейхроденъ видѣлъ на французскихъ монетахъ. Это былъ, очевидно, французъ. Въ чемъ же они раскаиваются, оба врага, сидя рядомъ, что они оба оплакиваютъ? Ужъ не то ли, что они исполнили свой долгъ относительно родины? Блейхроденъ взволновался и безпокойно завертѣлся на скамейкѣ, какъ вдругъ послышалась тихая музыка. На органѣ играли хоралъ, но хоралъ въ dur; это былъ хоралъ не лютеранскій, не католическій, не кальвинистскій, но онъ говорилъ душѣ, и больной ясно слышалъ слова его, полныя утѣшенія и надеждъ. Въ притворѣ вошелъ какой-то человѣкъ и остановился, полускрытый сталактитовою скалою. Это вѣрно пасторъ? Нѣтъ, онъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрый скюртукъ, съ свѣтло-голубымъ галстухомъ на шеѣ, и бѣлая рубашка видна изъ-за жилета. Въ его рукахъ нѣтъ ничего. Но онъ говоритъ. Онъ говоритъ кротко и просто, какъ говоришь, когда находишься среди друзей; онъ говоритъ о томъ, что надо любить ближняго, какъ самого себя, быть терпѣливымъ, снисходительнымъ, прощать врагамъ; онъ говоритъ о томъ, какъ Христосъ представлялъ Себѣ человѣчество въ образѣ единого народа, но какъ злая природа человѣка противодействовала осуществленію этого великаго ученія. Проговоривши около четверти часа, онъ спускается съ кафедры, вознесши краткую молитву ко Всемогущему Творцу, и не упоминая ни о чемъ, что могло бы возбудить пререканія.

Блейхроденъ точно пробудился ото сна. Такъ онъ, значить, въ храмѣ! Онъ, который не посѣщалъ его уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ, возмущенный постоянными спорами и пререканіями мелкихъ протестантскихъ сектъ. И здѣсь, здѣсь, въ сумасшедшемъ домѣ, встрѣчаетъ онъ то, чего давно жаждалъ....; здѣсь сидятъ рядомъ католики, лютеране, кальвинисты, цвингліане, англикане и возносятъ вмѣстѣ молитвы къ Единому Творцу!

Онъ вновь обвелъ взоромъ прекрасную залу. Его глаза долго блуждали, пока не остановились на стѣнѣ, противоположной притвору. На ней висѣлъ колоссальный вѣнокъ; внутри его написано было только одно слово, составленное изъ еловыхъ вѣтвей. Онъ прочелъ французское слово Noël и повторилъ про себя по-нѣмецки Weinacht (Рождество). Какой художникъ задумалъ и создалъ эту залу? Какой знатокъ человѣческаго сердца, какой глубокій мыслитель счумѣлъ возбудить самое чистое и самое прекрасное изъ всѣхъ воспоминаній человѣчества? Не испытывалъ-ли ослѣпленный человѣческій разумъ жгучаго стремленія къ свѣту, къ просвѣтленію, когда вспоминалъ этотъ праздникъ свѣта, когда вмѣстѣ съ переменною столѣтія приходили къ концу и мрачные дни, или, по крайней мѣрѣ, обѣщали прійти къ концу? Мысль о дѣтствѣ, когда ни сомнѣнія, ни политическая злоба, ни честолюбивыя, пустыя мечты не затемняли чувства правды, не эта-ли мысль возбуждалась у насъ при словѣ «Рождество», затрогивая въ нашей душѣ струны, заглушавшія ту сутолоку, которая царитъ въ жизни, благодаря непрерывающейся по-

гонѣ за хлѣбомъ, или чаще всего за почестями и славою? Онъ думалъ и спрашивалъ себя: какимъ образомъ тотъ же самый человѣкъ, все дѣтство котораго проникнуто набожностью и вѣрой, дѣлается такимъ злымъ, такимъ человѣконенавистникомъ, какъ только становится старше? Что производитъ въ насъ эту перемѣну? Воспитаніе, школа, этотъ прославленный вѣнецъ культуры? Быть можетъ....

Онъ опять посмотрѣлъ на единственное слово, написанное во храмѣ, и тутъ въ тайникахъ его памяти сталъ возникать образъ, точно подъ рукою фотографа, льющаго кислоту на негативъ для воспроизведенія изображенія. Онъ вспомнилъ послѣднее Рождество, проведенное дома. Послѣднее? Нѣтъ, нѣтъ, тогда вѣдь онъ былъ во Франкфуртѣ. Значитъ предыдущее? Да, это былъ первый вечеръ, проведенный имъ въ домѣ невѣсты; наканунѣ онъ былъ помолвленъ съ ней. И внезапно предъ его взорами сталъ, какъ живой, домъ, старикъ пасторъ, его тесть; онъ увидѣлъ скромную залу, съ бѣлымъ буфетомъ, фортепіано, чижиками въ клѣткахъ, бальзаминами на окнахъ; столикъ со всевозможными чубуками, и пѣнковыми, и вишневыми, и въ этой залѣ ходила она, дочь пастора, и привѣщивала къ елѣ орѣхи и яблоки. Дочь пастора!... и вдругъ его пронизала мысль, точно молнія, ярко освѣщающая окружающую тьму, но не опасная, не грозовая молнія, а та ослѣпительная зарница, которою мы любуемся осенью, сидя на галлереѣ, не боясь громоваго удара. Да, да! Онъ, былъ помолвленъ, онъ былъ женатъ, у него была жена, его жена, привязывавшая его къ той самой жизни, которую онъ такъ ненавидѣлъ, такъ презиралъ. Но гдѣ-же она? Гдѣ жена его? Онъ долженъ увидать ее, онъ побѣдить къ ней, теперь, немедленно, сейчасъ! Онъ долженъ скорѣе повидаться съ нею, не то.... не то онъ умретъ отъ нетерпѣнья...

Онъ бросился вонъ изъ храма. Найти доктора! А докторъ ожидалъ уже его, чтобы узнать дѣйствіе, произведенное на него храмомъ. Блейхроденъ схватилъ доктора за плечи, и, смотря ему прямо въ глаза, спросилъ съ трудомъ, едва переводя дыханіе:

— Жена моя.... гдѣ она? Поведите меня къ ней! Скорѣе, скорѣе! Да, гдѣ-же она?

— Она и ваша дочь,—сказалъ спокойно докторъ,—живутъ въ улицѣ de Bourg.

— Моя дочь? У меня дочь?—вскричалъ паціентъ, и слезы полились изъ его глазъ.

— Однако и вы расчувствовались, г. Блейхроденъ,—сказалъ, улыбаясь, докторъ.

— Да, докторъ, здѣсь невольно становишься чувствительнымъ!

— Идите-ка, одѣвайтесь,—сказалъ докторъ, взявши его подъ руку; — черезъ полчаса мы будемъ у вашихъ, вы будете вновь у себя.

И они исчезли въ большой передней.

* * *

Блейхроденъ представлялъ собою вполне современный европейскій типъ; правнукъ французской революціи, внукъ реставраціи, сынъ 1830 г., истерзанный и израненный, точно человѣкъ, брошенный въ море и попавшій въ водоворотъ между скалами революціи и реакціи. Когда онъ въ двадцать лѣтъ пробудился къ сознательной жизни, и завѣса спала съ его глазъ, когда онъ увидѣлъ себя опутаннымъ цѣлою сѣтью лжи,—тяжелое, гнетущее чувство охватило его: ему показалось, что онъ только теперь родился на свѣтъ, что онъ единственный здоровый человѣкъ, запертый среди толпы душевно больныхъ въ сумасшедшемъ домѣ. Не будучи въ силахъ нигдѣ найти для себя выхода, онъ пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ пересталъ вѣрить и бросился въ дебри пессимизма, стараясь заглушить имъ, точно опиумомъ, накипѣвшую въ душѣ боль, издававшую ему покоя. Шопенгауеръ сдѣлался его другомъ, а въ послѣдствіи онъ привязался и къ Гартману, самому рѣзкому и грубому изъ всѣхъ проповѣдниковъ правды, какихъ видѣлъ когда-либо свѣтъ.

Но общество предъявляло къ нему свои требованія,—необходимо было взяться за какое-нибудь дѣло. Блейхроденъ бросился въ науку и избралъ ту, которая имѣла наименьшее соприкосновеніе съ современною жизнью: геологію, или скорѣе ту отрасль ея, которая вѣдаетъ первобытный міръ растений и животныхъ, палеонтологію. При этомъ на заданный себѣ вопросъ: чего ради я буду этимъ заниматься? Какую пользу принесетъ это человѣчеству? Онъ могъ отвѣтить только одно: человѣчеству — никакой, а мнѣ — большую. Это дѣйствовало на него, точно дурманъ. Онъ не могъ читать газетъ, не поражаясь духомъ фанатизма, которымъ онъ были проникнуты; этотъ фанатизмъ казался ему формальнымъ упомятательствомъ,—и онъ началъ устранять отъ себя все, что могло напоминать ему прошедшее и будущее. У него зародилась надежда, что ему удастся дожить спокойно свой вѣкъ и сохранить свой разумъ помощью той узости, которую онъ пытался выработать такую дорогою цѣною. Затѣмъ онъ женился, не будучи въ состояніи противостоять непреклонному закону продолженія человѣческаго рода. Въ женѣ своей онъ надѣялся вновь заполучить ту душевную жизнь, которую онъ такъ всецѣло подавилъ въ себѣ, и она сдѣлалась его прежнимъ я, нѣжнымъ, чувствительнымъ я, которое радовало его въ свѣтлыя минуты отдыха, и въ то же время не мѣшало ему предаваться научнымъ изысканіямъ. Въ ней нашелъ онъ свое дополненіе и началъ кое-какъ приходить въ равновѣсіе, чувствуя въ то же время, что вся его будущая жизнь основывается на двухъ краугольных камняхъ. Однимъ изъ нихъ

была его жена: стоило ей исчезнуть,—и онъ и все возведенное имъ зданіе немедленно рушатся. Когда ему послѣ четырехмѣсячной женитьбы пришлось уѣхать отъ жены, онъ былъ самъ не свой. Ему казалось, что онъ лишился одного глаза, одного легкаго, одной руки,—поэтому онъ такъ легко и поддался разразившемуся надъ нимъ удару!

При видѣ дочери нѣчто новое пробудилось въ немъ, пробудилось въ томъ, что Блейхроденъ называлъ своею естественною душою, естественною совѣстью, въ отличіе отъ общественной души, общественной совѣсти,—выработанной средою и воспитаніемъ. Онъ почувствовалъ, что связанъ съ своимъ родомъ, почувствовалъ, что онъ не умретъ въ тотъ мигъ, когда смерть схватитъ его въ свои объятія, а будетъ жить въ образѣ своего ребенка; онъ понялъ, однимъ словомъ, что душа его дѣйствительно безсмертна, хотя бы тѣло и истлѣло, благодаря борьбѣ химическихъ элементовъ, составляющихъ его. Онъ почувствовалъ, что онъ обязанъ жить, обязанъ надеяться. Хотя ему послѣ этого часто случалось впадать въ отчаяніе, особенно въ тѣ минуты, когда ему приходилось слышать, какъ его соотечественники въ чаду побѣды приписывали счастливый исходъ войны нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ, съ подозрными трубками въ рукахъ слѣдившимъ съ высоты за ходомъ сраженій,—но при этомъ пессимизмъ казался ему всегда достойнымъ полного порицанія. Блейхроденъ находилъ, что ученіе это своимъ злобнымъ осужденіемъ всего существующаго препятствуетъ развитію общества, и онъ сдѣлался изъ чувства долга оптимистомъ. Но онъ не рѣшался возвращаться въ Германію, на родину. Онъ боялся впасть вновь въ прежнее малодушное состояніе. Вышедши въ отставку, онъ реализовалъ свое маленькое состояніе и поселился въ Швейцаріи.

* * *

Былъ зимній, мягкій осенній вечеръ въ Вевѣ въ 1872 г. Обѣденный колоколъ прозвонилъ въ маленькомъ пансіонѣ Le Cèdre у берега озера, и за большимъ обѣденнымъ столомъ собрались обитатели пансіона, познакомившіеся всѣ другъ съ другомъ и жившіе въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, какъ то бываетъ всегда съ людьми, сошедшимися на нейтральной почвѣ. Рядомъ съ Блейхроденами сидѣли тотъ самый французъ, котораго мы уже видѣли рыдавшимъ въ больничной церкви, англичанинъ, нѣмецъ съ женою, испанская семья и двѣ дѣвушки изъ Тироля. Разговоръ, какъ обыкновенно, касался самыхъ жгучихъ вопросовъ дня, не возбуждая ни въ комъ раздраженія; всѣ говорили дружески, мирно, спокойно, иногда шутливо, иногда серьезно, но съ одушевленіемъ.

— Я никогда не думалъ, что міръ можетъ быть такъ прекрасенъ, сказалъ Блейхроденъ, глядя съ восхищеніемъ въ открытую дверь веранды.

— Природа хороша и въ другихъ мѣстахъ, — сказалъ нѣмецъ, — мы только этого не видимъ, потому что наше зрѣніе испорчено.

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ англичанинъ, — но во всякомъ случаѣ здѣсь природа красивѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Слышали-ли вы, господа, разсказъ о варварахъ, аллеманнахъ, или венграхъ, не помню хорошенько, которые перешли черезъ Dent Jaman и впервые увидали Женевское озеро? Они подумали, что небо упало на землю, и такъ испугались, что немедленно повернули обратно.

Разговоръ перешелъ на современный общественный строй, на политическія и другія отношенія.

— Но война! война! Можетъ-ли она когда-нибудь прекратиться? — воскликнулъ испанецъ.

— Когда женщина получить право голоса. Неправда-ли? — обратился Блейхроденъ къ женѣ.

Она утвердительно кивнула головою.

— Потому что, — продолжалъ Блейхроденъ, — какая мать захочетъ подвергать опасностямъ сраженія своего сына, какая жена своего мужа, какая сестра своего брата! И когда никто не будетъ возбуждать людей другъ противъ друга, исчезнетъ и такъ называемая расовая ненависть. Человѣкъ самъ по себѣ добръ, говорилъ нашъ другъ Гуно, но люди злы, — и онъ былъ совершенно правъ.

Начались длинныя разсужденія о солидарности человѣчества, о космополитизмѣ. Англичанинъ наполнилъ свой бокалъ и только-что хотѣлъ предложить какой-то тостъ, какъ вдругъ служанка принесла ему телеграмму. Разговоръ прекратился на минуту. Англичанинъ съ очевиднымъ волненіемъ прочелъ телеграмму и задумался. Обѣдъ приближался къ концу; наступали сумерки. Блейхроденъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, рассматривая чудный ландшафтъ. Mont Grammont и Dent d'Oche освѣщались косыми лучами заходящаго солнца, бросавшаго на нихъ свой красноватый отблескъ и окрашивавшаго въ розовый цвѣтъ виноградники и каштановыя рощи на савойскомъ берегу; Альпы мерцали въ мгlistомъ вечернемъ воздухѣ и, казалось, были сотканы изъ такой-же воздушной матеріи, какъ и свѣтъ, и облака; они стояли точно безтѣлесныя, высшія, сверхъестественныя существа, темныя, таинственныя съ правой стороны, угрожающія, мрачныя въ своихъ расщелинахъ, но спереди, со стороны, обращенной къ солнцу, свѣтлыя, улыбающіяся, радостныя во всей своей осенней красѣ.

Вдругъ яркая полоса свѣта перерѣзала потемнѣвшее голубое вечернее небо, и надъ низменнымъ савойскимъ берегомъ взвилась высоко ракета, повидимому, такъ же высоко, какъ и Dent d'Oche; она простояла на верху, покачиваясь, точно созерцаая прекрасную страну, разстилающуюся подъ нею;

прошло нѣсколько секундъ: она начала спускаться, и нѣсколько метровъ ниже разорвалась съ трескомъ и превратилась въ большое бѣлое облако, которое приняло правильную четырехугольную форму, форму знамени, горѣвшаго бѣлымъ огнемъ; минуту спустя, раздался новый трескъ и на бѣломъ знамени обрисовался красный крестъ.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ бросились къ дверямъ веранды.

— Что это значить?—вскричалъ съ волненіемъ Блейхроденъ. Никто ему не отвѣтилъ, потому что въ ту же минуту пѣлая масса ракетъ взвилась точно изъ кратера надъ вершиною Вуарона и образовала огненный букетъ, отразившійся на зеркальной поверхности тихаго Лемана.

— Милостивыя государыни и милостивые государи,—заговорилъ англичанинъ, между тѣмъ какъ слуга вносилъ большой подносъ съ бокалами шампанскаго. — Милостивыя государыни и милостивые государи,—повторилъ онъ,—это значить, какъ видно изъ полученной мною телеграммы, что первое международное судилище, засѣдавшее въ Женевѣ, окончило свои занятія; это значить, что война между двумя народами предупреждена, что сотни тысячъ американцевъ и столько же англичанъ останутся въ живыхъ, благодаря нынѣшнему дню. Алабамскій вопросъ разрѣшенъ не въ пользу Америки, но въ пользу права, не во вредъ Англіи, но во имя блага будущаго. Что-же, г. испанецъ, вы по прежнему вѣрите въ неизбежность войны? Смѣйтесь теперь и вы, г. французъ, но смѣйтесь сердцемъ, не одними губами. А вы, г. нѣмецкій пессимистъ, вы вѣрите теперь, что есть другой способъ для разрѣшенія вопроса о вольныхъ стрѣлкахъ, способъ, не имѣющій ничего общаго ни съ вольными стрѣлками, ни съ разстрѣліаніемъ. Нужно всегда разрѣшать вопросъ въ самомъ корнѣ, а не бродить ощупью по поверхности, хватаясь то за ту, то за другую его частность. Это и вѣрнѣе, и спокойнѣе! Сегодня, какъ англичанинъ, я долженъ былъ бы чувствовать себя побѣжденнымъ, а я, напротивъ того, сегодня больше, чѣмъ когда-либо, горжусь своею страной (вы знаете, что мы, англичане, всегда гордимся ею), и я правъ, потому что Англія первая изъ всѣхъ европейскихъ державъ обратилась къ суду честныхъ людей вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ желѣзу и крови! И я желаю вамъ и всѣмъ много такихъ же пораженій, какое мы потерпѣли сегодня, потому что эти пораженія научатъ насъ побѣждать. Подымите же ваши бокалы, милостивыя государыни и милостивые государи, высоко за красный крестъ, потому что именно подъ его знаменемъ намъ удастся навѣрное побѣдить.

* * *

Блейхроденъ остался жить въ Швейцаріи. Онъ не могъ разстаться съ этою природою, которая какъ бы переносила его въ другой, лучшій міръ.

Иногда онъ чувствовалъ припадки угрызенія совѣсти, но докторъ приписывалъ ихъ нервозности, столь обычной у культурныхъ людей. Блейхро-

день рѣшился изслѣдовать вопросъ о совѣсти въ маленькой брошюрѣ, которую онъ намѣревался издать, а покамѣстъ читалъ отрывки изъ нея своимъ друзьямъ. Она содержала въ себѣ много такого, надъ чѣмъ стоило призадуматься. Съ свойственнымъ нѣмцамъ глубокомысліемъ онъ проникъ въ самую суть разсматриваемаго вопроса и открылъ, что есть два рода совѣсти: естественная и искусственная. Первая совѣсть, говорилъ онъ, это врожденное въ насъ чувство правды. Она-то и говорила въ немъ такъ сильно еще тогда въ Марлоттѣ. Искусственная—вырабатывается у насъ путемъ воспитанія, благодаря силѣ привычки, давленію вѣншихъ общественныхъ условий, современному строю общества.

Два съ половиною года прожилъ Блейхроденъ въ Швейцаріи, когда однажды изъ Берлина ему присланъ былъ приказъ вернуться домой въ виду возможности новой войны. На этотъ разъ предполагалась война Пруссіи противъ Россіи, той самой Россіи, которая всего три года тому назадъ доставила Пруссіи нравственную поддержку противъ Франціи. Блейхроденъ рѣшилъ, что противно совѣсти—идти воевать съ старыми друзьями, и такъ какъ онъ былъ вполне убѣжденъ, что обѣ націи не желаютъ другъ другу никакого зла, то и обратился къ женѣ, спрашивая у нея совѣта, какъ поступить въ такой трудной дилеммѣ. Онъ зналъ по опыту, что женская совѣсть приближается больше къ естественной, чѣмъ мужская. Подумавши нѣсколько минутъ, жена отвѣтила слѣдующее:

— Быть нѣмцемъ значить больше, чѣмъ быть пруссакомъ, отсюда и образованіе германскаго союза; быть европейцемъ больше, чѣмъ быть нѣмцемъ, а быть человѣкомъ больше, чѣмъ быть европейцемъ. Ты не можешь перемѣнить своей національности, перейти въ ряды другой, ибо всѣ онѣ враждебны другъ другу. Слѣдовательно, остается одно—нейтрализоваться. Сдѣлаемся швейцарцами! Швейцарія—не нація!

Блейхроденъ нашелъ, что это наилучшее разрѣшеніе мучившаго его вопроса и тотчасъ навелъ справки, какъ поступить, чтобы нейтрализоваться. Какова же была его радость и удивленіе, когда онъ узналъ, что у него есть всѣ данныя для того, чтобы быть немедленно внесеннымъ въ число швейцарскихъ гражданъ, такъ какъ онъ прожилъ въ Швейцаріи болѣе двухъ лѣтъ.

Теперь г. Блейхроденъ нейтрализованъ, и хотя ему случается иногда вступать въ борьбу съ своей совѣстью, но въ общемъ онъ чувствуетъ себя гораздо счастливѣе прежняго.

August Strindberg

(Переводъ съ шведскаго разсказа, указаннаго авторомъ, М. Лучицкой).

FIN DE SIÈCLE.

Макса Нордау¹⁾.

Основной характеръ многочисленныхъ явленій нашего времени и общее настроеніе ихъ означается словомъ «fin de siècle». Старая истина, что каждое понятіе получаетъ свое имя на языкѣ того народа, у котораго оно впервые возникло. Исторія культуры всегда пользовалась этимъ закономъ языковѣдѣнія, чтобы на основаніи происхожденія корней словъ опредѣлять мѣсто родины самыхъ раннихъ открытій и ходъ развитія различныхъ человѣческихъ расъ. Fin de siècle—французское слово, потому что на настроеніе, которое оно обозначаетъ, впервые обратили вниманіе во Франціи. Это слово облетѣло старый и новый свѣтъ и нашло себѣ доступъ во всѣ языки образованныхъ народовъ,—доказательство, что въ такомъ словѣ существовала потребность. Теперь повсюду найдутся умы, охваченные настроеніемъ «fin de siècle», но во многихъ случаяхъ это настроеніе не болѣе, какъ подражаніе чужой, ходячей модѣ, а не органическое произведеніе жизни. Неподдѣльнѣе всего является оно, конечно, на мѣстѣ своего возникновенія, и Парижъ есть именно то мѣсто, гдѣ удобнѣе всего можно наблюдать его въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Не требуется доказательствъ, что выраженіе само по себѣ не представляетъ ничего остроумнаго. Только въ головѣ ребенка или дикаря могло образоваться грубое представленіе о столѣтіи, какъ одушевленномъ предметѣ, который, подобно животному или человѣку, рождается, проходитъ чрезъ всѣ фазы жизни,—который послѣ цвѣтущаго дѣтства, счастливой юности и мужественной зрѣлости постепенно старится и дряхлѣетъ и, наконецъ, съ окончаніемъ сотога года умираетъ, исполненный въ послѣднія десять лѣтъ своего существованія всѣми немощами жалкой, старческой дряхлости. Этотъ дѣтскій антропоморфизмъ или зооморфизмъ не принялъ даже во вниманіе, что произвольное дѣленіе вѣчно и ровно текущаго времени на періоды не у всѣхъ культурныхъ народовъ одинаково, и въ то время, когда

¹⁾ Настоящую статью мы получили отъ автора при письмѣ, выдержку изъ котораго приводимъ:

....,Послѣ нѣкотораго размышленія я отказался отъ первоначальнаго намѣренія написать для сборника нѣчто подходящее къ данному случаю и предпочитаю дать вамъ первую главу книги, надъ которой я теперь работаю и которая появится въ началѣ октября. Присланная глава представляетъ законченный этюдъ и можетъ быть прочтена независимо отъ цѣлаго. Я предлагаю вамъ primeur, который я не показывалъ даже самымъ близкимъ моимъ друзьямъ“.

воплощенное въ живой образъ девятнадцатое столѣтіе христіанскаго міра идетъ на встрѣчу смерти, исполненное, повидимому, глубокаго изнеможенія, четырнадцатое столѣтіе магометанскаго міра совершаетъ еще первые шаги въ дѣтскихъ башмачкахъ своего перваго десятилѣтія, а пятьдесятъ седьмое столѣтіе евреевъ бодро идетъ впередъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ пятидесяти двухъ лѣтъ. Каждый день рождается на земномъ шарѣ новое поколѣніе въ 130,000 человѣкъ, для которыхъ свѣтъ начинается существовать съ этимъ новымъ днемъ, и новый гражданинъ міра не будетъ болѣе или менѣе бодрѣе отъ того, что онъ вступилъ въ жизнь въ 1900 г. среди предсмертной борьбы XIX или въ 1901 г., въ день рожденія XX столѣтія. Но таковъ ужъ французскій обычай — при собственной неудачѣ сожалѣть о другихъ. Во Франціи на каждомъ шагѣ натапливаешься на такой разговоръ: «Бѣдный другъ мой! знатели что случилось,—я потерялъ все свое состояніе!» Конечно, эта манера выражаться покажется странной нѣмцу, но она происходитъ изъ представленія безсознательно влюбленнаго въ себя француза, что все, касающееся лично его, исполнено громадной важности для всего свѣта, и что его тяжелое положеніе по меньшей мѣрѣ такое-же несчастье для всего остальнаго человѣчества, какъ и для него самого. Французы привыкли къ этому наивно-эгоистическому образу мысленія, и вотъ почему свою собственную старческую дряхлость они приписываютъ столѣтію и говорятъ о *fin de siècle*, когда правильнѣе должны были-бы говорить о «*fin de race*».

Но какъ-бы нелѣпо ни было слово *fin de siècle* само по себѣ, душевный и умственный складъ, который оно обозначаетъ, въ руководящихъ группахъ дѣйствительно существуетъ. Настроеніе времени удивительно запутанное: въ немъ и лихорадочно-беспокойная дѣятельность, и тупое безразличное уныніе, въ немъ и полный предчувствія страхъ, и юморъ висѣльника, который на все уже махнулъ рукою. Переходъ къ чему-то иному, угасаніе чего-то,—вотъ что составляетъ преобладающее ощущеніе. *Fin de siècle* въ одно и то же время и исповѣдь, и жалоба. У древнихъ скандинавовъ существовало мрачное ученіе объ угасаніи боговъ. Въ наши дни возникаетъ въ передовыхъ умахъ смутное опасеніе угасанія народовъ: всѣ свѣтила, всѣ звѣзды постепенно погаснутъ, и среди умирающей природы исчезнутъ люди со всѣми ихъ созданіями, всѣми учрежденіями.

Не разъ уже въ теченіе исторіи умы охватывалъ ужасъ, что пришелъ конецъ міра. Предъ наступленіемъ тысячнаго года христіанскими народами овладѣло подобное чувство. Но этотъ страхъ предъ концомъ тысячелѣтія существенно различенъ отъ тревожнаго чувства *fin de siècle*. Отчаяніе людей при смѣнѣ перваго тысячелѣтія христіанской эры имѣло основаніемъ жизнерадостность и могучій расцвѣтъ жизненныхъ силъ. Жизненные соки бурно стремились по всѣмъ жиламъ, существовало сознаніе неослабной способности наслаждаться, и ужаснымъ казалось исчезнуть вмѣстѣ съ міромъ, когда предстояло еще столько кубковъ осушить, и столько губокъ еще жаждало поцѣ-

дуевъ, когда еще можно было такъ мощно и полно наслаждаться и виномъ, и любовью. Въ ощущеніяхъ *fin de siècle* нѣтъ ничего подобнаго. Нѣтъ въ немъ также ничего общаго съ захватывающей сумеречной тоской Фауста, который, оглядываясь въ старые года на прожитое прошлое, гордится тѣмъ, что онъ совершилъ, но которымъ овладѣваетъ страстное желаніе увидѣть завершеніе того, что онъ началъ, и что не дано ему было окончить. И пробужденный пожиравшимъ его безпокойствомъ, онъ вскакиваетъ ночью съ постели съ восклицаніемъ: «*was ich gedacht, ich eil es zu vollbringen!*» (Спѣшу исполнить то, о чемъ мечталъ я). Совсѣмъ не то настроеніе *fin de siècle*. Оно—безсильное отчаяніе чахоточнаго, который чувствуетъ свое медленное умираніе среди гордо цвѣтущей, вѣчно юной природы, оно зависть стараго, богатаго развратника при видѣ молодой влюбленной четы, которая спѣшитъ укрыться въ потаенномъ лѣсномъ уголкѣ, оно—смущеніе отжившихъ и пресыщенныхъ, которые бѣгутъ отъ чумы во Флоренціи въ волшебный садъ, чтобы пережить въ немъ декамеронъ, и напрасно напрягаютъ свои силы, чтобы урвать у невѣрной минуты лишнее чувственное наслажденіе. Вы помните конецъ «Дворянскаго Гнѣзда», этого чуднаго произведенія Тургенева? Постарѣвшій Лаврецкій посѣщаетъ домъ, гдѣ въ юные годы онъ пережилъ свой любовный романъ. Все осталось по старому: цвѣты въ саду благоухаютъ, въ высокихъ деревьяхъ пріютились весело щебечущія птички, на свѣжей травѣ играютъ беззаботныя, ликующія дѣти, и только одинъ Лаврецкій постарѣлъ и глядитъ печальнымъ отверженцемъ на картину жизнерадостной природы, которой нѣтъ до того дѣла, что исчезла Лиза, любимая имъ женщина, и что самъ онъ теперь разбитый, утомленный жизнью человекъ. Сознаніе Лаврецкаго, что только для него одного нѣтъ больше грядущаго утра среди этой вѣчно юной, вѣчно цвѣтущей природы, предсмертный призывъ Альвина «къ солнцу, къ солнцу!» въ «Привидѣніяхъ» Ибсена,—вотъ настоящее душевное настроеніе *fin de siècle* нашихъ современниковъ.

Это модное слово обладаетъ счастливою неопредѣленностью, благодаря которой можно имъ выразить все то полусознательное и неясное, что волнуетъ умы. Какъ слова «свобода», «идеаль», «прогрессъ», какъ будто выражающія извѣстныя понятія, въ сущности не болѣе какъ звукъ пустой, такъ и «*fin de siècle*» само по себѣ ничего не говоритъ и получаетъ перемѣнчивое значеніе, сообразно съ различнымъ міровоззрѣніемъ тѣхъ, которые пользуются имъ. Лучшій способъ узнать, что подразумеваютъ подъ «*fin de siècle*»,—разсмотрѣть рядъ единичныхъ случаевъ, къ которымъ примѣнялось это слово. Случаи, которые здѣсь приводятся, взяты изъ газетъ и книгъ послѣднихъ двухъ лѣтъ¹⁾.

¹⁾ Четырехъ-актная комедія г. Микара и Ф. де-Жувано подъ заглавіемъ „*Fin de siècle*“, игранная въ 1890 г. въ Парижѣ, врядъ-ли можетъ служить къ уясненію понятія, которое французы связываютъ съ этимъ словомъ. Авторы не думали воссоздать настроеніе времени или душевное состояніе, а заботились только о заглавіи, которое способствовало бы успѣху ихъ произведенія.

Король отрекается от престола, оставляет свою страну и поселяется въ Парижѣ. Онъ сохранилъ за собою извѣстныя политическія права. Въ одинъ прекрасный день онъ проигрываетъ большую сумму и попадаетъ въ затруднительное положеніе. И вотъ онъ заключаетъ съ правительствомъ своей страны сдѣлку, въ которой за миллионы франковъ отказывается отнынѣ и навсегда отъ оставшихся у него титуловъ, официальныхъ должностей и прерогативъ власти. Король—fin de siècle¹⁾.

Епископъ подвергается судебному преслѣдованію за оскорбленіе министра исповѣданія своей страны. При судебномъ разбирательствѣ каноники, сопровождающіе епископа, раздаютъ газетнымъ репортерамъ заготовленную заранѣе въ большомъ количествѣ экземпляровъ защитительную рѣчь его. Его присуждаютъ къ денежной пенѣ, и онъ организуетъ открытый сборъ въ свою пользу, который больше чѣмъ въ десять разъ покрываетъ эту пеню. Всѣ полученныя имъ сочувственныя письма онъ издаетъ книгой, рассчитанной на рекламу. Онъ объѣзжаетъ страну и является во всѣхъ соборахъ предъ толпой, жаждущей увидѣть знаменитость дня, и пользуется случаемъ, чтобы собрать обильную лепту. Епископъ—fin de siècle²⁾.

Тѣло убійцы Пранцини послѣ казни перевозится въ анатомическій театръ. Начальникъ тайной полиціи отрѣзываетъ отъ трупа большой кусокъ кожи, велитъ ее выдѣлать и заказываетъ изъ нея портсигары и портфели для визитныхъ карточекъ для себя и нѣкоторыхъ друзей. Чиновникъ—fin de siècle.

Американецъ вѣнчается съ своей невѣстою на газовомъ заводѣ, садится съ молодой женой въ приготовленный воздушный шаръ и совершаетъ въ облакахъ свое свадебное путешествіе. Свадьба—fin de siècle.

Атташе³⁾ китайскаго посольства издаетъ за своей подписью остроумныя книги на французскомъ языкѣ. Онъ ведетъ переговоры съ банками о большомъ займѣ своего правительства и получаетъ въ счетъ будущихъ благъ значительные авансы. Затѣмъ оказывается, что книги написаны его французскимъ секретаремъ и что онъ обмошенничалъ банки. Дипломатъ—fin de siècle.

Гимназистъ четвертаго класса проходитъ съ товарищемъ мимо тюрьмы, гдѣ отецъ его сидѣлъ неоднократно за злостное банкротство, воровство и тому подобныя выгодныя преступленія. Мальчикъ, указывая своему товарищу на тюрьму, говоритъ съ улыбкой: «Видишь, это школа моего папаши!» Сынъ—fin de siècle.

Двѣ барышни изъ хорошаго дома, школьныя подруги, болтаютъ между собою. Одна вздыхаетъ.—«Что съ тобою?»—спрашиваетъ другая. «У меня большое горе!» гласитъ отвѣтъ. «Что за горе?» «Я люблю Рауля и онъ меня любитъ». «Чего-же лучше? Онъ красивъ, молодъ, изященъ, и объ этомъ ты

¹⁾ Миланъ сербскій.

²⁾ Извѣстный Гуть-Суларъ.

³⁾ Ченг-и-Тонъ.

печалишься?» «Все это такъ, но вѣдь у него ничего нѣтъ, ни состоянія, ни общественнаго положенія, и родители мои настаиваютъ, чтобы я вышла за барона; онъ жирный, лысый, гадкій, но у него ужасно много денегъ». — «Такъ выходи преспокойно за барона, дурочка, и познакомь съ нимъ Рауля». Дѣвица—fin de siècle.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно уяснить себѣ, въ какомъ смыслѣ это слово употребляется на его родинѣ. Нѣмецкіе подражатели французскихъ модъ, употребляющіе слово «fin de siècle» исключительно въ значеніи «безнравственное», «непристойное», искажаютъ его въ своемъ грубомъ невѣжествѣ, какъ они, поколѣніе назадъ, благодаря своему незнанію, опошлили выраженіе «demi-monde», обозначая имъ жертвы общественнаго темперамента, тогда какъ изобрѣтатель его, Дюма, называлъ имъ людей, въ жизни которыхъ есть темное пятно, людей, исключенныхъ изъ того общества, къ которому они принадлежатъ по рожденію, образованію или общественному положенію, но которые тѣмъ не менѣе держатся съ прежнимъ достоинствомъ, точно они все еще признанные члены своей касты. Съ перваго взгляда кажется, что существуетъ мало общаго между королемъ, который за значительный чекъ продаетъ прерогативы своей власти, и новобрачными, совершающими свадебное путешествіе на воздушномъ шарѣ, и не сразу бросается въ глаза сходство между Барнумомъ въ епископскомъ облаченіи и благовоспитанной дѣвицей, рекомендуемой своей подругѣ бракъ по расчету, услажденный другомъ дома. И все-таки во всѣхъ этихъ эпизодахъ fin de siècle есть нѣчто общее—презрѣніе исконныхъ основъ приличія и нравственности.

Вотъ понятіе, которое легло въ основу слова «fin de siècle» — практическое отреченіе отъ наслѣдственнаго порядка, который теоретически еще остается въ силѣ. Для развратника оно означаетъ безмѣрную разнузданность и полное освобожденіе звѣря въ человѣкѣ; для сухого себялюбца — презрѣніе всѣхъ человѣческихъ отношеній, разрѣшеніе послѣднихъ преградъ для ненасытной жажды золота и наслажденій; для человѣконенавистника — безстыдное, открытое господство низкихъ побужденій и инстинктовъ, которые обыкновенно стараются, если не подавить въ себѣ подъ вліяніемъ нравственнаго сомовоздѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, лицемѣрно скрыть; для вѣрующаго — забвеніе всѣхъ догматовъ, отрицаніе сверхчувственнаго міра, воцареніе плоскаго феноменизма; для обладающаго чуткой воспримчивостью, жаждущаго эстетическихъ нервныхъ возбужденій — исчезновеніе идеала въ искусствѣ и безсиліе его старыми формами вызывать новыя ощущенія; для всѣхъ оно означаетъ конецъ стараго мірового строя, который въ теченіе тысячелѣтій удовлетворялъ логикѣ, сдерживалъ разнузданность и во всѣхъ отрасляхъ искусства создалъ прекрасное.

Несомнѣнно, приходитъ къ концу періодъ въ исторіи, и на смѣну ему близится начало новаго періода. Точно порвалось что-то во всѣхъ старинныхъ преданіяхъ, и завтрашній день, какъ-будто не хочетъ примкнуть къ сегодняш-

нему. Существующее шатается и падаетъ, и никто не старается поддержать его, потому что всѣ пресыщены имъ и находятъ, что на сохраненіе его не стоитъ тратить усилій. Возрѣнія, царствовавшія въ умахъ, умерли или изгнаны, какъ лишенные власти короли, и за наслѣдство ихъ борются законные и самозванные наслѣдники. Покамѣстъ неистовствуетъ междоусобица со всѣми его ужасами: заблужденіе власти, беспомощность толпы, лишенной своихъ вождей, произволъ сильныхъ, появленіе жепророковъ, возникновеніе скоропреходящихъ и тѣмъ болѣе тиранническихъ мелкихъ властелиновъ. Страстно ждуть грядущаго новаго, не зная, съ какой стороны прійдетъ оно и чѣмъ оно будетъ. И среди всеобщаго броженія умовъ требуютъ отъ искусства откровеній о томъ, что послѣдуетъ за этимъ сумбуромъ. Поэтъ, художникъ долженъ разъяснить или по крайней мѣрѣ предугадать, намекнуть, наконецъ, въ какихъ формахъ будетъ дальше развиваться культура. Что будетъ завтра нравственнымъ? Что прекраснымъ? Что будутъ завтра знать, чему вѣрить, чѣмъ воодушевляться, какъ наслаждаться? Такъ звучитъ тысячегласный вопросъ толпы. И повсюду, гдѣ ни разбиваетъ свою палатку базарный шарлатанъ, утверждающій, что онъ нашелъ отвѣтъ, повсюду, гдѣ юродивый или плутъ ни начинаетъ вдругъ пророчествовать въ стихахъ или прозѣ, въ звукахъ или краскахъ, или утверждать, что изобрѣлъ новые пути въ искусствѣ, совершенно иные, чѣмъ тѣ, по которымъ шли его предшественники и соперники, — стекается къ намъ громадная толпа, и тѣснящіеся вокругъ нихъ люди стараются, какъ въ изреченіяхъ Писия, уловить въ ихъ словахъ или произведеніяхъ смыслъ. И чѣмъ туманнѣе, чѣмъ безмысленнѣе эти слова, тѣмъ они кажутся знаменательнѣе бѣдной, жаждущей откровенія толпѣ, и съ тѣмъ большею жадностью, съ тѣмъ большею страстностью истолковываются они ею.

Вотъ какую картину представляетъ умственное настроеніе угасающихъ народовъ, озаренныхъ краснымъ отблескомъ вечерней зари. Зловѣщей красотою горятъ спустившіяся на небѣ тучи среди зарева, которое и послѣ изверженія вулкана продолжаетъ все еще видѣться цѣлый рядъ годовъ. По землѣ ползутъ тѣни, онѣ становятся все темнѣе и темнѣе, окутывая всѣ явленія таинственнымъ мракомъ, — все несомнѣнное исчезаетъ, и всякая догадка становится возможной. Предметы теряютъ свои очертанія и расплываются въ туманъ.

День прошелъ, надвигается ночь. Старики ожидаютъ съ тревогою ея приближенія, въ боязни, что имъ не дожидаться конца ея. Немногіе молодые и сильные чувствуютъ во всѣхъ жилахъ и нервахъ избытокъ жизненныхъ силъ и радостно ожидаютъ восхода солнца. И въ сновидѣніяхъ, наполняющихъ ночные часы вплоть до разсвѣта новаго дня, однимъ являются безнадежныя воспоминанія былаго, другимъ гордыя надежды на будущее, и произведенія искусства нашего времени не болѣе, какъ форма, въ которую выливаются эти сны.

Здѣсь мѣсто предупредить могущее возникнуть недоразумѣніе. Преобладающее большинство средняго и низшаго класса, конечно, не fin de siècle. Правда, теченіе времени захватываетъ народы до самыхъ глубокихъ тайниковъ ихъ, и чудное чувство безпокойнаго порыванія овладѣваетъ даже самымъ грубымъ первобытнымъ человѣкомъ. Но это состояніе болѣе или менѣе тяжелой душевной морской болѣзни не вызываетъ въ немъ капризовъ беременной женщины и не выражается въ новыхъ эстетическихъ потребностяхъ. Филистеръ и пролетарій все еще находятъ полное удовлетвореніе въ старыхъ и старѣйшихъ формахъ искусства и поэзіи, конечно, если они не чувствуютъ на себѣ насмѣшливаго взгляда новаго человѣка и непринужденно отдаются своимъ собственнымъ влеченіямъ. Они предпочитаютъ романы Онэ всѣмъ символистамъ и «Сельское Рыцарство» Масканьи всякимъ вагнеровскимъ школамъ и Вагнеру самому; имъ очень весело смотрѣть на фарсы съ пощечинами и слушать уличныя кафе-шантанныя пѣсенки, но они зѣваютъ и сердятся, когда даютъ Ибсена; они съ удовольствіемъ останавливаются передъ олеографическими снимками съ мюнхенскихъ трактирныхъ картинъ и проходятъ безъ всякаго вниманія мимо plein-air'истовъ. Только самое незначительное меньшинство находитъ въ новыхъ теченіяхъ непритворное наслажденіе и проповѣдуетъ ихъ съ истиннымъ убѣжденіемъ, какъ единственно имѣющихъ право на существованіе, единственныхъ, которымъ принадлежитъ будущее и которыя одни только могутъ доставить удовольствіе и удовлетвореніе. Но это меньшинство обладаетъ даромъ занимать собою всю видимую поверхность общества, какъ незначительное количество масла покрываетъ громадную площадь зеркальной глади моря. И вотъ почему можетъ показаться, что все культурное человѣчество обратилось къ эстетикѣ угасающихъ народовъ.

(Переводъ съ рукописи, присланной авторомъ для Сборника, М. Б.).

СТАНСЫ.

Любовь мятежная, земная,
Сильнѣйшая изъ всѣхъ страстей!
Отъ края міра и до края
Все держишь ты въ рукѣ своей!...
Подвластна тварь тебѣ земная,
Ты покоряешь и людей,
Отъ первыхъ выходцевъ изъ рая
До черствыхъ гражданъ нашихъ дней!

*
* *

Скажи, надъ кѣмъ не тяготѣла
Твоя державная рука,
Отъ дѣвы трепетнаго тѣла
До дряхлой плоти старика?
Свѣжа, какъ въ первый день творенья,
Стара, какъ этотъ ветхій міръ,
Ты не боишься разрушенія,
И всюду въ славѣ твоей кумирь!

*
* *

Въ твоихъ законахъ нѣтъ пощады,
Нѣтъ справедливаго суда:
Придешь,—и падаютъ преграды
Ума и чести, и стыда.
Не страшень зной тебѣ и холодъ,
Твоей державѣ нѣтъ границъ,
Ты побѣждаешь нищихъ голодъ
И пресыщеніе свѣтскихъ лъвицъ!

*
* *

Добро и зло повсюду сѣя,
Ты ослѣпляешь мудреца,
Творишь героя изъ злодѣя,
Изъ мужа чести—подлеца!
И тотъ, кѣмъ разъ ты овладѣла,—
Будь онъ пигмей, иль исполинъ,
Тотъ рабъ тебѣ, тотъ твой всецѣло
И самъ себѣ не властелинъ!

Ф. Черниовецъ.

ОРИЦА.

Ионаса Ли.

алеко, далеко, тамъ, гдѣ горы синѣютъ на небесномъ фонѣ, а вер-
хушки, гребни и зубцы ихъ сверкаютъ и алѣютъ, переливаясь са-
мыми причудливыми фіолетовыми оттѣнками, свила себѣ гнѣздо на дикой кру-
той скалѣ могучая орлица. Поросшія густымъ лѣсомъ долины, съ журчащими
на днѣ ихъ ручьями, вели къ этой скалѣ, все болѣе и болѣе сѣживаясь по
мѣрѣ приближенія къ ней.

Когда орлица вылетала съ разсвѣтомъ изъ гнѣзда на своихъ могучихъ
крыльяхъ, зорко осматриваясь вокругъ, нѣтъ ли гдѣ по близости какой либо до-
бычи, она подымалась такъ высоко, что человѣческій глазъ не въ состояніи
былъ и замѣтить ее; сама же она различала мельчайшую травку, колыхав-
шуюся внизу на землѣ. Веселый козленокъ, игравшій, прыгавшій и упраж-
нявшійся въ искусствѣ балансировать на краю пропасти, подымался неожиданно
на совершенно иного рода высоту. А для зайчика, который, сидя на
заднихъ лапкахъ, совершалъ свой утренній туалетъ, протирая себѣ глазки
послѣ сна и умываясь, отрывался внезапно обширнѣйшій кругозоръ, такъ
что шпицы церквей и цѣлыя приходы только мелькали передъ его глазами.

Въ другіе дни орлица, отправляясь на охоту, пролетала сотни миль,
кружась надъ обширными каменистыми пространствами съ ихъ пустынными
голыми скалами, мрачными зіяющими пропастями и болотистыми равнинами.
А вдали синѣли одна за другою горныя цѣпи, и на западѣ, и далеко на сѣ-
верѣ, вплоть до самаго Ледовитаго океана.

Непрерывная цѣпь горъ составляла пограничную черту для государства
въ государствѣ, въ которомъ орлица царила безраздѣльно вмѣстѣ со своимъ
потомствомъ. И горе дерзновенному, осмѣлившемуся вторгнуться въ ея
область!

Нерѣдко случалось старой орлицѣ вступать въ борьбу и съ еѣмъ либо
изъ представителей ея же собственнаго вида. Разгорался воздушный бой, и

перья сыпались на землю, точно снѣгъ, все болѣе и болѣе окрававленные, пока, наконецъ, одинъ изъ бойцовъ не валился внезапно на землю кубаремъ въ видѣ безжизненной массы. Тогда орлиная кровь окрашивала окрестные камни.

Однажды, послѣ продолжительной утренней охоты, пролетѣвши болѣе ста миль надъ обширными, покрытыми снѣгомъ пространствами, орлица возвращалась къ своимъ птенцамъ, держа въ когтяхъ новорожденного оленя.

Спускаясь къ гнѣзду, она вдругъ быстро и неистово замахала крыльями, испустила дикій пронзительный крикъ, и безконечное эхо отразило его въ ущельяхъ горъ.

Толстыя вѣтви, служившія основаніемъ гнѣзда, висѣли на уступахъ скалы вмѣстѣ съ длинными ключьями грязныхъ перьевъ и окровавленного мха.

Гнѣздо ея было ограблено, разрушено, а птенцы, ежедневно упражнявшіе свои крылья и пробовавшіе силу своихъ когтей и клювовъ на все болѣе и болѣе крупной добычѣ, исчезли безъ слѣда.

Орлица взмахнула крыльями и стала подыматься все выше и выше, пока, наконецъ, скалы не перестали вторить ея крику.

Она кружилась, высматривая своихъ птенцовъ.

Вдругъ ея дикій пронзительный крикъ раздался вновь надъ головами двухъ охотниковъ, которые вышли изъ лѣсу и спускались по тропинкѣ внизъ горы.

Одинъ изъ нихъ несъ на спинѣ въ корзинѣ пойманнаго орленка.

И все время, пока оба охотника шли, направляясь къ одному изъ верхнихъ поселковъ долины, расположенному далеко отъ скалы, орлица, зорко наблюдая, парила надъ ними.

Черезъ открывавшіеся мѣстами просвѣты въ облакахъ ея хищные, пронырливые глаза замѣтили, какъ и взрослые, и дѣти высыпали на встрѣчу охотникамъ и бросились къ корзинѣ.

Цѣлый день кружилась она въ высотѣ.

Когда наступили сумерки, она спустилась ниже надъ самою домовою трубою, и вечеромъ въ темнотѣ жителямъ поселка слышался надъ крышею странный, непріятный крикъ.

А поутру, когда солнце начало бросать на землю свои золотистые лучи, она опять поднялась высоко за облака, продолжая по прежнему слѣдить своимъ острымъ взоромъ за крестьянскимъ дворомъ.

Она увидала, какъ взрослые сыновья крестьянина помощью топора выдѣлывали деревянные жердочки, а дѣти стояли вокругъ и смотрѣли.

Нѣсколько позже они вынесли на дворъ клѣтку; сквозь ея негустую рѣшетку можно было легко рассмотреть, какъ орленокъ махалъ крыльями, билъ во всѣ стороны клювомъ и употреблялъ отчаянные усилія, чтобы освободиться.

Клѣтку оставили на дворѣ, и никто больше къ ней не подходилъ.

Она стояла тамъ, между тѣмъ какъ солнце подымалось все выше и выше навстрѣчу жаркому полудню.

Орлица парила и кружилась наверху за облаками и различала каждое движеніе своего птенца: она видѣла, какъ онъ просовывалъ свой изогнутый клювъ въ отверстіе кѣтки и хрипло кричалъ, хватаясь ногтями за рѣшетку.

Наступилъ полдень.

Ни одно живое существо не показывалось возлѣ кѣтки.

Желтая кошка свернула съ опаленной солнцемъ дорожки, по которой она сонно двигалась, и присѣла на почтительномъ разстояніи отъ кѣтки, изгибая спину отъ страха.

А орлица продолжала по прежнему парить въ воздухѣ, скрытая за облаками.

Ея здравый смыслъ заставилъ ее заподозрить тишину, царившую тамъ внизу на дворѣ, и она сохраняла выжидательное положеніе.

Она была опытная птица и умѣла распознавать опасность. Не разъ подвергалась она ей и не разъ искушалась вкусною дичью, которую одновременно съ нею подстерегаль и охотникъ. И много пуль просвистало у нея между крыльями во всѣ тѣ долгіе годы, когда она носилась надъ долиною, точно безжалостный сборщикъ десятины, ожидающій удобнаго момента, чтобы нагрязнуть на бѣднаго плательщика.

Тѣни отъ домовъ, деревьевъ и изгородей становились все длиннѣе и длиннѣе.

А кѣтка все стояла на пустынномъ дворѣ,—весь долгій жаркій день, искушая и маня, между тѣмъ какъ сыновья крестьянина, спрятавшись въ домѣ, поджидали орлицу съ ружьями въ рукахъ.

Орленокъ безъ усталости билъ клювомъ о кѣтку и высовывалъ то голову и шею, то одно крыло, то другое, причиняя себѣ страшную боль.

Но теперь, когда насталъ вечеръ, дѣти высыпали во дворъ и стали бѣгать взадъ и впередъ между кѣткою и домомъ; вскорѣ они затѣяли веселую игру.

Взрослые также одинъ за другимъ показались на дворѣ и принялись за свои обычныя работы.

Вышла подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ и молодая жена одного изъ сыновей съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; она положила его на бѣлившееся на солнцѣ полотно, а сама занялась у колодца мытьемъ бѣлья.

На крышѣ гумна прыгала пара рѣзвыхъ сорокъ, свившихъ себѣ гнѣздо на вербахъ недалеко отъ дома, а внизу во дворѣ порхали воробьи, собирая разсыпанныя по землѣ зерна.

Внезапно какая-то темная тѣнь съ быстротою молніи мелькнула въ воздухѣ. Среди царившей тишины раздался странный свистящій звукъ, шумъ могучихъ взмаховъ крыльевъ.

Женщина быстро обернулась,—надъ полотномъ, гдѣ лежалъ младенецъ, спускался громадный орелъ.

Она приподнялась, леденѣя отъ ужаса, съ мокрымъ бѣльемъ въ рукахъ.

Хищная птица держала въ когтяхъ ея ребенка, и опѣпенѣлый взоръ матери прослѣдилъ въ теченіе долгой секунды за орлицею, между тѣмъ какъ она подымалась все выше и выше, и ребенокъ исчезалъ въ синевѣ вечерняго воздуха.

Дикій безумный страхъ вдохновилъ мать.

Она бросилась къ клѣткѣ, схватила въ обѣ руки орленка и съ плачемъ и жалобнымъ крикомъ подняла его, не обращая вниманія на то, что онъ своими когтями и клювомъ до крови царапалъ ея лицо и голову.

Орлица минуту парила тихо въ воздухѣ, а женщина съ разгорѣвшимися глазами жадно слѣдила за нею всякій разъ, какъ она взмахивала крыльями, чтобы поддержать себя въ высотѣ, а повитое дитя висѣло у нея въ когтяхъ, точно червякъ.

Вдругъ женщина увидала, что орлица начинаетъ спускаться.

Въ ужасѣ, не переводя дыханія, смотрѣла она, какъ хищная птица тихонько приближалась къ землѣ, на лужайку, гдѣ бѣлилось полотно.

Она выпустила орленка и безъ памяти кинулась къ ребенку.

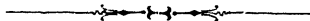
Два столкнувшіеся материнскіе инстинкта поняли другъ друга.

Но въ ту минуту, какъ орлица выпустила свою добычу и вновь поднялась вверхъ, изъ дому раздался звукъ выстрѣла.

Могучая орлица упала внизъ на полотно, широко распростерши свои крылья, между тѣмъ какъ освобожденный орленокъ улеталъ быстро, короткими взмахами крыльевъ, направляясь къ лѣсу.

(Переводъ М. Лучинкой съ норвежской рукописи, присланной авторомъ для сборника).

Стихотворенія Георга Эберса.

I.

ДВА СЛОВА.

Кто два словца пускаетъ кстати въ ходъ,—
Жизнепригодно былъ воспитанъ тотъ:
Въ весёломъ «да» сокрытъ залогъ побѣдъ,
А страхъ соблазна—въ осторожномъ «нѣтъ!»
И по заслугамъ оба выраженья
Отъ педагоговъ ждутъ благословенья.

II.

ТЕРПѢНІЕ.

Не торопись,—еще поспѣетъ
Твой трудъ: ему настанетъ часъ!
Взгляни: какъ медленно всё зрѣетъ,—
Чѣмъ Богъ благословляетъ насъ!

III.

ГОРЕ И РАДОСТЬ.

Я горе тяжкое, утрюмою порою,
Переживать умѣлъ на-единѣ съ собою;
Но разъ избавившись отъ грознаго ненастья,
Всегда спѣшилъ дѣлить съ друзьями розы счастья!

IV.

ДОБРАЯ СЛАВА.

(Къ сыну).

Хоть добрую славу стяжалъ я въ борьбѣ,—
Её подарить не сумѣю тебѣ!
Вступи на тернистый, мучительный путь,
Гдѣ часто отецъ твой не могъ и вздохнуть:
За мною-жъ! и, если сынку повезётъ,—
Насъ двухъ тогда добрая слава найдётъ!

(Переводъ по указанію автора, Зимнева).

Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи¹⁾.

Болѣе 30 лѣтъ прошло съ того времени, когда блистательнымъ образомъ разрушена была теорія Меттерниха, и Италія перестала считаться лишь простымъ географическимъ терминомъ. Мечты Маккиавелли и страстныя желанія Альфіери были вполнѣ осуществлены. Старый порядокъ вещей со всѣми его режимами, протестъ противъ которыхъ обезсмертилъ нѣкогда имя Гладстона, исчезъ, можно сказать, безслѣдно. Создались новые порядки, возникло новое національное, единое и нераздѣльное государство, королевство Италія, сразу же обнаружившее стремленіе стать въ ряду первостепенныхъ европейскихъ государствъ. Располагая въ 1862 году населеніемъ почти въ 22 мил., а въ 1889 г.,—почти въ 30 мил., новое государство «возрожденной» Италіи могло уже въ 1863 г. сформировать армію въ 400 т. человекъ и располагать 103 военными судами, а затѣмъ къ 1889 г., увеличить свои военныя силы до арміи, которая въ случаѣ войны можетъ быть доведена до 2¹/₂ мил., а флотъ до 252 военныхъ судовъ. Всѣ силы страны были направлены къ тому, чтобы создать изъ Италіи крупную европейскую силу, обезпечить за ней видную роль въ концертѣ великихъ европейскихъ державъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ это стремленіе проявлялось съ болѣею энергіей. Въ то время, напр., когда въ 1865 г. расходы по военному министерству достигала всего 210¹/₂ мил. лпръ, а по морскому—59 мил., при общемъ бюджетѣ въ 950 слишкомъ мил., въ 1889 году расходы эти были доведены уже до 285 мил. по военному и до 124 мил. по морскому министерству при бюджетѣ, перевалившемъ за полтора миллиарда. Усилія были не на-

¹⁾ Матеріаломъ и пособіями при составленіи статьи послужили, главнымъ образомъ: 1) *atti della giunta per la inchiesta agraria e sulle condizioni delle classe agricole*, оффц. изданіе трудовъ парламентской комиссіи, созданной закономъ 15 марта 1877 года; комиссія работала съ 1878 по 1882 годъ и издала 15 томовъ трудовъ въ 24 книгахъ; 2) *Eheberg, agrarische Zustände in Italien*, Leipzig 1886 (сводъ работъ комиссіи); 3) *Beauclerc, rural Italy*, London 1888; 4) *Fiorini, l'agricoltura e le classe agricole di Cremona*, Cremona 1882; 5) *Jacini, la proprietà fondaria e le popolazione agricole in Lombardia*, Milano 1857; 6) *Sombart, de römische Campagna*, Leipzig 1888; 7) *Villari, lettere meridionale*, Firenze 1878; 8) *Franchetti e Sidney Sonnino, condizione economiche delle provincie napoletane*, Firenze 1875; 9) ихъ же, *i contadini in Sicilia*, Firenze 1877; 10) *Neigebaur, Sicilien*, 1848; 11) *Schubert, allgemeine Staatskunde von Europa*, т. I ч. IV (Италія), Königsberg 1839; 12) *Bertagnoli, vicende dell'agricoltura in Italia*, Firenze 1881; 13) *Lombardi, le legge agrarie italiane ovvero i possessori plebei*, Napoli 1885, и мног. друг.

прасны, цѣль была достигнута. Италія сдѣлалась предметомъ ухаживанія сосѣдей заняла третье мѣсто въ ряду западно-европейскихъ державъ и приобрѣла крупное значеніе въ европейской политической жизни.

Но если она могла до нѣкоторой степени уравнивать свои силы съ силами, которыми располагають ея сосѣди, она далеко не уравнилась съ ними въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ типа хозяйственныхъ отношеній, этой почвы, обезпечивающей большую и болѣе долговременную напряженность силъ.

I.

По типу своего хозяйственного строя, Италія, въ противоположность не только Англіи, но и Франціи и Германіи, все еще является гораздо болѣе земледѣльческою, чѣмъ промышленною страной. Въ средніе вѣка она играла первенствующую роль въ сферѣ промышленности, и ея продукты наводняли европейскіе рынки. Вышитыя матеріи изъ Лукки, сукно изъ Флоренціи, шелкъ изъ Милана и Ломбардіи, бархаты и стекло изъ Венеціи не имѣли соперниковъ, и значительный процентъ населенія, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, занятъ былъ обработкой сырья, и добываемаго на мѣстѣ, и ввозимаго изъ другихъ странъ. Но то было результатомъ исключительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ итальянская промышленность могла временно распуститься въ пышный оранжерейный цвѣтокъ. Выгодное естественное положеніе ея, какъ посредника между З. Европой, едва выходящей изъ состоянія натурального хозяйства, и Византіей и Левантомъ, этими средоточіями въ тѣ времена техническихъ знаній и промышленной дѣятельности, дало ей возможность не только сосредоточить почти исключительно въ своихъ рукахъ всю торговлю съ Востокомъ, но постепенно пересадить на свою почву технику Востока, усовершенствовать ее и сдѣлаться единственнымъ рынкомъ наиболѣе совершеннаго въ техническомъ отношеніи производства. Но достаточно было небольшого толчка, чтобы искусственно выращенное растеніе погибло. Съ одной стороны, усиливавшіяся въ XV в. затрудненія торговыхъ сношеній съ Левантомъ, затѣмъ закрытіе пути въ Египетъ въ началѣ XVI в. и открытіе новыхъ путей въ Индію, а съ другой, усиливающееся развитіе обрабатывающей промышленности во Франціи, Фландріи, а позже въ Англіи, и конкуренція, создаваемая ими итальянской промышленностью, подорвали въ самомъ корнѣ торговую дѣятельность Италіи, а затѣмъ и ея промышленность. Съ исчезновеніемъ монополіи въ техническомъ производствѣ пала и промышленная дѣятельность, и всѣ тѣ мѣры охраны тайнъ техники и производства, тѣ законы, которые издавала, напр., Венеція и которые грозили неминуемой смертью всякому венеціанскому рабочему, державшему переносить свои знанія въ чужую страну, оказывались безсильными. Уже въ XVI в. паденіе промышленности становится замѣтнымъ, а въ XVII и XVIII вв. она едва въ силахъ удовлетворить скромнымъ мѣстнымъ потребностямъ, и рынки Италіи наводняются обработанными продуктами Франціи, Англіи и др. странъ. Параллельно идетъ превращеніе Италіи въ исключительно земледѣльческую страну, и главнымъ средствомъ существованія становится добычаніе сырья, которымъ и оплачиваются иноземные обработанные продукты. Правда, въ попыткахъ поднять упавшее производство не было недостатка. И въ XVII и XVIII, и въ XIX в. и

папы, и правительства отдѣльныхъ крупныхъ и мелкихъ итальянскихъ государствъ усиленно и непрестанно хлопотали о насажденіи въ подвластныхъ имъ земляхъ фабрикъ и о поднятіи промышленности. Но ни боевыя пошлины, нерѣдко доводимыя до 100% съ цѣны ввозимаго иностраннаго товара, ни приказы обмундировывать армию исключительно въ сукно мѣстнаго производства, ни щедрыя воспособленія изъ казны промышленникамъ и фабрикантамъ, ни прямыя запрещенія ввоза тѣхъ или иныхъ продуктовъ иноземной промышленности, ни устройство промышленныхъ выставокъ и т. п., не въ силахъ были создать сколько нибудь цвѣтущей промышленности. Они приводили лишь въ крайней дороговизнѣ мѣстныхъ промышленныхъ продуктовъ, не удовлетворяя потребностямъ населенія. Сравнительно съ европейскими издѣліями, итальянскія въ большинствѣ случаевъ стояли неизмѣримо ниже и качественно, и въ техническомъ отношеніи, и несмотря на всѣ усилія о вывозѣ фабрикатовъ изъ Италіи, о томъ, чтобы дать этому вывозу преобладающее значеніе, не могло быть и рѣчи. Сырье оставалось главнымъ и за малыми исключеніями (напр., вывозъ чрезъ Геную сукна низкаго качества на востокъ и въ Африку) почти единственнымъ предметомъ вывоза, и попытки вывести Италію изъ сферы чисто земледѣльческой дѣятельности оказывались безуспѣшными¹⁾. И это тѣмъ болѣе, что конкуренціи, шедшей со стороны Франціи, Англіи и др. промышленныхъ странъ, Италія не могла противопоставить сколько нибудь равной силы, уже вслѣдствіе отсутствія въ ней главныхъ орудій промышленности, каменнаго угля и желѣза,

Превратившись съ 1859 года въ новое возрожденное національное государство, Италія выступила на арену дѣятельности съ тѣмъ же типомъ хозяйственнымъ, какой имѣла она и до того. По даннымъ 1861 г. характеръ занятій ея жителей представлялъ слѣд. картину: изъ общаго числа жителей 34,2% были заняты земледѣліемъ во всѣхъ его видахъ, и только 16,3% обрабатывающею промышленною дѣятельностью и горнымъ дѣломъ и 2,9% торговлей. Въ теченіе 30 лѣтъ отношеніе это почти не измѣнилось въ Италіи. Послѣ присоединенія Рима, изъ 26801154 душъ ея населенія занимались:

Земледѣліемъ и скотоводствомъ	8565547
Лѣснымъ хозяйствомъ	} 173018
Рыболовствомъ	
Горнымъ дѣломъ	

Вообще добываніемъ сырья 8738565,

между тѣмъ какъ обрабатывающею промышленностью всего 3.287.188 человекъ. такимъ образомъ почти 33% всего населенія—исключительно земледѣльцы или производители сырья, тогда какъ занятіе промышленностью поглощаетъ лишь 12,3% населенія. Если мы вспомнимъ, что въ Швейцаріи земледѣліемъ и до

¹⁾ Въ тридцатыхъ годахъ сардинское правительство употребляло, напр., всѣ усилія для развитія льняной промышленности, но de facto получилось, что 1) продукты фабрикъ не могли удовлетворить требованіямъ и 2) въ то же время вывозъ льна въ необработанномъ видѣ составляетъ едва не $\frac{2}{3}$ всего вывоза.

бываніемъ сыръя занимается всего 20,70% всего населенія, во Франціи—17,04%, въ Пруссіи—11,58%, въ Англіи и Уэльсѣ—9,52%, то крупная роль собственно земледѣльческаго населенія, а слѣдовательно, и преобладающій характеръ итальянской хозяйственной дѣятельности сдѣлаются вполне очевидными. И это тѣмъ болѣе, что при общей суммѣ производительнаго населенія, равной 12.495.706 чел., земледѣльческое населеніе составляетъ почти $\frac{3}{4}$ этого числа. А если мы взглянемъ на торговую дѣятельность Италіи, на размѣры и характеръ ея вывоза, то картина ея, какъ преимущественно земледѣльской страны, проявится еще съ большей рельефностью. Такъ въ 1862 г. всего вывезено было изъ Италіи на сумму около 629 милл. и изъ этого числа на долю фабричныхъ и мануфактурныхъ предметовъ приходилось 8 съ небольшимъ миллионѣвъ (бумаги на 2½ м., бумажн. матерій 168 тыс., шелковыхъ матерій 44 м.), между тѣмъ какъ большую часть остальной суммы составляло сырье, продукты земледѣльской дѣятельности. Въ то же время ввезено было мануфактурныхъ произведеній почти на 30 милл. (бумажн. матерій на 8 м., шерстяныхъ на 3 м. съ неб., шелковыхъ на 130 съ неб. тысячъ и т. д.). 17 лѣтъ, спустя въ 1879 году, отношеніе осталось почти тѣмъ же. При общей суммѣ вывоза, около 1 миллиарда, на долю сыръя приходилось 650 милл., между тѣмъ какъ на долю шерстяныхъ продуктовъ—всего 4½ м., бумажныхъ—4½ м., шелковыхъ—5½ м., стекла—5½ м., обработ. коралловыхъ издѣлій 33½ м., мелочнаго товару (*mercerie*)—5 м., а ввозъ тѣхъ же мануфактурныхъ произведеній далъ для того же года: для шерстяныхъ—42 м., для бумажныхъ—44 м., шелковыхъ—18 м., мелочнаго товару почти 12 м.

Однажды, такимъ образомъ, главный центръ тяжести лежитъ въ земледѣльской дѣятельности, однажды главнымъ источникомъ богатства страны является и можетъ явиться преимущественно ея добывающая промышленность, вопросъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся ея земледѣліе и земледѣльческіе и землевладѣльческіе классы, какъ складываются ея поземельныя отношенія, получаетъ особенный интересъ, особую важность. И это тѣмъ болѣе, что главнымъ образомъ поземельными отношеніями опредѣляется въ такой земледѣльской странѣ, какова Италія, степень ея дѣйствительнаго благосостоянія и богатства, ея дѣйствительныхъ силъ.

Посмотримъ же, каковы эти отношенія, въ какомъ состояніи находится въ Италіи земледѣліе, каково положеніе ея земледѣльческихъ классовъ.

II.

Возрожденной Италіи досталось тяжелое социальное наслѣдство, созданное вѣками и отразившееся самымъ неблагоприятнымъ образомъ и на земледѣліи вообще, и на положеніи ея земледѣльческаго населенія въ особенности. Отношенія поземельныя сложились въ ней давно, сложились оригинальнымъ путемъ, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ въ такой же мѣрѣ въ другихъ европейскихъ странахъ, и нерушимо сохранились до нашихъ дней. Борьба городовъ, какъ представителей зарождающагося торгово-промышленнаго интереса, съ феодальной

земельною знатью, борьба, получившая въ Италіи болѣе грандіозные размѣры и проявившаяся съ болѣею силою и энергіей, чѣмъ въ остальной Европѣ, послужила почвой для созданія оригинальныхъ земельныхъ порядковъ и личныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Она привела, — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ города одержали полную побѣду надъ феодальною знатью, т. е. почти во всей сѣверной и средней Италіи, — къ личному освобожденію крестьянъ. Уже къ XIV в., раньше чѣмъ это случилось въ какой либо иной странѣ, Италія, благодаря этой борьбѣ городовъ съ феодализмомъ, успѣла очиститься отъ слѣдовъ прежней крестьянской зависимости, крѣпостного права¹⁾. Но эта личная свобода была куплена дорогой цѣной, цѣной превращенія большей части крестьянской массы въ безземельныхъ рабочихъ, безземельныхъ обработывателей чужой земли. И это не только въ силу безсознательнаго дѣйствія экономическихъ причинъ, но отчасти и сознательной политики самихъ городовъ. Во первыхъ, городъ, разрушая замокъ того или иного сеньора и заставляя этого послѣдняго навсегда переселиться къ нему, вовсе не стремился къ обезземеленію сеньора, къ отнятію у него земли. Напротивъ, онъ готовъ былъ утвердить ее за нимъ и даже открыто покровительствовалъ всякому расширенію его владѣній. Для города сеньоръ былъ опасенъ, какъ помѣха его торговой дѣятельности. Переселяя его въ городъ, налагая на него непремѣнную обязанность жить въ немъ²⁾, ограничивая елико возможно его занятія лично хозяйствомъ³⁾, право ѣздить надолго въ свое помѣстье, городская буржуазія считала, что цѣль ея достигнута. Съ другой стороны, уже тѣмъ самымъ она приобретала и право верховнаго надзора за обработкой земли. Въ виду ея промышленно-торговыхъ интересовъ, въ видахъ обезпеченія города и городского населенія и сырьемъ, и хлѣбомъ, ей былъ необходимъ этотъ надзоръ, и въ этихъ цѣляхъ, для облегченія его, она употребляла всѣ усилія, чтобы создать возможно больше крупныхъ владѣній въ подчиненной области. Отсюда предписанія владѣльцамъ мелкихъ участковъ продавать ихъ земли болѣе крупнымъ, отсюда и заботы о томъ, чтобы крестьяне исправно работали. Развитіе движаемаго богатства, скопленіе крупныхъ капиталовъ въ рукахъ буржуазіи, державшей въ своихъ рукахъ весь денежный рынокъ тогдашней Европы, облегчали задачу итальянской буржуазіи: владѣльцы капиталовъ охотно покупали земли, и покупка ихъ и скопленіе въ немногихъ рукахъ — фактъ, общій всей сѣверной и средней Италіи XIV и сл. вѣковъ. И новые собственники, какъ и собственники — сеньоры, землевладѣльцами въ строгомъ смыслѣ слова не дѣлались: какъ тѣ, такъ и другіе не вели, да и

¹⁾ Подробности этого освобожденія крестьянъ въ моей статьѣ: рабство и русскіе рабы во Флоренціи, стр. 27 и сл. Ср. Poggi, cenni storici delle leggi sull'agricoltura, Firenze 1848; Sugenheim, die Aufhebung der Leibeigenschaft, стр. 188 и сл. S.-Petersbourg 1861; Ruhmor, Ursprung der Besitzlosigkeit des Colonen in Toscana, Hambourg, 1830; Bertagnoli, vicende dell' agricoltura in Italia, Firenze 1881, стр. 174 и сл.

²⁾ Съ феодаловъ брали клятвенное обѣщаніе жить въ городѣ. См., напр., рядъ такихъ клятвъ въ Генуѣ и соседнихъ городахъ. Monum. hist. Patriae, Liber juris republ. genuensis I, 59, 109 и сл., 136 и сл., ib въ Charta относ. города Vercelli; съ подесты напр., брали торжественное обѣщаніе, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы переселить феодаловъ въ города.

³⁾ Миланъ, напр., разрѣшалъ дворянину жить въ деревнѣ не болѣе 6 недѣль, во время жатвы. См. законъ 1211 года у Sugenheim, 197 прим. 2.

не могли вести хозяйства сами, какъ потому, что тому мѣшали городскіе законы, такъ и въ силу того, что главные интересы ихъ лежали въ торгово-промышленной дѣятельности. Ихъ роль ограничивалась полученіемъ лишь доходовъ съ прибрѣтенныхъ или наслѣдственныхъ земель, доходовъ, сборъ которыхъ лежалъ на управителѣ или крупномъ сѣмщикѣ земли. Доходъ же былъ обезпеченъ. Во-первыхъ, о томъ заботился и городъ, создавая цѣлую группу чиновниковъ, надзиравшихъ за исполненіемъ крестьянами ихъ обязанностей къ владѣльцу. Во-вторыхъ,—и это фактъ особенной важности въ поземельной исторіи Италіи,—сборъ съ крестьянъ не производился деньгами. Замѣна натуральныхъ платежей денежными, т. е. то, что подъ вліяніемъ денежнаго хозяйства произошло въ 3. Европѣ, здѣсь не имѣло мѣста. Освобожденные, но обезземеленные крестьяне являлись простыми рабочими, а не арендаторами въ строгомъ смыслѣ слова, и та часть урожая, какую имъ предоставляли, выражала собою какъ бы плату за трудъ. Все остальное, добытое ими, шло владѣльцу, лично не имѣвшему возможности заниматься хозяйствомъ. Отсюда исчезновеніе старыхъ формъ отношеній: вѣчно наслѣдственной аренды и тѣхъ договорныхъ отношеній, въ силу которыхъ крестьянинъ платилъ прежде лишь одну меньшую часть дохода владѣльцу. Преобладающее значеніе получила временная аренда, въ формѣ уплаты половины дохода съ земли, въ дѣйствительности же и съ теченіемъ времени большей его части, и бывшіе крестьяне превратились въ исполнителей (*mezzadri*).

Результатомъ этого процесса, на которомъ я могъ остановиться вскользь и въ самыхъ неполныхъ чертахъ, явились тѣ особенности поземельнаго строя Италіи, которыя сохранились нерушимо до нашихъ дней. Я разумѣю созданіе крупныхъ имѣній, абсентеизмъ владѣльцевъ и безземелье большинства крестьянъ, превращенныхъ въ рабочихъ, оплачиваемыхъ натурою и на тяжелыхъ условіяхъ, которыя, несомнѣнно, были выгодны для собственника земли, но держали заработокъ рабочаго-земледѣльца на самомъ низкомъ уровнѣ.

Тамъ, гдѣ города не въ силахъ были одолѣть феодализмъ, какъ отчасти въ римской области, а затѣмъ въ ю. Италіи, процессъ получилъ иную форму, хотя по существу результатъ былъ одинъ и тотъ же, какъ и въ сѣверной и средней. Отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, сведенныя въ сѣверной и средней Италіи, къ простымъ отношеніямъ капиталиста къ рабочему, здѣсь на югѣ носили еще полный отпечатокъ феодализма, и крестьянское населеніе было обременено всевозможными барщинами, платежами и т. д., а тѣ права надъ землею и земледѣльцами, которыя тамъ прибрѣлъ городъ, сосредоточились на югѣ въ рукахъ отчасти государства, особенно же феодаловъ. Последніе сдѣлались собственниками большей части территоріи и, пользуясь своими политическими правами, тѣмъ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся сумма власти и вліянія, систематически расширяли предѣлы своихъ владѣній и на счетъ фиска, и на счетъ крестьянъ. Съ другой стороны, развитіе денежнаго хозяйства, усиленіе торговой и промышленной дѣятельности на сѣверѣ и въ центрѣ Италіи, созданіе болѣе высокаго уровня жизни и обстановки не остались безъ сильнаго вліянія и на югѣ, на его землевладѣльцевъ. Уже въ XIII в. стремленіе обезпечить за собою всѣ выгоды торговли мѣстными продуктами сдѣлалось замѣтнымъ среди крупныхъ феодальныхъ владѣтелей и Сициліи, и Неаполя, и оно очень скоро привело и къ созданію права землевладѣльца требовать отъ подвластныхъ ему кре-

стьянъ, чтобы они продавали только ему, а не кому либо другому. продукты ихъ труда, и къ расширенію все большему и большему пастбища на счетъ пахати. Разведеніе овецъ давало большіе доходы уже въ XV в., и съ 600 т. въ 1463 г. количество овецъ быстро увеличилось до 2 мил. въ 1493, и до 5 мил. въ слѣд. столѣтіи. Результатомъ могло явиться лишь успѣшное обезземеленіе крестьянъ и образованіе латифундій, хозяйство которыхъ получало все болѣе и болѣе спекулятивный характеръ. И дѣйствительно, какъ и на сѣверѣ, хотя въ силу иного рода причинъ, крѣпостная зависимость исчезла и на югѣ. Но за то уменьшилось число крестьянъ собственниковъ (нерѣдко насильственно обезземеливаемыхъ) и все болѣе и болѣе исчезали наслѣдственные арендаторы. Уже въ XIV и XV в. временная аренда на срокъ, какъ и въ сѣверной Італіи, 2, 3 и maximum 6 лѣтъ, получила здѣсь полное преобладаніе, и, какъ и на сѣверѣ, въ формѣ чисто натурального хозяйства, на почвѣ платежа частью урожая, частью, всецѣло выгодною для землевладѣльца. А рядомъ развивалась и система отдачи земли въ однѣ руки, руки спекулянтовъ. Введеніе и на югѣ Італіи системы, усвоенной городами сѣвера относительно снабженія и городовъ, и государства вообще хлѣбомъ, созданіе цѣлой администраціи чиновниковъ della grascia, надзиравшихъ за хлѣбомъ, содѣйствовало развитію на югѣ фаринаріевъ, mercante, т. е. спекулянтовъ, или платившихъ извѣстную арендную сумму землевладѣльцамъ, или дѣйствовавшихъ, какъ ихъ агенты, и эксплуатировавшихъ и крупныя имѣнія, и крестьянъ, сидѣвшихъ на нихъ. Стѣсненные въ свободной продажѣ хлѣба, разоренные непомѣрными взиманіями въ пользу и владѣльцевъ, и государства, крестьяне вынуждены были продавать хлѣбъ еще на корню и по самымъ низкимъ цѣнамъ. Мало по малу это сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Уже осенью продавался хлѣбъ будущаго урожая. Цѣны устанавливались крестьянами совместно съ спекулянтами, руку которыхъ держалъ землевладѣлецъ, пользовавшійся всѣми судебными правами надъ своими крестьянами. Понятно, что цѣны могли быть лишь самыми низкими, и по такимъ то цѣнамъ приобрѣтали продукты монополисты землевладѣльцы или ихъ арендаторы. Болѣе того. Рядомъ создавалась и задолженность крестьянъ. Имъ выдавали впередъ извѣстную сумму на точно определенное количество продукта, который они обязаны были сдать полностью въ слѣдующемъ году. При невыполненіи условія крестьянинъ становился неоплатнымъ должникомъ. Онъ долженъ былъ или уплатить недостающую сумму, или отдать въ слѣдующемъ году недостающіе продукты уже по произвольно низкой цѣнѣ.

Когда въ сѣверной и средней Італіи исчезли старыя республики и мѣсто ихъ заступили новообразовавшіеся государства, когда вліяніе Габсбурговъ и Испаніи сдѣлалось преобладающимъ, а индустрія и торговля совершенно почти пали, всѣ дурныя послѣдствія обоихъ рассмотрѣнныхъ нами режимовъ хозяйства должны были проявиться съ болѣею интенсивностью. Съ одной стороны, политика новыхъ режимовъ направилась исключительно въ сторону широкаго покровительства интересамъ крупнаго землевладѣнія. Съ другой стороны, все, унаслѣдованное отъ режима, регулировавшаго земледѣльческую дѣятельность и земледѣльческія отношенія, всѣ установившіеся способы найма земли и т. п., остались неприкосновенными: объ измѣненіи ихъ до XVIII в. почти никто и не думалъ. При такихъ условіяхъ паденіе торговли и уменьшеніе торговыхъ оборотовъ (съ XVI в.) и исчезновеніе промыш-

ленной дѣятельности не могли не отозваться на упадѣ земледѣлія, уже и прежде находившагося въ дурныхъ условіяхъ. Пока Італія царила въ Европѣ своей индустріей, дурное состояніе ея земледѣлія не было замѣтно. Съ паденіемъ индустріи, оно проявилось во всей силѣ, а еще рѣзче сказались послѣдствія социальнаго строя. Скопленіе земли въ рукахъ немногихъ усилилось, а рядомъ, «если, какъ замѣчаетъ Bertagnoli, и увеличилось число собственниковъ, то за то въ соответственной степени уменьшился размѣръ собственности каждаго, да и собственность эта оказалась разбитою на клочки, разсѣянные въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, что увеличивало расходы по ихъ обработкѣ». Да и положеніе этихъ собственниковъ сдѣлалось хуже, ибо прежняго сбыта, и за границу, и въ нѣкогда цвѣтущіе промышленные города, уже не было. Между тѣмъ и крупныя, и мелкія собственники, несмотря на измѣненіе условій ихъ экономической жизни, не покинули городовъ, не бросили усвоенной привычки къ абсентеизму и продолжали довольствоваться доходами, которые давала старая система обработки земли, система, дурное дѣйствіе которой они, эти землевладельцы, неминуемо должны были еще ухудшить усиленными требованіями со съемщиковъ ихъ земли. Все болѣе и болѣе увеличивавшіеся налоги, необходимо падавшіе на землю, а затѣмъ конкуренція со стороны другихъ земледѣльческихъ странъ лишь усугубляли зло.

На земледѣльческомъ классѣ такое состояніе экономическое страны должно было отозваться сильнѣе и чувствительнѣе всего, и это тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Bertagnoli, паденіе индустріи увеличило количество рабочихъ рукъ. А на практикѣ это выразилось въ уменьшеніи спроса на руки, въ созданіи крупнаго препятствія для поднятія рабочей платы, т. е. въ прогрессивномъ обѣдненіи крестьянскаго населенія. Въ связи съ этимъ шло и усиленіе потребленія наиболѣе дешевыхъ продуктовъ пропитанія, вытѣснявшихъ потребленіе болѣе дорогихъ, которые всѣ уже, какъ пшеница, рисъ, вино и т. д., шли или на покрытіе расходовъ земледѣльца по найму земли, или въ качествѣ вывозимаго изъ страны сырья. Съ этого то времени и начинается усиленная обработка маиса, къ которому, какъ кормовому средству, прибѣгали въ средніе вѣка лишь въ случаяхъ полнаго неурожая, и которое теперь стало превращаться въ исключительный предметъ потребленія большей части крестьянскаго населенія Італіи, потребленія, создававшего теперь опасныя и ужасныя для страны послѣдствія въ видѣ пеллагры.

Правда, дѣлались попытки и въ XVIII, и въ XIX в. в. исправить дурное положеніе дѣлъ, поднять земледѣліе, но попытки эти, — и тѣ, которыя произведены были лотарингскимъ австрійскимъ домомъ, и, затѣмъ, въ обширныхъ размѣрахъ режимомъ, установленнымъ въ Італіи Наполеономъ, — не привели къ существеннымъ результатамъ. Всѣ они были направлены почти исключительно къ уничтоженію главнымъ образомъ внѣшнихъ формъ феодализма, къ отмене майоратовъ, заповѣдныхъ имуществъ, повинностей феодальнаго характера и т. д., не затрогивая сущности отношеній, какъ они сложились въ прежнее время. И въ области теоріи, среди итальянскихъ экономистовъ, и въ правительственныхъ сферахъ царило убѣжденіе, что главная задача — созданіе свободы обращенія собственности, отмена запрещеній и стѣсненій всякаго рода, лежавшихъ на ней въ силу феодальныхъ правъ, и что однажды они будутъ сняты и земля сдѣлается вполнѣ свободной, — поднятіе земледѣлія и увеличеніе богатства явятся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Но факты не оправдали ожиданий, и въ XIX в., до 1859 г., ни состояніе культуры, ни положеніе земледѣльческихъ классовъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ въ Италіи и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ухудшились, какъ не подверглись они перемѣнѣ къ лучшему и послѣ водворенія въ Италіи новаго политическаго режима, послѣ созданія объединенной Италіи.

III.

Согласно почти общему убѣжденію какъ иностранцевъ, изучавшихъ состояніе земледѣлія въ Италіи, такъ и весьма многихъ итальянцевъ, способы обработки земли, степень итальянской земледѣльской культуры оставляютъ желать весьма и весьма многого, и, несмотря на усилія новаго національнаго правительства, сколько нибудь существенныхъ шаговъ въ смыслъ улучшенія земледѣлія сдѣлано не было. Работы парламентской земледѣльской коммисіи 1878—82 г. подтвердили это мнѣніе въ полной его мѣрѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что Италія несомнѣнно земледѣльская страна, ея земледѣльская культура не вышла еще и теперь изъ періода первобытнаго хозяйства.

Изъ 29632341 гектара, составляющихъ общее пространство итальянской земли, только 11099911 гектаровъ или около 38% находятся подъ обработкой. Изъ нихъ на долю пшеницы—4¹/₂ м. гект., на долю виноградниковъ—1927 т. гект., майса—1700 тыс. гект., ржи и ячменя—478 тыс., овса—380 тыс., риса—232 тыс., остальное—на долю гороха, бобовъ, картофеля, хлопчатника, оливковъ, каштановъ и т. д. Но средній урожай съ гектара въ Италіи гораздо ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ. Въ то время, когда во Франціи онъ равенъ 15 гектолитрамъ, въ Бельгіи—20, въ Голландіи—22, въ Германіи—23 и въ Англіи—32,—въ Италіи онъ не подымается выше 11 гектолитровъ съ гектара. Несмотря на то, что пшеница является почти всеобщимъ и главнымъ предметомъ посѣва, урожай ея падаетъ не рѣдко до 7 гектол., рѣдко подымается до 15 съ гектара. Въ среднемъ онъ даетъ до 51 милл. гектолитровъ, что составляетъ (за вычетомъ сѣмянъ на посѣвъ) не болѣе 1,59 гектолитра на 1 душу населенія. Только майсъ и затѣмъ рисъ даютъ болѣе высокій средній урожай. Такъ майсъ, урожай котораго колеблется отъ 25 гектол. до 50, иногда 60—70, даетъ до 31 м. гектол. и въ областяхъ, гдѣ его культивируютъ болѣе всего, онъ составляетъ почти единственную пищу населенія, чего нельзя сказать о пшеницѣ: существуютъ мѣстности въ Италіи, гдѣ хлѣбъ изъ пшеницы невиданная вещь для крестьянства.

Такой низкій средній урожай является, несомнѣнно, результатомъ того способа обработки, который практикуется и по настоящее время. За немногими исключеніями, во всѣхъ областяхъ обработка почвы производится крайне дурно. Поля вспахиваютъ на незначительную глубину, и орудія болѣею частью тѣже, которыя употреблялись много столѣтій тому назадъ. Итальянскій плугъ—тотъ же, которымъ пахали римляне, *aratrum virgilianum*. О новыхъ усовершенствованныхъ орудіяхъ большинство итальянскихъ крестьянъ не имѣетъ понятія. Сельскохозяйственные машины находятъ примѣненіе въ немногихъ случаяхъ. Ихъ употребляютъ лишь въ нѣкоторыхъ крупныхъ хозяйствахъ (гл. образомъ въ Грос-

сето и Венеціи) и крайне рѣдко у крестьянъ, да и то въ сѣверной Италіи, гдѣ молотилки нанимаются у ловаго предпринимателя, взимающаго по $4\frac{1}{2}\%$ за умолотъ. Правда, министерство земледѣлія, а за нимъ провинціальныя управленія стали устраивать склады машинъ, но, по свидѣтельству парламентской комиссіи, склады эти не имѣли и не имѣютъ успѣха, и встрѣтить даже желѣзный плугъ у крестьянина—крайняя рѣдкость. Полная рутина царитъ въ земледѣліи. Искусственныя средства удобренія мало извѣстны, да и обыкновенное удобрение, за малыми исключеніями (преимущественно въ окрестностяхъ городовъ), крайне скудно, особенно въ Сициліи, гдѣ его почти не употребляютъ. Такая же рутина царитъ и въ другихъ производствахъ, связанныхъ съ земледѣліемъ. И выдѣлка, напр., вина, и приготовленіе оливковаго масла, такъ же какъ и уходъ за виноградниками и оливковыми деревьями, повсюду почти, по словамъ отчета парламентской комиссіи, производятся неизмѣнно старыми способами и крайне небрежно. Смѣшать вино разныхъ сортовъ, передержать оливки и тѣмъ сдѣлать масло дурнаго качества—дѣло обыкновенное. Что же касается до прессовъ для вина и оливокъ, то о нихъ ничего не слышно въ Италіи: голыя ноги, а въ Сициліи и обутыя, такъ же какъ и старинныя деревянныя прессы для оливокъ, удовлетворяютъ своей цѣли при производствѣ.

Въ попыткахъ разрушить эту рутину, создать въ Италіи новую культуру недостатка нѣтъ. Нигдѣ не существуетъ, напр., такого количества разныхъ агрономическихъ обществъ, какъ въ Италіи. Болѣе того. Ни правительство, ни эти общества не жалѣютъ средствъ на устройство опытныхъ полей, организацію сельско-хозяйственныхъ выставокъ и т. п. Министерство же земледѣлія хлопочетъ постоянно, хотя не всегда успѣшно, и объ учрежденіи техническихъ и сельскохозяйственныхъ школъ. Но всѣ эти, можно сказать, теоретическія усилія развиваются о существующую дѣйствительность, не приводя къ цѣли. Данныя, болѣе позднія, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ отчетѣ комиссіи, данныя, сообщенныя въ 1888 г. Боклеркомъ, долгое время состоявшимъ членомъ англійскаго посольства въ Римѣ, съ утомительнымъ однообразіемъ свидѣтельствуютъ о томъ, что никакого улучшенія (no progress) въ дѣлѣ земледѣлія не происходитъ въ Италіи.

И это находитъ себѣ отчасти объясненіе въ той системѣ хозяйства, которая все еще царитъ въ ней. Теоретическая проповѣдь на «рутиннаго» крестьянина дѣйствуетъ очень мало; строго говоря, и вовсе не дѣйствуетъ, если у него нѣтъ предъ глазами долгаго опыта выгоды улучшенной культуры. Но такого опыта и не давала, и не даетъ ему окружающая его обстановка. Въ большинствѣ случаевъ фактическимъ хозяиномъ земли и ея обработки является почти исключительно самъ крестьянинъ, сидящій на чужой землѣ. Несмотря на существованіе въ весьма значительныхъ размѣрахъ крупной собственности, на сохранившуюся еще въ Италіи среднюю собственность, лишь весьма небольшой процентъ владѣльцевъ непосредственно занятъ хозяйствомъ. Громадное большинство живетъ въ городахъ и лишь изрѣдка и на время пріѣзжаетъ въ деревню (въ свои виллы, на улучшеніе которыхъ крупныя собственники не жалѣютъ средствъ). Отъ Сициліи и до Альпъ, на всемъ пространствѣ Италіи, абсентеизмъ является преобладающею чертою. Крупныя новыя имѣнія, образовавшіяся вслѣдствіе продажи съ 1860 г. какъ государственныхъ, такъ и конфискованныхъ церковныхъ земель, не повліяли ни въ малѣйшей степени на ослабленіе абсентеизма. И въ

Неаполь, гдѣ крупныя имѣнія такого рода были куплены купцами и фабрикантами, и въ Аbruццахъ, гдѣ покупщиками были землевладѣльцы и гдѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, царитъ абсентизмъ, и въ окрестностяхъ какъ Турина, такъ и Генуи и т. д., не говоря о Римской области и Кампаньи, повсюду новые владѣльцы продолжаютъ дѣйствовать, какъ и старыя землевладѣльцы: блещутъ своимъ отсутствіемъ въ деревняхъ.

Земля или обрабатывается при посредствѣ управителя, или, чаще всего, прямо отдается крестьянамъ на самыхъ, какъ увидимъ, разнообразныхъ условіяхъ, рѣже за деньги (главнымъ образомъ и чаще всего въ Лигурии, въ окрестностяхъ Неаполя и др.), въ большинствѣ же случаевъ съ половины или иной доли урожая, на короткое время, колеблющееся отъ 1 года до 20 лѣтъ, рѣдко болѣе. Кромѣ необходимыхъ воспособленій крестьянину, воспособленій, зачитываемыхъ ему и притомъ, какъ увидимъ, за большіе проценты, въ долгъ, землевладѣлецъ не участвуетъ ничѣмъ въ поднятіи культуры, улучшеніи почвы и т. п., тщательно избѣгаетъ всякихъ затратъ капитала на имѣніе, не говоря уже о томъ, что никакихъ мѣръ не принимаетъ онъ для улучшенія жилищъ его же фермеровъ—крестьянъ. Въ крупныхъ имѣніяхъ, въ латифундіяхъ Сициліи, Неаполитанской области, Кампаньи, Рима, Венеціанской области, Тосканы, равнинной Ломбардіи и др. практикуется еще одинъ способъ отдачи земли: наемъ ея, сдача всего имѣнія на тотъ или иной срокъ одному лицу, крупному арендатору, обладающему капиталомъ и спекулирующему на землю. Это—способъ, который болѣе, чѣмъ всѣ остальные, обезпечиваетъ итальянскимъ землевладѣльцамъ наибольшій возможный доходъ съ ихъ земель, и мы, поэтому нѣсколько подробнѣе остановимся на немъ.

Отъ времени до времени на стѣнахъ зданій итальянскихъ городовъ можно встрѣтить объявленія (*avvisi*) слѣд. содержанія: «лица, желающія снять въ аренду такое то-количество земли, находящейся тамъ-то, и на такой то срокъ, симъ приглашаются представить письменно въ запечатанномъ конвертѣ свои условія не позже такого-то числа». Это—предложенія, идущія отъ землевладѣльцевъ, организующихъ настоящіе публичные торги на принадлежащую имъ землю въ видахъ полученія за нее наивысшей платы. Обычай—старый, издавна практикуемый въ Италіи, гдѣ созданъ и особый классъ фермеровъ, снимающихъ на свой рискъ то небольшія земли, то цѣлыя имѣнія, даже нѣсколько имѣній вмѣстѣ. Они извѣстны въ Сициліи подъ именемъ *arbitrianti* или *gabelotti*, въ Кампаньи—подъ болѣе характернымъ названіемъ *mercante di Campagna*, вообще же въ Италіи подъ общимъ названіемъ *agricoltori affittaiuoli*, и составляютъ около 7,4% всего земледѣльческаго населенія, распределяющагося, впрочемъ, крайне неравномѣрно по Италіи. Они являются настоящими фермерами, заключающими договоры на деньги и только преимущественно на деньги и ведущими хозяйство самостоятельно. Изъ среды ихъ выдѣляется сравнительно небольшая группа крупныхъ арендаторовъ, владѣльцевъ большихъ капиталовъ, спекулирующихъ съ ихъ помощью на земли и являющихся полными властелинами крупнаго хозяйства и почти всѣхъ крупныхъ имѣній въ Италіи. Число лицъ этого класса, нѣкогда болѣе значительное, замѣтно уменьшается въ современной Италіи, но обратно увеличивается размѣръ снимаемой ими въ аренду земли. Такъ, въ Кампаньи, напр., крупныхъ фермеровъ, *mercante di Campagna*, насчитывалось около 137, теперь ихъ около 100, т. е. меньше, чѣмъ крупныхъ собственниковъ. За то почти половина земель

Кампаньи находится въ рукахъ всего 10 mercante, и средняя величина участка — не менѣе 10 тысячъ гектаровъ. Достаточно указать на примѣръ одного изъ такихъ mercante, знаменитаго Ferri, площадь аренды котораго въ 1889 г. составляла 14720 гектаровъ, чтобы понять ихъ значеніе. Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1803 г., только три mercante держали до 37 т. гектаровъ и рядомъ съ ними стояло не мало мелкихъ. Теперь мелкіе почти исчезаютъ, уступая мѣсто крупнымъ капиталистамъ, живущимъ обыкновенно въ городахъ, и уже все чаще и чаще въ роскошныхъ домахъ, начинающимъ принимать участіе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, перестраивать заново цѣлые кварталы¹⁾.

Съ такими то крупными капиталистами и имѣютъ дѣло крупные землевладельцы Италіи. Контрактъ заключается на сравнительно короткій срокъ, въ Кампаньи на 6, 9 и 12 лѣтъ, въ Сициліи на время отъ 3 до 6 лѣтъ, рѣдко на 9 лѣтъ, въ Венеціанской области отъ 1 до 12 лѣтъ и т. д., и на опредѣленную сумму денегъ, уплата которыхъ производится обыкновенно въ два или три срока, смотря по условію. Землевладелецъ, особенно крупный, оказывается, благодаря такому контракту, вполне обезпеченнымъ относительно исправности поступления доходовъ; ему нѣтъ надобности входить въ дѣло управленія имѣніемъ, еще менѣе долженъ онъ заботиться о снабженіи хлѣбомъ на посѣвъ и т. д. своего рабочаго-крестьянина, что, — хотя и не безъ выгоды, — практикуется въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя сданы крестьянамъ съ половины. Несмотря на уменьшающуюся конкуренцію между крупными фермерами (вслѣдствіе все большаго и большаго уменьшенія ихъ числа), землевладелецъ не теряетъ почти ничего въ своихъ доходахъ. Арендная плата, которую онъ получаетъ вполне готовою, стоитъ высоко, и болѣе того: въ Сициліи, какъ и въ Кампаніи постепенно растетъ. Въ послѣдней области она равна среднимъ числомъ 43 лирамъ съ гектара, тогда какъ съ 1790 по 1800 г. она составляла всего 18,8 лиръ, другими словами, поднялась за столѣтіе болѣе, чѣмъ на 100%. Правда, за то же время заработная плата сельскаго рабочаго повысилась всего на 15—20%. Очевидно, существуетъ взаимная выгода для обоихъ контрагентовъ, выгода, которая будетъ для насъ еще болѣе очевидной, если узнаемъ, что въ большинствѣ случаевъ срочные контракты возобновляются почти всегда съ одними и тѣми же лицами, являющимися (какъ, напр., Ferri въ имѣніяхъ крупнаго землевладельца князя Торлонія) нерѣдко безсмысленными.

Естественно, что, затрачивая крупную сумму въ видѣ арендной платы, капиталистъ-арендаторъ долженъ имѣть полныя основанія и прочную увѣренность получить съ избыткомъ затраченное, и, дѣйствительно, та система хозяйства, которую онъ примѣняетъ, оправдываетъ вполне эти его расчеты. Постепенно увеличивающіеся въ рукахъ фермеровъ капиталы служатъ лучшимъ тому подтвержденіемъ.

Расчетъ основанъ на возможномъ сокращеніи издержекъ производства, и отъ того, какая отрасль хозяйства въ данной области и въ данныхъ условіяхъ

¹⁾ См. описаніе такихъ mercante у About, Rome contemporaine, 172 и сл. Ср. Sombart, 68 и др.

допускаетъ наибольшую возможность этого сокращенія, и зависятъ тѣ преобладающіе типы крупнаго аренднаго хозяйства, которые мы находимъ въ Италіи. Въ однихъ случаяхъ сокращеніе идетъ къ суженію площади пахати, въ другихъ—къ отдачѣ земель по кускамъ мелкимъ арендаторамъ, передающимъ еще болѣе мелкими участками эти земли третьимъ лицамъ и т. д. до наиболѣе бѣдныхъ представителей земледѣльческаго класса включительно, которые уже несутъ на себѣ всю тяжесть этой сложной организаціи хозяйства. Но во всѣхъ случаяхъ система опирается въ концѣ концовъ на возможно низкомъ оплачиваніи, деньгами ли, землею или частью урожая рабочей силы. Остановимся на первомъ, такъ какъ къ другимъ мы вернемся ниже, когда будемъ говорить о положеніи итальянскаго крестьянскаго класса.

Кампанья, главнымъ образомъ, затѣмъ нѣкоторыя мѣстности южной Италіи являются представителями перваго типа. Здѣсь сдача земли крестьянамъ въ аренду мелкими участками, практиковавшаяся еще въ XVIII в., совершенно исчезла, уступивъ мѣсто широкой эксплуатаціи тѣхъ силъ и богатствъ мѣстности, которая обезпечиваютъ максимальный доходъ. Mercante сдаютъ чаще всего третьему лицу лишь лѣсъ, но и то не въ видѣ аренды, а въ формѣ продажи его на срубъ и для выработки изъ него угля. Определенная сумма уплачивается арендаторомъ—mercante, и дѣло уже покушника нанимать рабочихъ, вывозить лѣсъ и т. д. Это—чистая прибыль mercante, и потому въ контрактъ съ землевладѣльцемъ вносится и лѣсъ, какъ вещь, подлежащая полной эксплуатаціи mercante или gabelotto. Относительно пастбищъ, сѣнокосовъ и пахати, дѣятельность mercante уже прямая, непосредственная, разумеется, при помощи управителя или управителей. Эксплуатація здѣсь основана на возможномъ сокращеніи издержекъ по управленію. Чѣмъ крупнѣ снятый участокъ, тѣмъ меньше стоимость управленія имъ. Тамъ, гдѣ, какъ у Ferri и др., аренда обнимаетъ нѣсколько квадратныхъ миль, управленіе сосредоточено въ одномъ пунктѣ и состоитъ изъ администратора (ministro) и его помощника (въ средней величины имѣніяхъ—лишь одного управителя), надсмотрщика и нѣсколькихъ пастуховъ, живущихъ въ двухъ-трехъ домахъ. Стремленіе централизовать управленіе сдѣлалось въ послѣднее время настолько велико, что въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1871 г. по 1881 г., количество заброшенныхъ строеній съ 64 возрасло до 231. Съ другой стороны, для рабочихъ артелей, являющихся въ Кампанью изъ Абруццъ, какъ и для пастуховъ, имѣется лишь ограниченное число помѣщеній, стоящее далеко ниже дѣйствительной потребности въ нихъ. По даннымъ комиссіи изъ 127 имѣній только въ 87 еще существуютъ кое-какія помѣщенія. На тысячу гектаровъ приходится (изъ общаго числа въ 1881 г. всѣхъ строеній, равнаго 556) всего 6,7%, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ % негодныхъ для жилья, 2,4% почти негодныхъ и 3,6%—въ сносомъ видѣ. Въ одномъ мѣстѣ для 3127 рабочихъ имѣется 456 домовъ, въ другомъ для 1604—316 домовъ и т. д. Естественныя убѣжища въ видѣ пещеръ и старыхъ римскихъ развалинъ въ достаточной мѣрѣ служатъ для жилья рабочихъ и пастуховъ. Эти послѣдніе не подлежатъ налогу, который взимается съ строеній,—все равно, жилья они или нѣтъ. Чѣмъ меньше строеній, тѣмъ меньше издержекъ, и неудивительно, что крупный землевладѣлецъ Торлонія распорядился разрушить массу домовъ на своихъ земляхъ. Далѣе. Если мы взглянемъ на данныя комиссіи относительно размѣра чистаго дохода

съ земель различныхъ мѣстностей Италіи, то увидимъ, что, несмотря на ихъ крайнее разнообразіе, наивысшими считаются тѣ, которыя получаютъ съ пастбищныхъ земель и съ сѣнокосовъ¹⁾. Въ Кампаньи же пахатныя земли, находящіяся на склонахъ, даютъ убытокъ, хотя и небольшой, и только въ наилучшихъ условіяхъ покрываютъ издержки. Отсюда, та усиленная эксплуатація пастбища и сѣнокосовъ, которая все сильнѣе и рѣзче проявляется въ хозяйственной дѣятельности mercante. Пастбища и луга все болѣе и болѣе расширяются здѣсь на счетъ пахати, которая ежегодно суживается. Съ 21643 гектаровъ, находившихся подъ обработкой въ 1871 году, пахати пала до 17703 г. въ 1874—5 г., до 14034 въ 1875—76 и до 12378 въ 1876—7 г. Въ помѣстьяхъ, находящихся въ арендѣ у Ferri, изъ почти 8 тыс. гектаровъ обрабатывалось въ 1886—7 г. всего 130 гект. и несмотря на необыкновенно быстрый ростъ арендной платы за пастбища (1 рублю=1,84 гектара) съ 16 лиръ въ 1725 г. и 35—въ 1880 до 125—150 въ наше время, доходъ съ рублю, идущій въ пользу mercante, увеличился въ совершенно несоотвѣтственной пропорціи. Пастбищемъ mercante пользуется двоякимъ способомъ: онъ или нанимаетъ его владѣльцамъ стадъ (venditio herbae), съ которыхъ онъ взымаетъ плату не за землю, отдаваемую подъ пастбище, а по числу головъ скота, крупнаго и мелкаго, который fidarello или moschetto, т. е. владѣлецъ небольшого стада посылаетъ на пастбище mercante, или эксплуатируетъ его самъ. Съ октября до марта пасти скотъ на общинныхъ горахъ, лежащихъ въ Аппенинахъ, нѣтъ возможности, въ силу условій климата, и приходится спускаться внизъ, въ низменности, находящіяся въ рукахъ mercante, который вдобавокъ успѣлъ уже скупить часть общинныхъ земель и стѣснить прежнее пользованіе ими. Стѣсненные пастбищемъ, владѣтели мелкаго скота естественно подняли цѣны на пастбища, принадлежащія mercante, и послѣдній получаетъ теперь среднимъ числомъ за гектаръ пастбищной земли отъ 90 до 100 лиръ, и это не за цѣлый годъ, а лишь за 8 зимнихъ мѣсяцевъ. Съ 15 марта по 24 іюня пастбище возвращается вновь къ mercante, который либо посылаетъ на него пасти свой скотъ, либо отдаетъ его въ наемъ третьему лицу въ качествѣ сѣнокоса за деньги и подъ непремѣннымъ обязательствомъ убрать сѣно къ 24 іюня и возвратитъ поле обратно ему. Въ послѣднемъ случаѣ средняя плата въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ давала mercante 50—60 лиръ за гектаръ, тогда какъ въ началѣ XIX в. ту же сумму онъ получалъ за рублю, т. е. 1,84 гектара.

Наконецъ, и самъ mercante является крупнымъ дѣятелемъ по части скотоводства, и здѣсь чистый доходъ его съ masseria, т. е. стада овецъ, въ 3 тысячи головъ, доходить до 2484 л. или по 6,21 лиры на рублю²⁾. И это съ помощью страшнаго minimum'a, до котораго доведены mercante издержки на пастуховъ.

¹⁾ Такъ, въ области Сремона: чистый доходъ съ 1 гектара, засѣяннаго пшеницей=262 лир., майсомъ=269, льну=409, риса=462, луга=610 л. Тоже въ венеціанской области и т. д.

²⁾ См. расчетъ, приведенный у Sombart'a и взятый имъ изъ одной счетной книги, стр. 110.

Таковы нѣкоторые изъ преобладающихъ способовъ веденія хозяйства, на характеристикѣ которыхъ незначѣтъ и останавливаться: она ясна сама по себѣ.

Но нужно прибавить, что эти способы хозяйства являются при нынѣшнихъ условіяхъ единственно возможными, однажды ставится единственно мыслимая цѣль: получение землевладѣльцами обезпеченнаго дохода съ ихъ земли. Тѣ отношенія, въ какихъ стоятъ землевладѣльцы и земледѣльцы къ государству, дѣлаютъ крайне труднымъ переходъ къ какой либо иной системѣ хозяйства, къ примѣненію въ широкихъ размѣрахъ улучшенной культуры, подобной той, которая усвоена въ остальной западной Европѣ.

Дѣло въ томъ, что и поземельная собственность, и сельско-хозяйственное производство въ Италіи страшно обременены какъ налогами, такъ и долгами.

Кадастрація земель въ возрожденной Италіи не была вовсе произведена, и, при необходимости затратъ на поддержаніе политической роли, о томъ, чтобы произвести ее, долгое время и думать невозможно. Въ теченіе 30 лѣтъ своего существованія новое государство при обложеніи опиралось на данныхъ 22 кадастровъ, произведенныхъ въ разное время и по совершенно различнымъ системамъ и въ мелкихъ, и въ крупныхъ государствахъ, изъ которыхъ состояла до 1859 г. Италія¹⁾. Они легли въ основаніе обложенія и при новомъ правительствѣ, и это прямое обложеніе вмѣстѣ съ косвенными налогами, затѣмъ все болѣе и болѣе увеличивающимися платежами по обязательнымъ расходамъ областнымъ и общиннымъ, создало такую страшно обременительную и вдобавокъ крайне неравномѣрную тяжесть, равной которой нѣтъ въ Зап. Европѣ. Въ то время, когда во Франціи взимается около 10% съ чистаго дохода, въ Италіи налоги, падающіе на землю, составляютъ почти втрое большую величину, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр., въ Ломбардіи, доходятъ до 40—45%, въ Мархіи—50%, въ Бременѣ—до 60% (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 80%). А между тѣмъ и этими налогами дѣло не ограничивается, и чистый доходъ съ земли фактически уменьшается еще болѣе вслѣдствіе необходимости и платить подать съ убитаго скота, съ очага, съ семьи, и вносить платежи разнымъ дорожнымъ, водопроводнымъ, страховымъ обществамъ, и налогъ съ движимости, не говоря уже о томъ, что крестьянамъ, напр., приходится еще платить ростовщическій процентъ за ссуды у частныхъ лицъ, процентъ, доходящій при краткомъ срокѣ до 120%, при болѣе долгомъ—до 50%. Если прибавить къ этому какъ ипотекарный долгъ, составляющій около 7169 милл., т. е. почти $\frac{1}{6}$ цѣнности всей земли, исчисляемой въ 40 миллиардовъ, такъ и тѣ долги, которые въ видѣ ссуды выданы были новыми земельными банками²⁾, то станетъ, совершенно яснымъ, какая страшная тяжесть лежитъ на землѣ, и какъ мало можно думать при такихъ условіяхъ о какихъ либо иныхъ системахъ хозяйства, кромѣ существующихъ издавна въ Италіи. Въ этомъ отношеніи совершенно вѣрнымъ является замѣчаніе Егегберга, что

¹⁾ Какъ различны они, ясно видно изъ того, что съ 1 лиры дохода взимается въ различныхъ мѣстностяхъ самой разнородный %, начиная съ 0,091 въ Тосканѣ до 0,199 въ Ломбардіи.

²⁾ Точной цыфры этихъ долговъ нѣтъ, но размѣръ ихъ, вѣроятно, весьма значительный. Въ одномъ 1882 г. выдано было 7856 ссудъ на сумму 356 милл.

«Италія—арена самой плачевной драмы. Съ одной стороны стоятъ люди науки и горячо убѣждаютъ сельскихъ хозяевъ, что имъ необходимо измѣнить прежде всего систему хозяйства, замѣнить старые плуги новыми, расширить дѣло удобрения полей; статистика является имъ на помощь и указываетъ на недостаточность скота и на крайне дурное его состояніе, дурную и низкую его породу. А между тѣмъ, съ другой стороны, практики удостовѣряютъ, что новые плуги, если бы и подняли размѣръ средняго урожая, обойдутся въ десять разъ дороже, а тучное удобреніе потребуетъ громадныхъ предварительныхъ затратъ». Идти за первыми, слѣдовать научнымъ требованіямъ,—отъ этого не прочь нѣкоторые изъ итальянскихъ землевладѣльцевъ. Но опыты, сдѣланные ими, опыты замѣны раздачи земли исполнителямъ системой интенсивной культуры, въ весьма многихъ случаяхъ, послѣ первыхъ же годовъ опыта, заставили ихъ вернуться къ старой системѣ. При существующихъ условіяхъ она оказалась единственно выгодной, единственно обезпечивающей сколько нибудь опредѣленный доходъ. И это не представляетъ ничего удивительнаго въ странѣ, гдѣ ежегодно продается масса земель за недоимки, гдѣ, напр., въ 1876 году было продано 6614 имѣній для пополненія недоимки казначейству въ 936774 фр., въ 1877 г.—6644 имѣнія—за недоимку въ 662722 фр., а съ 1873 по 1878 г. 35074 мелкихъ крестьянскихъ собственника лишились по той же причинѣ собственности, между тѣмъ какъ Сицилія за пять лѣтъ потеряла 6392 крестьянъ собственниковъ, а Сардинія за то же время—20077.

Понятнымъ становится, отсюда, почему князья Торліани истребляютъ фермерскіе дома, а въ имѣніяхъ Пьячентини, находящихся у самыхъ воротъ Рима, совершенно уничтожена пахатъ; почему на всемъ почти пространствѣ Италіи царитъ абсентеизмъ; почему жилища рабочихъ представляютъ и теперь тоже, что представляли они при Кавурѣ, жилища, «годныя, какъ онъ выразился, развѣ только для свиней,» а объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ мало слышно. «Какъ хотите вы, говорилъ одинъ землевладѣлецъ Боклерку, чтобы я тратился на улучшенія, когда мои счета показываютъ слѣдующее: мой доходъ съ имѣнія составляетъ около 20 т. фр. въ годъ, изъ нихъ 7 тысячъ я долженъ уплатить въ видѣ налоговъ, 1 тысячу на поддержаніе помѣстья, 6 тысячъ въ видѣ процента съ 100 тысячъ ипотечнаго долга, лежащаго на моей землѣ, ибо мнѣ нужно было уплатить части моихъ сонаслѣдниковъ; изъ 20 тысячъ у меня остается 6 т.; между тѣмъ лишь для перестройки фермъ необходимо не менѣе 30 т. фр.» А то же самое высказывалъ раньше Мингетти въ бесѣдѣ съ Лавелѣ по поводу проекта улучшеній въ римской области. «Теперь, при существующихъ условіяхъ, не тратя ничего, землевладѣлецъ можетъ получить среднимъ числомъ по 100 фр. съ гектара. Обладая пастбищемъ, онъ не боится ни филлоксеры, ни плохихъ урожаевъ. Между тѣмъ при улучшеніяхъ нужно затратить по 1 т. фр. на гектаръ, и въ результатѣ получить неопредѣленный и неизвѣстный заранее доходъ и тратить не мало суммъ на издержки производства». (Lettres d'Italie, Laveley, 127).

При слабо развитой земледѣльческой техникѣ, при преобладаніи мелкой культуры самаго низкаго типа, вызываемой социальными условіями, при крайне тяжеломъ обложеніи и высокомъ процентѣ на капиталъ, естественно, что доходность земли можетъ быть лишь сравнительно малою, едва достаточною въ большинствѣ случаевъ для покрытія потребностей жизни. И это тѣмъ болѣе, что са-

мья качества почвы въ среднемъ далеко не могутъ быть названы вполне удовлетворительными въ Италіи. Лишь въ нѣкоторыхъ низменностяхъ и мѣстностяхъ, хорошо орошенныхъ, урожай хлѣбовъ стоитъ выше средняго, между тѣмъ какъ въ большей части холмистой Италіи онъ едва превышаетъ средній, а въ болѣе гористыхъ стоитъ ниже его. Орошеніе естественное или искусственное одно только и въ состояніи поддерживать урожай на уровнѣ выше средняго, но условія хозяйственной дѣятельности въ Италіи, и въ прежнее время, и въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, были таковы, что сумма этого орошенія не только не увеличилась, а скорѣе уменьшилась. Хищническое хозяйство, практиковавшееся и практикуемое и теперь, создало крайне вредныя послѣдствія для страны, а между тѣмъ никакихъ серьезныхъ мѣръ для прекращенія его принято не было. Нѣкогда значительные лѣса истреблены болѣе, чѣмъ на половину, и хотя и существуютъ законы, требующіе разведенія лѣсовъ вновь, но они не примѣняются не только на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, но и на государственныхъ земляхъ. Съ другой стороны, несмотря на установленный надзоръ за лѣсами и лѣснымъ хозяйствомъ, истребленіе лѣса идетъ быстрыми шагами. Въ началѣ 80-хъ годовъ подъ лѣсами насчитывалось всего около 3½ миллионъ гектаровъ, тогда какъ въ 60-хъ оно составляло около 5 миллионъ. Спекулянты, скупившіе лѣса, принадлежавшіе прежде церкви, и воспользовавшіеся той свободой, которую давалъ лѣсохозяевамъ лѣсной законъ 1865 года, продали ихъ на рубъ, а то же самое, какъ мы видѣли, практикуется *mercante* и теперь. Результатомъ было не только то, что Италія, широко вывозившая прежде уголь, стала въ послѣдніе годы покупать его за границей, но и, — что важнѣе всего, — уменьшилась сумма влаги, вслѣдствіе исчезновенія рѣчекъ тамъ, гдѣ документы среднихъ вѣковъ и болѣе поздняго времени указываютъ на ихъ существованіе. Въ Сициліи лѣса совершенно почти истреблены, то же почти и въ южной Италіи.

Благодаря всему этому, при сколько-нибудь низкомъ качествѣ почвы, — преимущественно въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ, — урожай или покрываетъ только издержки производства (какъ, напр., въ Кампаньи), или даетъ чистый доходъ 3—5%, рѣдко 10% съ валоваго дохода. Такъ въ Гроссето чистый доходъ составляетъ отъ 17 до 21 лиръ съ гектара, а въ Тосканѣ, въ гористыхъ мѣстностяхъ — 26¾ лиръ. Въ Мархіи въ гористыхъ мѣстностяхъ съ 30 гектаровъ получается 63 лиры, но за то въ равнинѣ — около 85 лиръ. Только низменности даютъ чистый доходъ, превышающій 100 лиръ съ гектара, особенно въ болѣе орошенныхъ мѣстностяхъ. Въ округѣ Кремона гектаръ, засѣянный пшеницей, даетъ чистаго, за вычетомъ только собственно издержекъ производства, равныхъ 147 л., — 262 л., изъ которыхъ болѣе 60% нужно вычесть на налоги, проценты и т. д. Мансъ и рисъ даютъ большій доходъ, въ 269 и 462 лиры, но за то лугъ уже 610 лиръ и почти то же пастбище, скотъ и его продукты.

При такомъ уровнѣ чистаго дохода, только имѣнія крупныя могутъ дать полное обезпеченіе ихъ владѣльцамъ, да и то, какъ мы видѣли, при «*agricoltura vampiro*», какъ говорятъ итальянцы. Землевладѣніе среднихъ размѣровъ едва обезпечиваетъ сколько-нибудь сносное существованіе. Мелкая же собственность почти не въ состояніи поддерживать существованіе ея владѣльца. Отсюда то

рѣзкое различіе между богатствомъ однихъ и полной нищетой другихъ, которое составляетъ характерную черту италіанской жизни.

Но не однимъ состояніемъ культуры объясняется это различіе. Оно коренится въ общественномъ строѣ страны, строѣ, поддерживаемомъ, правда, низкой культурой почвы, но въ свою очередь вліяющимъ и на эту культуру, и на то нищенское и жалкое положеніе, въ какомъ находится крестьянскій классъ въ Италіи.

IV.

Что прежде всего и рѣзко бросается въ глаза, если мы рассматриваемъ положеніе и состояніе земледѣльческаго класса въ Италіи,—это крайне неравномѣрное распредѣленіе въ ней собственности между лицами, занятыми земледѣльческимъ трудомъ. Изъ 8,738,565 душъ обоого пола, причисляемыхъ къ земледѣльческому классу, лишь 1,532,795 суть собственники, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся поземельная собственность страны, т. е. 18,5% всего населенія страны. Между тѣмъ безземельныхъ, поденныхъ земледѣльческихъ рабочихъ насчитывается болѣе 3 милліоновъ или 40%. Остальные занятые земледѣліемъ являются въ громадномъ большинствѣ опять-таки безземельными, но то сидящими на чужой землѣ, то занятыми какими-либо земледѣльческими или относящимися къ земледѣлію работами. Изъ нихъ наслѣдственныхъ арендаторовъ и чиншевиковъ, т. е. ближе всего подходящихъ къ собственникамъ, уже почти ничтожное количество. Это исчезающій классъ, жалкій остатокъ нѣкогда господствовавшей въ Италіи формы землевладѣнія. Ихъ всего 3,507 д. или 0,04% всего населенія. Исполовниковъ и связанныхъ съ ними крестьянъ того-же типа, но съ различнымъ размѣромъ получаемой ими части урожая,—1,503,476 д. или, какъ и собственниковъ, 18,2%. Наконецъ, фермеровъ въ строгомъ смыслѣ слова (въ томъ числѣ и крупныхъ) 614,249 или 7,4%.

Уже эти однѣ голыя цифры ясно указываютъ на ненормальное состояніе земледѣльческаго труда въ Италіи. Владѣніе землею вовсе еще не является въ Италіи гарантіей благосостоянія крестьянъ-собственниковъ, и это въ силу самаго распредѣленія между ними земли. Раздробленность, можно сказать, пульверизація этой крестьянской собственности не только является отличительной чертой крестьянскаго землевладѣнія въ Италіи, но и увеличивается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Въ теченіе 10 лѣтъ въ одной венеціанской области число собственниковъ возрасло въ сильной степени. Въ 1853 году ихъ насчитывалось 520,339, въ 1862 году уже 597,700, а въ 1882 году оно доросло до 703,200. Раздѣлъ земель между наслѣдниками является какъ одна изъ главныхъ причинъ измелъчанія крестьянской собственности. Отецъ, имѣющій 3 сыновей и обладающій 6 гектарами, говоритъ Ячини, считаетъ себя обязаннымъ раздѣлить и луга, и пахать, и каштановый лѣсъ на части, т. е. создать 9 кусочковъ, переходящихъ въ полную собственность каждаго изъ сыновей. Нерѣдко жена приносить въ приданое тоже маленькій участокъ земли, а еще чаще нѣсколько семей владѣютъ сообща маленькимъ огородомъ или полемъ и т. д. Такъ, въ Ломбардіи. Но то же, какъ видно изъ отчета комиссін, и въ Піемонтѣ, и въ Сициліи, и въ другихъ мѣстностяхъ.

Отсюда повидимому, то, значительное количество мелких собственников, съ которыми мы встрѣчаемся въ Италіи. По даннымъ комиссіи оказывается, что они составляютъ нѣбольшій процентъ въ общемъ числѣ собственниковъ, если принять въ расчетъ сумму лицъ, платящихъ за свои участки (какъ собственные, такъ и взятые въ аренду) менѣе 20 лиръ налоговъ въ пользу государства. Во всей Италіи такихъ лицъ почти до 3 миллионъ, тогда какъ платящихъ отъ 20 — 40 лиръ насчитывается около 368 тысячъ, а платящихъ свыше 40 лиръ — 308,200. Точныхъ данныхъ о распредѣленіи поземельной собственности для всей Италіи статистика, къ сожалѣнію, не даетъ, и мы можемъ лишь указать на распредѣленіе ея, да и то лишь приблизительно, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ областямъ.

Въ Сициліи мелкая крестьянская собственность встрѣчается лишь въ окрестностяхъ городовъ. Въ большей части полуострова господствуетъ крупная собственность, латифундіи, по преимуществу въ 500 — 1 тыс. гектаровъ, нерѣдко и больше: въ 2, 3 и до 6 тыс. гектаровъ, и безземеліе крестьянъ достигаетъ здѣсь своего максимума. Если въ неаполитанскихъ областяхъ — крестьянская собственность распространена, то за то она раздроблена въ сильнѣйшей степени. Владѣніе сотнею гектаровъ считается уже здѣсь во многихъ мѣстностяхъ крупнымъ владѣніемъ, и 5 — 6 гектаровъ разсматривается, какъ средняя собственность, что же касается мелкой крестьянской, то за немногими исключеніями, вся она сосредоточивается въ гористыхъ, менѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Въ округѣ Катанцаро, напримеръ, насчитывается до 85½ тыс. собственниковъ, но изъ нихъ 70,807 получаютъ съ ихъ земель чистый доходъ ниже 50 лиръ. около 9½ тыс. отъ 50 до 200 лиръ, 1140 лицъ — отъ 200 до 500 лиръ, 938 — отъ 1000 до 5000, 83 лица — до 10 тыс., 11 — отъ 10 до 15 тыс. и 21 — свыше 15 тыс. Въ округѣ Реджіо-Калабрія это сказывается еще рѣзче. Здѣсь отъ 1 лиры до 50 получаетъ чистаго дохода 56 тыс. собственниковъ, отъ 50 до 200 — 8,441, отъ 200 до 1000 — 3,624, отъ 1 тыс. до 10 тыс. — 673, отъ 10 до 15 тыс. — 8, свыше 150 тыс. 6. 2 гектара считается максимальнымъ размѣромъ мелкой собственности, а 15 гектаровъ уже средней собственностью.

Относительно Кампаньи, затѣмъ Рима и Гроссето наши данныя болѣе точны, но и онѣ всѣ свидѣтельствуютъ о крайне жалкомъ состояніи крестьянъ-собственниковъ, о крайней измелъченности ея. Въ окрестностяхъ Рима и въ области Гроссето лишь, владѣющихъ менѣе чѣмъ однимъ гектаромъ, насчитывается около 75 тыс., отъ 1 до 10 гектаровъ — около 43 тыс., отъ 11 до 25 — 4,221, отъ 25 до 100 — 2,891, отъ 100 до 250 — 533, до 500 — 285, до 1 тыс. — 156, до 5 тыс. — 116 и свыше 5 тыс. всего 29. Это области, гдѣ преобладаютъ латифундіи.

Еще рѣзче господство латифундіи и размелъченность крестьянской собственности въ Кампаньи, гдѣ 203 тыс. гектаровъ владѣтъ всего 388 собственниковъ, и на долю собственниковъ отъ 100 гектаровъ до участка меньше одного гектара приходится всего около 4 тыс. гектаровъ, между тѣмъ какъ имѣнія отъ 1 тыс. до 7,400 гектаровъ занимаютъ 96,292 гектара, и изъ нихъ отъ 3 тыс. до 7,400 гектаровъ принадлежатъ 3 лицамъ (36 тыс. гектаровъ), отъ 2 до 3 тыс. — 7 (16 тыс.). А здѣсь, вдобавокъ, мы имѣемъ рядъ безспорныхъ данныхъ о

процессъ все большаго и большаго скопленія земли въ однихъ рукахъ, все большаго и большаго поглощенія мелкой собственности крупною. Съ 1660 года число собственниковъ постепенно уменьшалось. Съ 1443 оно упало въ 1803 г. до 362, а въ 1870—уже насчитывалось ихъ всего 204 (крупныхъ), изъ которыхъ 8 владѣли половиной Кампаньи, т. е. почти 100 тыс. гектаровъ, тогда какъ 40 тыс. приходилось на долю 13 имѣній отъ 2 до 5 тыс. гектаровъ. Несмотря на полную отмѣну майоратовъ и фиденкомиссовъ (послѣ присоединенія Рима и его области), несмотря на законы о равномъ раздѣлѣ наслѣдства, процессъ скопленія имѣній въ однихъ рукахъ не былъ остановленъ. Въ 1873 году насчитывалось 92% свободной собственности въ предѣлахъ Кампаньи, но изъ нихъ 51% все еще оставался въ рукахъ старыхъ римскихъ аристократическихъ семей, и 41% въ рукахъ капиталистовъ, mercante и др., приобрѣвшихъ ее путемъ купли конфискованныхъ церковныхъ земель.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся на сѣверъ Италіи, тѣмъ размельченность собственности среди крестьянъ является все большею и большею, и въ то же время сосредоточеніе ея главнымъ образомъ въ наименѣ плодородныхъ и гористыхъ мѣстностяхъ получаетъ большую распространенность. Лигурія и сѣверная Ломбардія являются типическими представителями почти исключительно размельченной крестьянской собственности. Здѣсь 10—15 гектаровъ, находящихся въ однихъ рукахъ, считаются уже крупной собственностью, а въ окрестностяхъ Генуи и Порто Маврицію—у массы собственниковъ имѣется по 1 аръ и даже менѣе земли, и нерѣдко вся собственность состоитъ изъ 5—6 оливковыхъ деревьевъ. Въ остальныхъ областяхъ на равнинахъ преобладаетъ крупная собственность, достигающая, напр., по р. По размѣровъ латифундій. Въ Тосканѣ менѣе 100 лиръ получаютъ 141½ тыс. собственниковъ (большею частью въ гористой мѣстности), тогда какъ у 279 доходъ простирается свыше 10 тыс. лиръ. Въ Венеціи доходъ 516½ тыс. собственниковъ ниже 100, а у 7½ тыс. выше одной тыс., причемъ максимальное число мелкихъ собственниковъ падаетъ на Удине (200½ тыс.), а наименьшее собственно на Венецію (11½ тыс.).

При такой крайней раздробленности крестьянской собственности, при незначительномъ среднемъ ея размѣрѣ, не превосходящемъ 2 гектаровъ, не можетъ быть и вопроса о благосостояніи земледѣльческаго населенія. Существовать на средства, получаемыя съ собственности, доходъ съ которой, какъ мы видѣли, не превышаетъ 50 лиръ, очевидно, нѣтъ возможности, и крестьянину-собственнику въ Италіи, если онъ не желаетъ буквально умереть съ голоду, приходится или заниматься заработками на сторонѣ, или принаимать землю у сосѣдняго владѣльца, землю, на которую спросъ всегда большой, въ виду массы нуждающихся, и за которую приходится дорого платить. О томъ, чтобы поднять производительность участка, для громаднаго большинства крестьянъ не можетъ быть и рѣчи. Во-первыхъ, невѣжество крестьянъ Италіи ставитъ въ этомъ отношеніи непреодолимыя преграды. Правда, правительство «возрожденной» Италіи строитъ школы, заботится о просвѣщеніи и даже издало законъ объ обязательности обученія. Но въ дѣйствительности все это остается мертвой буквой. Сельскія школы не посѣщаются крестьянскими дѣтьми. Въ виду крайней нищеты крестьянъ, даже 5-лѣтнія дѣти составляютъ расчетъ въ семьѣ, и они или работаютъ на своемъ полѣ

или нанимаются. Вслѣдствіе этого количество неграмотныхъ и теперь превосходить 50%, крестьянскаго населенія, доходя въ иныхъ мѣстахъ (какъ Сицилія) до 80—90%. Во-вторыхъ, самое улучшеніе участка просто невысказуемо для мелкаго собственника, такъ какъ прежде всего у него нѣтъ матеріальныхъ средствъ для этого, нѣтъ капитала. При крайне дурномъ и слабомъ развитіи дѣла специально крестьянскихъ банковъ и правильнаго крестьянскаго кредита въ Италіи, необходимый капиталъ неизбѣжно занимать у ростовщика. Но процентъ за ссуду взимается почти повсюду въ Италіи крайне высокій. Въ области Бари, въ Аббруццахъ, Беневенто, Калабрії, Базилікатѣ онъ доходитъ отъ 30 до 50, иногда и больше; въ Венеціи—отъ 12 до 20 и болѣе. Слѣдствіемъ займа при низкой рентѣ и незначительности дохода съ мелкаго участка можетъ явиться и дѣйствительно является въ концѣ концовъ потеря собственникомъ его участка и переходъ его въ руки ростовщика. И это—неизбѣжно, да такъ постоянно и совершается въ Италіи—и совершается на законномъ основаніи и съ помощью статей закона. Деньги даются въ заемъ не въ качествѣ ссуды, а какъ цѣна или задатокъ на якобы приобретаемую ростовщикомъ землю. Это—договоръ о выморочномъ имѣніи, который по закону предоставляетъ продавцу право, по возвращеніи денегъ съ процентами въ теченіе не болѣе 5 лѣтъ, получить землю обратно. Однажды по истеченіи этого срока полученная сумма не возвращена, земля считается проданной. «Срокъ не можетъ быть продленъ» (Codice civ., ст. 1517) гласитъ законъ, а затѣмъ добавляетъ: «если продавецъ въ указанный срокъ не возвратитъ взятой суммы, то кредиторъ считается безспорнымъ собственникомъ» (ст. 1518).

Правда, крестьянину предоставляется возможность прикупить землю. У правительства новой Италіи сосредоточилась въ рукахъ масса земель, какъ вслѣдствіе существованія доменныхъ земель прежнихъ правительствъ, такъ и приобрѣтенія имъ путемъ конфискаціи массы церковныхъ земель, и уже съ перваго же момента своего существованія оно выбросило всѣ эти земли на рынокъ. Такое предложеніе земель было вызвано, какъ и самая конфискація церковныхъ имуществъ, убѣжденіемъ итальянскихъ дѣятелей въ томъ, что землѣ необходима прежде всего свобода, что землю необходимо отдать въ свободныя руки, возвратить труду, и однажды это будетъ сдѣлано,—задача правительства будетъ выполнена. «Что нужно сдѣлать, говорилъ въ 1873 году министръ юстиціи въ палатѣ, что нужно сдѣлать, чтобы оплодотворить эти земли? Предоставьте ихъ свободному обращенію, свободному труду, частной дѣятельности, и тогда, какъ бы по волшебному мановенію, среди пустынныхъ степей возникнутъ здоровыя и цвѣтущія поля. Только при условіи свободы земли, свободы ея продажи, и только при этомъ условіи можемъ мы надѣяться, увидѣть расцвѣтъ земледѣлія на проданныхъ участкахъ». Правительство пошло даже далѣе. Оно разбило часть продаваемой имъ земли на участки и предложило ихъ въ продажу съ разсрочкою, какъ предложило брать ихъ въ видѣ долгосрочной аренды и съ освобожденіемъ на извѣстное число лѣтъ отъ платежей налоговъ. Но результаты этой операціи, продолжающейся и до настоящаго времени, ни въ малѣйшей степени не оправдали радужныхъ ожиданій. Въ дѣйствительности, мѣра оказалась лишь чисто финансовою, не болѣе. Значительная часть продажной земли попала въ руки капиталистовъ и увеличила размѣры крупной собственности. Если покупались и мелкіе участки нѣсколькими

лицами, то вскорѣ они перепродавались одному лицу, которое въ большинствѣ случаевъ эксплуатировало ее старыми методами; улучшеній сдѣлано никакихъ не было: рублии лѣсъ, устраивали пастбища, или сдавали кусками землю крестьянамъ съ половины или иной части продукта. Покупка крестьянами въ разсрочку во многихъ случаяхъ оканчивалась почти полнымъ фіаско. Процентъ по отсроченной правительствомъ платежной суммѣ былъ опредѣленъ въ 6% годовыхъ. Для массы крестьянъ, напримѣръ, въ Абруцкахъ, Калабріи и т. д., гдѣ процентъ чистаго дохода не стоитъ выше 5—6, покупка оказалась невысказанной; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ доходность земли была выше, крестьяне были вынуждены во многихъ случаяхъ продать приобретенные ими участки вслѣдствіе полнаго отсутствія у нихъ средствъ для обработки. Нерѣдко покупка участковъ производилась не прямо у государства, а у спекулянтовъ, покупавшихъ земли у государства и перепродававшихъ ихъ уже крестьянамъ по мелочамъ. Организовалось уже давно, вскорѣ послѣ объединенія Италіи, анонимное общество (*società anonima*), которому поручена была продажа земель и доменныхъ, и бывшихъ церковныхъ. Оно уплачивало государству опредѣленную сумму впередъ, въ счетъ получаемыхъ земель, и операція продажи земель въ Италіи приобрѣтала въ силу этого чисто фискальный характеръ. Да кромѣ того, при незначительности средствъ у большинства крестьянъ-собственниковъ, приобретение ими земель могло и можетъ имѣть мѣсто лишь по отношенію къ крайне незначительнымъ по размѣру участкамъ, въ 1, 2, 2½ гектара максимумъ. А это, въ дѣйствительности, вело лишь къ увеличенію раздробленности почвы.

Не лучшіе результаты получились и отъ попытокъ правительства новой Италіи колонизовать съ помощью крестьянъ малонаселенныя мѣстности. Единственно разумный проектъ мѣръ, выработанный съ этою цѣлью специальною парламентскою комиссіею, вѣрнѣе, секретаремъ ея Туччи (Tusci) въ 1880 г., не былъ принятъ, да, съ другой стороны, правительство потратило рядъ годовъ на выработку проектовъ всякаго рода, а между тѣмъ распродало пока въ частныя руки большую часть конфискованныхъ церковныхъ земель. Въ результатѣ получилось увеличеніе площади крупнаго землевладѣнія, землевладѣнія *mercante*, а отсюда и крупныя задержки для осуществленія аграрныхъ проектовъ.

Въ 1870 г. итальянское правительство вновь оказалось владѣльцемъ массы конфискованныхъ земель. То были церковныя, бывшія папскія земли въ центрѣ Италіи, страдавшія маларіей и представлявшія въ силу историческихъ причинъ какъ-бы полупустыню. Придать имъ культурный и изящный видъ, замѣнить пустыню, нездоровое мѣсто, веселящую взоръ культурною странюю, сдѣлались сразу главнымъ и исключительнымъ предметомъ заботливости. То было знаменное «*bonificazione*». Въ парламентѣ 1870 года оздоровленіе и культивированіе Кампаньи поглотило все вниманіе. Было предположено регулировать Тибръ, очистить мѣстность. Пять лѣтъ спустя начались первыя попытки спасти Римъ отъ маларіи и мрачныхъ окрестностей. Тогда пары 1859 года были еще густы. Крикъ, раздавшійся во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, еще не былъ слышенъ, и земли выносились массами на рынокъ. Но въ 1878 году *bonificazione* Кампаньи по старому образцу было обновлено предписаніемъ приступить къ улучшенію ея не съ одной гигиенической и художественной точки зрѣнія, но и къ «*bonifi-*

samento anche nei rispetti agrarii», и результатомъ явилась упомянутая коммиссія съ Туччи, въ качествѣ секретаря. Въ 1880 году, послѣ того какъ парламентскія пренія завершились, и коммиссія была назначена, Туччи представилъ проектъ аграрныхъ мѣръ. Его предложеніе резюмировалось въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) образованіе ряда крестьянскихъ поселеній, путемъ вызова колонистовъ въ окрестности Рима (знаменитый 10-ти километровый поясъ вокругъ Рима), 2) экспроприация необходимыхъ для поселенія земель, 3) улучшеніе на счетъ средствъ государственнаго казначейства мѣстности, путей сообщенія и проч., 4) снабженіе колонистовъ необходимымъ капиталомъ для первоначальнаго обзаведенія (мѣра въ Италіи—первой необходимости), 5) доставленіе колонистамъ дешеваго кредита и 6) взиманіе съ нихъ процентовъ съ выданной ссуды путемъ не коммерческимъ, а чисто податнымъ, въ видѣ отчисленія въ пользу казны известной доли получаемого ими съ земли продукта¹⁾.

Три года прошло раньше, чѣмъ проектъ принялъ форму закона. 8 іюля 1883 года, наконецъ, изданъ былъ новый законъ о bonificamento съ аграрными цѣлями. Но въ законѣ не оказалось и слѣдовъ проекта Туччи. Въ то время, какъ проектъ настаивалъ на необходимости провести дѣло улучшенія съ помощью силъ крестьянъ,—законъ всецѣло возвращался къ принципу, отвергнутому Туччи,—къ содѣйствію крупныхъ владѣльцевъ и mercante. Принята была только экспроприация, но, во-первыхъ, принята она была лишь въ случаяхъ, когда крупные владѣльцы откажутся исполнять требованія закона объ оздоровленіи и улучшеніи почвы, во-вторыхъ, на экспроприацию была ассигнована сумма всего въ 1,200 тысячъ лиръ и, въ третьихъ, вся реформа отдана на-половину въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, на-половину въ руки специальныхъ комиссаровъ (5). Было организовано бюро съ бюджетомъ въ 15 тысячъ лиръ ежегодно, отведено ему превосходное помѣщеніе въ nuovo Palazzo Sciarra, и дана бюро инструкция войти предварительно въ соглашеніе съ владѣльцами. Изъ 104 собственниковъ лишь 25 согласились подчиниться требованіямъ закона, 77—категорически отказались, а 2—не дали опредѣленнаго отвѣта. Приходилось произвести экспроприацию чуть не $\frac{3}{4}$ территории Кампаньи, на что ассигновано было всего миллионъ лиръ..... «Я и не подумаю, писалъ одинъ изъ землевладѣльцевъ въ 1887 году²⁾, предпринять у себя что-либо въ смыслѣ требованій закона, ибо эти требованія улучшеній прямо вредны для меня, для моихъ личныхъ интересовъ. Я заявилъ бюро, что я считаю овцеводство единственно выгоднымъ для себя дѣломъ. Члены бюро сказали, что экспроприация моихъ земель дѣло не малое, и успокоились («si acconteranno»).....».

Дѣло ограничилось лишь изданіемъ въ 1887 году распоряженія о воспрещеніи пасти козъ въ десяти-километровомъ поясѣ bonificamento, т. е. въ ограниченіи правъ или, вѣрнѣе, пользованія владѣльцевъ небольшихъ стадъ козъ, владѣльцевъ, добывавшихъ себѣ пропитаніе почти исключительно продажей козьего молока въ Римѣ (законъ 21 февраля 1887 года).

¹⁾ Проектъ цѣликомъ напечатанъ въ Annali di agricoltura № 30, Roma. 1880.

²⁾ Sombart, 168.

Вторую группу сельского земледельческаго населенія Италіи, группу, почти равную количеству первой, составляют такъ называемые исполовники, *mezzadri massari, metatieri, coloni* и т. п., самыхъ разнообразныхъ видовъ и формъ. Это — оригинальный земледельческій классъ, выработавшійся, какъ мы отчасти видѣли уже, въ Италіи подъ влияніемъ и историческихъ, и экономическихъ условій сельскаго хозяйства и представляющій собою нѣчто среднее между классами крестьянъ-собственниковъ и простыхъ, безземельныхъ рабочихъ. Строго говоря, онъ рекрутируется изъ обѣихъ послѣднихъ группъ и является какъ-бы сочетаніемъ ихъ обѣихъ, совмѣщая въ себѣ признаки и той, и другой группы и, естественно, отражая на себѣ тѣ-же черты экономическаго положенія, ту же степень экономической обезпеченности, которая обща всему земледельческому населенію Италіи. Общее число лицъ, входящихъ въ составъ этой группы, по вычисленіямъ Дицеля¹⁾, свыше 1½ милліон., т. е. почти ⅓ часть всего сельскаго населенія, но распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ крайне неравномѣрно, и, можно сказать, составляетъ полную противоположность распредѣленію крестьянъ-собственниковъ. За исключеніемъ Лигуріи, гдѣ число тѣхъ и другихъ почти равное, повсюду почти въ остальной Италіи исполовниковъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше собственниковъ. Максимумъ они достигаютъ въ Мархин (63,55 на 100 душъ сельскихъ жителей), въ Тосканѣ (52,11), въ Умбріи (41,76), въ Эмиліи (36,25); въ другихъ областяхъ колеблется между 17,39 (Ломбардія) и 4,19 (Піемонтъ), превышая почти вдвое число собственниковъ въ Спичиліи, Лаціумѣ, Сардиніи.

Классъ этотъ рѣзко отдѣляется въ Италіи отъ класса фермеровъ или арендаторовъ, носящихъ здѣсь особая названія (*gabelotto, mercante, affittuoli, pigionanti, logaiuoli*), и самый договоръ исполовничества рѣзко отличенъ отъ аренднаго договора. Исполовникъ не есть независимый съемщикъ земли, связь котораго съ владѣльцемъ земли выражается въ уплатѣ той или иной суммы деньгами или натурой, онъ — тотъ же рабочий, получающій вознагражденіе или заработную плату особаго вида, и именно въ той или иной части урожая съ земли, обрабатываемой его, рабочаго, руками, и какъ рабочий, и въ противоположность фермеру, подлежащій прямому надзору и контролю со стороны хозяина. Въ сущности полученіе исполовникомъ доли урожая есть замѣна заработной платы, «*salario nudo e crudo*», какъ выражаются въ Италіи, а роль его есть роль *compartecipante al prodotto* (соучастника въ прибыли). Онъ участвуетъ и въ барышахъ, и въ рискѣ землевладѣльца, все равно, будетъ-ли дѣло идти объ общей суммѣ продукта, или того пли иного вида хлѣба, или дохода съ опредѣленнаго поля, или несенія опредѣленной работы. Это какъ-бы форма соучастія труда и капитала въ одномъ и томъ же предпріятіи, но, въ дѣйствительности, какъ дѣло стоитъ въ Италіи, контрактъ исполовничества весьма далекъ отъ этого идеала. На рабочаго по духу контракта возлагается обязанность работы, обработка опредѣленнаго поля или земли. Абсентеистъ-землевладѣлецъ, не имѣющій возможности или не желающій по условіямъ итальянскаго сельскаго хозяйства обрабатывать

¹⁾ Dietzel, über Wesen und Bedeutung des Theilbaus in Italien, въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1884 г. т. XIV.

землю самъ, можетъ обезпечить правильное поступленіе ренты съ своей земли лишь при существованіи обязательной рабочей силы, недостатка въ которой вовсе не чувствуется въ Италіи, въ виду существованія массы свободныхъ безземельныхъ рукъ и усиливающейся конкуренціи нищенскаго земледѣльческаго класса. Отсюда возможность и право не только воспрещенія рабочему дѣйствовать такъ или иначе, воспрещенія, которое можетъ быть поставлено въ условіе и арендатору-фермеру, но и право предписывать ему тотъ или иной образъ обработки. Отсюда и то, что личность рабочаго отступаетъ какъ-бы на второй планъ и что въ случаѣ хронической болѣзни—собственникъ земли вправѣ считать контрактъ не имѣющимъ силы. Отсюда краткосрочность сдѣлки и то въ высшей степени неблагоприятное для рабочаго условіе, въ силу котораго въ случаѣ смерти контрагента-рабочаго сыновья его считаются обезпеченными въ дальней досрочной работѣ только тогда, когда контрактъ заключенъ съ семьей, какъ ассоціаціей, а не съ умершимъ, какъ индивидуумомъ. Въ то время, какъ законъ обезпечиваетъ сыновьямъ арендатора-фермера право въ случаѣ смерти послѣдняго безусловно пользоваться контрактомъ до истеченія срока, онъ отказывается въ томъ же рабочему-исполовнику, въ особенности если, напримеръ, дѣти его состояли въ фабричныхъ рабочихъ въ моментъ смерти отца и т. п. Отсюда и тѣ разнообразныя формы, которыя получаетъ договоръ объ исполонничествѣ въ Италіи, формы нерѣдко переходящія въ настоящую эксплоатацію рабочей силы.

Въ областяхъ съ преобладающими крупными владѣніями,—какъ главнымъ образомъ въ Ломбардіи, Эмилии и отчасти Венеціи,—гдѣ обезпеченіе себя достаточнымъ и возможно дешевымъ количествомъ рабочихъ рукъ является *conditio sine qua non* получения ренты, и гдѣ требуется это обезпеченіе заранѣе, исполонничество издавна выработалось въ форму «*boaria*». Владѣлецъ не уплачиваетъ рабочимъ ихъ заработка деньгами, а обезпечиваетъ себя рабочими, заключая съ ними договоръ. Рабочему отводятъ помѣщеніе и даютъ клочекъ земли для обработки, большею частію для посѣва манса. $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ часть урожая идетъ въ этомъ случаѣ въ пользу рабочаго, въ видѣ рабочей платы за трудъ его на поляхъ владѣльца.

Тамъ, гдѣ владѣлецъ заинтересованъ не въ обработкѣ земли, а въ пастбищѣ или лугахъ, *boaria* принимаетъ нѣсколько иную форму. Въ Ломбардіи, напримеръ, для надзора за скотомъ, для обработки сыра, масла и т. п. владѣлецъ нуждается въ рабочихъ рукахъ, и для этого онъ отводитъ участокъ, предоставляя рабочему *diritto di зарра*, въ силу котораго рабочій обязанъ засѣять поле тѣмъ или инымъ хлѣбомъ, получаетъ долю въ жатвѣ и затѣмъ долженъ отбыть нужную работу. Размѣръ доли рабочаго колеблется для риса между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ урожая, для манса— $\frac{1}{3}$, для бобовъ— $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{6}$. То же и въ Эмилии. Въ Венеціи размѣръ доли колеблется отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$.

Тамъ, гдѣ землевладѣлецъ или, — что чаще всего — крупный арендаторъ (*gabelotto*) заинтересованъ лишь въ полученіи дохода, и гдѣ они лично не занимаются обработкой земли, исполонничество получаетъ иную форму, а эксплоатація сказывается еще рѣзче. Пахатная земля сдается по частямъ желающимъ обрабатывать ее на весьма тяжелыхъ условіяхъ для земледѣльца, въ большей части случаевъ представляющаго одну рабочую силу и приносящаго въ хозяй-

ство лишь одні свои руки. Это—*metatiere* или *colono*, преобладающая форма рабочих-исполнителей Неаполя и Сициліи.

Пастбищныя земли южныхъ областей, Неаполя, Луканіи и друг., обыкновенно, чрезъ извѣстные промежутки времени подвергаются обработкѣ, и такъ какъ владѣльцы или ихъ арендаторы не находятъ удобнымъ и выгоднымъ вѣдѣ скотоводства заниматься и земледѣіемъ, то они и сдаютъ участками землю на 5—6 лѣтъ крестьянамъ, *coloni*, которые за трудъ по обработкѣ получаютъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ урожая. По истеченіи контракта земля вновь обращается подъ пастбище и т. д.

Въ другихъ южныхъ областяхъ и особенно въ Сициліи, гдѣ земледѣіе въ чистомъ его видѣ поглощаетъ массу рукъ, создались отношенія рабочихъ къ владѣльцамъ, являющіяся наиболѣе типическимъ образчикомъ итальянскаго исполоничества при его современныхъ условіяхъ. Исполоничество въ разнообразныхъ видахъ составляетъ преобладающій факторъ жизни. Большая часть земли находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Это—латифундіи, сдаваемые обыкновенно въ цѣломъ или по частямъ арендаторамъ (*gabelotto*), которые также мало, какъ и сами владѣльцы, занимаются земледѣіемъ. Земля, снятая *gabelotto*, разбивается на мелкіе участки, отъ 40 аръ до 1 гектара, въ рѣдкихъ случаяхъ въ 4—8 гектаровъ, да и то для тѣхъ изъ рабочихъ, у которыхъ имѣется одна или двѣ головы рабочаго скота, что составляетъ исключеніе. Рабочій, становящійся *metatiere* и получающій отъ *gabelotto*, а еще чаще отъ второго арендатора, землю на короткій срокъ, не выше 3—6 лѣтъ, чаще же всего на 1 годъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ приноситъ въ предпріятіе лишь свой трудъ и свои руки, и, естественно, сразу же становится въ зависимыя отношенія. И пропитаніе себя и семьи за время до урожая, и орудія для обработки земли, и сѣмена для посѣва онъ долженъ добыть путемъ найма у постороннихъ лицъ, или, — что чаще всего, — у самого же арендатора. Безъ помощи, безъ такъ называемыхъ *soccorsi*, онъ не въ силахъ въ большинствѣ случаевъ начать предпріятіе. И вотъ, когда годъ оканчивается, урожаи полученъ, при расчетѣ онъ оказывается въ слѣдующемъ положеніи: согласно обычаю онъ, исполоникъ, и ему слѣдуетъ половина всего урожая, но фактически этого никогда не бываетъ, ибо изъ причитающейся половины (*metà*) отчисляется рядъ платежей натурою либо въ пользу ростовщика, либо, главнымъ образомъ, въ пользу *gabelotto*, платежей, крайне разнообразныхъ, но въ высшей степени отяготительныхъ и сильнѣйшимъ образомъ уменьшающихъ сумму продукта, остающагося на долю рабочаго-земледѣльца. За ссуду сѣмянъ онъ обязанъ въ концѣ года возратить изъ своей половины не только должное количество ихъ, но съ добавленіемъ въ видѣ %, который обыкновенно взимается въ размѣръ 25% за 7 мѣсяцевъ (на каждыхъ 16 мѣрѣ возвращается 20, а иногда и болѣе). Затѣмъ, изъ той же половины рабочаго продукта отчисляется отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 гектолитр. хлѣба съ гектара въ видѣ чинша, такъ называемое *diritto di guardia*, иногда въ видѣ опредѣленнаго количества мѣрѣ съ опредѣленной площади земли, въ большинствѣ случаевъ по 10 литровъ съ гектара, какое-бы количество земли ни было дано для обработки рабочему, потомъ *diritto di messa*, въ видѣ 1 мѣрочки почти съ 2 гектаровъ и

т. д.¹⁾). Въ результатъ рабочій остается всего съ $\frac{1}{4}$ урожая или даже меньшею долею его. Но при этомъ весь рискъ неурожая падаетъ всецѣло на рабочаго, который въ такомъ случаѣ попадаетъ въ положеніе неоплатнаго должника къ gabelotto или владѣльцу. Сверхъ того онъ же обязанъ уплатить и половину налоговъ, причитающихся съ его участка въ пользу государства. Затѣмъ, свозка хлѣба, причитающаяся владѣльцу или gabelotto, лежитъ на рабочемъ, который, въ случаѣ не имѣнія средствъ для перевозки, или нанимаетъ скотъ, или беретъ его у gabelotto за чрезмѣрную плату, падающую на его же, рабочаго, половину дохода. Если при урожаѣ, за покрытіемъ расходовъ на прокормъ семьи, у рабочаго остается еще хлѣбъ для продажи, онъ съ трудомъ можетъ продать его по настоящей цѣнѣ. Фактически, и благодаря бѣдности, въ особенности вслѣдствіе отсутствія хорошихъ путей сообщенія, онъ находится въ рукахъ компаній хлѣбныхъ торговцевъ, каморры, беспощадно эксплуатирующей metatiere. Естественны и послѣдствія всего этого. «Соучастіе въ продуктѣ съ земли, говоритъ Соннино, въ формѣ metateria приводитъ къ слѣдующему: рабочій добываетъ лишь минимумъ необходимаго для жизни, и въ то же время подвергается всѣмъ послѣдствіямъ страшной конкуренціи со стороны своихъ же сотоварищей; съ другой стороны, благодаря характеру договора, онъ живетъ большую часть года не на плоды своего труда, а въ долгъ или нищенствомъ, долженъ подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ риска и считать себя счастливымъ, если къ концу года, при окончательномъ разсчетѣ, онъ окажется въ состояніи расплатиться, покрыть долги, не прибѣгая къ продажѣ своего мула».

Понятна, отсюда, и та обстановка, въ какой приходится жить ему. Какъ и вообще на югъ и отчасти въ центрѣ Италіи, такъ въ особенности и Сициліи, собственно деревенской жизни, деревень не существуетъ. Исчезновеніе ихъ по мѣрѣ движенія съ сѣвера на югъ Италіи—фактъ, рѣзко бросающійся въ глаза и уже давно отмѣченный, вошедшій въ статистическіе старинные обзоры Италіи (напр. Шуберта). Все рабочее крестьянское населеніе «сгучено и живетъ въ городахъ, и страна пріобрѣтаетъ видъ пустыни, безъ жилья, безъ признаковъ живыхъ существъ. Только вступая въ городъ, вы, наконецъ, увидите жизнь. Но въ городъ приходится попасть, лишь проѣхавши безконечную вереницу «низенькихъ домиковъ, въ одинъ этажъ и съ одной комнатою, домиковъ, прислоненныхъ одинъ къ другому, безъ оконъ, съ однимъ лишь входнымъ отверстіемъ—дверью. Это—жилица крестьянъ (contadini)». А внутри и люди, и птица, и мелкій скотъ, все это живетъ вмѣстѣ (Sonnino, 15—16). И этимъ живущимъ въ городѣ крестьянамъ приходится отпраиваться на работу иногда за 15 километровъ, терять по 2 дня въ недѣлю для перехода туда и обратно, и во время работы спать и жить на открытомъ воздухѣ.

А приблизительно таково же положеніе исполонниковъ и во всей Италіи. Лишь въ одной Тосканѣ ихъ положеніе нѣсколько выше, хотя бы уже въ силу отсутствія обязанности платить причитающуюся половину государственныхъ повинностей, которую въ Тосканѣ, въ силу обычая, платитъ владѣлецъ.

¹⁾ См. перечисленіе всѣхъ платежей у Sonnino, 41—43, 89 и сл.

Положеніе собственно рабочихъ, поденниковъ, безземельныхъ крестьянъ (*braccianti, giornalieri, operai adventizi*), является въ Италіи уже вполне необеспеченнымъ и во многихъ случаяхъ болѣе, чѣмъ нищенскимъ. Это пролетаріи въ полномъ смыслѣ слова, и пролетаріи, составляющіе почти половину всего земледѣльческаго населенія Италіи. Если мы вспомнимъ, что густота населенія въ Италіи крайне неравномѣрна, что рядомъ съ областями, переполненными населеніемъ, стоятъ почти пустынные пространства, почти американскіе пампасы съ населеніемъ 0,05 на квадратную милю, то сдѣлается яснымъ, какая страшная конкуренція, борьба между предложеніемъ и спросомъ существуетъ въ Италіи на рабочія земледѣльческія руки и какъ низко стоитъ въ ней рабочая плата. А не должно забывать, что она, эта конкуренція, усиливается съ приливомъ рукъ, владѣющихъ мелкою собственностью. Когда мы читаемъ, что въ Мархин, напр., менѣе, чѣмъ 1 гектаромъ владѣтъ $59\frac{1}{2}\%$ всего земледѣльческаго населенія, а изъ этихъ послѣднихъ отъ 1 ары до 20 аръ — $94,58\%$, то не будетъ удивительнымъ фактъ малой измѣняемости рабочей платы въ теченіе послѣдняго столѣтія. Какъ ни разнообразна она въ разныхъ областяхъ, средняя норма ея для всей Италіи не превышаетъ 80 сантимовъ до 1 лиры для мужчинъ, 40—50 с. для женщинъ, 25—30 с. для дѣтей безъ прокорма, который, болѣею частью высчитывается изъ платы; но абсолютно это та же плата, которая существовала болѣе 100 лѣтъ назадъ въ Италіи. За 14 дней труда на полѣ или сѣнокосѣ во время жатвы или косовицы въ 1700 г. платили рабочему около $8\frac{1}{2}$ лиръ и давали еще и продовольствіе, въ половинѣ того же столѣтія — до $10\frac{1}{2}$ съ кормомъ, — въ 1870—80 г. уже 20—25 лиръ, но безъ продовольствія. Размѣръ денежной платы, несомнѣнно, увеличился почти на 50% , но въ то же самое время, благодаря увеличенію косвенныхъ налоговъ и вздорожанію продуктовъ, выгоды этого увеличенія свелись къ ничтожной величинѣ. По свидѣтельству комиссіи, цѣны на продукты удвоились и даже утроились, между тѣмъ повышеніе рабочей платы шло далеко не въ соотвѣтствіи съ этимъ возвышеніемъ цѣнъ. И это въ то время, когда доходъ съ земли, та сумма, которую землевладѣлецъ получаетъ отъ фермера, *gabelotto* или *mercante*, возросла на 100% . Добиться поднятія платы для рабочаго поденника тѣмъ менѣе возможно, что землевладѣльцы и ихъ фермеры, въ видахъ сокращенія издержекъ производства, постарались обезпечить себя дешевымъ трудомъ. Сдавая небольшой участокъ земли крестьянину съ половины или иной части урожая, они внесли въ договоръ съ нимъ и ту весьма низкую поденную плату, за которую онъ обязанъ работать на поляхъ владѣльца или крупнаго фермера.

Еще въ лучшемъ положеніи находятся сѣзачные рабочіе, нанятые или на годъ, или для выполненія срочной работы, жатвы и т. д. (поденно или съ даннаго пространства земли). Но для значительной массы рабочихъ, въ виду конкуренціи, — мало шансовъ найти и подобнаго рода болѣе обезпеченную работу. Въ прежнее время ихъ трудъ былъ болѣе обезпеченъ. Нуждавшіеся въ трудѣ фермеры или землевладѣльцы заключали контракты, нерѣдко формальные, заносившіеся въ нотаріальныя книги, съ рабочими, иногда на значительное время, отъ 9 до 14 лѣтъ. Въ XIX в. подобнаго рода отношенія совершенно исчезли, и мѣсто ихъ заняли другія, прямо невыгодныя для рабочихъ. Главный спросъ на

рабочія силы является со стороны крупных хозяйствъ и преимущественно со стороны крупных фермеровъ. Нуждаясь въ рабочей силѣ, они теперь не обращаются прямо и непосредственно къ рабочимъ, а къ специальному агенту (*sarogale*), который беретъ на себя всѣ хлопоты по снабженію имѣнія рабочей силой и по расчетамъ съ ними. Землевладѣлецъ или фермеръ заключаетъ договоръ только съ *sarogale*. Онъ или уплачиваетъ ему полностью договоренную для производства сельскихъ работъ сумму, или условливается относительно размѣра почасной платы артели, состоящей изъ требуемаго числа рабочихъ. Сколько получаютъ рабочіе,—до этого, понятно, нѣтъ дѣла фермеру: всѣ расчеты производятся капоралемъ, который не только платитъ рабочимъ меньше противъ полученной имъ суммы, но еще выгадываетъ барыши, продавая имъ какъ свидѣтельствуется комиссія, пищевыя средства и очень дорого, и крайне дурныя. Не удивительно, что при такой системѣ мы можемъ натолкнуться на такой фактъ, какой, напр., имѣлъ мѣсто въ 1884 г. во время холеры. Я разумно постановленіе *mercante di Campragna* слѣд. содержанія: «издохшія животныя должны быть закапываемы немедленно, дабы тѣмъ предупредить возможность брать этихъ животныхъ и употреблять ихъ въ пищу, что нерѣдко дѣлаютъ крестьяне»¹⁾. «А это, замѣчаетъ секретарь англійскаго посольства Боклеркъ, не единичный и не исключительный въ Италіи фактъ». Комиссія, дѣлая сообщеніе о состояніи рабочихъ, которымъ не удалось попасть въ артель, набранную капоралемъ, добавляетъ: «дѣтей они посылаютъ на дороги собирать навозъ, а женъ—въ дѣса за хворостомъ. Весною *casanolante*,—какъ называютъ такихъ рабочихъ,—собираетъ траву на откосахъ дороги и, буде возможно, и то, что осталось послѣ покоса луга. Его богатство, въ собранномъ дѣтми навозѣ, въ снятой имъ травѣ. Последнюю онъ продаетъ, первымъ удобряетъ кусочекъ земли, если ему удастся добыть его съ $\frac{1}{2}$ или меньшей доли у сосѣдняго владѣльца. Если у него есть еще и осликъ, то максимумъ его средствъ существованія достигнуть (XI, 2)».

Понятно, что при такомъ состояніи земледѣльческихъ классовъ въ Италіи, не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь сносныхъ условіяхъ ихъ существованія. И ихъ жилища, и ихъ пища стоятъ въ Италіи ниже минимума санитарныхъ требованій. Почти на всемъ протяженіи Италіи, за немногими исключеніями въ ея центрѣ (Тосканѣ и Эмиліи), жилища крестьянъ—курныя избы безъ оконъ и съ однимъ отверстіемъ для входа, а также и для выхода дыма. Это старыя, едва держащіяся строенія, гдѣ скотъ и люди живутъ вмѣстѣ и гдѣ тѣснится иногда масса людей. О гигиеническихъ условіяхъ и чистотѣ здѣсь нечего и думать, когда на пространствѣ 20—25 метровъ, въ единственной комнатѣ помѣщается нѣсколько семей, насчитывающихъ по 5—6 человекъ каждая, являющихся неизбѣжною жертвою первой эпидеміи (напр. холеры въ 1866 и 1867 г.). Это—жилища земледѣльцевъ-собственниковъ или исполовниковъ. У мигрирующихъ рабочихъ не имѣется и такихъ помѣщеній: они или строятъ шалаши, или помѣщаются всѣ, не различая пола, въ конюшняхъ и хлѣвахъ. А мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи и этихъ помѣщеній мало сравнительно съ количествомъ лицъ, нанятыхъ на работы.

¹⁾ Beauclerk, rural Italy, стр. 103, 104.

Что касается пищи, то только на югѣ она сколько нибудь разнообразна и сносна, въ болѣе сѣверныхъ—мапсъ и хлѣбъ изъ него, знаменитая polenta,—главная пища населенія. Мясо почти не употребляется: болѣе зажиточные изъ крестьянъ ѣдятъ его лишь по праздникамъ.

Пишета составляетъ, такимъ образомъ, характерную черту земледѣльческихъ классовъ. И совершенно естественными являются отсюда тѣ отзывы, которые даютъ намъ всѣ тѣ, кто изучалъ Италію. «Настоящаго здороваго крестьянскаго класса въ Италіи нѣтъ, пишетъ Зомбартъ: хилые исполовники, едва влекущіе жизнь мелкіе собственники, номады—пролетаріи, таковы элементы, на которыхъ нація можетъ опереться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи». А теперешній министръ и профессоръ Виллари рассказываетъ въ своей книгѣ «la scuola e la questione sociale in Italia», о слѣд. разговорѣ своемъ съ тирольскими крестьянами. «Ваши крестьяне, говорили они Виллари,—да они рабы, у которыхъ нѣтъ другой пищи, кромѣ поленты. Что же удивительнаго, что они занимаются воровствомъ»? А по его же разсказу, когда группа швейцарцевъ, возвращаясь изъ Италіи, на границѣ своей земли, снявши шляпы, воскликнула: «да здравствуетъ свободный народъ» и присутствовавшіе итальянцы закричали, что и они «свободный народъ», то получили въ отвѣтъ «да, горожане, они быть могутъ свободны, но ваши крестьяне—настоящіе крѣпостные».

V

Результатомъ такого положенія дѣлъ явились все болѣе и болѣе угрожающіе симптомы общественной болѣзни, симптомы, существовавшіе отчасти и раньше, но, несомнѣнно, усиливающіеся все болѣе и болѣе въ послѣдніе годы.

И не буду останавливаться на продажѣ дѣтей¹⁾ крестьянами, продажѣ спекулянтамъ, скупающимъ ихъ и отправляющихъ въ Европу и въ Америку въ качествѣ то музыкантовъ, то акробатовъ, то просто нищихъ.—Зло это, зло, которое сами итальянцы называютъ одною изъ крупныхъ своихъ язвъ, правда, вызвало въ концѣ семидесятыхъ годовъ рѣзкій протестъ въ парламентѣ со стороны Гверцони и повело къ изданію закона, строго воспрещающаго такую продажу. Но, какъ свидѣтельствуютъ весьма многіе, она продолжаетъ въ тайнѣ практиковаться и теперь, вызываемая одной и той же оставшейся неуничтоженной причиною.

Рядомъ съ этой печальной эмиграціей идетъ, все болѣе и болѣе усиливаясь, и другая, настоящая эмиграція. Ни привязанность къ родинѣ, не менѣе сильная и у итальянцевъ, чѣмъ у французовъ, ни сумма гектаровъ пустопорожней, но годной къ обработкѣ земли, которою владѣетъ Италія, не въ состояніи были оказать задерживающаго вліянія на эмиграціонное движеніе. Въ семидесятыхъ годахъ оно приняло такіе размѣры, что обратило на себя вниманіе итальянскаго правительства, и оно впервые въ 1876 году стало записывать эмигрантовъ, составлять ежегодный отчетъ о движеніи эмиграціи. Цифры, опубликованныя и публикуемыя имъ, обнаружили самымъ яркимъ образомъ бѣдственное положеніе

¹⁾ Ferraris, saggi di economia e statistica, Roma 1880, стр. 456 и сл.; Elieberg (въ статьѣ о книгѣ Ferraris'a) въ Jahrbuch Шмоллера 1881; Bernardi, die bäuerliche Zustände Italiens, въ Jahrbuch Шмоллера, 1882, 2 Heft, 281—2.

не однихъ только безземельныхъ рабочихъ, батраковъ, но и крестьянъ-собственниковъ. Съ 1876 года по 1886 годъ эмиграція въ строгомъ смыслѣ слова, не временная только, поднялась съ 19756 душъ въ 1876 году до 85355 душъ. Въ то же время эмиграція временная (для большинства—выходъ на заработки въ Италію) оставалась почти неизмѣнною, колебалась между 77 т. и 100 тыс. человѣкъ въ годъ. Если уже самъ по себѣ фактъ такого быстрого роста эмиграціи является дурнымъ указателемъ, то детали его оказались еще худшими. Оказалось, что главный контингентъ эмигрирующихъ принадлежитъ къ областямъ, гдѣ крестьянская собственность весьма развита, именно Турину, Массѣ, Удине, Беллюно и т. д., и затѣмъ южной Италіи, и что число ихъ особенно сильно растеть. Въ 1882 г. крестьянъ эмигрировало 32755, а въ 1883—вдвое болѣе, именно 76253. Изъ данныхъ же американской статистики, какъ южной, такъ и сѣверной, куда главнымъ образомъ направляется эмиграція изъ Италіи, видно, что крестьяне и поденные рабочіе итальянцы считаются тысячами, тогда какъ на долю лицъ другихъ профессій приходится десятки, рѣдко сотни ¹⁾. Прогрессъ въ дѣлѣ эмиграціи изъ Италіи былъ настолько значителенъ, что она заняла въ 1884 г. уже 6-ое мѣсто въ ряду з.-европейскихъ государствъ. Въ то время, когда изъ Франціи на 1 т. эмигрируетъ 2 человѣка, изъ Италіи ихъ эмигрируетъ на 1 т.—6,99. Выше Италіи стоятъ лишь Англія съ 9,33, Германія—съ 8,32, Австрія, Швеція и Норвегія—съ 7 съ небольшимъ на 1 т. ²⁾.

Но еще болѣе ужаснымъ бичемъ для значительной части крестьянскаго населенія Италіи, бичемъ, угрожающимъ вырожденіемъ, является страшная болѣзнь, все болѣе и болѣе свирѣпствующая среди него, и извѣстная подъ именемъ *pellagra*. Нѣкоторые свѣдѣнія о ней были сообщены въ 1830, затѣмъ въ 1856 г., но только съ 1880 года, со времени опубликованія знаменитаго отчета о ней, изданнаго министерствомъ земледѣлія и торговли ³⁾, можно было опредѣлить ея размѣры, значеніе и несомнѣнное усиленіе ея въ послѣднее время. Ни происхожденіе, ни время возникновенія ея неизвѣстны; данныя о ней относятся лишь отчасти къ прошлому и болѣе всего къ нынѣшнему столѣтію, и слѣды ея въ раннее время были найдены въ ю. Франціи, Испаніи, Греціи, Румыніи и т. д. Теперь она, повидимому, исчезла отсюда. Но въ Италіи, въ областяхъ ея, лежащихъ между 42 и 48° с. ш. и 11 и 26° в. дол., она приобрѣла чисто эндемическій характеръ. Она обнаруживается появленіемъ лишаевой сыпи на лицѣ, переходящей затѣмъ на мускулы, внутренніе органы и мозгъ, обезображиваетъ и обезсиливаетъ больного и доводитъ его въ концѣ концовъ до меланхоліи, тупоумія и нерѣдко самоубійства. Это—болѣзнь, почти исключительно свирѣпствующая среди земледѣльческаго населенія Италіи, и есть несомнѣнный результатъ тяжелой работы на солнцѣ, крайне грязнаго и дурнаго жилья, дурной и мало-питательной пищи, употребленія испорченной воды и въ особенности тагъ называемой поленты, т. е. маисоваго хлѣба. Этотъ послѣдній дѣйствуетъ тѣмъ болѣе, что его дѣлаютъ изъ не вполне дозрѣвшаго зерна, съ ничтожною примѣсью соли,

¹⁾ См. въ Bulletin de l'institut international de statistique 1886, т. I, стр. 191 и сл., т. II, 2 livr., 25 и сл., данныя объ итальянской эмиграціи.

²⁾ Жб., т. I, стр. 196.

³⁾ La pellagra in Italia. Roma 1880.

стоящей страшно дорого въ виду налога на нее, и затѣмъ нерѣдко употребляютъ его въ пищу, недѣлю и болѣе спустя послѣ приготовления.

Ломбардія и Венеціанская область—главная арена пеллагры, но она распространилась уже и до Турина и до Удине, и къ югу до Гроссето, захватывая мѣстности, гдѣ мансъ составляетъ почти единственную пищу земледѣльческаго класса. Въ Ломбардіи въ 1839 году насчитывалось больныхъ пеллагрой 20282 ч., въ 1856 г. уже 38757. Въ настоящее время, какъ видно ихъ отчета министра земледѣлія, въ четырехъ піемонтскихъ областяхъ при взросломъ населеніи (свыше 15 лѣтъ, ибо болѣзнь появляется у лицъ старше 15)¹⁾ въ 1147808 д. земледѣльческаго населенія—больныхъ насчитывается 1692 или 1,47 на 1 т.; въ Лигуріи на 310670 крестьянъ—1481 больной; въ Венеціанской области на 977346 крестьянъ—29836. Процентное отношеніе идетъ нѣсколько понижаясь къ югу: въ Еміліи больныхъ 23,6%, въ Тосканѣ—6,33%, въ Мархіи и Умбріи—3,47%, въ Лаціумѣ—0,25%. Но по отдѣльнымъ округамъ картина представляется еще болѣе ужасною. Въ Ломбардской области, напр., въ округѣ Сондріо насчитывается лишь 0,68% больныхъ, тогда какъ въ Кремонѣ и Бергамо они составляютъ 44,84 и 46,42% взрослого населенія, а въ Брешии—80,3%. То же и въ Венеціанской области. Въ Веронѣ, гдѣ больныхъ менѣе всего,—процентное отношеніе больныхъ выражается въ 19,01%, въ Тревизо, Венеціи и Ровиго—уже отъ 32 до 37%, а въ Падуѣ подымается до 57,38%. Во всѣхъ зараженныхъ областяхъ при 6117110 сельскихъ обывателяхъ въ 1880 г. насчитывалось 97855 больныхъ, а въ 1881 году—уже 103958.

Кіевъ, 25 ноября 1891 г.

И. Луцицкій.

¹⁾ Впрочемъ позднѣйшія изслѣдованія и данныя указываютъ уже на заболѣванія и лицъ моложе 15 лѣтъ и на наследственность болѣзни (въ Веронѣ—въ 621 случаѣ).

ПО ТЕРНИСТОМУ ПУТИ.

Разсказъ

Леопольда Захеръ-Мазоха.

Наконецъ-то онъ получилъ назначеніе. Легкая усмѣшка скользила по его доброму малорусскому лицу,—онъ усмѣхался себѣ самому, и не смѣшно-ли было въ самомъ дѣлѣ, что онъ, Несторъ Бородинко, думавшій когда-то сдѣлаться карпатскимъ Гомеромъ, послѣдователь Дарвина, онъ—титанъ, испытывалъ удовольствіе, что получилъ мѣсто сельскаго врача въ крестьянской общинѣ. Какъ-бы то ни было, все-же оно лучше, чѣмъ голодать и въ лютую стужу бѣгать въ дырявыхъ сапогахъ. Но, слава Богу, теперь съ этимъ покончено. Довольно натерпѣлся онъ за свои идеи.

Одно его радовало. Сколько лѣтъ уже хотѣлось ему совершить путешествіе пѣшкомъ. Теперь онъ могъ осуществить свою завѣтную мечту, его легкія могли надыхаться вволю свѣжимъ воздухомъ, смолистымъ лѣснымъ запахомъ, благоуханіемъ степныхъ цвѣтовъ, ароматомъ свѣже-скошеннаго сѣна. И онъ радовался этому, какъ дитя. Расплатившись съ долгами, онъ уложилъ немногочисленные пожитки свои, довѣрилъ ихъ желѣзной дорогѣ и съ первымъ поѣздомъ отправился въ уѣздный городъ, вблизи котораго лежалъ Галичановъ. Разстояніе отъ уѣзднаго города къ послѣднему онъ рѣшилъ пройти пѣшкомъ, свободнымъ и беззаботнымъ туристомъ... Съ котомкой на плечахъ и суковатою палкой въ рукахъ, какъ странствующій ремесленникъ, покинулъ онъ городъ и медленно пошелъ своей дорогой, чтобы не проглядѣть ничего интереснаго по пути въ природѣ и людяхъ. Была пора, когда природа въ послѣдній разъ прихорашивается, прежде чѣмъ погрузиться въ долгій сонъ. Все еще горитъ яркими красками,—листья, цвѣты, небо, солнце, и въ то же время царитъ тишина, какъ передъ близкимъ сномъ. Былъ чудный день. Передъ нимъ лежала широкая равнина, обнаженная и пустынная,—все печальныя степныя поля, тамъ дальше—мертвые, оголенные луга,—песокъ и снова песокъ, или рѣдкая трава—пожелтѣвшая и поблеклая,—тутъ и тамъ небольшая роща,

деревья которой качались, роняя свою пеструю листву. Только нѣсколько небольшихъ сосенъ красовались своимъ свѣжимъ зеленымъ уборомъ.

Вдали извивалась золотою лентой рѣка. А тамъ—еще дальше—все терялось въ прозрачной сѣрой югѣ, за которой ландшафтъ казался тусклымъ, какъ за грязнымъ, запыленнымъ стекломъ.

У самой дороги лежалъ пастухъ. Вокругъ него паслись овцы, собака его насторожила уши и залаяла на прохожаго. Немного дальше пахалъ крестьянинъ. Земля ложилась волною по обѣимъ сторонамъ святаго желѣза, которому міръ обязанъ своимъ покореніемъ болѣе, чѣмъ мечу и компасу.

На лугу у ручья сидѣли вороны.

Теперь рѣка текла ближе, и онъ видѣлъ, какъ плывутъ по ея грязновато-желтой водѣ плоты, нагруженные лѣсомъ. На носу, точно на часахъ, стояла маленькая собаченка. Вокругъ дымившагося костра расположилось нѣсколько плотовщиковъ. Женщина полоскала бѣлье. Другая женщина опустила ноги въ пѣнящіяся волны и пѣла пѣсню, которая уныло звучала въ тихомъ, мягкомъ воздухѣ.

Надѣво лежало селеніе. Изъ-за высокихъ заборовъ и гнущихся подъ тяжестью плодовъ яблонь виднѣлись почернѣвшія соломенные крыши; голубоватый дымокъ вился надъ ними.

Три холма поднималось среди зеленыхъ луговъ, вѣроятно, курганы надъ павшими героями. Босоногіе мальчики въ полотняныхъ рубашкахъ играли и гонялись по холмамъ, а внизу паслись лошади со спутанными передними ногами. Старый крестьянинъ въ сѣромъ сѣрякѣ съ трубкой во рту, сообщилъ Нестору кое-какія свѣдѣнія. За много, много лѣтъ произошла здѣсь битва съ турками и татарами, и до сихъ поръ случалось, что плугъ или лопата натывались на кости, обломки оружія или чужеземныя монеты.—Стая журавлей, тянувшихся на югъ, выдѣлялась на свѣтломъ небѣ чернымъ треугольникомъ.

Передъ нимъ лежалъ теперь лѣсъ. Онъ простиралъ свои зеленые объятія, точно природа хотѣла сказать: «Приди, приди ко мнѣ на грудь,—здѣсь хорошо,—здѣсь умолкаютъ сомнѣнія и муки». Золотыя ворота открывались тамъ, гдѣ просвѣчивало солнце—точно въ волшебной сказкѣ,—и, казалось, лежитъ за ними чудная тайна.

Несторъ невольно ускорилъ шаги. Что гнало его впередъ? Что ожидало его впереди? Еще сто шаговъ, и онъ вступилъ въ лѣсъ. Обманчивый свѣтъ исчезъ передъ нимъ, за нимъ пропалъ золотой міръ и громкіе голоса его.

Вокругъ царила мертвая тишина... Нѣтъ, не совсѣмъ... Гдѣ-то стучалъ дятелъ стальнымъ клювомъ о гнилой стволъ, и тишина отъ этого становилась еще зловѣще.

Громадные дубы простирали свои суковатые вѣтви; среди молодыхъ буковъ стояли отдѣльныя нарядныя березы, одѣтыя въ свѣтлую кору.

Большія лужи встрѣчались порою по пути. Несторъ едва не испугался, неожиданно увидѣвъ въ одной изъ нихъ отраженіе своего худого, измож-

деннаго лица. Появленіе разбойника не произвело-бы на него такого впечатлѣнія. Чужимъ показался онъ себѣ.

Становилось темнѣе и глуше,—и все-таки, какъ красивы были эти переливы солнечныхъ лучей на темныхъ, устѣянныхъ свѣтлыми пятнами стволахъ, на бархатномъ мхѣ, на поросляхъ причудливой формы, на грибахъ, похожихъ на сказочныхъ гномовъ.

Какъ хороши эти мягкія, зеленныя сумерки, въ которыхъ дрожатъ золотыя искорки.

У дороги росли кусты ежевики и наполняли воздухъ нѣжнымъ благоуханіемъ, жужжалъ шмель, изъ травы подымался маленькій холмикъ—муравьиное царство.

Веселая, красная бѣлочка пристала къ нему, перебѣжала дорогу, торопливо взобралась на стройную сосну и съ любопытствомъ стала смотрѣть на него. Она перепрыгивала съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, всякій разъ настораживая свои маленькія ушки и глядя на него своими умными, черными глазками.

Несторомъ постепенно овладѣвало утомленіе, онъ слишкомъ понадѣялся на себя, длинный путь становился не подъ силу ему—слабому, малокровному. Ноги отяжелѣли, подгибались колѣни и на плечи, какъ будто, налегла невидимая тяжесть.

«Отдохнемъ, дружище!» произнесъ онъ негромко вслухъ: и почему же нѣтъ?—онъ былъ безспорно своимъ лучшимъ, своимъ единственнымъ другомъ.

Онъ остановился, отеръ лобъ, глубоко вздохнулъ, пошелъ дальше, опять остановился и когда онъ снова пустился въ путь, изъ-за невысокихъ сосенъ мелькнулъ крестъ. Страдальческая голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, казалось, улыбалась, и, казалось, говорили нѣмныя уста: Приидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи!

Ахъ, если-бы можно было вѣрить! Но вѣдь онъ вѣрить.—Онъ рѣшился здѣсь отдохнуть.

Приближаясь къ кресту, онъ замѣтилъ у подножья его неподвижно сидящую крестьянскую дѣвушку; она оперла голову на обѣ руки, узелокъ и палка лежали подлѣ нея.

— «Да будетъ благословенно имя Господне!» привѣтствовалъ ее Несторъ.

— «И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!» отвѣчала она, и съ удивленіемъ, но безъ смущенія и робости, посмотрѣла на него.

— «Можно-ли присѣсть возлѣ тебя?» спросилъ онъ.

— «Конечно!» сказала она и отодвинулась немного въ сторону.

Отстегнувъ котомку и бросивъ ее на землю, онъ опустился на мягкій мохъ. «Ты, можетъ быть, изъ Галичанова?»

— «Нѣтъ!»

Что за голосъ! Какъ глубокій звонъ арфы звучалъ онъ въ тишинѣ лѣснаго покоя и тихо и нѣжно касался его сердца.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на свою сосѣдку. Голова соотвѣствовала голосу,—чудная головка съ благородными чертами лица, обрамленного мягкими каштановыми волосами, поверхъ которыхъ, по дѣвически, былъ наброшенъ бѣлый платокъ; свѣтлое ситцевое платьице выдѣляло дѣвственные, нѣсколько рѣзкія формы ея стройной, молодой фигуры. На ней былъ голубой корсетъ и новый овечій тулупъ. Два ряда коралловъ, красныхъ, какъ ея полныя, строгія губы, и мягкіе черные сафьяные сапоги дополняли ея костюмъ.

Она мелькомъ взглянула на него. Нѣтъ, то не были глаза простой крестьянки,—въ глазахъ ея, странныхъ и свѣтлыхъ, казалось, открывалась вся глубина души, и взглядъ ихъ былъ такой умный, кроткій и въ то же время гордый.

Изъ овечьего тулупа высунулась рука,—маленькая, нѣжная, бѣлая рука, которая не носила слѣдовъ тяжелой полевой работы. Незнакомка скорѣе походила на актрису, которая въ малорусской комедіи изображаетъ крестьянку.

— «Простите!» сказалъ Несторъ, «но вы не то, чѣмъ кажется».

Она улыбнулась.

— «Мое имя Несторъ Бородинко». Онъ приподнялъ фуражку: «я врачъ и нахожусь на пути въ Галичановъ, куда получилъ назначеніе».

— «Меня зовутъ Еленой Стрижецкой», отвѣчала она: «я учительница и получила мѣсто въ народной школѣ въ Багiovкѣ. На послѣдней почтовой станціи не было лошадей. Я предпочла передать ямщику свой багажъ и пройти пѣшкомъ не очень длинный путь».

— «Мы съ вами, кажется, товарищи по судьбѣ», замѣтилъ онъ съ поникшей головой, не глядя на нее.

— «Вы, какъ и я, значитъ, идете въ народъ»? Елена обратила къ нему свое кроткое, блѣдное, покорное лицо; легкая тѣнь лежала на немъ.

— «Да, я также!» Несторъ тихо покачалъ головой: «это единственное, что намъ осталось, и можетъ быть оно и есть лучшее!»

— «При всякихъ обстоятельствахъ оно лучшее!» отвѣчала Елена: «я рѣшилась и ужъ отъ всего отказалась. Кромѣ покоя и труда я ничего не хочу, а ихъ, я надѣюсь, найду въ моемъ уединенномъ, затерянномъ въ степи селеніи».

— «И я отъ всего отказался», говорилъ Несторъ: «повѣрьте, и у меня были идеалы, мечты, честолюбіе. И не ожидалъ я, чтобы вареники валились мнѣ прямо въ ротъ; а мужественно боролся, стремился, безропотно терпѣлъ—и все напрасно. Не хотѣло мнѣ счастье улыбнуться. Ничего я не добился—ничего, и только пожиналъ все новыя разочарованія; всякая даже самая ничтожная надежда увядала, раньше чѣмъ успѣвала расцвѣсть. Въ концѣ концовъ перестаешь создавать проекты,—и къ чему?—для кого? Перестаешь думать о себѣ, довольствуешься маленькимъ дѣломъ на пользу ближнихъ и радъ, что исполняешь свой долгъ».

— «Хорошо, если хоть это возможно», возразила она: «есть еще болѣе несчастные, чѣмъ мы».

— «Вы правы».

— «Я пожертвовала бѣльшимъ, чѣмъ вы, потому что навсегда отказалась отъ призванія женщины быть женою и матерью. Да, навсегда... Но такъ какъ во мнѣ все таки живетъ стремленіе любить, ласкать, охранять и лелѣять, то я рѣшилась сдѣлаться учительницей и къ тому же въ глухой деревнѣ. Вы видите, я уже наполовину превратилась въ крестьянку, а современемъ и совсѣмъ превращусь въ нее: у меня жалованье маленькое, за то есть поле и огородъ. Придется научиться самой пахать, самой сѣять капусту, собственной рукой мѣсить тѣсто и печь хлѣбъ. Можетъ быть, все это принесетъ съ собою здоровье. Можетъ быть, когда нибудь краска снова заиграетъ на моихъ щекахъ».—Горькая усмѣшка скользнула по ея устамъ.

Они умоляли. Вокругъ нихъ стояли неподвижные, залитые свѣтомъ стволы, царила лѣсная тишь, сильнѣе благоухали цвѣты въ надвигающихся сумеркахъ.

— «Мнѣ, собственно говоря, хотѣлось бы рассказать вамъ свою исторію», началъ онъ тихо послѣ нѣкотораго молчанія, не глядя на нее: «мнѣ почему-то кажется, что вы меня понимаете и принимаете во мнѣ нѣкоторое участіе».

— «Вы на этотъ разъ не ошибились. Я вамъ въ самомъ дѣлѣ сочувствую».

— «Итакъ, если вы позволите... Я сынъ важнаго чиновника. Росъ я князькомъ—если-бы жива была моя бѣдная матушка и увидѣла бы меня такимъ, какимъ я теперь сталъ, зарыдала бы она, сердечная, надо мной. Лучше было бы мнѣ, можетъ быть, пойти по слѣдамъ отца и сдѣлаться чиновникомъ; протекцію мнѣ-бы оказали. Ну-съ, а я считалъ полезнѣе стихи писать, къ тому-же я пристрастился къ астрономіи.—Такъ. И я учился, учился и пѣлъ свои пѣсни—до тѣхъ поръ, пока отецъ мой не умеръ. Сразу рухнулъ мой картонный домикъ. Пришлось стать на собственные ноги. Я сталъ давать уроки и принялся изучать медицину, просто, чтобы на черный день имѣть кусокъ хлѣба въ рукахъ. И такъ все шло помаленьку, пока я не устроился въ городѣ врачомъ. Теперь должны были явиться пациенты,—но пациенты не являлись. А жить все-таки нужно,—пришлось дѣлать долги. Такъ. Наконецъ и практика нашлась и стала все увеличиваться. Тутъ я познакомился съ одной барыней, женой стараго полковника.—Несторъ пожалъ плечами.—Завязался романъ, подобный тысячамъ романовъ, но меня онъ глубже захватилъ, чѣмъ другихъ, истерзалъ онъ меня, такъ сказать. Къ тому же пристали и кредиторы—и какъ пристали! Да коллега распространилъ слухъ, что я материалистъ, потому что была у меня одна книжка Дарвина и другая Молешота. Пошли толки о моей исторіи съ той свѣтской красавицей, меня окрестили безбожникомъ, безнравственнымъ; я потерялъ практику, потерялъ все, кромѣ бодрости духа. Я основалъ газету,—она не имѣла подписчиковъ, читалъ

лекцій и не находилъ слушателей, написалъ драму и никто не захотѣлъ поставить ее. Нѣкоторое время я пробивался, какъ корректоръ въ маленькой типографіи. Затѣмъ я сталъ болѣть глазами и не могъ ничего больше зарабатывать—буквально ничего. Да что дальше рассказывать? Я мерзнулъ, голодалъ,—наконецъ-то, кончилось это, можно свободно вздохнуть.

— «И мнѣ не лучше жилось!» сказала она послѣ короткаго молчанія: «И я принадлежу къ хорошей семьѣ. У насъ было большое имѣніе. Но пришло несчастье, и въ одинъ прекрасный день мой отецъ оказался совсѣмъ разореннымъ. Меня воспитывали по барски, готовя мнѣ богатый бракъ. Я играла, пѣла, ѣздila верхомъ, умѣла править, стрѣляла и гребла и все это прекрасно. И избалована я была, испорчена; гордячкой была. И тѣмъ мучительнѣе чувствовала я униженіе, когда всѣ тѣ, которые поклонялись мнѣ, вдругъ перестали меня узнавать. Втайнѣ отдала я одному свое сердце,—онъ измѣнилъ мнѣ и женился на другой. Я попробовала счастья на сценѣ. Еще разъ повѣрила я клятвамъ и слезамъ... Безумная... Но довольно... Я была недостаточно самолюбива, недостаточно легкомысленна, чтобы сдѣлать карьеру на сценѣ. Я стала учиться, выдержала экзаменъ на учительницу и поступила въ гувернантки. Школа, которую теперь пришлось пройти, оказалась едва-ли не мучительнѣе той первой—на сценѣ. Одно мѣсто я должна была бросить, потому что слишкомъ нравилась мужу, и жена начинала ревновать, другое потому, что не склонялась на предложенія вдовца, въ домѣ котораго жила. Дѣла становились все хуже и хуже. Я зарабатывала себѣ насущный хлѣбъ шитьемъ: шила сорочки, перчатки, продавала въ маленькой лавочкѣ сигары. Ахъ, быть бѣдной, терпѣть лишенія, работать день и ночь, все это не такъ ужасно, какъ униженія, которыя испытываешь изо-дня въ день, отъ нахальныхъ взоровъ, двусмысленныхъ рѣчей. Тутъ то пригодилось мнѣ то, что оставалось у меня отъ прежней гордости. Она поддержала меня; благодаря ей, я сегодня могу безъ презрѣнія смотрѣть на себя».

— «Мнѣ глубоко васъ жаль», повторялъ Несторъ. Онъ держалъ ея руку въ своей, и обое долго молчали. Онъ смотрѣлъ на нее, а она опустила взоры въ землю. Наконецъ, она кротко обратилась къ нему, встряхнула головой и улыбнулась.

Ахъ, какая это была улыбка,—милая, лукавая, непорочная, полная очарованій.

— «Странно!» прошептала она.

— «И зачѣмъ мы встрѣтились? Знаете-ли, я... я, въ самомъ дѣлѣ, испытываю глубокую симпатію къ вамъ».

— «И я къ вамъ также», сказала она и спокойно обратила къ нему свое блѣдное, выразительное лицо.

— «Со всѣмъ, кажется, покончилъ человѣкъ», продолжалъ онъ, и скорбная улыбка заиграла въ его добрыхъ, хорошихъ глазахъ, «подвелъ жизненный

итога—и вдругъ снова проснулись въ немъ желанія, надежды. Странное сознаніе человѣкъ». Несторъ тихо усмѣхнулся про себя.

— «Нѣтъ, нѣтъ!» воскликнула Елена: «все это только новое искушеніе,—но я,—я болѣе не поддамся ему,—не поддамся!...» Она дрожала отъ внутренняго волненія.

— «Вы правы», сказалъ онъ: «смѣшно повѣрить послѣднему солнечному лучу, когда знаешь, что солнце все равно зайдетъ. Но именно поэтому я могу говорить съ вами свободнѣе, чѣмъ вообще позволяетъ обычай. Елена, я въ самомъ дѣлѣ могъ бы васъ любить».

Радостный трепетъ пробѣжалъ по ея молодымъ членамъ.

— «Но къ чему это приведетъ?» продолжалъ онъ: «къ новымъ мукамъ, новымъ разочарованіямъ».

— «И я могла бы васъ любить», сказала она, серьезно глядя на него своими кроткими глазами: «да, могла-бы... но я не хочу, не хочу снова вступать на тернистый путь. Я ничего больше не жду. Мы тогда только можемъ быть счастливыми, когда откажемся отъ всякаго личнаго стремленія, всякой личной борьбы и всецѣло отдадимся служенію ближнимъ».

— «Но если мы вернемся къ природѣ, Елена, къ народу, если мы будемъ любить безъ надежды на любовь, будемъ пахать и сѣять безъ надежды на урожай и нечего намъ будетъ бояться?»

Елена грустно поникла головой.

— «Что наша жизнь?» продолжалъ Несторъ: «и что мы сами? Два путника, которые встрѣтились на одной тернистой дорогѣ, грустно и любовно привѣтствуютъ другъ друга и расходятся каждый въ свою сторону».

Солнце утонуло на западѣ въ морѣ крови. Зачѣмъ припомнилась Нестору въ эту минуту Иродіада, которой подають на золотомъ блюдѣ главу Крестителя?

Огненная волна залила бѣлыя облака и всю даль, окутанную сумерками. Деревья казались обогрѣнными кровью, и туманъ, окаймляющій горизонтъ, пестрѣлъ красными кружевами, точно сорочка галиційской крестьянки.

Это продолжалось нѣсколько минутъ,—затѣмъ поднялся сильный вѣтеръ; онъ точно хотѣлъ задуть громадное пламя,—и оно погасло, какъ свѣча; исчезли ярко-красные отблески, и все потонуло въ ослабленномъ мягкомъ свѣтѣ.

Надвигался сѣрый туманъ.

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу задумавшейся дѣвушки. Она точно рѣшилась,—поднялась,—взяла узелокъ и палку и протянула Нестору руку.

Онъ также поднялся.

И долго еще стояли они и безмолвно смотрѣли другъ на друга. Къ чему были слова? Они и безъ словъ понимали другъ друга. И затѣмъ они разстались.

— «Прощайте!»

— «Да хранить васъ Господь!»

Они разошлись,—онъ пошелъ на сѣверъ, она на югъ.

У поворота дороги онъ еще разъ остановился и посмотрѣлъ назадъ, она также оглянулась и кивнула ему рукой.

И затѣмъ они скрылись въ лѣсной чащѣ.

Leipziger u. Sächsischer Masoch.

(Переводъ съ нѣмецкой рукописи, присланной авторомъ для Сборника, М. Б.).

Новое открытіе въ области южнославянской народной поэзіи.

Народный эпосъ Сербовъ-Магометанъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Высокія достоинства сербскаго народнаго эпоса уже давно составляютъ общеизвѣстный фактъ науки и литературы. Кому изъ образованныхъ людей не знакомы, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, замѣчательныя пѣсни о Коссовской битвѣ, о Маркѣ Королевичѣ; о сербскихъ гайдукахъ и ускокахъ, объ «юначествѣ» черногогорцевъ или о подвигахъ Георгія Чернаго? Безъ преувеличенія можно сказать, что маленькій сербскій народъ по богатству, разнообразію, силѣ и живучести пѣсеннаго творчества занимаетъ первенствующее мѣсто не только въ славянствѣ, но и вообще среди народовъ Европы. Первые изданія сербскихъ пѣсень въ сборникахъ Вука Стефановича Караджича (1814—1823) составили цѣлое событіе въ исторіи изученія народной поэзіи, вызвали неподдѣльный восторгъ и удивленіе въ европейской литературѣ. Я. Гриммъ, Гете, Фатеръ, Боппъ, Гумбольдтъ привѣтствовали эти пѣсни, какъ замѣчательное самобытное явленіе національной славянскіи жизни. Съ неменьшимъ вниманіемъ онѣ были встрѣчены въ русской и другихъ славянскихъ литературахъ. Правда, Пушкинъ переводилъ еще поддѣльныя пѣсни западныхъ славянъ изъ сборника Мериме, но онъ уже зналъ о Караджичѣ. Погодинъ оказывалъ всякое содѣйствіе и покровительство Вуку, а первые наши ученые слависты—Бодянский, Прейсъ, Срезневскій и Григоровичъ съ любовью отдались болѣе или менѣе глубокому изученію сербской поэзіи, которое затѣмъ продолжено въ трудахъ Гильфердинга, А. Попова, П. Ровинскаго, М. Петровскаго, О. Миллера и др. Обширный сборникъ Вука, составившій въ посмертномъ изданіи 6 объемистыхъ книгъ, далеко не исчерпалъ всего пѣсеннаго богатства сербскаго народа. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ сборниковъ большаго или меньшаго объема: Милутиновича, Поповича, Юкича, Петрановича, Ристича, Маріановича, Ястребова и др. Такіе сборники продолжаютъ появляться и въ новѣйшее время, не говоря уже о томъ, что отдѣльныя пѣсни постоянно помѣщаются въ сербо-хорватскихъ періодическихъ изданіяхъ. Сербскій пѣсенный матеріалъ, собранный и изданный въ настоящее время, поражаетъ своею громадностью; но дѣло собиранія его, повидимому, далеко еще не закончено. Къ сожалѣнію, научная разработка матеріала какъ въ цѣломъ, такъ и замѣчательнѣй-

шей его части—пѣсень эпическихъ, находится еще въ самомъ зародышѣ. Въ этой области много еще темныхъ, непорѣшенныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе изъ цѣлаго ряда любопытныхъ сторонъ, какія раскрываются при изученіи сербскаго эпоса, одна рѣзко бросается въ глаза и можетъ считаться достаточно выясненной: это—необыкновенная живучесть эпическаго творчества народа. Тогда какъ вездѣ на Западѣ, да и во всемъ славянскомъ мірѣ, за исключеніемъ Болгаріи, эпосъ давно уже замеръ, сербскія эпическія пѣсни живутъ еще полною жизнью: онѣ не только передаются въ народѣ изъ устъ въ уста, но постоянно передѣляются, видоизмѣняются и, мало того, творятся вновь. Въ пѣсняхъ этихъ воспѣвается не только прошлая исторія народа, но и событія близкой современности. Еще недавно въ одномъ сербскомъ изданіи (Годишница Николе Чупића кн. VII) была напечатана прекрасная пѣсня, описывающая знаменитое русское стояніе подъ Плевной—характернѣйшій эпизодъ изъ исторіи послѣдней русско-турецкой войны. Конечно, эта живучесть эпическаго творчества присуща не всемъ сербскимъ землямъ. Она сохранилась тамъ, гдѣ народъ доселѣ живетъ въ условіяхъ патріархальной жизни, и гдѣ еще не успѣло пустить глубочайшихъ корней влияние нивелирующей культуры Запада. Такими счастливыми въ этомъ отношеніи уголками пока все еще остаются Черногорія, Старая Сербія, Боснія и Герцеговина. Въ этихъ странахъ и были записаны всѣ замѣчательныя эпическія пѣсни. Въ нихъ и теперь онѣ поются и вновь создаются: тогда какъ въ другихъ частяхъ территории сербо-хорватскаго народа, напр. въ Далмаціи, Собственной Хорватіи, Славоніи, Банатѣ, Сербскомъ королевствѣ теперь трудно встрѣтить гусляровъ и сказателей, знающихъ эпическія пѣсни. Въ предѣлахъ той же сербской территории, едва еще затронутой западной цивилизаціей и сохраняющей въ себѣ остатки живой народной старины, недавно было сдѣлано еще одно крупное открытіе, которое значительно расширяетъ существовавшія доселѣ представленія объ объемѣ и содержаніи сербской эпической поэзіи. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, среди мусульманскаго населенія Босніи и Герцеговины записано огромное количество неизвѣстныхъ доселѣ пѣсень, одна часть котораго теперь издана въ Сераевѣ. Это цѣлый кругъ замѣчательныхъ эпическихъ произведеній, представляющихъ совершенно новое, весьма оригинальное содержаніе и отличающихся высокими поэтическими достоинствами. Открытіе это, сдѣлавшееся извѣстнымъ на Западѣ благодаря прекрасной статьѣ академика Ягича, помѣщенной въ его журналѣ, «Archiv für Slavische Philologie (XI. 3), пока остается не замѣченнымъ въ нашей литературѣ. Настояція немногія строки имѣютъ цѣлью обратить на него вниманіе нашихъ этнографовъ и любителей народной поэзіи.

Эпическія или «юнацкія» пѣсни, извѣстныя по изданіямъ Вука Караджича и многочисленныхъ его послѣдователей, собраны исключительно среди сербовъ-христіанъ, преимущественно православныхъ, воспроизводятъ историческое прошлое, бытъ, нравы, традиціи и идеалы этой части племени. Но рядомъ съ христіанами въ Босніи и Герцеговинѣ, какъ извѣстно, живутъ сербы магометане. Это главнѣйшие потомки прежнихъ владѣльскихъ родовъ, которые изъ желанія сохранить за собой обширныя земельныя владѣнія и привилегированное положеніе въ странѣ и послѣ турецкаго завоеванія, измѣнили прежней вѣрѣ и приняли исламъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе совращеній, число потурченцевъ увеличивалось. Въ настоящее время сербскіе аги и беги составляютъ весьма любопытную этно-

графическую группу, численность которой простирается до полумилліона душъ. Усвоеніе ислама славянскою народностью выразилось здѣсь, какъ у болгарскихъ помаковъ, въ весьма характерномъ явленіи. Сербь-магометане стали ренегатами, прониклись фанатическою привязанностью къ новой вѣрѣ и ея покровителю султану и враждою къ христіанству и своимъ братьямъ-христіанамъ. Но съ другой стороны, они и не утратили важнѣйшихъ своихъ этнографическихъ особенностей. Сербь-потурченцы сохранили сознаніе своей народности, свой языкъ, многіе старые обычаи, любовь къ гуслямъ и пѣснѣ. Слухи о томъ, что у этихъ сербовъ имѣется своя особая, богатая оригинальная поэзія, давно уже ходили среди собирателей и изслѣдователей памятниковъ южно-славянскаго народного творчества, но до недавняго времени ихъ не удавалось провѣрить, отчасти по причинѣ замкнутой изолированной жизни, какую ведутъ мусульмане, не охотно допускающіе гяуровъ въ свои дома, частью вслѣдствіе особыхъ тяжелыхъ политическихъ условій, въ какихъ находились Боснія и Герцеговина до 80-хъ годовъ, оставшіяся совершенно недоступными для изслѣдователей. Съ наступленіемъ австрійской оккупации положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Какъ ни опасна эта оккупация для славянскаго населенія несчастныхъ провинцій, какъ ни обидна она со славянской точки зрѣнія, несправедливо было бы отрицать извѣстную пользу, которую она уже принесла. Благодаря стараніямъ и заботамъ австрійскаго правительства, разныхъ ученыхъ обществъ и академій, а также частныхъ дѣателей науки и литературы въ монархіи Габсбурговъ, научное изученіе Босніи и Герцеговины быстро подвигается впередъ. Вслѣдъ за проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и установленіемъ нѣкотораго порядка и безопасности въ оккупированныхъ провинціяхъ, сюда явились ученые археологи, этнографы, натуралисты, политико-экономы и многіе другіе представители специальныхъ знаній, которые своими, болѣе или менѣе важными, трудами значительно пополнили пробѣлы въ литературѣ по изученію и описанію Босніи и Герцеговины. Между прочимъ, дошла очередь и до наблюденій надъ сербами-магометанами и ихъ народной поэзіей. Сербскіе аги и беги, занявшіе довольно видное положеніе въ странѣ въ качествѣ градоначальниковъ, совѣтниковъ и другихъ административныхъ лицъ, мало по малу стали относиться съ большимъ довѣріемъ къ пришельцамъ «каурамъ» и оказывать имъ содѣйствіе въ ихъ этнографическихъ изученіяхъ. Среди нѣкоторыхъ изъ нихъ даже пробудился вкусъ къ подобнымъ занятіямъ. Такъ, Мехмедъ бегъ Капетановичъ издалъ недавно подъ названіемъ «Народно благо» цѣлый сборникъ народныхъ пословицъ, поговорокъ и пѣсень. Этими новыми обстоятельствами прекрасно воспользовался энергичный, даровитый дѣатель въ Босніи, г. Коста Херманъ, совѣтникъ земскаго управленія и редакторъ издаваемого въ Сараевѣ ученаго историко-археологическаго журнала «Гласникъ земальскогъ Музеја». Заручившись помощью и содѣйствіемъ многихъ мѣстныхъ «родолюбовъ», онъ организовалъ въ широкихъ размѣрахъ собраніе народныхъ пѣсень сербовъ-магометанъ и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Въ его распоряженіе поступилъ обширный весьма цѣнный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что у сербовъ-магометанъ народное пѣсенное творчество отличается такимъ же богатствомъ, силою и живучестью, какъ у прочихъ братьевъ-христіанъ. Пока собиратель успѣлъ познакомить публику только съ «юнацкими» пѣснями, издавъ одинъ за другимъ два большихъ тома (I кн. 652 стр., II кн. 624 in 8°)

своего великолѣпнаго сборника: «*Narodne pjesne Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini* (Sarajevo 1888—1889), въ которыхъ, однако, отдѣлъ эпоса, повидимому, еще не законченъ ¹⁾. Здѣсь напечатано 75 пѣсень, изъ которыхъ многія содержатъ не менѣе 1000—1500 и болѣе стиховъ. Все это—художественныя, цѣльныя народныя эпопеи, весьма оригинальныя по содержанію, замѣчательныя по языку и композиціи.

Национальный сербо-мусульманскій эпосъ есть цѣнная новинка, любопытная во многихъ отношеніяхъ. Открытіе его составляетъ величайшую заслугу г. Косты Хермана. Нововзданныя пѣсни требуютъ внимательнаго изученія, цѣлыхъ изслѣдованій. Здѣсь, конечно, приходится ограничиться немногимъ. Цѣль настоящей замѣтки болѣе чѣмъ скромна; авторъ ея имѣетъ въ виду только занести на страницы русской литературы новый крупный фактъ изъ области славянской этнографіи и сообщить нѣсколько данныхъ, характеризующихъ этотъ сербо-мусульманскій эпосъ.

Новособранныя пѣсни босняковъ и герцеговинцевъ вводятъ читателя въ совершенно особый, новый міръ, о которомъ не даютъ никакого понятія пѣсни сборниковъ Вука и его продолжателей. Содержаніе ихъ весьма отлично отъ содержанія юнацкихъ пѣсень сербовъ-христіанъ. Онѣ ничего не знаютъ ни о знаменитыхъ дѣятеляхъ, ни о великихъ событіяхъ общесербской народной исторіи, какъ напр. Коссовская битва. Любимецъ народный, прославленный герой христіанско-сербскаго эпоса, Марко Королевичъ, упоминается только въ одной мусульманской пѣснѣ (I, 14), но здѣсь онъ выступаетъ не какъ «турски удворица» вообще, а какъ вассалъ боснійскаго визиря Чуприлича, совершающій свои подвиги въ Босніи и причиняющій разныя непріятности сераевскимъ туркамъ. Впрочемъ, и это упоминаніе составляетъ единственное исключеніе въ сборникѣ. Вообще же въ данныхъ пѣсняхъ изображаются лица и событія мѣстной боснійской исторіи или общетурецкой, по скольку въ ней участвовали босняки и герцеговинцы, притомъ позднѣйшей эпохи—XVII—XVIII ст. Герои этихъ пѣсень почти исключительно омусульманившіеся власти—аги и беги, изъ которыхъ многіе носятъ старыя славянскія имена и прозвища. Чуприличъ визирь играетъ здѣсь первую роль, особенно какъ мудрый совѣтникъ султана; Джерзелезъ ага, Любовичъ бегъ, Муѣо и Халиль Кладушане, Омеръ Херничичъ, Ченгичъ—али бегъ—выступаютъ, какъ выдающіеся герои всего вилайета; затѣмъ, весьма видное мѣсто въ мусульманскомъ эпосѣ занимаютъ Ахмедъ-бегъ Везировичъ, Омеръ Блажевичъ, Османъ Чустовичъ, Ахмедъ Башаличъ, Хамза Міятовичъ и другіе юнаки. Описаніе геройскихъ подвиговъ, совершаемыхъ этими и другими представителями сербо-магометанскаго феодальнаго сословія, и составляетъ содержаніе пѣсень сборника Хермана. Герои эти то предпринимаютъ настоящія войны, походы, осады крѣпостей и т. п., то производятъ частныя нападенія на отдѣльныя замки и города и избиваютъ обитателей этихъ замковъ, или же устраиваютъ наѣзды съ брачными намѣреніями, заканчивающіеся то похищеніемъ, то смертію невѣсты. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ при описаніи этихъ подвиговъ и приключеній не трудно

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, печатается, а, можетъ быть, уже и вышла въ свѣтъ третья книга Сборника.

найти намеки и указания на действительныя событія мѣстной боснійской и общетурецкой исторіи ¹⁾; другія же представляютъ своеобразную обработку обще-эпическихъ темъ и сюжетовъ. Нѣкоторые изъ прославляемыхъ юнаковъ—несомнѣнно историческія лица, напр., Чуприличъ, Хусревъ-бегъ, Мехмедъ Соколовичъ, Атлачичи-беги, Кулиновичи-беги, Ченгичи-беги и др.; о другихъ исторія пока еще ничего не знаетъ. Визирь Чуприличъ, Мустай-бегъ Личкій и два брата Муйо и Халиль Херничи, повидимому, составляютъ средоточіе сербскихъ эпическихъ сказаній магометанскаго цикла. Анализъ этихъ сказаній съ исторической точки зрѣнія безспорно представляетъ высокую занимательность, но въ настоящее время онъ отчасти затрудненъ вслѣдствіе недостаточной обработки внутренней исторіи Босніи и вообще Турціи XVII и XVIII в. Гораздо легче поддается изученію другая не менѣ любопытная и важная сторона новооткрытаго эпоса: разсѣянные въ немъ указанія относительно степени вліянія ислама на славянское населеніе Босніи и Герцеговины. Въ прекрасныхъ поэтическихъ созданіяхъ сербовъ магометанъ отражается вся внутренняя жизнь народа его бытъ, нравы, обычаи, идеалы, мировоззрѣніе. Въ нихъ раскрывается замѣчательно выпукло и полно то загадочное сочетаніе и взаимодействіе двухъ разнородныхъ этнографическихъ и культурныхъ началъ—славянскаго и турецкаго, какое выпало на долю ренегатовъ босняковъ и герцеговинцевъ. Наблюденія надъ этой стороной мусульмано-сербскаго эпоса приводятъ къ довольно любопытнымъ заключеніямъ.

Принятіе ислама сблизило часть покореннаго сербскаго народа съ завоевателями. Боснійскіе и герцеговинскіе аги и беги сдѣлались фанатическими послѣдователями новой вѣры и преданнѣйшими слугами султана. Этотъ общеизвѣстный фактъ глубоко отпечатлѣнъ въ эпическихъ пѣсняхъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ своимъ предметомъ изображеніе борьбы, ратоборства, непременно заканчивающихся трагическимъ исходомъ для одной стороны. Если задаться вопросомъ, во имя какихъ идей ведется эта борьба, то вездѣ получится одинъ, обыкновенно ясно подразумеваемый отвѣтъ: за вѣру (дин, иман) и царя, какъ верховнаго представителя и защитника этой вѣры. Эти два принципа, по словамъ академика Ягича (Archiv für Slav Phil. XI. 3), составляютъ общій идеалъ и руководящую нить въ фабулѣ всѣхъ пѣсенъ. Сербъ-ренегатъ съ презрѣніемъ относится къ христіанской «каур-

¹⁾ Напр., въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ описываются разные эпизоды войнъ Турціи съ Австріей и Россіей. Изъ нихъ особенно характерна одна, въ которой, очевидно, изображается неудачный прутскій походъ Петра Великаго 1711 г. (XX Ратованье између Турске и Руске). Побѣдителемъ русскихъ является здѣсь визирь Чуприличъ, онъ разбиваетъ каурское войско и беретъ въ плѣнъ самого „кряя Русіи“, котораго отпускаетъ на свободу только по заключеніи тяжелыхъ условій мира: краль передаетъ ему ключи отъ семи городовъ, вноситъ харачъ за семь лѣтъ и уплачиваетъ военную контрибуцію за издержки по веденію войны. Весьма любопытно, что краль Русіи, выславъ войско на Прутъ, шлетъ султану письмо, въ которомъ заявляетъ свои права на Царьградъ, а султану даетъ совѣтъ отправиться въ Кабу и Медину.

Ето книга, даре од Стамбола
 Празни мени тахта (престолъ) у Стамболу
 А ти хайде Чаби и Медини
 Јер је Стамбол моја дједовина
 А Чаба је моја дједовина.

ской» вѣрѣ и ставитъ выше ея свою новую мусульманскую вѣру: «Преѣна вѣра турска нег каурска». Ради нея онъ долженъ смѣло идти въ бой, ибо получить за то достойную награду на небесахъ—отпущеніе содѣянныхъ грѣховъ.

Благо оном свагом Мусломану
Ко погине на дугу мејдану ¹⁾
Онъ ѣе лако предъ Бога изиѣи
Богъ ѣе нѣму грѣхе опростити
Тако куран турски читабъ каже
С тога Турци од кавче ²⁾ не бѣже

Увѣренность въ непогрѣшимости религіознаго принципа внушаетъ воинственнымъ послѣдователямъ ислама смѣлость не стѣсняться въ совершеніи разныхъ насилій во время ихъ военныхъ предпріятій. Поэтому, проходя по каурской землѣ, они, по словамъ одной пѣсни, безъ стѣсненія грабятъ, жгутъ, уводятъ дѣтей въ неволю, а дѣвушекъ забираютъ въ плѣнницы:

Робе, пале а о јаду раде
Младу дјецу воде у сужанство
А дјевојке себи за лубовце.

Религіозный фанатизмъ у сербовъ - потурченцевъ иногда выражается въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ у самихъ турокъ. Добровольно принявъ на себя роль защитниковъ исламизма на крайней западной границѣ государства, они нерѣдко проявляютъ болѣе энергіи въ отстаиваніи интересовъ новой вѣры, чѣмъ само центральное мусульманское правительство. Между прочимъ религіозный фанатизмъ сказывается въ заподозриваніи въ политической неблагонадежности лицъ, сочувствующихъ христіанамъ. Такихъ измѣнниковъ боснійскіе беги очень часто открываютъ въ самой столицѣ, въ непосредственной близости султана. Тагъ ви-зирь Чуприличъ открылъ доброжелателей христіанства въ лицѣ Шейхъ-Имали, Мехмеда-Паши и даже матери султана. Подобное же рассказывается въ одной пѣснѣ о Джерзелезѣ Али который обнаружилъ тайнаго христіанина въ Мухуръ-Сахиби (хранитель государственной печати). Сербскій потурица съ гордостью хвалится своимъ религіознымъ фанатизмомъ:

Ако ме је родила Влахиња,
Бели ме је родила Турчина,
За нара ѣу на мејдан пзаѣи.

Переходъ въ исламъ въ пѣсняхъ составляетъ обычное явленіе. Въ числѣ другихъ причинъ, вызывающихъ это явленіе (стремленіе къ знатности, власти и богатству) указывается также и любовь къ дѣвушкамъ-мусульманкѣмъ.

Бегъ је Рада льепо потурчио
И са льепомъ Авомъ оженно.

Выходъ замужъ мусульманки за христіанина считался недозволеннымъ. Одна пѣсня повѣствуетъ, что вдова будинскаго бега рѣшилась лучше бросить

¹⁾ ратоборство ²⁾ ссора.

въ Дунай свою дочь Злату, чѣмъ выдать ее за бечного цезаря (т. е. вѣнскаго императора).

Водим цуру до воде студене,
Да ја цуру у Дунаво баџим,
Волим цуру воды прегоријети
Нег је дати Бечу каурскоме,
А Лазару брату Ћесареву (XI п. стр. 228)

Напротивъ, дочери христіанъ очень часто выходятъ за-мужъ за мусульманъ. Изъ пѣсень видно, что такіе браки заключались не только по нуждѣ, но и по расчету. Богатые, знатные, вліятельные сербы-потурченцы и сами турки нерѣдко плѣняютъ сердца христіанскихъ женщинъ. Мы видимъ, что не только дѣвушки идутъ сами добровольно или отдаются родителями за мужъ за мусульманъ, но и замужнія женщины покидаютъ своихъ мужей или возлюбленныхъ ради любви къ магометанину. Одна такая невѣрная жена, впрочемъ, раньше обманутая своимъ мужемъ, обращается къ своему новому возлюбленному турку съ такимъ грубо циничнымъ предложеніемъ относительно своего мужа—христіанина, юнака Вука Даничича:

Хајд' одрежи мому Вуку главу
Па је носи султан Сулейману (IX п. 438 стр.).

Въ другой пѣснѣ встрѣчаемся съ еще болѣе рѣзкимъ проявленіемъ вѣроотступничества. Ана, дочь бана Аршана, безъ всякаго повода измѣняетъ своему отцу, покровительствуетъ его врагу Муѣю Орлановичу, наконецъ уходитъ съ нимъ и дѣлается турчанкой. Вообще женщины, обыкновенно выступающія въ пѣсняхъ то какъ предметъ спора и раздора, то въ качествѣ военной награды, иногда играютъ весьма некрасивую роль. Нравственность женщины въ отдѣльныхъ случаяхъ изображается весьма непривлекательными чертами. Въ одной пѣснѣ даже прямо высказанъ совсѣмъ целестный взглядъ на женщину:

Није никад женску вјеровати (XXXII 1501).

Вмѣстѣ съ религиознымъ фанатизмомъ въ пѣсняхъ рѣзкими штрихами очерчена преданность сербовъ-потурченцевъ новому царю-султану. Славянскіе беги живутъ въ Босніи и Герцеговинѣ, но они извѣстны по всему турецкому царству какъ лучшіе совѣтники султана и надежнѣйшіе помощники и слуги его во всякой бѣдѣ и нуждѣ и, конечно, не мало гордятся такимъ своимъ значеніемъ въ имперіи османовъ. Они участвуютъ во всѣхъ походахъ и войнахъ султана, сражаются съ Австріей и Россіей и въ частныхъ предпріятіяхъ проливаютъ кровь за турецкую идею и турецкіе интересы. Отсюда не удивительно, что сербы-мусульмане носятъ общее имя турокъ, которымъ противопоставляются «кауры»—общее наименованіе всѣхъ христіанъ. Султанъ сравнивается съ яснымъ солнцемъ.

Султан царе огријано сунце,
Сунце сјаје по свему свијету,
А ти царе по свом мемлечету.

Служба султану изображается какъ величайшая честь. Боснія разсматривается какъ лучшая опора владычества османовъ въ Европѣ. Царь долженъ

беречь эту провинцію, никому ее не отдавать. ибо если потеряетъ ее, то потеряетъ и другія европейскія области и самый Стамбулъ. Одинъ изъ юнаковъ, прославленный визирь Чуприличъ говоритъ:

Босна та је соргуч царевини
Не дај, царе, Босне краљевима,
Јер кад пустиш Босну на Ћенару,
Не ће веле вакта пролазити
Отић ће ти Урменлија
То су клучи од Стамбола твога
Ко ти узме сву Уруменлију
Узеће ти Стамбол Цариграда,
Ти ћеш пртљат Меки и Медини

Сами босняки признають свою силу въ имперіи и хвалятся своимъ героизмомъ и удалью:

Брез Бошњака не има јунака.

Когда однажды султанъ, по наговору какого-то измѣнника (муртата), позволилъ себѣ усомниться въ вѣрности босняковъ, визирь Чуприличъ, съ чувствомъ горечи и оскорбленнаго самолюбія опровергъ это подозрѣніе:

Не мој царе слушати муртата
Ти онакихъ не имаш јунака.

При своей преданности исламу и султану, боснійско-герцеговинскіе беги, однако, часто рисуются въ пѣсняхъ эгоистами, людьми, заботящимися о своихъ личныхъ выгодахъ. Смотря на себя какъ на весьма нужныхъ людей въ государствѣ, какъ на оберегателей западной его границы противъ «кауровъ», они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы выпрашивать себѣ изъ Константинополя постоянно новыя и новыя привилегіи. Владѣя значительными богатствами, величина которыхъ измѣрялась количествомъ кметовъ и чифтликовъ, беги постоянно заботятся о новыхъ подачкахъ и пожалованіяхъ и съ этой цѣлью посылають султану ложные доносы о своей бѣдности. Великій визирь Чуприличъ такъ объясняетъ султану эту бѣдность босняковъ:

Султан царе, свечево кољено
Онаки је адет ¹⁾ у Бошњака
Када подју на цареву војску
Да се бију с динским душманином.
Све продају луке и чифлуке,
А у залог дају бјеле куле,
Те купују ате ²⁾ и рахтове ³⁾.
И купују силах ⁴⁾ и оружје,
А и себи порежу хальине
Све од срме и од суха злата.
А што данас иду не весело,

¹⁾ обычай. ²⁾ конь. ³⁾ сбруя. ⁴⁾ оружје.

Далеко је Босна земља равна,
Бошњацима не стануло пара,
А без пара није разговора.

Въ другой пѣснѣ, изъ разсказа татарскаго посланца мы узнаемъ, какъ босняки жаловались султану на то, что у нихъ ничего нѣтъ: постелью имъ служить трава, а подушкой холодный камень.

Ја се једном бијах потрефио
У одаји ¹⁾ цара честитога,
Бошњаци му бјеху у одаји,
Па плакаху цару честитоме:
Аман царе иза горе сунце,
У нас нигдје ништа не имаде,
Душечи нам зелена травица,
А јастуци ²⁾ студено каменье.

Султанъ хорошо знаетъ, что его обманываютъ, непосредственно самъ въ этомъ убѣждается, и тѣмъ не менѣе вынужденъ удовлетворять претензіи просителей.

Темныя стороны турецкаго управленія, въ которомъ боснійско-герцеговинскіе аги и беги играли весьма видную роль, также выступаютъ весьма отчетливо въ новооткрытыхъ пѣсняхъ. Передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ живо выписанныхъ картинъ произвола, насилій, обмана и всякихъ несправедливостей, которыми такъ изобилуетъ исторія Турціи XVII и XVIII вв. На переднемъ фонѣ этихъ картинъ часто выдѣляется самъ султанъ, окруженный своими совѣтниками визириями, среди которыхъ боснякъ Чуприличъ занимаетъ первое мѣсто. Онъ ничего не предпринимаетъ безъ совѣта своихъ приближенныхъ, но въ своихъ рѣшеніяхъ и въ выборѣ совѣтниковъ не рѣдко проявляетъ самую крутую волю и суровый деспотизмъ. Расположеніе его къ людямъ мѣняется съ необыкновенной быстротой. Лица, пользовавшіяся недавно милостями и вниманіемъ падишаха, вслѣдствіе чьего-либо наговора или по своей собственной оплошности, мгновенно попадаютъ въ опалу, и по одному мановенію руки султана должны нести свои головы на плаху. Наоборотъ, люди, находящіеся въ немилости, неожиданно достигаютъ высокаго положенія, благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, иногда простому капризу султана. «Черный арапинъ» наговорилъ султану на визирей—и онъ, не смущаясь, казнить всѣхъ ихъ мечемъ:

Свакога му по имену каже
Све је царе везире скупио
За кога је Арап казивао,
Цар везире под сабљу турио

Не понравился ему совѣтъ нѣкоторыхъ визирей—и опять слѣдуетъ кровавая расправа. Случается, что при такомъ производѣ и господствѣ системы доносовъ и наговоровъ, гибнутъ люди достойные, оказавшіе услуги султану и османскому

¹⁾ комната. ²⁾ изголовье.

царству. Плохо приходится иногда и боснійскимъ юнакамъ. Съчетъ царь безъ разбору ихъ головы, и только умный Чуприличъ своею хитростью успѣваетъ спасти жизнь такихъ выдающихся героевъ, какъ Джерзелегъ Али или Муйо и Халиль: получивъ приказаніе отрубить имъ головы, онъ не исполняетъ его, а посылаетъ султану головы другихъ лицъ, похожихъ на указанныхъ героевъ. При этомъ, какъ передаетъ одна пѣсня, Чуприличъ рѣшается обратиться къ своему повелителю съ слѣдующей смѣлою рѣчью, въ защиту «юнаковъ»:

Султанъ царю, сунце огријано.
Гдѣ годъ зачу за добра јунака
Ти га зовну себи до Стамбола,
Свакога си царю посјекао,
А ја сам ти ондар говорио:
Немој царю ти сјечи јунаке.
Доћ ће врјеме па ће нам трепати.

Таковы въ главныхъ чертахъ религіозныя взгляды и политическіе идеалы сербовъ мусульманъ, по свидѣтельству народнаго эпоса. Они указываютъ, какое глубокое вліяніе имѣлъ исламъ на нѣкоторую часть сербскаго народа и какой сильный внутренній расколъ онъ создалъ въ этомъ народѣ, и безъ того не представлявшемъ единства въ религіозномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, сербы-мусульмане не превратились въ настоящихъ турокъ. Чужеземное культурное вліяніе не лишило ихъ коренныхъ національныхъ особенностей, не заглушило въ нихъ славянскаго духа. Тѣ-же пѣсни изъ сборника Хермана представляютъ не мало доказательствъ того, что сербы-потурченцы, несмотря на ихъ близкія связи съ турками, въ достаточной степени сохранили свои національныя славянскія черты и все еще составляютъ съ своими братьями—христіанами одинъ этнографическій организмъ. Семейная жизнь съ перемѣной вѣры не потерпѣла существенныхъ измѣненій, несмотря на допущеніе многоженства, которое, повидимому, не привилось къ сербамъ; по крайней мѣрѣ, указанія на него весьма рѣдки въ нашихъ пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи сербъ-мусульманинъ остался прежнимъ славяниномъ съ возвышеннымъ взглядомъ на женщину и на крѣпость семейнаго союза. Женщина пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ и обществѣ. Дома она полная хозяйка, и госпожа. Она ведетъ скромную жизнь: прядетъ волну, тклетъ полотно, вяжетъ и вышиваетъ. Главное ея занятіе—воспитаніе дѣтей, которыя остаются на попеченіи матери до совершеннолѣтія: мальчики—пока научатся владѣть оружіемъ и начнутъ участвовать въ юнацкихъ предпріятіяхъ (мејдане дјелити), дѣвушки—до замужества. Любовь мусульманина къ своему дому и своимъ дѣтямъ изображается такими же свѣтлыми красками, какія находимъ въ другихъ сербскихъ пѣсняхъ. Жена для юнака величайшая святыня, онъ готовъ все простить, но Боже сохрани, коснуться чести жены: виновнаго ждетъ быстрая и неумолимая расправа. Большая часть юнацкихъ подвиговъ и поединковъ происходитъ изъ-за женщины и женской чести. Вѣрность жены и чистота дѣвушки ставятся выше всего; при малѣйшемъ сомнѣніи въ вѣрности милой юнакъ безъ сожалѣнія отрубаетъ ей голову. Выше было указано, что въ пѣсняхъ изображаются и отрицательные типы женщинъ-измѣнницъ, но такіе случаи не многочисленны. Народная пѣсня относится къ нимъ съ осужденіемъ; виновныя въ концѣ концовъ несутъ заслуженное наказаніе.

Такимъ образомъ цѣльность народнаго взгляда на любовь и семейныя отношенія остается ненарушенной.

О значительной свободѣ женщинъ свидѣлствуетъ участіе ихъ въ юнацкихъ подвигахъ. На ряду съ юнаками мы встрѣчаемъ и дѣвушекъ-героевъ, которые отличаются мужествомъ и находчивостью, освобождаютъ изъ трудныхъ обстоятельствъ своихъ возлюбленныхъ и даже принимаютъ участіе въ большихъ предпріятіяхъ. Характернѣйшей представительницей такихъ женщинъ — юнаковъ является Айкуна, дочь бега Любовича, которая первой взбирается на стѣны Багдада, овладѣваетъ городомъ и въ награду получаетъ отъ султана пашалыкъ:

А да видиш Айкуне дѣвойке
Она прва на капију сидје
Те јампла наджак ²⁾ од челика
И разбила врата од Багдата;
Она жива ухвати сердара,
Те му скиде калпак од онсера
И свеза му наопако руке,
Пред царем га посадила дупке ³⁾.
Цар дјевојку льепо даровао
Даде ньојзи дирлук и пашалук

Любопытный древне-народный обычай «побратимства» и «посестримства», сохраняется у сербовъ - мусульманъ во всей свѣжести. Указанія, относящіяся къ этому обычаю, въ нашихъ пѣсняхъ многочисленны. Побратимству и посестримству придается важное значеніе. Союзы дружбы, обозначенные этими названіями, считаются священными. Заключеніе ихъ обставлено извѣстною обрядностью. Изъ правой руки выпускается по одной каплѣ крови, и каждый изъ вступающихъ въ братскій союзъ долженъ у другого слизнуть языкомъ эту каплю. Тогда они дѣлаются настоящими «побратимами», самыми близкими друзьями, обязанными помогать другъ-другу во всякой бѣдѣ, готовыми пожертвовать другъ за друга жизнью, если того потребуютъ обстоятельства. Клятва, произносимая при вступленіи въ побратимство или посестримство, признается выше всякихъ другихъ клятвъ, и въ нашихъ пѣсняхъ нѣтъ ни одного упоминанія о томъ, чтобы она когда-либо парушалась. Достаточно юнаку обратиться къ дѣвушкѣ со словами: «Богом посестримо» или, наоборотъ, дѣвушкѣ назвать юнака «Богом побратиме», чтобы они взаимно могли относиться другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ. Весьма любопытно, что обычай побратимства въ значительной степени сглаживаетъ религіозную рознь между сынами одного народа. Сербь-мусульмане заключаютъ союзы побратимства и посестримства не только между собой, но и съ иновѣрцами. Боснійско-герцеговинскіе беги-юнаки (напр. Муїо Кладощанинъ, Гуссейнъ и др.) нерѣдко имѣютъ побратимовъ среди своихъ земляковъ-христіанъ. Въ одной пѣснѣ (XXII) даже прямо прославляется побратимство Стояна Янковича съ дѣвушкой турчанкой.

На значительную живучесть общесербскихъ народныхъ началъ въ мусульманскомъ населеніи Босніи и Герцеговины указываетъ и вся внѣшняя сторона новооткрытаго

¹⁾ ворота. ²⁾ свѣира. ³⁾ прямо.

эпоса. Двухтомный сборникъ Хермана, содержащій въ себѣ только часть пѣсеннаго матеріала, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что эпическое творчество у сербовъ-магометанъ процвѣтаетъ не въ меньшей степени, чѣмъ у сербовъ-христіанъ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ же обиліемъ и разнообразіемъ пѣсни, какое представляютъ, напр., сборники Вука Караджича и Б. Петрановича. То же самое нужно сказать относительно общаго характера и манеры творчества: они совершенно одинаковы въ томъ и другомъ эпосѣ—христіанскомъ и мусульманскомъ, столь не сходныхъ между собой по содержанію. И тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же десятисложный стихъ, тотъ же могучій, выразительный языкъ, та же поэтичность и объективность изложенія, тѣже поэтическіе образы, сравненія, фигуры, постоянные эпитеты, однимъ словомъ та же орнаментика и техника народной эпики. Сходство обоихъ эпосовъ въ этомъ отношеніи настолько велико, что даже при бѣгломъ чтеніи пѣсенъ получается впечатлѣніе, какъ будто позднѣйшее мѣстно-боснійское, турецкое, мусульманское содержаніе новооткрытыхъ пѣсенъ вдвинуто въ давно установившуюся, выработанную всѣмъ народомъ форму эпическихъ созданій. Впрочемъ, наблюдаются и кое какія отличія. Въ мусульманскихъ пѣсняхъ турецкихъ словъ попадаетъ больше, чѣмъ въ христіанскихъ, самыя пѣсни нѣсколько длиннѣе, болѣе растянуты, вслѣдствіе нерѣдкихъ отступленій въ сторону отъ главнаго повѣствованія, что можетъ быть объяснено вліяніемъ общей манеры восточныхъ сказаній. Но эти и другія, болѣе мелкія, отличія не существенны. Народный поэтическій гений вездѣ одинаковъ, вездѣ могучъ и всюду производитъ одинаково чарующее впечатлѣніе. Пѣсни, собранныя и изданныя К. Херманомъ, составляютъ выдающееся явленіе этнографической литературы послѣдняго десятилѣтія. Проліявъ яркій лучъ свѣта на загадочный внутренній міръ любознѣтнѣйшей особи сербскаго народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ высокую цѣну какъ художественныя произведенія живого народнаго эпическаго творчества. Чтеніе ихъ доставляетъ высокое эстетическое наслажденіе, а болѣе подробное изученіе даетъ ключъ къ полному, цѣлостному пониманію сербскаго народнаго эпоса, а равно и къ выясненію многихъ сторонъ и моментовъ исполненной глубокаго трагизма исторіи самого сербскаго народа.

Т. Флоринскій.

ЧУДЕСА.

Разсказъ Р. К. Розенгера.

Бѣтъ сомнѣнія, мои сосѣди-молодожены вели ожесточенную взаимную борьбу. Садъ, гдѣ я обыкновенно работаю, прилегалъ къ ихъ дому, и мнѣ пришлось быть невольнымъ и невидимымъ свидѣтелемъ, какъ они грубо и безжалостно топтали въ грязь всю прелесть взаимныхъ отношеній, которыя постепенно сложились еще во время перваго знакомства, ухаживанья, помолвки, вѣнчанья и медоваго мѣсяца. Причины этого междуусобія я не зналъ, но я прекрасно слышалъ, какъ они старались высказать другъ другу самыя горькія и жестокія укоризны: она—голоскомъ острымъ, какъ бритва, и колючимъ, какъ иголка, онъ—глухимъ и дубовато-грубымъ. Рѣчь шла о какихъ-то доказательствахъ притворства и измѣны.

— Ты сдѣлала меня навѣки несчастнымъ! кричалъ онъ.

— Господи, за какія преступленія осуждена я страдать теперь съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ! вопила она.

Онъ презрительно пожималъ плечами и по временамъ впадалъ въ мрачное безмолвіе. Она держала себя вызывающе и воинственно, и если запасъ упрековъ истощался, начинала съизнова, такъ что со стороны можно было подумать, что перечень его преступленій просто неисчерпаемъ. Голоса ихъ дрожали отъ бѣшенства или рыданій, какъ случится. Наконецъ, разладъ достигъ такой степени, что они проклинали день, когда впервые узнали другъ друга, проклинали свою любовь, бракъ, всѣ радости, какія выпали имъ на долю, и даже часъ своего рожденія.

— О, ты сведешь меня въ могилу—рыдала она:—но только поскорѣе, умоляю тебя! Тысячу разъ лучше лежать въ сырой землѣ, чѣмъ жить въ этомъ домѣ!

— Ну, послѣ этого между нами все кончено,—стонетъ онъ и убѣгаетъ прочь.

Душу надрывающая картина. Такіе прекрасные люди, всего шесть недѣль какъ женаты, сосѣди и завидовали, и радовались, на нихъ глядя — и вдругъ этотъ дикій внезапный разрывъ!

— Слава Богу, слава Богу, лишь бы поскорѣе! кричала жена въ догонеу мужу и—насколько мнѣ удалось замѣтить—стала опорожнять шкафы и комоды и укладываться въ дорогу.

Я былъ самъ не свой. Нельзя-ли мнѣ явиться въ роли примирителя? Все равно, вѣдь ничего этимъ не испортишь уже. Я былъ до того взволнованъ, что не могъ продолжать работы. Съ цѣлью успокоиться нѣсколько, я отправился въ поле подышать упоительнымъ воздухомъ майскаго вечера.

Какъ все тихо и мирно вокругъ. Небеса подернуты легкой бѣлесоватой мглой, которая сгущалась по мѣстамъ въ видѣ летучихъ облачковъ. Однако, солнце жгло иногда такъ сильно и стояла такая духота, что я прилегъ подъ тѣнью ливневницы, которая одиноко высилась свѣтлою зеленью своею среди мирныхъ, какъ будто заснувшихъ полей. Я созерцалъ цвѣтущую долину, село, которое, повидимому, такъ дружелюбно улыбалось мнѣ издали и однако укрыло подъ своими кровлями такъ много страстей и несчастій.—Очнувшись отъ своихъ мечтаній, я замѣтилъ, что солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза. Неужели я такъ долго пробылъ здѣсь, что тѣнь перемѣнила мѣсто? Да и видано-ли, чтобы солнце на сѣверномъ небѣ заволокло такой млечной, мглистой пеленой, какъ было въ данномъ случаѣ? Я поспѣшно вскочилъ на ноги и тотчасъ-же увидѣлъ и настоящее солнце, почти на томъ-же мѣстѣ, гдѣ оно стояло и раньше.

Два солнца!—Въ одной старинной деревенской хроникѣ я читалъ какъ-то, что какой-то пастухъ увидѣлъ вдругъ два солнца. Вслѣдъ за этимъ явилась большая смертность, но по окончаніи ея люди стали до того плодучи, что повсюду на лугахъ и улицахъ барахтались ребята, точно майскіе жуки и нужно было принимать предосторожности, чтобы не раздавить ихъ.

И вотъ теперь это невѣроятное событіе случилось воочію, я ясно видѣлъ предъ собою два солнца на небѣ,—это не галлюцинація. Градусовъ на пятнадцать другъ отъ друга: южное пылало такъ, что было больно глазамъ глядѣть на него прямо; сѣверное—нѣсколько потускнѣе, какъ будто побольше, блѣдное какъ луна, съ чрезвычайно рѣзко очерченными краями.—Я былъ глубоко потрясенъ; не «смертности великой» опасался я, которая должна была явиться вслѣдъ за этимъ, и даже не ребятъ, которые вдругъ закопошатся по улицамъ и лугамъ, какъ майскіе жуки — меня поражаало таинственное чудо природы, которое такъ спокойно и величественно представилось моимъ очамъ. «Возможно-ли дѣло?» рассуждалъ я самъ съ собою: «не сплю-ли я? Какъ жаль,

что нѣтъ здѣсь никого, кто могъ-бы поглядѣть на это чудо вмѣстѣ со мною и подтвердить, что это не сонъ!>—Но этимъ другимъ существомъ была лиственница, которая подтвердила мнѣ фактъ появленія двухъ солнцевъ на небѣ, потому что отъ нея тянулись двѣ тѣни по зеленѣющему лугу, болѣе густую нѣсколько къ сѣверу, а послабѣе—къ югу. Должно быть, въ движеніяхъ нашего тѣла есть нѣчто мимовольное, какая-то врожденная привычка: при новомъ взглядѣ на эти чудесныя два солнца, я почувствовалъ желаніе упасть на колѣни и поднять руки къ небесамъ, и много я далъ-бы, чтобы узнать, кому вознести хвалу и благодарность за это величественное зрѣлище.

Медленно-медленно вторая тѣнь начала тускнѣть, сѣверное солнце утратило свои окраины и вдругъ расплылось въ легкомъ облачкѣ, въ которомъ и произошло отраженіе. Второе, наше милое старое солнце по прежнему стояло на небѣ, яркое и блестящее.

Въ какомъ-то благоговѣйномъ настроеніи продолжалъ я свой путь. Я завернулъ на кладбище, которое торжественно-сурово и въ то же время дружески-заманчиво лежало среди нивъ и луговъ. Я остановился надъ свѣжей могилой, и мнѣ подумалось, какъ это возможно, что изъ двухъ существъ, навѣки связанныхъ другъ съ другомъ, одно ходитъ по землѣ, наблюдаетъ чудеса неба, слышитъ пѣсни соловьевъ, а другое находится тамъ, подъ землею. И когда мой утомленный свѣтомъ взоръ упадъ внизъ, я уже не видѣлъ болѣе могильной насыпи, я увидѣлъ у моихъ ногъ роскошный коверъ дикихъ цвѣтовъ и розъ.—Развѣ это не такое-же великое чудо, какъ то на небѣ? А быть можетъ еще болѣе великое?—Какъ могутъ люди ужасаться этой темной глубины, которая неустанно даритъ землю чудными цвѣтами!

Существуетъ преданіе, что св. Роза тайно приносила христіанскимъ узникамъ хлѣбъ въ закрытой корзинѣ. Однажды тюремный стражъ спросилъ, что у нея въ корзинѣ? и она отвѣчала: розы. Стражъ не далъ ей вѣры, открылъ корзину—и что же? въ корзинѣ, къ удивленію святой дѣвы, дѣйствительно оказались розы. Такъ Господь защитилъ свою благочестивую служительницу. Пожалуй, можетъ быть иногда и чудомъ, если терпѣніе вѣнчается розами; но гораздо болѣе чудесно, если ложь приносить розы; но не несравненно чудеснѣе, если розы даетъ могила. Святныя чудеса слишкомъ величественны, чтобы имъ удивляться; они встрѣчаются намъ на каждомъ шагѣ, они сопровождаютъ-насъ съ того момента, когда мы впервые взглянули на міръ Божій, и до той минуты, когда свѣтъ очей меркнетъ навсегда. Тихо никнущая осень полна чудесъ, ничуть не менѣе нежели разцвѣтающая весна, мрачныя нѣдра матери-земли—не менѣе, нежели безконечная высь небесъ. И если мы, люди, можемъ еще понимать чудеса въ этомъ мірѣ, то, конечно, это самое великое изъ чудесъ!

Солнце встало; долина, еще полная насыщеннымъ свѣтомъ, лежала въ тѣни и на темномъ небѣ зажглись искры. Я шелъ полевой тропинкою вплоть до рѣшетокъ; тамъ стояла скамейка; здѣсь рѣшилъ я отдохнуть и въ мечтахъ

прислонить къ темнымъ вершинамъ елей свою лѣстницу Іакова. Приблизившись къ этому мѣсту, я замѣтилъ, что на лавочкѣ уже кто-то сидитъ. Онъ лежалъ ничкомъ, стоналъ и рыдалъ такъ, что тѣло его судорожно вздрагивало. Я тотчасъ-же подумалъ о моемъ сосѣдѣ, который поссорился съ женой. Я обошелъ кругомъ, чтобы быть сзади скамейки: несомнѣнно, это онъ. Его рыданія здѣсь, въ этомъ ночномъ уединеніи, рыданія о загубленной жизни до того надрывали душу, что я не могъ рѣшиться подойти къ нему и сказать нѣсколько словъ утѣшенія.

Но вотъ незамѣтно подошелъ кто-то другой, и это была его жена. Должно быть она искала его. Нерѣшительно приблизилась она къ скамейкѣ, наклонилась, положила руку на его голову и тихо молвила: «Не сердись, Францъ, прости!»

Онъ поднялся въ испугѣ, порывисто отстранилъ ее рукой подальше отъ себя, упалъ на другой конецъ скамьи и пытался удержать свои рыданія, но это плохо ему удалось.

Его жена неподвижно стояла у скамьи, какъ статуя. Наконецъ она сдѣлала шагъ впередъ и вновь остановилась—какъ мнѣ показалось въ полумракѣ—низко опустивъ голову. Но вдругъ она бросилась къ нему, обвила его голову руками, страстно цѣловала его волосы, лобъ и повторяла среди рыданій: «Францъ, Францъ!»

Онъ отвернулся и жесткимъ голосомъ спросилъ: «Что тебѣ нужно отъ меня? Мы—чужіе другъ для друга!»

Она отступила. Долго стояла она неподвижно; онъ сидѣлъ на скамьѣ, опустивъ голову на руку. Свѣтлякъ пронесся поблизу, какъ будто хотѣлъ описать волшебный кругъ надъ несчастными супругами. Жена глубоко вздохнула, упала на колѣни передъ мужемъ и подняла къ нему руки съ мольбой: «Прости, Францъ! Пойми, я была внѣ себя, я даже не помню, что сказала тогда. Францъ! Ну, взгляни-же на меня, я тебя люблю больше всего на свѣтѣ. Я не могу жить безъ тебя. Но когда я всплыву, то легко могу сдѣлать тебѣ больно. Нужно простить мои ошибки, все поправится, мнѣ самой страшно больно. Ты вѣдь добръ. Ты заслуживаешь лучшей, чѣмъ я; но я постараюсь стать лучше. Францъ!»

Она вытерла передникомъ слезы на его щекахъ: «будь добръ, мой милый, я не могу видѣть слезъ. Я никогда, никогда не буду огорчать тебя, милый, дорогой»....

Рыданія не позволяли ей продолжать. Онъ вскочилъ, обнялъ ее, прижалъ къ своей груди и страстно цѣловалъ ея глаза, лицо....

О чудо изъ чудесъ! Послѣ жестокаго разлада вдругъ такая близость, до-вѣріе, единство!

Когда по возвращеніи домой я разсказалъ своему старому родственнику необыкновенныя происшествія этого дня, то получилъ отвѣтъ: «Да, удивительныя дѣла, чудесныя дѣла! Но какъ ты думаешь, гдѣ здѣсь самое большее чудо?»

— Ты, конечно, хочешь сказать—два солнца.

— Нѣтъ,—женщина, которая сознаетъ свою ошибку.

У. Б. Рорингтон

(Переводъ съ нѣмецкаго оригинала, присланнаго авторомъ для сборника, Н. М.).

Изъ „Очерковъ Италіи“

I.

Туча спитъ въ оцѣпенѣнны
Надъ вершиною скалистой,
Солнце въ тучу на мгновенье
Лучъ забросило огнистый.

Долго пламенной стрѣлю
Въ нѣдрахъ тучи лучъ таясь,
Чтобы въ бурѣ надъ землею
Яркой молніей родиться!

II.

Вѣтеръ изъ ущелья вырвался на волю;
Празднуя свободу—свищетъ на просторѣ,
Рветъ съ платановъ листья, жатву мнетъ по полю
И волнуетъ злобно голубое море.

Спали тучи въ небѣ—разбудить съ налету
Заклубилъ, раскинулъ темною грядою
И несетъ ихъ быстро, гонить на работу
Съ теплыми дождями, первою грозою.

III.

МИЛОСЕРДІЕ ¹⁾).

(Изъ Фонтана).

, муза кроткая, чье тихое дыханье
Смиряетъ злую скорбь! Отъ ласкъ твоихъ бѣжить

¹⁾ Стихотвореніе извѣстнаго поэта Фонтана, написанное имъ для первой страницы Италіанской литературной складчины въ пользу разоренныхъ наводненіемъ въ Ломбардіи и Венеціи.

Съ поблекшаго чела глубокой слѣдъ страданья
И боль тяжелыхъ ранъ твой поцѣлуй цѣлитъ!

О, живоносный ключъ въ пустынь раскаленной,
Цвѣтушій оазисъ среди ея песковъ,
Въ твоёмъ источникѣ скиталецъ утомленный
Омоется отъ зла, проклятій и грѣховъ!

Тебѣ, что съ высоты какъ чистый лучъ сіяешь
И въ небеса къ себѣ изъ мрака насъ зовешь,
Тебѣ, что женщину властительно вѣнчаешь
И новой красоты сіянье ей даешь,—

(Смолкаетъ въ мірѣ зло отъ этого союза
И мысли свѣтлыя, какъ фиміамъ, растутъ),—
Тебѣ—десятая—плѣнительная муза,
О, Милосердіе святое,—этотъ трудъ!

IV.

ВЕНЕЦІЯ.

(Изъ Гуальдо).

Подъ твердью, голубой какъ небеса востока,
Вся въ зеркалѣ лагунъ своихъ отражена
Гондола черная задумалась глубоко,—
О смерти грѣзится ли, иль о любви она?
Вонъ чудо смѣлости, величія эмблема,
О славѣ прошлаго немолчно говоритъ
Изъ дивныхъ мраморовъ безсмертная поэма:
Палаццо дожей тамъ торжественный стоитъ
Какія дивныя текутъ воспоминанья!
Въ груди моей восторгъ смѣняется тоской
И я плыву впередъ!... Смѣхъ, говоръ, восклицанья,—
Ріальто и на немъ народъ снуетъ толпой!
А вдалекѣ опять и нѣга, и молчанье,
И голубыхъ лагунъ мечтательный покой.

V.

Съ утра—по кручамъ и скаламъ
Несется быстро конь могучій...
То путь сползетъ къ морскимъ валамъ,
То въ высь подымется подъ тучи!

Рощъ апельсиновыхъ аромать,
Зеленыхъ листьевъ колыханье,
Порой звонки незримыхъ стадъ
И вѣтра тихое дыханье...

И вдругъ—пустыня! Смерть кругомъ
Въ ущельяхъ дикихъ тонуть горы,
Какъ будто каменнымъ дождемъ
Засыпадъ Богъ крутя горы;

Какъ пламя, лется зной съ небесъ
На позабытыя руины...
И снова виллы, снова лѣсъ
И тѣнь, и звуки мандолины.

О, больно вспомнить, что вдали
Еще забыта небесами
Мертвѣетъ грудь родной земли
Подъ неисходными снѣгами.

Въ холодныхъ избахъ—гаснетъ смѣхъ,
Народъ голодный хлѣба просить
И солнце, щедрое для всѣхъ,
Родной землѣ луча не бросить.

Вас. Немировичъ-Данченко.

Формы крестьянского землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.

Въ послѣднее время изученіе исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи поставлено на болѣе правильный путь. Прежде все вниманіе изслѣдователей было обращено на вопросъ о личныхъ правахъ крестьянъ; интересовались преимущественно тѣмъ, кто прикрѣпилъ крестьянъ, когда они прикрѣплены, полагая, что этимъ судьба земледѣльческаго—сельскаго населенія рѣшается окончательно. Спора нѣтъ, что ограниченіе одного изъ личныхъ правъ крестьянъ могло повлечь за собою и повлекло лишеніе и всѣхъ прочихъ правъ ихъ. Но личныя права состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ имущественными; лишеніе имущественныхъ правъ можетъ создать крѣпостное право безъ общихъ законовъ о прикрѣпленіи. Да и тамъ, гдѣ такіе законы были издаваемы, они вызваны были имущественными или экономическими отношеніями. Почва для крѣпостнаго права создавалась вѣками, со временъ весьма раннихъ, пока наконецъ сложившіяся крѣпостныя отношенія не были оформлены закономъ. Такъ шло дѣло въ сѣверной Руси. Въ западной же, т. е. литовско-русскомъ государствѣ, никогда не былъ издаваемъ общій законъ о прикрѣпленіи, между тѣмъ съ конца XVI в. и здѣсь сложилось и укрѣпилось крѣпостное состояніе въ одной изъ самыхъ мрачныхъ формъ его ¹⁾. Такой исходъ дѣла, кажущійся съ перваго взгляда загадочнымъ, объясняется вполне мѣрами, направленными на имущественныя права крестьянъ въ XVI в. Эти мѣры двоякаго рода: однѣ изъ нихъ коснулись формъ крестьянскаго землевладѣнія, другія направлены на лишеніе крестьянъ права на *ихъ собственную землю*, а затѣмъ и на прочія имущества. Первыя приготовили наступленіе вторыхъ; мелкій крестьянскій участокъ земли, состоящій въ частномъ владѣніи отдѣльнаго лица, былъ беззащитенъ предъ надвигавшеюся силою панскаго права; господствовавшія раньше разныя формы совладѣнія группъ лицъ были гораздо устойчивѣе и способнѣе противостоятъ обезземеленію крестьянъ.

До XVI в. (говоря вообще) крестьянамъ Литовской Руси принадлежало полное право вѣчнаго и потомственнаго владѣнія ихъ землями (которымъ замѣнялось тогда

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія исторія крестьянскаго вопроса въ Западной Россіи получаетъ высочій интересъ; но онъ едва лишь затронутъ въ соч. О. И. Леонтовича и И. П. Но вичаго.

право собственности) наравнѣ съ землянами и боярами; но крестьяне владѣли землею большею частью не на личномъ правѣ, а на правѣ совладѣнія дворищъ (родовыхъ общинъ), сельскихъ и волостныхъ общинъ и подраздѣленій ихъ.

Здѣсь постараемся пока только уяснить названныя формы землевладѣнія, господствовавшія до утвержденія крѣпостнаго права.

Дворища. Древнія формы крестьянскаго владѣнія землею разрушены или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени измѣнены волочною системою въ пол. XVI в. Однако въ нашихъ рукахъ есть достаточно данныхъ для восстановленія и прежнихъ формъ землевладѣнія; свидетельства о нихъ можно получать даже изъ самыхъ актовъ волочнаго измѣренія, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣненіе волочной системы оказалось невозможнымъ по условіямъ мѣстности, и дѣло ограничилось лишь измѣреніемъ крестьянскихъ участковъ и оставленіемъ ихъ въ прежнемъ положеніи. Да и тамъ, гдѣ введено новое волочное хозяйство, раздача волокъ невольно сообразовалась съ прежнею бытовою системою, т. е. волоки отдаваемы были группамъ тѣхъ лицъ, которыя прежде были совладѣльцами дворищъ, напр. въ пинскомъ староствѣ «Михалъ и Морданъ Петровеичи и Якимъ Хоциновичъ двѣ части своихъ земель обвели и показали по старымъ межамъ; эти земли они и прежде держали сообща (z jednego); также и теперь приняли эти земли вмѣстѣ (wspólok) ¹⁾».

Въ пинскомъ же стар. села цѣлыхъ трехъ войтовствъ и заключающіяся въ нихъ дворища «оставлены по давнему и старому обычаю ихъ, по старинѣ ихъ» ²⁾; и во многихъ другихъ мѣстахъ того же княжества старыя формы крестьянскаго землевладѣнія поцѣжены новою системою.

Одною изъ самыхъ распространенныхъ формъ совладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ было *дворище*, форма общинно-родовая, имѣющая значительное сходство съ хорватскою задругою. Ее находимъ мы во многихъ воеводствахъ сѣверо-западной части государства (Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ); но она не чужда и юго-западу, хотя здѣсь преобладающую форму составляетъ болѣе мелкая единица (составная часть дворища), — *дымъ* ³⁾.

Дворищемъ (въ смыслѣ личнаго состава) называется общество лицъ, связанныхъ въ главной части своей родовымъ единствомъ, но допускающее примѣсь чужеродцевъ, имѣющее одного главу (который обыкновенно даетъ имя дворищу) и членовъ, именуемыхъ потужниками.

Дворищемъ въ объективномъ смыслѣ называется участокъ земли — усадебной, пахатной и угодьевъ, — состоящій во владѣніи одной группы лицъ.

Личный составъ дворищъ. Въ актахъ лица, составляющія дворище, не всегда именуются всѣ; иногда обозначается имя одного главы дворища, съ прибавленіемъ: «со

¹⁾ Писц. кн. Пинскаго и Клецкаго староствъ 1552—1555 г., сост. Хвальчевскій. Стр. 65.

²⁾ Ibid. стр. 176.

³⁾ См. И. И. Новицкаго, стр. 122.

своими потужниками»; напр. въ с. Кривомъ пинск. стар. «въ дворищѣ Пригочичахъ Климъ Колендовичъ—съ своими потужниками ¹⁾); въ дворищѣ Малышичѣ въ с. Мрозовичахъ Гринъ Малышичъ со своими потужниками, въ дворищѣ Коптевичѣ—Оныско Коптевичъ со своими потужниками; въ дворищѣ Купрущовщинѣ—Карпъ Зиновичъ со своими потужниками» ²⁾).

Такимъ путемъ обнаруживается, что въ каждомъ дворищѣ несомнѣнно былъ одинъ глава, на имя котораго и приписывается дворище. Это же видно и изъ того, что часто наименованіе дворища взято отъ фамиліи главнаго владѣльца (какъ въ упомянутыхъ сейчасъ случаяхъ дворищъ Малышичѣ и Коптевичѣ). Если въ другомъ большемъ рядѣ случаевъ наименованія дворищъ не совпадаютъ съ фамиліями главныхъ владѣльцевъ, то во всякомъ случаѣ эти наименованія б. ч. родоваго характера, т. е. указываютъ на фамиліи прежнихъ владѣльцевъ. Таковы: въ с. Бешлеровичахъ (пин. княж.) дворища Наровичи, Шаспици, въ с. Лопачинѣ дворища: Шмоланиновичи, Шабановичи, Пещаниковичи, въ с. Особовичѣ: двор. Кайдановичи; въ с. Плошевѣ: двор. Дурдовичи, Коровичи; въ с. Кудричахъ: двор. Лемешевичи; въ с. Стеховѣ: двор. Кожемячичи, Омеляновичи, Крывчевичи, Демидовичи, Мамоновичи, Шипилевичи; въ с. Островѣ: дв. Лыхогощевичи, Сидоровичи; въ с. Плотничей: двор. Ювовичи, Хомичичи, Трохимовичи, Осиповичи и т. д.

Подобную же форму фамильной принадлежности означаютъ и названія: Тимоховщина, Страховщина, Михеевщина, Денисковщина, Юрковщина, Хоресковщина, Игнатовщина ³⁾).

Впрочемъ есть и другой родъ наименованій дворищъ, который не имѣетъ родоваго значенія и не указываетъ на фамильную принадлежность; напр. дворище Стрѣльниковское, дворище или земля Куничинская, дв. Бохновское, дв. Нагорное, Батыевщина, Батыевское, Московщина и др., взятые или изъ географическихъ признаковъ положенія, или изъ повинностей, въ которыхъ находилось дворище къ государству. Но этотъ родъ наименованій, сравнительно съ первымъ, весьма незначителенъ.—Изъ нѣкоторыхъ названій этого порядка (напр. Батыевщина) можно заключить, что начало существованія нѣкоторыхъ дворищъ должно быть отнесено къ древнимъ временамъ, если эти имена не взяты отъ урочищъ.

Присутствіе въ каждомъ дворищѣ главнаго лица—правителя и распорядителя дворища—утверждается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что весьма часто, при пожалованіяхъ именуются, какъ предметъ пожалованія, *люди* по ихъ именамъ, съ добавленіемъ, что эти люди идутъ въ пожалованіе съ ихъ землями; эти люди жалуются цѣлыми дворищами; напр. въ 1503 г. пин. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ жалуетъ своему боярину Ѳеодору Щепѣ «шесть чоловѣковъ: чотыри чоловѣки служебныя,

¹⁾ Писц. кн. Пин. Хвальч. стр. 179.

²⁾ Ibid. 180—181.

³⁾ Ibid. стр. 183—201 и др.

а два данника... А еще дали есмо ему двѣ дворища на пашню» ¹⁾, т. е. князь пожаловалъ 6 населенныхъ дворищъ и два пустыхъ. Между тѣмъ жалуемые участки обозначаются каждый именемъ одного лица, владѣвшаго ими: «первый чолвѣкъ у Олѣксичъ Позолота, а другій чолвѣкъ у Мѣрчихахъ—Степанъ Олексичъ, а третій чолвѣкъ въ Иваничахъ—Иванъ Михѣевичъ» и т. д. Тождество дворища и «чолвѣка» видно и изъ слѣд. грамоты пинской княгини Маріи Семен. Олельковой слугѣ ея Ив. Полозовичу: «дали ему имѣнейцо Теребенское... и зъ Бѣлинскими данники, а въ Божичахъ двѣ дворищи на пашню, а въ Сушицку чолвѣкъ, а къ тому еще дали есмо ему чолвѣка Баламутовича въ Теребнижѣ, а другого чолвѣка Дубленскаго съ тымъ дворищомъ, што братаничи его держали, а третьяго чолвѣка Безхлѣбовича» ²⁾.

Только этимъ тождествомъ «чолвѣковъ» (хозяевъ, представителей дворищъ) съ самими дворищами можно объяснить такія выраженія актовъ: «сидитъ чолвѣкъ дворца Колодеженскаго, именемъ Борисикъ, четыре дома съ братією» ³⁾.

Глава дворища есть дѣйствительный владѣлецъ—«отчичъ» земли своего дворища. Пинскій кн. Ѳеодоръ Ив. Ярославичъ далъ въ 1509 г. Полозовичу въ с. Сошкѣ Степ. Телешевица съ его дѣтьми, а другого чолвѣка Василя Стрѣльниговичи съ его братією, что *на его отчинѣ съ нимъ сидать*» ⁴⁾.

Въ 1495 г. кн. Марья Сем. пинская пожаловала слугѣ своему Сенку Головѣ въ с. Задвиначихъ «четыре чолвѣка: Клишевича, Иваника Никоновича, а третьяго Бремѣя, а четвертаго Семеновича, а *пятое дворище*, на чемъ самъ (Головня) сидитъ» ⁵⁾.

Единство дворища подъ властію и именемъ одного старшаго члена подавало поводъ къ недоразумѣніямъ; напр., нѣкіе земляне Юшковичи выслужили въ селецкомъ округѣ (пинск. кн.) землю Шіяновскую, которая и была записана за ними съ поименованіемъ одного крестьянина—владѣльца дворища—Остапа Шіяновича, «какъ старшаго брата». Впослѣдствіи Юшковичи допустили раздѣлъ дворища и на отдѣльныхъ участкахъ его посадили братьевъ Остапковыхъ Василя и Шешка. При измѣреніи волокъ (1555 г.) эти двѣ части дворища были возвращены въ казну, на томъ основаніи, что въ жалованной грамотѣ записанъ одинъ Остапъ. По жалобѣ Юшковичей королева Бона возвратила имъ и другія части ⁶⁾.

Признавая въ каждомъ дворищѣ присутствіе главнаго лица—общаго хозяина, мы однако не можемъ точнѣе опредѣлить его отношеній къ прочему личному составу дворища. Быть можетъ, первоначально занималъ дворище одинъ глава простой семьи; затѣмъ, по размноженіи ея и смерти домохозяина, члены новаго рода не дѣлились и признавали власть старшаго.

¹⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, изд. Вилен. Арх. Ком. стр. 102.

²⁾ Ibid. стр. 104—105.

³⁾ Ibid. стр. 31.

⁴⁾ Ibid. стр. 107.

⁵⁾ Ibid. стр. 111.

⁶⁾ Ibid. стр. 157—158.

Число лицъ, составляющихъ дворище (тамъ, гдѣ оно указывается), обыкновенно очень значительно; напр. въ селѣ Дубѣ пин. стар. въ дворищѣ Метечичахъ жили: Пронъ Ивановичъ, Остапъ, Димитръ и Иванъ Дорешовичи, Денисъ, Иванъ, Илько Микитичи, Степанъ Ювовичъ, Харитонъ Рачковичъ, Хведько Никоновичъ, Левонъ Рачковичъ. Иванъ Медвѣдевичъ ¹⁾; так. обр. въ одномъ дворищѣ владѣли 12 лицъ муж. пола. Но эти лица очевидно принадлежатъ къ разнымъ семействамъ, которыхъ въ этомъ одномъ дворищѣ указывается 8. Полагая на каждую семью по крайней мѣрѣ 5 чел. муж. и жен. пола, получимъ, что въ одномъ дворищѣ жило до 40 чел. Въ с. Стольномъ въ дворищѣ Елтуховичахъ жили: Пашина Елтуховичъ, Опанасецъ Микитичъ, Василецъ Микитичъ, Богданецъ Романовичъ, Пванецъ. Радивонъ и Миско Романовичи, Андреецъ, Пронецъ и Ходорецъ Дорошевичи, т. е. 11 лицъ муж. пола и 6 семействъ.

Въ с. Гегровичѣ (пин. ст.) одно дворище составляли: Филиппъ Кохневичъ, Карпъ Ивановичъ, Сенько Степановичъ, Хверъ Сепевичъ, Величко Кохневичъ, Перхуцъ Гацевичъ, Охремъ Якимовичъ, Яцко Стецевичъ, Курило Гриневичъ, Степанъ Игнатовичъ, Иванъ Гриневичъ, Гаврило Матвѣвичъ, Яцко Матвѣвичъ, Данило и Жданецъ Гриневичи, Василь и Иванъ Игнатовичи, Пванъ Матвѣвичъ, Романъ Ивановичъ. Это огромное дворище владѣло 6 волоками и 22 моргами земли (около 120 десятинъ),

Въ с. Задолжѣ въ двор. Олышівевичахъ сидятъ: Борисъ, Пронецъ, Максимъ и Гринъ, Мысковичи, Василь и Андрей Ивановичи, Ячко Петровичъ, Малохъ Юнцовичъ, Андреецъ Малоховичъ, т. е. 6 семействъ.

Что въ представленныхъ примѣрахъ отдѣльныя части дворищнаго населенія суть отдѣльныя семейства (Мысковичей, Ивановичей, Петровичей, и т. д.), это видно изъ того, что иногда въ составѣ владѣльцевъ дворища именуются женщины; напр. въ с. Иванкевичахъ (пин. стар.) землю урочную (которая впрочемъ не называется дворищемъ, но замѣняетъ его) занимаютъ: Иванъ Домановичъ, Левко, Иванъ Сенковичъ Иванъ Анчуховичъ, Анна Васильевская, Анна Богданова—вдовы. ²⁾ Въ числѣ совладѣльцевъ могли явиться вдовы, какъ главы особыхъ осиротѣвшихъ семействъ. Значеніе отдѣльныхъ семействъ за этими частями дворищнаго населенія обнаруживается особенно тогда, когда старые совладѣльцы, при введеніи волочной системы получаютъ сообща землю, съ тѣмъ, однако, чтобы подѣлить ее между собою на равныя части, напр. въ с. Гродищѣ (пинск. стар.) Климъ Даниловичъ, Ялтухъ Наумовичъ, Гаврило и Шитко Игнатовичи, Жданецъ Василевичъ, Иванъ Семеновичъ, Васько Пашковичъ, Хведоръ Проневичъ, Климъ Даниловичъ, Максимъ Петровичъ, Климъ Раковичъ, Кононъ Яневичъ,—приняли на чиншу усадѣбную землю («приселеніе»), тамъ гдѣ сидятъ надъ р. Пивою и Яподю, которою они должны подѣлиться поровну, ³⁾ т. е. дворище, разложившееся подъ влияніемъ новой системы владѣнія, подѣлилось на отдѣльныя семейства и небольшія группы семействъ; именно пахатная земля уже принята так. спо-

¹⁾ Писц. кн. Пин. Хвалч. стр. 236.

²⁾ Ibid. стр. 214.

собой: одну волоку приняли два изъ упомянутыхъ семействъ: Климы Даниловичъ и Ятухъ Наумовичъ; другую волоку четыре изъ упомянутыхъ семействъ: Игнатовичъ, Жданецъ, Василевичъ, Иванъ Семеновичъ, Васыко Пашковичъ, 3-ю волоку Петровичъ, Раковичъ и Яневичъ и т. д.

И такъ населеніе дворища состояло изъ нѣсколькихъ семействъ.

Какъ пришли они въ совладѣніе? Или иначе: въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу и къ главѣ дворища? Всѣ члены дворища въ отношеніи другъ къ другу и къ главѣ дворища называются «потужниками», «попличниками». Названіе «потужники» не объясняетъ дѣла, ибо оно значитъ: товарищи, соучастники. Но по временамъ въ актахъ и иллюстраціяхъ содержатся болѣе опредѣленные указанія: напр., дворище Иванковское въ с. Хомутовцахъ держитъ Хведець Зенковичъ съ братомъ своимъ ¹⁾; двор. Шикотинское въ с. Морочнѣ держитъ «Андрей Васильевичъ съ братіей и потужниками своими» ²⁾.

Въ пинскомъ пов. въ с. Сѣрнигахъ (попавшемъ въ частное владѣніе Велятыцкихъ) въ дворищѣ Махновичъ жилъ крестьянинъ «Манецъ Евлашковичъ съ родичи своими», въ дворищѣ Чиноповичъ—Андрей съ братьею, въ Кануновичахъ дворищѣ—Петринъ съ братьею, въ дворищѣ Осташковичъ—Санецъ «родичи его» Антонезъ и Ленець; въ с. Оедорахъ въ данномъ дворищѣ сидѣлъ «Евтухъ съ родичами своими», въ Суковичѣ данномъ дворищѣ «Андреець съ родичами своими»; въ Невлѣ въ дворищѣ данномъ Масевичъ сидѣлъ «Карпецъ съ братомъ, Савка Кондратовичъ «съ братіею»; въ дворищѣ Лычковщинѣ «Манецъ съ братомъ и съ дядковичемъ Семенцомъ...» ³⁾.

Въ с. Крайновичахъ пинск. княж. (пожалованномъ отъ кн. Оедора Ивановича Ярославича Рыжковичу) одно дворище составляли: Олекса Толоконцевичъ съ дѣтьми, братаничами и дядьковичами, Занецъ и Мазко съ ихъ братомъ Степаномъ и ихъ дѣти и родичи ⁴⁾.

Родовое значеніе слова потужники объясняется между прочимъ слѣд. актомъ: въ 1544 г. били челомъ королевѣ Бонѣ подданные ея городецкіе (Городпа—пинск. пов.): Сергѣй, Иванъ и Гринъ Ходоровичи о слѣд.: когда-то прежде староста пинскій установилъ старшими надъ всѣми городецкими бобровниками «одного изъ потужниковъ ихъ на имя Ходора Колія». Теперь просители желали, чтобы на мѣсто *отца ихъ*, который уже умеръ, они были оставлены на той же службѣ ⁵⁾. Такимъ образомъ оказывается, что одинъ изъ потужниковъ есть *отецъ*.

Но родственная связь не есть единственная основа для союза дворищнаго населенія. Братья и другіе родственники могутъ выдѣлиться и составить новыя дворища; цѣльное дворище составляютъ лишь родственники—совладѣльцы. Напр. пинскій бояринъ Иванъ Полозовичъ выпросилъ у своего князя Оедора Ивановича Ярославича

¹⁾ Писц. Бн. Пин. Хвальчев. стр. 247.

²⁾ Ibid. стр. 257.

³⁾ Ревиз. पुच्छъ, стр. 259.

⁴⁾ Ibid. стр. 313.

трехъ человекъ въ с. Сешиѣ; князь жалуетъ ему «Степка Телешевича съ дѣтьми, Василія Стрѣльникова съ братьею, которые на его отчинѣ съ нимъ вмѣстѣ сидятъ, Семена Стрѣльникова съ братьею, што на его отчизни съ нимъ сѣдятъ» ¹⁾. Такимъ образомъ князь жалуетъ три дворища только съ тѣми родственниками главъ ихъ, которые суть въ тоже время совладѣльцы.

Въ нѣкоторыхъ актахъ выступаетъ терминъ *сусѣдъ* (не въ нынѣшнемъ бытовомъ значеніи этого понятія). Такъ въ 1540 г. гродн. судѣ жаловался сосѣдъ подданнаго господарского Будька угольника Стасъ Енковичъ на подданнаго господарского Рожейка Якубовича угольника, въ томъ, что онъ, «пришедши на домъ мой съ помощникомъ своимъ мене самого и жену мою зѣплъ и полкопы грошей отнял» ²⁾. Что здѣсь сусѣдъ не означаетъ рабочаго, наймита, это видно изъ того, что сусѣдъ имѣетъ *свой* домъ. Между тѣмъ онъ только—«сусѣдъ», и другой самостоятельной квалификаціи не имѣетъ; думаемъ, что это потужникъ, подчиненный членъ дворища.

Родные братья могутъ выйти изъ совладѣнія, если одинъ изъ нихъ получаетъ отдѣльный участокъ на особую службу; другой же братъ можетъ остаться въ составѣ дворища въ совладѣніи съ лицами посторонними, или отдаленными родственниками; напр. въ 1540 г. колесникъ городенскій Мигута Янушковичъ жаловался судѣ на родного брата Богдана Янушкова и на потужниковъ своихъ (бывшихъ?) колесниковъ же Радвила Янковича и брата его Матѣя, въ томъ, что они покосили сѣно на его сѣновосѣ нустовскомъ. Отвѣтчики объяснили, что они косили не на его пустоши, которую онъ имѣетъ на особой службѣ, а косили свою сѣножать отчизную, спольную съ братомъ его Богданомъ ³⁾.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ дворищъ населеніе ихъ образовалось изъ родственниковъ, изъ семьи, превратившейся въ цѣлый родъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что во многихъ дворищахъ были и элементы чужеродные, принятые къ совладѣнію; именно крестьяне, которые не могли взять цѣлаго участка по несостоятельности, примыкали къ такому дворищу, которое нуждалось въ увеличеніи личныхъ силъ; напр. въ с. Соколячичъ въ влѣцкомъ стар. участкомъ владѣли «Микита Яновчичъ, Хведько Ивановичъ, Миско Васильевичъ, которые получили свои собственные, поля и тѣ другіе ихъ потужники, которымъ земля не была дана ради убожества ихъ» ⁴⁾.

Поэтому неудивительно, если мы въ составѣ дворищъ иногда находимъ весьма разнородные элементы. Такъ въ пинскомъ пов. въ имѣніи Олизара Дмитровича были въ Мордачевскомъ дворищѣ: «Пилипъ, Нестеръ и Санецъ—сыны Устиновы; на томъ же дворищѣ: Макаръ, Ѳеодоръ и Лоцъ—сыны Чернышovy и т. д. ⁵⁾ Въ с. Стеховѣ

¹⁾ Ревиз. पुच्छъ, стр. 107.

²⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII, № 470.

³⁾ Ibid № 475.

⁴⁾ Писц. кн. Пин. ст. Хвальч. стр. 505.

⁵⁾ Ревиз. кушъ, стр. 69.

(пим. стар.) двориче Шипеловичъ составляли: Ив. Ивановичъ, Степ. Олышівичъ, Ив. Олышівичъ, Евсей Хверевичъ, Борисъ Якововичъ, Сенько Васильевичъ и Март. Петуховичъ ¹⁾).

Въ одномъ случаѣ гродн. крестьянинъ Стасъ Петрашевичъ, отвѣчая по иску на него потужника его Ивашка Рымковича о вознагражденіи за поручительство по 3-мъ потужникѣмъ дядкевичъ ихъ Косовичѣмъ, утверждалъ, что Ивашка—потужника уже нѣтъ на землѣ, а мнимый дядкевичъ—совсѣмъ не родственникъ, а «пріймичъ» Ивашка Рымковича ²⁾).

Но связь сторонняго («пріймича») съ дворичемъ и его право на дворичное имущество не тотчасъ устанавливаются прочно и навсегда; это не то, что связь и право родственниковъ совладѣльцевъ. Принявшій сторонняго человѣка въ совладѣніе можетъ отказать ему въ дальнѣйшемъ пользованіи имуществомъ. Въ с. Козловичахъ гродн. пов. крестьянинъ Санко, обѣдѣвши, уже не былъ въ состояніи исполнять одинъ повинности съ своей земли (Санцевщины) и принялъ изъ своей руки для помощи себѣ человѣка Ходыка на половину своей земли. Но затѣмъ, поправивши свое состояніе, онъ сослалъ Ходыка со своей отчины и началъ служить службу и давать дѣкла одинъ со своими сыновьями.

Однако даже недолговременное пребываніе примака на половинѣ имущества оставило слѣдъ въ дальнѣйшей судьбѣ этого имущества: осталось воспоминаніе, что когда-то въ дворичѣ было два хозяина, и что одинъ изъ нихъ будто бы «закралъ подъ себѣ» землю другого. Когда назначенъ былъ въ то село новый «сорочникъ» (общинный правитель), то, ревнуя о казенномъ интересѣ, онъ донесъ судѣ, что двѣ земли тайкомъ слиты въ одну, а служба на замокъ (якобы) съ двухъ земель идетъ одна. Но на судѣ свидѣтелемъ выступилъ прежній сорочникъ, который показалъ, что какъ при отцѣ его, который былъ 30л. сорочникомъ, такъ и въ его собственное 6-лѣтнее управленіе земля Санцевичей всегда составляла одну службу ³⁾).

По минованіи времени, бол. или мен. продолжительнаго, и особенно послѣ перехода имущества по наслѣдству, права сторонняго члена дворича крѣпнуть и наконецъ совершенно уравниваются съ правами прежнихъ владѣльцевъ,

Связь постороннихъ лицъ, примыкавшихъ къ составу дворича, съ этимъ послѣднимъ указываетъ для насъ на высокое экономическое значеніе этой формы совладѣнія. Обезземеленный человѣкъ блуждаетъ по территоріи государства и, ходя по чужимъ сторонамъ, тщетно ищетъ доли; нигдѣ онъ не можетъ подняться выше наймита, дворового парубка. Даже занять участокъ земли на правахъ вольнаго похажога онъ не можетъ, ибо идетъ съ голыми руками, безъ земледѣльческаго инвентаря. Послѣ долгихъ странствій, когда наконецъ ему предстоитъ выбирать между голодомъ или преступленіемъ, онъ возвращается на родину. Счастливъ онъ, если находитъ здѣсь покинутое

¹⁾ Писц. кн. Пим. Хвалѣч. стр. 194.

²⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII, № 75.

³⁾ Ibid № 948.

родное дворище, которое волею неволею принимает его къ своему обеспеченному очагу. Въ случаѣ нежеланія остальныхъ членовъ, онъ можетъ предъявить (и предъявлялъ) судѣ искъ о правѣ наслѣдства. Но если и этого родового гнѣзда уже нѣтъ, то не-легко ему и на родинѣ. Правда, пустая земля, нуждающаяся въ обработкѣ, есть. Мѣст-ный королевскій или панскій урядникъ ищетъ пригодныхъ людей для сдачи ея; но онъ не можетъ отдать землю пришельцу «ради убожества его». Неимущій не можетъ основать новаго хозяйства, не имѣя средствъ для постройки дома, не имѣя ни рабо-чаго скота, ни орудій.—На выручку являются такія дворища, которыя въ достаточ-ной степени снабжены имущественными средствами, но чувствуютъ недостатокъ лич-ныхъ силъ. Сюда, наконецъ, примыкаетъ бездомникъ и потомъ становится полноправ-нымъ совладѣльцемъ собственникомъ.

Имущественный составъ дворища. Имущество дворища было двоякаго рода: 1) усадьбы (земля и постройки); 2) пахатная земля.

Усадьбыныя земли («приселенія») заключаютъ въ себѣ участки подъ зданіями и огородами. Обыкновенно всѣ семьи дворища поселяются на одномъ мѣстѣ; напр., въ дворищѣ Кайдановичахъ с. Особовичей (пин. стар.), «приселенія прутовъ 12, огор. 6, — тамъ гдѣ всѣ сидятъ» ¹⁾. Лишь иногда группы семей дворища могли жить и раздѣльно; напр. въ дворищѣ Наровичахъ (с. Бесеровичъ пин. стар.) отдѣльно описывается усадьба, гдѣ сидятъ Олешко, Богданецъ, Костюкъ и Гаврилецъ Даниловичи, и другая усадьба, гдѣ сидятъ члены тогоже дворища Кузьма Давыдовичъ и Иванъ Приступа ²⁾.

Несомнѣнно, что въ большинствѣ случаевъ, жилище дворища составляло одинъ дворъ съ нѣсколькими жилыми зданіями для отдѣльныхъ семействъ.

Семейныя жилища (дома) состояли во владѣніи каждой отдѣльной семьи, вхо-дящей въ составъ дворища; это показываетъ слѣд. Примѣръ: около кринской пуци сидятъ «человѣкъ» дворца колодеженскаго, именемъ Борисикъ, *четыре дома* съ бра-тіею» ³⁾. Это хозяинъ дворища, состоящаго изъ 4 домовъ.

Въ люстраціяхъ иногда прямо отмѣчается количество *дымовъ* въ извѣстномъ дворищѣ, такъ какъ «писчее» (поборъ въ пользу писцовъ при опредѣленіи податей), вималось съ дымовъ: напр. въ дворищѣ Толоковичахъ (с. Молодильчичъ пинск. стар.), писчее бралось съ 5 дымовъ; при исчисленіи лицъ, владѣвшихъ этимъ дворищемъ, узнаемъ, что ихъ дѣйствительно 5, а именно: Григорій, Тома, Жданъ, Иванъ и Ненадъ Толоковичи ⁴⁾. Описаніе дворища нерѣдко начинается такъ: «усадьба (sadziba) этого дворища, гдѣ сидятъ (владѣльцы) *дворами своими*,...» Такъ, напр., говорится о дво-рищѣ Божемячичахъ (с. Стахова), о двор. Омеляновичахъ, Бохновичахъ, Бривчеви-чахъ, Демидовичахъ, Мамоновичахъ и т. д. ⁵⁾. Такимъ образомъ хотя *усадьба* была одна, но домовъ въ ней могло быть нѣсколько.

¹⁾ Писц. кн. Пин., Хвальч. стр. 187.

²⁾ Ibid. 184.

³⁾ Ревизія пуць, стр. 31.

⁴⁾ Писц. кн. Пин. стар. Лавр. Войны 1561—1566 ч. II, стр. 255.

⁵⁾ Ibid. стр. 257—263 и др.

Любопытно отношеніе дворища къ числу дымовъ (о которыхъ ниже). какъ отдѣльныхъ жилищъ дворища. Напримѣръ, въ упомянутомъ дворищѣ Кожемячихахъ владѣльцы обозначены такъ: «Михаилъ и Илья Кожемячи со своими потужниками», но «писчее» вималось съ 5 дымовъ; значить, кромѣ двухъ поименованныхъ владѣльцевъ, въ дворищѣ сидѣли еще трое потужниковъ ихъ ¹⁾. Гдѣ же нѣтъ такой прибавки о потужникахъ, тамъ число перечисляемыхъ лицъ совпадаетъ съ числомъ дымовъ; напр., въ двор. Демидовичахъ «писчаго съ двухъ дымовъ 4 гроша»; сняли это дворище Пронъ Демидовичъ и Степанъ Жуковичъ ²⁾; въ двор. Мамоновичахъ писчее брали также съ двухъ дымовъ, а владѣли имъ Иванъ и Григорій Мамоники ³⁾.—Изъ сказаннаго видно, что тамъ, гдѣ не указано потужниковъ и число лицъ не соотвѣтствуетъ числу дымовъ, количество домовъ, составляющихъ дворище, должно быть опредѣляемо числомъ дымовъ.

Такъ какъ писчаго вималось по 2 гроша съ дыма, то количествомъ писчаго всегда можно опредѣлить число дворовъ дворища, хотя бы число дымовъ и не было обозначено; представимъ примѣры:

въ двор. Балуковичинѣ	писч.		4 гр.,	лицъ	2
»	Колбашичахъ	»	8 »	»	4
»	Ясеновичахъ	»	4 »	»	2
»	Игнатовичинѣ	»	6 »	»	3

Въ дворищѣ Несторовичахъ (с. Жолкини пин. стар.) число дымовъ не обозначено, число поименованныхъ лицъ—5, а между тѣмъ число домовъ этого дворища должно быть 10, ибо писчаго вималось 20 грошей ⁴⁾.

Итакъ каждое дворище состоитъ изъ нѣсколькихъ дымовъ, въ которыхъ живутъ отдѣльныя семейства, на общей усадьбѣ. На общее поселеніе дворища указываетъ между прочимъ слѣд. обстоятельство: во многихъ случаяхъ, при описаніи имущества дворища въ писцевыхъ книгахъ, кромѣ «приселенія», т. е. усадьбы, гдѣ «живутъ члены дворища, указывается еще участокъ: «на дворищѣ», или «на старомъ дворищѣ»; напр. въ с. Волчичахъ (пин. стар.) дворищу Гиртышевичу принадлежало, во 1) приселеніе, гдѣ сидятъ Василь и Ермола Михеевичи и Гаврило Максимовичъ (въ немъ прutowъ 4½), и во 2) дворище—въ немъ прutowъ 8 ⁵⁾. Тамъ же въ дворищѣ Лытковичинѣ въ приселеніи, на которомъ сидитъ Сергій Ивановичъ, было прutowъ 13½; на старомъ дворищѣ—прutowъ 8 ⁶⁾. Тоже въ с. Жолкинѣ—въ дворищахъ: Бычковичѣ, Попылевскомъ, Якимовичинѣ; въ с. Пары—въ дворищѣ Павловичѣ; въ с. Молодильчицѣ—въ дворищѣ Толоковичѣ и мн. друг.

Здѣсь подъ именемъ «старого дворища» разумѣется общее мѣсто прежняго поселенія всѣхъ жителей, перешедшихъ на другое.

¹⁾ Писц. кн. Пин. Лавр. Войны ч. II, стр. 258.

²⁾ Ibid. стр. 262.

³⁾ Ibid. стр. 264.

⁴⁾ Ibid. ч. II, стр. 316.

⁵⁾ Писц. кн. Пин. стар. Хвалч. стр. 226.

⁶⁾ Ibid.

Слѣдуетъ полагать, что жилища строились общими силами дворища, пока оно состояло изъ нераздѣленныхъ совладѣльцевъ.

Пахатныя земли, принадлежавшія дворищу, обыкновенно лежали разбѣянно въ разныхъ мѣстахъ (по крайней мѣрѣ такой видъ имѣютъ владѣнія дворищъ въ пинскомъ и клецкомъ староствахъ, гдѣ клочки удобной земли разрабатывались среди болотъ и лѣсовъ).

Количество такой земли въ каждомъ дворищѣ было очень разнообразно; во времена позднѣйшія величина ея колебалась около 1 волоки (т. е. около 20 десятинъ). Напр. въ с. Лапотинѣ: дворище Смоляниновичъ въ 1555 г. имѣть 1 вол. 15 морг., 6 прут.; дворище Шабакевичи 1 вол., 1 моргъ, 15 прут.; двор. Пещаниковичъ: 1—5—12, и дв. Конюховщина 1—6—24.—Были дворища, имѣвшія менѣе одной волоки (20 морг., 14 морг.); но были и такія, которыя имѣли гораздо болѣе одной волоки: выше приведенъ примѣръ дворища въ с. Гегровичѣ почти съ 7 волоками; въ с. Семиховичѣ одно дворище имѣло 5 вол. и 29 морг.; другое—11 вол., 22 морга (т. е. болѣе 200 десятинъ; другое дворище того же села (Ченоловковичи) имѣло 11 вол., 12 морг. и 19 пр.; а по новому измѣренію 18 вол., т. е. 342 дес.

Земля дворища несомнѣнно составляла общую собственность жителей его, что видно уже изъ самаго раздѣленія селъ на дворища, или лучше изъ самаго существованія дворищъ, какъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Такъ въ с. Ковначинѣ «Михайлъ и Моргонъ Петрановичи и Якимъ Хоциновичъ обвели и показали по старымъ межамъ на разныхъ мѣстахъ землю, которою прежде владѣли *за одно* (z jednego), а теперь (1555 г.) приняли ту же землю сообща» ¹⁾.

Если нѣкоторые изъ членовъ дворища переходили на жительство въ другое мѣсто, переставая нести службу, то они не могли распорядиться своими частями дворищнаго имущества по усмотрѣнію: оно шло въ пользу оставшихся членовъ. Въ 1540 г. двое изъ муралей гродненск. пов. переселились на жительство въ Вильну и уступили свои права на землю своимъ братьямъ; но остальные потужники того же дворища не допустили этого: имущество было получено всѣми оставшимися потужниками ²⁾.

Часть дворищной земли могла находиться въ совладѣніи съ лицами сторонними для дворища; напр., въ с. Стеховѣ (пин. ст.) дворище Кожемячичъ, сверхъ прочей земли, принадлежавшей ему, владѣло въ урочищѣ Требицахъ участкомъ общимъ для крестьянъ этого дворища съ земляниномъ Горайномъ; участкомъ пользовались обѣ стороны черезъ годъ каждая ³⁾; въ с. Плотничемъ двор. Ювовичъ пользовалось участкомъ на Борку также совмѣстно съ тѣмъ же земляниномъ, черезъ годъ ⁴⁾.

Отчужденіе земли (по купчей, или заставной) совершается отъ имени всѣхъ совладѣльцевъ; а равно приобрѣтеніе ея дѣлается во имя цѣлаго общества. Такъ въ

¹⁾ Писц. кн. Пин. Хвальч. стр. 65.

²⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII, № 230.

³⁾ Писц. кн. Пин., Хвальч. стр. 193.

⁴⁾ Ibid. 197.

1540 г. въ гродн. пов. рыболовъ господарскій Еско Дорошевичъ «съ иными дяковичи своими» заставилъ поле свое властное и съ дубравою крестьянину королевскому Данилѣ Сенютячу и ишей братьи его». Когда потомъ Еско хотѣлъ выкупить только часть поля, которая бы слѣдовала ему, предоставивъ Данилѣ искать денегъ на остальныхъ дяковичахъ его, то судъ отказалъ ему въ томъ ¹⁾.

Въ общемъ владѣніи дворищъ между прочимъ были т. н. уголья: ган, дубровы, входы въ пущи. Напр., въ жарославской волости гр. пов. въ 1540 г. крестьяне Хонцевичи жаловались на кр. Мисуту Говеновича, Иванца Радюковича и на брата его Жучка въ томъ, что они избили брата Хонцевичей Евсея. Отвѣтчики оправдывались, говоря, что они не били его, хотя и застали «у ган своемъ». Изъ именъ совладѣльцевъ видно, что это не были между собою близкіе родные ²⁾.

Но «входы» (уходы) въ пущи и владѣніе въ нихъ бортными деревьями могли быть предметомъ общаго совладѣнія и для лицъ, совершенно чужихъ другъ другу по отношенію къ прочимъ имуществамъ. Въ 1539 г. жаловались гродн. суду крест. Перечковичи—Гаврило съ братьею своею: Богушемъ, Мицutoю и Игнатомъ, на крест. Гриня Курьяновича и на сына его Данила въ томъ, что эти послѣдніе, не имѣя отъ дѣдовъ и отцовъ своихъ никакого права на уходы въ островѣ Дубовѣ, недавно насильственно овладѣли бортнымъ дубомъ на этомъ островѣ и стесали на немъ «клеины» (клеимы) истцовъ, наложили свои и своевольно «придѣли» къ этому дубу 16 деревьевъ. Отвѣтчики утверждали и доказали, что они потужники истцовъ издавна по отношенію ко входамъ въ островъ и владѣніи бортною землею ³⁾. Здѣсь слово «потужникъ» не имѣетъ спеціальнаго значенія дворищнаго совладѣльца.—Однако имущества дворища подлежали возможности раздѣла между членами дворища; такъ въ 1513 году нѣкто троцкаго пов. бояринъ Ѳедко Игнатовичъ просилъ короля подтвердить пожалованныя ему отъ вел. кн. Елены земли: между прочимъ ему пожалована была земля Дулевщина, на которой «сидѣли пять братьовъ роздѣлившихся, и два брата умерли, которыхъ же онъ двѣ дѣльницы держать; а три дѣи братенники и теми разы на своихъ дѣльницахъ сѣдять и намъ служить». Утверждая просителя въ его правахъ, король прибавилъ: «еслибы нашлись наслѣдники къ тѣмъ пустымъ землямъ и захотѣли бы получить эти земли свои, тогда должны, сѣдши на этихъ земляхъ, ему служить». ⁴⁾. Такимъ образомъ раздѣленные части дворища идутъ въ отдѣльное наслѣдство, а не поступаютъ къ оставшимся въ живыхъ другимъ совладѣльцамъ.

Выдѣленные части могутъ потомъ жить отдѣльною жизнью каждая, подъ именемъ поддворищъ, четвертьдворищъ. Но иногда и послѣ раздѣла сохраняютъ нѣкоторое единство, хотя изъ частей дворища каждая получила особое значеніе; напр., въ дворищѣ Качановскомъ (с. Серниговъ пинск. стар.) половину держать *на службу* Остапъ Яневичъ,

¹⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII, 443.

²⁾ Ibid II, № 690.

³⁾ Ibid XVII, 49.

⁴⁾ Ревиз. पुष्, стр. 210.

а другую половину на оброкъ въ 40 грош. Вас. Кунашевичъ ¹⁾). Между тѣмъ цѣлое дворище описывается какъ одно, вѣроятно, потому что главные имущества дворища и при этомъ остаются нераздѣленными.

Повинностный характеръ дворищъ: жребій; служба. Изъ предыдущаго видно, что мы должны признать дворище явленіемъ исконнымъ, бытовымъ, такою общинно-родовою формою, которая коренится въ глубочайшей почвѣ семейныхъ и имущественныхъ основъ общества.

Но какъ на сельскую общину Сѣверной Руси, такъ и на дворище Западной возможна и другая точка зрѣнія; а именно: возможно допустить искусственное образованіе дворищъ изъ повинностныхъ цѣлей государства. Дворище служить единицею обложения повинностями и податями. Возможно предположить, что ради этого населеніе сгруппировано въ сложныя единицы. Подтвержденіемъ такого вывода какъ будто могутъ служить слѣд. факты: во 1-хъ, иногда дворище, какъ общество совладѣльцевъ, уже разложилось, а между тѣмъ повинностная его общность сохраняется; во 2-хъ во всѣхъ частяхъ государства съ раздѣленіемъ на дворища конкурируетъ раздѣленіе на искусственныя единицы: *жребьи, службы*. Однако изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что ни то, ни другое не опровергаетъ вывода о естественномъ бытовомъ значеніи дворища.

Что касается до перваго, то дѣйствительно есть примѣры общности службы дворища при полной раздѣльности владѣнія землею отдѣльныхъ семействъ. Напр., въ с. Заборовичъ (пинск. стар.) въ 1555 «Іоско Мачковичъ, Якучъ Матѣевичъ и Михно Ышковадовичъ—каждый отдѣльно показывали и обводили свою землю; они должны поровну подѣлиться какъ плохимъ, такъ и хорошимъ; а службу должны служить поровну (pogownie).» Каждый изъ нихъ жилъ на отдѣльномъ мѣстѣ ²⁾).

Что раздѣльность владѣнія возможна при общности повинностей съ одного земельного участка, это видно изъ слѣд. примѣра. Въ 1539 г. въ гродн. судѣ разбиралось такое дѣло: крестьянинъ королевскій гроднен. пов. Петръ Ромашкевичъ, имѣя, кромѣ своей отчины, $\frac{1}{2}$ волоки земли за Сидроу, продалъ половину этой земли, т. е. $\frac{1}{4}$ волоки, слобожанину Будку Тачевичу, заключивши при этомъ съ Будкомъ и его братьями—Павломъ, Яномъ и Матѣемъ такое условіе, чтобы никому, кромѣ Тачевичей, не продавать остальной половины; но затѣмъ эту остальную половину продалъ своему брату—Стасю Ромашкевичу; а этотъ послѣдній, живя «въ сусѣдяхъ» не имѣетъ ничего (т. е. рабочаго скота), не «проробливаетъ» (не очищаетъ земли отъ зарослей) и чиншу платить не помогаетъ; покупщикъ долженъ платить одинъ, «и въ томъ я загибъ». Судья рѣшилъ въ пользу истца ³⁾.—Такимъ образомъ изъ этого акта видно, что родной братъ могъ имѣть отдѣльное имущество отъ другого брата (которому и продаетъ свой участокъ) и что купившій часть земли входитъ въ невольную солидарность съ

¹⁾ Писц. кн. Пин., Хвалыч. стр. 182.

²⁾ Ibid. стр. 69.

³⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII, 46.

владѣльцемъ другой части тойже земли по уплатѣ податей и повинностей, хотя и находится въ дѣйствительномъ совладѣніи со своими родными братьями.

Приведенные факты показываютъ, что государство (и паны) пользовались для повинностныхъ цѣлей готовыми народными единицами (но не создавали ихъ); когда дворище распадалось путемъ частной судьбы и распоряженій членовъ ея, то государство не могло тотчасъ же слѣдовать за этимъ распаденіемъ, устанавливая на развалинахъ одного дворища новыя меньшія единицы обложенія, и нѣкоторое время продолжало смотрѣть по прежнему на имущество бывшаго дворища, какъ на цѣльную податную единицу. Но въ послѣдствіи наступало и официальное признаніе бытія *полъ-дворищъ, четверть-дворищъ* и т. д.

Происхожденію дворищъ изъ первоначальнаго владѣнія одного лица не противорѣчатъ другія наименованія, замѣняющія терминъ «дворище» въ нѣкоторыхъ повѣтахъ литовскаго государства; именно: *жеребій* («жеребей»). Это наименованіе указываетъ, повидимому, на искусственное образованіе такого рода хозяйствъ: кто-то дѣлитъ, раздаетъ землю по жеребьямъ. Ниже мы увидимъ, что подобнаго рода раздачи могла производить сельская община; но могъ произвести и князь, которому въ концѣ концовъ принадлежало право дарованія участковъ земли подданнымъ. Но такое искусственное образованіе участковъ не разрушало, а утверждало естественную (задружную) форму дворищъ; жребій и дворище совпадали. Кор. Сигизмундъ въ 1541 г. пожаловалъ полоцкому боярину Гаврилу Алексѣвичу (за отошедшія отъ него имѣнія въ Торонцѣ) Голенчицкій жребій въ каменецъ-литовскомъ пов.; «на этомъ жеребѣѣ жило шесть братьевъ: Юсь, Илько, Луць, Топъ и Асаковичъ—всего 5 дымовъ; а 6-й братъ оттуда прочь сбѣжалъ»¹⁾.

Въ томъ же каменецъ-литов. пов. Сигизмундъ пожаловалъ дворянину своему Олиферу Яковлевичу *три жеребья земли*: одинъ въ Еленскомъ десяткѣ, на имя Барановщину, два въ Шостаковскомъ десяткѣ: Сушкѣвщину и Селеховщину, последнюю съ челоуѣкомъ Андрейцомъ Сенеховичемъ, который на той Селеховщинѣ сидитъ²⁾. Такимъ образомъ жребій не есть какая-либо искусственная мѣра земли, а хозяйственная единица, участокъ, владѣемый извѣстною группою крестьянъ.

Въ 1549 г. былъ составленъ, по приказанію королевы Боны, инвентарь имущества кобринскаго монастыря св. Спаса. Въ инвентарѣ, между прочимъ, описаны села, принадлежавшія монастырю съ обозначеніемъ повинностей крестьянъ, а именно: Кустовичи, Брылево, Корчичи. Первые два села не дѣлятся на жребіи, и каждое отправляетъ повинности сообща; но последнее дѣлится на два жеребья: Римовскій и Здановскій; въ Римовскомъ жеребѣѣ перечисляется 9 домовъ крестьянъ; повинности этого жеребья опредѣлены такъ: «зъ того жеребью служба *сполная* (общинная), зъ чимъ кажутъ, а готовыми грошми 45 грошей, на весну 8 гроши, дани меду осмь луковъ, а десятины зъ дыму по 3 гроши, овса колода, а четверть овса полюдья за тымъ овсомъ,

¹⁾ Ревиз. пущъ, стр. 168.

²⁾ Ibid. стр. 169.

двое куръ, прядива 6 повисовъ, а отъ каждой четверти овса по 4 пенязи и 4 бил-
ли». Въ другой жребій въ томъ же селѣ. называемый Здановскимъ, входятъ
пять домовъ; «съ тогожъ жеребья службу служатъ такъ якъ зъ Римовскаго жеребья
и вси. такъ якъ дань медовую, такъ и грошии готовыми и вси податки винны пла-
тить такъ, якъ есть въ Римовскомъ жеребѣи описано. А службу тяглую zobуду же-
ребьевъ винны служить по чоловику, то есть на каждую недѣлю два чоловика зъ чимъ
кольвекъ скажутъ» ¹⁾. И такъ жребіемъ называется совокупность нѣсколькихъ домовъ
(5—9), отправляющихъ повинности сообща, а слѣд. и владѣющихъ землею на об-
щинномъ правѣ. Меньшія села составляютъ одинъ жребій—каждое. Такимъ образомъ
жребій и дворище совершенно тождественны.

Наименованіе дворищъ хотя весьма распространено и повсемѣстно во всемъ
литовскомъ государствѣ, но главная территория этой формы есть Полѣсье; въ другихъ
частяхъ государства бытовали такія же формы, но подъ другими наименованіями. Самое рас-
пространенное изъ этихъ послѣднихъ есть *служба*; оно распространено и въ Полѣсьѣ, и
въ сѣверно-литовскихъ повѣтахъ и въ др. Напр. въ город. пов. (въ жорославской вол.
этого повѣта) Сигизмундъ пожаловалъ своему дворянину Гридичу «четыре челоуѣва
службъ», а именно: Гурца съ братомъ Васильцомъ, Лукьянца и Тарасца Бѣневичей;
Савку, Кузьму и Ивана Олехновичей; Степана съ братьями его Каленикомъ и Михал-
комъ Рашевичей; Малея и Мацуту Борсуковича ²⁾. Изъ этого видно, что каждая «служба»
состоитъ изъ отдѣльнаго рода совладѣльцевъ.

Служба есть лишь второе наименованіе дворища, означающее лишь одну сто-
рону значенія этого послѣдняго, т. е. его отношеніе къ государству или владѣльцу.
Тождество службы и дворища видно, между прочимъ, изъ слѣд. примѣра: въ 1887 г.
нѣкто Тарновскій продалъ войскому кобринскому Макару Мартиновичу свое имѣніе
въ пинскомъ пов. Осиѣжичи, въ которомъ заключались слѣд. части: «Радко и Иванко
Васковичи, слуги путные—полслужбы; Яковъ Романовичъ полслужбы тяглою и пол-
земли пустой; въ с. Стошаничахъ люди тяглые: Пронецъ Максимовичъ—служба, Ан-
тонъ Мелешкевичъ—служба... Въ с. Баландичахъ Семень данникъ—третья дворища,
въ с. Быховѣ Назарко Длешковичъ данникъ съ братаничами его—третья дворища
и т. д. ³⁾

Въ 1547 г. Сигизмундъ Августъ утвердилъ за дворяниномъ своимъ Мих. Воло-
вичемъ имѣніе въ ожскомъ и переломскомъ пов., которое между прочимъ состояло
изъ слѣд. службъ: «Микута Римковичъ съ братомъ и сынами—служба; Петюта и Ку-
ней съ братьею и съ сынами и съ дядковичами—служба; Щепанъ Женихевичъ и
Матей Домашевичъ съ братьями, съ сынами и дядковичами—служба» ⁴⁾.

Образованіе обширныхъ дворищныхъ обществъ и отношенія ихъ къ числу службъ
можно уяснить слѣд. примѣромъ. Въ 1541 г. въ годн. судѣ производилась тяжба

¹⁾ Рукоп. Вилен. Публичн. библиот. шк. 7, № 50, 1549 года.

²⁾ Ревиз. пущъ, стр. 178—179.

³⁾ Ibid стр. 74.

⁴⁾ Ibid стр. 182.

между крестьянами Миневичами и боярином Винскимъ, который считалъ ихъ своими подданными. Крестьяне разсказали на судѣ слѣд. исторію утверждения владѣльческихъ правъ въ ихъ мѣстности. Панъ Зиновьевичъ (извѣстный лит. вельможа) выпросилъ себѣ у короля 20 службъ людей въ жорославскомъ повѣтѣ: въ числѣ этихъ 20 службъ онъ записалъ и пять службъ Лавреновичей, Миневичей и Окуличей, но записалъ ихъ за три службы, а не за пять: за то они и служили ему тремя только службами, а не пятью. «Затѣмъ п. Николай продалъ насъ всѣхъ п. Аврамѣ подскарбію.... а сынъ п. Аврама п. Янъ отдалъ насъ слугѣ своему Войтку также за три службы, и Войтку служили мы и женѣ его съ Миневичами и Окуличами тремя службами». Но при переходѣ во владѣніе винскихъ крестьяне двухъ скрытыхъ службъ, помня, что при королевскомъ владѣніи они составляли отдѣльныхъ двѣ службы, «пока еще насъ паны ихъ не *закрали*» и что пожалованныя королемъ три службы есть на лицо кромѣ нихъ, заявили себя королевскими и начали утверждать, что служили прежнимъ владѣльцамъ добровольно; а теперь болѣе служить не хотятъ, считая себя не Миневичами (имя, подѣ которымъ первоначально поступили они подѣ частную зависимость), а Ларивоновичами.—Само собою понятно, что все это была лишь уловка для того, чтобы уклониться отъ панской власти, тяжесть которой прежде они, вѣроятно, не такъ чувствовали, какъ при Винскихъ.

Но за то на судѣ вскрылась вся интересная исторія образованія обширнаго крестьянскаго рода и его судьба. Выставлены были, въ качествѣ свидѣтелей, околичныя сосѣди, изъ которыхъ нѣкоторые помнили отъ Казимира и отъ Александра королей, т. е. лѣтъ за 50. Сами владѣльцы утверждали, что былъ нѣкогда Михаилъ Милошевичъ, у котораго было 6 сыновей: Янъ, Манъ, Иванъ, Василь, Олешко и Сенюта «и съ тыхъ 6 тыхъ вси расплодыли... то былъ одинъ родъ Миневичи». Отъ одного изъ 6, именно отъ Василя, родился Захарка, который теперь явился истцомъ. Свидѣтели стороны порознились въ показаніяхъ; одни утверждали согласно съ показаніями владѣльцевъ, другіе говорили, что жалобики происходятъ отъ Ларіона—брата Мины, который сидѣлъ на особой службѣ. Дѣло рѣшено (по особому приказанію королевы) присягою стороны владѣльцевъ, въ пользу этихъ послѣднихъ ¹⁾. Такимъ образомъ, очевидно что до времени развитія частнаго землевладѣнія крестьяне безъ особыхъ затрудненій примиряли дворища со службами: размножившійся родъ дѣлился на нѣсколько дворищъ и составлялъ нѣсколько службъ. Но съ усиленіемъ панскаго права, для крестьянъ стало вопросомъ, въ высшей степени интереснымъ, разобраться въ личномъ составѣ дворищъ и службъ, чтобы по возможности избѣгнуть панской зависимости при огульномъ пожалованіи.

Вообще «служба», какъ второе наименованіе «дворища», состоитъ изъ одной группы родичей, обязанныхъ повинностью въ отношеніи къ государству и панамъ.

Нельзя отрицать, что повинностный характеръ службъ влиялъ на дальнѣйшую судьбу дворищъ,—иногда закрѣпляя, но чаще разлагая бытовое единство дворища; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что дворища—службы созданы для повинностныхъ цѣлей.

¹⁾ Ак.-Вил. Ком. XVII № 694.

Разложение дворищ повиностнымъ, тяглымъ значеніемъ «службъ» вызывалось финансовыми интересами государства, именно стремленіемъ перевести обложение съ болѣе крупной единицы на болѣе мелкую и тѣмъ увеличить доходность государства; вмѣстѣ съ тѣмъ государству и панамъ было желательно привести единицу обложения къ предмету болѣе опредѣленному, не столь подвижному, именно къ дыму, пока наконецъ не введена была повсемѣстно волоочная система. Такой процессъ можно прослѣдить по опубликованнымъ актамъ съ достаточною наглядностію: въ актахъ болѣе раннихъ «службы» нерѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе одного дыма; напр. въ имѣніи Сольшицкомъ (Жмудской земли) 7 службъ состоятъ изъ нѣсколькихъ дымовъ (2—4), и столько же—изъ одного дыма. Но уже тогда и въ той же мѣстности «даники» (т. е. не тягелцы, а платящіе дань) распределяются прямо и исключительно по дымамъ: Въ с. Гнѣдзиловичахъ «Семень Щука съ пасынкомъ дымъ; Степанъ Кобыляникъ дымъ «Дашко Бублевичъ дымъ» и т. д.; всѣхъ дымовъ въ селѣ 49; тоже въ с. Вайбаровичахъ ¹⁾. Въ имѣніи Титовянахъ службъ, имѣющихъ болѣе одного дыма, 33, а имѣющихъ по одному дыму—23 ²⁾. Въ болѣе позднихъ актахъ, относящихся къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ волоочная система не замѣнила собою раздѣленія на службы, находимъ, что каждая служба ограничивается уже однимъ семействомъ ³⁾; такъ въ инвентарѣ имѣнія Клевицъ ошмянскаго пов., составленномъ въ 1598 г., большинство крестьянъ—домохозяевъ составляютъ каждый $\frac{1}{2}$ службы, которая приравнивается къ дыму; напр. Станиславъ—отчичъ, жена у него Ганна, сыновъ два: Павелъ и Ярошъ,—полъ службы, дымъ. Янъ Марчиновичъ—отчичъ, жона у него Дорота, $\frac{1}{2}$ службы дымъ. Шимко, жона у него Ганна, прихожій, сыновъ у него 6..., $\frac{1}{2}$ службы, дымъ; и т. д. Лишь изрѣдка хозяйственная группа составляетъ цѣлую службу и состоитъ или изъ цѣльнаго рода, или разнородныхъ элементовъ; напр.: «Янъ и Якубъ Ткачъ—братья роженная, съ сестрещама своими Маскомъ и Юркомъ, которые при нихъ мѣшкаютъ—отчичи, служба сполная, дымъ» и т. д. Очевидно, что здѣсь—въ литовскихъ земляхъ сложные родовыя единицы уступали мѣсто простымъ семейнымъ ⁴⁾.

Въ чисто-русскихъ повѣтахъ, тамъ, гдѣ старая форма землевладѣнія уцѣлѣла, не будучи уничтожена волоочною системою,—и до конца XVI в. сохранились крупныя общинно-родовыя группы, подъ наименованіемъ службъ; напр. въ деречинской волости (по инвент. 1599 г.) ⁵⁾, большинство службъ состоитъ каждая изъ 7, 5, 4 и 3 дымовъ: «село Милевичи: служба Оносиковичъ: дымы 5: Яковъ, Хома, Тymoха, Лука, Якимъ». Въ с. Русаки цѣлая служба Холоповичей заключаетъ въ себѣ два дыма; а полъ-службы Русаковъ—6 дымовъ. Обыкновенно службы, подобно дворищу, носятъ родовое названіе и состоятъ изъ сородичей; напр. въ с. Бродкой—служба

¹⁾ Акты Вил. Ком. XIV, 10—11.

²⁾ Ibid 12—16.

³⁾ См. Арх. Сб. т. III, № 37 (1606).

⁴⁾ Акты Вил. Ком. XIV, 621. Въ имѣніи Титовянахъ было 60 службъ въ 112 дымахъ. Въ имѣніи Ятвезъ (лид. пов.) 16 службъ въ 22 дымахъ (см. ibid стр. XVII).

⁵⁾ Ibid № 85.

Бородичъ состоитъ изъ трехъ дымовъ: Федоръ Бородичъ. Тихонъ Бородичъ. Мартинъ Бородичъ. Такую однородность личного состава службы нужно подразумевать вездѣ, гдѣ за родовымъ наименованіемъ службы слѣдуетъ простое перечисленіе именъ хозяевъ дымовъ безъ фамилій. Но во множествѣ службъ очевиденъ и разнородный личный составъ: напр., въ с. Езеранахъ служба Зубовская заключаетъ въ себѣ два дыма: Семень Коть и Данило Запѣманскій: службу Авдейковскую составляютъ 5 дымовъ: Иванъ Авдейковичъ. Петръ Ждановичъ, Миколай, Блажей, Матей Матюкевичъ; службу Гудигаловскую составляютъ 7 дымовъ: Янъ Гудигаловичъ, Петръ Гудигаловичъ, Алексѣй Подлазникъ. Семень и Лавринъ Онисковичи. Жданъ. Корманъ.

Въ областяхъ юго-западныхъ значеніе службы въ смыслѣ крупной общинной единицы сохранилось еще тверже и еще позднѣе; такъ, въ любечскомъ повѣтѣ кiev. воеводства—по люстраціи 1616. иногда цѣлое село составляетъ одну службу или двѣ; напр. село «Бывалки—въ немъ одна служба: крестьянъ въ немъ (дымовъ) 18; с. Бездзяхи,—въ немъ одна служба,—крестьянъ 39; с. Виле,—въ немъ двѣ службы, въ которыхъ крестьянъ 12¹⁾).

Въ нач. XVII в. сохраненіе такихъ крупныхъ службъ было уже исключеніемъ; онѣ держались только въ уединенныхъ полѣсскихъ повѣтахъ. Вездѣ въ прочихъ частяхъ государства въ повинностномъ и экономическомъ значеніи выступаютъ уже *дымы*, даже и при волочной системѣ. Но и дымъ самъ по себѣ нельзя считать единицею точною и постоянною. И это понятіе постепенно сжималось, по мѣрѣ разложенія родовыхъ общинъ на отдѣльныя семейства. Напр., въ кременецкомъ пов. въ пол. XVI в. дымъ почти равняется дворищу: въ с. Дворцѣ дворищъ людей 19, а дымовъ 20, въ с. Дунаевѣ дворищъ 11, а дымовъ 14, въ с. Рудкѣ дворищъ 14, а дымовъ 16, въ с. Млиновцахъ два дворища и дымовъ два; въ с. Жолобѣ дворищъ 16 и дымовъ 16. Лишь изрѣдка пропорція эта измѣняется; такъ въ с. Цеценевцахъ дворищъ 17, а дымовъ 31: въ с. Спиколосахъ дворищъ 18, а дымовъ 26; въ с. Титилковцахъ дворищъ 9, а дымовъ 19.

Но постепенно понятіе дыма (и службы) ближе и ближе подходитъ къ понятію семейства.—Переходнымъ моментомъ служить такое состояніе, гдѣ въ одинъ дымъ включается два семейства.

Въ актахъ иногда находимъ поименное перечисленіе всѣхъ лицъ (муж. и женск. пола), составляющихъ службу; напр. въ инвентарѣ имѣній Беркатовичъ и Гечишенъ (1596 г.) находимъ слѣд.: «Андрей Миколаевичъ Пастужайтисъ съ женою Доротою, сына Батромеемъ, Адамомъ; съ поплечникомъ своимъ Станиславомъ Павловичемъ, съ женою его Доротою, съ пасынками Миколаемъ. Щефаномъ, и Юрьемъ Петровичи»²⁾. Здѣсь, очевидно, двѣ семьи: главнаго владѣльца—представителя службы и его поплечника.

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. I, № XLIII.

²⁾ Ак. Вил. Ком. XIV, № 79 Сл. Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. II, стр. 381: „Васко съ Михномъ дымъ, Андрей и Гацко—дымъ, Левко съ Томиломъ—дымъ и т. д.

Наконецъ дымъ-служба совершенно приравнивается къ семейству; напр. въ глушской волости (кн. Чарторыйской) въ 1571 г. такъ перечисляется население сель: Демко Сергѣевичъ—дымъ, воля 1, кляча 1 и пр.: Симонъ Дойдиль—дымъ, сыновъ 2, воловъ 2 и т. д. ¹⁾).

Изъ предыдущаго видно, что хотя разложение большихъ родовыхъ общинъ на отдѣльныя семейныя владѣнія совершалось постепенно, но совершалось медленно, въ течение цѣлыхъ столѣтій; финансовыя мѣры и экономическія условія дѣйствовали не одновременно на всемъ пространствѣ государства; болѣе значительные результаты въ этомъ процессѣ разложенія достигнуты лишь въ центрѣ государства и въ областяхъ, населенныхъ собственно литовскимъ племенемъ. Чѣмъ далѣе къ востоку—въ страны чисто-русскія,—тѣмъ болѣе древне-общинный бытъ сохранился еще и въ XVI в. съ очевидною жизненностію.

Громадный одновременный ударъ этому послѣднему нанесенъ волочною системою, которая положила конецъ правамъ крестьянъ на землю. Но это выходитъ за предѣлы настоящаго этюда.

Обратимся къ другимъ древнѣйшимъ формамъ общины.

Сельская община; Совокупность нѣсколькихъ дворищъ составляетъ *село*, которое въ свою очередь не есть только географическій терминъ (сожительства или сосѣдства), но вмѣстѣ форма совладѣнія.

Впрочемъ для опредѣленія надлежащихъ отношеній дворищнаго совладѣнія къ сельской общинѣ (родовой общины къ территориальной) нужно различать села, состоящія изъ одного дворища и села, состоящія изъ нѣсколькихъ дворищъ. Въ первомъ случаѣ формы обоихъ порядковъ совпадаютъ. Дѣйствительно, если населеніе такого села—дворища велико, то его можно назвать просто изолированнымъ дворищемъ ²⁾). Но обыкновенно такія общины имѣютъ объемъ значительно превышающій обычную величину дворища, составляютъ дѣйствительно цѣлое село, находящееся въ тѣснѣйшемъ дворищномъ совладѣніи. Приведемъ примѣры: село Плещичи (пин. стар.) имѣетъ одно дворище Плещиное; оно владѣетъ почти 7 волоками земли (болѣе 130 десятинъ); оно состоитъ изъ слѣд. хозяевъ: Гаврила, Якова, Ивана, Охрема, Трушка, Мишка, Ждана, Яцка, Кирила, Ивана, Данила, Жданца Гриневичей, Василя Игнатовича, Степана Игнатовича, Перхура Гацевича, Сидора Перхуровича, Величка Кохновича, Ивана Величкова, Пилипа Кохновича, Мисца Куриловича, Кузмы Ивановича, Якуба Перхуровича, Богдана Пилиповича, Федца Карповича, Богдана Романовича, Каленика и Тимоша Ремановичей ³⁾),—т. е. изъ 27 домохозяевъ. Это, несомнѣнно, село, только не подѣлившееся на отдѣльныя дворища, а стало бытъ сохранившее всю интенсивность дворищнаго совладѣнія.

¹⁾ Арх. Сбор. III № 26.

²⁾ См. с. Поросче: Л. Войны Пин. Писц. кн. ч. II, стр. 238, с. Лемешевича, *ibid.* стр. 244, с. Чорново, *ibid.* 246, еще 248, 250, 372.

³⁾ *Ibid.* ч. II, стр. 200.

Иногда и при разделении села на два дворища, жители оставались, повидимому, до некоторой степени в дворищном совладении до введения волоочной системы, которая, наконец, заставила их разделиться; так относительно с. Семеховичъ (пинск. стар.). въ которомъ было два дворища,—замѣчено, что владѣльцы этихъ двухъ дворищъ Денисовичи (въ др. мѣстѣ Дешховцы) и Половки прежде владѣли землею безъ правильного раздѣла, и только тогда (1550-хъ годахъ) обязались раздѣлиться поровну¹⁾. Подобнымъ же образомъ с. Площево (пинск. стар.) состоитъ изъ двухъ дворищъ Дюрдевичъ и Кореевичъ, которые, однако, описываются вмѣстѣ, съ указаніемъ общаго количества земли подъ ними (3 вол. 9 морг.). На первомъ дворищѣ жили Кирикъ, Дмитръ, Сенько, Демьянъ, Андрей, Грынъ Позный и ихъ потужники Дюрдевичи; а на дворищѣ Кореевичъ: Иванъ, Жданъ, Грынъ, Аврамъ, Олизаръ, Михалъ-Кореевичи²⁾. Повидимому оба дворища жили между собою въ болѣе тѣсномъ общеніи имущественныхъ правъ, чѣмъ обыкновенная сельская община.

Но обыкновенно село состоитъ изъ нѣсколькихъ дворищъ, владѣющихъ каждое имуществами отдѣльно. Сохраняется ли при этомъ возможность проявленія какихъ либо общинныхъ правъ цѣлаго села? Во 1-хъ, непосредственныя права сельской общины простираются на земли, не подѣленные на дворища; во 2-хъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сельской общинной власти подлежатъ и земли, принадлежащая дворищамъ, находящаяся въ наслѣдственномъ владѣніи лицъ, составляющихъ дворища.

1.. Повсюду въ селахъ (въ лѣсной полосѣ особенно часто) остается земля, не подѣленная на дворища и составляющая общую собственность села; напр., въ с. Шаринцевичахъ Пинскаго староства есть «земля общая всего села (ziemia owsza wszystkicho siola): на пограничѣ, подъ Скочинемъ—селою кн. Чарторыйскаго,—нива всего села морг. 6; на Полицахъ, подъ с. Серниками, островъ всего села морг. 3 и пр. 9»³⁾.

Въ с. Бѣломъ тогоже староства есть земля общая всѣхъ дворищъ, «которую тамошніе крестьяне того села Бѣлаго не подѣлили между собою на дворища, но пашутъ ее всѣ сообща (wespoł) въ Ярывичахъ прент. 15, тамъ же морг. 1, прент. 16, на Подгорѣ морг. 4; на Гродищѣ морг. 1, прент. 5»⁴⁾.

Въ с. Хойнѣ пинск. староства, въ которомъ 4 дворища, есть «земля общая всѣхъ отчизнъ (owczuzn) вмѣстѣ, а именно: на Вызной морг. 2.; у Ямины морг. 2, прент. 20; у Забытка морг. 1; въ Глячахъ морг. 5; на Гиначинѣ морг. 2; на Безнизу морг. 1, прент. 20; тамъ же въ двухъ мѣстахъ морг. 2; на Перезыкахъ морговъ 4; за Гнаймыма—на Грудку пр. 15; на Колажинѣ въ трехъ мѣстахъ морг. 2, пр. 20; въ Кривляхъ морг. 4, прент. 15; у Сныка прент. 15; на Полицахъ въ трехъ мѣстахъ морг. 5, пр. 8; на Яшунѣ пр. 20; на Вшивомъ пр. 20; на Корчапѣ морг. 4; на Горбищахъ морг. 4; на Подлыскахъ въ двухъ мѣстахъ морг. 3, прент. 15; тамъ же въ двухъ

¹⁾ Писц. кн. Пин. Л. Войны, ч. II, стр. 526 и 528.

²⁾ Ibid. ч. II, стр. 242.

³⁾ Писц. кн. Пин. С. Хвальчевскаго, стр. 223—224.

⁴⁾ Ibid. стр. 232.

мѣстахъ морг. 4; въ Быстровѣ на двухъ мѣстахъ морг. 4; на Полоухлибѣ морг. 2; на Плоскомъ бору въ трехъ мѣстахъ морг. 1, прент. 3; на боровѣ морг. 1, пр. 10; на Броневѣ морг. 2, пр. 15. Всего волокъ 2, морг. 7, пр. 16¹⁾).

Въ с. Сваричевичахъ, за измѣреніемъ земли на каждое дворище, осталась еще общая земля этого села (*ziemia thegoz sioła obsza*)²⁾.

Кромѣ этихъ примѣровъ общиннаго—сельскаго владѣнія, уцѣлѣвшихъ послѣ введенія волочной системы, другіе случаи того способа владѣнія обнаруживаются при самомъ введеніи ея, но обречены ею на уничтоженіе. Такъ, въ с. Кушичахъ пинскаго стар. приняли землю сообща на тяглой службѣ Яковъ Лубьяновичъ, Сенецъ Оношко-вичъ, Яковъ Ивановичъ, Яковъ Олексичъ, Ивашко Хведоровичъ, Несторъ Лубьяновичъ, Василь Олексичъ, Иванъ Андреевичъ, Чишукъ Антоновичъ вмѣстѣ Кондратовщиной, Гринь Димитровичъ, Кунецъ Гриневицъ, Хведоръ и Иванъ Василевичи, Оникей Хведор-овичъ, Семень, Щепаль и Ярошъ Гриневицкіе, Панюкъ Семеновичъ, Гаврило Матвѣ-евичъ, Кузьма Олешковичъ, Жданъ Василевичъ—ключникъ замковый. Приняли они землю тамъ, *гдѣ сидятъ*, съ усадьбами и постройками; пестомъ они должны подѣлить между собою эту землю на равныя части. Кромѣ того, всѣ вмѣстѣ упомянутые при-няли 1 волоку на чиншѣ въ застѣнкѣ³⁾. Очевидно, что это большое товарищество образовалось не вновь для принятія земли, а, напротивъ, существовало до волочнаго из-мѣренія, какъ сельская община. Она обнимаетъ одну сторону или половину всего села за исключеніемъ лишь двора священника. Кромѣ общихъ земель нѣкоторые члены общины приняли отдѣльные участки на особую службу (Хведоръ Василевичъ и Ключ-никъ Жданъ Василевичъ и др.). Это обстоятельство показываетъ, что всѣ упомянутые не составляли одного дворища, и общность ихъ правъ не основывалась на дворищной системѣ.

Дворищу Демидовскому въ с. Хвойнѣ (пин.) къ 5 волокамъ его прежней неудобной земли была придана еще 1 волока «изъ общей земли»⁴⁾.

Изъ этихъ примѣровъ видно не только право общины на землю, оставшуюся внѣ раздѣла между дворищами, но обнаруживается древній порядокъ вещей, изъ котораго возникла самая дворищная система. Земли всего села нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторые оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что эта послѣдняя можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ; бортияхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка ея совершается сообща.

Непосредственное примѣненіе общинныхъ порядковъ въ цѣломъ селѣ есть явленіе древнее, которое при увеличеніи населенія повсюду переходитъ въ раздѣльное дворищ-ное владѣніе; такъ въ одной части пинскаго княжества еще при князѣ Федорѣ Ярослав-

1) Писц. кн. Пинск. С. Хвальчевскаго, стр. 240—241.

2) Писц. кн. Пин. Л. Войны ч. II, стр. 395.

3) Писц. кн. Пин. стар. Хвальчев. стр. 432.

4) Писц. кн. Пин. Л. Войны ч. II, стр. 454.

вичѣ земля была измѣрена и подѣлена *на жребіи* для каждаго отдѣльнаго дворища противъ двора каждаго крестьянина ¹⁾).

При утвержденіи дворищнаго владѣнія объектомъ общинныхъ правъ цѣлаго села (какъ видно изъ представленныхъ примѣровъ) были и пахатныя земли, но главнымъ образомъ угодья: лѣса, болота и друг., напр. при с. Езерицкомъ (пинск. стар.) есть еще (кромя дворищныхъ земель) островъ Червень, спорный съ селомъ вн. Чорторыйскаго Мальчицаки; королевскіе крестьяне (села Езерицкаго) заявили; что они всегда изъ вѣковъ отъ предковъ своихъ владѣли этимъ островомъ и владѣютъ имъ въ настоящее время ²⁾).

Остатки этого общиннаго владѣнія уцѣлѣли и послѣ введенія волочной системы, напр. селу Селищу (пин. ст.) оставленъ участокъ въ 6 мор. для безмезднаго пользованія.

2. Изъ предыдущаго, однако, отнюдь, не слѣдуетъ выводить, что при раздѣльномъ дворищномъ владѣніи всякія права сельской общины на земли, занятыя дворищами, прекращаются. Напротивъ, село сохраняетъ и тогда нѣкоторые непосредственныя права на эти послѣднія, а именно, распоряженіе землями на общія нужды села и, во вторыхъ, наблюденіе за правильностію владѣнія землею дворищами принадлежить сельской общинѣ.

Крестьяне (цѣлой общиной) отдають («надають») земли своей приходской церкви, и такое наданіе не только признавалось властями до волочнаго измѣренія, но утверждалось за церквами и при этой всеобщей ломкѣ старыхъ правъ; такъ въ с. Купечичахъ пинск. староства «Мартинъ Хведоровичъ, священникъ Купечицкій владѣлъ землею «наданія» мужицкаго (т. е. по дарственной отъ «мужицковъ») на церковь»; ему эта земля и отмежована въ 1555 г. по старымъ границамъ ³⁾).

Въ с. Жолкинѣ пин. гнѣз. есть земля, которую подданные (крестьяне) всѣхъ дворищъ (12) цѣлаго села «надали» на церковь Божию, на которой живетъ священникъ при церкви. Она и на будущее время отмежована церкви въ прежнихъ границахъ, въ количествѣ 3-хъ волокъ и 8 морговъ ⁴⁾).

Въ с. Вольвичахъ надъ р. Стыремъ «Сенько Ивановичъ, священникъ тамошній волвичскій, держитъ землю издавна, по наданію мужицкому—подданныхъ королевы, на церковь Божию»; эта земля утверждена за церковью ревизорами 1555 г. Тотъ же священникъ также владѣлъ землею, по наданію мужицкому отъ королевскихъ подданныхъ (крестьянъ) с. Боричевичъ и Бычеровичъ ⁵⁾).

Въ с. Старыхъ Кояхъ пинскаго староства, имѣвшемъ 10 дворищъ, есть «земля поповская, наданная со всѣхъ дворищъ отъ крестьянъ королевскихъ на церковь»; на ней сидѣло два попа и величина ея простиралась до двухъ волокъ ⁶⁾).

¹⁾ Писц. вн. Пин. стар. Хвальч. 483.

²⁾ Писц. вн. Пин. стар. Л. Войны ч. II, стр. 506.

³⁾ Писц. Бн. Пин. Стан. Хвальчев., стр. 73.

⁴⁾ Ibid 208.

⁵⁾ Ibid. 233.

⁶⁾ Ibid. 268.

Общинныя права цѣлаго села на земли, занятыя дворищами и частными лицами, тѣсно связаны съ повинностными обязанностями крестьянъ къ князю; въ 1515 г. кн. Фед. Ив. пинскому жаловались крестьяне с. Велемичъ, что крестьянинъ Данило Васильевичъ держитъ за собою четвертую землю Бѣловинскую безъ пожалованія отъ князя. Оказалась, что это правда; но князь и послѣ этого не отнялъ этотъ участокъ у виновнаго, а тутъ же пожаловалъ ему эту землю подѣ условіемъ платежа въ годъ по $\frac{1}{2}$ копы грошей. Какое дѣло сосѣдямъ, что односельчанинъ безъ права держитъ землю? Какое основаніе для «жалобы» ихъ? Очевидно, члены сельской общины заинтересованы въ томъ, чтобы каждый членъ общины занималъ землю на опредѣленныхъ правахъ, чтобы потомъ не возникало недоразумѣній при общемъ отправленіи повинностей. Отсюда право сельскихъ общинъ участвовать въ раздѣлѣ свободныхъ участковъ.

Отмѣченные факты составляютъ лишь слабые остатки той тѣсной солидарности сель, имущественной и личной, какая господствовала раньше. Еще въ нач. XVI в. возможны были такіе случаи, что цѣлыя села, по собственному произволу и почину, закладывались за частныхъ лицъ, т. е. переходили изъ государственной зависимости въ частную; такъ въ мозырскомъ повѣтѣ въ Скригаловской недѣлѣ Бчицкой волости два села заложились за князя Константина Острожскаго около 1512 года (во время т. н. Глинщины, т. е. смутъ, поднятыхъ измѣною Глинскаго). Люстраторамъ 1552 г. «повѣдали люди присяжные—мѣщане и вся волость, что они заложились *сами*». Въ одномъ изъ этихъ сель (Шестовичахъ) было 7 челов., т. е. домохозяевъ, въ другомъ 30 чел.)¹⁾.

Общія права на землю, какъ принадлежащую цѣлой сельской общинѣ, такъ и подѣленные на дворища обнаруживаются изъ такихъ судебныхъ дѣлъ, которыя ведутся отъ имени одного цѣлаго села противъ другого села: въ 1510 г. пинскому князю Федору Ярославичу жаловались Староконцы на Неньковцовъ (села частновладѣльческаго), о томъ, что Неньковцы пашутъ ихъ землю Староконскую и дерево бортное ихъ держатъ²⁾.

Отдѣльныя угодья, общія для цѣлаго села, которыми часто овладѣвали сосѣдніе владѣльцы, защищаются судебнымъ порядкомъ отъ имени крестьянъ того или другого села; такъ крестьяне с. Пулторановичъ (пин. пов.) при люстраціи 1562 г., заявили что островъ Запыходье у нихъ спорный (пенный) съ Фурсовой, которой покойный мужъ отнялъ у нихъ нѣсколько ихъ старыхъ полей, и дворъ поставилъ и основалъ слободу³⁾. Тогда же крестьяне с. Довечоровичъ заводили и показывали землю и уходы свои, которыми насильственно завладѣли Бездежане—крестьяне пробоща Троцкаго⁴⁾. Островъ Воинъ оказался спорнымъ между крестьянами с. Ворочевичъ и нѣкимъ Яковомъ Хричиновичемъ: крестьяне начали было разрабатывать тотъ островъ въ пущѣ,

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. I., стр. 645.

²⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 54.

³⁾ Писц. кн. Пин. Стан. Хвальчев. стр. 56.

⁴⁾ Ibid. стр. 124.

какъ явился Хричиновичъ, согналъ ихъ съ этого новообработаннаго участка и началъ жскъ еще при старостѣ п. Иванѣ; «дѣло это не окончилось до временъ старосты п. Бирдея, который, выѣхавши, просилъ у крестьянъ 10 копъ поклону, а они ему не хотѣли ничего дать»¹⁾.

Какіе результаты приносила такая солидарная защита имущественныхъ правъ сельскими общинами, показывается слѣд. фактъ: въ 1501 г. пинскій князь Федоръ Ярославичъ и его жена Олена пожаловали служебницѣ своей Светохнѣ Оедковой нѣскольکو дворищъ населенныхъ и пустыхъ въ разныхъ селахъ, между прочимъ въ с. Кошевичахъ два дворища пустыхъ. Узнавъ о такомъ пожалованіи, мужи кошевицкіе забрали и разработали всю пустую землю. Новая владѣлица осталась так. обр. безъ свободной земли для заведенія частнаго хозяйства и обратилась съ жалобою къ князю. Князь самъ выѣхалъ на мѣсто и хотѣлъ старыя поля на равныя дворища дѣлить. Но мужи кошевицкіе сказали ему: «Мы, милостивый господинъ, не на Светохну эти земли разработали, а на себя; дай ей, ваша милость дубровы противъ нашихъ старыхъ полей, нехай вона также себѣ разробливаетъ». «Мы, пишетъ князь, видя, что было бы съ кривою (обидно) для мужей нашихъ, еслибы мы подѣлили старыя разработанныя поля, спросили тѣхъ же мужей нашихъ: гдѣ бы они могли уступить Светохнѣ поля въ равномъ числѣ съ ихъ полями? И они указали на острова Варваринъ и Кадище». Князь пожаловалъ ей эти острова²⁾.

Волость и ея подраздѣленія. Повинностное значеніе сельской общины состояло въ тѣсной связи и съ хозяйственною цѣлостію этой общины. Тоже еще въ болѣе степеніи слѣдуетъ сказать о единицѣ болѣе крупной—волости. Въ противоположность сѣверно-русской волости, волость западной Россіи, несомнѣнно, имѣетъ болѣе административный, чѣмъ частноправный характеръ, хотя отнюдь не лишена этого послѣдняго значенія. Но и административное единство волости состоитъ въ весьма близкой связи съ хозяйственнымъ и землевладѣльческимъ значеніемъ ея; почему мы считаемъ необходимымъ опредѣлить главныя черты волости въ обоихъ этихъ отношеніяхъ.

Административное значеніе волости. Названіе волость въ XV вѣкѣ и въ 1-й половинѣ XVI вѣка одинаково примѣнялось какъ къ цѣлымъ областямъ, такъ и подраздѣленіямъ ихъ. Со второй половины XVI вѣка для первой единицы является названіе *повѣтъ*, заимствованное отъ Польши (названіе, нелегко изъяснимое филологически); названіе же волости удержалось для подраздѣленія повѣтовъ.

Управленіе волости состоитъ частію (но не всегда) изъ государственныхъ чиновъ частію изъ выборныхъ. Выборное начало въ волости представляется однимъ избираемымъ лицомъ волостнымъ *старцемъ* (то-же, что древній староста). Названіе указываетъ, что эта власть не заимствована здѣсь откуда либо, а ведетъ начало свое изъ древнихъ родовыхъ формъ, и есть туземная русская. Избраніе производится ежегодно весною. Изъ актовъ видно, что государственные чиновники пользуются и этимъ случаемъ,

¹⁾ Ibid. стр. 126.

²⁾ Рев. пущъ и перех. звѣрныхъ, стр. 277.

чтобы выдумывать новые поборы: намѣстникъ воеводы беретъ при этомъ себѣ 5 копъ грошей и на воеводу столько-же. ¹⁾ Для выбора старцевъ, для рѣшенія финансовыхъ дѣлъ, подачи жалобъ и ходатайствъ, волостные люди сходятся на собраніе. Изъ актовъ извѣстны весеннія собранія. Были ли они только одинъ разъ въ году, или чаще, неизвѣстно. На собраніе являются не только жители центрального поселенія (города, мѣстечка), но и волостныхъ селъ. Повидимому, этотъ смыслъ имѣеть слѣд. выраженіе одного акта: «межи себе по веснѣ собравшихся зъ мужми посполъ, котораго межи себе старца уставити хочемъ».... ²⁾ Здѣсь мужами, думаемъ, называются волостные жители, которымъ противопоставляютъ себя горожане или жители центрального мѣстечка.

Волость состоитъ изъ нѣсколькихъ сосѣдящихъ другъ другу селъ и подраздѣляется на единицы различныхъ названій, *недѣли, сороки, сотни, десятки*. По актамъ болѣе раннимъ, она обнимаетъ не только села, состоящія въ непосредственной зависимости отъ короны, но и частно—владѣльческія, раздаваемые короною свѣтскимъ и духовнымъ владѣльцамъ, ибо и эти послѣдніе не сразу порывали тягловую и административную связь съ волостью. Нѣкоторыя волости цѣлкомъ переходили въ частное владѣніе; въ такомъ случаѣ ихъ старый юридическій и хозяйственный бытъ долго могъ оставаться неизмѣннымъ: частный владѣлецъ лишь замѣнялъ собою разнѣ.

Самую жизненную основу единства волости составляютъ общія повинности и налоги. Волость представляетъ естественную административную единицу, связана внутри общею уплатою податей и отправленія повинностей. Налоги во многихъ случаяхъ, въ особенности до введенія волочной системы, опредѣляются на цѣлую волость (а не на дворы и не на лица). Такъ, Борисовская волость жалуется, что виленскій воевода Гаштольд «накинулъ на насъ по 70 копъ грошей винщины, не вѣдаемъ какіе; какъ осень придетъ, такъ онъ лежня вышлетъ по тыя пенязи». Эти 70 копъ, очевидно, взимаются съ цѣлой волости. Или: «штожъ какую путевщину на нихъ накинулъ предъ тымъ того не бывало, на насъ данныхъ людей—полтретьядцать копъ у годъ-же беретъ». Опять эти 12¹/₂ копъ взыскиваются съ цѣлой волости.

Онъ-же воевода беретъ съ нихъ «поѣздки» (при сборѣ дани на королеву) 30 копъ, а его намѣстникъ—20, итого 50, да сверхъ того 20 пудовъ меду Все это очевидно взимается съ цѣлой волости, какъ единицы. ³⁾

Такъ какъ въ старину волость обнимала собою и центральный городъ, и окрестныя села, то и общія повинности падали на то и другое вмѣстѣ; такъ Могилевъ «мѣсто и волость» при королевѣ Ядвига и Еленѣ уплачивалъ на 3-й годъ шкотское серебро и 7 к. винщины. ⁴⁾

¹⁾ См. А. Ю. и З. Р. I. № 73.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ар. Сб. III, 9.

Въ 30-хъ годахъ XVI в., при общей переписи населенія для введенія новыхъ основаній крестьянскаго землевладѣнія и новыхъ способовъ отправленія повинностей, между прочимъ королева Бона приказала сдѣлать общую перепись волостей троцкаго воеводства. При этой переписи оказалось, что волости этого воеводства составляютъ отдѣльные замкнутые міры, куда посланцы добирались съ трудомъ и иногда терпѣли полную неудачу; такъ въ волость ушитскую, которая находилась около 40 миль отъ Троня, Горностай три раза посылалъ своихъ дьяковъ; и едва съ великимъ трудомъ могли они наконецъ описать подданныхъ и платежи съ нихъ. Что касается до грезской волости, которая находилась больше 40 миль отъ Трокъ въ другую сторону—къ Слуцку, то здѣсь дѣло окончилось хуже; Горностай посылалъ туда три раза своихъ служебниковъ, чтобы крестьяне сами списали себя самихъ и платежи въ пользу воеводы, а также дани въ пользу короля. «И они (пишетъ Горностай) никакого мѣроу писать себя не хотѣли и слугъ моихъ перебили и ни одного куса въ волости описать не дали»¹⁾.

Въ частныхъ владѣльческихъ волостяхъ новые уставы повинностей постановлялись владѣльцемъ при участіи и съ согласія волощанъ, т. е. старцевъ и мужей; напр., въ 1547 г. луцкій бискупъ Юрій Хвальчевскій, получивъ отъ короля витебскую плебанію, пріѣхалъ въ липлянскую волость, принадлежавшую этой плебаніи и тамъ сдѣлалъ постановленіе о повинностяхъ этой волости вмѣстѣ съ волощанами, «на что они сами добровольно согласились». Между прочимъ здѣсь было постановлено, что урядникъ плебанскій никого изъ крестьянъ не можетъ судить безъ старцевъ и мужей, чтобы всякіе штрафы были постановляемы съ вѣдома старцевъ и мужей²⁾.

Замкнутость волостей достигаетъ высшей степени, когда извѣстная волость, уплачивая подати въ цѣломъ своемъ составѣ, выговариваетъ себѣ (въ жалов. грамотахъ) право, по которому княжескія или панскіе урядники «не должны въѣзжать въ волость».

Одна изъ повинностей имѣла преимущественно обще-волостное значеніе; это именно постройка въ центрѣ волости укрѣпленія для общей защиты. Въ тѣхъ волостяхъ (государственныхъ и частныхъ), гдѣ не было назначенныхъ урядниковъ, общая дѣятельность волощанъ и ихъ старцевъ выступаетъ на первый планъ. Каменецкая волость, принадлежавшая виленскому капитулу, до 1554 г. не имѣла укрѣпленія; въ этомъ году капитулъ отправилъ такой приказъ «мужамъ своимъ волости каменецкой, а также старцу каменецкому Проню: приказывали мы вамъ неоднократно, ... чтобы вы замокъ строили для обороны и защиты отъ непріятеля вамъ самимъ, женамъ и дѣтямъ вашимъ;.., а вы того города не хотите строить. И такъ приказываемъ вамъ, подъ зарукою 300 копъ грошей, чтобы вы теперь непременно, снявши жито съ поля, начали эту работу. А какъ скоро окончите городъ, то ты бы, старче, взявши съ собою 5 челов. мужей, пріѣхалъ къ намъ въ Вильну. Если же ты съ мужами не захотите строить городъ и къ намъ пріѣхать, то знайте, что пошлемъ за тобою нашихъ татаръ съ гос-

¹⁾ Арх. Сборн. I. № 27.

²⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. VI, I, кн. 1, стр. 28—29.

подарскимъ вижемъ, которые будутъ брать васъ и женъ вашихъ въ заключеніе, а наконецъ будете наказаны горлоомъ»¹⁾.

Имѣетъ ли какое волость либо непосредственное отношеніе къ землевладѣнію хозяйственное значеніе волости?

Во внутреннихъ областяхъ государства волость собственно въ имущественныхъ отношеніяхъ не выступаетъ въ актахъ какъ цѣльный субъектъ правъ. Она участвуетъ съ княземъ въ производствѣ суда по земельнымъ дѣламъ; у ней справляется князь—нѣтъ ли гдѣ въ волости свободныхъ земель для пожалованія; она вообще участвуетъ въ имущественныхъ распорядахъ лишь на столько, на сколько вообще предоставлено ей право участія въ дѣлѣ управленія князя, старосты или пана. Нѣкоторое самостоятельное значеніе въ вопросахъ имущественныхъ вызывается иногда лишь обще волостными повинностями. Напр., въ 1504 г. пинскому князю Ивану Васильевичу Ярославичу жаловалась волость городецкая на землянь городецкихъ, что они не помогали волости ни въ стацяхъ, ни въ подводахъ, когда жолнеры в. князя шли чрезъ эту волость въ украинскіе господарскіе замки²⁾. Князь оправдалъ землянь.

Такіе незначительные слѣды общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ нельзя принимать, однако, за доказательство отсутствія этихъ правъ; до насъ не дошли никакіе акты о внутреннихъ распорядахъ волости; да едвали они и велись на письмѣ.

При указанной выше замкнутости волостей, какъ коронныхъ, такъ и частновладѣльческихъ, всѣ внутренніе распорядки волости принадлежать ей самой; а въ числѣ этихъ распорядковъ важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ: принятію новыхъ поселенцевъ съ назначеніемъ имъ участковъ земли, наблюденію за тѣмъ, чтобы обязанные (тяглые) участки не переходили въ руки лицъ, чуждыхъ общинѣ.

На окраинахъ государства, и именно южныхъ, общинное владѣніе землею цѣлыхъ волостей съ центральнымъ городомъ во главѣ, уцѣлѣло до полов. XVI ст. почти во всей своей первобытной непосредственности, основанной на томъ, что частная собственность на землю здѣсь является еще и не нужною и даже невозможною (въ виду постоянныхъ опасностей отъ татаръ). Тамъ «пашутъ (черкашане) мѣщане и бояре въ полѣ гдѣ хотятъ»; земля (въ канев. повѣтѣ) по полямъ мѣщанамъ издавна была свободна, пока кн. Путивльскій не ввелъ десятины; тамъ (въ Барѣ) «поля покупать не нужно, но кто имѣетъ плугъ и воловъ, можетъ орать, сколько хочеть»³⁾. Жители тамошнихъ волостей говорили: «своего не маемъ, одно—Божіе, да господарское»⁴⁾.

Нужно замѣтить, что общинно волостныя земли составляли всю территорію волости, за исключеніемъ земель, пожалованныхъ въ частное владѣніе и отдѣленныхъ для

¹⁾ Арх. Собрн. V. № 37.

²⁾ Рев. пущь, стр. 342—343.

³⁾ См. наше изслѣдованіе: „Населеніе юго-западной Россіи отъ пол. XV в. до Люблин. уніи“ 1891 г., стр. 102—104, 110—112.

⁴⁾ Арх. Юг. Зап. Россіи. Ч. VII, т. II, стр. 131.

пользования старость; такъ (до XVI в.) черкасская община владѣла 28 уходами по Днѣпру, Орели, Тясминѣ, Ингулу и Самарѣ и только 4 ухода въ порогахъ принадлежали старость¹⁾.

Хотя такое общее пользованіе первоначально возникаетъ не изъ принадлежности правъ какой-либо группѣ населенія, а изъ отсутствія чьихъ-либо правъ; хотя пустыня разсматривается, какъ *res nullius*, или по древне-русскому воззрѣнію, какъ земля Божья, да государева, но въ концѣ концовъ такой порядокъ проникается уже юридическимъ сознаніемъ: члены общины—мѣщане и бояре защищаютъ его судомъ противъ своихъ старость.

Принадлежность волостямъ общинныхъ правъ на всю землю округа уже не въ столь неопредѣленной формѣ (права на *res nullius*), а въ болѣе ясной юридической, видна изъ грамотъ конца XVI и нач. XVII в., въ которыхъ само правительство утверждаетъ громадные округа за украинными городами, какъ общинами, и противопоставляетъ права этихъ послѣднихъ правомъ частныхъ землевладѣльцевъ. Такъ въ грам. Сигиз. III утверждено за городомъ Богуславоу опредѣленіе грунтовъ, «принадлежащихъ городу» (*do miesta należące*), данное кн. Янушемъ Острожскимъ, старостою богуславскимъ въ 1589 г., а по этому опредѣленію за гор. Богуславоу признано право на страну отъ истока р. Ольшаницы до ея устья, а по другой сторонѣ р. Роси отъ верха Кушлуя до устья этой рѣки и до р. Гнилого Тыкича, т. е. все нижнее теченіе Роси и водораздѣлъ этой р. съ Тыкичемъ: «все это за ними (мѣщанами) укрѣпляется и все это должно принадлежать городу нашему Богуславу. На этихъ грунтахъ вольно намъ (мѣщанамъ) имѣть пасѣки, сѣнокосы, ставки, фольварки и другія угодыя и пользоваться ими»²⁾.

Ревизоры 1570 г., между другими разными постановленіями относительно Бѣлой Церкви, сдѣлали и слѣд., «городища и селища (тѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ), кто не предъявилъ документа, по какому праву владѣть, мы присоединили къ городу, а подати съ этихъ селищъ мѣщане должны платить замковому уряду по соглашенію»³⁾.

Городу Чигрину, при его основаніи, отдана страпа между рр. Тясминомъ, Днѣпромъ до уст. Сулы, р. Бугомъ и Корсунскими границами⁴⁾. Городу Брысову отводится пространство надъ Днѣпромъ на Бѣлобережѣ и за Днѣпромъ на Пинномъ (*sic*) и Збойномъ даже до Кременчуга»⁵⁾.

Для оцѣнки частноправнаго значенія такихъ пожалованій, надо имѣть въ виду слѣд. соображенія:

1) Передаетъ ли государство чрезъ такія пожалованья право собственности на землю общинамъ—волостямъ и уничтожаетъ ли чрезъ то свои собственные права на

¹⁾ Ibid. стр. 114.

²⁾ Ркп. Кіев. Арх. Ком.

³⁾ Ркп. Кіев. Арх. Ком.

⁴⁾ Арх. Ю. З. Р. V, т. I, № XXIV.

⁵⁾ Ibid. № XXXII.

эти земли? Оно приписываетъ эти земли именно общинамъ (не старостинскому или замковому уряду), но отнюдь не считаетъ этого пожалованіемъ актомъ отчужденія своихъ правъ; оно и послѣ этого продолжаетъ называть эти земли «господарскими». И это казалось тогда явленіемъ простымъ и естественнымъ: самыя общины были «господарскими», государственными; онѣ платили за эти земли налоги; для государства это было лишь однимъ изъ лучшихъ способовъ эксплуатаціи своихъ имуществъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ общины получали всѣ права распоряженія на земли: могли раздавать ихъ частнымъ лицамъ, заводить пасѣнки, фольварки и проч. Если такъ было въ концѣ XVI в., когда успѣхи юридическаго сознанія возрасли и когда уже потребовались грамоты на владѣніе, то во времена болѣе древня разграниченія правъ государства и общинъ и вовсе невозможно; различія между государственными налогами и частными доходами были неясны. ¹⁾).

2) Если въ волости кромѣ одной центральной общины возникаютъ другія (села, мѣстечка), то въ какомъ отношеніи становятся права цѣлой волости къ правамъ этихъ подчиненныхъ общинъ? Въ украинскихъ волостяхъ въ XV и нач. XVI в. центральныя общины были единственными поселеніями повѣта; сельскія и хуторныя имущества эксплуатировались посредствомъ временныхъ наѣздовъ; но въ концѣ XVI в. и здѣсь возникаютъ уже села; тогда естественно могла явиться мысль о разграниченіи правъ волости и селъ.

Однако и тогда попытокъ такого разграниченія не видно нигдѣ. И это опять казалось простымъ и естественнымъ: сельская община (вышедшая изъ городской въ слѣдствіе переполненія, или вновь возникшая изъ прихожихъ людей) считалась частью центральной общины; она занимала пустую бездоходную мѣстность и, культивируя ее, помогала центральной общинѣ въ ея повинностяхъ. Такимъ образомъ не было мѣста вопросу о столкновеніи правъ. Село совершенно свободно распоряжается своимъ специальнымъ участкомъ, раздѣляя вмѣстѣ со всею волостью права на окрестныя угодья и состоя съ нею въ тѣсной связи по повинностямъ. Это можетъ служить для насъ иллюстраціею вообще отношеній высшихъ общинъ къ низшимъ по землевладѣнію во времена болѣе раннія. Непосредственному праву волости подлежали земли, не вошедшія во владѣніе отдѣльныхъ общинъ.

3) Наконецъ, примѣръ украинскихъ волостей, уцѣлѣвшій до такихъ позднихъ историческихъ временъ, важенъ для выясненія общаго вопроса объ отношеніи правъ общинъ къ правамъ частныхъ лицъ, семействъ и родовыхъ союзовъ внутри волости. Владѣя огромными пространствами свободной земли, община-волость нисколько не заинтересована ограниченіемъ правъ на имущества тѣхъ лицъ, которые своею личною предпріимчивостію образуютъ экономическіе культурные оазисы среди лѣсовъ и степей, заводятъ пасѣнки, хутора и пр. Наоборотъ, община скорѣе заинтересована въ пользу этихъ частныхъ предпріятій, которыя въ цѣломъ даютъ ей большую экономическую

¹⁾ Въ XVII в. переходъ государств. земель въ частныя владѣнія фиска и старостъ совершался быстро и окончательно.

силу. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная частная оккупация идетъ во вредъ цѣлой общины или другихъ частныхъ лицъ, наступаетъ необходимость ограниченій ¹⁾. Словомъ, подъ обширною сферою цѣлой волости свободно могутъ развиваться и всѣ прочіе виды землевладѣнія (территоріальныхъ и родовыхъ общинъ и частныхъ семействъ). Взаимныя отношенія всѣхъ этихъ формъ могутъ комбинироваться такъ разнообразно, что для каждой мѣстности и эпохи требуется особая формулировка ихъ; подходить къ изученію этихъ пестрыхъ явленій съ нынѣшними формальными понятіями гражданскаго права, почти нѣтъ возможности. Тѣмъ болѣе глубокой интересъ получаетъ историческое изученіе комбинацій и борьбы указанныхъ силъ, пока онѣ еще не кристаллизировались въ нынѣшнія твердыя гражданскія формы. ²⁾).

М. Владиміръскій-Будановъ,

¹⁾ Такъ Черкашане ведутъ упорную борьбу съ своею мѣщанскою фамиліею Зубриковъ, которые, овладѣвъ большими участками и сдѣлавшись земянами, отторгли эти земли отъ общины.

²⁾ Такъ какъ здѣсь намъ не пришлось коснуться нѣсколькихъ существенныхъ формъ землевладѣнія (напр. семейнаго, договорнаго-сябрскаго совладѣнія и др.), то мы надѣемся вскорѣ вернуться къ тому же предмету въ другомъ мѣстѣ.

ПОДЪ ШУМЪ ДОЖДЯ.

аминъ потухъ... Голубоватый огонекъ изрѣдка перебѣжитъ по тлѣющимъ углямъ и снова погаснетъ. На дворѣ осень, сѣрая, холодная осень. Въ окно стучить дождь, однообразный и скучный, какъ трескъ сверчка. Льетъ и льетъ, словно конца ему нѣтъ... Я сижу передъ каминомъ и смотрю на раскаленные квадратики, покрывающіе уголь и подъ монотонный шумъ дождя встаютъ въ моей памяти давно забытыя картины, обрывки старыхъ думъ, осколки старыхъ чувствъ. И сердце снова сжимается знакомою тоскою. Боже мой, какъ все это было давно! И... со мной ли все это было? Особенно ярко встаютъ въ моемъ воспоминаніи три смерти, три утраты... Три раза я любилъ и три безвременныхъ могилы я оплакалъ. Какъ это было давно!...

Въ мои годы поздно искать новой любви, поздно тѣшиться иллюзіей личнаго счастья, но сегодня только я въ первый разъ такъ глубоко почувствовалъ, что *кончено*. Никогда до сихъ поръ я не сознавалъ себя такимъ старымъ, отжившимъ, никогда я такъ ясно не понималъ, какой тяжестью легло на меня прошлое. И теперь, переживая въ памяти это прошлое, мнѣ кажется, что не себя я въ немъ вижу, а другого—близкаго, родного мнѣ человѣка, и душа болитъ за него; я вижу, чувствую каждую его мысль, каждое бѣненіе его сердца, и живу съ нимъ одной жизнью, страдаю вмѣстѣ съ нимъ, но это не я, это другой. Развѣ эти тлѣющіе угли похожи на тотъ огонь, который полчаса назадъ ярко и весело пылалъ въ каминѣ?...

Я былъ молодъ, очень молодъ, когда въ первый разъ полюбилъ. Она была хороша, милая дѣвушка съ голубыми глазами и бѣлокурными волосами. Мы провели вмѣстѣ дѣтство, росли вдвоемъ, какъ братъ съ сестрою. Но мы никакъ ужиться не могли и вѣчно другъ съ другомъ враждовали. Какъ теперь помню эту дѣтскую войну. Я умѣлъ доводить ее до слезъ своими насмѣшками, она умѣла такъ презрительно смотрѣть на меня, называя меня мальчишкой. Мы не могли оставаться десяти ми-

нутъ въ одной комнатѣ, чтобы не перессориться. Если одинъ почему-либо говорилъ «да», то другой настаивалъ на «нѣтъ»; то, что одинъ находилъ прекраснымъ, другой находилъ отвратительнымъ. Насъ разлучили и мы долго другъ друга не видѣли: она поступила въ институтъ, я сначала въ гимназію, потомъ въ университетъ. Первое время мнѣ было безъ нея скучно, но я скоро позабылъ ее, т. е., собственно говоря, не забылъ, а воспоминанія о ней, вмѣстѣ съ другими воспоминаніями дѣтства, уступили мѣсто новымъ впечатлѣніямъ, отодвинулись на второй планъ. И когда мы снова встрѣтились, съ первой минуты, съ перваго взгляда мы поняли, что любимъ другъ друга. Какъ хорошо тогда было! Какіе мы счастливые дни переживали! Какъ все смѣялось и сіяло вокругъ насъ! И даже этотъ безконечный осенній дождь тогда намъ казался совсѣмъ другимъ; онъ точно баякалъ насъ своимъ однообразнымъ шумомъ и весело намъ было подъ его добродушно-унылую пѣсню строить радужные планы будущаго. Сидимъ бывало у камина и пойдутъ воспоминанія.

— А помнишь, какъ ты дразнилъ меня, называлъ сударыней и говорилъ мнѣ «вы»?

— А ты, помнишь ли, какъ называла меня негоднымъ мальчишкой и развивала взглядъ, что въ 12 лѣтъ дѣвочка уже барышня, а мальчикъ въ 15 еще ребенокъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ былъ пренегоднымъ мальчишкой!...

— Милочка, берегись! опять поссоримся!...

Совѣстно вспомнить, сколько счастья было въ этихъ глупыхъ рѣчахъ, въ этой дѣтской болтовнѣ. Или, бывало, она сидитъ за роялемъ и поетъ какой-нибудь романсъ, а я стою за ея стуломъ и переворачиваю ноты, близко наклонясь къ ней, такъ что она чувствуетъ мое дыханіе и мой усъ нѣжно щекочетъ ея шею. Вдругъ она обернется съ досадою: «противный, ты мнѣ мѣшаешь пѣть!» и я хватаю въ обѣ руки ея дорогую головку и покрываю поцѣлуями ея личико, а она сердится и гонитъ меня и, точно нечаянно, отвѣчаетъ на мои поцѣлуи...

И какъ подумаешь, что это и есть счастье!... Что въ этомъ заключается высшее блаженство, возможное на землѣ!... Теперь все это мнѣ кажется и скучнымъ, и смѣшнымъ... И тѣмъ не менѣе... Если-бъ можно было вернуть свою молодость... И какъ это вдругъ сдѣлалось тоскливо на душѣ... «Молодость! Молодость!» шепчу я, качая головой, завистливыя слова безсильной старости...

И она умерла... Какъ, почему? Не все-ли равно... Отъ самой прозаической причины: отъ простуды.

Она умерла... И я никакъ этому повѣрить не могъ... И потомъ, я не знаю, что было со мною: я боялся съ ума сойти... Я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ ея комнатѣ и, взявши голову въ обѣ руки, плакалъ; плакалъ,

какъ плачутъ маленькія дѣти, плакалъ, какъ плачетъ этотъ нескончаемый дождь. Слезы лились изъ моихъ глазъ, долго, долго, не принося облегченія.

Богъ знаетъ, чѣмъ-бы это кончилось, но жизнь вступила въ свои права. Дѣлами семьи завѣдывала мать, отца давно въ живыхъ не было. У насъ былъ заводъ, и въ немъ заключалась большая часть нашего состоянія. Какъ разъ въ нашей отрасли промышленности наступилъ кризисъ; матери было не подъ силу вести дѣла при новыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и намъ грозило раззореніе. Пришлось волей-неволей мнѣ взяться за дѣло. Я уѣхалъ на заводъ и прожилъ въ немъ безвыѣздно два года. Я изучилъ производство въ подробности, самъ входилъ во всѣ мелочи, безъ меня ничего не дѣлалось; я просматривалъ всякій ордеръ, подписывалъ всякую бумажку, самъ слѣдилъ за смѣнами, наблюдалъ за рабочими. Случится какая-нибудь задержка, я не отойду, пока снова все не будетъ въ порядкѣ. Вскорѣ я такъ освоился съ дѣломъ, что даже управляющаго отправилъ. Я работалъ съ ранняго утра до поздней ночи, работалъ безъ отдыха и, вернувшись въ свою комнату, падалъ отъ утомленія на кровать и немедленно засыпалъ. Мнѣ нѣкогда было вспоминать и горевать. И я успокоился, примирился, «въ трудѣ суровомъ я зачерпнулъ отважно силъ». Горе мало по малу потеряло свой острый характеръ, явились новые интересы, и я сталъ забывать. Въ эти два года я совершенно измѣнился: сталъ серьезнѣе, положителнѣе. Пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что жизнь не праздникъ, а тяжелая борьба.

Минули года. Моя первая любовь давно отошла въ область преданій, въ область отжитаго, которое еще вспоминается изрѣдка, но которое въ жизни уже не играетъ никакой роли. Я много работалъ, путешествовалъ, къ тому же пришла новая любовь: я женился. Конечно, эта любовь не походила на ту первую и, можетъ быть, это новое чувство даже и не было любовью.

Женился я скорѣе по разсудку, чѣмъ по любви. Посчастливилось мнѣ встрѣтить на своемъ пути женщину, съ которой мы сошлись во всемъ: во взглядахъ на жизнь, въ привычкахъ, въ привязанностяхъ. Я женился на ней и нашелъ въ ней жену и друга. Въ нашей привязанности не было ни увлеченія, ни страсти, да и ничего подобнаго; напротивъ, связывавшее насъ чувство было самое спокойное, самое невозмутимое; но я не встрѣчалъ угла теплѣе и уютнѣе моего. Я зналъ, что есть существо, которое «въ минуту жизни трудную» раздѣлитъ со мною горе, какъ раздѣлитъ и счастье въ свѣтлые дни, но раздѣлитъ не пассивно, не будетъ только вмѣстѣ со мною плакать или смѣяться, а войдетъ во всѣ подробности моего существованія, поддержитъ и словомъ, и дѣломъ, раздѣлитъ со мною тягость жизни. Я тогда былъ счастливъ,—не молодымъ, безумнымъ счастьемъ, которое кажется вѣчнымъ, но которое разлетается при первомъ столкновѣніи съ жизнью, а спокойнымъ и ровнымъ, осмысленнымъ счастьемъ. Тогда

я, кажется, и не понималъ, какъ я счастливъ. Но теперь... Какъ хорошо было бы, еслибы въ эту непріятную осеннюю ночь здѣсь рядомъ со мною сидѣла она; я не думалъ бы свои грустныя думы, занятый разговоромъ съ нею, о чемъ?... не знаю о чемъ, но я знаю, что отъ него вѣяло бы тепломъ и задушевностью, что отъ него было бы легко на душѣ, или, быть можетъ, мы сидѣли бы молча, счастливые сознаніемъ, что мы одинъ подлѣ другого, думая одно и тоже, и безъ словъ понимая другъ друга... Но—«ничто не вѣчно подъ луною» припоминается мнѣ тривіальная фраза...

Три года длилось наше счастье... Она умерла отъ несчастныхъ родовъ. Не удалось спасти ни ее, ни ребенка... Боже мой, какъ она мучилась, какъ она страдала!—Два дня въ безпамятствѣ... Я сорокъ-восемь часовъ не отходилъ отъ ея постели... Я зналъ, что состояніе ея безнадежно, что минуты ея сочтены... Для меня она уже умерла, но я не хотѣлъ, чтобы она безъ меня испустила послѣдній вздохъ, чтобы не я закрылъ ей глаза... Я теперь все это снова вижу предъ собою такъ ясно, отчетливо... Она, исхудалая, блѣдная, лежитъ на постели, черные волосы рассыпались по подушкѣ, я сижу на креслѣ у кровати, держу въ своихъ рукахъ ея прозрачную, потную руку и невольно люблюсь на ея красивую голову, на чистыя просвѣтленныя черты ея лица. Я смотрѣлъ на нее и старался запечатлѣть въ моей памяти ея образъ... Она такъ и скончалась, не приходя въ себя: дыханье все замедлялось, становилось слабѣе и незамѣтно совсѣмъ прекратилось, только въ моихъ рукахъ чуть-чуть похолодѣла ея рука... Я не помню, чтобы я плакалъ. Она слишкомъ долго умирала, и я привыкъ къ мысли объ ея смерти, но нервы мои были страшно напряжены... Меня увели и уложили въ постель. Я двѣ ночи не спалъ, но тѣмъ не менѣе не могъ заснуть; я долго лежалъ неподвижно съ открытыми глазами безъ мысли и чувства. Какъ я уснулъ, когда уснулъ .. не знаю. Мое полузабытье нечувствительно перешло въ сонъ. Проснулся я съ ранней зарею... Всѣ въ домѣ спали... Я вышелъ въ садъ... Только что разсвѣтало. На травѣ играла роса. Листья и цвѣты имѣли обновленный видъ. Все дышало покоемъ и миромъ и какой-то свѣтлой, невозмутимой радостью. Точно природа отдохнула за ночь и теперь, спокойная и величественная, начинала новую жизнь. Было нѣчто умиротворяющее въ этомъ торжественномъ и въ тоже время знакомомъ и близкомъ пробужденіи природы. Я присѣлъ на скамейку надъ обрывомъ... Какъ ясное небо высоко надо мною... Какъ безконечно далекъ горизонтъ... Боже, какъ великъ этотъ міръ, и я чувствовалъ себя частью его, безконечно малою частью... Не знаю почему, мнѣ вспомнился готическій храмъ, который когда-то произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Высокіе своды покоились на колоннахъ, широко развѣтвлявшихся кверху... Сквозь разрисованныя стекла падали разноцвѣтные лучи вечерняго солнца, и весь храмъ терялся въ фантастической полумглѣ. Зазвонили къ вечернѣ. Звуки колокола падали на гранитный полъ и затѣмъ подымались, улетали

вверхъ и, казалось, терялись въ готическихъ аркахъ. Шаги мои глухо отдавались. Я былъ одинъ въ этомъ храмѣ... Нѣтъ, не одинъ... Въ углу притаились двѣ сгорбленныя сѣрыя старушки. Я раньше ихъ не замѣтилъ. Онѣ набожно крестились и о чемъ-то горячо молились. Въ ихъ позѣ, движеніяхъ, во всемъ ихъ существѣ выражалось какое-то страшное горе, какая-то безысходная печаль... Я зналъ, что онѣ плачутъ, хотя не видѣлъ ихъ лица... И эти старушки казались такими маленькими въ этомъ громадномъ храмѣ, ихъ чуть внятный молитвенный шопотъ покрывался гудѣньемъ колоколовъ и вмѣстѣ съ нимъ уносился въ высь, вмѣстѣ съ нимъ расплывался... терялся... Влѣдѣе становились лучи заходящаго солнца... Двѣ бѣдныя, плачущія женщины совершенно затерялись въ темномъ углу; онѣ здѣсь казались такими ничтожными и такимъ ничтожнымъ казалось ихъ горе... Я думалъ: жалкій человѣкъ! Едва замѣтный въ этомъ храмѣ, что значишь ты въ обширномъ мірозданіи? Въ безконечности времени, въ безпредѣльномъ пространствѣ среди незыблемыхъ, вѣчныхъ законовъ природы какой неизмѣримо-малой частицей, атомомъ является человѣкъ, какъ ничтожно его личное горе среди этой «равнодушной природы, сіяющей вѣчной красотой». Какъ и всякій человѣкъ, я привыкъ себя считать центромъ вселенной. Все отъ меня исходило, все ко мнѣ возвращалось; весь міръ существовалъ для меня, существовалъ настолько, насколько я его сознавалъ и ощущалъ... Теперь я понялъ, что я только малая часть необъятнаго цѣлаго, что это цѣлое подчиняется какимъ-то законамъ и въ своемъ движеніи увлекаетъ и меня. Какое счастье проникнуться этимъ чувствомъ, слиться съ природой, понять, что ты не самъ по себѣ, а только одна изъ безчисленныхъ капель необъятнаго моря...

Жизнь и смерть—не одинаковыя ли это явленія природы, не подчинены ли онѣ одинаковымъ законамъ? Вѣчная переменѣна, вотъ на чемъ зиждется мірозданіе. «Поколѣніе уходитъ и поколѣніе приходитъ», сказалъ Екклесіастъ. Одинъ уступаетъ мѣсто другому. Зачѣмъ же радоваться жизни, зачѣмъ оплакивать смерть? Исполняется предопредѣленіе судьбы. Мы радостью встрѣчаемъ рожденіе новаго человѣка, зачѣмъ? Не цѣлая ли жизнь предъ нимъ.—Мы слезами провожаемъ умирающаго, зачѣмъ? Онъ пересталъ существовать, передъ нимъ Нирвана, покой, небытіе. Таковъ законъ природы: жизнь есть волненіе, смерть есть покой. Я видѣлъ въ мюнхенской галлерей картинку стариннаго неизвѣстнаго мастера: надъ мертвымъ Христомъ склонилась Божья Матерь. Трупъ Христа, съ запекшейся кровью на ранахъ, представлялъ ужасную картину мученической, насильственной смерти, но на мертвенномъ лицѣ Спасителя разлилъ ясный и свѣтлый покой, разлиты миръ и просвѣтленіе. Блаженная улыбка застыла на устахъ. При видѣ этого трупа душа наполняется молитвеннымъ настроеніемъ, торжественнымъ и важнымъ, тихимъ и примиряющимъ... Надъ Христомъ наклонилась Божья Матерь. Она вся скорбь, вся отчаяніе. Глаза ея опухли отъ слезъ

Она больше не плачетъ: нѣтъ больше слезъ, но она устремила на сына взоръ, полный такой живой всеобъемлющей любви, такого живого неисходнаго горя, руки ея такъ бессильно опустились, что холодный ужасъ сжимаетъ сердце. Вотъ она, подавляющая антитеза жизни и смерти, страданія и покоя, жизни, исполненной безграничнаго отчаянія и смерти радостной и просвѣтленной...

Какое спокойное лицо было у почившей... Богъ далъ, Богъ взялъ... Зачѣмъ оплакивать смерть?... Небо такъ высоко надо мною, такъ далеко горизонтъ, вся природа полна жизни и обновленія и что значить единичная смерть, что значить мое личное горе и что значу я самъ?... Мое душевное настроеніе слилось съ настроеніемъ всей природы въ это голубое утро, возволнованное бѣненіе моего сердца затихло въ ея свѣтломъ, невозмутимомъ покоѣ. Что должно было свершиться, свершилось, и жизнь опять потекла своимъ чередомъ.

Вспоминая то время, я удивляюсь спокойствію, съ какимъ перенесъ свою утрату. А между тѣмъ, если правда, что браки заключаются на небѣ, то именно эта женщина должна была быть моей женой, до того мы были безконечно близки. И тѣмъ не менѣе я принялъ ея смерть, какъ нѣчто должное, неизбежное, съ глубокой грустью, но безъ отчаянія. Можетъ быть, я былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ жизни и силы, не въ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, горячихъ, порывистыхъ, а зрѣлыхъ, уравновѣшенныхъ. Я былъ уже вышколенъ жизнью, но еще не подавленъ ею. Я сознательно и спокойно наслаждался своимъ счастьемъ и мужественно переносилъ свое горе. Теперь не то... какими бессильными старческими слезами рыдалъ бы я теперь надъ ея могилой...

Пронеслись года за годами, серебряныя нити стали часто попадаться среди моихъ волосъ, но память о ней осталась жить въ моемъ сердцѣ и никогда не умереть въ немъ. А жизнь шла своимъ чередомъ, принося и радость, и горе,—больше горя, чѣмъ радости... И мнѣ снова суждено было полюбить, но... уже въ послѣдній разъ. Я познакомился съ нею за границей, на югѣ. Какъ живую, вижу я ее предъ собою: смуглая, съ большими черными глазами и густыми, черными, матовыми волосами, не высокаго роста, худенькая, съ мягкими, граціозными движеніями. Она была больна чахоткой, и отъ нея вѣяло той тихой грустью, которая такъ часто встрѣчается у чахоточныхъ. Не знаю почему, но печать близкой смерти придавала особенно-трогательное выраженіе этому милому, молодому личику. Мнѣ всегда приходили на память, когда я смотрѣлъ на нее, стихи Майкова:

«Какъ будто смерти тихій геній
Надъ нею крылья распростеръ,
И намъ невѣдомыхъ видѣній
Ея духовный полонъ взоръ!»

Въ ея взорѣ было, дѣйствительно, что-то неземное, не отъ міра сего... Ее сопровождалъ мужъ. Онъ былъ, кажется, хорошимъ человѣкомъ, но его видимо утомлялъ вѣчный уходъ за больной. Мы познакомились и какъ соотечественники быстро сошлись. Мужъ пользовался моимъ присутствіемъ, чтобы ходить въ клубъ (онъ былъ страстный игрокъ), оставляя жену на моемъ попеченіи. Я просиживалъ съ ней по цѣлымъ вечерамъ: читалъ ей вслухъ, рассказывалъ ей многое изъ моей жизни, иногда мы разговаривали, и удивительно,—ни разу она не пожаловалась на свою болѣзнь, на свою близкую смерть. Быть можетъ, она не вѣрила въ нее, или, можетъ быть, она не хотѣла меня огорчать... Я страстно привязался къ ней, не отдавая себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и вдругъ, неожиданно для себя самого, убѣдился, что люблю ее, какъ только можетъ любить человѣкъ, понимающій, что это послѣдняя любовь, послѣднее счастье его жизни. Я никогда съ ней не говорилъ о своей любви, но она, какъ будто понимала, чувствовала ее и радовалась ей. Разъ только,—какъ теперь помню, она сидѣла у берега моря... Ночь была дивно хороша. Тихо плескались волны... Поверхность воды серебрилась въ лунномъ свѣтѣ... Въ этотъ вечеръ она была какъ то особенно грустна. Глаза ея были устремлены вдаль, и мнѣ казалось, что взглядъ ихъ проникалъ далеко за горизонтъ—туда, въ безконечное пространство. Я прочелъ въ ея горестной улыбкѣ предчувствіе смерти. Съ безконечной тоской смотрѣлъ я на нее, и слова любви, переполнявшей мою душу, невольно хотѣли сорваться съ моихъ устъ.—Я взялъ ея маленькую худую руку.—Она обратила на меня свои печальные глаза, и, точно угадавъ, что я хочу ей сказать, прошептала своимъ тихимъ, свѣтлымъ голосомъ, не отнимая руки: «зачѣмъ, не надо!... Не надо!...» И я молчалъ, послушный ея словамъ, и мнѣ было совѣстно за мое молчаливое признаніе... Откуда у меня, стараго человѣка, взялось столько чуткости, столько нѣжности?...

....Намъ пришлось разстаться: ее посылали дальше на югъ, я долженъ былъ вернуться на сѣверъ, домой, хотя-бы на короткое время... И я больше ея не видѣлъ... Меня по дорогѣ догнало ея письмо, всего нѣсколько строкъ.—Она писала: «Другъ мой, дорогой, милый. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я умираю! И хочу васъ видѣть передъ смертью. Не беспокойтесь очень, это, можетъ быть, одна игра воображенія. Но мнѣ страшно подумать, что я умру, а вы объ этомъ не будете знать, что я умру, а вы будете меня любить, какъ живу.»—Я съ первымъ поѣздомъ бросился къ ней. Меня сжигалъ непонятный ужасъ, что я ее, мертвую, люблю, какъ живу... Я прибылъ слишкомъ поздно... Вмѣстѣ съ другими шелъ я за гробомъ. Мужъ ея и старая няня плакали, остальные провожали процессію съ равнодушными, прилично-серьезными лицами... Я шелъ въ сторонѣ отъ толпы...

Я ждалъ, чтобы всѣ разошлись, и тогда, оставшись одинъ надъ дорогой могилой, хотѣлъ излить свое горе, выплакать всѣ свои слезы. Когда

кладбище опустѣло, я опустился на ступеньки памятника, возлѣ свѣжей могилы. Я смотрѣлъ на только что насыпанную горку земли и въ душѣ моей ничего не дрогнуло, сердце не сжималось отъ боли, на глаза не наворачивались слезы. Въ головѣ бродили какія-то странныя, неопредѣленныя мысли. Я машинально сорвалъ вѣтку съ сосѣдняго деревца и машинально принялся ощипывать съ нея листья, затѣмъ я сталъ что-то такое чертить своей тросточкой по песку... Сколько времени оставался я на кладбищѣ— не помню, должно быть долго. Уходя, я даже не взглянулъ въ послѣдній разъ на ея могилу, даже не подумалъ о ней, точно она никогда для меня не существовала, точно ея никогда и не было. Но изъ кладбища вышелъ я другимъ человѣкомъ: съежился я, согнулся, точно тяжесть какую на меня навалили, точно порвалось что-то внутри меня. О ней я больше не думалъ, она вдругъ совершенно исчезла изъ моей памяти, но сердце, какъ будто, стало тише биться, кровь медленнѣе потекла въ жилахъ, словно ступила она или олова къ ней подбавили. Душа остыла. Даже лицо перемѣнилось: стало суровѣе, сосредоточеннѣе, движенія стали медлительнѣе, голосъ глуше. Жизнь во мнѣ остановилась: не умеръ я, но отжилъ, сталъ въ сторонѣ отъ жизни. Все, что оставалось во мнѣ: огня, силы, жизни— вспыхнуло прощальнымъ пламенемъ и затѣмъ мгновенно потухло, какъ вспыхнулъ въ послѣдній разъ огонь въ каминѣ и погасъ, и угли подернулись пепломъ.

...Сегодня послѣ многихъ лѣтъ я въ первый разъ вспомнилъ о ней и въ первый разъ такъ отчетливо, ясно понимаю, что вмѣстѣ съ нею кончилась моя жизнь... Безцѣльные и безрадостные дни потянулись за днями и впереди потекутъ такіе же томительные, безпросвѣтные дни, скучные и однообразные, какъ этотъ осенній дождь, который все стучитъ и стучитъ въ окно...

М. Бр—кій.

Эльзасецъ въ Италіи.

(Съ французскаго).

Съ террасы мраморной опять сіяетъ море,
Медлительно скользятъ, теряясь на просторѣ,
Какъ чайки, корабли, раскинувъ паруса...
Мизенъ скалистый мысъ и Байскія руины...
Вонъ бѣлый городокъ взобрался на стремнины
И замокъ на скалахъ ушолъ подъ небеса...

Все переполнено и звуками, и блескомъ;
Дробится объ утесъ волна съ немолчнымъ плескомъ
И умирать бѣжитъ въ покойный темный гротъ.
Изъ каждой трещины цвѣтовъ раскрылись глазки,
Такъ ароматъ ихъ густъ, такъ несравненны краски!
Тутъ камень, кажется, и дышетъ и живетъ...

Вотъ съ родины письмо... Развертываю жадно...
Знакомая рука! Какъ сладко и отраднo
Душою воскресить—друзей привѣтный кругъ...
Узнать, что не забыть, что всѣ какъ прежде вмѣстѣ!
А это что еще: опять дурныя вѣсти?...
Еще одинъ погибъ! Еще утраченъ другъ.

Все та же оргія духовнаго безсилія,
Все также широко раскинутыя крылья
Затмившихъ скудный свѣтъ вороньихъ черныхъ стай
Притворство, ложь, обманъ! Не видятъ и не слышутъ!
Подъ прусской каскою таятся и не дышутъ!...
О Господи, покой землѣ родимой дай!...

Хоть долю дивныхъ благъ, какихъ Ты далъ такъ много
Счастливой сторонѣ, у свѣтлаго порога
Которой я стою, поникнувъ головой!
Хоть только лучъ одинъ, одну улыбку счастья,
Чтобы усталая отъ вѣчнаго ненастья
Могла бы отдохнуть смятенною душой!...

Вас. Немировичъ-Данченко.

О ПРЕПОДАВАНИИ АЛГЕБРЫ¹⁾.

Въ обществѣ сложилось убѣжденіе, что алгебра есть символическая наука, доступная только избраннымъ натурамъ; полагаютъ, что уже съ момента рожденія ребенокъ является съ математическими способностями или безъ такихъ способностей. Въ школахъ мы постоянно наблюдаемъ, что многіе ученики плохо понимаютъ математику, и отсюда выводимъ поспѣшное заключеніе, что ученики, не успѣвающіе въ математикѣ, не имѣютъ математическихъ способностей. Можно, однако, предложить вопросъ: не является-ли плохое пониманіе математики слѣдствіемъ неудовлетворительнаго преподаванія этой науки? Еще не такъ давно думали, что не всѣ дѣти способны даже къ воспріятію ариметики, но такое мнѣніе опровергнуто успѣшнымъ преподаваніемъ ея во многихъ первоначальныхъ школахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ существовало въ Петербургѣ педагогическое общество, занимавшееся главнымъ образомъ разработкою первоначальныхъ приемовъ преподаванія; той-же цѣли содѣйствовалъ графъ Л. Н. Толстой въ Ясной Полянѣ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ были созданы раціональные приемы преподаванія, примѣненіе которыхъ въ народныхъ школахъ дало блестящіе результаты: въ нѣкоторыхъ школахъ всѣ безъ исключенія ученики оказали хорошіе успѣхи въ ариметикѣ.

Я утверждаю, что всѣ ученики, способные къ какой бы то ни было наукѣ, прежде всего должны быть способны къ воспріятію математики, что плохое преподаваніе математики служитъ единственною причиною дѣленія учениковъ на способныхъ и неспособныхъ къ математикѣ. Конечно, для пониманія алгебры нужно прежде всего хорошее знаніе ариметики.

Прежде всего я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о преподаваніи вообще. Вотъ мое первое положеніе:

Педагогическая литература основана на чистомъ умозрѣніи безъ участія опыта и наблюденія.

Постараюсь оправдать это положеніе. Припомнимъ, что **методики** и **учебники** большею частію пишутся молодыми педагогами, подвизающимися на педагогическомъ поприщѣ два или три года. Быть можетъ, эти педагоги въ столь короткое время успѣли уже заpastись педагогическимъ опытомъ? Конечно, нѣтъ, да они объ

¹⁾ Публичная лекція, прочитанная въ пользу голодающихъ 6 ноября 1891 г.

этомъ и не заботятся. Прочитавъ нѣсколько педагогическихъ произведеній, молодые педагоги составляютъ собственный методъ преподаванія, выпускаютъ учебники, и затѣмъ примѣняютъ свой методъ на практикѣ. Но мнѣ возразятъ, что всякій методъ преподаванія, выработанный теоретически, повѣряется потомъ на практикѣ. Но такая повѣрка дала хорошіе результаты только въ начальныхъ школахъ, посѣщеніе которыхъ доступно для всѣхъ, интересующихся дѣломъ начального преподаванія; такимъ образомъ методъ, созданный однимъ педагогомъ, подвергался критикѣ многихъ лицъ. Не то въ среднихъ школахъ, гдѣ самъ педагогъ является единственнымъ критикомъ своего метода.

Необходимы наблюденія надъ дѣтьми въ семьѣ и школѣ.

Въ чемъ должны состоять эти наблюденія и почему они не производятся? Причина, препятствующая подобнымъ наблюденіямъ и вообще правильной постановкѣ учебнаго дѣла, заключается въ обще-человѣческомъ недостаткѣ—въ самолюбіи. Этимъ недостаткомъ по преимуществу страдаютъ ученые и педагоги. Каждый ученый считаетъ себя непременно гениемъ въ той области, которою онъ занимается. Каждый педагогъ считаетъ свой методъ преподаванія наилучшимъ. Но если самолюбіе для ученаго служить побудительною причиною къ занятію науками, то самолюбіе въ педагогическомъ дѣлѣ приноситъ только одинъ вредъ. Часто случается, что ученики не понимаютъ чего-либо. Что-же тогда происходитъ? Педагогъ начинаетъ сердиться..... Убѣжденный въ превосходствѣ своего метода и видя, что ученики его не понимаютъ, педагогъ склоняется къ убѣжденію, что ученики лѣнливы и неспособны къ наукѣ. Дѣти, не испорченные еще домашнимъ воспитаніемъ, относятся съ великимъ благоговѣніемъ къ своему учителю и стараются употребить всѣ усилія, чтобы не раздражить учителя. Видя, что учитель сердится, дѣти стараются принять въ классѣ такой видъ, какъ будто они все понимаютъ; непонятое мѣсто ученики надѣются выяснитъ дома сами или съ помощью репетитора. Но если ученикъ и дома не выяснитъ непонятаго мѣста, то такой ученикъ приходитъ къ ложному убѣжденію, что онъ не способенъ къ такой-то наукѣ, на примѣръ, къ алгебрѣ. Разъ зашло въ голову подобное убѣжденіе, дѣло педагога проиграно; мальчикъ, быть можетъ, и очень способный, можетъ оказывать прекрасные успѣхи въ другихъ наукахъ, но въ математикѣ будетъ плохъ. Вотъ одна изъ причинъ, способствующихъ появленію неуспѣшныхъ учениковъ въ математикѣ.

Педагогъ не долженъ раздражаться. Мало этого. Педагогъ долженъ наблюдать и записывать тѣ именно моменты, когда ученики чего-либо не понимаютъ. Прежде всего нужно задать вопросъ: нельзя-ли непонятое мѣсто изложить въ другой, болѣе ясной формѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ всегда долженъ быть утвердительнымъ, въ чемъ я убѣдился и на основаніи собственныхъ, хотя и малочисленныхъ опытовъ¹⁾. Непонятое мѣсто всегда можетъ быть изложено иначе — въ формѣ болѣе доступной для учениковъ. Такимъ образомъ методъ преподаванія хорошаго педагога долженъ постепенно измѣняться и улучшаться.

¹⁾ Съ 1874 по 1881 годъ я преподавалъ въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

При правильной постановкѣ учебнаго дѣла не должно быть неуспѣшныхъ учениковъ.

Выше я уже указалъ на одну изъ причинъ, способствующихъ появленію малоуспѣшныхъ учениковъ; но есть еще и другія причины. Успѣшное прохожденіе наукъ въ сильной степени зависитъ отъ первоначальной домашней подготовки. Необходимо еще дома развитіе мышленія мальчика или дѣвочки рѣшеніемъ подходящихъ ариметическихъ задачъ. Ариметическія задачи могутъ быть приведены къ двумъ типамъ. Задачи перваго типа надъ большими числами не требуютъ большой сообразительности, служатъ лишь примѣрами для упражненія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Задачи втораго типа надъ небольшими числами требуютъ часто большой сообразительности и направлены къ развитію мыслительной способности дѣтей (десять яблокъ раздѣлить двумъ дѣвочкамъ такъ, чтобы одна получила однимъ яблокомъ болѣе другой). Задачи втораго типа съ успѣхомъ примѣняются въ народныхъ школахъ; но на такія задачи слишкомъ мало обращаютъ вниманія въ среднихъ школахъ. Кромѣ того передъ поступленіемъ въ гимназію или реальное училище мальчикъ долженъ основательно знать родной языкъ — почти всю этимологию. Основательное знаніе родного языка облегчитъ мальчику въ гимназіи изученіе латинскаго языка (съ перваго класса), а въ реальномъ училищѣ — изученіе новыхъ языковъ (также съ перваго класса). На все это достаточно два часа ежедневныхъ правильныхъ занятій въ продолженіе года, если предъ этимъ мальчикъ умѣлъ уже читать и писать. Если родители имѣютъ возможность сами заниматься дома съ дѣтьми, то я не совѣтую отдавать дѣтей въ приготовительный классъ, такъ какъ тамъ вмѣсто двухъ часовъ они должны ежедневно просиживать четыре часа въ душной атмосферѣ. Къ тому же правильное домашнее обученіе всегда должно быть успѣшно.

Третья причина, вліяющая на малоуспѣшность занятій, — несоотвѣтствіе между физическими и душевными силами. Дѣтямъ необходимы продолжительныя движенія на свѣжемъ воздухѣ. Но многіе-ли родители понимаютъ это? На практикѣ мы видимъ противоположное явленіе. Если ученикъ начинаетъ оказывать плохіе успѣхи, то родители засаживаютъ его за книгу на болѣе продолжительное время. Ученикъ засиживается сначала до 11 часовъ вечера, потомъ до полуночи. Наконецъ и это время оказывается недостаточнымъ для приготовленія уроковъ, и тогда ученикъ остается въ томъ же классѣ.

Мой совѣтъ: если хорошій ученикъ начнетъ понижаться въ успѣшности своихъ занятій, то первымъ дѣломъ надо заставить такого ученика употребить болѣе продолжительное время на прогулки. Движеніе на открытомъ воздухѣ настолько укрѣпляетъ физическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственные силы ученика, что у него явятся большая сообразительность и большая память, и онъ будетъ тратить меньше времени на приготовленіе уроковъ.

Рѣдко встрѣчается обратное явленіе, когда мальчикъ слишкомъ упитанъ и выхоленъ; всѣ силы такого мальчика направлены не на науку, а на забавы, бѣганье и т. п. Такого мальчика полезно держать впроголодь: сытое брюхо къ ученію глухо.

Мнѣ могутъ, однако, возразить, что нельзя сдѣлать всѣхъ учениковъ успѣшными, что дѣти уже рождаются съ разными способностями. Надрѣто я долженъ

прежде всего замѣтить, что не доказано, чтобы дѣти рождались съ различными способностями: нельзя проникнуть въ мозгъ живого ребенка, а потому и нельзя утверждать, чтобы мозги новорожденныхъ были разнообразны по устройству. Если же въ школьномъ возрастѣ мы замѣчаемъ у дѣтей различныя способности, то нельзя-ли подобное явленіе объяснить неизвѣстными намъ причинами, оказывающими свое вліяніе на дѣтей уже послѣ появленія ихъ на свѣтъ? Каждое явленіе природы, каждый предметъ такъ или иначе вліяетъ на психическую жизнь ребенка; изъ совокупности такихъ ничтожныхъ вліяній складывается характеръ ребенка. Дѣло психолога—изучить, какое вліяніе оказываетъ на ребенка данный предметъ, или данное явленіе природы; въ этомъ состоитъ трудная, но высокая задача психологіи.—Но я спорить не стану: положимъ, что дѣти дѣйствительно рождаются съ различными способностями. Въ такомъ случаѣ священный долгъ педагога состоитъ въ томъ, чтобы исправить природныя недостатки. Велика-ли заслуга педагога, если онъ обращаетъ исключительное вниманіе на способныхъ учениковъ? Нѣтъ, гораздо большая заслуга того педагога, который сумѣетъ обучить малоспособныхъ учениковъ. На основаніи собственныхъ опытовъ, я утверждаю, что неослабнымъ вниманіемъ и любовью къ своему предмету и ученикамъ педагогъ всегда можетъ подогнать мало способныхъ учениковъ къ среднему уровню; всегда можно достигнуть того, повидимому, недостижимаго идеала, чтобы въ классѣ не было неуспѣшныхъ учениковъ.

На математику до сихъ поръ смотрять, какъ на своеобразную символическую науку, имѣющую свой особый языкъ, особую логику и особую грамматику. Такое мнѣніе ложно, уже хотя бы потому, что вездѣ и во всемъ логика должна быть одинакова, если подъ логикой подразумѣвать науку о законахъ мышленія. Если математикъ мыслить иначе, чѣмъ остальные люди, то такой математикъ либо психически больной человѣкъ, либо, по меньшей мѣрѣ, плохой мыслитель, плохой ученый. Нужно, однако, сознаться, что подобное ложное мнѣніе сильно распространено даже въ средѣ специалистовъ-математиковъ. Такой ложный взглядъ имѣетъ историческое происхожденіе. Двѣсти съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Ньютонъ и Лейбницъ создали алгебру безконечно малыхъ величинъ, иначе дифференціальное и интегральное исчисленіе. Созданы новыя могущественныя формулы и новыя математическіе законы. Примѣненіе новаго исчисленія къ изученію физическихъ явленій оказалось въ высшей степени плодотворнымъ: были открыты новыя явленія (двойное лучепреломленіе, комета Нептунъ), которыя потомъ подтвердились на опытѣ. Математики возликовали. Явилось убѣжденіе, что математика дастъ возможность проникнуть въ тайны мірозданія. Стоитъ только облечь данное явленіе въ формулы (составить дифференціальныя уравненія), вывести при помощи математическихъ законовъ возможныя слѣдствія изъ формулъ (найти интегралы) и дать надлежащее толкованіе результатамъ; послѣ этого разсматриваемое явленіе раскроется предъ нами во всей полнотѣ. Такъ думали математики! Но уже на первыхъ порахъ имъ пришлось натолкнуться на такія дифференціальныя уравненія, интегралы которыхъ трудно найти. Они обратили всѣ свои силы на интегрированіе дифференціальныхъ уравненій и полагали, что въ близкомъ или далекомъ будущемъ создадутся приемы для нахождения интеграловъ всякихъ уравненій. Напрасная мечта! Математика можетъ быть примѣнена къ изслѣдованію простыхъ явленій природы; всѣ же сложныя явленія приводятъ къ

такимъ сложнымъ формуламъ, изъ которыхъ часто невозможно вывести никакихъ заключеній.

Однако еще въ прошломъ столѣтїи существовало убѣжденіе въ непреложности формулъ и математическихъ законовъ. Всѣ ученые отдали математикѣ пальму первенства и мечтали лишь о томъ, какъ бы и другія науки облечь въ формулы. Не только естествоиспытатели, но даже нѣкоторые юристы и филологи до сихъ поръ мечтаютъ о примѣненїи математики къ ихъ наукамъ.

Но въ недавнее время вѣра въ непреложность формулъ и математическихъ законовъ пошатнулась. Оказалось, что, дѣйствуя сообразно математическимъ законамъ и не справляясь съ обыкновенною логикою, мы иногда приходимъ къ ложнымъ заключеніямъ. Уже въ концѣ 17-го столѣтїя математики были приведены въ сильное смущеніе такъ называемою *петербургскою задачею*. Ложный результатъ, полученный въ этой задачѣ, заставилъ математиковъ усумниться въ принципахъ математической теорїи вѣроятностей и ввести нигуда ненужное *правило нравственнаго ожиданія*.

Каждая формула есть сокращенное мышленіе, выраженное символическими знаками; каждая формула можетъ быть выражена словами. Хорошій математикъ ни на одну минуту не долженъ забывать истиннаго значенія находимыхъ имъ формулъ; словомъ, математическое разсужденіе при помощи символовъ должно сопровождаться и провѣряться обыкновеннымъ мышленіемъ.

Математика примѣнима къ изученію такъ называемыхъ прикладныхъ наукъ: къ механикѣ, астрономїи и физикѣ; всѣ эти науки въ настоящее время причисляются къ разряду математическихъ наукъ. Далѣе математика приложима къ изученію кристаллографїи (собственно сферическая тригонометрія, да немногія формулы аналитической геометріи). Сверхъ того, математика можетъ быть примѣнена къ изученію нѣкоторыхъ вопросовъ физиологїи, собственно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о физическихъ явленїяхъ. Многіе думаютъ, что математика примѣнима къ статистикѣ; но здѣсь можно ограничиться одною арифметикою съ прибавленіемъ простыхъ законовъ теорїи вѣроятностей. Математика приложима также къ строительному искусству, если считать эту отрасль знаній отдѣльною отъ практической механики. Но если представители другихъ наукъ мечтаютъ о примѣненїи математики, то такая мечта является положительнымъ безумїемъ и напрасною тратою времени. Правда, появляются трактаты даже по юридическимъ и филологическимъ наукамъ, наполненные математическими формулами; но можно смѣло утверждать, что такіе трактаты нигуда не годны.

Въ настоящее время математика въ высшемъ своемъ развитїи удалилась отъ практическихъ потребностей жизни и прикладныхъ наукъ. Такъ, математики съ особенною охотою занимаются теорїею чиселъ, которая не можетъ имѣть ровно никакихъ приложений и привлекаетъ вниманіе математиковъ только трудностью предъявляемыхъ ею задачъ. Чѣмъ труднѣе для рѣшенія какой-либо вопросъ, тѣмъ охотнѣе математики имъ занимаются, причемъ нисколько не руководятся практическимъ значеніемъ рѣшаемаго вопроса. Впрочемъ, математики конфузятся подобнаго направленія и неохотно въ томъ признаются. Берлинскому профессору Вейерштрассу предложили вопросъ: какое примѣненіе можетъ имѣть его теорія

функций? На это ученый отвѣтилъ, что въ настоящее время его теорія ни къ чему не примѣнима, но такія примѣненія могутъ найтись въ будущемъ.

Повторяю вкратцѣ высказанныя мною отрицательныя стороны математики: 1) математика не примѣнима къ изученію сложныхъ явленій природы, 2) математическіе законы и формулы могутъ привести къ ложнымъ результатамъ, 3) за исключеніемъ немногихъ наукъ, къ другимъ наукамъ математика не примѣнима, 4) нѣкоторые высшіе отдѣлы математики не могутъ имѣть никакого примѣненія.

Въ чемъ же мировое значеніе математики? Посмотримъ.

Богъ надѣлилъ каждого человѣка частицею разума. Нашъ разумъ мы должны укрѣплять и развивать мышленіемъ. Мышленіе для каждого человѣка является насущною потребностію. Но только глупецъ можетъ думать, что его мышленіе безошибочно. Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею развитія какой бы то ни было науки, тотъ легко пойметъ, что нашъ умъ склоненъ скорѣе къ ошибкамъ, чѣмъ къ правильнымъ выводамъ: прежніе мыслители часто дѣлали ошибочныя заключенія. Исторію индуктивныхъ наукъ можно назвать исторіею человѣческихъ заблужденій. Почти всѣ воззрѣнія Аристотеля на физическую природу ошибочны; между тѣмъ Аристотель до сихъ поръ считается величайшимъ мыслителемъ. Если мы убѣждены, что нашъ умъ склоненъ къ ошибкамъ, то въ каждомъ частномъ случаѣ для насъ весьма важно знать, правильно-ли наше мышленіе. Но только одна математика даетъ возможность повѣрить результаты нашего мышленія. Если объектомъ нашего мышленія есть видимая природа, то результатъ мышленія можетъ быть провѣренъ опытомъ. Если же мышленіе направлено на предметы отвлеченныя, то и здѣсь математика даетъ возможность провѣрить мышленія при помощи *обратнаго метода* разсужденія. Такъ, напримѣръ, положимъ, что мы ищемъ рѣшеніе уравненія; если мы желаемъ убѣдиться въ вѣрности рѣшенія, то стоитъ только найденное рѣшеніе подставить въ уравненіе и произвести въ обѣихъ частяхъ уравненія указанныя дѣйствія; если обѣ части выйдутъ одинаковы, то найденное рѣшеніе вѣрно. Но въ высшихъ частяхъ математики не всегда возможно обратный способъ разсужденія; въ такомъ случаѣ на подмогу являются *различныя методы* разсужденія. Если, рѣшая одинъ и тотъ же вопросъ двумя различными методами, мы приходимъ къ одному и тому же результату, то это служить лучшимъ доказательствомъ, что наше мышленіе въ обоихъ случаяхъ правильно. Но можетъ случиться, что результаты, найденные различными методами, не сходятся между собою; въ такомъ случаѣ, при болѣе внимательномъ анализѣ мы убѣждаемся, что одно изъ нашихъ разсужденій ошибочно. Иногда случается и такъ, что прежніе математики дѣлали ошибки, которыя замѣчались послѣдующими математиками, когда они приступали къ рѣшенію того же вопроса новымъ методомъ. И въ этомъ случаѣ математикъ извлекаетъ для себя пользу: собственныя ошибки и ошибки прежнихъ мыслителей научаютъ его болѣе осторожному и правильному мышленію. Случается часто, что результаты нашего мышленія правильны, но само мышленіе слишкомъ сложно и длинно. Умъ нашъ склоненъ идти къ истинѣ не прямою дорогою, но извилистыми путями. Прогрессъ **каждой** науки, въ особенности математики, состоитъ не столько въ расширеніи области изслѣдованій, сколько въ болѣе простомъ и ясномъ изложеніи уже добытыхъ результатовъ. Не достаточно открыть и доказать новую теорему; необходимо

еще быть убѣжденнымъ, что данное докательство—самое простое. Чѣмъ меньше формулъ, чѣмъ проще сами формулы, тѣмъ пріятнѣе читать математическое сочиненіе. Необходимо также избѣгать слишкомъ сложныхъ чертежей. Плохіе математики не понимаютъ этихъ истинъ и часто переполюняютъ свои трактаты сложными и ненужными формулами; дѣло иногда доходитъ до того, что сочиненіе, написанное однимъ математикомъ, остается непонятымъ другими.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующее положеніе:

Математика учитъ правильному мысленію.

Вотъ великая цѣль математики! Теперь становится понятнымъ, почему математики съ особенною охотою занимаются рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ, не обращая вниманія на ихъ практическое значеніе. Пной вопросъ кажется неразрѣшимымъ тѣми приѣмами, которые извѣстны въ математикѣ; но вотъ является ученый, который создаетъ новый приѣмъ и даетъ простое рѣшеніе вопроса. Нѣсколько такихъ изслѣдованій,—и ученый приобретаетъ всемірную извѣстность.

Лица, изучающія часть высшей математики съ цѣлью сдѣлать примѣненіе къ своимъ специальнымъ наукамъ, сильно ошибаются: можно предсказать ранѣе, что никакихъ примѣненій они не сдѣлаютъ, но извлекутъ только ту пользу, что будутъ понимать нѣкоторыя сочиненія съ математическими формулами. Представителямъ другихъ наукъ я совѣтую одно изъ двухъ: либо оставить вовсе математику, либо изучать ее вполнѣ, не заботясь о приложеніяхъ; приложенія найдутся впоследствии сами собою.

Итакъ, правильное занятіе математикою дѣлаетъ человѣка хорошимъ мыслителемъ. Мыслитель же годится ко всякому дѣлу и на всякомъ мѣстѣ. Наоборотъ, плохой мыслитель, обладай онъ хотя бы большими энциклопедическими познаніями, вездѣ принесетъ мало пользы; онъ можетъ быть полезенъ своими знаніями и быть хорошимъ исполнителемъ, но его нельзя поставить во главѣ какого бы то ни было дѣла.

Говорятъ, что гимназія даетъ общее образованіе. Но что нужно подразумѣвать подъ общимъ образованіемъ? На этотъ вопросъ даются лишь неопредѣленные отвѣты. На самомъ дѣлѣ наши гимназіи даютъ неполное и непрочное знаніе: неполное потому, что исключены естественныя науки; непрочное потому, что многое забывается по выходѣ изъ гимназіи. Быть можетъ, найдутся такія лица, которыя станутъ утверждать, что не слѣдуетъ гоняться за прочнымъ знаніемъ, что молодой человѣкъ по выходѣ изъ гимназіи тотчасъ же специализируется и потому удерживаетъ въ памяти только то, что относится къ его специальности. Однако было бы гораздо лучше, если бы гимназіи по всѣмъ наукамъ давали лишь такія знанія, которыя потомъ никогда не забывались бы. Для достиженія этой цѣли необходимо изъ теоретическаго преподаванія каждой науки исключить массу мелочей и отнести таковыя къ практическимъ упражненіямъ.

Гимназія можетъ и должна давать прочную систему знаній.

Въ настоящее время все заражено единствомъ: единство матеріи, единство силъ, единство законовъ и т. д. Педагоги также стремятся создать единую теорію, способную обнять всѣ мелочи данной науки. Но такой теоріи въ математикѣ не существуетъ, да и не можетъ существовать. Полагаю, что и въ другихъ наукахъ едва-ли возможно создать теорію, объединяющую всѣ факты.

Въ разнообразіи методовъ и пріемовъ—вся сила и прелесть науки.

Въ самомъ дѣлѣ, для насъ весьма пріятно, если мы результаты нашего мышленія, найденные однимъ методомъ, можемъ провѣрить другимъ методомъ: такая провѣрка развиваетъ и укрѣпляетъ наше мышленіе. Единая теорія вредна, ибо она не даетъ возможности критически отнестись къ собственному мышленію.

Гимназическое преподаваніе должно быть направлено къ развитію мыслительной способности.

Математика наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ этой цѣли, ибо эта наука преимущественно предъ другими науками отличается разнообразіемъ методовъ изложенія и пріемовъ рѣшенія задачъ.

Но стремленіе къ единой теоріи вредно еще въ другомъ отношеніи. Замѣчая, что нѣкоторые факты не подходятъ подъ эту теорію, педагогъ для объясненія ихъ вводитъ все новыя и новыя правила. Теорія растетъ, соотвѣтственно этому растутъ учебники; теоретическое преподаваніе успивается въ ущербъ практическимъ занятіямъ и самостоятельнымъ упражненіямъ. Все это оказываетъ вредное вліяніе на умственное развитіе учащихся.

Въ свое оправданіе педагоги утверждаютъ, что единая теорія дисциплинируетъ умъ. Подъ дисциплинированнымъ умомъ нужно подразумѣвать такой умъ, который способенъ сосредоточиваться надъ даннымъ вопросомъ и не разбрасываться въ стороны. Но такую-ли дисциплину даетъ гимназія? Нѣтъ, ибо умъ лица, получившаго аттестатъ зрѣлости, пасуетъ предъ каждымъ вопросомъ, выходящимъ изъ узкой среды гимназическаго преподаванія.

Ратуя за разнообразіе методовъ и пріемовъ, я однако же далекъ отъ той мысли, что все это разнообразіе слѣдуетъ вводить въ учебники. Учебникъ долженъ содержать основныя положенія науки, изложенныя въ краткой формѣ. Различные методы и пріемы рѣшенія могутъ быть выяснены на практическихъ занятіяхъ.

Теорія должна быть доведена до минимума; учебники должны быть кратки.

Что такое алгебра? На этотъ вопросъ нѣтъ яснаго отвѣта ни въ одномъ учебникѣ. Нѣкоторые учебники алгебры вовсе не опредѣляютъ этой науки. Такое не ясное представленіе объ алгебрѣ можетъ быть объяснено исторически. Алгебра возникла не цѣлкою, но постепенно: сначала появились уравненія первой степени съ одною неизвѣстною, потомъ уравненія второй степени, далѣе уравненія со многими неизвѣстными, бинномъ Ньютона, прогрессіи, логарифмы. При такомъ послѣдовательномъ развитіи алгебры, до сихъ поръ не сложилось яснаго представленія о цѣлой наукѣ. Если мы не умѣемъ опредѣлить алгебры, то намъ въ туманномъ свѣтѣ представляются и окончательныя цѣли этой науки. Не зная ни опредѣленія науки, ни ея цѣлей, мы по этой причинѣ не можемъ создать стройной теоріи этой науки. Если мы сами не имѣемъ яснаго представленія объ алгебрѣ, то мы не можемъ преподавать эту науку въ ясной формѣ дѣтямъ. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется причина, почему до сихъ поръ алгебра считается самою трудною наукой, доступною лишь немногимъ. Алгебра Эйлера до сихъ поръ считается образцовымъ учебникомъ; по такому плану составлялись позднѣйшіе учебники. Въ учебникѣ Эйлера не выяснены основныя положенія алгебры; особенно трудно понять отрицательныя числа и дѣйствія надъ ними. Въ послѣднее время

нѣмецкіе педагоги создали въ алгебрѣ особое направленіе. представителемъ котораго является Грасманъ. Теорія, созданная Грасманомъ, чрезвычайно сложна и потому недоступна не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Увлекаясь строго систематическимъ изложеніемъ, Грасманъ совѣтуетъ ввести отрицательныя числа уже въ ариметику.

Я противникъ тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ учебниковъ, но я долженъ воздать должную дань справедливости нѣмецкимъ ученымъ: они выяснили природу отрицательныхъ чиселъ и показали, что въ математикѣ много условнаго. Прежде думали, что математика есть строгая, вполнѣ опредѣленная наука, что все въ математикѣ непременно вытекаетъ одно изъ другого. Теперь мы знаемъ, что въ математикѣ много условнаго, зависящаго отъ нашего произвола, что, давъ другія опредѣленія и условія, мы можемъ получить многіе отдѣлы математики въ новой формѣ, отличной отъ теперешней. Излагая алгебру, необходимо объяснить подробно, что въ этой наукѣ условно, и что вытекаетъ изъ основныхъ положеній. Каждая мелочь должна быть выяснена ученикамъ такъ, чтобы у нихъ не оставалось ни малѣйшихъ сомнѣній. Сверхъ того, необходимо теорію алгебры довести до возможной краткости и простоты.

Прежде всего посмотримъ, какъ педагоги приступаютъ къ преподаванію алгебры.

Многіе педагоги уже въ ариметикѣ рекомендуютъ изображать ходъ рѣшенія задачи при помощи формулъ, состоящихъ изъ цифръ, знаковъ и скобокъ; такія упражненія считаютъ переходною ступенью къ алгебрѣ. Вредное заблужденіе! Ученика заставляютъ писать формулы, когда онъ еще не знаетъ, что нужно дѣлать, когда нѣсколько чиселъ соединены знаками сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія. Съ какого дѣйствія начать и какъ поступать далѣе? Передъ такимъ вопросомъ многіе ученики становятся втупикъ. Между тѣмъ скобочныя упражненія, съ легкой руки Евтушевскаго, рекомендуются уже въ первомъ классѣ. Цѣль ариметики, во первыхъ, научить дѣйствіямъ надъ числами, во-вторыхъ, хорошимъ подборомъ задачъ развить, на сколько возможно, мышленіе учащихся. Формулы въ ариметикѣ неумѣстны; онѣ служатъ только пугаломъ для посредственныхъ учениковъ.

Приступая къ преподаванію алгебры, многіе педагоги даютъ типическія задачи изъ ариметики, обозначаютъ числа буквами и заставляютъ учениковъ находить рѣшеніе, т. е. собственно составить формулу, указывающую ходъ рѣшенія задачи. Такой приемъ противорѣчитъ элементарнымъ педагогическимъ правиламъ: ученика заставляютъ писать формулы, о которыхъ онъ не имѣетъ еще яснаго представленія.

Какъ же приступить къ преподаванію алгебры?

Нѣсколько первыхъ уроковъ алгебры нужно посвятить рѣшенію арифметическихъ задачъ, преимущественно такихъ, которыя рѣшаются различными приемами. Не соглашаясь со многими педагогами, стремящимися къ созданію разнообразныхъ приемовъ рѣшенія, я рекомендую каждую задачу, если возможно, рѣшать различными приемами. Разнообразіе приемовъ рѣшенія, какъ я уже выше сказалъ, содѣйствуетъ развитію мышленія. Но въ данномъ случаѣ это разнообразіе имѣетъ еще другое весьма важное значеніе. Для поясненія возьмемъ слѣдующую задачу:

Куплено 280 зеркаль, по 19 руб. за зеркало; 5 зеркаль разбились; по чемъ проданы остальные. если получено 730 руб. прибыли?

Задача рѣшается двумя способами.

Первый способъ. Задача рѣшается четырьмя дѣйствіями:

$$1) 19 \times 280 = 5320 \text{ рублей.}$$

$$2) 5320 + 730 = 6050 \text{ рублей.}$$

$$3) 280 - 5 = 275 \text{ зеркаль.}$$

$$4) 6050 : 275 = 22 \text{ рубля.}$$

Первымъ дѣйствіемъ узнаемъ стоимость всѣхъ зеркаль; вторымъ дѣйствіемъ узнаемъ, за сколько проданы *остъ* зеркала; третьимъ дѣйствіемъ узнаемъ число цѣлыхъ зеркаль; четвертымъ дѣйствіемъ узнаемъ, за сколько продано каждое зеркало.

Второй способъ. Задачи рѣшается пятью дѣйствіями:

$$1) 19 \times 5 = 95 \text{ рублей.}$$

$$2) 730 + 95 = 825 \text{ рублей.}$$

$$3) 280 - 5 = 275 \text{ зеркаль.}$$

$$4) 825 : 275 = 3 \text{ рубля.}$$

$$5) 19 + 3 = 22 \text{ рубля.}$$

Первымъ дѣйствіемъ узнаемъ стоимость разбитыхъ зеркаль, вторымъ дѣйствіемъ узнаемъ прибыль, полученную при продажѣ цѣлыхъ зеркаль; третьимъ дѣйствіемъ узнаемъ число цѣлыхъ зеркаль; четвертымъ дѣйствіемъ узнаемъ прибыль на каждое цѣлое зеркало; пятымъ дѣйствіемъ узнаемъ, за сколько продано зеркало.

Послѣ рѣшенія нѣсколькихъ подобныхъ задачъ ученики должны притти къ слѣдующему заключенію:

Рядъ однихъ дѣйствій надъ какими бы то ни было числами можетъ быть замѣненъ рядомъ другихъ дѣйствій надъ тѣми же числами.

Теперь является вопросъ; нельзя-ли дать какія либо правила, которыми можно было бы руководствоваться при замѣнѣ однихъ дѣйствій другими? Такія правила, дѣйствительно, существуютъ и составляютъ предметъ алгебры.

Алгебра даетъ правила для замѣны однихъ дѣйствій рядомъ другихъ дѣйствій надъ тѣми же числами.

Вотъ точное опредѣленіе алгебры!

Такъ какъ въ алгебрѣ безразлично, надъ какими числами производятся дѣйствія, то вмѣсто чиселъ употребляются буквы, выражающія какія угодно числа. Впрочемъ, въ алгебрѣ вмѣстѣ съ буквами употребляются и числа.

Въ алгебрѣ дѣйствія на самомъ дѣлѣ не производятся, а только обозначаются знаками. Для сложенія двухъ чиселъ употребляется знакъ $+$, для вычитанія минусъ $-$. Для обозначенія умноженія употребляется косой крестъ $\times$ или точка; знакъ умноженія вовсе опускается, если числа обозначены буквами; поэтому

произведение числа a на число b может быть написано такъ: $a \times b$, или $a.b$, или ab . Для обозначенія дѣленія пишутъ двоеточіе $a : b$. Но чаще всего дѣленіе въ алгебрѣ принято обозначать въ формѣ дроби: пишутъ дѣлимое вверху, дѣлителя внизу и ставятъ между ними черту. Такъ $\frac{a}{b}$ означаетъ, что число a нужно раздѣлить на число b . Числа a и b сами могутъ быть дробныя, а потому выраженіе $\frac{a}{b}$ называются *алгебраическою дробью* въ отличіе отъ обыкновенной арифметической дроби, когда числитель и знаменатель суть цѣлыя числа.

Выраженіе, состоящее изъ чиселъ и буквъ, соединенныхъ разными знаками, называется алгебраическимъ выраженіемъ или формулою. Простѣйшія формулы, состоящія только изъ двухъ буквъ, будутъ:

$$a + b, \quad a - b, \quad ab, \quad \frac{a}{b}$$

Каждая формула выражаетъ рядъ дѣйствій, произведенныхъ надъ какими бы то ни было числами, выраженными буквами.

Но въ алгебрѣ есть тоже свои дѣйствія; такъ нѣсколько формулъ можно складывать, вычитать, умножать и дѣлить между собою. Такія дѣйствія называются *алгебраическими дѣйствіями* въ отличіе отъ арифметическихъ дѣйствій, которыя совершаются надъ числами.

Упростить формулу значить рядъ дѣйствій, указанныхъ этою формулою, замѣнить рядомъ возможно простѣйшихъ дѣйствій.

Цѣль алгебры—дать для каждой задачи самое простое рѣшеніе, Положимъ, что мы знаемъ какой-нибудь пріемъ рѣшенія задачи; рядъ дѣйствій, служащихъ для рѣшенія этой задачи, мы можемъ выразить формулою, при чемъ самыя числа удобнѣе обозначить буквами. Если мы упростимъ найденную такимъ образомъ формулу, то получимъ новую формулу; рядъ дѣйствій, выражаемый упрощенною формулою, даетъ самое простое рѣшеніе задачи.

Вся математика состоитъ изъ *положеній, условій, опредѣленій и задачъ*.

Положеніе или теорема есть неизмѣнная истина въ наукѣ.

Условіе есть то, что зависитъ отъ нашего произвола. Въ математикѣ часто мы приходимъ къ такому пункту, когда дальнѣйшія разсужденія могутъ быть разнообразны въ зависимости отъ того условія, которое мы положимъ въ основу этихъ разсужденій.

Для сокращенія нашихъ разсужденій мы часто вводимъ новыя названія—термины; въ такомъ случаѣ необходимо условиться, что мы будемъ подразумѣвать подъ вновь введеннымъ терминомъ. Это и будетъ опредѣленіемъ.

Въ задачѣ по нѣкоторымъ даннымъ требуется найти нѣкоторое слѣдствіе.

Каждая математическая наука развивается изъ основныхъ положеній.

Основные положенія, очевидныя сами по себѣ, называются аксіомами. Таковы основные положенія геометріи.

Нѣкоторыя математическія науки берутъ свои основныя положенія изъ другихъ наукъ. Такъ алгебра беретъ свои основныя положенія изъ арифметики.

Но эти основныя положенія такъ ясны, что я не считаю нужнымъ доказывать ихъ и въ ариметикѣ.

Перечислимъ положенія, условія и опредѣленія, необходимыя для того, чтобы составить ясное понятіе объ алгебрѣ.

Положеніе первое. Результатъ сложенія нѣсколькихъ чиселъ не зависитъ отъ порядка дѣйствій и отъ перестановки слагаемыхъ.

$$a + b = b + a,$$

гдѣ a и b какія угодно числа.

Это положеніе можно считать извѣстнымъ изъ ариметики.

Пояснимъ, что нужно подразумѣвать подъ порядкомъ дѣйствій. Возьмемъ выраженіе:

$$5 + 7 + 3.$$

Произведя сначала дѣйствіе надъ первыми двумя числами и къ результату прибавивъ третье число, получимъ:

$$\overline{5 + 7} + 3 = 12 + 3 = 15.$$

Произведя теперь дѣйствіе подъ послѣдними двумя числами, и прибавляя результатъ къ первому числу, находимъ:

$$5 + \overline{7 + 3} = 5 + 10 = 15.$$

Такимъ образомъ имѣемъ *тождество*:

$$\overline{5 + 7} + 3 = 5 + \overline{7 + 3}.$$

Сверхъ того, въ положеніи говорится, что результатъ не зависитъ отъ перестановки слагаемыхъ, что можетъ быть выражено тождествомъ:

Но если нѣсколько чиселъ соединены знаками сложенія и вычитанія, то результатъ зависитъ отъ того порядка, въ которомъ производятся указаннныя дѣйствія. Для примѣра возьмемъ выраженіе:

$$10 - 6 + 3.$$

Если произведемъ сначала надъ первыми двумя числами дѣйствіе, указанное знакомъ, стоящимъ между ними, и полученный результатъ соединимъ съ третьимъ числомъ, то найдемъ:

$$\overline{10 - 6} + 3 = 4 + 3 = 7.$$

Но если сначала произведемъ надъ послѣдними двумя числами дѣйствіе, указанное знакомъ, стоящимъ между ними (сложеніе) и полученный результатъ соединимъ съ первымъ числомъ (при помощи оставшагося знака вычитанія), то получимъ:

$$10 - \overline{6 + 3} = 10 - 9 = 1.$$

Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, необходимо условиться, какъ поступать съ числами, соединенными знаками сложенія и вычитанія.

Условіе первое. Если нѣсколько чиселъ соединены знаками сложенія и вычитанія, то условимся производить дѣйствія въ томъ порядкѣ, какъ они написаны, начиная съ лѣвой стороны.

При соблюденіи этого условія можно дѣлать нѣкоторыя перестановки, отчего результатъ не измѣнится. Такъ изъ ариметики извѣстно, что если мы къ a прибавимъ b и отъ полученной суммы отнимемъ c , то результатъ получится бы тотъ же самый, если бы мы сначала отъ a отняли c и къ полученной разности прибавили b :

$$a + b - c = a - c + b.$$

Отсюда легко вытекаетъ

Положеніе второе. При соблюденіи сказаннаго выше условія результатъ сложенія и вычитанія нѣсколькихъ чиселъ не измѣнится, если переставимъ числа вмѣстѣ со знаками, стоящими передъ ними.

Перестанавливая указаннымъ способомъ числа вмѣстѣ съ знаками, стоящими передъ ними, мы можемъ достигнуть того, что впереди будутъ стоять слагаемые, а позади вычитаемыя; напр.

$$a - b + c - d - e + f = a + c + f - b - d - e.$$

Положеніе третье. Чтобы вычесть послѣдовательно нѣсколько чиселъ, можно сразу вычесть ихъ сумму.

Это положеніе можно считать извѣстнымъ изъ ариметики.

На основаніи послѣднихъ двухъ положеній имѣемъ:

$$a - b + c - d - e + f = a + c + f - (b + d + e).$$

Отсюда вытекаетъ слѣдующее правило: чтобы простѣйшимъ способомъ найти результатъ сложенія и вычитанія нѣсколькихъ чиселъ, нужно прежде всего сложить всѣ слагаемыя (первое число и числа съ предшествующимъ знакомъ $+$), потомъ сложить вычитаемыя (со знакомъ $-$) и изъ первой суммы вычесть вторую.

Къ подобнымъ же результатамъ можно прійти и относительно чиселъ, соединенныхъ знаками умноженія и дѣленія.

Положеніе четвертое. Результатъ перемноженія нѣсколькихъ чиселъ не зависитъ отъ порядка дѣйствій и отъ перестановки множителей.

Это положеніе можно считать извѣстнымъ изъ ариметики: оно заключается въ двухъ тождествахъ:

$$\overline{a \times b \times c} = \overline{a \times c \times b},$$

$$a \times b = b \times a.$$

Но если нѣсколько чиселъ соединены знаками умноженія и дѣленія, то результатъ уже зависитъ отъ того порядка, въ которомъ производятся дѣйствія, указанные знаками. Для примѣра возьмемъ выраженіе:

$$24 : 6 \times 2.$$

Если мы сначала произведем надъ первыми двумя числами дѣленіе (какъ это указано знакомъ, стоящимъ между ними) и полученное частное умножимъ на третье число, то найдемъ:

$$24 : 6 \times 2 = 4 \times 2 = 8.$$

Но если мы сначала произведемъ подѣ послѣдними двумя числами умноженіе и на полученное произведеніе раздѣлимъ первое число, то найдемъ:

$$24 : 6 \times 2 = 24 : 12 = 2.$$

Для избѣжанія недоразумѣній необходимо условиться, какъ нужно производить дѣйствія надъ числами, соединенными знаками умноженія и дѣленія.

Условіе второе. Если нѣсколько чиселъ соединены знаками умноженія и дѣленія, то условимся производить дѣйствія въ томъ порядкѣ, въ которомъ они написаны, начиная съ лѣвой руки.

При соблюденіи этого условія можно дѣлать нѣкоторыя перестановки, не измѣняя результата. Такъ, изъ ариметики извѣстно, что если мы a умножимъ на b и полученный результатъ раздѣлимъ на c , то получимъ тотъ же результатъ, если бы мы сначала a раздѣлили на c и полученное частное умножили на b :

$$a \times b : c = a : c \times b.$$

Отсюда легко вытекаетъ

Положеніе пятое. Результатъ перемноженія и дѣленія нѣсколькихъ чиселъ, при соблюденіи указаннаго условія, не измѣнится, если мы переставимъ числа вмѣстѣ съ стоящими передъ ними знаками.

Перестанавливая подобнымъ образомъ числа, мы можемъ достигнуть того, что впереди будутъ стоять множители, сзади дѣлители; напр.

$$a : b \times c : d : e \times f = a \times c \times f : b : d : e.$$

Положеніе шестое. Раздѣлить послѣдовательно на нѣсколько чиселъ — все равно, что раздѣлить на ихъ произведеніе.

Это положеніе можно считать извѣстнымъ изъ ариметики.

Припоминая, что знакъ умноженія между буквами можно пропускать, что дѣленіе изображается въ формѣ дроби, на основаніи послѣднихъ двухъ положеній имѣемъ:

$$a : b \times c : d : e \times f = \frac{a \ c \ f}{b \ d \ e}$$

Въ такой формѣ условились въ алгебрѣ всегда приводить результатъ перемноженія и дѣленія нѣсколькихъ чиселъ, обозначенныхъ буквами.

Положимъ теперь, что дано выраженіе, состоящее изъ нѣсколькихъ чиселъ, соединенныхъ знаками всѣхъ четырехъ дѣйствій. Какъ производить эти дѣйствія? Ясно, что здѣсь нужно новое условіе, ибо результатъ всецѣло зависитъ отъ порядка дѣйствій.

Условіе третье. Въ выраженіи, состоящемъ изъ чиселъ, соединенныхъ знаками всѣхъ четырехъ дѣйствій, математики условились прежде всего произво-

дѣйствія надъ числами, стоящими рядомъ и соединенными знаками умноженія и дѣленія.

Опредѣленіе первое. Совокупность чиселъ, соединенныхъ знаками умноженія и дѣленія, принято называть членомъ или одночленомъ.

Опредѣленіе второе. Нѣсколько членовъ, соединенныхъ знаками $+$ и $-$, составляютъ многочленъ. Смотря по числу членовъ, многочленъ называется дву-членомъ, трехчленомъ и т. д.

Итакъ, математики условились вычислять сначала каждый членъ отдѣльно. Вычисливъ каждый членъ и замѣнивъ его однимъ числомъ, мы получимъ въ результатѣ выраженіе, состоящее изъ чиселъ, соединенныхъ знаками сложенія и вычитанія; съ этимъ выраженіемъ нужно поступать по правиламъ, вытекающимъ изъ первыхъ трехъ положеній.

Теперь мы знаемъ, какъ производить дѣйствія надъ числами, соединенными знаками всѣхъ четырехъ дѣйствій. Но иногда случается, что по смыслу задачи нужно произвести дѣйствія не въ томъ порядкѣ, какъ это сказано въ нашихъ правилахъ. Въ такомъ случаѣ употребляются скобки. Для примѣра возьмемъ выраженіе:

$$3 + 5 \times 4.$$

По даннымъ выше правиламъ прежде всего нужно перемножить послѣднія два числа и полученное произведеніе прибавить къ 3:

$$3 + 5 \times 4 = 3 + 20 = 23.$$

Но если по смыслу задачи требуется сначала произвести сложеніе надъ первыми двумя числами и полученную сумму умножить на третье число, то для этой цѣли первыя два числа заключаются въ скобки:

$$(3 + 5) \times 4 = 8 \times 4 = 32.$$

Общее правило при употребленіи скобокъ таково, что прежде всего нужно вычислить содержимое скобокъ и замѣнить его однимъ числомъ, послѣ чего скобки можно отбросить.

Я рекомендую ограничиться на первое время только простыми скобками; сложныя же скобки слѣдуетъ употреблять лишь въ крайней необходимости.

Вотъ сколько необходимо сообщить ученикамъ свѣдѣній, чтобы они имѣли ясное представленіе о скобкахъ и дѣйствіяхъ надъ числами, соединенными разными знаками! Теперь, полагаю, будетъ ясна причина, почему я возставаю противъ употребленія скобокъ и формулъ въ ариаметикѣ.

Чтобы покончить съ основными положеніями, приведу еще пять положеній и одно опредѣленіе, которыя понадобятся намъ впослѣдствіи.

Положеніе седьмое. Два члена, равные и съ противоположными знаками (впереди), взаимно уничтожаются:

$$a + b - b = a.$$

Въ самомъ дѣлѣ, число не измѣнится, если мы къ нему прибавимъ второе число и потомъ отнимемъ такое же число.

Опребленіе третье. Вычитаніе есть дѣйствіе обратное сложенію, гдѣ по данной суммѣ и одному слагаемому ищется другое слагаемое.

Положеніе восьмое. Чтобы умножить суммѣ чиселъ на какой нибудь множитель, нужно каждое слагаемое умножить на этотъ множитель и полученныя произведенія сложить:

$$(a + b) c = ac + bc.$$

Положеніе девятое. Чтобы умножить разность двухъ чиселъ на третье число, нужно уменьшаемое умножить на третье число, потомъ вычитаемое умножить на третье число, и изъ изъ перваго произведенія вычесть второе:

$$(a - b) c = ac - bc. *)$$

Положеніе десятое. Разность двухъ чиселъ не измѣнится, когда мы отъ каждаго числа отнимемъ поровну.

Положеніе одиннадцатое. Если одинъ изъ множителей равенъ нулю, то и все произведеніе равно нулю:

$$a \times 0 = 0.$$

Перейдемъ теперь къ алгебраическимъ дѣйствіямъ. На первыхъ порахъ мы ограничимся только тремя первыми дѣйствіями и исключимъ дѣленіе.

Изъ ариметики извѣстно: 1) чтобы прибавить суммѣ, нужно прибавить каждое слагаемое; 2) чтобы прибавить разность, нужно прибавить уменьшаемое и отъ суммы отнять вычитаемое:

$$a + (b + c) = a + b + c,$$

$$a + (b - c) = a + b - c.$$

Обобщая эти положенія, мы легко найдемъ слѣдующее, болѣе общее:

Положеніе двѣнадцатое. Чтобы прибавить многочленъ, нужно приписать его члены со стоящими передъ ними знаками; напр.

$$A + (b - c + d) = A + b - c + d.$$

Примѣчаніе. Передъ первымъ членомъ многочлена нѣтъ никакого знака. Чтобы послѣднее положеніе и всѣ дальнѣйшія положенія имѣли мѣсто, необходимо передъ первымъ членомъ подразумѣвать +.

Перейдемъ теперь къ вычитанію многочленовъ. Будемъ подразумѣвать подъ A какой либо многочленъ; положимъ, что къ нему нужно прибавить другой многочленъ: $b - c + d$. По опредѣленію вычитанія (опредѣленіе третье) нужно найти такой многочленъ, къ которому прибавивъ вычитаемое, получимъ уменьшаемое. Чтобы составить такой многочленъ, припишемъ къ уменьшаемому члены вычитаемого съ обратными знаками:

$$A - b + c - d.$$

*) Положеніе девятое можетъ быть выведено изъ положенія восьмого и опредѣленія третьяго.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы къ найденному многочлену прибавимъ вычитаемое, то на основаніи двѣнадцатаго положенія, получимъ:

$$A - b + c - d + b - c + d.$$

Уничтоживъ здѣсь, согласно седьмому положенію, равные члены съ противоположными знаками, мы дѣйствительно получимъ уменьшаемое. Отсюда вытекаетъ

Положеніе тринадцатое. Чтобы отнять многочленъ, нужно къ уменьшаемому приписать члены вычитаемого съ обратнымъ знакомъ:

$$A - (b - c + d) = A - b + c - d.$$

Перейдемъ теперь къ умноженію многочленовъ.

Положенія восьмое и девятое можно обобщить и вывести изъ нихъ правило для перемноженія многочленовъ. Для примѣра покажемъ, какъ находится произведеніе

$$(a - b)(c - d)$$

Обозначая $c - d$ одною буквою h , на основаніи положенія девятого, находимъ:

$$(a - b)h = ah - bh$$

Переставивъ множители (первое положеніе) въ каждомъ членѣ второй части и подставивъ вмѣсто h его значеніе $c - d$, получимъ:

$$(a - b)(c - d) = (c - d)a - (c - d)b.$$

Производя во второй части умноженія, на основаніи девятого положенія, находимъ:

$$(a - b)(c - d) = (ca - da) - (cb - db).$$

Сдѣлавъ во второй части вычитаніе, на основаніи тринадцатаго положенія, и переставивъ въ каждомъ членѣ множители, получимъ:

$$(a - b)(c - d) = ac - ad - bc + bd.$$

Изъ подобныхъ разсужденій мы выводимъ

Положеніе четырнадцатое. Чтобы умножить многочленъ на многочленъ, нужно каждый членъ множимаго умножить на каждый членъ множителя; при чемъ члены съ одинаковыми (впередѣ) знаками даютъ въ произведеніи членъ со знакомъ $+$ (впередѣ), члены же съ разными знаками даютъ въ произведеніи членъ со знакомъ $-$

Двучленъ, въ которомъ числа соединены минусомъ, напр.

$$a - b,$$

означаетъ, что изъ a нужно вычесть b . Вычитаніе возможно только въ томъ случаѣ, когда уменьшаемое a болѣе вычитаемого b . Но въ алгебрѣ намъ придется встрѣтить и такой двучленъ, когда изъ меньшаго числа вычитается большее, напр.

$$3 - 8.$$

Дадимъ такому двучлену особое названіе.

Опредѣленіе четвертое. Отрицательнымъ двучленомъ назовемъ такой двучленъ, въ которомъ изъ меньшаго числа приходится вычитать большее. Во-

обще отрицательнымъ многочленомъ мы назовемъ такой многочленъ, въ которомъ совершая дѣйствія въ указанномъ порядкѣ, начиная съ лѣвой стороны, мы приходимъ къ невозможному вычитанію, напр.

$$7 - 5 - 8 + 9.$$

Здѣсь указаны два вычитанія и одно сложеніе. Первое вычитаніе возможно, $7 - 5 = 2$; но второе вычитаніе, $2 - 8$, уже становится невозможнымъ.

Опредѣленіе пятое. Положительнымъ многочленомъ называется такой многочленъ, въ которомъ всѣ дѣйствія въ указанномъ порядкѣ, начиная съ лѣвой стороны, возможны, напр.

$$7 - 5 + 9 - 8.$$

здѣсь имѣемъ три возможныхъ дѣйствія:

$$7 - 5 = 2, 2 + 9 = 11, 11 - 8 = 3.$$

Положительный многочленъ послѣ перестановки членовъ по правилу, указанному во второмъ положеніи, можетъ иногда перейти въ отрицательный. Такъ положительный многочленъ:

$$7 - 5 + 9 - 8$$

послѣ перестановки двухъ послѣднихъ членовъ переходитъ въ отрицательный:

$$7 - 5 - 8 + 9.$$

Всѣ наши положенія имѣютъ мѣсто лишь для положительныхъ многочленовъ. Если мы желаемъ избѣгать отрицательныхъ многочленовъ, тогда въ положеніяхъ алгебры мы должны сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Такъ второе положеніе остается вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока положительный многочленъ не переходитъ въ отрицательный. Тѣ же выкладки, гдѣ, не смотря на всѣ предосторожности, встрѣчаются отрицательные многочлены, слѣдовало бы отбросить.

Алгебра стремится къ простотѣ и общности.

Простота и общность достигается въ томъ случаѣ, когда правила не многочисленны и не имѣютъ исключеній. Для достиженія этой цѣли въ кругъ нашихъ разсужденій необходимо включить и отрицательные многочлены.

Условіе четвертое. Распространимъ всѣ положенія, найденныя для положительныхъ многочленовъ и на отрицательные многочлены.

Прежде всего, согласно положенію десятому, отрицательный двучленъ

$$3 - 8$$

не измѣнится, когда мы отъ обоихъ чиселъ отнимемъ по 3, слѣдовательно

$$3 - 8 = 0 - 5.$$

Условіе пятое. Въ выраженіи

$$0 - 5$$

условимся отбрасывать нуль и писать такъ:

$$- 5.$$

это и будетъ простѣйшимъ выраженіемъ для отрицательнаго двучлена:

$$3 - 8 = - 5.$$

Определение шестое. Число со знакомъ минусъ впереди назовемъ отрицательнымъ числомъ.

Определение седьмое. Въ отличіе отъ отрицательныхъ чиселъ, положительными числами называемъ обыкновенныя числа, употребляемыя въ ариметикѣ; передъ ними нужно подразумѣвать впереди знакъ плюсь.

Покажемъ, какъ складываются отрицательныя числа съ положительными.

Распространяя правило сложения многочленовъ на отрицательные двучлены, (положеніе двѣнадцатое) находимъ:

$$7 + (0 - 9) = 7 + 0 - 9 = 7 - 9 = -2.$$

$$8 + (0 - 5) = 8 + 0 - 5 = 8 - 5 = 3,$$

Отбрасывая нули, имѣемъ:

$$7 + (-9) = -2,$$

$$8 + (-5) = 3.$$

Отсюда вытекаетъ

Положеніе пятнадцатое. Чтобы сложить положительное число съ отрицательнымъ, нужно на самомъ дѣлѣ ихъ вычесть и поставить знакъ большаго количества.

Чтобы показать, какъ складываются отрицательныя числа между собою, беремъ два отрицательныхъ двучлена съ нулями впереди и складываемъ ихъ по правилу, изложенному въ положеніи двѣнадцатомъ:

$$(0 - a) + (0 - b) = 0 - a + 0 - b.$$

Переставивъ во второй части второй членъ съ третьимъ, получимъ

$$(0 - a) + (0 - b) = 0 + 0 - a - b.$$

Примѣнивъ ко второй части третье положеніе, получимъ:

$$(0 - a) + (0 - b) = 0 + 0 - (a + b).$$

Отбросивъ нули, найдемъ окончательно:

$$(-a) + (-b) = -(a + b).$$

Отсюда вытекаетъ

Положеніе шестнадцатое. Чтобы сложить отрицательныя числа между собою, нужно ихъ на самомъ дѣлѣ сложить и предъ суммою поставить знакъ минусъ.

Перейдемъ теперь къ вычитанію отрицательныхъ чиселъ.

Пусть A означаетъ положительный или отрицательный многочленъ, или положительное или отрицательное число. Положимъ, что изъ A требуется вычесть отрицательное число $-b$. Примѣняя положеніе тринадцатое, находимъ:

$$A - (0 - b) = A - 0 + b.$$

Отбрасывая нули, имѣемъ:

$$A - (-b) = A + b.$$

Отсюда вытекает

Положение семнадцатое. Чтобы вычесть отрицательное число, нужно прибавить равное ему по величинѣ положительное число.

Остается дать правило для перемноженія положительныхъ и отрицательныхъ чиселъ между собою.

Прежде всего замѣтимъ, что произведеніе положительныхъ чиселъ даетъ также положительное число.

Распространивъ девятое положеніе на отрицательные двучлены, находимъ:

$$(0 - a) b = 0 \cdot b - ab.$$

Но первый членъ на основаніи положенія одинадцатаго обращается въ нуль; отбросивъ нули, найдемъ:

$$(-a) b = -ab.$$

Распространивъ положеніе четвертое и на отрицательныя числа, найдемъ:

$$b(-a) = (-a)b = -ab.$$

Отсюда заключаемъ, что произведеніе двухъ чиселъ съ разными знаками есть число отрицательное.

Распространивъ четырнадцатое положеніе на отрицательные двучлены, найдемъ:

$$(0 - a)(0 - b) = 0 \cdot 0 - 0 \cdot b - a \cdot 0 + ab.$$

Принявъ во вниманіе одинадцатое положеніе и отбросивъ нули, получимъ:

$$(-a)(-b) = +ab.$$

Изъ сказаннаго вытекаетъ

Положеніе восемнадцатое. Чтобы умножить два числа, каждое изъ которыхъ можетъ быть и положительнымъ, и отрицательнымъ, нужно ихъ на самомъ дѣлѣ перемножить и поставить знакъ плюсъ, если оба числа имѣютъ одинаковые знаки, и знакъ минусъ, если—разные знаки.

Мы изложили дѣйствія надъ отрицательными числами; теперь необходимо выяснитъ ихъ реальное значеніе.

Есть такія величины, которыя могутъ быть отсчитываемы до бесконечности въ двѣ противоположныя стороны, напр., время. Къ данному времени мы можемъ прибавлять сколько угодно разъ по одному часу и будемъ получать будущія времена; отъ даннаго времени мы можемъ также отнимать сколько угодно разъ по одному часу и будемъ получать прошедшія времена. Какъ же отсчитывать время? Что подразумѣвать подъ нулемъ времени?

Произвольный моментъ времени можно принять за нуль; отъ этого момента время можно отсчитывать и въ одну, и въ другую сторону; времена, отсчитываемыя въ одну сторону, считаются положительными, въ другую—отрицательными. Въ исторіи принято отсчитывать времена отъ Рождества Христова. Когда говорится о времени, то дѣйствительно можно изъ меньшаго времени вычитать большее. Возьмемъ примѣръ.

Разрушеніе Іерусалима случилось въ 70-мъ году по Р. Х., а покореніе Іудей случилось 133-мя годами ранѣе. Въ какомъ году случилось покореніе Іудей?

Для рѣшенія нашей задачи нужно изъ 70 вычесть 133. По данному раньше правилу имѣемъ

$$70 - 133 = - 63.$$

Получилось отрицательное число, а это показываетъ, что покореніе Іудей случилось не послѣ, а до Р. Х. въ 63-мъ году.

Но не всѣ величины могутъ быть отсчитываемы до безконечности въ обѣ стороны. Такъ, къ данному вѣсу можно прибавлять сколько угодно разъ по одному фунту, но отнимать отъ даннаго вѣса по одному фунту можно лишь до тѣхъ поръ, пока получится или нуль, или меньше одного фунта, дальнее вычитаніе уже становится невозможнымъ.

Величины, могущія отсчитываться до безконечности только въ одну сторону, называются *абсолютными величинами*. Нуль для такихъ величинъ означаетъ отсутствіе величины. Такой нуль называется *абсолютнымъ нулемъ*.

Величины, могущія подобно времени отсчитываться въ обѣ стороны до безконечности, называются *относительными величинами*. Такія величины не имѣютъ абсолютнаго нуля. Для отсчитыванія подобныхъ величинъ нужно за исходный пунктъ принять произвольную величину. Величины, отсчитываемыя въ одну сторону, считаются *положительными*, въ другую — *отрицательными*. Величина, принятая за исходный пунктъ отсчитыванія, называется *относительнымъ нулемъ*.

Положительныя и отрицательныя числа суть абстракціи положительныхъ и отрицательныхъ величинъ.

Познакомившись съ отрицательными числами, мы можемъ теперь перейти къ *высшей ступени символизации*: подъ буквами будемъ подразумѣвать не только положительныя, но и отрицательныя числа.

Все изложенное здѣсь я предлагаю принять г.г. педагогамъ въ руководство при первоначальномъ преподаваніи алгебры. Думаю, что мною выяснены мельчайшія подробности начальной алгебры, и въ умахъ учениковъ не останется никакихъ сомнѣній.

В. Ермаковъ.

ВЕСНА.

Мнѣ сегодня явилась она,
Вся въ душистой сирени, весна;
Бѣлыхъ вишень и грушъ лепестки
Она сыпала щедрой рукой,
Блѣдно-розовыхъ яблонь цвѣтки
Обвивали ей станъ молодой.
«Ты знакома, волшебница, мнѣ»,
Я прекрасной сказала веснѣ,
«Призракъ мертвый, далекой весны,
Мнѣ навѣявшей сладкіе сны!
Не тревожь меня, блѣдная тѣнь!
Та давно отцвѣла ужъ сирень,
И давно тотъ замолкъ соловей,
Что училъ меня пѣснѣ своей!»
— «Я не призракъ», шептала она,
«Я все та-же, все та-же весна,
И все тѣ-же поэмы любви
Распѣваютъ мои соловьи.
И все тѣ-же сирени цвѣтутъ,
Тѣ жъ мечты въ моемъ царствѣ живутъ,
Только сердце твое отцвѣло
И воскреснуть со мной не могло!»

А. Львова.

БЕНЕФИСЪ.

Набросокъ.

Атерина Арсеньевна Вахрамѣева, по сценѣ Звонская, торопливо причесывалась, поглядывая въ небольшое, тусклое, да еще и сбоку треснувшее зеркало въ деревянной рамкѣ. Руки ея дрожали отъ спѣха, по ненагримированному пожилому лицу ея горѣли отъ волненія красныя пятна. На лампѣ грѣлись щипцы, распространяя запахъ копоти и гари. Часть подвитой чолки комично торчала надъ прядями жидкихъ, плоскихъ, еще не завитыхъ волосъ. Въ одной бѣлой, туго накрахмаленной юбкѣ и разорванной кофточкѣ, плохо прикрывавшей старенькій корсетъ—она не чувствовала холода, отъ котораго окно ея крохотной уборной покрылось разнообразными узорами. Она тревожно къ чему-то прислушивалась, и безпокойство все сильнѣе и сильнѣе проступало на ея лицѣ.

— Акинфій, Акинфій, позвала она, просунувъ голову въ дверь:—эй, кто тамъ, пошлите ко мнѣ Славскаго... Акинфія Петровича...

— Иду, иду...

Въ уборную вошелъ очень высокій, худой какъ щепка человекъ съ впалой грудью и землистаго цвѣта бритымъ лицомъ,—мужъ Звонской.

— Ну что, согласны? Будутъ? лихорадочно набросилась она на вошедшаго.

— Мм... говорятъ—деньги впередъ, тогда и будутъ... иначе ни-ни, не соглашаются... А денегъ-то у насъ въ кассѣ 19 р. 80 копѣекъ... и уже половина восьмаго. Отдать имъ 15,—а остальные-то расходы, афиши, зала... Вотъ тутъ и думай... Ужъ право какъ и быть-то, не знаю... Можетъ быть и безъ музыки бы можно, а?... нерѣшительно сказалъ Славскій, робко взглянувъ на жену.

— Съ ума ты спятилъ, болванъ, рѣзко вскрикнула та:—бенефисъ и вдругъ безъ музыки... Ничего не подѣлаешь—предложи имъ половину сей-часъ же, а остальное послѣ спектакля, пусть идутъ играть!

— Предлагаешь, не соглашаются, уныло заявилъ мужъ:—а если и половину отдать, такъ все же расходы не покроются... а хозяйка говорила, что если и послѣ бенефиса не расплатимся—выгнать... Выгнать, легко сказать—куда теперь пойдемъ съ Вѣрочкой и Варей... Обѣ на ладанъ дышать, чуть живы...

— А, хоть бы уже померли скорѣе, съ дикимъ, озлобленнымъ отчаяніемъ вскричала Катерина Арсеньевна:—лучше умереть, чѣмъ эдакъ-то жить. Развѣ это жизнь, это каторга, а не жизнь!... Ну, двигайся, чего ротъ разинулъ... Ступай, дай имъ денегъ, будь они прокляты, и пусть идутъ играть... Наша публика привыкла поздно собираться, авось еще набѣжитъ что-нибудь... И, вѣдь, какая пьеса-то!... «Блуждающіе огни» всегда моей любимой пьесой были и роль Лидіи моя коронная... Въ Ростовѣ-то, Ростовѣ, а? помнишь? Брильянтовую брошь приподнесли, шпильку такую же въ волосы, а ужъ вѣнкамъ и букетамъ счету не было... Господи, а сбору-то по возвышеннымъ цѣнамъ—восемьсотъ тридцать рублей привалило...

— Да вѣдь это когда же было, робко замѣтилъ Акинфій Петровичъ—ты еще тогда совсѣмъ молоденькой была, поклонниковъ массу имѣла... а теперь...

— Ахъ, замолчи, идиотъ, безъ тебя знаю, что это было уже довольно давно. Нечего мнѣ напоминать, что прежде, до моего замужества съ тобою, я была и красивѣе, и успѣхомъ пользовалась, и поклонниковъ имѣла... Нѣтъ, понесло за тебя, вислоухаго! Что ни годъ—съ приглашеніемъ семейства поздравляютъ. Останешься тутъ красивой, какъ же!... Ну, пошелъ, уладь съ музыкантами и ступай гримироваться... Да смотри, чтобы Поливановъ далъ тебѣ не старый свой коричневый сюртукъ, а черный, новый... А то вдругъ Макс и въ старомъ коричневомъ сюртукѣ...

— Да, возьму, если дастъ... А если никакого не дастъ? Тоже, вѣдь, говорить—очень нужно мнѣ гардеробъ свой на васъ портить... Свое имѣйте... Попрошу пойду, а дастъ-ли—не знаю, уныло отвѣтилъ Славскій и пошолъ къ двери.

— Да пошли ко мнѣ Абрикосову, погляжу, что еще та напаялила.

— Ладно.

Волосы подвиты, прическа сооружена и на маковкѣ воздвигнута эгретка изъ красныхъ перьевъ. Перья эти сдѣланы собственными средствами—изъ коленкоровой бахромки, но издали ничего, сойдутъ за настоящія, такъ, по крайней мѣрѣ думаетъ артистка Звонская. Лицо наскоро покрывается слоємъ бѣлилъ, худая, жилистая, какъ ручка контрабаса, шея—тоже. Но плохія бѣлила плохо пристають къ дряблой, покрытой частыми ранними морщинами кожѣ. Получаются какія-то пятна, которыя выводятъ изъ себя Катерину Арсеньевну. Щеки подрумянены, глаза подведены—гримъ сдѣланъ.

Въ двери уборной постучали.

— Кто тамъ, входите, нетерпѣливо крикнула Звонская, пудра передъ зеркаломъ нагримированное лицо.

— Вы меня звали, Катерина Арсеньевна, прозвучалъ тоненькій жеманный голосокъ за спиною:—я пришла... Вамъ чтонибудь нужно отъ меня?

— Я хотѣла у васъ попросить вашу стразовую брошку. Я бы пришла къ вамъ сама, но я еще, какъ видите, не одѣта, мягкимъ и просительнымъ тономъ заговорила Звонская, окидывая завистливымъ, не упустившимъ ни одной мелочи, взоромъ хорошенькій блѣднозеленый кисейный туалетъ Абрикосовой—Дѣли въ «Блуждающихъ огняхъ».

— Хорошо, я вамъ ее дамъ, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ въ тонѣ сказала *ingenue comique* и *dramatique*, повернувшись чтобы уйти и рисуясь своею черною кружевной шляпою съ гирляндой ландышей:—тамъ, за кулисами Матрена, она говоритъ, что дѣти ваши уснули, что не вѣкъ ей торчать возлѣ нихъ, ничего имъ не сдѣлается и хочетъ остаться на спектакль. Жалованья, говоритъ, все равно не заплатятъ, пусть хоть въ «кѣтръ» похожу. *Ingenue* засмѣялась своимъ дѣланнымъ театральнымъ смѣхомъ и съ любопытствомъ посмотрѣла на Звонскую.

У той лицо перекосило отъ сдерживаемой ярости, но она постаралась презрительно улыбнуться и небрежно произнесла:

— Ахъ она, дрянъ эдакая... Бросить больныхъ дѣтей!... «Ничего имъ не сдѣлается»... Я съ ней поговорю по своему, пусть подождетъ... Вы уходите—пошлите мнѣ ее, голубушка Александра Ефимовна... Какая у васъ восхитительная шляпка и какъ вамъ идетъ... прелестъ, прелестъ!

— Да, ничего себѣ... Это все сумазбродъ Лешетилловъ... берите, говорить, все что хотите въ магазинахъ, а счета присылайте мнѣ... А мнѣ то что же послѣ этого церемониться!... Влюбленъ, какъ дуракъ. Вотъ погодите, говорить, до вашего бенефиса, я имъ покажу, какъ у насъ бенефициантовъ чествуютъ, я имъ покажу, говорить, кузькину мать... «Кузькину мать»—такъ и говорить, ха-ха!...

Абрикосова ушла. Звонская потрясла ей вслѣдъ стиснутыми кулаками и прошипѣла въ порывѣ изступленной ярости: «мерзавка, дѣвчонка подлая—туда же еще язвить!... Я бы тебѣ показала кузькину мать»...

Звонская надѣла простое, бумажнаго атласа платье—съ длиннымъ, потрепаннымъ треномъ. Сшитое нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—оно никакъ не приходилось по ея измѣнившейся фигурѣ. Въ талии оно не сходилось вовсе и, обтянутое по старой модѣ, особенно рельефно выдавало ея интересное положеніе. Кой-какъ задрапировала она не застегивавшійся лифъ старенькою кремовою бумажною косынкою—«все же на кружева будетъ похоже», подумала она.

Въ уборную ввалилась дюжая, краснощекая дѣвка въ ситцевомъ платьѣ, драповой кофточкѣ и тепломъ платкѣ. Увидѣвъ ее, Катерина Арсеньевна почувствовала приливъ такой ярости, что на мгновеніе задохнулась даже и

потеряла способность говорить. Придя немного въ себя, она притворила дверь, чрезъ которую врывались звуки какого-то марша и, подойдя вплотную къ hladнокровно хлопающей глазами дѣвкѣ, хрипло и сдавленно спросила:

— Какъ ты смѣла, негодная, оставить дѣтей и придти сюда? У кого ты спрашивалась, а?

Дѣвка похлопала глазами и отвѣтила:

— А чего я тамъ буду сидѣть? Обѣ спать, я и пошла... Небось, будутъ спать, ничего...

Катерина Арсеньевна находилась секунду въ раздумѣ—отвѣсить-ли Матренѣ плюху или нѣтъ, но совлала съ собою и повелительно произнесла:

— Сію минуту пошла домой и сиди при дѣтяхъ... Могутъ проснуться, испугаются, что однѣ, еще съ постели встанутъ, искать тебя пойдутъ... Гдѣ это видано больныхъ дѣтей бросать... Дура ты эдакая!... Иди и сиди съ дѣтьми... а то паспортъ вѣдь твой у меня—я тебѣ на паспортъ такое пропишу, что тебя послѣ этого никуда на службу не примутъ... Слышишь?

— Слышу!... А еще барыня!... Жалованья не платятъ, а туда же еще на паспортъ будете прописывать... Нѣту вамъ права на меня ничего прописывать, я не гулящая какая, прости Господи! Сиди все да сиди дома... Чѣмъ такая служба, лучше въ тюрьмѣ сидѣть... Каторжные! И Матрена вышла, хлопнувъ дверь. Катерина Арсеньевна сдѣлала было гнѣвное движеніе за нею, но удержалась и махнула рукой.

— Готовы? Скоро-бы и начинать пора, спросилъ кто-то за дверью.

— Готова, готова... Слушайте, Ярскій, какъ сборъ?...

— А не знаю... Публики что-то очень мало... Можетъ попозже соберутся.

Дверь съ трескомъ распахнулась, влетѣлъ полузагримированный Славскій въ старенькомъ коричневомъ сюртукѣ съ побѣлѣвшими швами.

— Рабочіе ничего не хотятъ дѣлать. Говорятъ—сначала заплатите, а то декорацій не разставимъ, занавѣса не поднимемъ и лампъ зажигать не станемъ... Все побросали, декораціи перепутали, перемѣшали и стоятъ себѣ, да поругиваются, торопливо и перепуганно заявилъ онъ.

Тутъ ужъ Катерина Арсеньевна не выдержала. Безпомощныя, злыя слезы брызнули изъ ея глазъ. Порывистымъ движеніемъ оттолкнула она мужа и бросилась изъ уборной, путаясь въ платьѣ, натыкаясь на декораціи и опрокидывая по дорогѣ кой-какую мебель, собранную для обстановки «Блуждающихъ огней».

До совершенно потерявшагося Славскаго и любопытно выглянувшей изъ своей уборной Абрикосовой донесся взрывъ бѣшеныхъ рыданій, перемѣшанныхъ съ гнѣвными криками, проклятіями и грубой бранью. Потерявшая самообладаніе женщина изливала всю свою безысходную муку, всю накопившуюся горечь въ совершенно безумной формѣ. Она думала о больныхъ, полуголод-

ныхъ дѣтяхъ, брошенныхъ нянькой, она видѣла, что сбора не будетъ, съ ужасомъ заглядывала въ недалекое будущее, грозившее нищетой, голодомъ, насильственной смертью, и чаша ея терпѣнія переполнилась.

Уставившись лихорадочно пылающими, покраснѣвшими отъ слезъ глазами въ апатическое, бѣлобрысое лицо пожилого плотника, она, не помня себя, выкрикивала безсвязныя слова, внушенный ей ея изступленіемъ. Она кричала, что если у него есть дѣти, какъ у нея, пусть они будутъ прокляты, пусть и имъ придется, какъ ея дѣтямъ, валяться безъ всякаго надзора въ нетопленной комнатѣ, голодными...

Плотникъ слушалъ-слушалъ, потомъ вдругъ учашенно заморгать глазами и, почесывая затылокъ, объявилъ, что онъ ничего, пожалуй, разставить декораціи. За нимъ согласились и двое остальныхъ рабочихъ помоложе.

Спектакль начался. Когда, послѣ вступительнаго монолога, въ первомъ актѣ, Лидія встала на встрѣчу Максѣ въ старенькомъ коричневомъ сюртукѣ и Лелѣ—въ публикѣ послышался смѣхъ—до того была некрасива несчастная актриса со своей изуродованной фигурой въ старомодномъ платьѣ. Лидія слегка съежилась, какъ ежится старая, заморенная, безсильная кляча подъ нещадными ударами кнута. Максъ подъ шумокъ успѣлъ ей сообщить, что сбору не прибавилось. Сердце Лидіи замерло на мгновеніе. Какъ во снѣ повторяла она слова, подсказываемыя ей суфлеромъ, не зная и не понимая, что она повторяетъ и не слыша ни смѣха, ни безцеремонныхъ выраженій неудовольствія изъ публики. Такъ прошло три акта. Вызывали Абрикосову и свистали Звонской и Славскому. Но, несмотря на крики «Абрикосова одна»,—упорно выходили и они, кланяясь на всѣ стороны и улыбаясь машинальной, вымученной улыбкой. Начался послѣдній актъ (одно дѣйствіе, что у Диковскаго, пропустили). Не успѣли дѣйствующія лица произнести по нѣсколько словъ—какъ вдругъ за кулисами произошло волненіе, послышался чей-то взволнованный голосъ, потомъ заговорили разомъ; Лидія въ смутной тревогѣ прислушивалась, стараясь разобрать что-нибудь въ этомъ шумѣ и сообразить, въ чемъ дѣло. И вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Не договоривъ фразы, Лидія на секунду остановилась неподвижно, затѣмъ страшно вскрикнула и стремительно убѣжала со сцены, судорожно заломивъ руки.

Въ публикѣ и на сценѣ произошелъ переполохъ, актеры постояли-постояли и ушли со сцены, зрительный залъ огласился негодующими и тревожными возгласами. Публика стала расходиться. Катерина Арсеньевна, уловившая необычайно напряженнымъ слухомъ, слово «кончается», произнесенное голосомъ Матрены,—поняла, что значилъ этотъ шумъ за кулисами. Ея дитя умирало,—и силы оставили ее. Будь, что будетъ, но она мать, а ея дитя умираетъ одинокое, изголодавшееся, иззябшее, заброшенное. Она не разъ желала, чтобы дѣти ея умерли, но когда смерть пришла—дикое отчаяніе охватило ее. Она не разспрашивала Матрену ни о чемъ, но, тупо глядя на нее обезумѣвшими глазами, срывала съ себя костюмъ. Изъ ея полуоткрытыхъ,

пересохшихъ губъ порою вырывался стонъ. А Матрена что-то тянула своимъ плаксивымъ голосомъ и ее слушала кучка столпившихся актеровъ и рабочихъ. Слушала и Абрикосова въ изящномъ черномъ платьѣ, стоявшая поодаль подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, обыкновеннаго типа купчикомъ саврасомъ. Онъ раза два что-то шепнулъ ей посмѣиваясь на ухо, но она рѣзко его оборвала. И когда у Катерины Арсеньевны со стономъ вырвалась фраза: «и похоронить-то ее неважно»,—губы ingenuе задрожали, и она торопливо подошла къ несчастной.

— Не убивайтесь, голубушка—я вамъ помогу, тихонько шепнула она ей и прибавила громче:—надѣвайте-ка пальто и поѣдемъ... Акинфій Петровичъ уже готовъ... А вы, Хрисанфъ Акимычъ,—можете пѣшкомъ отправляться домой,—ваши лошади мнѣ самой нужны.

Отойдя всторону, она что-то шепнула Лешетилову и вернулась къ Звонской.

— А какъ-же касса, платить вѣдь надо... рабочимъ, за залу... афиши, чуть слышно вымолвила Катерина Арсеньевна, ни къ кому не обращаясь.

— А это ужъ не беспокойтесь, засмѣялась ingenuе:—вотъ мы Хрисанфа Акимыча оставимъ при кассѣ, онъ все это оборудуетъ намъ. Давайте, я вамъ завяжу платокъ, вещи ваши моя Надька соберетъ.

Усаживаясь въ роскошныя сани Лешетилова ingenuе весело засмѣялась и самодовольно объявила:

— Вотъ и Хрисанфа пригодился. Не плачьте, Катерина Арсеньевна. Все уладимъ. Авось, Богъ милостивъ. Пошлемъ за докторомъ, велимъ затопить печку, купимъ чего надобно—все сдѣлаемъ. Во!... и Абрикосова повертѣла передъ Звонской радужной бумажкой.

— Мнѣ что—не свои вѣдь трачу. Пусть моя дубинушка стоеросовая хоть нехотя добро кому-нибудь сдѣлаетъ. И то ладно.

И сани уѣхали.

Е. Бердяева.

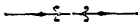
ЗИМА.

Степь снѣговая, луною залитая.
Въ саванѣ бѣломъ лежитъ;
Ночь голубая, звѣздами повитая,
Мертвую степь сторожить.

Ночью морозною, думы холодныя
Сердце мое леденять,
Чувства отжившія, грезы безплодныя
Въ сердцѣ застывшемъ дрожать.

Тѣни прошедшаго—призраки блѣдныя
Въ саванахъ бѣлыхъ встаютъ;
Вьюги разносятъ ихъ стоны безслѣдныя,
Сердцу заснуть не даютъ.

А. Львова.

ЛЕЛЯ.

(Отрывокъ изъ ненапечатаннаго романа „Полымя“).

елѣ уже минулъ двадцать одинъ годъ. Бѣдная дѣвушка—она рано осталась сиротою. При переходѣ въ седьмой классъ ее какъ-то по-звали къ начальницѣ. Маман встрѣтила ее торжественно и прежде чѣмъ сообщить «дѣвочкѣ» о смерти отца, нѣсколько разъ прикладывала къ глазамъ тонкій батистовый платокъ. Надо прибавить, впрочемъ, что какъ глаза, такъ и платокъ оставались одинаково сухи! Поцѣловавъ Лелю, она болѣе по привычкѣ поправила ей пелеринку, посвятила la pauvre petite въ великую тайну о томъ, что мы всѣ рано или поздно должны умереть. Затѣмъ, освѣдомясь о томъ, когда она получила послѣднее письмо отъ отца, патетически воскликнула: «плачь, плачь, бѣдное дитя, небо отозвало его къ себѣ, Провидѣнію понадобилась его добрая душа!» «Бѣдное дитя» плакало нѣсколько дней, хотя толкомъ само не понимало, о чемъ. Ея отецъ не жилъ съ ея матерью—Леля его помнила смутно, но все-таки не настолько, чтобы не сообразить, какую въ данномъ случаѣ небо сдѣлало ошибку: «добрая душа» часто заставляла ея мать плакать. Наканунѣ окончательнаго разрыва, отецъ ея являлся домой только для того, чтобы орать на несчастную забитую женщину, швырять чѣмъ ни попало въ зеркала, топтать на всѣхъ такъ, что взбодораженные жильцы снизу посылали узнать: «что наверху случилось?» Зачѣмъ небу понадобилась его душа, Леля не знала, но ея положеніе бѣдной сиротки все-таки было довольно интересно. Во-первыхъ, ею всѣ занимались, даже самыя свирѣпыя классныя дамы, у которыхъ губы давно свело въ ниточку, а носы отъ злости заострились на подобіе дротиковъ, и тѣ гладили ее по головкѣ и называли сироткой. Учителя ставили ей высшіе баллы, а подружки закармливали конфетами и въ ея альбомѣ писали чувствительныя посланія, гдѣ почему то слово «сирота» рифмовалось съ «заботою», а ея «милому» отцу рекомендо-

валось распуścić свои бѣлоснѣжныя крылья и слетѣть къ изголовью Лели, чтобы окропить его райскими слезами». Начальница института, узнавъ, что за дѣвочку будетъ платить ея тетка, еще усугубила свою нѣжность, и «бѣдный ангелъ», такимъ образомъ, плавалъ въ цѣломъ морѣ общаго сочувствія. Черезъ два года она окончила институтъ—и тутъ то ея интересная роль совершенно оборвалась. Тетка сочла всѣ свои обязанности выполненными, тѣмъ болѣе, что уѣхала въ Ниццу и тамъ вышла замужъ за какого-то экс-крупье, обольстившаго ее своими выпученными черными глазами, блѣднымъ (поэтическимъ) цвѣтомъ лица—результатомъ меркуріальнаго лѣченія и бородкой Henri IV. Леля осталась одна въ цѣломъ свѣтѣ, лицомъ къ лицу со страшнымъ и невѣдомымъ ей океаномъ жизни, во вспѣнныхъ волнахъ котораго гибли и болѣе опытные пловцы. Незнаніе людей еще помогало дѣвушкѣ оставаться спокойной, впрочемъ до того момента, когда начальница пригласила ее къ себѣ и задала «бѣдному ангелу» довольно суровый вопросъ:

— Что вы, моя милая, думаете дѣлать съ собою?

Raucure petite отлично знала, гдѣ находится Пекинъ и Вальпарайзо, какіе подвиги совершалъ Мстиславъ Удалой, но къ разрѣшенію подобной дилеммы не была подготовлена вовсе.

— Что вы, моя милая, думаете дѣлать съ собою?

Самымъ естественнымъ было бы отвѣтить: этому насъ не учили! Но вмѣсто того она растроганно проговорила:

— Я думала посвятить всю себя счастію моихъ близкихъ.

— Это, ma chère, прекрасно и дѣлаетъ вамъ честь, но какъ именно вы это выполните?

— Я, маман, буду стараться! У меня за сочиненія всегда было пять съ плюсомъ, изъ географіи тоже. Потомъ madame Крапуткина говорила, что у меня прекрасное туше.

— Но куда вы пойдете отсюда? Есть у васъ родные, знакомые, которые пріютятъ васъ?

— Моя подруга Шура Барсукова меня звала къ себѣ.

— Да, но ея матушка небогатая женщина и живетъ далеко! Въ Симбирской губерніи гдѣ-то! Ваша тетя сама вышла замужъ. Она вамъ прислала триста рублей на то чтобы одѣться, и только. Даже просила васъ больше на нее не рассчитывать... У васъ есть еще родные?

— На небесахъ!

И Леля сочла необходимымъ прослезиться.

— Я надѣюсь на Бога, маман, и буду ему молиться! Онъ меня не оставитъ!

— Вотъ что: я не могу допустить, чтобы вы погибли. Пока я вамъ не прищипу чего-нибудь, вы останетесь при институтѣ пепиньеркой. Я не

могу дать вамъ жалованья, но я буду о васъ заботиться. А тамъ мы посмотримъ, можетъ быть найдется что-нибудь и получше. Такъ вы помните,—ваше поведеніе должно быть примѣромъ всеѣмъ моимъ воспитанникамъ.

Такимъ образомъ оказалось, что Вальпарайзо и Мстиславъ Удалой вовсе не такъ бесполезны. Леля осталась при институтѣ, что дало случай ея подругамъ выразить всю полноту своей любви къ ней. Одна присылала ей конфетъ отъ Флей, другая вышила ей русскимъ узоромъ полотенце, третья разрисовала ей саше для платковъ, четвертая поссорилась даже съ братомъ, убѣждая его жениться на Лелѣ, въ полномъ убѣжденіи, что нѣтъ такого каменнаго мужскаго сердца, въ которомъ Мстиславъ Удалой и Вальпарайзо не пробили бы глубокой бреши. Но конфеты отъ Флей были скоро съѣдены, полотенце съ русскимъ узоромъ истрепалось, саше съ пестрыми незабудками полиняло, а братцы принадлежали къ нынѣшнему благоразумному поколѣнію и взаимнѣ Мстиславовъ Удалыхъ требовали отъ невѣстъ—процентныя бумаги или, по крайней мѣрѣ, служебную протекцію, а въ ожиданіи довольствовались маскарадами нѣмецкаго клуба. Лелю первое время часто приглашали на свадьбы. Ея подруги, удовлетворявшія этимъ условіямъ, выходили довольно быстро замужъ. Леля, уже вошедшая въ роль пенишьерки, давала имъ подробныя наставленія о томъ, чего сама не знала, т. е. какъ слѣдуетъ жить, и сжимала губы, начинавшія у нея блѣднѣть и сохнуть, довольно строго прислушиваясь къ разсужденіямъ болѣе легкомысленныхъ товарокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ у нея неизбѣжно стали бы болѣть зубы, отъ нея запахло-бы камфорою, еще немного спустя, она бы высохла, носъ заострился бы на подобіе копья, губы свело бы въ ниточку, и она перестала бы даже и гадать на трефоваго короля. Тѣмъ болѣе, что стѣны института, казалось, все выше и выше подымались между нею и окружающимъ міромъ. Все меньше и меньше, по мѣрѣ того какъ старыхъ подругъ оставалось меньше. Жизнь съ ея волненіями и тревогами, съ ея заботами, радостями и печальми, отливала куда-то прочь, оставляя за собою бесплодныя песчанья отмели. Скоро и послѣднія понятія объ этой жизни Леля утратила совсѣмъ. Въ этомъ отношеніи институтскія дамы и китайскіе богдыханы поставлены въ совершенно одинаковыя условія. Жизнь не смѣетъ ихъ касаться, и даже, выѣзжая,—однѣ изъ своихъ педагогическихъ темницъ, другіе изъ своихъ дворцовъ, видятъ передъ собою только чуждыя имъ пустыя улицы невѣдомаго народа. Первые сплосхи ея грезъ, сладостный трепетъ сердца и вѣющія ночью дѣвичьи сновидѣнія—связаны были съ русою бородою батюшки. Остальные учителя выбирались для подобныхъ заведеній специально и представляли такой подборъ, что ничьей души развеселить бы не могли. Батюшка, впрочемъ, былъ отцомъ многочисленнаго семейства. Одинъ изъ

профессоровъ, именно русской словесности, обратилъ было на Лелю свое вниманіе и даже со слезами на глазахъ декламировалъ не разъ:

«И въ рубищѣ почтенна добродѣтель!»

но, во-первыхъ, ему было пятьдесятъ восемь, во-вторыхъ, онъ красилъ бороду въ лиловый цвѣтъ и душился пачулями, въ-третьихъ, на жилетѣ у него всегда оставалось меню отъ его завтрака, а въ носу помѣщалась какая то странная машинка, аккомпанировавшая дикимъ сопѣніемъ его мастерской декламации. Сверхъ этого, никто изъ воспитанницъ не могъ, глядя на него, разрѣшить вопроса: кто носить его чистое бѣлье? Тѣмъ не менѣе Леля начинала поглядывать на него довольно благосклонно, но разъ на институтскомъ балу онъ потерялъ свой парикъ и голова его оказалась точною копіей бѣлыхъ камышинскихъ арбузовъ. Послѣ этого Леля съ особеннымъ выраженіемъ начала пѣть:

«Pleurez, pleurez mes yeux!»

и при словѣ «мужчина» какъ то поджимала губы внутрь, что должно было означать величайшее презрѣніе ко всѣмъ представителямъ этого рода! Арбузъ, получившій у нея афронть, утѣшился, женившись на своей кухаркѣ и пересталъ красить бороду, и вмѣсто: «и въ рубищѣ почтенна добродѣтель!» декламировалъ съ меньшимъ одушевленіемъ:

«Коварныя сердца не вѣдаютъ пощады!...»

Разъ какъ-то къ ней въ институтъ пріѣхалъ молодой студентъ съ порученіемъ отъ сестры,—ея подруги. Леля послѣ долго мечтала о немъ, но ея грезы были самаго невиннаго свойства. Ей представлялась громадная зала, вся залитая огнями. За зеленью, за пышными, вихровидными листьями латаній—играетъ невидимый оркестръ. Въ залѣ нѣтъ никого, и только она съ нимъ несутся въ «вихрѣ вальса».—Куда и зачѣмъ—неизвѣстно! Она купила себѣ тетрадку, озаглавила ее «mes douleurs» и выписала туда письмо Татьяны къ Онѣгину. По вечерамъ, неопредѣленно глядя въ пространство, она читала вслухъ:

Я вамъ пишу, чего же болѣе?

Что я могу еще сказать?...

Теперь я знаю—въ вашей волѣ

Меня презрѣньемъ наказать!...

а при словахъ: «зачѣмъ вы посѣтили насъ—въ глуши забытаго селенья?» на ея глаза навертывались непрошенныя глупыя слезы, и она, повидимому, ни съ того ни съ сего бросалась и цѣловала одну изъ воспитанницъ старшаго курса—дѣвицу столь мужественнаго вида, съ такими громадными черными бровями, усами надъ верхнею губою и нѣкоторымъ подобіемъ бакенбардъ отъ висковъ внизъ, что во время институтскихъ танцклассовъ

она исполняла роль кавалера; на клиросѣ она пѣла густымъ контраalto, такимъ, что весьма было затруднительно объяснить его отличіе отъ настоящаго баса. Она любила больше всего на свѣтѣ картофель въ рубашечкѣ и почему то между подругами носила прозвище Монтезумы. Объятія Лели такъ надѣли Монтезумѣ, что при первыхъ словахъ

«Я вамъ пишу, чего же болѣ?»

Монтезума старалась помѣстить между Лелей и собою, по крайней мѣрѣ, столъ, а когда это не подѣйствовало, толкнула ту локтемъ въ бокъ такъ, что «бѣдный ангелъ» вообразила у себя чахотку и начала декламировать:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной

Она томила... увядала...

Увяла наконецъ...

Потомъ ей стало ужасно жалко самую себя, и она разрыдалась, воображая себя, такую «чистую и прекрасную», лежащую въ бѣломъ глазетовомъ гробу и осыпанной чайными розами. Розы должны были умирать, благоухая на ея трупѣ.

«Бѣдному ангелу» Лелѣ, вѣроятно, всю жизнь пришлось бы провести за высокими стѣнами института. Мало-по-малу въ ней установилось даже тревожное любопытство молодой души узнать, что творится тамъ «на волѣ», откуда иной разъ такъ радостно, такъ маняще свѣтили ей ясныя голубыя небеса, вѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, пробуждающимъ неопредѣленные желанія, смутные порывы унести къ то—далеко, далеко! Она ужъ перестала даже обращать вниманіе на Монтезуму и разъ объявила той, что у нея неприличная физіономія. Монтезума, привыкшая въ институтѣ къ общему поклоненію, обидѣлась и пожаловалась маман. Леля потомъ долго плакала и цѣлую недѣлю не говорила со своимъ врагомъ. Но всѣмъ этимъ маленькимъ огорченіямъ ея безцвѣтнаго существованія вскорѣ сама судьба положила конецъ. Разъ, когда она распекала маленькую воспитанницу за перепачканные чернилами пальцы, ее вдругъ позвали внизъ къ начальницѣ института. Маман, которую между собою называли—бонза, за ея важность или Далай-Ламой, сидѣла вмѣстѣ съ какою то дамой, очень простой и одѣтой такъ, что Леля тотчасъ же отнесла ее къ разряду «мовешекъ».

— Ma petite, коснулась начальница Лелина лба губами и оставила на немъ слѣдъ отъ розовой помады. Ma petite, ваша родственница въ Ниццѣ вспомнила о васъ наконецъ... Вотъ ея знакомая.. Madame... Madame?... вопросительно обернулась она къ той.

— Сывороткина!

На лицѣ у Далай-Ламы явилось негодующее выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно носить такую фамилію, а разъ уже судьба постигла

подобнымъ несчастіемъ, какъ же лезть съ нею въ гостиную, откуда только что вышла m-me la princesse Оболдуй-Тараканова?

Сывороткина, очевидно, тоже почувствовала это и приняла умоляющій видъ, точно извиняясь.

— Онѣ пріѣхали за вами. Вы, разумѣется, если хотите, можете остаться у меня, но въ виду того, что ваша тетушка въ Ниццѣ единственная родня вамъ... Я бы совѣтовала вамъ подумать.

— И потомъ климатъ! вдругъ вырвалось у Сывороткиной.

— Что? осторожно подняла вверхъ подклеенныя брови—бонза, какъ бы давая тѣмъ знать, что она ни за что болѣе не отвѣчаетъ.

— Я говорю климатъ. Ахъ, какой климатъ. И общество... Деликатное! оправила та. Каждый день музыка... Заграничная!... И море. А вдоль моря по променаду англичанки въ ландахъ катаются!

«Ландахъ» окончательно убило Сывороткину во мнѣніи начальницы. Матап уже поговорила съ нею.

— Такъ вы, милое дитя, подумайте, а завтра... эта дама... зайдетъ узнать ваше рѣшеніе.

Милое дитя, которому былъ уже двадцать одинъ годъ, встало.

— Я ничего не знаю о томъ. Она мнѣ ни слова не писала.

— Ахъ, какая я дурища! вдругъ вырвалось у Сывороткиной. Вѣдь у меня къ вамъ письмецо.

Уже выходявшая изъ гостинной матап, при словѣ «дурища», вдругъ быстро обернувшись, обвела презрительно эту даму такимъ взглядомъ, что та, я думаю, сама готова была бы спрятаться въ ридикюль, гдѣ она теперь рылась. Взявъ письмо, Леля величественно простилась съ Сывороткиной, сказавъ ей «я подумаю!» потомъ догнала въ другой комнатѣ Далай-Ламу и съ виноватымъ видомъ обратилась къ ней.

— Я должна просить у васъ прощенія!

— Въ чемъ, дитя мое?

— Я была невольною причиною непріятности... Эта дурно воспитанная дама... Я, право... Если бы только знала...

— Мнѣ отраднo, что у меня въ институтѣ такъ чувствуютъ разницу съ этими... Я васъ понимаю, та ссеге, вы должны негодовать, но я думаю, ваша тетушка не такъ виновата, какъ намъ кажется. Разумѣется, она могла бы послать кого-нибудь получше... Но, не будемъ послѣдны въ заключеніяхъ.

И, оставивъ на Лелиномъ лбу еще слѣдъ отъ губной помады, бонза торжественно удалилась къ себѣ.

Поднявшись наверхъ, Лелечка встрѣтила Монтезуму, съ которой уже примирилась и даже въ ознаменованіе этого обмѣнялась своею брошью (серебряный голубокъ съ бирюзовой незабудкой въ клювъ), на ея перочинный ножикъ.

— Меня везутъ въ Ниццу! гордо объявила ей Леля.

— Куда?

— Въ Ниццу... Ниццу—городъ на Средиземномъ морѣ, городъ французской республики, родину Гарибальди, знаменитый купаньями, на которые съѣзжаются со всѣхъ концовъ міра.

Едва ли не въ первый разъ ей понадобилась географія.

— Зачѣмъ же... въ Ниццу?

— Тамъ у меня тетя... Тамъ зимою цвѣтутъ розы... И англичанки катаются въ ландо.

— Пстой! Я ничего не понимаю. Зачѣмъ тебѣ купанья и ландо? Вѣдь онѣ не твои?

— Монтезума, ты глупа! Моя тетя—grande-dame... Я тамъ могу занять положеніе. И, разумѣется, я не забуду васъ всѣхъ... здѣшнихъ!... Я вамъ непременно пришлю фотографіи Ниццы. Ахъ, море! Какъ это хорошо у Пушкина:

О море, море! Кто тебя

Усыялъ бѣлыми костями?

— Ты путаешь, Леля!

— Ну, ужъ пожалуйста. у меня изъ русской словесности всегда было двѣнадцать съ плюсомъ.

Впрочемъ ее ожидало нѣкоторое разочарованіе.

Когда она вскрыла письмо тети, то точно съ облаковъ упала.

Та писала ей, что, задумавъ взять къ дѣтямъ русскую гувернантку, она вспомнила о своей племянницѣ и рѣшила прежде всего ей предложить это мѣсто. «Все лучше родная, чѣмъ посторонняя», а такъ какъ о Лелѣ она слышала, какъ о дѣвушкѣ скромной и разсудительной, то и совѣтуетъ ей, не колеблясь, выѣхать съ Сывороткиной въ Ниццу. «Сывороткина», хотя дама и не нашего круга, но она давно живетъ тамъ для здоровья и на нее Леля можетъ вполне положиться». Тетя поручала ей привезти племянницу, которую впередъ просить помнить, что она въ домѣ будетъ прежде всего гувернанткой, и уже послѣ родственницей, что для нея въ свое время было сдѣлано все, и теперь ей, Лелѣ, предстоитъ долгъ отблагодарить за расходы на нее и заботы о ней.

Леля даже расплакалась...

Она всю ночь не спала, думая, что ей дѣлать? И вдругъ, было уже замиравшая жажда жизни, нахлынула на нее какою то теплою одурявшею волною. Она, эта волна, подхватила дѣвушку и, тихо укачивая, понесла въ какую то яркую-яркую даль, гдѣ все розовѣло, все сіяло мягкимъ, разнѣживающимъ свѣтомъ, все казалось такъ прекрасно... Сердце ея и жутко, и радостно билось, она, широко открывъ глаза, смотрѣла на бѣлую стѣну своей комнаты и ей рисовались на этой стѣнѣ чудные миражи, смутные, непонятные, но манящіе куда-то далеко-далеко отсюда... Ей теперь

показалось страшнымъ оставаться здѣсь въ этомъ институтѣ. И странно! Еще наканунѣ она улыбалась, вспоминая письмо своей подруги: «неужели ты заживо похоронила себя въ этомъ склепѣ»,—а теперь ей дѣйствительно показалось, что она заживо схоронена, что долго-долго надъ крышкою ея гроба неслась жизнь, а она не могла даже крикнуть: спасите! Неужели теперь, когда крышку этого гроба приподымали подъ ней—останется лежать добровольно со скрещенными на груди руками, съ опущенными въ-ками недвижнаго глаза, безъ желаній въ сердцѣ, безъ мысли въ пробуждающемся умѣ? О нѣтъ, скорѣе, скорѣе!... Она встала съ постели и босикомъ прошлась по полу. Холодъ его невольно успокоилъ расхोлившіеся нервы. Она прижалась горячѣй головою къ замазанному стеклу окна, и вдругъ ей страстно, неудержимо страстно захотѣлось поскорѣй-поскорѣй отсюда, вонъ изъ этихъ стѣнъ на встрѣчу всему счастью, всей радости, которыми ее дразнила жизнь... Она почувствовала, что осталась здѣсь еще день-два, и пожалуй она задохнется.

Утромъ, блѣдная и измученная бессонною ночью, она объявила Далай-Ламѣ, что рѣшилась ѣхать.

— Да хранить васъ Богъ, торжественно проговорила Далай-Лама. Помните, чему васъ учили здѣсь! Институтъ выпускаетъ васъ во всеоружіи добродѣтели и... и... и хорошихъ манеръ! Умѣйте сохранить первую и не испортить вторую—а мы здѣсь будемъ за васъ молиться!

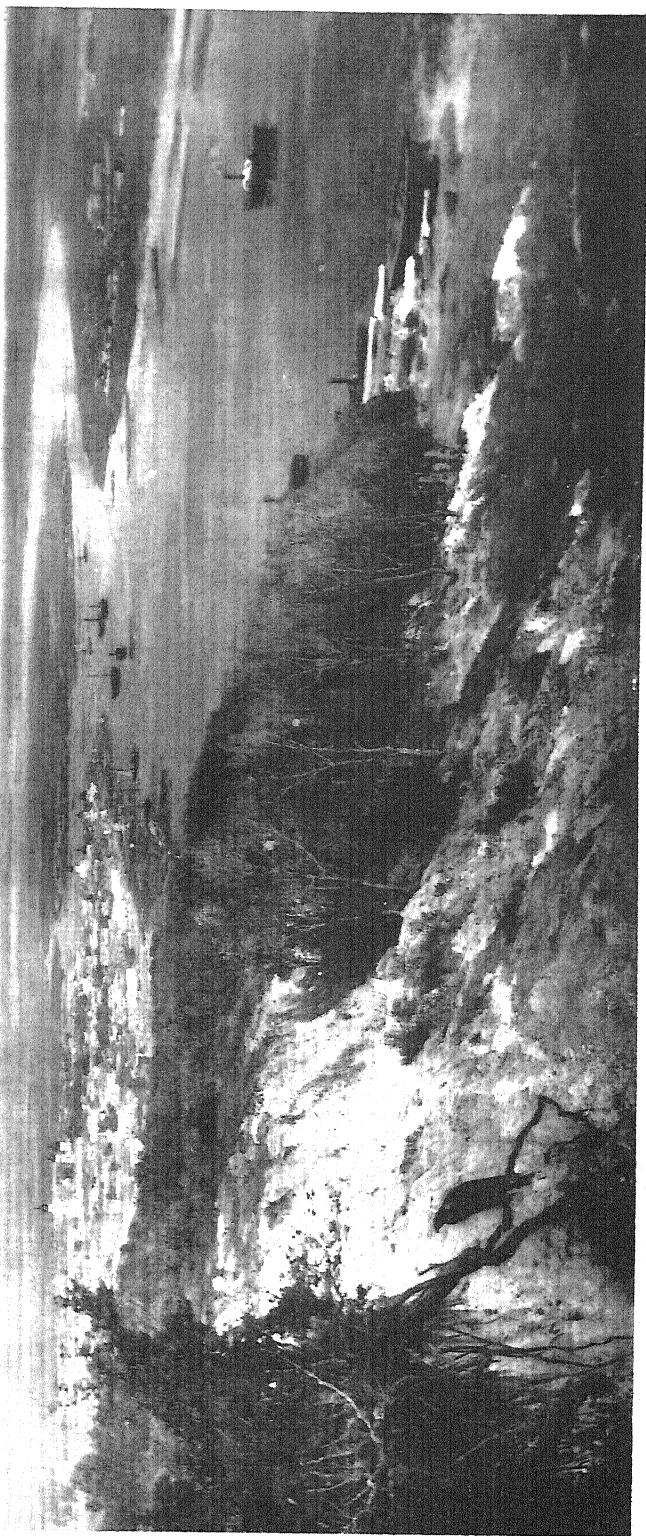
Леля расплакалась.

Плакалъ, впрочемъ, весь институтъ въ этотъ достопамятный день ея жизни. Монтезума подарила ей величайшую свою драгоценность—портретъ Фигнера съ подписью «Душка!»; даже маленькая воспитанница, вѣчно запачканная чернилами и увѣрявшая, что это «тѣнь», убѣждала куда-то, и когда Леля уже садилась въ карету, вдругъ появилась передъ ея дверцами, вся въ слезахъ, швырнула ей на колѣни украденнаго у швейцара котенка и только проговорила, горько всхлипывая:

— Ольга Владиміровна! Онъ очень любитъ сливки, а чаю совсѣмъ. совсѣмъ не пьетъ!...

Вас. Немировичъ-Данченко.

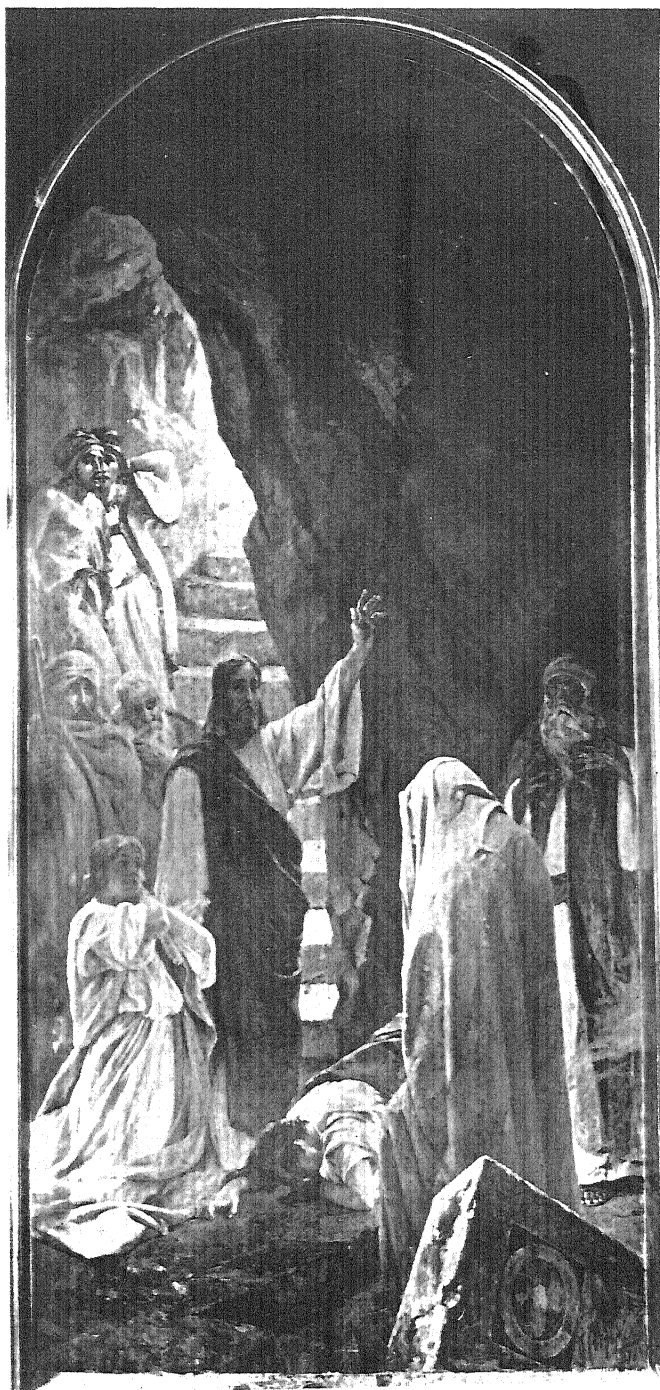

Сфотографовано С. В. Кузьменко, Киев.

„ДНІПРЪ“

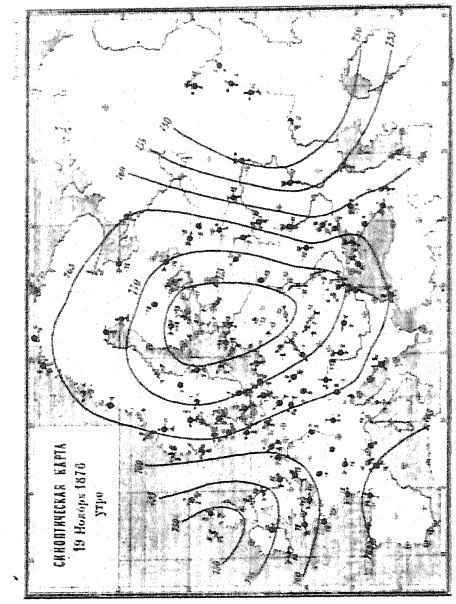
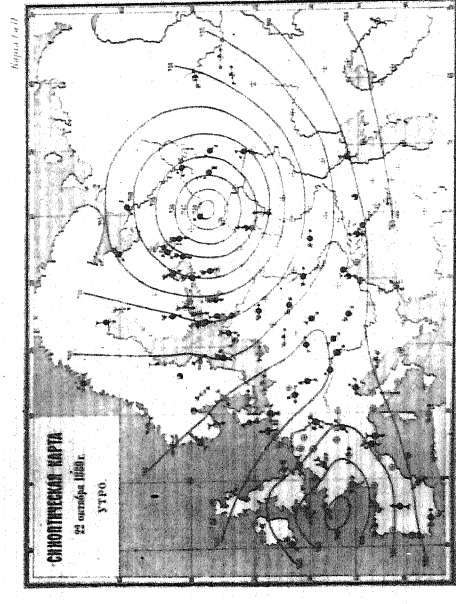
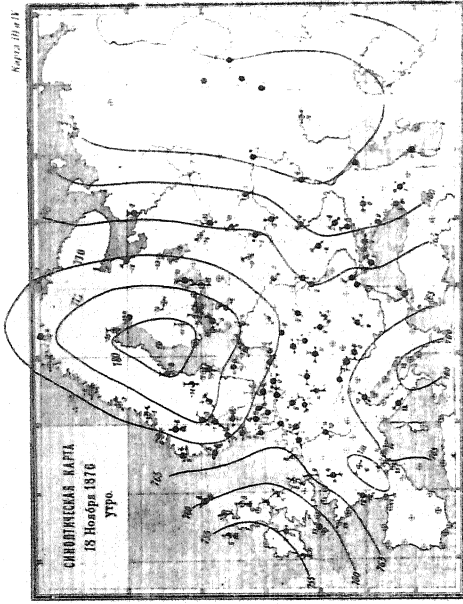
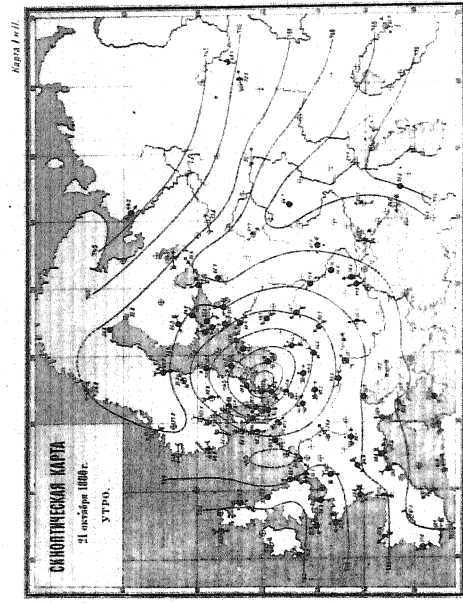
Снимокъ фотографією С. В. Кузьменко съ картиці пр. Орловскаго.

Соплоуха С. В. Кульженко. Кіев.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ.

Копія съ картины г. Свѣдомскаго.

Составитель С. В. Кудаченко, Киев.

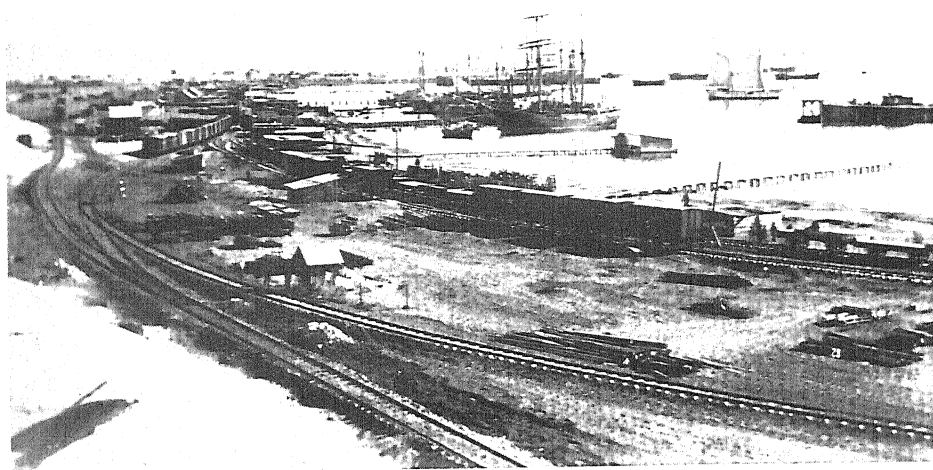
Метеорологическія Карты.

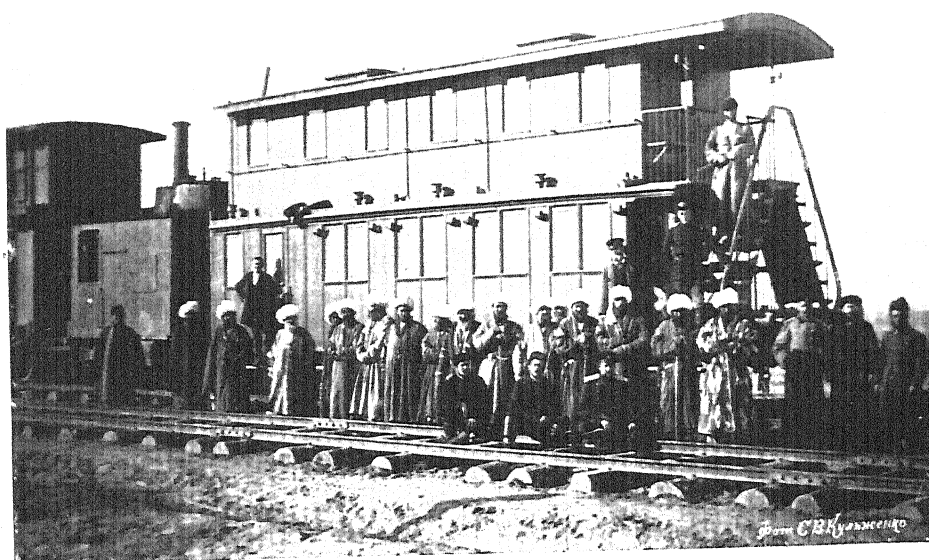
Самонечать С. В. Гудзько. Київ.

МОЛЕНІЕ ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ САДУ.

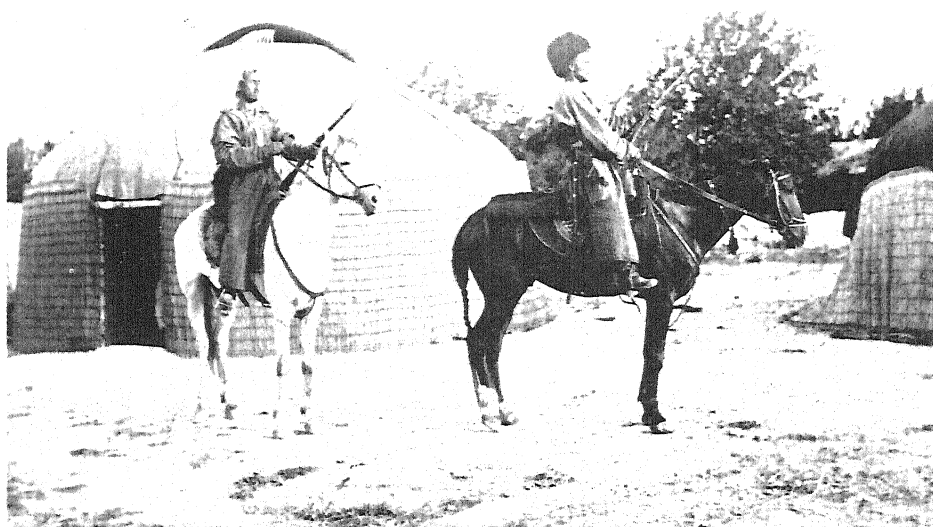
Копія съ картины Г. Сефедомскаго.

Портъ и станція Узунъ-Ада.

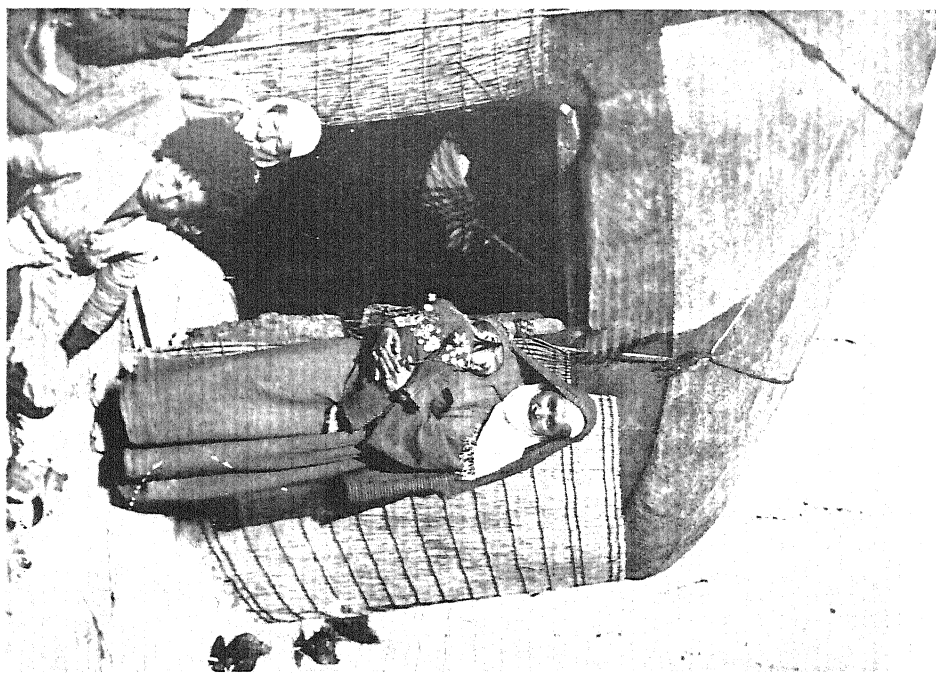

Вагонъ ген. Аненкова.

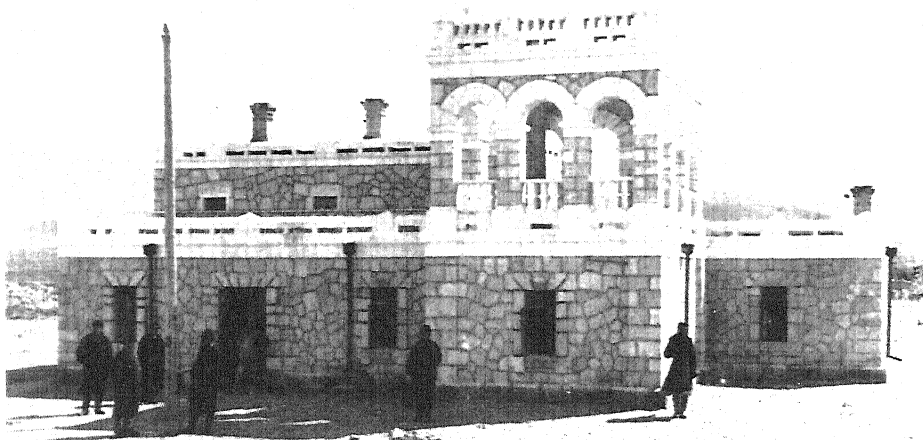
Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Текинські типи.

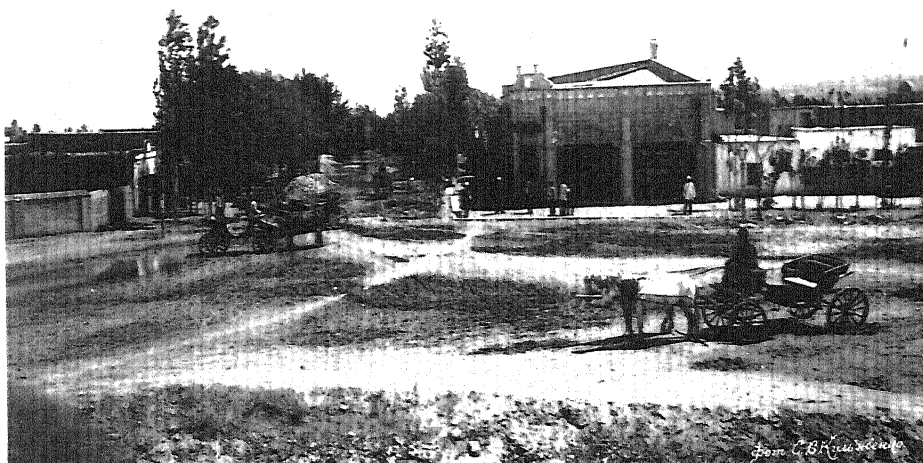
Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Київка.

Селтопечать С. В. Кульженко. Кіев.

Казарма ремонт. артели на ст. Коджъ.

Селтопечать С. В. Кульженко. Кіев.

Базарная ул. въ Асхабадъ.

Сфотографировано С. В. Кульженко, Киев.

Развалины древняго Мерва.

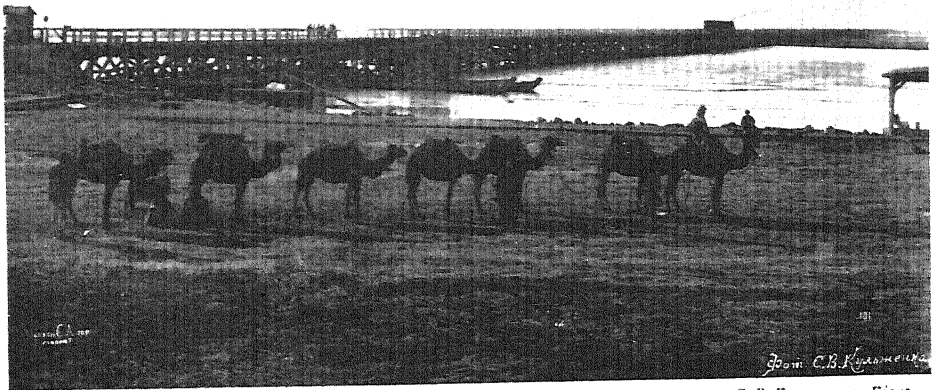
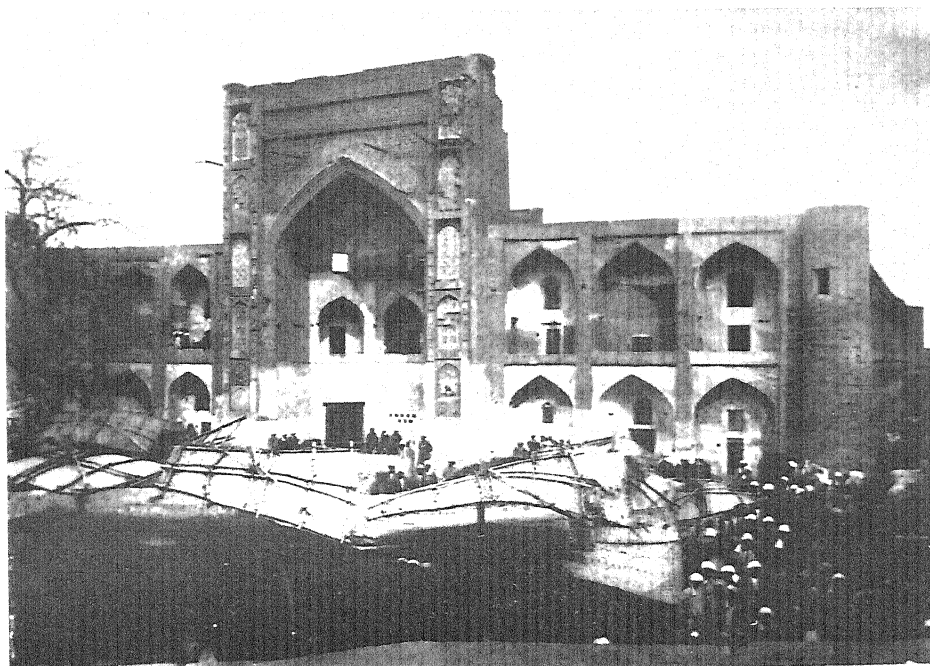

Фото С. В. Кульженко.

Сфотографировано С. В. Кульженко, Киев.

Мостъ черезъ Аму-Дарью.

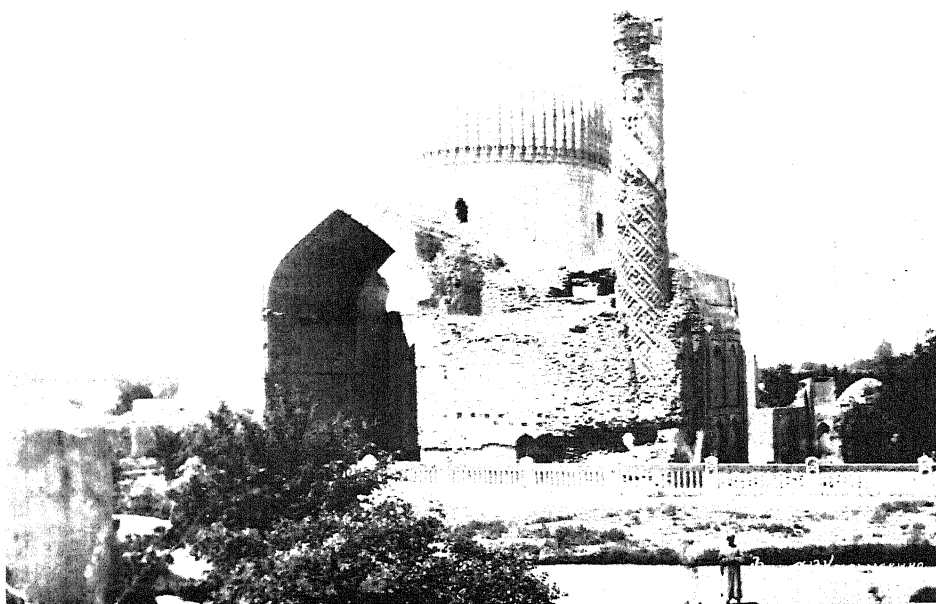
Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Медресе въ Бухарѣ.

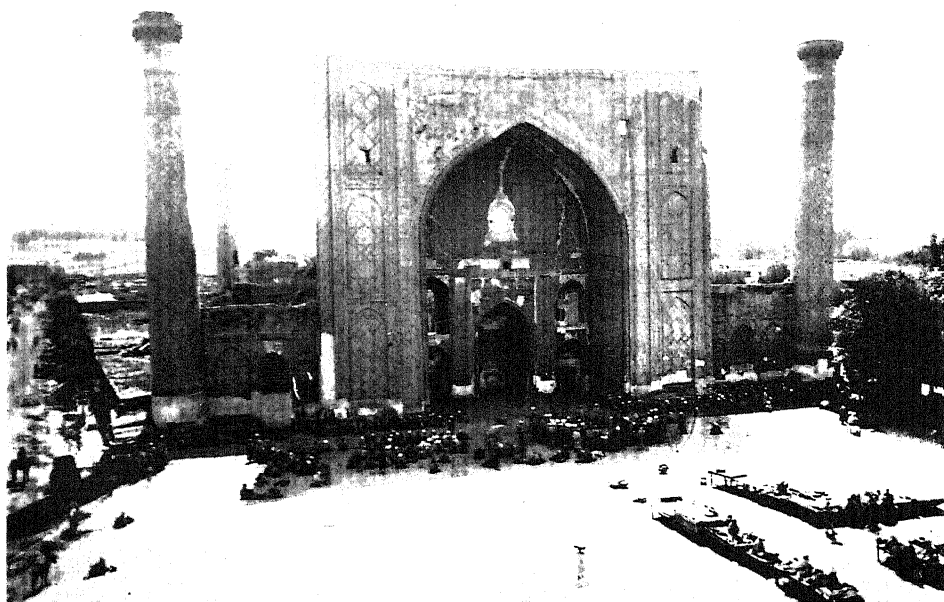
Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Улица въ Бухарѣ.

Святотечать С. В. Кульженко. Киев.

Гробница Тамерлана.

Святотечать С. В. Кульженко. Киев.

Регистанъ и Медресе въ Самаркандѣ.

Септопечать С. В. Кульженко. Киев.

„КО ОНУ“

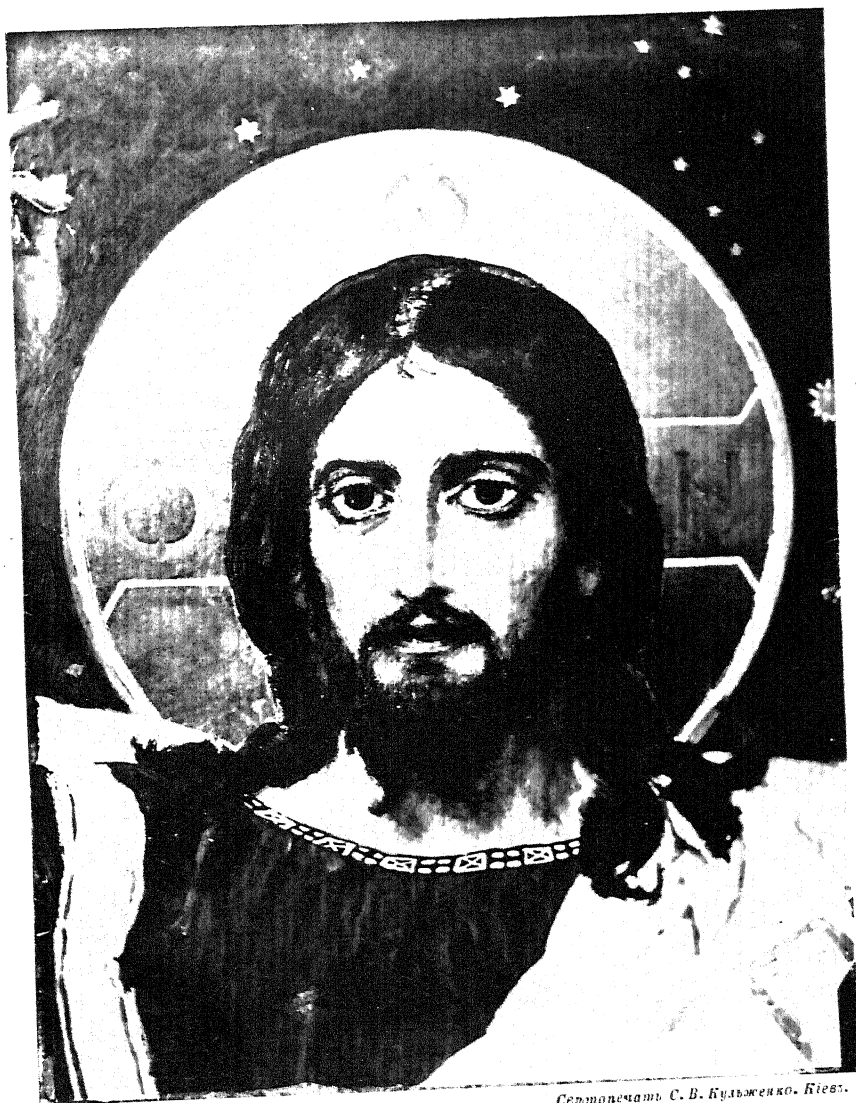
Снимокъ фотографією С. В. Кульженко съ картины Г. Платонова.

Сценописецъ С. В. Куляженко. Киев.

„ОВАТАНЬЕ“

Снимокъ фотографією С. В. Куляженко съ картины Г. Николенко.

Септопечать С. В. Кульженко. Киев.

„СПАСИТЕЛЬ“

Копія картины г. Васнецова.

Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

„СВАДЬБА ВЪ МАЛОРОССІИ“

Снимокъ фотографією С. В. Кульженко съ картины г. Бодаровскаго.